Прошедшее Философіи

ОПЫТЪ

СОЦІОЛОГИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОБЩИХЪ ЗАКОНОВЪ РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Е. де Роберти

Общедоступное изданіе въ одномъ томѣ

Москва
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, д. Архипова.
1887

реф.

№ 38"

Пров. 1959

Пр.

4 шк
Р.

8343

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Основная мысль, руководившая мною въ этой книгѣ, можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ.

Изучаемая какъ фактъ конкретнаго порядка, философія принадлежитъ, по всей вѣроятности, въ равной мѣрѣ біологіи (психологіи) и соціологіи. Но пока соціологическая сторона этого факта будетъ представлять собою величину неизвѣстную, эволюція философіи останется задачею неразрѣшимою.

Доказать этотъ тезисъ и отыскать эту неизвѣстную были двумя ближайшими цѣлями, которыя я стремился достигнуть въ предлагаемомъ трудѣ. Иныя изъ моихъ положеній покажутся, можетъ статься, черезъ-чуръ элементарными, но именно имъ я и придаю наибольшее значеніе: такія положенія и должны прежде всего быть поставлены внѣ всякаго спора и сомнѣній.

Вслѣдствіе особаго соглашенія съ типографіей, я имѣлъ возможность, почти черезъ полтора года послѣ выхода въ свѣтъ сравнительно дорогого изданія въ двухъ то-

томахъ, выпустить настоящее *дешевое* изданіе въ одномъ томѣ, предназначенное преимущественно для нашей учащейся молодежи. Оно отличается отъ двухъ-томнаго исключительно только качествомъ бумаги, иною нумераціей страницъ текста и примѣчаній, незначительными измѣненіями въ оглавленіи, прибавленіемъ алфавитнаго указателя именъ и этимъ вновь написаннымъ предисловіемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

Стр.

ГЛАВА I. — Соціологическая точка зрѣнія. Матеріализмъ — 1 Исторія философіи. — 2. Цѣль и характеръ настоящаго труда. — 3. Философія въ нашу эпоху и роль соціологіи.— 4. Матеріализмъ въ наше время. 1

ГЛАВА II. Идеализмъ.—1. Сущность идеализма —2. Три оттѣнка древняго идеализма (Сократъ, Платонъ, Аристотель) — 3 Схоластика. Арабская философія. — 4. Невѣрная оцѣнка схоластики —5. Параллелизмъ въ историческихъ судьбахъ матеріализма и идеализма —6. Расцвѣтъ идеализма въ XVII вѣкѣ.— 7. Декартъ и Спиноза.—8. Монизмъ, плюрализмъ и дуализмъ. 9. Лейбницъ. Беркелей. —10. Кантъ и новая философія — 11. Гипотеза въ старой философіи —12. Три типа метафизическихъ гипотезъ.—13. Метафизическій идеализмъ Канта — 14. Идеализмъ послѣ Канта. Гегель. — 15 Шопенгауеръ и значеніе идеалистическаго пессимизма 21

ГЛАВА III. Матеріализмъ, Идеализмъ, Сенсуализмъ.—1. Общій взглядъ на значеніе матеріализма и идеализма.—2. Основы классификаціи философскихъ системъ прошедшаго —3. Связь этой классификаціи съ классификаціей знанія.—4. Третій членъ

Стр.

философской классификации—сенсуализмъ —5. Значеніе этого термина и точное опредѣленіе сенсуалистической философіи 6. Ошибка ученыхъ и заблужденіе философовъ. — 7. Два направленія въ сенсуализмѣ Преобладаніе психологическихъ задачъ. Разграниченіе съ идеализмомъ. — 8. Неоднородность философскихъ доктринъ.—9. Сенсуализмъ и физіологія мозга. Метафизика и соціологія —10 Характеръ вліянія различныхъ направленій метафизики на различные отдѣлы положительнаго знанія — 11. Вліяніе сенсуализма на развитіе описательной психологіи и на первые шаги въ области соціологіи —12. Ошибочность обычнаго взгляда на отношенія между матеріализмомъ, идеализмомъ и сенсуализмомъ — 13. Запоздалый характеръ развитія сенсуализма и причина этого явленія —14. Развитіе сенсуализма и развитіе біологіи. — 15. Научныя стремленія матеріализма и сенсуализма. Точка зрѣнія идеала . . . 73

ГЛАВА IV. — Сенсуализмъ *Первая фази развитія.*—1 Общій характеръ древняго сенсуализма.—2. Софисты. Протагоръ.— 3. Сенсуалистическія стремленія въ раннемъ матеріализмѣ и идеализмѣ —4 Аристотель и объективный методъ —5 Связь сенсуализма съ этимъ методомъ и съ особымъ значеніемъ, пріобрѣтеннымъ въ метафизикѣ теоріей познанія —6. Философское сомнѣніе и логическое родство его съ сенсуализмомъ.—7. Древніе скептики Сенсуалистическая окраска ихъ основныхъ точекъ зрѣнія. — 8. Сенсуалистическій матеріализмъ школы Эпикура — 9 Стоики и ихъ философія здраваго смысла. — 10. Позднѣйшіе академики. Акаталепсія или агностицизмъ древняго міра. — 11. Сенсуализмъ въ средніе вѣка —12. Философія Бэкона —13 Cogitata et Visa. Novum Organon — 14. Къ какому типу философіи прошедшаго принадлежитъ міропониманіе Бэкона? . . 105

ГЛАВА V. Сенсуализмъ. *Эпоха расцвѣта Локкъ и Юмъ.* — Сенсуалистическій субъективизмъ Локка Борьба съ матеріализмомъ и идеализмомъ —2. Теорія двоякаго происхожденія идей и вопросъ объ основномъ психическомъ свойствѣ — 3 Юмъ и его вліяніе на Канта.—4. Психологія и теорія познанія.—5. Антропологія Юма и антропологія идеалистовъ

Стр.

Декарта и Канта.—6. Соціологическіе взгляды Юма.—7. Теорія причинности —8. Сенсуалистическая двусторонность скептицизма Юма —9. Теорія непознаваемаго или агностицизмъ.—10. Общій метафизическій характеръ философіи Юма.—11. Значеніе Юма для современной философіи 137

ГЛАВА VI. Сенсуализмъ. *Позднѣйшая эволюція.*—1. Логическая независимость сенсуализма отъ другихъ системъ.—2 Вліяніе на англійскій матеріализмъ —3 Скептическій или критическій идеализмъ —4. Школа нравственной философіи.—5 Шотландская школа «здраваго смысла».—6. Сенсуализмъ и матеріализмъ во Франціи XVIII-го вѣка —7 Кондильякъ.—8. Дестютъ де Траси.—9 Кабанисъ.—10. Научныя попытки въ области психологіи и соціологіи. — 11 Френологическая гипотеза Галля Другія заслуги его.—12 Тюрго и Кондорсэ.—13 Сенсуализмъ въ остальной Европѣ и преимущественно въ Италіи —14 Развитіе матеріализма и сенсуализма въ связи съ успѣхами обществовѣдѣнія — 15 Роль сенсуализма въ наши дни 169

ГЛАВА VII.—Разновидности трехъ типовъ философіи прошедшаго и смѣшанныя системы. Первые проблески философіи знанія.—1 Отвлеченный характеръ нашихъ типовъ. — 2. Общее свойство научныхъ классификацій метафизическихъ системъ.—3. Недостатки господствующей номенклатуры.—4. Примѣры. Эмпиризмъ и априоризмъ. Догматизмъ и скептицизмъ. Монизмъ и плюрализмъ (дуализмъ).—5. Смѣшанныя системы. Философскіе компромиссы нашей эпохи.—6. Упадокъ метафизики и возникновеніе научной философіи. Методологическій прогрессъ. Особыя заслуги въ этомъ отношеніи Декарта и Гоббса.—7. Историческій позитивизмъ 196

ГЛАВА VIII.—Къ общей характеристикѣ философіи прошедшаго.—1 Отрицательныя стороны метафизики.—2. Односторонность точекъ исхода.—3. Медленный ходъ развитія.—4. Явленія «повторности».—5. Заблужденія въ области метода.—6. Смѣшеніе общаго съ частнымъ, абстрактнаго съ конкретнымъ, фиктивнаго съ реальнымъ Ложная постановка вопросовъ Чистое мышленіе. — 7 Объясненіе неизвѣстныхъ явленій

Стр

Иллюзіи обыденнаго мышленія.—8 Реальная аналогія. Антропоморфизмъ. Обратное заблужденіе естествоиспытателей.— 9. Дедуктивный и апріорный методы Сходство ихъ и различіе —10. Методъ и теорія познаванія. Основное единство метода во всѣхъ направленіяхъ метафизики —11 Свѣтлыя стороны въ прошедшемъ философіи. Вліяніе положительнаго знанія. Историческая необходимость метафизики — 12. Активъ и пассивъ метафизики. — 13. Соціологическая роль метафизическихъ системъ, какъ критерій ихъ историко-философскаго значенія. — 14 Эмпирическіе законы развитія метафизическихъ ученій и общій или теоретическій законъ эволюціи философской мысли. Философія, какъ сложная функція суммы знаній и другихъ условій данной цивилизаціи. Коренное различіе между метафизикою и научною философіею. — 15. Современный философскій кризисъ. Два господствующихъ мнѣнія. Философія, какъ общее дополненіе частнаго знанія, и философія, какъ спеціальная наука объ общихъ концептахъ человѣческаго ума. Философія, какъ міропониманіе. 216

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЫВОДЫ.

ГЛАВА I. — Соціологическое объясненіе общаго хода развитія философіи до нашей эпохи Законъ трехъ типовъ метафизики и общій (динамическій) законъ развитія философіи. — 1. Гипотетическіе элементы моей теоріи.— 2 Параллельное изученіе ряда наукъ и ряда типичныхъ формъ философіи —3. Историческія границы принятаго дѣленія. — 4. Фиктивная независимость метафизики отъ спеціальныхъ наукъ —5. Соціологическое объясненіе развитія философіи. Законъ трехъ типовъ метафизики и его различныя формулы — 6. Индуктивное распространеніе закона трехъ типовъ. Законъ соотношенія между наукою и философіею —7 Незнаніе и гипотеза Монизмъ науки и

Стр.

монизмъ метафизики.—8. Практическое значеніе нашихъ формулъ. 245

ГЛАВА II —Законъ соотношенія между науками и философіей и законъ трехъ состояній—1 Различныя толкованія закона Конта, въ зависимости отъ трехъ возможныхъ гипотезъ по вопросу о причинной связи между состояніемъ философскихъ и состояніемъ научныхъ понятій въ каждую эпоху —2 Ближайшая къ формулѣ Конта социологическая гипотеза. Неосновательность ея —3 Обратная социологическая гипотеза Причины ея превосходства —4. Психологическая гипотеза Ея недостатки.—5. Неправильная терминологія. Необходимыя поправки. Мысль научная и мысль философская.—6 Малочисленность научныхъ понятій въ первыя эпохи исторіи Отсутствіе прямой генетической связи между научнымъ міропониманіемъ и предшествовавшими ему фазами философской мысли. —7 Эмпирическій характеръ формулы Конта Теоретическое объясненіе закона трехъ состояній болѣе общимъ закономъ соотношенія между науками и философіей 261

ГЛАВА III. — Возраженія противъ закона Конта — 1. Двѣ основныя группы возраженій.—2 Сверхъестественное вмѣшательство, концептъ лежащихъ за предѣлами чувственнаго опыта сущностей и понятіе объ естественномъ законѣ — 3. Множественность сущностей и дуализмъ родовыхъ абстрактныхъ сущностей и ихъ конкретныхъ проявленій —4 Ученіе о непознаваемомъ. — 5 Два основныхъ недоразумѣнія. Ограниченность нашихъ познавательныхъ средствъ и относительность нашихъ знаній, какъ факты психологіи и какъ элементы общей, или философской гипотезы.—6. Стремленіе къ познанію первыхъ и конечныхъ причинъ явленій, какъ признакъ, дифференцирующій всякую философію отъ всякаго положительнаго знанія. Отрицаніе возможности другой философіи, кромѣ метафизической — 7. Законъ трехъ состояній, какъ послѣдовательная смѣна общихъ или философскихъ методовъ. Философская точка зрѣнія, основанная на широкомъ примѣненіи гипотезы, и философская

Стр

же точка зрѣнія, опирающаяся на научно-провѣренные факты и отношенія 279

ГЛАВА IV. Законъ трехъ состояній и гипотетическій методъ въ философіи и наукѣ.—1 Взглядъ Конта на роль философской гипотезы въ наукѣ. — 2. Произвольный характеръ объясненія Конта.—3. Двѣ параллельныя послѣдовательности. Законъ, управляющій научною эволюціей и эмпирическій законъ, управляющій эволюціей философскою.—4 Философскія гипотезы —5 Научныя гипотезы — 6. Эволюція научной мысли, какъ соціологическое условіе эволюціи мысли философской. Совмѣстное существованіе теологіи, метафизическихъ системъ и положительныхъ наукъ. Потребность знанія и потребность міропониманія.— 7. Процессъ дифференцированія главныхъ разрядовъ нашихъ понятій. Методологическія послѣдствія антагонизма между наукою и философіею.—8 «Научное» и «ненаучное» въ области науки и въ области философіи. Синтетическое единство метода въ обѣихъ сферахъ Единство метода аналитическое 295

ГЛАВА V.—Психологическое объясненіе общаго хода развитія философіи — 1 Сущность психологическаго способа объясненія —2 Роль «теоріи познанія» въ метафизическихъ системахъ. Первая фаза развитія психологіи.—3. Превращеніе элементарной психологической задачи въ краеугольный камень систематическаго пониманія природы Наивный реализмъ древнихъ. Реализмъ, идеализмъ и реальный идеализмъ.—4. Новѣйшія попытки объясненія общаго хода развитія философіи, начиная съ Гегеля и кончая Льюисомъ и Спенсеромъ. Эволюціонная схема Вайнингера.—5. «Что существуетъ дѣйствительно?» Классификація воззрѣній различныхъ школъ на реальное бытіе и эволюція соотвѣтствующихъ міроразумѣній.—6. Исходная точка эволюціи главный или «данный» рядъ воззрѣній на реальное и сумма наличнаго опыта человѣчества. Вторая фаза—производный рядъ реальныхъ элементовъ субстраты, силы и субстанціи. Третья фаза чистое мышленіе и метафизика общихъ ком-

Стр

центовъ. Четвертая фаза· ens realissimum, абсолютное бытіе и философія тожества. Пятая фаза. абсолютный нуль мистическаго и философскаго нигилизма. Два выхода пессимистическій квіэтизмъ и возвращеніе къ ряду опытныхъ данныхъ — позитивизмъ.—7. Возраженія противъ психологическаго объясненія исторіи философіи. Различные взгляды на психологію и логическія послѣдствія ихъ. Метафизическій характеръ психологическаго объясненія Отвлеченіе отъ одной субстанціи и отрицаніе всѣхъ остальныхъ. Психологическое объясненіе, какъ сенсуалистическая теорія . . 308

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И ГЕНЕЗИСЪ ФИЛОСОФІИ НАУКЪ.

ГЛАВА I — Философія прошедшаго и супранатурализмъ.— 1. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и вѣроятной будущности трехъ умственныхъ итоговъ соціальной эволюціи супранатурализма, метафизики и науки.—2. Постановка вопроса о супранатурализмѣ.—3. Супранатурализмъ, какъ философія давнопрошедшаго и какъ міропониманіе громаднаго большинства. Борьба народныхъ массъ съ высшими классами.—4 Единство міропониманія въ первобытныя времена и дуализмъ, смѣнившій это единство съ первыми проблесками цивилизаціи —5. Взгляды Вольтера и Канта, Юма и Гоббса.—6. Современные взгляды. — 7. Умственныя побѣды народныхъ массъ. Значеніе такихъ нивеллирующихъ реакцій.—8 Союзъ супранатурализма съ метафизикою Схоластика, какъ общій, не чуждый и нашей эпохѣ фактъ исторіи мысли. Смѣшеніе субъективной необходимости съ объективною и его послѣдствія — 9. Конкретная психологія. Теологическая и метафизическая иллюзіи, какъ факты общественной эмбріологіи. Мнѣніе Ренана.—10 Историческій нигилизмъ XVIII-го вѣка и идеалистическая реакція XIX-го. Супранатурализмъ, какъ могуществен-

Стр.

ное орудіе соціальной дисциплины. Условія, при которыхъ это міропониманіе является, напротивъ того, разлагающимъ началомъ.—11. Дѣйствительныя и мнимыя, воображаемыя общественныя заслуги супранатурализма.—12. Условія, отъ которыхъ зависятъ высокія цивилизующія свойства супранатурализма. — 13. Законъ трехъ типовъ метафизики распространяется и на проявленія супранатурализма —14. Анимизмъ и его спеціализація — антропоморфизмъ.—15. Новое объясненіе общаго значенія, въ развитіи философской мысли, трехъ главныхъ направленій метафизики. 341

ГЛАВА II. — Философія прошедшаго и супранатурализмъ. *(Окончаніе).*—1. Будущность супранатурализма.—2 Два теченія мнѣній. Связь одного изъ нихъ съ сенсуалистическою теоріей познаванія. — 3. Двѣ коренныя ошибки въ постановкѣ вопроса.—4 Соціологическіе элементы задачи — 5. Перенесеніе вопроса на несвойственную ему почву и послѣдствія такого заблужденія. — 6. Мнимое упрощеніе задачи —7. Значеніе общаго научнаго закона. Законъ соотношенія и приложеніе его къ вопросу о будущности супранатурализма.—8. Постепенное ограниченіе сферы общественнаго дѣйствія супранатуралистическихъ доктринъ и постепенный упадокъ ихъ значенія. — 9. Другія стороны задачи.—10. Перестановка элементовъ вопроса. Патологическія и нормальныя явленія въ жизни человѣческихъ обществъ. — 11 Общественныя условія появленія и существованія супранатуралистическихъ ученій. —12. Замѣчательный паралогизмъ. — 13. Непровѣряемыя иллюзіи — 14. Источники супранатуралистическихъ гипотезъ — 15. Вліяніе наслѣдственности, подбора, ассоціаціи представленій и т. п. основныхъ условій эволюціи общественныхъ организмовъ. Иллюзія скептиковъ и свободныхъ мыслителей. — 16. Приспособленіе личности къ соціальной средѣ и послѣдней къ средѣ физической, какъ двоякій источникъ нравственныхъ началъ. Смѣшеніе области сверхъестественнаго съ областью вѣры и идеализаціи дѣйствитель-

Стр.

ности.—17. Занимающій насъ вопросъ, какъ задача психосоціальной механики —18. Вѣра науки и вѣра въ науку. Теорія супранатуралистическихъ вѣрованій и исторія ихъ.—19. Совпаденіе нашихъ выводовъ съ выводами эволюціонизма.—20. Отрицаніе сверхъестественнаго, какъ точка исхода всякой метафизики.—21. «Непознаваемое» *философіи* и «непознаваемое» супранатурализма. «Непознаваемое» науки — 22. Двойные софизмы и двойныя гипотезы — 23. Эмпирическіе и непровѣряемые элементы общей гипотезы, лежащей въ основѣ ученія о непознаваемомъ и метафизическаго отрицанія сверхъестественнаго. Историческая форма этого отрицанія 367

ГЛАВА III — Философія прошедшаго и наука.—1 Постановка вопроса о будущемъ метафизики. — 2. Вліяніе философіи на науку и науки на философію.—3. Роль научнаго фактора.—4 Необходимость спеціальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ.—5. Два параллельныхъ теченія въ исторіи метафизики. Обращеніе метафизическихъ системъ въ спеціальныя философіи болѣе или менѣе значительныхъ группъ отвлеченныхъ наукъ. Дальнѣйшая спеціализація. Постепенное замѣщеніе метафизики метапсихологіей и металогикой. — 6. Условное значеніе полноты и единства метафизическаго міропониманія.—7. Вліяніе *апріорной философіи* на развитіе спеціальныхъ наукъ. — 8. Соціологическія условія научнаго прогресса.—9. Медленное вымираніе прежнихъ типовъ философской мысли.—10. Объективныя и субъективныя условія существованія метафизики.—11. Ученіе о непознаваемомъ въ періодъ процвѣтанія и во время упадка метафизики.—12 Смѣшеніе «непознаваемаго» съ «несводимымъ».—13. Защита апріорной философіи, какъ особаго вида эстетическаго творчества.—14. Процессъ отвлеченія въ наукѣ, философіи и искусствѣ. Связь искусства съ наукою и философіей. Основное различіе между научнымъ и философскимъ творчествомъ и творчествомъ искусства. — 15 Остановка аналитическаго процесса мысли на низшихъ ступеняхъ его и обратный переходъ отъ общаго къ индиви-

Стр.

дуальному.—16. Метафизическое заблуждение и философская истина.—17. Теорія истины и заблужденія — 18. Спеціальныя науки, какъ источникъ метафизики и научной философіи . 420

ГЛАВА IV—Заключеніе Генезисъ философіи наукъ и значеніе современнаго движенія въ области философіи (научно-философскія системы нашей эпохи) — 1. Научное міропониманіе.—2 Различіе между понятіемъ о «развитіи» и понятіемъ объ «установленіи» Генезисъ отвлеченныхъ наукъ.—3 Ошибочность обычнаго взгляда на философію и ея отношеніе къ наукѣ.—4. Научно-философскія системы.—5. Аподиктическая точка зрѣнія. Позитивизмъ и его задачи. — 6 Идеальное, или абсолютное, и реальное, или условное и относительное единство явленій.—7 Историческая точка зрѣнія. Вліяніе закона метафизической односторонности (закона трехъ типовъ).—8. Завершеніе ряда отвлеченныхъ наукъ группою описательныхъ отраслей знанія и значеніе этого факта въ эволюціи философской мысли — 9. Методологическая точка зрѣнія Новѣйшій матеріализмъ.—10. Эклектическія и охранительныя стремленія. Причины, обусловливающія колебанія современной мысли—11. Философскій языкъ.—12. Условія образованія отрицательныхъ концептовъ.—13. Научно-философскія системы, какъ переходная ступень отъ метафизики къ философіи наукъ — 14. Средства и цѣли въ области философіи. Всеобщая и спеціальная причинность. 469

Примѣчанія къ части первой. III
Примѣчанія къ части второй. LXIII
Примѣчанія къ части третьей. LXXXV
Алфавитный указатель именъ CXXXI

КОНЕЦЪ.

Прошедшее философіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.—МАТЕРІАЛИЗМЪ.

1 Исторія философіи —2. Цѣль и характеръ настоящаго труда.—3 Философія въ нашу эпоху и роль соціологіи —4. Матеріализмъ въ исторіи —5. Матеріализмъ въ наше время.

1. Подобно наукѣ, искусству, техникѣ, то-есть всѣмъ видамъ и отраслямъ знанія; подобно религіи, мистицизму, суевѣрію, то-есть всѣмъ формамъ и ступенямъ незнанія,—и философія, разсматриваемая съ исторической точки зрѣнія, составляетъ продуктъ общественной культуры и входитъ въ обширный кругъ явленій, изучаемыхъ частной наукою—соціологіей

Познать научнымъ образомъ прошедшее философіи значитъ познать его такъ, какъ мы познаемъ любой другой фактъ общественнаго развитія: народный обычай, законодательное постановленіе, экономическое отношеніе, литературное, политическое, художественное или промышленное явленіе. По-

добное знаніе ограничивается опредѣленіемъ предыдущихъ и послѣдующихъ элементовъ факта или тѣхъ условій его проявленія, которыя обыкновенно противополагаются другъ другу, какъ группа причинъ и группа слѣдствій. Этимъ аналитическимъ путемъ открываются и устанавливаются постоянныя и необходимыя отношенія между явленіями совершившимися, или ставшими уже историческими.

Методологическія затрудненія, о которыхъ извѣстное сочиненіе Спенсера „Изученіе соціологіи“ даетъ лишь слабое понятіе, возникаютъ на каждомъ шагу передъ историкомъ философіи.

Затрудненія эти двоякаго рода. Одни изъ нихъ проистекаютъ изъ самаго предмета, не поддающагося наиболѣе вѣрнымъ и простымъ способамъ изслѣдованія, непосредственному воспріятію, обыкновенному наблюденію и экспериментаціи, а требующаго примѣненія сложныхъ и всегда менѣе плодотворныхъ пріемовъ научнаго описанія.

Другія — и препятствія эти особенно многочисленны и трудно устранимы—берутъ начало въ отношеніяхъ изслѣдователя къ изслѣдуемымъ вопросамъ: для успѣшной борьбы съ ними необходима крайняя внимательность, долгія усилія надъ собою и такая умственная дисциплина, которая позволяла бы мысли временно отрѣшаться отъ собственныхъ результатовъ, не впадая въ тяжкій грѣхъ нравственнаго индифферентизма.

Исторіей философіи стали серьезно заниматься только въ текущемъ столѣтіи, составляющемъ, вообще, эпоху пробужденія такъ называемаго „историческаго чувства“. Но занятія эти, къ сожалѣнію, большею частью оставались и остаются безплодными. Не говоря уже о зависящихъ отъ указанныхъ выше

причинъ недостаткахъ современныхъ историческихъ изслѣдованій, изученіе прошедшихъ судебъ философіи стало на ложную дорогу еще и потому, что попало въ руки не историковъ или соціологовъ, а самихъ философовъ, основателей школъ или усердныхъ ревнителей чужихъ системъ Философы не могли избѣжать крупной ошибки, заключавшейся въ томъ что о мнѣніяхъ своихъ предшественниковъ они судили съ точки зрѣнія собственныхъ теоретическихъ положеній Глубокое, хотя часто безсознательное пристрастіе ихъ только скрашивалось бойкими фразами об ь относительномъ или историческомъ значеніи предшествовавшаго цикла развитія Такой ложный „историзмъ" превзошелъ своею ненаучностью попытки Бэкона, Локка. Юма и нѣкоторыхъ другихъ, руководствовавшихся, въ своей оцѣнкѣ прошедшаго философіи, общими психологическими принципами, т е. гипотезами неустановившейся и въ наше время отрасли специальнаго знанія. Особенно рѣзко этотъ основной недостатокъ выразился у Гегеля, пустившаго въ обращеніе глубоко ошибочную теорію саморазвитія философіи по опредѣленному плану, постепенное выполненіе котораго въ исторической дѣйствительности точно совпадаетъ, будто бы, съ независящимъ отъ условій времени развитіемъ философскихъ понятій въ чистой логикѣ [1]).

Несравненно болѣе научною по замыслу была попытка Ог. Конта, стремившагося подчинить развитіе философіи и всѣхъ сродныхъ ей умственныхъ проявленій одному общему социологическому закону.

---

1) C. Gerng. System der kritischen Philosophie 1875, часть I стр 9. и Kirchmann, Katechismus der Philosophie. 1881, стр. 15

По вѣскому свидѣтельству Дж. Ст. Милля, обобщеніе Конта (законъ трехъ состояній) обладаетъ высокою степенью научной очевидности и проливаетъ массу свѣта на историческіе факты [1]). Но одинъ законъ не составляетъ еще науки и не опредѣляетъ ея метода; естественно, поэтому, что позитивизмъ не могъ ни самъ сколько-нибудь удовлетворительно разработать исторію философіи, ни помѣшать другимъ школамъ по прежнему наполнять этотъ отдѣлъ знанія произвольными и чисто субъективными соображеніями.

Но представляя собою послѣдовательный рядъ фактовъ, изучаемыхъ спеціальною наукою, соціологіей, прошедшее философіи не можетъ входить въ область изслѣдованій самой философіи. Философскія изслѣдованія, правда, такъ же тѣсно связаны со всей совокупностью прошедшаго философіи, какъ біологическія, напримѣръ, съ прошлымъ біологіи; но исторія философіи не составляетъ дисциплины философской, подобно тому, какъ исторія біологіи не есть вовсе біологическая дисциплина. Зависимость настоящаго положенія той или другой отрасли знанія отъ ея прежняго состоянія есть зависимость чисто соціологическаго характера. Безъ сомнѣнія, основательное знакомство съ различными фазами развитія, чрезъ которыя прошла наука, съ измѣненіями, которымъ она подвергалась, съ заблужденіями, въ которыя она впадала, можетъ, во многихъ случаяхъ, быть чрезвычайно полезнымъ спеціальному ученому; но такое знаніе всегда останется для него только вспомогательнымъ. Это справедливо для всѣхъ наукъ; это справед-

---

[1]) A System of Logic, первое изданіе, стр. 586.

ливо и для философіи и ея исторіи, пути которыхъ не совпадаютъ на всемъ своемъ протяженіи (соціологія, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, только доставляетъ философіи нужный ей матеріалъ), и которыя, чтобы плодотворно вліять другъ на друга, необходимо требуютъ отъ изслѣдователя своевременной замѣны частной, соціологической точки зрѣнія общею, философскою, и наоборотъ. Второстепенное значеніе исторіи философіи для философской спекуляціи было вполнѣ понято однимъ изъ благороднѣйшихъ мыслителей нашей эпохи, столь преждевременно умершимъ Ланге. Перечисляя условія здоровой философской культуры, онъ справедливо замѣчаетъ, что въ раціональномъ философскомъ образованіи изученіе исторіи философіи должно занять только третье или четвертое мѣсто. Выдвигая, говоритъ онъ, такое изученіе, какъ это вошло теперь почти въ обычай, на первый, если не единственный планъ, и принимая, въ добавокъ, ту или другую систему, мы неизбѣжно превращаемъ исторію философіи въ чистую фантасмагорію. Формулы, съ помощью которыхъ прежніе мыслители стремились постигнуть міръ и его явленія, отрываются отъ научной почвы, на которой онѣ выросли, и теряютъ для насъ всякую реальную цѣну [1]).

2. Указавъ на то, что научное изслѣдованіе прошлаго философіи возможно только на почвѣ соціологіи и съ помощью ея методовъ, и опредѣливъ, такимъ образомъ, общій характеръ настоящаго труда, я теперь перейду къ изложенію тѣхъ взглядовъ и вы-

---

[1]) Geschichte des Materialismus, часть 2, франц. переводъ Pommerol—a, 1879 г, стр 144.

водовъ, къ которымъ привело меня изученіе историческаго хода развитія человѣческой мысли. Частности этой грандіозной эволюціи, несмотря на представляемый ими живой интересъ и высокую поучительность, будутъ здѣсь, по необходимости, опущены, и все вниманіе мое будетъ сосредоточено на небольшомъ числѣ крупныхъ фактовъ, ознаменовавшихъ собою историческія судьбы философіи. Я остановлюсь лишь на главныхъ точкахъ пересѣченія многочисленныхъ направленій, по которымъ двигалось развитіе философскихъ системъ и которыя служили канвой для безконечно разнообразныхъ узоровъ, плода богатой фантазіи длиннаго ряда поколѣній, въ погонѣ за цѣльнымъ, гармоническимъ пониманіемъ природы. Изъ массы второстепенныхъ условій, которымъ подчинялась умственная работа мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ, я надѣюсь выдѣлить такимъ образомъ небольшое число общихъ и постоянныхъ отношеній. Прошу читателя не терять изъ виду, что въ этой части моего труда я остаюсь въ области спеціальной науки, слѣдовательно, въ области, въ которой гипотеза составляетъ обычное и полезное средство для открытія истины, такъ какъ здѣсь частный характеръ явленій достаточно обезпечиваетъ возможность окончательной повѣрки самыхъ гадательныхъ предположеній. Отыскиваемые мною законы могутъ, поэтому, имѣть даже въ высокой степени гипотетическое значеніе, не лишая тѣмъ моей попытки всякой научной цѣнности. Главная цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобы прочно установить отношенія, въ которыхъ медлѣнно развивающаяся въ наше время научная философія находится ко всей совокупности прежнихъ усилій достигнуть опредѣленнаго міропониманія; но при этомъ, само собою

разумѣется, я удѣляю значительное мѣсто отношеніямъ философіи прошедшаго къ наукѣ, понимая подъ послѣднимъ терминомъ рядъ существующихъ или только образующихся отраслей спеціальнаго знанія. Въ этихъ отношеніяхъ и слѣдуетъ, прежде всего, искать объясненія происхожденія или генезиса философіи наукъ.

3 Еще одно замѣчаніе Я глубоко убѣжденъ въ томъ—основанія этого убѣжденія я раскрою впослѣдствіи,—что философія наукъ принадлежитъ будущему; наше время можетъ имѣть только научно-философскія системы. Каждая эпоха имѣетъ свое или свои міропониманія, и наша эпоха не можетъ опередить суммы знаній, выпавшей на ея долю Но эта сумма еще недостаточна для основанія на ней философіи наукъ, для подведенія итога, въ которомъ не было бы опущено ни одного крупнаго или существенно важнаго слагаемаго. Въ области чистой философіи, поэтому, мы по необходимости должны довольствоваться позитивизмомъ, критицизмомъ или любою изъ многочисленныхъ формъ современнаго пониманія космоса; выборъ между ними, разумѣется, зависитъ отъ степени личной подготовки. Но наше время имѣетъ и другую задачу. Оно создало новую частную науку. соціологію. а къ числу явленій, изучаемыхъ послѣднею. принадлежатъ и факты исторіи философіи. Соціологія. такимъ образомъ, съ двухъ точекъ зрѣнія подготовляетъ путь научной философіи Прежде всего. она завершаетъ циклъ положительнаго знанія и впервые дѣлаетъ возможнымъ самый концептъ философіи наукъ; во вторыхъ, она устанавливаетъ прочную связь между современными научно-философскими объясненіями міра и суммою факторовъ,

которые уже дѣйствовали въ этомъ направленіи въ прошедшемъ. Она раскрываетъ такія же причинныя отношенія и въ господствовавшихъ ранѣе типахъ философской мысли, и такимъ образомъ обнаруживаетъ условія, наличность которыхъ необходима для осуществленія новаго типа. Но этимъ и ограничивается ея роль. Сама по себѣ и отдѣльно взятая, она такъ же безсильна создать философію наукъ, какъ были безсильны создать единое и полное міропониманіе всѣ другія науки, начиная съ физики и математики и кончая психологіей.

4. Уже на зарѣ европейской культуры (Прим. 1). въ полумглѣ первобытнаго знанія. образовались нѣкоторыя черты міровоззрѣнія, которому суждено было наполнить исторію шумомъ своей борьбы и своихъ побѣдъ и пріобрѣсти себѣ значительное и почетное положеніе. Физическая или іонійская школа открываетъ собою длинный рядъ тождественныхъ умственныхъ фактовъ, существенно одинаковыхъ логическихъ пріемовъ, клонящихся къ объясненію суммы міровыхъ явленій, — одинаковыхъ пріемовъ, но не одинаковаго. ни по количеству, ни по качеству. матеріала, къ которому прилагались эти пріемы въ теченіе многихъ вѣковъ. Матеріалъ этотъ—представленія наши о природѣ. о человѣкѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но въ отдаленную эпоху группы іонійцевъ—Ѳалеса, Анаксимандра, Анаксимена и Гераклита (2), представленія эти еще далеко не укладывались въ рамки положительнаго знанія, въ современномъ смыслѣ этого слова. Тогда еще не было обосновано ни одной точной науки и не было найдено ни одного изъ тѣхъ частныхъ методовъ, совокупность которыхъ образуетъ такъ называемый опытный

методъ положительныхъ наукъ. Мѣсто наукъ и ихъ методовъ, и то въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ, занимало неопредѣленное стремленіе къ изученію реальнаго міра въ томъ видѣ, въ какомъ онъ непосредственно воспринимался нашими чувствами. Міропониманіе первыхъ матеріалистовъ, въ конечномъ результатѣ и съ точки зрѣнія данныхъ современной науки, сводилось такимъ образомъ къ полнѣйшему міронезнанію (3).

Такова была вся философія іонійцевъ и непосредственно слѣдовавшихъ за ними основателей греческаго атомизма—Левкиппа и въ особенности Демокрита, который, вмѣстѣ съ современникомъ своимъ Гиппократомъ, является представителемъ самой цвѣтущей эпохи эллинскаго матеріализма (4). Къ этому же времени, V-му вѣку до Р. Х., относится распространеніе особой разновидности матеріализма, старавшейся объяснить безконечное разнообразіе естественныхъ явленій немногими, самыми простыми и общими свойствами ихъ. Конечно, всѣ, безъ исключенія, матеріалисты древности были болѣе или менѣе причастны послѣднему заблужденію; но философская школа пиѳагорейцевъ, скоро выродившаяся въ полурелигіозную секту, первая придала, какъ извѣстно, этой общей наклонности ума спеціальную форму сведенія всѣхъ свойствъ въ природѣ къ свойствамъ числа и мѣры. Впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія частныхъ наукъ, „математическое“ направленіе въ философіи продолжало расти и крѣпнуть; такъ что въ наше время Литтре могъ уже вообще охарактеризовать матеріализмъ, какъ „ту логическую ошибку, которая заключается въ объясненіи нѣкоторыхъ явленій, совершающихся сообразно своимъ спеціальнымъ законамъ, при помощи законовъ, управляющихъ

явленіями болѣе общаго порядка, что̀ составляетъ перенесеніе въ болѣе сложную науку понятій, принадлежащихъ наукѣ менѣе сложной" [1])

Философское направленіе, главныхъ представителей котораго въ глубокой древности мы только что перечислили, не остановилось въ своемъ развитіи послѣ перваго расцвѣта въ V-мъ в. до Р. Х., и уже въ III-мъ заявило себя вновь съ большимъ блескомъ въ вліятельной и долго пользовавшейся громкой извѣстностью школѣ Эпикура. Матеріализмъ эпикурейцевъ въ одной области, именно въ этикѣ, куда направлялись главнѣйшія усилія школы, былъ слегка окрашенъ идеалистическими тенденціями, но воздѣйствіе матеріализма на другія ученія и преимущественно на знаменитую школу перипатетиковъ было несомнѣнно еще значительнѣе. Это видно уже на примѣрѣ учениковъ Аристотеля, Дикаіарка и Аристоксена, а позднѣе Стратона Лампсакскаго, попытки которыхъ преобразовать доктрины Аристотеля въ матеріалистическомъ смыслѣ были небезуспѣшны и заслуживаютъ вниманія. Къ этому же времени относится фактъ чрезвычайной важности въ исторіи философіи—первое раздѣленіе труда между философами и изслѣдователями немногихъ областей знанія, которыя начали тогда обосновываться и обособляться: математики, механики, физики. Впослѣдствіи, въ періодъ римскаго господства, въ продолженіе котораго философія отличалась замѣчательнымъ отсутствіемъ оригинальныхъ теченій мысли, фактъ этотъ получаетъ преобладающее значеніе.

---

[1]) Dictionnaire de la langue française, art. Matérialisme.

Дальнѣйшія судьбы матеріализма хорошо всѣмъ извѣстны. Наступаетъ длинная ночь среднихъ вѣковъ—періодъ пріостановки или замедленія поступательнаго хода культуры,—и умственная почва заростаетъ сорными травами самыхъ нелѣпыхъ ученій. Неудивительно, поэтому, что на расчистку ея и первую раздѣлку потребовался громадный трудъ, поглотившій усилія двухъ столѣтій или всей эпохи такъ называемаго Возрожденія

Неблагодарная работа эта продолжалась приблизительно отъ половины XV-го до половины XVII-го вѣка нашей эры (5) Здѣсь нѣтъ надобности указывать на слѣды матеріалистическихъ ученій, которые могутъ быть найдены и въ твореніяхъ Отцовъ Церкви, и въ арабской философіи, и въ фоліантахъ нѣсколькихъ поколѣній схоластиковъ; нѣтъ нужды также останавливаться на раннихъ, можно даже сказать преждевременныхъ проявленіяхъ этого направленія у одиноко стоящихъ мыслителей: у Никола́ Дотрекура, у испанскаго психолога Людовика Вивеса, у швейцарскаго натуралиста Гесснера, у Піетро Помпонацци, Джіордано Бруно и многихъ другихъ, болѣе или менѣе успѣшно прикрывавшихъ свои мнѣнія теоріей „двойной истины“, философской и теологической, изобрѣтенной свободными мыслителями того времени Для нашей цѣли будетъ достаточно упомянуть о болѣе серьезныхъ и самостоятельныхъ попыткахъ матеріалистическаго построенія міра, связанныхъ въ XVII-мъ вѣкѣ въ Англіи съ именемъ Гоббса, а во Франціи — Гассенди. Обыкновенно, правда, философію послѣднихъ трехъ столѣтій, называемую новою въ отличіе отъ древней, которая отдѣляется отъ нея широкою полосою средневѣковой схоластики, начинаютъ двумя вели-

кими именами, также принадлежащими XVII-му столѣтію, Бэкономъ (ум. 1626 г.) и Декартомъ (ум. 1650 г.). Отъ Бэкона обычная филіація ведетъ къ Гоббсу, Локку и французскимъ матеріалистамъ XVIII-го вѣка, къ которымъ уже непосредственно примыкаетъ и современный матеріализмъ. Другой же рядъ начинается Декартомъ и черезъ Спинозу и Лейбница ведетъ къ Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю. Но произвольность такого расположенія именъ и системъ не нуждается въ доказательствахъ. Своимъ умнымъ и убѣдительнымъ призывомъ къ изученію внѣшней природы, своей превосходной попыткой обновленія научныхъ методовъ Бэконъ несомнѣнно оказалъ сильное вліяніе на развитіе матеріализма XVII-го и XVIII-го вѣка. Но съ другой стороны и Декартъ, этотъ Янусъ новой философіи, одно лицо котораго, доставившее ему громкую извѣстность среди современниковъ, было обращено въ сторону идеализма, а другое, выступающее съ ясностью не ранѣе XVIII-го столѣтія, было обращено къ матеріализму, не мало способствовалъ развитію наклонности объяснять природу исключительно съ механической или даже математической точки зрѣнія. Очевидно, слѣдовательно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особымъ, смѣшаннымъ разрядомъ философскихъ ученій.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но честь наиболѣе самостоятельнаго, открытаго и прямаго продолженія традицій древняго матеріализма, традицій, которыя, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма и глубокаго невѣжества въ естественныхъ наукахъ, казались почти затерянными въ періодъ среднихъ вѣковъ, принадлежитъ прежде всего противнику Декарта—Гассенди, и вмѣстѣ съ нимъ младшему современнику Бэкона—Гоббсу. Отъ нихъ и

ведетъ свое начало быстрое и порою блестящее развитіе новѣйшаго матеріализма, нашедшаго твердую почву для своихъ построеній въ великихъ научныхъ открытіяхъ XVI-го и XVII-го столѣтій.

Открытія эти касались почти исключительно явленій неорганическаго міра и привели къ окончательному обоснованію соотвѣтствующихъ наукъ: математики, механики (астрономіи), физики, а нѣсколько позднѣе и химіи Въ эту почву, богатую перегноемъ многочисленныхъ и постоянно исправлявшихся заблужденій, матеріализмъ, и конечно, не случайно, пустилъ глубокіе и крѣпкіе корни, и эту почву онъ уже болѣе не покидаетъ Дальнѣйшее развитіе его становится параллельнымъ развитію и постепенному расширенію области знанія неорганическаго міра При этомъ, начиная уже съ XVI-го вѣка, въ исторіи философіи повторяется тотъ же любопытный и, съ соціологической точки зрѣнія, не лишенный важности фактъ, который ознаменовалъ собою первый, наиболѣе отдаленный ея періодъ: мы говоримъ о совмѣщеніи занятій философіей и спеціальными науками въ однѣхъ рукахъ, какъ было въ древности до возникновенія александрійской школы. Лишь съ средины прошлаго столѣтія явственно замѣчается обратное движеніе: философія снова получаетъ характеръ особой спеціальности, и снова начинаютъ появляться оригинальныя системы; но, какъ мы увидимъ далѣе, поздняя оригинальность эта была обманчивою, и яркій блескъ философіи былъ только признакомъ опаснаго внутренняго кризиса, предвѣстникомъ близкаго завершенія вполнѣ исчерпанной фазы развитія

Послѣ Гоббса и Гассенди, которые оба были спеціальными учеными, одинъ въ математикѣ и по-

литическихъ наукахъ, другой въ математикѣ и физикѣ, матеріализмъ правильно вербуетъ въ свои ряды множество спеціалистовъ во всѣхъ отдѣлахъ знанія, но преимущественно въ области наукъ физико-математическихъ. Наибольшаго распространенія ученіе это, однако, достигаетъ только въ XVIII-мъ столѣтіи, когда въ число открытыхъ сторонниковъ его вступаютъ величайшіе мыслители того времени Тогда матеріализмъ уже окончательно сбрасываетъ съ себя унизительную маску религіознаго и политическаго лицемѣрія и становится, какъ въ древности, не только философскою, но и этическою, практическою, соціальною доктриною, быстро распространяющею свое вліяніе на оба руководящія общества той эпохи, англійское и французское. Въ Англіи, на которую можно смотрѣть какъ на классическую страну современнаго матеріализма и которая, во всякомъ случаѣ, была его колыбелью, упоминанія заслуживаютъ, изъ матеріалистовъ XVIII-го столѣтія, впрочемъ, только медикъ Гартлей, основавшій, вмѣстѣ съ Локкомъ и Гэемъ, новѣйшій „ассоціанизмъ“ или психологію, опирающуюся на ученіе объ ассоціаціи идей, и знаменитый химикъ Пристлей; у обоихъ, однако, какъ у великаго предшественника ихъ въ XVII-мъ вѣкѣ, Ньютона, и у современника его, родоначальника научной химіи Бойля, матеріализмъ еще мирится съ религіозными, подчасъ даже узко-теологическими взглядами (5 bis). Смѣлѣе и съ большимъ блескомъ выступаетъ въ это же время матеріалистическая философія во Франціи. Здѣсь она организуется въ правильную систему и отсюда, какъ изъ главнаго фокуса, распространяется по цивилизованному міру освѣщая и согрѣвая своими благотворными лучами самыя далекія и отсталыя страны.

Расчищенная скептицизмомъ Монтэня, Ламотта-Левайе и въ особенности Бэйля (5 t e r) и превосходно подготовленная механическимъ міропониманіемъ Декарта и Гассенди, умственная почва Франціи была въ эту эпоху въ высшей степени благопріятна развитію и точныхъ наукъ, и матеріализма. Вольтеръ и энциклопедисты, политическіе дѣятели и экономисты, рядъ математиковъ и естествоиспытателей, наконецъ масса писателей всякаго рода—были болѣе или менѣе причастны міропониманію, изгонявшему изъ природы сверхъестественное и сводившему всѣ безъ изъятія явленія къ простому взаимодѣйствію физическихъ и химическихъ силъ матеріи. Но, кромѣ дилеттантовъ, кромѣ эклектиковъ, усовершенствовавшихъ древнее искусство соединять чисто матеріалистическіе тезисы съ прямо противоположными воззрѣніями идеализма и менѣе крайними, средними взглядами сенсуализма: кромѣ вольныхъ и невольныхъ пособниковъ и попустителей, безпрестанно сбивавшихся въ илозоизмъ (оживотвореніе природы) и безформенный пантеизмъ, французскій матеріализмъ имѣлъ въ XVIII-мъ столѣтіи и своихъ признанныхъ жрецовъ. Это были преимущественно: Ламеттри и—почти четвертью вѣка позднѣе—Гольбахъ; а рядомъ съ ними, хотя и не безъ оговорокъ относительно болѣе богатой и разнообразной эволюціи ихъ философскихъ взглядовъ и склонности къ сенсуализму, знаменитые издатели Энциклопедіи—Даламберъ и Дидро: наконецъ Мопертюи, Гельвеціусъ, Робине и десятки другихъ, матеріализмъ которыхъ былъ также не чуждъ сенсуалистическихъ примѣсей и вліяній (6).

5. Какимъ матеріализмъ былъ въ XVIII-мъ вѣкѣ во Франціи и Англіи — а устои его, та

fundamenta, были и въ эту эпоху тѣ же самые, что̀ у матеріализма древности,—такимъ же онъ проявилъ себя и среди далеко шагнувшей впередъ цивилизаціи XIX-го вѣка. Матеріализмъ обогатился массою новыхъ данныхъ изъ области какъ наукъ неорганическаго міра, такъ и науки жизни, но это ни мало не побудило его измѣнить свой методъ, найти другія точки исхода или даже просто углубить свои основныя воззрѣнія „Съ французскимъ матеріализмомъ, какъ онъ выраженъ въ книгѣ Гольбаха „Le système de la nature“, справедливо говоритъ Ланге, мы дошли до увѣчанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до крайнихъ границъ матеріализма .. Съ тѣхъ поръ новые доводы и новыя точки зрѣнія открывались въ значительномъ числѣ; но кругъ основныхъ вопросовъ остался тѣмъ же, какимъ онъ былъ уже у Эпикура и у Лукреція“ [1]).

Этимъ замѣчаніемъ мы здѣсь ограничимся въ отношеніи къ современному матеріализму, ученія котораго болѣе или менѣе знакомы каждому читателю, такъ какъ матеріализмъ составляетъ едва ли не наиболѣе распространенную между образованными классами философію. Укажемъ, впрочемъ, въ заключеніе, на ту интересную, съ соціологической точки зрѣнія, особенность, что настоящимъ очагомъ или центромъ матеріализма явилась въ наше время Германія Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣмъ извѣстныя имена Фейербаха, Штраусса, Фогта, Молешотта, Бюхнера, Цольбе, Ибервега, не говоря уже о цѣлой плеядѣ спеціальныхъ ученыхъ, своею склонностью къ философіи и преимущественно къ матеріализму живо на-

---

[1]) Hist du matérialisme; I, стр. 411

поминающихъ французскихъ и англійскихъ натуралистовъ прошлаго столѣтія. Фактъ этотъ ясно доказываетъ, что философія въ различныхъ ея формахъ и направленіяхъ есть коэффиціентъ цивилизаціи, который правильно измѣняется вмѣстѣ со всѣми другими условіями послѣдней и въ полной зависимости отъ нихъ. Дѣйствительно, не одинъ матеріализмъ неожиданно расцвѣлъ въ нынѣшнемъ столѣтіи на бывшей ему еще недавно столь чуждою германской почвѣ. Такого же, если не болѣе пышнаго, цвѣта достигъ на ней и идеализмъ, а въ лицѣ новѣйшихъ послѣдователей Канта возродилось съ новою силой и направленіе, которое, казалось, было однажды уже достаточно блестящимъ образомъ представлено Локкомъ, Юмомъ, Кондильякомъ, Рейдомъ и самимъ Кантомъ. Волна философскаго развитія, очевидно, шла близко вслѣдъ за волною развитія научнаго, политическаго и общественнаго: естественно, поэтому, что обѣ почти одновременно достигли страны, отставшей на цѣлое столѣтіе въ общей культурѣ (7).

Таковы главныя данныя внѣшней исторіи матеріализма. Внутренняя исторія этого міровоззрѣнія полна глубокаго интереса: ею объясняются многія черты умственнаго склада самыхъ просвѣщенныхъ человѣческихъ обществъ. Но этой стороны вопроса я здѣсь касаться не стану. Для цѣли, которую я преслѣдую, достаточно будетъ общаго указанія на то, чѣмъ является матеріалистическая философія въ глазахъ соціолога, прилагающаго къ оцѣнкѣ этой доктрины методъ аналитическаго описанія, свойственный изученію наиболѣе сложныхъ фактовъ въ природѣ.

На этотъ счетъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній Во всемъ прошед-

шемъ человѣчества мы встрѣчаемъ одинъ способъ пониманія или объясненія міра. При отсутствіи положительныхъ знаній о природѣ и ея явленіяхъ, были возможны только гипотетическія рѣшенія относящихся сюда задачъ. Гипотеза, поэтому, составляетъ необходимую принадлежность всякой философіи прошедшаго, и исторія матеріализма вполнѣ подтверждаетъ такой выводъ. На какихъ бы ступеняхъ совершонной имъ эволюціи и при какихъ бы условіяхъ мы его ни изучали, матеріализмъ всегда оказывался и до сихъ поръ остается сочетаніемъ предположеній и догадокъ, направленныхъ къ объясненію не того или другого частнаго разряда фактовъ—мы тогда имѣли бы дѣло съ спеціализированными или научными гипотезами,—а всѣхъ категорій явленій, разсматриваемыхъ въ совокупности или какъ одно цѣлое. Рядъ гипотезъ, къ которому сводится все богатое содержаніе различныхъ, безпрерывно смѣнявшихъ другъ друга матеріалистическихъ ученій, не разъ подвергался значительнымъ измѣненіямъ. Но послѣднія касались его исключительно съ количественной стороны. Рядъ этотъ становился короче или длиннѣе: изъ него выпадали предположенія, слишкомъ очевидно противорѣчившія научнымъ пріобрѣтеніямъ; въ него, наоборотъ, включались догадки, болѣе согласованныя съ данными положительнаго знанія; онъ, наконецъ, постоянно выдѣлялъ свои гипотезы въ частныя науки, видоизмѣнявшія ихъ сообразно своимъ спеціальнымъ точкамъ зрѣнія, и обогащался гипотезами частныхъ наукъ, расширяя ихъ значеніе до предѣловъ своего собственнаго, всеобъемлющаго горизонта. Но въ качественномъ отношеніи матеріализмъ всегда оставался неизмѣннымъ. Гипотезы его были построены по

одному образцу, принадлежали всегда къ одному типу. Матеріалистическая гипотеза отличается отъ всѣхъ другихъ не тѣмъ, что сводитъ различныя явленія къ одному основному факту, что отождествляетъ всѣ свойства въ природѣ съ одной категоріей свойствъ; но тѣмъ, что этотъ общій знаменатель ея всецѣло лежитъ въ области явленій неорганическаго міра Для матеріализма нѣтъ и не можетъ быть другихъ атрибутовъ вещества, кромѣ проявляющихъ свое существованіе или воспринимаемыхъ нашими чувствами въ указанной области Научная гипотеза также сводитъ одни явленія къ другимъ. Но она вращается въ тѣсномъ кругу однородныхъ или одноразрядныхъ фактовъ. Переступая чрезъ этотъ кругъ и теряя свой спеціальный характеръ, она перестаетъ быть научною; а объясняя явленія различныхъ порядковъ явленіями неорганическаго міра, она становится матеріалистическою. Такія гипотезы всегда встрѣчались въ изобиліи въ наукахъ неорганическаго міра и до сихъ поръ упорно держатся въ нихъ; но нѣтъ надобности доказывать, что онѣ принадлежатъ не этимъ наукамъ, а тѣсно примкнувшей къ нимъ и стремящейся слиться съ ними матеріалистической философіи.

Отмѣтимъ въ исторіи матеріализма еще одну любопытную черту. Въ развитіи своемъ онъ строго согласовался, повидимому, съ общимъ ходомъ развитія человѣческихъ знаній: отъ космическихъ вопросовъ онъ мало по малу перешелъ къ вопросамъ антропологическимъ. По мѣрѣ успѣховъ низшихъ наукъ и болѣе полнаго объясненія ими соотвѣтствующихъ явленій, онъ переставалъ интересоваться послѣдними и обращалъ свои взоры къ восходящему свѣту наукъ болѣе сложныхъ фактовъ. Но здѣсь на каждомъ шагу его ожидали непредвидѣн-

ныя препятствія и горькія разочарованія. Успѣхи этой категоріи наукъ наносятъ смертельный ударъ притязаніямъ матеріализма объяснить всю совокупность явленій своей простою и незамысловатою гипотезой. Доля истины въ матеріализмѣ, почерпнутая изъ изученія фактовъ неорганическаго міра — увѣренность въ законосообразности явленій всѣхъ порядковъ—уже совершенно неотразимо доказывается развившимися науками міра органическаго и гиперорганическаго, а ложная односторонность или исключительность выступаетъ наружу болѣе явственно, чѣмъ прежде, когда въ области высшихъ наукъ еще царила непроглядная тьма. Скоро, какъ справедливо говоритъ Вырубовъ, оказалось, „что пониманіе природы составляетъ только одну половину пониманія міра; вторую половину образуетъ пониманіе человѣка и обществъ, среди которыхъ онъ живетъ; но именно эту вторую половину, практически наиболѣе важную, такъ какъ она касается повседневныхъ вопросовъ, матеріализмъ постоянно оставлялъ въ тѣни, будучи безсиленъ объяснить сложныя и измѣнчивыя явленія жизни, хотя бы, напримѣръ, игрою атомовъ [1])“. По мнѣнію другого мыслителя, матеріализмъ вымираетъ естественною смертью уже вслѣдствіе того, что законъ причинности перестаетъ требовать отъ нашего разума прежнихъ тяжелыхъ жертвъ или, другими словами, потому, что міръ и его явленія начинаютъ удовлетворительно объясняться безъ помощи матеріалистической гипотезы (8).

---

[1]) Philosophie positive, т. XXII, стр. 38.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ИДЕАЛИЗМЪ.

1. Сущность идеализма.—2. Три оттѣнка древняго идеализма (Сократъ, Платонъ, Аристотель).—3. Схоластика. Арабская философія.—4. Невѣрная оцѣнка схоластики —5. Параллелизмъ въ историческихъ судьбахъ матеріализма и идеализма.—6 Расцвѣтъ идеализма въ XVII вѣкѣ.—7. Декартъ и Спиноза — 8. Монизмъ, плюрализмъ и дуализмъ.—9 Лейбницъ Беркелей — 10 Кантъ и новая философія.—11. Гипотеза въ старой философіи —12. Три типа метафизическихъ гипотезъ.—13. Метафизическій идеализмъ Канта —14. Идеализмъ послѣ Канта. Гегель.—15. Шопенгауэръ и значеніе идеалистическаго пессимизма.

1. Матеріализмъ не разъ, въ исторіи философіи, господствовалъ надъ другими системами и въ настоящую эпоху составляетъ одно изъ самыхъ распространенныхъ мировоззрѣній. Но онъ никогда не былъ единственнымъ способомъ объясненія общей совокупности явленій. Рядомъ съ нимъ, иногда рѣшительно заглушая его голосъ, въ великомъ хорѣ руководящихъ идей человѣчества, постоянно слышались и другія, прямо противоположныя мнѣнія. Въ этой области всегда царило величайшее разнообразіе,—и задача научнаго описанія собственно и состоитъ въ томъ, чтобы свести это богатство видовъ къ немногимъ общимъ и вполнѣ характеристическимъ типамъ.

Матеріализмъ былъ первою, но сравнительно и

самою прочною ступенью философскаго развитія,— таково мнѣніе многихъ историковъ философіи. Но не отрицая того, что матеріалистическія ученія менѣе другихъ отклонялись отъ требованій здраваго смысла и своею устойчивостью превосходили остальныя системы, я не вижу достаточнаго основанія для безусловнаго признанія за ними и хронологическаго первенства въ ряду различныхъ мировоззрѣній. Теорія одновременнаго возникновенія основныхъ направленій философской мысли представляется мнѣ и логически, и исторически болѣе вѣрною: логически, потому что въ самомъ существѣ гипотезы лежитъ возможность, быстро обращающаяся въ необходимость, объясненія вещей различными группами причинъ; исторически же потому, что хронологическое первенство матеріализма составляетъ само, въ большинствѣ случаевъ, недоказанную гипотезу, а тамъ, гдѣ послѣдняя подтверждается фактами, возникновеніе идеалистическихъ воззрѣній слѣдовало слишкомъ быстро за первымъ проявленіемъ матеріалистическихъ доктринъ, чтобы можно было установить между тѣми и другими настоящую историческую филіацію или правильную преемственность. Такъ, чтобы не ходить далеко за примѣрами и чтобъ остаться въ циклѣ развитія, на который здѣсь преимущественно обращено вниманіе, первые зародыши противоположной матеріализму объяснительной гипотезы встрѣчаются гораздо ранѣе систематизаціи, приданной этому ученію Демокритомъ. Сѣмена, изъ которыхъ впослѣдствіи выросло роскошное дерево идеализма, были уже въ изобиліи разсѣяны въ умствованіяхъ современниковъ младшихъ іонійцевъ— элеатовъ и пиѳагорейцевъ. Позднѣе, въ томъ же направленіи дѣйствовало большинство софистовъ,

и между ними выдающаяся въ исторіи философіи, популярная фигура Сократа.

У Сократа явственно обозначается реакція противъ натурализма іонійцевъ и Демокрита. Счастливымъ догадкамъ этихъ философовъ о необходимости явленій и неизмѣняемости естественныхъ законовъ онъ противопоставляетъ другія догадки, заимствованныя изъ области психологическихъ и общественныхъ фактовъ. Одной половинѣ природы онъ противополагаетъ другую и на ней воздвигаетъ свое міросозерцаніе, слѣдуя существенно одинаковому способу объясненія явленій, т. е. прибѣгая къ непровѣряемой гипотезѣ. При такихъ условіяхъ, Сократъ не могъ не возвратиться къ первобытной формѣ идеализма—къ антропоморфизму, съ которымъ онъ соединяетъ и спиритуализмъ, т. е. разновидность идеализма, находящуюся въ тѣсной связи съ антропоморфными и дуалистическими объясненіями. Однимъ словомъ, въ то время, какъ древніе матеріалисты строили свои общія или философскія гипотезы съ помощью скудныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ явленіями неорганической природы, Сократъ и идеалисты этой отдаленной эпохи обращались къ такимъ же точно гипотезамъ, основывая ихъ на еще менѣе провѣренныхъ наблюденіяхъ надъ природою гиперорганическою, какъ теперь называется обширная область явленій психическихъ и общественныхъ.

И тѣ и другіе шли одною дорогою, но матеріалисты точкою исхода для своихъ всеобъемлющихъ гипотезъ избирали наиболѣе точныя изъ существовавшихъ тогда наблюденій, или тѣ данныя, изъ которыхъ уже въ то время начинали образовываться спеціальныя науки—математика, механика, физика; идеалисты же, напротивъ того, исходили изъ со-

вершенно поверхностныхъ наблюденій надъ явленіями. которыя тогда еще не укладывались въ рамки положительнаго знанія и только въ сравнительно недавнее время стали распредѣляться между спеціальными науками—біологіею, психологіею и соціологіею

Итакъ, древній матеріализмъ частью природы стремился объяснить всю природу, и потому необходимо являлся представителемъ невѣрнаго пониманія и части, и цѣлаго. Одинаковому, въ сущности, методу, только ухватившись за другой конецъ цѣпи явленій, слѣдовалъ идеализмъ, который уже на первыхъ ступеняхъ своего развитія замыкается въ тѣсный міръ личныхъ и общественныхъ представленій и въ теченіе всей своей исторіи не выходитъ болѣе изъ этого ложнаго круга. Древніе идеалисты въ этомъ отношеніи совершенно типичны. Вопросы индивидуальной и общественной нравственности, теорія познаванія, пестрая смѣсь психологическихъ и политическихъ задачъ,—вотъ что преимущественно наполняетъ ихъ міросозерцаніе. Образованныя въ этой области понятія они уже цѣликомъ, и нисколько не сомнѣваясь въ законности такого пріема, переносятъ и на внѣшнюю природу. Отъ Сократа и Платона до Гегеля и Шопенгауэра, идеализмъ никогда не могъ смыть съ себя этого первороднаго грѣха.

2. Три имени обыкновенно приводятся въ связи съ идеализмомъ древности: имена очень крупныхъ представителей трехъ главныхъ оттѣнковъ этой философской доктрины.

О Сократѣ мы уже упомянули. Его практическая философія является идеализмомъ, еще не вполнѣ сознавшимъ себя, не вполнѣ освободившимся отъ вліянія одновременно возникавшихъ попытокъ иного

объясненія окружающихъ явленій. Въ ученіи о познаваніи Сократа, къ которому въ этомъ отношеніи примыкаютъ киники, мегарики и стоики, ясно выступаетъ признаніе относительности нашихъ общихъ понятій о вещахъ, или той подчиненности общихъ представленій частнымъ и единичнымъ воспріятіямъ, которая легла въ основу теоріи слова, идеи и предмета, получившей громкую извѣстность и широкое распространеніе подъ именемъ номинализма [1]). Теорія обобщенія, или объясненіе чрезвычайно важнаго психическаго процесса, посредствомъ котораго изъ отдѣльныхъ чувственныхъ воспріятій образуются понятія, находящія свое символическое выраженіе въ словахъ, составляетъ одну изъ главныхъ гипотезъ, которыя идеализмъ строитъ метафизически, т. е. не принимая въ расчетъ спеціальныхъ условій соотвѣтствующихъ явленій. Неудивительно, поэтому, что именно этою гипотезою преимущественно и дифференцируются между собою различныя направленія идеалистической философіи.

Уже ученикъ Сократа, Платонъ, выступаетъ въ этомъ вопросѣ съ новымъ и весьма оригинальнымъ тезисомъ, придающимъ его міропониманію особый отпечатокъ, который съ тѣхъ поръ становится отличительнымъ признакомъ чистаго или классическаго идеализма. Гипотеза Платона получила впослѣдствіи названіе реализма или теоріи, согласно съ которой главенство всякаго рода признается не за вещью или явленіемъ, а за идеей или отвлеченнымъ понятіемъ

Доктрина Платона находится въ тѣсной связи съ

---

1) Goring, System der krit Phil., T II, стр 34

позднѣйшими ученіями о преимущественной достовѣрности представленія, или о философскомъ первенствѣ представленія надъ явленіемъ, субъекта надъ объектомъ. Не эта черта идеализма, однако, должна ставиться ему въ вину, какъ не противоположная гипотеза, признаніе преимущественной достовѣрности объекта, можетъ служить предметомъ законной гордости матеріализма; но объ философіи слѣдуетъ одинаково упрекнуть въ томъ, что онѣ въ этомъ основномъ вопросѣ погрѣшаютъ противъ того необходимаго условія нахожденія истины, въ силу котораго предположенія нашего ума не должны выходить изъ предѣловъ частнаго знанія, или не должны обнимать собою всѣхъ разрядовъ явленій.

Третье громкое имя древняго идеализма принадлежитъ Аристотелю. У него идеализмъ подвергается новому видоизмѣненію. Знаменитый стагиритъ не удовлетворяется крайне одностороннимъ, несмотря на свой высокій полетъ, мировоззрѣніемъ Платона, и вотъ, рядомъ съ нѣкоторыми положеніями платонизма, онъ выдвигаетъ впередъ и другія, отчасти прямо противоположныя точки зрѣнія и гипотезы. Отсюда впечатлѣніе эклектизма, которое философія Аристотеля производитъ на всякаго, кто изучаетъ ее одновременно съ другими системами. Но это не тотъ безплодный эклектизмъ, который встрѣчается такъ часто въ эпохи упадка и выражаетъ собою лишь усталость мысли, потерявшей на время способность къ оригинальному философскому творчеству; это не то безсиліе ума подъ гнетомъ накопившихся задачъ и бременемъ противорѣчивыхъ рѣшеній предшественниковъ, которое находитъ себѣ выходъ и облегченіе въ механическомъ сближеніи этихъ противорѣчій, въ построеніи изъ нихъ

параллелограмма съ цѣлью вывода равнодѣйствующей или средней гипотезы.

Самообманы этого рода составляютъ обычный удѣлъ посредственностей, Аристотель же до сихъ поръ стоитъ особнякомъ въ толпѣ мыслителей различныхъ эпохъ, занимая въ древности такое же мѣсто, какое въ концѣ XVII-го вѣка занялъ Бэконъ, или въ наше время Огюстъ Контъ. Эклектизмъ Аристотеля уже близко, по крайней мѣрѣ насколько позволяло тогдашнее состояніе положительныхъ знаній, граничитъ съ энциклопедизмомъ, съ стремленіемъ обнять, съ помощью одного метода, всю совокупность явленій. Конечно, черта эта составляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, общее достояніе всѣхъ философій. Всѣ онѣ — настолько философіи, насколько устанавливаютъ однородное пониманіе явленій Но въ то время, какъ большинство предшественниковъ Аристотеля достигало искомаго единства простымъ провозглашеніемъ безусловной приложимости ко всѣмъ разрядамъ явленій, безразлично, той или другой гипотезы, Аристотель, сверхъ этого метафизическаго единства, выражающагося въ его идеализмѣ, смутно чувствовалъ еще возможность или необходимость другого единства, которое бы естественно вытекало изъ примѣненія однородныхъ способовъ изслѣдованія ко всей суммѣ явленій. Отсюда постоянныя заботы Аристотеля объ установленіи правильныхъ методовъ научнаго мышленія; отсюда и характеристическое стремленіе его провести свои гипотезы черезъ весь циклъ спеціальныхъ знаній, отсюда, наконецъ, и непослѣдовательности, въ которыя онъ впадаетъ при разрѣшеніи не только частныхъ, но и общихъ вопросовъ.

Аристотель противорѣчитъ самому себѣ гораздо

болѣе, чѣмъ Демокритъ и Платонъ, философскія воззрѣнія которыхъ онъ подвергаетъ тщательному анализу, склоняясь на сторону Платона въ своей „первой“ философіи, столь удачно, хотя и случайно, названной впослѣдствіи метафизикой, и на сторону матеріалистовъ во „второй“ философіи или работахъ, имѣвшихъ болѣе спеціальный и научный характеръ. Этою двусторонностью своего мировоззрѣнія Аристотель напоминаетъ другого крупнаго представителя идеализма—Декарта; у обоихъ, однако, идеалистическая гипотеза въ самыхъ капитальныхъ вопросахъ беретъ перевѣсъ надъ матеріалистическими объясненіями, и обоихъ, поэтому, въ общей классификаціи философскихъ ученій слѣдуетъ включить въ ряды идеалистовъ, хотя и не безъ оговорокъ относительно права ихъ фигурировать и въ числѣ представителей смѣшанныхъ системъ.

Отмѣтимъ еще мимоходомъ довольно распространенное заблужденіе, состоящее въ томъ, что Аристотелю приписывается честь созданія „метафизики“, или „первой“, какъ называетъ ее самъ Аристотель, философіи, изучающей начала, общія всему существующему, внѣ всякой связи съ спеціальными науками. Въ этомъ отношеніи греческому мыслителю принадлежитъ только болѣе точная терминологія и формальный отводъ системѣ философскихъ обобщеній мѣста во главѣ всякаго частнаго знанія. Но не отъ Аристотеля ведетъ свое начало постановка метафизическаго вопроса, какъ вопроса о такомъ общемъ пониманіи явленій, которое не примыкало бы непосредственно ни къ одному изъ отдѣловъ спеціальнаго знанія. Именно въ этомъ смыслѣ метафизика существовала уже у всѣхъ предшественниковъ Аристотеля. И эту цѣль она безплодно пре-

слѣдуетъ и теперь, впадая по неволѣ въ ту самую крайность, избѣжать которой она такъ страстно желала бы, т. е. вырабатывая воззрѣнія, общія только по названію, а на самомъ дѣлѣ возникающія на почвѣ не всѣхъ, безъ исключенія, отраслей знанія, а лишь его отдѣльныхъ группъ или разрядовъ.

Послѣ Аристотеля, но еще въ древнемъ мірѣ, идеалистическая философія подвергалась множеству измѣненій и принимала различныя формы. Излишества тогдашняго идеализма вполнѣ соотвѣтствовали и другимъ излишествамъ, въ которыя, очертя голову, бросалась медленно угасавшая цивилизація грекоримской древности. Но хотя общественно-патологическое значеніе бредней нео-платониковъ, неопиѳагорейцевъ и т. п не подлежитъ сомнѣнію, однако въ смыслѣ не просто крайняго, а оригинальнаго и прогрессивнаго развитія основной гипотезы, на которой зиждется идеалистическое толкованіе міра, различныя ученія эти заслуживаютъ мало вниманія. Вообще въ этомъ періодѣ, обнимающемъ нѣсколько столѣтій, между идеалистическими системами сколько-нибудь замѣтно выдается одна только философія стоиковъ, представляющая собою пеструю смѣсь антропоморфизма, телеологіи и оптимизма Аристотеля съ заимствованными отчасти у него-же, отчасти у матеріалистовъ космогоническими гипотезами и, въ конечномъ результатѣ, склоняющаяся къ одной изъ наиболѣе излюбленныхъ формъ идеализма—къ пантеистическому монизму. Слабый въ теоретическомъ отношеніи, стоицизмъ имѣлъ, однако, большое вліяніе, какъ практическая доктрина Въ области прикладнаго знанія, въ этикѣ, лежали главные корни этого ученія. Изъ нравственныхъ обязанностей человѣка стоики дѣ-

лали исходный пунктъ и средоточіе всего своего мировоззрѣнія: въ этой именно чертѣ и сказывался ихъ глубокій идеализмъ.

3 Средніе вѣка принадлежатъ всецѣло схоластикѣ; но господство схоластики было несомнѣнно господствомъ одной изъ многихъ формъ идеализма. Правда, нѣкоторые историки культуры, какъ Прантль напримѣръ, отказываютъ схоластикѣ въ какомъ бы то ни было философскомъ значеніи, утверждая, что она является простою смѣсью логики съ теологіею [1]). Замѣчаніе это не лишено справедливости, хотя вся прежняя философія и, въ особенности, всѣ системы идеализма могли бы легко быть подведены подъ тоже опредѣленіе. Теологія въ обширномъ смыслѣ слова есть сама уже мировоззрѣніе, есть философія низшихъ ступеней общественнаго развитія; будучи подвергнута логической обработкѣ и соединена съ опредѣленной теоріей познанія, всякая теологія неминуемо обращается въ метафизику Такъ было и со схоластикой, которая сначала искренно, а потомъ прикрываясь теоріей двойной истины, сочетала логику и теорію познанія Аристотеля съ грубыми, нерѣдко даже уродливонелѣпыми формами теологическаго мірообъясненія.

Схоластическій періодъ, впрочемъ, представляетъ въ исторіи философіи особенный интересъ вслѣдствіе того, что въ немъ необыкновенно ясно обнаружилась связь, существующая между всѣми вообще типами гипотетическаго мировоззрѣнія, преимущественно же между идеализмомъ, и гипотезою.

---

[1]) Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande, т. II, стр. 4.

опредѣляющею условія нашего познаванія явленій Именно вслѣдствіе сравнительной легкости научнаго и философскаго багажа, съ которымъ мыслители среднихъ вѣковъ пускались въ далекій и трудный путь общихъ спекуляцій, у нихъ чрезвычайно рельефно и безъ утонченной мотивировки, изобрѣтенной позднѣе, выступаетъ все огромное значеніе роли, принадлежащей такъ называемой теоріи познаванія въ извѣстнаго рода мировоззрѣніяхъ Вся схоластика, если оставить въ сторонѣ ея теологическія несообразности, сводится къ спору о преимуществахъ двухъ гипотезъ, которыя, будучи выставлены въ этой области мысли еще древними, получили въ разсматриваемый періодъ характеристическія названія реализма и номинализма. Схоластикамъ, какъ многимъ новѣйшимъ школамъ философовъ, казалось, что, обладая опредѣленною теоріею познаванія, они имѣютъ въ рукахъ ключъ къ цѣльному, однородному и исчерпывающему всю сумму явленій міропониманію.

Въ другой части этого труда я постараюсь доказать, что теорія познаванія отнюдь не можетъ считаться единственнымъ или даже главнымъ условіемъ для установленія философіи наукъ, которая, напротивъ того, должна опираться равномѣрно на всѣ отрасли человѣческаго знанія. Тамъ же будетъ объяснено, что, прежде чѣмъ сдѣлаться плодотворнымъ источникомъ общихъ спекуляцій, теорія познаванія изъ области философіи, пріютившей ее съ самыхъ первыхъ проблесковъ сознательной мысли, должна вернуться въ болѣе точныя границы специальной науки и соотвѣтствующей ей специальной философіи. Но здѣсь мы еще далеки отъ философіи наукъ и основныхъ условій ея существованія, здѣсь мы находимся еще въ области давно минувшаго про-

шедшаго философіи и не можемъ, поэтому, не замѣтить, что это прошедшее смотрѣло на вопросъ о познаваніи совсѣмъ другими глазами. Субъектъ и условія познанія имъ объекта всегда были центромъ, къ которому тяготѣлъ всякій идеализмъ, при чемъ весь вопросъ, за отсутствіемъ какихъ-либо точныхъ данныхъ, по необходимости разрѣшался рядомъ гипотезъ. Послѣднія, однако, только въ видѣ исключенія, какъ, напримѣръ, въ лучшихъ произведеніяхъ Аристотеля, сохраняли отдаленную связь съ частными условіями соотвѣтствующихъ явленій. Въ большинствѣ же случаевъ, выставляемымъ въ этой области гипотезамъ придавалось сразу общее или философское значеніе, и вопросъ о познаваніи неминуемо превращался въ безпочвенное гаданіе о томъ, что̀ наиболѣе реально, что̀ обладаетъ признаками бытія въ бо̀льшей мѣрѣ и степени, чѣмъ все остальное, что̀ существуетъ одно, безотносительно или абсолютно; гипотетическая теорія познаванія неизмѣнно превращалась, такимъ образомъ, въ гипотетическую-же теорію вещи самой въ себѣ. Эта общая черта идеализма была присуща и средневѣковой схоластикѣ, которая, однако, именно въ этомъ отношеніи всего менѣе заслуживаетъ обыкновенно выпадающаго на ея долю пренебреженія. Достаточно огражденная своими религіозными вѣрованіями отъ слишкомъ усердной погони за абсолютнымъ, собственно въ философской сферѣ, схоластика могла дать хоть нѣкоторый отпоръ сильному искушенію, которому подвержено всякое идеалистическое міропониманіе и которое заключается въ превращеніи познавательной гипотезы въ гипотезу о внутренней и абсолютной сущности явленій. Конечно, и схоластика, въ лицѣ самыхъ видныхъ представителей своихъ, въ концѣ концовъ, подпала тому же заблужде-

нію; но ей все-таки принадлежитъ заслуга сравнительно болѣе простой и безыскусственной постановки относящихся сюда вопросовъ.

На почвѣ полнѣйшаго незнанія психическихъ фактовъ, къ преждевременному обобщенію которыхъ идеализмъ всегда имѣлъ такую склонность, естественно было возникнуть смѣшенію субъективныхъ и объективныхъ условій или элементовъ познаванія. Смѣшеніе это доходило до того, что субъективные элементы принимались за объективные, а абстрактному бытію приписывалось значеніе конкретнаго существованія. Реализмъ такого рода, нашедшій себѣ систематическое и отчасти художественное выраженіе въ теоріи идей Платона, былъ любимѣйшей философской гипотезой во всемъ болѣе раннемъ періодѣ средневѣковой схоластики Гипотеза эта вполнѣ соотвѣтствовала умственному строю тогдашней эпохи, исполненной наивной вѣры. Но въ существѣ всякаго бездоказательнаго предположенія лежитъ двойственность, скоро порождающая въ умѣ прямо противоположную догадку. Такъ было и съ платонизмомъ среднихъ вѣковъ. Сначала въ видѣ естественной, но еще слабой реакціи противъ крайностей реализма, а потомъ все усиливаясь подъ вліяніемъ, съ одной стороны, болѣе глубокаго изученія Аристотеля, а съ другой — вновь зарождавшагося матеріализма, на историческую сцену выступаетъ номинализмъ, однимъ изъ дальнихъ предковъ котораго, какъ мы видѣли, былъ уже Сократъ. Но эта вторая гипотеза, возстанавливавшая первенство и силу конкретнаго бытія и низводившая абстрактное на степень простаго орудія ума, формальнаго и чисто субъективнаго условія познаванія, получила подъ руками схоластиковъ неизвѣстное древнему міру развитіе и значеніе.

Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи позднѣйшій номинализмъ, имѣвшій такихъ талантливыхъ представителей, какъ глава школы „терминистовъ“, doctor invincibilis, какъ звали его современники, Оккамъ. Въ этой формѣ средневѣковой идеализмъ уже тысячью невидимыхъ нитей связанъ съ новѣйшими теченіями философской мысли. Его логическій формализмъ, точность и даже мелочность его различеній и опредѣленій, наконецъ его неутомимая борьба противъ языка, „всецѣло принадлежащаго народу“, а потому неизбѣжно становящагося проводникомъ и носителемъ предразсудковъ и заблужденій, все это расчищало путь позднѣйшему, раціоналистическому эмпиризму англійскихъ и французскихъ сенсуалистовъ,—все это способствовало и тому, что матеріализмъ, не имѣвшій, по большей части, собственной теоріи познаванія, являлся всегда сторонникомъ строго-номиналистической гипотезы (9 и 10).

Говоря объ идеализмѣ среднихъ вѣковъ, нельзя пройти молчаніемъ арабской философіи, которая имѣла весьма важное вліяніе на развитіе схоластики. Философія эта, несмотря на существованіе въ ней множества школъ и направленій, вся принадлежитъ одному, характеризованному нами выше философскому типу.

Представляя собою смѣсь логики, и опять едва-ли не исключительно Аристотелевской, съ нео-платонизмомъ и теологіей въ строгой формѣ магометанскаго монотеизма, арабская схоластика отличалась отъ христіанской главнымъ образомъ тремя, находившимися въ тѣсной, можетъ быть даже причинной зависимости другъ отъ друга чертами: лучшимъ знакомствомъ съ источниками древней мысли, большимъ запасомъ точныхъ знаній и, наконецъ, болѣе

раннимъ пробужденіемъ скептическихъ стремленій. Этими особенностями и объясняется почти матеріалистическое свободомыслie многихъ арабскихъ философовъ, въ томъ числѣ и послѣдняго блестящаго представителя арабскаго идеализма, Аверроэса.

4. Мы сравнительно долго остановились на идеализмѣ среднихъ вѣковъ собственно потому, что именно къ этому періоду его развитія относятся обыкновенно не совсѣмъ справедливо. Вліянію пріобрѣтенныхъ во время господства схоластики умственныхъ привычекъ часто приписывается много такихъ невзгодъ, постигшихъ впослѣдствіи идеализмъ, которыя было бы вѣрнѣе объяснить основнымъ характеромъ и внутренними свойствами этого міровоззрѣнія. Дальнѣйшая исторія идеализма въ Европѣ, послѣ такъ называемаго сверженія ига Аристотеля или разбитія оковъ схоластики, ясно обнаружила, какъ мало можетъ падать вина роковаго безплодія идеализма на Аристотеля и его средневѣковыхъ почитателей. Схоластика и древняя софистика, эти козлища отпущенія если не чужихъ, то, по крайней мѣрѣ, общихъ или родовыхъ грѣховъ всей старой философіи, уже болѣе не пригодны для прежней цѣли. Относиться съ пренебреженіемъ къ какому-нибудь Протагору или Горгію, Оригену или Дунсу Скоту только потому, что незнаніе ихъ въ области наиболѣе сложныхъ явленій природы теперь очевидно для всѣхъ, такъ какъ оно уже стало достояніемъ прошедшаго, и преклоняться передъ Гегелемъ, Шопенгауэромъ или даже Кантомъ только потому, что незнаніе ихъ въ области тѣхъ же психическихъ и соціальныхъ фактовъ рѣдко кѣмъ замѣчается, такъ какъ оно еще въ значительной степени есть специфическое

незнаніе настоящаго—нѣтъ достаточныхъ основаній. Незнаніе, характеризующее текущій періодъ, касается отчасти тѣхъ же самыхъ вопросовъ, что и незнаніе, бывшее удѣломъ уже пройденныхъ фазъ развитія, отчасти же вопросовъ иного порядка. Но по существу своему, оба вида незнанія тожественны и неминуемо ведутъ къ одному результату: къ построенію обнимающихъ и всю область извѣстнаго, и всю область неизвѣстнаго, и потому произвольныхъ и непровѣряемыхъ, гипотезъ.

Въ обоихъ случаяхъ, и въ метафизикѣ прошедшаго, и въ метафизикѣ настоящаго, умъ человѣка, даже повинуясь лучшимъ сторонамъ своей организаціи, неудержимо влекущимъ его отъ слѣпой вѣры къ критикѣ и сомнѣнію, все-таки старается какъ можно долѣе скрыть отъ самого себя всю глубину своего невѣдѣнія и внутреннюю пустоту своихъ широкихъ обобщеній.

Съ этою цѣлью метафизика постоянно прибѣгаетъ къ искусной архитектоникѣ понятій, которая такъ легко обманываетъ насъ вблизи или въ настоящемъ и которой уже гораздо труднѣе ввести насъ въ заблужденіе, когда она открывается нашимъ взорамъ въ далекихъ перспективахъ прошедшаго. Въ этихъ построеніяхъ ярко обнаруживается геній создателей системъ, основателей вліятельныхъ школъ. Но сами построенія имѣютъ въ высшей степени преходящее и условное значеніе. „Непобѣдимый учитель“ среднихъ вѣковъ давно уже низвергнутъ въ прахъ съ высокаго пьедестала, который былъ воздвигнутъ ему изумленными современниками; та же участь постигла и самыхъ великихъ между его преемниками. Всѣ они были въ свое время одинаково не-

побѣдимы, потому что одинаково выражали міронепониманіе своей эпохи.

5. Но вернемся къ идеализму и его судьбѣ по выходѣ европейскихъ обществъ изъ тѣснаго круга средневѣковыхъ условій развитія и еще разъ укажемъ на то, что, наблюдаемая въ общихъ и крупныхъ чертахъ, исторія идеализма представляетъ собою буквальное повтореніе исторіи матеріализма. Обѣ эволюціи происходятъ параллельно, неизмѣнно свидѣтельствуя о томъ, что и оба міровоззрѣнія, несмотря на глубокое различіе своихъ основныхъ гипотезъ, были всегда продуктомъ не только одинаково, но и одновременно дѣйствовавшихъ соціологическихъ факторовъ.

Матеріализмъ и идеализмъ возникаютъ въ одну и ту же эпоху; оба достигаютъ уже въ древнемъ мірѣ высокой степени процвѣтанія; оба при аналогичныхъ условіяхъ переживаютъ темныя времена нашествія варваровъ и образованія современныхъ европейскихъ обществъ; оба, наконецъ, въ теченіе этого періода умственнаго застоя, запасаются новыми силами и отчасти приступаютъ къ дальнѣйшему развитію своихъ основныхъ точекъ зрѣнія. Замѣчательный параллелизмъ этотъ простирается вплоть до самаго послѣдняго времени. Сумма литературныхъ и научныхъ фактовъ, называемая эпохой Возрожденія, одинаково коснулась обоихъ направленій философской мысли. Умственное движеніе, вызванное значительнымъ увеличеніемъ запаса знаній въ области наукъ неорганическаго міра, отъ матеріализма весьма быстро передалось и идеализму. Для послѣдняго, въ свою очередь, наступилъ періодъ расцвѣта, напомнившій собою лучшія времена древней философіи.

6 Непрерывно слѣдующія другъ за другомъ имена Спинозы, Декарта, Лейбница, Беркелея, Канта оставили лучезарный слѣдъ въ исторіи идеализма XVII-го и XVIII-го столѣтій; а Фихте, Шлейермахеръ, Гегель, Шеллингъ, Шопенгауэръ явились живымъ и знаменательнымъ свидѣтельствомъ силы этого міровоззрѣнія и въ наше время.

Семнадцатое столѣтіе наполнено не только во Франціи, но и во всей остальной Европѣ именемъ Декарта. Не менѣе обширное вліяніе имѣли въ это время Спиноза и Лейбницъ, который, впрочемъ, послѣдними годами своей дѣятельности принадлежитъ уже началу XVIII-го вѣка, то есть эпохѣ, когда идеализмъ, въ лицѣ Беркелея, пускаетъ крѣпкіе корни и на бывшей ему дотолѣ почти-что чуждою философской почвѣ Англіи. Множество другихъ мыслителей группируется въ теченіе этихъ двухъ столѣтій вокругъ того же философскаго знамени, которое только въ XVIII-мъ вѣкѣ, и то лишь на время и въ наиболѣе передовыхъ странахъ, уступаетъ первое мѣсто матеріализму. Подъ самый конецъ этого періода, идеализмъ находитъ своеобразнаго представителя въ одномъ изъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ и народовъ, Эммануилѣ Кантѣ, и наконецъ, въ первой половинѣ нашего вѣка производитъ на свѣтъ еще цѣлый рядъ системъ, преимущественно въ Германіи, гдѣ господству этого направленія благопріятствовали общія культурныя условія.

7. Мы уже говорили о Декартѣ и указывали на смѣшанный характеръ его философскихъ работъ, одна только часть которыхъ была задумана и выполнена въ духѣ чистаго идеализма; за то идеализмъ Декарта можетъ служить типомъ всего на-

правленія. Характеризовавшее его время глубокое невѣжество въ области гиперорганическихъ явленій не удержало Декарта отъ изобрѣтенія фантастической психологіи, отъ смѣшенія ея съ логикою и отъ приданія этимъ созданіямъ индивидуальнаго ума широкаго философскаго значенія, посредствомъ обращенія ихъ въ исходныя точки цѣлаго мировоззрѣнія. Но философія Декарта, не довольствуясь этою, такъ сказать, обычною практикою идеализма, возводитъ ее въ теорію, дѣлаетъ изъ нея общій принципъ. Отсутствіе эмпирическихъ данныхъ, касающихся одной половины природы, Декартъ признаетъ наилучшимъ условіемъ для построенія универсальныхъ гипотезъ, наивыгоднѣйшимъ положеніемъ, въ которое можетъ стать философъ по отношенію къ окружающей его дѣйствительности. Таковъ настоящій смыслъ тѣхъ требованій и пріемовъ Декарта, которые такъ прославили его въ лагерѣ идеалистовъ, но которые, собственно говоря, и если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія позднѣйшихъ успѣховъ научной и философской методологіи, составляютъ лишь доказательство внутренней пустоты всякаго крайняго идеализма, именно въ силу этихъ пріемовъ являющагося наиболѣе виднымъ представителемъ господствовавшей во всемъ прошедшемъ человѣчества философіи незнанія. У Декарта, провозглашающаго необходимость насильственнаго разрыва между мыслью и чувственнымъ воспріятіемъ и превращающаго скептицизмъ, этотъ послѣдній якорь спасенія метафизики, въ простую игру равнозначущими понятіями, занимствованную въ добавокъ у св. Августина (11), у Декарта идеализмъ уже вполнѣ обнаруживаетъ свою тѣсную и постоянную связь съ полнымъ невѣдѣніемъ условій происхожденія и развитія органи-

ческаго ряда и въ немъ высшаго звена — человѣка.

Напротивъ того, въ идеализмѣ младшаго современника Декарта, Спинозы, несмотря на мистико-религіозныя формы, та же черта раскрывается гораздо труднѣе, такъ что все ученіе геніальнаго голландскаго философа весьма долго казалось многимъ лишеннымъ наиболѣе характеристическихъ признаковъ идеалистическаго міровоззрѣнія. Спинозу, поэтому, въ особенности въ прежнее время, нерѣдко причисляли къ матеріалистамъ. Но возможность такой грубой ошибки доказываетъ, какъ шатки были всегда внутреннія основанія обычныхъ классификацій философскихъ системъ. Центръ тяжести философіи Спинозы лежитъ всецѣло въ мірѣ идей, въ мірѣ чисто-психическомъ, абсолютное тожество котораго съ міромъ внѣшнихъ явленій, съ преходящею и измѣнчивою областью объекта, Спиноза, какъ настоящій идеалистъ, торжественно и провозглашаетъ. Конечно, единство всего существующаго, правильная закономѣрность или необходимость всего происходящаго, тожество мысли и природы, всѣ эти результаты философіи Спинозы могли бы такъ же легко принадлежать и матеріализму. Преобладаніемъ точки зрѣнія, обращенной исключительно на сходство выводовъ, и забвеніемъ кореннаго различія путей, которыми эти выводы достигнуты, и объясняется частое смѣшеніе между собою противоположныхъ міровоззрѣній. Но дѣло въ томъ, что всѣ философіи, допускающія гипотетическое построеніе міра, неизбѣжно, рано или поздно, подпадаютъ искушенію, представляемому соблазнительною гипотезой абсолютнаго единства явленій въ природѣ. Спиноза былъ бы такимъ же матеріа-

листомъ, какъ Ламеттри или Гольбахъ, если-бъ гипотезу тожества онъ обосновалъ на превращеніи явленій психическихъ въ явленія міра неорганическаго; но онъ достигъ того же результата обратнымъ процессомъ: опираясь исключительно на доводы собственнаго разума, онъ произвольно призналъ за всей совокупностью явленій прямо противоположныя нормы бытія, и потому долженъ быть причисленъ къ строго-послѣдовательнымъ идеалистамъ.

8. Отсюда видно, что монизмъ, или гипотетическое единство міра, составляетъ общее, родовое достояніе всякой философіи, восполняющей пробѣлы нашего знанія предположеніями, обнимающими всю сумму явленій и уже по одному этому необходимо вращающимися въ области такихъ отвлеченій, которыя прямо и непосредственно не сводятся къ опредѣленнымъ чувственнымъ элементамъ и, слѣдовательно, не повѣряются ими. Конечно, и плюрализмъ, на которомъ, хотя только какъ на фактѣ чисто-эмпирическомъ, покоится теперь классификація такъ-называемыхъ абстрактныхъ наукъ, можетъ, въ свою очередь, быть гипотетически обращенъ въ краеугольный камень цѣлаго міровоззрѣнія. Но очевидно, что монистическая гипотеза всегда будетъ имѣть для нашего ума несравненно большую привлекательную силу. Плюрализмъ только промелькнулъ въ исторіи философіи, не оставивъ въ ней прочнаго слѣда. Такова же была, въ сущности, судьба и дуализма, проникшаго въ философію изъ міросозерцанія, составляющаго удѣлъ самыхъ низкихъ ступеней развитія, на которыхъ исторія правильно застаетъ сначала всѣ человѣческія общества, а впослѣдствіи только извѣстные общественные

слои и отдѣльныя индивидуальности среди болѣе развитыхъ классовъ. Происхожденіе дуалистической гипотезы объясняетъ ея распространенность; но философское значеніе ея, разумѣется, отъ этого ни мало не возрастаетъ. Дуализмъ, раздѣляющій, подобно дикарю и ребенку, міръ явленій на двѣ разносущныя половины, даже въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у Декарта, является лишь внѣшнимъ или случайнымъ придаткомъ къ органическому цѣлому философской системы, въ которой онъ играетъ роль популярной, экзотерической постановки вопроса о субъектѣ и объектѣ. Вполнѣ искреннее разрѣшеніе этой важной задачи и въ идеализмѣ, и въ матеріализмѣ, повторяемъ, стремится всегда принять монистическую форму, при чемъ въ матеріализмѣ, какъ общее правило, объектъ поглощаетъ субъектъ, въ идеализмѣ же, наоборотъ, субъектъ поглощаетъ объектъ.

9. Въ этомъ отношеніи, то есть какъ строгіе выразители идеалистическаго монизма, изъ многочисленной группы идеалистовъ разсматриваемой эпохи особенно рѣзко выдѣляются два философа—Лейбницъ и Беркелей.

Полиисторикъ и эклектикъ Лейбницъ, несмотря на поверхностный характеръ его философіи, которая даже у собственныхъ соотечественниковъ его получила названіе случайнаго философствованія (Gelegenheits-Philosophie), представляетъ большой интересъ потому, что у него чрезвычайно наглядно сказывается стремленіе всякаго идеализма къ полному отожествленію болѣе простыхъ явленій съ болѣе сложными, съ цѣлью хоть временно наложить руку на постоянно ускользающее отъ философа единство міра. Эта жажда единства утоляется

Лейбницемъ, какъ всѣми другими метафизиками, волшебною водою философской гипотезы, принимающей у него форму ученія о монадахъ, метафизическихъ атомахъ, наполняющихъ природу. Въ неорганическомъ мірѣ эти атомы одарены представленіями, взаимно нейтрализующими другъ друга; въ органическомъ же мірѣ тѣ же представленія, все болѣе и болѣе проясняясь, проходятъ чрезъ цѣлый рядъ ступеней развитія, отъ безсознательности растеній до разума человѣка. Каждая монада составляетъ полный, замкнутый въ себѣ міръ представленій, отличающихся другъ отъ друга степенью своей ясности. То, что мы называемъ матеріею, есть только смутное представленіе, а то, что мы называемъ духомъ или мыслью—представленіе вполнѣ сознательное и точное. Не менѣе характеристично и другое философское предположеніе Лейбница, завершающее его систему: предустановленная гармонія, въ силу которой каждая монада, сама того не вѣдая, живетъ и развивается въ полномъ согласіи со всѣми другими, и вся совокупность ихъ представляетъ собою строгій, законосообразный, вѣчно неизмѣнный порядокъ явленій. Интересно замѣтить, что эта прославленная теорія довольно близко воспроизводитъ извѣстную гипотезу Спинозы о полномъ параллелизмѣ между порядкомъ или міромъ идей и порядкомъ или міромъ вещей. Но обѣ гипотезы Лейбница — монадологія и предустановленная гармонія, этотъ идеалистическій детерминизмъ sui generis, составляютъ, сверхъ того, только простую, приспособленную къ нуждамъ идеализма копію съ двухъ матеріалистическихъ гипотезъ объ атомахъ и ихъ необходимомъ движеніи. Правда, попытку объясненія всей совокупности явленій посредствомъ совершенно

неизвѣстныхъ психическихъ данныхъ мы встрѣчаемъ уже у Платона въ его теоріи идей и ихъ предвѣчной гармоніи, и одинаковую цѣль преслѣдовали всѣ безъ исключенія идеалисты. Но въ гипотезахъ Платона поэтическая сторона заглушаетъ все остальное; въ теоріяхъ же Лейбница метафизическій остовъ идеализма является во всей своей наготѣ, и потому изученіе произведеній этого философа можетъ въ настоящую минуту дѣйствовать уже только отрезвляющимъ образомъ на умы, склонные увлекаться всякими произвольными, какъ идеалистическими, такъ и матеріалистическими объясненіями міра (12).

Гораздо выше Лейбница, въ философскомъ отношеніи, стоитъ Беркелей, одинъ изъ родоначальниковъ и главарей новѣйшаго идеализма. Успѣхи, сдѣланные въ наукахъ органическихъ явленій, уже осязательно сказываются въ его философской системѣ. Англійскій идеалистъ объединяетъ явленія, достигаетъ логически-цѣльнаго пониманія ихъ съ помощью гипотезы, принадлежащей, какъ это и должно быть во всякой идеалистической системѣ, къ области наиболѣе частныхъ и сложныхъ фактовъ и распространяемой затѣмъ на всѣ явленія безразлично. Гипотеза Беркелея имѣетъ своей точкой исхода психическія явленія и между ними преимущественно факты познаванія, процессъ воспріятія субъектомъ впечатлѣній, производимыхъ на него внѣшнимъ міромъ. Точка зрѣнія Беркелея, которую можно назвать какъ угодно, всеобщимъ имматеріализмомъ, феноменализмомъ, или идеалистическимъ скептицизмомъ, есть, въ сущности, точка зрѣнія Платона, обыкновенный, хотя и крайній идеализмъ. Платонъ утверждалъ, что только идеи обладаютъ высшею реальностью, суть вещи сами въ себѣ;

Беркелей подчеркиваетъ это воззрѣніе, опредѣляя явленіе какъ аггрегатъ нашихъ представленій и отрицая всякій иной способъ существованія вещи въ себѣ. У Беркелея идеалистическое поглощеніе объекта субъектомъ достигаетъ своей высшей ступени, своего полнаго завершенія; идеалистическій монизмъ вытравляетъ послѣдніе слѣды первобытнаго дуализма. Для Беркелея, какъ для матеріалистовъ, существуетъ только одна субстанція или, вѣрнѣе, одинъ разрядъ свойствъ и явленій; но это уже не свойства и явленія неорганическаго міра, а свойства и явленія гиперорганическія, обширная область духа. Воспріятія и представленія суть идеи, природа есть послѣдовательный и связный рядъ идей, а законы природы—тотъ неизмѣнный порядокъ, въ которомъ идеи соединяются между собою или слѣдуютъ другъ за другомъ.

Таковъ логическій результатъ, къ которому пришелъ Беркелей и къ которому необходимо приводитъ превращеніе частной области знанія, теоріи познаванія, въ общее знаніе, въ философскую систему, и безвредныхъ въ предѣлахъ первой спеціальныхъ гипотезъ въ непровѣряемыя и потому незаконныя общія гипотезы философіи. Но уже здѣсь будетъ интересно замѣтить, что весь идеализмъ Беркелея и его послѣдователей сводится, въ сущности, къ отрицанію „реальнаго міра, отличнаго отъ нашихъ чувственныхъ представленій“. Это отрицаніе составляетъ прочную, до сихъ поръ непоколебленную данными частнаго знанія основу теоріи познаванія самыхъ крайнихъ идеалистовъ. Все остальное въ философіи идеалистовъ—напримѣръ, заключеніе ихъ отъ внѣшняго міра къ нематеріальной субстанціи, какъ причинѣ представленій, — по справедливому замѣчанію Ланге,

только широко „открываетъ двери самымъ плоскимъ и осязательнымъ нелѣпостямъ, на которыя можетъ быть способна метафизическая система“ [1]). Къ несчастію, однако, для Ланге и для послѣдователей Канта или приверженцевъ такъ называемой критической философіи, гипотеза идеализма, отрицаніе реальнаго міра, отличнаго отъ нашихъ представленій, составляетъ, какъ всякій можетъ легко въ томъ убѣдиться минутнымъ размышленіемъ, лишь буквальное повтореніе столь наивнаго, будто бы, воззрѣнія матеріалистовъ, въ силу котораго не слѣдуетъ дѣлать различія между міромъ нашихъ ощущеній и міромъ реальнымъ. До такой степени вѣрно то, что всякая теорія познаванія, выросшая на почвѣ метафизики и ея универсальныхъ гипотезъ, является простою тавтологіей, игрою равнозначущими терминами, которые только съ формальной стороны могутъ служить къ дифференцированію между собою различныхъ философскихъ системъ (12 bis).

10. Именемъ Канта идеализмъ всего болѣе можетъ гордиться. Въ лицѣ кенигсбергскаго мыслителя идеалистическая философія новѣйшаго времени нашла себѣ такого же геніальнаго представителя, какого идеализмъ древности имѣлъ въ лицѣ Аристотеля. Послѣдній старался исправить явные недостатки идеализма Платона и Сократа, опираясь на Демокрита и на свои обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ тогдашняго знанія. Кантъ же имѣетъ позади себя несравненно болѣе длинный рядъ философовъ, болѣе заблужденій или отрицательнаго

---

[1]) Histoire du matérialisme, т. I, стр. 399, а также 525.

знанія. наконецъ, что̀ всего важнѣе, и значительно больший запасъ положительныхъ истинъ. Все это побуждаетъ его глубже вникнуть въ слабыя стороны идеализма, и составляетъ громадное преимущество основаннаго имъ новѣйшаго критицизма надъ устарѣвшимъ критицизмомъ Аристотеля. Но все это ни мало не даетъ еще права видѣть въ Кантѣ мессію научной философіи, имѣющей быть воздвигнутою на развалинахъ разрушенной имъ, будто бы, до основанія метафизики. Такой взглядъ на значеніе Канта въ исторіи философіи глубоко ошибоченъ. Кантъ метафизикъ до мозга костей, и Кантъ великъ именно какъ метафизикъ. Какъ предвѣстникъ научной философіи, онъ теряется въ толпѣ другихъ мыслителей, изъ которыхъ многіе видѣли впередъ гораздо далѣе и лучше его.

На Кантѣ, тѣмъ не менѣе, здѣсь стоитъ остановиться, какъ потому, что онъ служитъ превосходнымъ выразителемъ основныхъ стремленій всей прежней философіи, разсматриваемой какъ одно цѣлое, безъ различія направленій, такъ и потому, что онъ, сверхъ того, является и весьма типичнымъ представителемъ идеализма.

Впрочемъ, и глубокая метафизичность, и крайній идеализмъ Канта познаются не легко и открываются не съ разу, не только вслѣдствіе трудной и тяжелой формы изложенія, господствующей въ его сочиненіяхъ, но еще и благодаря слѣдующей чертѣ, отчасти сближающей его съ Декартомъ и составляющей, быть можетъ, самую общую характеристику его философіи. Черта эта заключается въ томъ, что Кантъ проповѣдуетъ открыто, можно сказать даже возводитъ на степень общаго принципа — практику своихъ предшественниковъ, и въ то же время посвящаетъ лучшую часть соб-

ственной дѣятельности безпощадной критикѣ теорій прежнихъ философовъ.

Своимъ коперниковскимъ—собственное сравненіе Канта [1])—открытіемъ, что всеобщность и необходимость въ смыслѣ старой философіи „привходятъ“ въ опытное познаніе только со стороны субъекта, и потому-то объектъ подчиненъ субъекту, и предметы сообразуются, согласуются съ нашими концептами о нихъ, а не наоборотъ, — Кантъ только оправдываетъ теоретически, обосновываетъ принципіально постоянный, хотя часто совершенно безсознательный способъ мышленія большинства своихъ предшественниковъ

Какъ извѣстно, у послѣднихъ концептъ, общее понятіе, символъ вещи или группы вещей всегда преобладалъ надъ самыми вещами или конкретными явленіями, принимавшими послушно всѣ формы и входившими покорно во всѣ сочетанія, которыя заранѣе опредѣлялись и придумывались для нихъ безотвѣтственнымъ властелиномъ—умомъ философа. Съ этимъ господствомъ субъективной формы надъ объективнымъ содержаніемъ тѣсно связано и общее стремленіе всѣхъ философій разрѣшать самые капитальные вопросы путемъ чистыхъ, т. е. непровѣряемыхъ гипотезъ. Кантъ вдвойнѣ раздѣляетъ это стремленіе: онъ старается подыскать ему теоретическое оправданіе, и находитъ послѣднее—въ общефилософской же, т. е. непровѣряемой гипотезѣ. Такой именно характеръ имѣетъ его основной тезисъ, что предметы опыта суть вообще только наши предметы, что объективность имѣетъ

---

[1]) Критика чистаго разума, предисловіе ко второму нѣмецкому изданію.

значеніе только какъ послѣдствіе или простое отраженіе субъективности и что, наконецъ, познаваніе a posteriori возможно только въ силу предварительнаго и нормирующаго опытъ познаванія a priori.

Заключенная въ тѣсные предѣлы психологіи, гипотеза эта была бы совершенно безвредною, но за то при первой же попыткѣ провѣрить ее, она свелась бы къ весьма ничтожному результату, къ давно уже сдѣланному поверхностному наблюденію, что мы познаемъ явленія въ тѣсной зависимости отъ собственной организаціи, черезъ посредство своего индивидуальнаго (біологическаго) организма, а не какъ-нибудь иначе. На той же почвѣ психологіи, хотя уже позднѣе, именно въ наше только время, гипотеза Канта могла бы получить полезное дополненіе еще и съ помощью предположенія, что кромѣ біологической или индивидуально-наслѣдственной организаціи, наше познаваніе внѣшняго міра нормируется и соціологическою или коллективною организаціей, т. е. суммой общественныхъ вліяній, благодаря которымъ въ индивидуумѣ образуются и развиваются болѣе сложные психическіе продукты, высшія понятія или самые общіе концепты ума [1]). Но въ предѣлахъ частной науки, ни одна изъ этихъ двухъ гипотезъ не приводитъ къ кантовскому выводу, что объектъ, какъ таковой, имѣетъ двойственное бытіе, одно — „сообразующееся“ съ субъектомъ или съ нашими концептами, а другое — независимое отъ субъекта и потому недоступное ему.

Оставаясь на почвѣ психологіи, Кантъ не про-

---

[1]) Смотр. мою книгу: Соціологія, С.-Пбургъ, 1880 г., глава десятая.

возгласилъ бы торжественно, что высшимъ принципомъ и послѣднимъ результатомъ философіи можетъ быть только тщательно скрывавшійся дотолѣ въ нѣдрахъ всякой метафизики концептъ „непознаваемаго“ (13).

Но Кантъ не ограничилъ себя предѣлами психологіи и не могъ сдѣлать этого уже потому, что въ его время психологія, какъ спеціальная наука, не существовала даже въ зачаточномъ состояніи. Свою психологическую гипотезу, поэтому, подобно всѣмъ другимъ идеалистамъ, Кантъ немедленно обращаетъ въ философскую, то есть объясняетъ ею не одни процессы ума, а всю совокупность природы. За міромъ явленій, продуктомъ нашей психической организаціи, у него оказывается еще и другой міръ, независимый отъ перваго и потому непознаваемый р а з с у д к о м ъ (Verstand), хотя, по странному противорѣчію или по странной терминологіи, понимаемый р а з у м о м ъ (Vernunft): міръ абсолютныхъ понятій, настоящій объектъ философіи. Кантъ, такимъ образомъ, прямо попадаетъ въ старую, давно проторенную метафизикой колею.

Съ другой стороны, однако, философская дѣятельность Канта направлена на весьма рѣзкую критику большинства теоретическихъ положеній его предшественниковъ. Спасая духъ прежней метафизики, Кантъ смѣло жертвуетъ очень многимъ, что̀ служило воплощеніемъ этого духа въ трудахъ цѣлыхъ поколѣній философовъ. Эта сторона Канта придаетъ его философскому облику особое значеніе въ такое время, когда скептическое отношеніе къ результатамъ прежней философіи достигло своего апогея. Наканунѣ величайшаго изъ умственныхъ переворотовъ, геніальному обличителю ставшихъ очевидными для всѣхъ заблужденій

естественно было прослыть за могучаго пророка и реформатора. Возвращеніе къ Канту, сдѣлавшееся лозунгомъ обширной группы современныхъ мыслителей, вслѣдъ за мимолетнымъ увлеченіемъ реакціоннымъ идеализмомъ первой половины текущаго столѣтія, объясняется именно этою простою иллюзіей.

Но увлеченію философіей Канта, кромѣ указанной сейчасъ причины, способствовали и другія. Обширныя познанія Канта и его вѣрность научному методу, пока дѣло идетъ о частныхъ вопросахъ, не подлежатъ сомнѣнію, а эта черта, выгодно отличающая кёнигсбергскаго философа отъ большинства и болѣе раннихъ, и позднѣйшихъ идеалистовъ, не могла не цѣниться очень высоко именно въ наше время. Далѣе, Кантъ дорогъ многимъ современнымъ умамъ еще и тѣмъ, что онъ послѣдній или ближайшій къ намъ изъ группы геніальныхъ философовъ, хорошо понимавшихъ, что самою слабою стороною различныхъ міровоззрѣній была свойственная имъ неполнота или односторонность. Но Кантъ, подобно родственнымъ ему великимъ умамъ, и между ними въ особенности подобно Аристотелю и Декарту, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ роковой неизбѣжности такой односторонности: отъ него вполнѣ ускользала тѣсная зависимость этого явленія отъ роста положительныхъ наукъ. Онъ поэтому искалъ выхода въ среднихъ путяхъ. Извѣстна его знаменитая попытка согласовать признаніе правъ чувственнаго опыта съ признаніемъ высшихъ правъ апріорическихъ формъ мышленія. Попытка эта не удалась, какъ не достиглась и имѣвшаяся при этомъ въ виду цѣль: найти синтезъ враждебныхъ міропониманій, органически претворивъ въ одну общую

точку зрѣнія остававшіяся разрозненными или только механически связанными между собою точки зрѣнія матеріализма и идеализма. Эту завѣтную цѣль, однако, Кантъ преслѣдуетъ не простыми эклектическими пріемами, не воспринятіемъ въ составъ своего міропониманія главныхъ тезисовъ матеріализма рядомъ съ существенными положеніями идеализма. Кантъ самъ искреннѣйшій идеалистъ и для него важно, прежде всего, конечное торжество идеализма, — но идеализма очищеннаго, углубленнаго, ставшаго дѣйствительно способнымъ обнять всю совокупность космическихъ явленій. Эта мечта Канта приняла форму попытки поразить на смерть матеріализмъ, поглотивъ его навсегда въ обновленномъ идеализмѣ. Только такимъ путемъ надѣялся Кантъ избѣгнуть обычнаго камня преткновенія всѣхъ подобныхъ стремленій—крайняго, безвыходнаго скептицизма.

Средствомъ къ этому грандіозному по замыслу предпріятію послужило ему уничтоженіе матеріалистическаго „абсолюта“:—реальности матеріальной „вещи самой въ себѣ“. Къ несчастію, однако, средство это обоюдоострое: ибо всякій ударъ, нанесенный реальности матеріальнаго абсолюта, поражаетъ съ одинаковою силою и реальность абсолюта идеальнаго.

Нынѣшняя слава Канта, какъ великаго разрушителя метафизики, зиждется преимущественно на этихъ невольныхъ ударахъ, которые онъ наносилъ самому себѣ. О немъ судятъ по послѣдствіямъ его дѣятельности, и притомъ по послѣдствіямъ настолько отдаленнымъ, что они сказались уже въ умахъ, успѣвшихъ убѣдиться въ конечной несостоятельности метафизики на примѣрѣ цѣлаго ряда позднѣйшихъ системъ. Такой способъ

оцѣнки едва ли вполнѣ справедливъ; но на немъ основана еще и другая слава Канта, слава „непонятаго“ философа. Все это, вмѣстѣ взятое, до сихъ поръ доставляетъ Канту многочисленныхъ, хотя большею частью только номинальныхъ послѣдователей.

Но не таковы были прямая цѣль и открыто заявленныя намѣренія самого Канта. Реальность идеалистическаго абсолюта была для него высшей святыней: ее-то онъ и хотѣлъ укрыть отъ всякихъ посягательствъ въ кивотѣ завѣта практической или нравственной философіи. Эта сторона дѣятельности Канта, на нашъ взглядъ, гораздо болѣе замѣчательна, чѣмъ то углубленіе критической борозды, и безъ того не поверхностно заложенной Юмомъ, Локкомъ, Рейдомъ, всей шотландской школой и, вообще, сенсуалистами, которое обыкновенно ставится ему въ единственную оригинальную заслугу. Перенесеніе идеальной вещи самой въ себѣ, какъ оно было задумано и исполнено Кантомъ, въ область этики, одной изъ прикладныхъ частей соціологіи, является, съ этой точки зрѣнія, осуществленіемъ, въ зрѣломъ возрастѣ метафизики, мысли, которая уже въ ранней юности ея зародилась во многихъ умахъ, между прочимъ, и въ великомъ умѣ Сократа. А потому нравственная философія Канта навсегда останется, какъ намъ кажется, однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ идеализма. Вопросъ другой — получитъ-ли этотъ памятникъ, и. когда именно, значеніе надгробнаго монумента; но и тогда строгій, сдержанный, почти убогій стиль его будетъ выгодно контрастировать съ тяжелою роскошью грандіознаго мавзолея, нѣсколько позже воздвигнутаго тому же великому усопшему другимъ сильнымъ борцемъ за него—Гегелемъ.

Въ этомъ общемъ очеркѣ прошедшаго философіи для насъ, впрочемъ, по отношенію къ Канту, важно только убѣдить читателей въ двухъ вещахъ: во первыхъ въ томъ, что Кантъ принадлежитъ прежней философіи, и во вторыхъ въ томъ, что въ ней онъ занимаетъ почетное мѣсто подъ знаменемъ идеализма. Родство Канта съ предшествовавшими ему мыслителями уже вытекаетъ изъ всего сказаннаго о характерѣ его философской доктрины. Ему должно быть отведено мѣсто рядомъ съ Аристотелемъ, Бэкономъ, Декартомъ, Юмомъ и Локкомъ, но отнюдь не отдѣльно отъ нихъ или выше ихъ. Кантъ только хронологически, а не по существу своего ученія, стоитъ на рубежѣ метафизики и философіи наукъ. Его значеніе можетъ быть очень велико для новѣйшаго критицизма, который, отвергая его нравственную философію и примыкая исключительно къ отрицательной сторонѣ его дѣятельности, обязанъ ему, дѣйствительно, почти всѣми своими точками исхода. Его значеніе, далѣе, простирается и на болѣе распространенные оттѣнки позитивизма, которые заимствовали у него самый зрѣлый плодъ метафизики—ученіе о непознаваемомъ. Но для философіи наукъ система Канта имѣетъ не болѣе внутренней цѣнности, чѣмъ система любого другого великаго метафизика. Кантъ можетъ считаться однимъ изъ предковъ философіи наукъ лишь въ широкомъ историческомъ смыслѣ, въ которомъ безразлично всѣ антецеденты принимаются въ расчетъ для объясненія послѣдующихъ явленій и въ которомъ самое заблужденіе признается одною изъ побочныхъ причинъ, способствующихъ окончательному торжеству истины. Но, даже и съ этой точки зрѣнія, Кантъ является великимъ разрушителемъ метафизики только потому, что онъ дѣлаетъ по-

слѣднее отчаянное усиліе, чтобы спасти ее, и усиліе это даетъ отрицательный результатъ. Кантъ даже отдаленнымъ образомъ не подозрѣваетъ, что къ неизмѣнной цѣли всякой философіи—однородному пониманію совокупности явленій, пролегаетъ и другой путь, кромѣ великаго, въ историческомъ смыслѣ, метода, обусловившаго возникновеніе, развитіе и процвѣтаніе двухъ драгоцѣннѣйшихъ, въ свое время, продуктовъ цивилизаціи—религій и метафизики.

11. Религіозныя вѣрованія и метафизическія системы (ихъ можно назвать, безъ всякой ошибки, также вѣрованіями) одновременно были и крайне важнымъ результатомъ, и необходимѣйшимъ двигателемъ соціологической эволюціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что безъ помощи ихъ не могло бы возникнуть величественное зданіе современной культуры. Но это значитъ только, что за ними, въ благодарной памяти грядущихъ поколѣній, должно быть навсегда закрѣплено значеніе, такъ сказать, строительныхъ лѣсовъ цивилизаціи. Нужды нѣтъ, что такая роль ихъ еще не бросается рѣзко въ глаза Каждый успѣхъ знанія и въ особенности каждое завоеваніе науки въ области общественной этики приноситъ съ собою новое доказательство тому, что эти сооруженія, которыя, казалось, были разсчитаны на вѣчность, имѣютъ глубоко преходящее значеніе и составляютъ сами по себѣ не постоянную цѣль, а временное средство. Если уже отдѣлы наукъ, покоящіеся на спеціальныхъ предположеніяхъ,—суть только временныя постройки, то нѣтъ сомнѣнія, что общія теологическія и философскія гипотезы должны еще неизбѣжнѣе сообщать свой преходящій характеръ основаннымъ на нихъ міро-

пониманіямъ. Такимъ образомъ объясняется фактъ, сотни разъ засвидѣтельствованный исторіею: фактъ постоянной смѣны однѣхъ системъ и однихъ вѣрованій другими; при чемъ медленность этого процесса по отношенію къ религіознымъ вѣрованіямъ зависитъ, очевидно, исключительно отъ того, что религіи представляютъ собою философіи цѣлыхъ народовъ или болѣе многочисленныхъ и менѣе развитыхъ общественныхъ классовъ, такъ что тутъ необходимо вступаетъ въ дѣйствіе законъ соціологической косности или сопротивленія массъ. Но методъ Канта—все та же философская гипотеза, и Кантъ остается вѣренъ ему, такъ сказать, до конца, въ маломъ и большомъ, въ подробностяхъ и въ основной канвѣ своего міровоззрѣнія. Это рѣшаетъ и судьбу его философіи. Она всецѣло принадлежитъ прошедшему.

Мы сравнили ученія прежней философіи съ строительными лѣсами, на время заслоняющими собою воздвигаемое съ ихъ помощью зданіе цивилизаціи. Наше сравненіе можетъ быть проведено далѣе. Зданіе это отстраивается съ убійственною для нетерпѣнія первыхъ поколѣній зодчихъ медленностью, камень за камнемъ, съ вѣковыми перерывами между многочисленными этажами, съ постоянною ломкою и передѣлкою непрочно заложенныхъ частей. Но смутный образъ единства цѣлаго, единства, необходимаго для достиженія господства надъ всѣми разрядами явленій природы, съ перваго же приступа къ работѣ уже носится въ воображеніи по крайней мѣрѣ наиболѣе даровитыхъ каменьщиковъ культуры. Образъ этотъ не давалъ покоя ихъ фантазіи, постоянно побуждая ее къ отгадыванію будущихъ очертаній великаго сооруженія. И вотъ вокругъ только что заложеннаго фундамента, во-

кругъ медленно строящихся нижнихъ этажей, вокругъ пустого еще мѣста, представляемаго верхними частями зданія, въ теченіе вѣковъ, постоянно опережая медленную работу спеціальныхъ наукъ, происходитъ и другая работа: съ лихорадочною поспѣшностью воздвигаются философскія гипотезы, одна другой причудливѣе, нескладнѣе, противорѣчивѣе. Охватывая „пустоту“ и стремясь придать ей жизнь и содержаніе въ предѣлахъ своихъ фантастическихъ линій, сооруженія эти непрочны, какъ карточныя постройки. Выростая быстро, они еще быстрѣе исчезаютъ, очищая мѣсто для новыхъ попытокъ въ томъ же родѣ.

12. Философскія гипотезы въ основныхъ своихъ чертахъ постоянно и неизбѣжно повторяютъ другъ друга; но самыя черты эти представляютъ одно крупное различіе, позволяющее установить въ гипотетической философіи по крайней мѣрѣ три главныхъ типа. Одинъ изъ нихъ выдвигаетъ на первый планъ гипотезу, тѣсно примыкающую къ широкому основанію всякой человѣческой культуры — къ наукамъ неорганическаго міра, изслѣдующимъ самыя общія и простыя явленія. Таковъ матеріализмъ. Другой типъ, напротивъ того, выступаетъ съ гипотезой, охватывающей „будущіе“ верхніе этажи и самую крышу строящагося зданія, — еще не образовавшіяся науки явленій гиперорганическихъ. Таковъ идеализмъ. Третій типъ, наконецъ, сенсуализмъ, съ представителями котораго мы еще должны познакомиться, занимаетъ среднее мѣсто, соотвѣтствующее тому, которое въ іерархіи знанія принадлежитъ наукамъ міра органическаго. Но всѣ три типа одинаково превращаютъ свои частныя, по проис-

хожденію, гипотезы, въ общія, по своему назначенію, предположенія, и односторонне объясняютъ ими всю совокупность явленій.

13. Кантъ несомнѣнно принадлежитъ ко второму изъ этихъ типовъ. Онъ, такъ сказать, не сходитъ съ тѣхъ подмостковъ, которые его богатая фантазія воздвигла вокругъ, несуществующихъ еще и теперь, стропильныхъ вѣнцовъ человѣческаго знанія. Нужды нѣтъ, что онъ и его послѣдователи это увѣнчаніе считаютъ фундаментомъ; основная иллюзія ихъ дѣлается отъ этого только глубже, и идеализмъ — безповоротнѣе. Критика чистаго разума Канта есть, безспорно, великое произведеніе; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что съ первой страницы до послѣдней Кантъ даетъ намъ въ этой книгѣ гипотетическую психологію, гипотетическую логику, гипотетическую теорію познаванія. Но мировоззрѣніе, основанное на цѣломъ рядѣ психологическихъ гипотезъ, можетъ быть только чистымъ идеализмомъ. И дѣйствительно, хотя Кантъ во многихъ подробностяхъ и видоизмѣняетъ формулу прежняго идеализма, побуждаемый къ тому очевидной невозможностью поддерживать ее, въ виду слишкомъ рѣзкаго противорѣчія ея успѣхамъ положительнаго знанія,—но видоизмѣненія эти не касаются самой сущности идеализма, какъ мы понимаемъ эту сущность теперь.

Напрасно, поэтому, одинъ изъ лучшихъ современныхъ учениковъ Канта оскорбляется эпитетомъ „высшій идеализмъ“, которымъ одинъ критикъ характеризуетъ философію его учителя, и напрасно старается онъ увѣрить насъ, что эпитетъ этотъ прозвучалъ бы въ ушахъ кенигсбергскаго мыслителя какъ упрекъ въ „высшемъ кретиниз-

мѣ“ [1]). Такая оцѣнка идеализма черезчуръ строга и глубоко несправедлива. Похвалу упомянутаго критика Кантъ вполнѣ заслужилъ. Мы утверждаемъ это въ виду слѣдующаго мнѣнія, выраженнаго по этому предмету самимъ великимъ философомъ.

„Тезисъ всѣхъ настоящихъ идеалистовъ, начиная со школы элеатовъ до епископа Беркелея, содержится въ формулѣ: Всякое познаніе, пріобрѣтенное помощью чувствъ и опыта, есть только кажущееся, а истина заключается лишь въ идеяхъ, образуемыхъ чистымъ пониманіемъ или разумомъ“.

„Принципъ, господствующій въ моемъ идеализмѣ и всецѣло опредѣляющій его, есть, напротивъ, слѣдующій: Всякое познаніе вещей, берущее свое начало въ чистомъ пониманіи или разумѣ, есть только кажущееся, и истину можно найти лишь путемъ опыта“ [2])

Мнѣніе это, дѣйствительно, не предрѣшаетъ ровно ничего въ спорѣ объ идеализмѣ Канта. Тотъ же отвѣтъ могли бы дать уже нѣкоторые идеалисты древняго міра, и въ особенности Аристотель. Вопросъ сводится не къ содержанію той или другой психологической гипотезы — содержаніе это можетъ и должно измѣняться, хотя нельзя отрицать и тутъ замѣченнаго Кантомъ общаго единообразія—а къ самому факту, что именно психологическая гипотеза служитъ краеугольнымъ камнемъ цѣлаго мировоззрѣнія, объявляется истиннымъ ключемъ къ пониманію совокупности явленій. Матеріализму только потому трудно или невозможно,

---

[1]) Histoire du matérialisme, т II., стр 12

[2]) Prolegomena, стр. 204 и слѣд. (1783 г.).

въ теоріи, согласиться со взглядами Беркелея, что философія эта, въ силу своего принципа, не допускаетъ всеобъемлющихъ психологическихъ гипотезъ, замѣняя ихъ не менѣе общими физико-химическими предположеніями. Но развѣ опытъ когда-нибудь подтверждалъ послѣднія обобщенія матеріалистовъ? И развѣ постоянная и неизмѣнная практика ихъ не дѣлаетъ изъ нихъ послѣдователей Беркелея по крайней мѣрѣ настолько же, насколько Беркелей, Кантъ и другіе идеалисты могли бы, съ той же точки зрѣнія, считаться учениками Демокрита, Гоббса или Гассенди?

Торжественное признаніе правъ опыта, столь естественное въ устахъ Бэкона, удивляетъ насъ, получаетъ почти пикантный оттѣнокъ, исходя отъ убѣжденнаго идеалиста и, сверхъ того, являясь не результатомъ простого указанія на эмпирическій фактъ—историческіе успѣхи вооруженнаго опытомъ знанія и историческое же безсиліе чистаго разума метафизиковъ,—а логическимъ слѣдствіемъ тонкаго и пространнаго анализа. Но удивленіе это, по нашему мнѣнію, только доказываетъ, что сущность идеализма многими понимается такъ же смутно и невѣрно, какъ неправильно понималась сущность матеріализма въ то еще недавнее время, когда идеалиста Спинозу причисляли къ главнѣйшимъ столпамъ матеріалистическаго міровоззрѣнія. Ученіе Канта объ опытѣ идетъ, безъ сомнѣнія, въ разрѣзъ съ ученіемъ о томъ же предметѣ большинства идеалистовъ, но оно не идетъ въ разрѣзъ съ самимъ идеализмомъ. Идеализмъ есть незаконное преобладаніе точекъ зрѣнія высшихъ наукъ, и обыкновенно психологической, какъ матеріализмъ есть незаконное преобладаніе точекъ зрѣнія низшихъ наукъ, и обыкновенно физической и даже математической. Та-

ково наиболѣе общее опредѣленіе двухъ основныхъ ошибокъ человѣческаго ума, двухъ главныхъ видовъ нарушенія имъ тѣхъ условій равновѣсія, соблюденіе которыхъ одно можетъ отвѣчать понятію о строгой научной истинѣ. Но если къ умственному настроенію, выражаемому преобладаніемъ точекъ зрѣнія перваго или второго рода, присоединится еще стремленіе обнять или объединить, путемъ общихъ гипотезъ, всю совокупность явленій, то въ результатѣ неминуемо получится, въ первомъ случаѣ, идеалистическая, а во второмъ—матеріалистическая метафизика. Философія Канта соединяетъ въ себѣ оба условія, необходимыя для признанія ее именно идеалистическою метафизикою. Нельзя отрицать въ ней преобладанія, чтобы не сказать исключительнаго господства, психологической точки зрѣнія; нельзя также отрицать и глубокой гипотетичности ея послѣднихъ обобщеній. Мѣсто, отводимое опыту въ теоріи познаванія Канта, имѣетъ въ этомъ смыслѣ уже совершенно второстепенное значеніе. Примѣръ Канта всего лучше обнаруживаетъ эту „относительную“ независимость философскаго идеализма отъ того или другого взгляда на значеніе опыта. Предшественники Канта (Лейбницъ, Беркелей) видѣли въ a posteriori грубую иллюзію, уклоненіе отъ a priori. Кантъ, напротивъ того, видитъ въ a posteriori то-же a priori, но уже въ неотразимой формѣ, въ наисовершеннѣйшемъ воплощеніи. Но Кантъ тѣмъ самымъ, въ сущности, только идеализируетъ опытъ. Онъ не можетъ не сдѣлать этого, именно въ силу преобладанія у него психологической точки зрѣнія. Любой матеріалистъ точно такимъ же образомъ матеріализируетъ чистое мышленіе или априористиче-

скія формы мысли, и не можетъ поступить иначе именно въ силу преобладанія у него точки зрѣнія низшихъ, физико-математическихъ наукъ (13 bis и 14).

14. Послѣ Канта, несмотря на громадные успѣхи положительнаго знанія, идеалистическая метафизика продолжаетъ имѣть многихъ и блестящихъ представителей. Выше было уже указано на роль, которая принадлежала въ этомъ движеніи Германіи, и на причины этого явленія. Мы перечислили также главнѣйшихъ дѣятелей замѣчательной плеяды германскихъ идеалистовъ начала текущаго столѣтія. По отношенію къ большинству этихъ философовъ, мы здѣсь, впрочемъ, ограничимся однимъ упоминаніемъ ихъ именъ. Выработанныя ими системы, несмотря на интересъ, представляемый нѣкоторыми частностями ихъ, были въ значительной мѣрѣ только продуктомъ, на философской почвѣ, того же реакціоннаго романтизма, который съ такою силою проявился въ началѣ нынѣшняго столѣтія и во всѣхъ другихъ областяхъ мысли и жизни. Системы эти имѣли въ высшей степени временное значеніе.

Намъ теперь, по справедливому замѣчанію Ланге, очень мало дѣла до того, какъ Фихте изъ темной теоріи Канта о первоначальномъ синтетическомъ единствѣ воспріятія выводилъ свое всесозидающее Я, или къ какому волшебству прибѣгалъ пантеистъ Шеллингъ, чтобы изъ логической формулы A=A добыть, какъ изъ пустого орѣха, цѣлый міръ явленій [1]) (15).

Два исключенія, однако, мы въ данномъ случаѣ

---

1) Histoire du matérialisme, т. II, стр. 80.

сдѣлаемъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ объ идеалистахъ Гегелѣ и Шопенгауэрѣ. Къ этому насъ вынуждаетъ громадное культурное, скорѣе чѣмъ философское, вліяніе, оказанное этими мыслителями на современниковъ. Кромѣ того, діалектическая философія Гегеля представляетъ еще спеціальный интересъ, какъ необыкновенно талантливая форма возврата къ давно пережитымъ фазамъ философской мысли, а міровоззрѣніе Шопенгауэра—какъ характерный признакъ истощенія метафизическаго идеализма и отчасти какъ подготовительная ступень къ переходу отъ прежней метафизики къ нѣкоторымъ новѣйшимъ системамъ.

Индивидуальное величіе Гегеля не подлежитъ сомнѣнію, какъ не подлежитъ спору обаяніе, которое его пышный идеализмъ производилъ на умы, мгновенно покоряя себѣ даже наиболѣе трезвые между ними. Нашъ Герценъ называетъ гдѣ-то Гегеля великимъ магомъ и чародѣемъ. Таково именно должно было быть первое и сильное впечатлѣніе отъ этой блестящей философской систематизаціи. Она не походила на трудную и медленную реставрацію, и всего менѣе на дальнѣйшее, правильное, строго-логическое развитіе прежняго идеализма. Она казалась внезапнымъ отысканіемъ давно затерянной магической формулы, неожиданнымъ воскрешеніемъ того, на что уже понемногу привыкали смотрѣть, какъ на разлагающійся трупъ. Такое чудо, посреди другихъ чудесъ XIX-го вѣка, удивляло и поражало еще болѣе, чѣмъ радовало. Но волшебство, какъ бываетъ со всякимъ волшебствомъ, длилось не долго. Оказалось, что мы имѣемъ дѣло не съ цвѣтущимъ и полнымъ силы организмомъ, а съ гальванизированнымъ мертвецомъ. Однимъ изъ первыхъ замѣтилъ это Шопенгауэръ:

это одна изъ его заслугъ. Въ конечномъ результатѣ осталось убѣжденіе въ геніальности гальванизатора.

Отвѣчалъ ли воскрешенный Гегелемъ метафизическій идеализмъ какой-либо потребности современныхъ умовъ? Въ виду быстрой и радикальной смѣны его матеріалистическими ученіями и новѣйшими научно-философскими системами можно сказать съ увѣренностью, что потребность эта, во всякомъ случаѣ, имѣла скоропреходящій и поверхностный характеръ. Разгадка вліянія Гегеля заключалась не во внутреннемъ ядрѣ его ученія, а въ искусной обстановкѣ послѣдняго дорогими духу времени стремленіями, въ побочныхъ доктринахъ, въ аксесуарахъ различнаго рода, однимъ словомъ въ геніальной сервировкѣ давно всѣмъ пріѣвшагося блюда. Гегель не скупился на обѣщанія. Его философія должна была удовлетворить то томленіе и выполнить тѣ неясныя предчувствія, которыми болѣлъ вѣкъ и которымъ великій поэтъ вѣка, безсмертный Гете, далъ такое художественное выраженіе въ образѣ Фауста [1]). Безсиліе естествознанія въ цѣломъ рядѣ глубоко волновавшихъ человѣчество вопросовъ должно было быть разомъ побѣждено необыкновеннымъ напряженіемъ духа.

Гегель давалъ понять, что только наше время, богатое опытомъ и знаніемъ всякаго рода, время, въ которомъ съ такою силою сказалось настоящее историческое чувство, имѣло серьезные шансы съ успѣхомъ выполнить тотъ „прыжокъ въ непознаваемое“, который былъ всегдашнею цѣлью трансцендентальныхъ усилій ума. Онъ намекалъ,

---

[1]) Paulsen: Was uns Kant sein kann? Vierteljahrsschrift fur wissenschaftl. Philosophie, 1881, I Heft, p. 12.

что у человѣческаго духа, какъ послѣдствіе всей предыдущей его исторіи, выросли наконецъ крылья, и что прежняя опасность — безплодно разбиться — въ значительной мѣрѣ уменьшалась объективнымъ развитіемъ міровой идеи, воплощеніемъ ея въ завершающейся на нашихъ глазахъ энциклопедіи знаній и въ событіяхъ всемірной исторіи. Старая, механическая телеологія должна была уступить мѣсто новой, прежняя идеологія должна была смѣниться другою, въ которой, однако, какъ и въ прежнемъ пантеизмѣ, цѣль и причина, чувство и реальное бытіе, міръ и идея являлись равнозначущими понятіями, и всѣ обычныя грани безслѣдно утопали въ безбрежномъ океанѣ единой міровой сущности.

Гегель, опираясь на главныя положенія друга своей юности Шеллинга и развивая, усовершенствуя методъ, который въ общихъ чертахъ былъ уже намѣченъ старшимъ Фихте [1]), отожествляетъ мысль и бытіе, природу и исторію, конкретное и абстрактное, субъективное и объективное, формальное и реальное и, въ особенности, логику и метафизику [2]). Несмотря на это, однако, или именно благодаря этому, философія Гегеля, по выраженію Гэйма [3]), есть подробный атласъ, наглядная карта всевозможныхъ противорѣчій. Умъ человѣка никогда, повидимому, не достигалъ такой виртуозности въ смѣшеніи понятій, и никогда еще крайній идеализмъ не праздновалъ такихъ сатурналій. Но не это философское столпотвореніе, конечно, привлекало толпы жадныхъ слушателей

---

1) Ludwig Knapp, System der Rechtsphilosophie, стр 4.
2) Goring, System der kritischen Philosophie, I, стр. 302.
3) Haym, Hegel und seine Zeit, 1857 г., стр. 461.

къ подножію берлинской каѳедры, приковывая ихъ къ устамъ весьма плохо владѣвшаго словомъ учителя. Среди другихъ превращеній или, вѣрнѣе, какъ конечный результатъ этихъ произвольныхъ отожествленій, должно было послѣдовать и полное упраздненіе „непознаваемаго“, сведеніе его къ познаваемому. Надежда эта, однако, какъ извѣстно, была жестоко обманута: философія абсолютнаго тожества „конечнаго и безконечнаго“ грозила, напротивъ того, и самое познаваемое обратить въ непознаваемое. Но уже въ простомъ возбужденіи такого ожиданія заключалась одна изъ важнѣйшихъ причинъ мимолетнаго успѣха какъ абсолютнаго идеализма, такъ и діалектической логики Гегеля.

15. Другой, чтобъ не сказать противоположный, характеръ имѣлъ идеализмъ Артура Шопенгауэра. Правда, и Шопенгауэръ, подобно Гегелю, искалъ ключа къ разрѣшенію міровой загадки исключительно въ группѣ сложныхъ, гиперорганическихъ фактовъ Оба въ этомъ смыслѣ и были строгими идеалистами. Но на этой наиболѣе общей чертѣ и обрывается все сходство между ихъ міровоззрѣніями. Идеализмъ Шопенгауэра уже ни въ чемъ не походилъ на побѣдную пѣснь опьяненнаго собственнымъ созерцаніемъ, торжествующаго разума. Франкфуртскій мизантропъ ударился въ противоположную крайность. Его отрывочная, не развившаяся въ округленную систему философія звучала другими, полными печали и отчаянія нотами, казалась какимъ-то погребальнымъ маршемъ надъ безконечными притязаніями человѣческаго духа

Произвольность выставленной Шопенгауэромъ, для объясненія единства всѣхъ явленій, общей гипотезы рѣзко бросается въ глаза, напоминая въ

этомъ отношеніи наименѣе удачныя созданія философскаго воображенія. Метафизика „воли“ не имѣетъ, сама по себѣ, никакихъ рѣшительно преимуществъ передъ метафизикою нераздѣльнаго духа, разума, идеи, сознающаго и познающаго „я“, съ одной стороны, и метафизикою силы, движенія, вѣчно текущаго вещества съ другой. „Міръ, какъ воля“, есть міръ чистой фантазіи въ одинаковой степени съ „міромъ, какъ представленіе“ или вселенной, состоящей изъ матеріальныхъ атомовъ.

Философская гипотеза Шопенгауэра, подобно предшествовавшимъ ей попыткамъ того же рода, обнимаетъ и объясняетъ всѣ явленія только въ собственномъ представленіи философа и въ умахъ болѣе или менѣе ограниченнаго круга его послѣдователей. Внѣ этихъ тѣсныхъ, субъективныхъ рамокъ, метафизика Шопенгауэра теряетъ свое общее, объединительное значеніе и можетъ, въ лучшемъ случаѣ, сохранить нѣкоторую цѣну только какъ блестящая, хотя и исполненная ошибокъ и противорѣчій, монографія, внушенная изученіемъ, безъ помощи строгихъ методовъ науки, одного спеціальнаго разряда фактовъ. Такова судьба всякой метафизической гипотезы. Общность послѣднихъ результатовъ любой метафизической системы есть нѣчто весьма условное и относительное, нѣчто, признаваемое только приверженцами даннаго ученія; для всѣхъ остальныхъ она легко превращается въ прямо противоположное качество.

Говоря о произвольномъ характерѣ философіи Шопенгауэра, я, впрочемъ, разумѣю исключительно бездоказательность его основной гипотезы съ точки зрѣнія обычныхъ методовъ точной науки, а отнюдь не отсутствіе преемственной связи между воззрѣніями нѣмецкаго философа и всею совокупностью

предшествовавшихъ имъ метафизическихъ построеній. Съ точки зрѣнія исторической филіаціи, метафизическій идеализмъ Шопенгауэра, напротивъ того, безупречнѣе многихъ другихъ идеалистическихъ системъ, возникшихъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія и, въ особенности, философіи Гегеля. Шопенгауэръ прямо и непосредственно примыкаетъ къ Канту. Признавая, вмѣстѣ съ послѣднимъ, только формальную логику и тщательно отдѣляя ее отъ метафизики, онъ выгодно отличается уже въ чисто методологическомъ отношеніи не только отъ Гегеля, но и отъ всѣхъ тѣхъ философовъ, которые, подобно Шлейермахеру, Тренделенбургу, Ибервегу и другимъ, желали занять въ этомъ вопросѣ среднее положеніе и усиливались основать новую логику на предполагаемомъ „параллелизмѣ мысли и бытія“. Но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ только что указаннаго, пессимистическій идеализмъ Шопенгауэра составляетъ естественный результатъ, необходимое послѣдствіе критическаго идеализма Канта.

Не упоминая уже о частныхъ точкахъ соприкосновенія, и оставляя въ сторонѣ всякую аналогію между темнымъ ученіемъ Канта о нравственной волѣ и несравненно болѣе ясными тезисами Шопенгауэра о волѣ, предшествующей сознанію и вполнѣ независимой отъ него,—нельзя не отмѣтить, прежде всего, значительнаго, хотя только косвеннаго, вліянія, которое вся философская дѣятельность Шопенгауэра имѣла на такъ-называемый возвратъ къ Канту и на лучшее пониманіе этого философа. Какъ извѣстно, написанныя еще въ началѣ столѣтія, сочиненія Шопенгауэра долго не находили читателей, и только къ концу пятидесятыхъ годовъ доставили своему автору нынѣшнюю его сла-

ву. Но къ тому же времени относится и расцвѣтъ современнаго критицизма съ философіей Канта, какъ точкою исхода.

Совпаденіе это — едва ли простая случайность. Какъ справедливо говоритъ одинъ изъ наиболѣе строгихъ критиковъ Шопенгауэра [1]), послѣ окончательнаго паденія гегеліанизма въ Германіи и исчезновенія во Франціи совершенно призрачнаго эклектизма, обѣ страны эти очутились, въ философскомъ отношеніи, почти въ одинаково безвыходномъ положеніи. Тогда-то и сказалась разница не только въ темпераментѣ обѣихъ націй, но и въ ихъ историческихъ антецедентахъ, въ степени и характерѣ достигнутаго ими развитія. Германія инстинктивно сдѣлала шагъ назадъ къ Канту и на пути своемъ, прежде всего, встрѣтила язвительный, скептическій пессимизмъ ученика Канта, Шопенгауэра; Франція же обратилась къ философскимъ традиціямъ XVIII-го вѣка, и по дорогѣ наткнулась на готовый результатъ пережитаго ею въ прошломъ столѣтіи великаго умственнаго движенія — на трезвый, хотя нѣсколько догматическій и сравнительно сухой позитивизмъ Огюста Конта.

Въ этихъ двухъ одновременныхъ и весьма важныхъ фактахъ новѣйшей исторіи умственнаго развитія Европы, рѣзко выразилась тѣсная связь между философскими понятіями даннаго общества и всей совокупностью его соціологическаго развитія. Факты эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что метафизическія построенія ума, пока не изсякъ производящій ихъ источникъ, входятъ въ общую эволюцію, какъ одинъ изъ та-

---

1) Wyrouboff. Les modernes théories du néant; Philosophie positive, Mars-Avril 1881.

кихъ факторовъ или элементовъ, которые наиболѣе чувствительны къ измѣненію прочихъ условій общественнаго развитія. Выводъ этотъ подтверждается всею исторіею метафизики, и въ самое послѣднее время особенно легко провѣряется на примѣрѣ Англіи, руководящее значеніе которой въ области философіи не подлежитъ сомнѣнію. Англія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опередила Францію, а въ другихъ отстала отъ нея; но въ среднемъ итогѣ и въ общихъ чертахъ, ея цивилизація несомнѣнно стоитъ на одномъ уровнѣ съ французскою. Въ Англіи, поэтому, если высказанный нами взглядъ вѣренъ, уже въ половинѣ настоящаго столѣтія долженъ былъ произойти поворотъ къ блестящимъ традиціямъ ея недавняго философскаго прошлаго. И дѣйствительно, какъ извѣстно, философская реакція первой четверти нынѣшняго столѣтія изо всѣхъ странъ Европы нашла наименѣе благопріятную для себя почву именно въ Англіи, гдѣ научныя стремленія позитивизма встрѣтили, напротивъ того, самый ранній и искренній привѣтъ со стороны большинства выдающихся мыслителей и весьма скоро завоевали себѣ огромное и почетное мѣсто, какъ въ чисто философскихъ, такъ и въ научныхъ сферахъ.

Двумя десятилѣтіями позже, и другая европейская страна, Италія, вошла въ общее движеніе, которое мало-по-малу, хотя и въ различной степени, распространилось на весь цивилизованный міръ, при чемъ наименѣе культурныя общественныя группы усвоивали себѣ, въ зависимости отъ болѣе или менѣе случайнаго стеченія обстоятельствъ, то стремленія англо-французской философской мысли, то идеалы и задачи мысли германской. Въ общемъ результатѣ, однако, почти повсемѣстно явилось

оживленіе философской дѣятельности, которая вездѣ получила иное направленіе. Европейское человѣчество вступило, повидимому, въ новую философскую фазу. Потребность въ міросозерцаніи, которое было бы вполнѣ согласовано съ громадными успѣхами положительнаго знанія, стала ощущаться все сильнѣе, и къ удовлетворенію пробудившихся обобщительныхъ стремленій ума послужили, на первый разъ, такъ называемыя научно-философскія системы. Но именно въ дѣлѣ облегченія этого знаменательнаго перехода отъ философіи отрывочнаго полузнанія къ философіи развившихся и окрѣпшихъ наукъ, отъ прежней метафизики къ научнымъ системамъ, Шопенгауэру, по крайней мѣрѣ въ Германіи и въ подпавшихъ ея преимущественному вліянію еще болѣе отсталыхъ странахъ, принадлежитъ довольно крупная роль. Если идеалистъ Кантъ, пытаясь произвесть коренную реформу въ прежней философіи, только успѣлъ нанести ей ударъ, отъ котораго она никогда не могла оправиться, то однимъ изъ прямыхъ послѣдствій этого пораженія метафизики, и притомъ послѣдствіемъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на современные умы, былъ именно пессимистическій нигилизмъ Шопенгауэра. Сознанная невозможность метафизическаго міропониманія могла и должна была, въ особенности на первыхъ порахъ, повести къ метафизическому мірооотрицанію. Оставаясь на чисто метафизической почвѣ, изъ критики чистаго разума можно было сдѣлать только одинъ выводъ: къ этому выводу, руководимый вполнѣ вѣрнымъ чутьемъ, и пришелъ идеалистъ Шопенгауэръ (16).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МАТЕРІАЛИЗМЪ, ИДЕАЛИЗМЪ, СЕНСУАЛИЗМЪ.

1. Общій взглядъ на значеніе матеріализма и идеализма.— 2. Основы классификаціи философскихъ системъ прошедшаго.— 3. Связь этой классификаціи съ классификацией знанія. — 4. Третій членъ философской классификаціи—сенсуализмъ.— 5. Значеніе этого термина и точное опредѣленіе сенсуалистической философіи —6. Ошибка ученыхъ и заблужденіе философовъ.—7. Два направленія въ сенсуализмѣ. Преобладаніе психологическихъ задачъ. Разграниченіе съ идеализмомъ —8. Неоднородность философскихъ доктринъ.—9. Сенсуализмъ и физіологія мозга. Метафизика и соціологія.—10. Характеръ вліянія различныхъ направленій метафизики на различные отдѣлы положительнаго знанія.—11. Вліяніе сенсуализма на развитіе описательной психологіи и на первые шаги въ области соціологіи.—12. Ошибочность обычнаго взгляда на отношенія между матеріализмомъ, идеализмомъ и сенсуализмомъ.—13 Запоздалый характеръ развитія сенсуализма и причина этого явленія.—14. Развитіе сенсуализма и развитіе біологіи.—15. Научныя стремленія матеріализма и сенсуализма. Точка зрѣнія идеала.

1. Мы познакомились теперь въ самыхъ общихъ чертахъ съ прошедшимъ двухъ весьма важныхъ и распространенныхъ типовъ философскаго объясненія міра. Мы видѣли, что типы эти—матеріализмъ и идеализмъ—проходятъ черезъ всю исторію философіи, что они возникли и развивались почти одновременно и имѣли, вообще говоря, довольно сходную судьбу. Намъ не трудно было убѣдиться и въ томъ, что оба міровоззрѣнія основаны на суще-

ственно одинаковыхъ способахъ или пріемахъ познаванія, къ которымъ, въ извѣстную пору своего развитія, необходимо прибѣгаетъ человѣческій умъ, стремясь обнять и удержать въ одной высшей формулѣ безконечное разнообразіе и вѣчно мѣняющееся содержаніе міра конкретныхъ явленій. Мы, наконецъ, пришли къ заключенію, что матеріализмъ и идеализмъ составляютъ двѣ крайности, два противоположныхъ полюса одного и того же умственнаго состоянія, порождаемаго неполнотою и отрывочностью нашихъ знаній о природѣ, человѣкѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ Въ медленной эволюціи абстрактныхъ наукъ, этому умственному состоянію соотвѣтствуютъ чувствительные пробѣлы знанія, скудное развитіе среднихъ и совершенное отсутствіе высшихъ ступеней его.

Съ исторической точки зрѣнія, такимъ образомъ, матеріализмъ и идеализмъ составляютъ лишь двѣ основныя разновидности одной и той же философіи, одного и того же міропониманія. Причина, дѣйствіе которой распространяется на громадные періоды въ исторіи человѣчества, именно неполнота или отсутствіе положительныхъ знаній о цѣлыхъ разрядахъ явленій, производитъ умственное состояніе, которое существуетъ до тѣхъ поръ, пока не прекращается дѣйствіе вызвавшей его причины, и которое, въ свою очередь, надолго обезпечиваетъ господство міропониманія, строго соотвѣтствующаго породившимъ его условіямъ. Отправляясь отъ непровѣряемыхъ общихъ гипотезъ, какъ точекъ исхода, міропониманіе это, извѣстное исторически подъ именемъ м е т а ф и з и к и, приходитъ, въ логическомъ построеніи своихъ результатовъ, къ ряду непримиримыхъ, въ предѣлахъ точнаго знанія, противорѣчій; въ фактическомъ же объясненіи вещей,

метафизическія системы постоянно и необходимо впадаютъ въ массу грубыхъ ошибокъ, изрѣдка раскрываемыхъ уже современниками, но большею частью дѣлающихся вполнѣ очевидными только для слѣдующихъ поколѣній спеціальныхъ ученыхъ. Съ теченіемъ времени, однако, причины или факторы, породившіе указанное умственное состояніе, подвергаются глубокому измѣненію; но вмѣстѣ съ ними измѣняются и всѣ послѣдствія или продукты ихъ. Въ сознаніи позднѣйшаго человѣчества, метафизика, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, получаетъ значеніе глубоко односторонняго и ложнаго толкованія суммы міровыхъ явленій, и становится не только философіей эпохи незнанія, но, въ прямомъ и строгомъ смыслѣ этого слова, и философіей незнанія.

2. Метафизика во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, — сказали мы сейчасъ; но до сихъ поръ нами были ближе разсмотрѣны только два типа метафизической мысли. Поэтому, естественно возникаетъ вопросъ: исчерпывается ли этими типами все содержаніе прежней философіи, или, другими словами, можетъ ли естественная исторія метафизики довольствоваться этою чрезвычайно общею классификаціею?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ первой и послѣдней инстанціи, даютъ и могутъ дать только факты прошедшаго философіи. Въ первой инстанціи—потому, что факты должны внушить изслѣдователю самый принципъ его классификаціи; въ послѣдней—потому, что основанныя на такомъ началѣ различенія и дѣленія должны быть еще разъ тщательно сличены съ конкретною историческою дѣйствительностью, и только тогда могутъ быть окончательно приняты, когда окажется, что они совпадаютъ съ нею во всѣхъ своихъ точкахъ.

Этому методу мы до сихъ поръ и старались слѣдовать. Читателю извѣстно начало, положенное нами въ основу нашей классификаціи философскихъ ученій: оно равносильно широкой схематизаціи наиболѣе достовѣрныхъ историческихъ фактовъ. Впрочемъ, чтобы полнѣе убѣдиться въ этомъ, изложимъ здѣсь вкратцѣ главнѣйшіе тезисы, на которые опирается руководящій нами общій взглядъ.

Философская система, въ какую бы эпоху она ни возникла и какимъ бы умственнымъ состояніемъ она ни обусловливалась, всегда стремится быть возможно болѣе общимъ и полнымъ объясненіемъ міра и его явленій, т. е. міропониманіемъ, или своего рода высшимъ знаніемъ. Противъ такого опредѣленія философіи, какъ результата многократнаго и тщательнаго анализа соотвѣтствующихъ историческихъ явленій, никто теперь серьезно не споритъ. Но не слѣдуетъ ли отсюда, не ясно ли само собою, что философія не можетъ не подлежать дѣйствію естественнаго закона, управляющаго развитіемъ всѣхъ родовъ обобщаемаго ею спеціальнаго знанія, не можетъ не находиться въ самой тѣсной связи съ постепеннымъ ростомъ этого послѣдняго, не можетъ, однимъ словомъ, не быть вѣрнымъ отраженіемъ состоянія, въ каждую данную эпоху, ряда положительныхъ наукъ, со всѣми ихъ пробѣлами и несовершенствами? Противъ этого неизбѣжнаго послѣдствія однажды принятаго опредѣленія философіи едва ли также возможно представить какія-либо серьезныя возраженія. Но изъ этихъ посылокъ вытекаетъ съ большой очевидностью заключеніе, что эпохи относительнаго незнанія, когда обширныя области явленій находятся еще внѣ сферы научнаго изслѣдованія и рядъ наукъ представляется въ видѣ ряда пробѣловъ спеціальнаго знанія, могутъ имѣть только

такую философію, которая занимаетъ среднее мѣсто между свободнымъ поэтическимъ творчествомъ и дѣйствительно общимъ знаніемъ, т. е. философію чисто г и п о т е т и ч е с к у ю. Выводъ этотъ подкрѣпляется всѣми, безъ исключенія, фактами прошедшаго философіи, примѣромъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ системъ. Общее знаніе, которое всѣ онѣ сулили своимъ приверженцамъ, состояло, въ послѣднемъ анализѣ, изъ ряда общихъ гипотезъ, и всѣ притязанія прежней философіи на объединяющее значеніе ея тезисовъ могутъ быть объяснены и оправданы лишь настолько, насколько эти тезисы дѣйствительно сохраняли характеръ предположеній, стремившихся обнять всѣ разряды явленій и, вслѣдствіе того, непровѣряемыхъ.

Это значеніе „общей“ гипотезы во внутреннемъ строеніи и во внѣшнихъ судьбахъ всякой метафизической системы и послужило мнѣ точкою исхода для моей классификаціи философій прошедшаго. Послѣднія, если чѣмъ-либо существенно и отличаются другъ отъ друга, то единственно только характеромъ выставленныхъ ими основныхъ предположеній, заимствованіемъ содержанія ихъ изъ той или другой группы или области явленій. Классификація преобладавшихъ въ прошедшемъ философіи гипотезъ есть въ то же время и классификація господствовавшихъ въ этомъ прошедшемъ направленій философской мысли.

Взглядъ этотъ вполнѣ согласенъ съ нѣкоторыми общими данными исторіи цивилизаціи; но это не слагало съ насъ обязанности подвергнуть его болѣе тщательной провѣркѣ путемъ сличенія съ рядомъ дѣйствительно существовавшихъ философскихъ системъ. Мы такъ и поступили, и на примѣрѣ матеріалистическихъ и идеалистическихъ ученій могли

убѣдиться въ томъ, что принципъ нашей классификаціи выдерживаетъ испытаніе историческихъ фактовъ. Теперь, поэтому, намъ остается только развить этотъ принципъ далѣе и, съ этою цѣлью, прежде всего, рѣшить вопросъ, представляется ли какая-нибудь исторически обоснованная необходимость для дополненія нашей классификаціи новыми категоріями или типами философской мысли? По нашему мнѣнію, необходимость эта существуетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какое бы преобладающее значеніе въ исторіи прежней философіи ни имѣли матеріалистическія и идеалистическія доктрины, но распредѣлить всѣ, безъ исключенія, философскія системы между этими двумя категоріями можно было бы лишь въ чрезвычайно общей классификаціи и только, такъ сказать, grosso modo. При этомъ нельзя было бы обойтись безъ очевидныхъ натяжекъ или безъ допущенія, внутри каждаго разряда, рѣзко очерченныхъ оттѣнковъ, что́, въ свою очередь, уничтожило бы всѣ выгоды отъ необыкновенной простоты первоначальной классификаціи.

Съ другой стороны, однако, несомнѣнно, что область гипотезъ почти такъ же обширна, какъ область явленій, и что, если бъ въ послѣднюю не былъ внесенъ порядокъ и система, и первая, по необходимости, представилась бы въ хаотическомъ видѣ. Но тогда мы лишились бы возможности классифицировать, въ строгомъ смыслѣ слова, философскія системы согласно избранному нами принципу, и намъ оставалось бы лишь принять, съ нѣкоторыми историками, столько же разрядовъ или типовъ міровоззрѣній, сколько было оригинальныхъ философовъ, или вообще впасть въ обычныя, произвольныя дѣленія.

3. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія даетъ предложенная Контомъ классификація наукъ, или, вѣрнѣе, лежащая въ основѣ ея классификація явленій, согласно съ ихъ коренными и несводимыми другъ къ другу свойствами, при современныхъ средствахъ знанія. Такая классификація есть въ то же время и лучшая изъ всѣхъ возможныхъ классификацій, во первыхъ, необходимыхъ и постоянныхъ отношеній между явленіями, называемыхъ ихъ естественными законами (отсюда возможность воспользоваться этою классификаціею для распредѣленія наукъ въ іерархическомъ порядкѣ); и во вторыхъ, и тѣхъ произвольныхъ или гипотетическихъ сочетаній явленій, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны, въ значительной степени, нашему воображенію (отсюда возможность воспользоваться тою же классификаціею и для систематическаго группированія философскихъ міровоззрѣній прошедшаго). Однимъ словомъ—такая классификація представляетъ прочный и широкій базисъ, на которомъ можно одинаково основать и раздѣленіе знанія положительнаго, точнаго, провѣреннаго до послѣднихъ мелочей, и классификацію знанія гипотетическаго, воображаемаго, непровѣряемаго даже въ главныхъ чертахъ Нужды нѣтъ, что въ настоящее время только наука признается дѣйствительнымъ знаніемъ, а метафизика большею частью прямо приравнивается къ незнанію: не говоря уже о томъ, что это не всегда было такъ, мы вѣдь здѣсь завѣдомо классифицируемъ философскіе продукты именно продолжительнаго періода незнанія.

Но, въ своихъ общихъ чертахъ, классификація Конта даетъ намъ три рѣзко дифференцированныя области явленій: неорганическую или физико-химическую группу съ ея математической основой, орга-

ническую или біологическую, которая зиждется на предыдущей и, наконецъ, гиперорганическую или психо-соціологическую, которая, въ свою очередь, имѣетъ біологическое основаніе. Къ этимъ тремъ группамъ явленій могутъ быть сведены и всѣ общія гипотезы, когда-либо выставлявшіяся прежнею философіею, а слѣдовательно и всѣ системы, на которыя она распадается.

Нѣтъ надобности преслѣдовать дѣленіе далѣе и стараться достигнуть въ этомъ отношеніи полнаго параллелизма съ рядомъ абстрактныхъ наукъ. Дѣйствительно, въ самыя цвѣтущія эпохи великаго періода образованія философскихъ гипотезъ и основанныхъ на нихъ міровоззрѣній, границы между абстрактными науками далеко еще не были прочно установлены, и фактъ такого разграниченія, для наиболѣе сложныхъ наукъ, принадлежитъ уже періоду разложенія и быстраго упадка метафизическихъ системъ. Съ другой стороны, философская гипотеза, по самому существу своему, не можетъ быть заключена въ слишкомъ тѣсные предѣлы. Назначеніе подобной гипотезы — объединять различные разряды явленій; и хотя глубокіе и несознаваемые источники ея, вслѣдствіе необходимости, надъ которой мы не властны и которая вытекаетъ изъ нашей умственной организаціи, и лежатъ всегда въ области частныхъ явленій, она сама, однако, развиваясь, постоянно стремится выйти изъ тѣсныхъ границъ области знанія, давшей ей начало, постоянно старается обнять возможно большее число явленій всѣхъ категорій, постоянно заявляетъ, однимъ словомъ, притязаніе на универсальный характеръ устанавливаемыхъ ею отношеній. Научная критика философскихъ системъ можетъ и должна прослѣдить процессъ возниканія ихъ центральныхъ

гипотезъ до глубокихъ корней или элементовъ послѣднихъ — до частныхъ явленій, составляющихъ предметъ отдѣльныхъ абстрактныхъ наукъ; но научная классификація этихъ системъ вполнѣ достигнетъ цѣли, доведя свой анализъ лишь до наиболѣе крупныхъ или общихъ группъ, въ которыя естественно соединяются явленія и которымъ соотвѣтствуютъ такія же группы спеціальныхъ наукъ.

4. Такимъ образомъ получается трехчленная классификація міровоззрѣній прошедшаго. Два члена ея, двѣ группы философскихъ системъ были уже разсмотрѣны нами. Третьей группѣ соотвѣтствуетъ міръ органическихъ или біологическихъ явленій, составляющій переходъ отъ космологіи къ соціологіи, отъ порядка внѣшняго міра къ порядку человѣчества. Изъ этой обширной области, изъ этого новаго міра явленій, какъ изъ двухъ остальныхъ, философы, если только основное предположеніе наше вѣрно, должны были свободно и большею частью безсознательно черпать матеріалы и составные элементы своихъ всеобъемлющихъ гипотезъ. Было ли что-нибудь подобное въ дѣйствительности? Происходило ли все такъ, какъ того требуетъ наше предположеніе? Существуетъ ли, однимъ словомъ, группа системъ, восполняющая этотъ важный пробѣлъ въ нашей классификаціи, и если существуетъ, то исчерпываются ли ею всѣ еще не разсмотрѣнныя нами разновидности метафизики, и не образуется ли затѣмъ еще сколько-нибудь значительнаго и несводимаго ни къ одному изъ принятыхъ нами трехъ дѣленій остатка? На эти вопросы рѣшительный и не допускающій никакихъ сомнѣній отвѣтъ даютъ историческіе факты. Такую группу метафизическихъ системъ мы дѣйствительно находимъ, на ряду съ ма-

теріализмомъ и идеализмомъ, въ исторіи прежней философіи; группа эта извѣстна тамъ подъ характеристическимъ названіемъ сенсуализма. Матеріализмъ, сенсуализмъ, идеализмъ—эта превосходная терминологія, прочно усвоенная себѣ всѣми историками философіи и столь легко переводимая на менѣе привычные уху термины — механизмъ (физико-химизмъ), біологизмъ (біопсихизмъ) и психологизмъ (чистый психизмъ), весьма знаменательна. она является какъ-бы инстинктивнымъ признаніемъ глубокой вѣрности лежащаго въ основѣ нашей классификаціи принципа. Что же касается вопроса о полнотѣ этой классификаціи, то отвѣтомъ на него можетъ служить уже самый общій историческій очеркъ сенсуализма, въ родѣ составленныхъ выше для матеріализма и идеализма. Когда мы перечислимъ главнѣйшихъ представителей сенсуализма, читатель легко убѣдится въ томъ, что въ исторической дѣйствительности не остается болѣе философскихъ системъ, изъ которыхъ могъ бы составиться особый классъ, — кромѣ, разумѣется, тѣхъ смѣшанныхъ міровоззрѣній, того эклектизма или синкретизма, который, не заботясь о логической однородности своихъ окончательныхъ выводовъ, одновременно опирается на самыя различныя, по своему происхожденію, гипотезы, и кромѣ тѣхъ новѣйшихъ попытокъ въ области философской мысли, которыя на-половину уже вышли изъ старой метафизической колеи и стремятся занять положеніе на рубежѣ между прежнею философіей незнанія и будущею философіей наукъ.

5. Но краткому изложенію историческихъ судебъ сенсуализма я считаю не лишнимъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній о самомъ терминѣ—

сенсуализмъ, а также о роли и значеніи этой философіи въ общемъ ходѣ развитія метафизическихъ доктринъ (16).

Сенсуализмъ обыкновенно опредѣляется какъ философское ученіе, приписывающее происхожденіе идей дѣйствію чувствъ, объясняющее всѣ психологическіе процессы внѣшнею, матеріальною чувствительностью; и въ этомъ смыслѣ Бэкль былъ совершенно правъ, требуя замѣны не совсѣмъ ясныхъ выраженій „сенсуализмъ“ и „сенсуалистъ“ болѣе точными, этимологически, терминами „сенсаціонализмъ“ и „сенсаціоналистъ“ [1]). Обычное опредѣленіе сенсуализма вполнѣ вѣрно; оно бьетъ по живому мѣсту соотвѣтствующія философскія ученія и сразу выдаетъ сущность ихъ „центральной“ гипотезы. Но оно имѣетъ другой недостатокъ: оно не принимаетъ въ расчетъ, не выражаетъ того, что сенсуализмъ есть не только теорія опытнаго образованія идей, но и цѣлое міровоззрѣніе, оригинальная и крупная философія, исходящая изъ этой теоріи или опирающаяся на нее. Въ ту же ошибку впало бы опредѣленіе матеріализма, которое бы видѣло въ немъ лишь спеціальную теорію движенія, или опредѣленіе идеализма, какъ особаго ученія объ апріорномъ и независимомъ отъ условій внѣшняго міра генезисѣ идей. Такія опредѣленія черезчуръ узки; они обнимаютъ очень характерныя отличія, но не всю совокупность признаковъ, изъ которыхъ слагается понятіе о философіи. Обычный взглядъ на сенсуализмъ нуждается, поэтому, въ значительномъ расширеніи.

Удовлетворить этому требованію не трудно послѣ всего сказаннаго нами о матеріализмѣ и идеализмѣ.

---

[1]) History of civilisation, т. I, стр. 146.

Какъ философія, сенсуализмъ допускаетъ гипотетическое построеніе міра, основанное на гипотетическомъ изслѣдованіи обширной области неизвѣстнаго. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, сенсуализмъ составляетъ лишь особенно выдающуюся посредствующую фазу въ томъ двойномъ процессѣ матеріалистическаго эндосмоза (поглощенія менѣе извѣстнаго субъекта болѣе извѣстнымъ объектомъ) и идеалистическаго эксосмоза (обратнаго поглощенія объекта субъектомъ), который принимаетъ въ исторіи міропониманій всевозможныя формы, и составляетъ, въ сущности, все содержаніе прошедшаго философіи. Сенсуалистическая философія есть та стадія этого развитія, въ которой наименѣе общая и наиболѣе сложная часть объекта, біологическая сфера, поглощаетъ собою субъектъ, психологическую сферу и тѣсно примыкающія къ ней (хотя характеръ этой связи еще точно не выясненъ) явленія общественности. Подобно матеріализму и идеализму и, пожалуй, даже нагляднѣе ихъ, сенсуализмъ обнаруживаетъ коренное свойство всякой метафизики: вырабатывать воззрѣнія, общія только по названію или по формальному, логическому своему назначенію, а, на самомъ дѣлѣ, возникающія на почвѣ немногихъ отдѣльныхъ отраслей спеціальнаго знанія. Частною, по своему происхожденію—біологическою, гипотезою, не ожидая провѣрки ея въ предѣлахъ спеціальной науки, сенсуализмъ смѣло, но, разумѣется, крайне поверхностно, объясняетъ всю совокупность явленій. Мы, такимъ образомъ, имѣемъ тутъ дѣло съ философскою односторонностью, самымъ естественнымъ образомъ дополняющею собой односторонности матеріализма и идеализма.

6. Въ извѣстномъ отношеніи, впрочемъ, сенсуализмъ составляетъ скорѣе ошибку біологовъ или психологовъ, чѣмъ философовъ,—и по этому поводу нельзя не замѣтить, что въ его исторіи спеціальное знаніе играло всегда гораздо болѣе видную роль, чѣмъ въ исторіи идеализма, что̀, очевидно, зависѣло отъ большей общности и простоты явленій, служившихъ ему точкою исхода. Это настолько справедливо, что у многихъ философовъ этой группы иногда очень трудно провести границу между тѣмъ, что̀, въ дѣйствительности, принадлежало спеціальной наукѣ, и тѣмъ, что̀ выдавалось ими за знаніе общее или философское; но если въ предѣлахъ перваго рода знанія они были сенсуалистами въ буквальномъ значеніи слова, то въ области второго они были ими уже въ смыслѣ метафизиковъ извѣстной категоріи. Ошибка, свойственная адептамъ научнаго знанія, заключается въ объясненіи нѣкоторыхъ явленій, и преимущественно ближайшихъ къ изучаемому спеціалистомъ разряду, помощью законовъ, служащихъ къ соединенію въ одну группу или явленій болѣе общаго порядка (матеріализмъ), или явленій болѣе частнаго порядка (идеализмъ), или, наконецъ, такихъ явленій, которыя для всѣхъ фактовъ, расположенныхъ по одну ихъ сторону, суть болѣе общія, а для фактовъ по другую—болѣе частныя (сенсуализмъ). Но ошибка мыслителей состоитъ уже въ объясненіи всѣхъ явленій, а не однихъ ближайшихъ, всего мірового строя, а не той или другой его части, посредствомъ обобщеній, заимствованныхъ изъ области или самыхъ общихъ и простыхъ явленій (матеріалистическая метафизика), или самыхъ частныхъ и сложныхъ (идеалистическая метафизика), или, наконецъ, изъ области промежуточныхъ фактовъ, имѣющихъ, по сравненію съ нѣкоторыми разрядами

явленій, болѣе общій и простой, а по сравненію съ другими—болѣе частный и сложный характеръ (сенсуалистическая метафизика). Ошибка послѣдняго рода одна составляетъ специфическую особенность, непремѣнное и всегдашнее условіе всякой метафизики. Всѣ другіе виды нарушенія человѣческимъ умомъ равновѣсія, соотвѣтствующаго понятію о строгой научной истинѣ, или всѣ другіе виды незаконнаго преобладанія спеціальныхъ точекъ зрѣнія, находятся въ близкомъ родствѣ съ этимъ заблужденіемъ или даже зависятъ отъ него, и въ этомъ смыслѣ зараженные ими мнѣнія, доктрины или цѣлые отдѣлы знанія справедливо считаются причастными метафизическому духу или направленію; но пока эти взгляды и доктрины не переходятъ нѣкоторыхъ границъ, пока они не впадаютъ въ иллюзію всеобщности, они не составляютъ еще философской системы, метафизическаго міропониманія.

Метафизика начинается, собственно говоря, только тамъ, гдѣ умъ человѣка подпадаетъ искушенію, представляемому единою гипотезой, объясняющею совокупность естественныхъ явленій, — и сенсуализмъ потому и сдѣлался источникомъ метафизическаго міропониманія, что и онъ не устоялъ противъ этого искушенія. Монизмъ въ такой же степени свойственъ сенсуализму, какъ и двумъ постоянно соперничавшимъ съ нимъ мировоззрѣніямъ. Сенсуалистъ стремится объяснить все въ природѣ однимъ разрядомъ свойствъ и законовъ и видитъ въ различныхъ категоріяхъ явленій столько же частныхъ случаевъ одного основного факта. Для настоящаго сенсуалиста все есть ощущеніе и чувственное воспріятіе, фактъ біо-психическій, какъ для настоящаго матеріалиста все есть движеніе и матерія, фактъ механико-физическій, или для чистаго идеалиста

все есть идея, концептъ ума, фактъ наиболѣе сложной части психологіи, а также, въ извѣстной степени, и соціологіи. Но очевидно, что гипотеза, которая нужна для подобнаго сведенія всѣхъ явленій къ одному знаменателю, не только далеко выходитъ изъ области однородныхъ явленій, и потому не составляетъ спеціальной или научной гипотезы,— но и завѣдомо обнимаетъ всѣ разряды или естественныя группы фактовъ, и потому есть уже въ строгомъ смыслѣ слова гипотеза общая или философская (17).

7. Овладѣвъ промежуточною областью между міромъ неорганическихъ и міромъ гиперорганическихъ явленій, сенсуализмъ сдѣлалъ изъ нея неприступную твердыню, изъ которой производилъ набѣги во всѣ стороны и въ которую затѣмъ возвращался, смотря по обстоятельствамъ, съ богатою добычей или съ пустыми руками. Но особенно многочисленны и успѣшны были его вылазки противъ такой же уединенной и, повидимому, недосягаемой позиціи, которую въ области наиболѣе частныхъ и сложныхъ явленій занималъ идеализмъ. Отсюда сенсуалисты рѣдко возвращались безъ какихъ-нибудь пріобрѣтеній, безъ болѣе или менѣе важныхъ, въ ихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, результатовъ.

Глубокіе корни сенсуалистической философіи всѣ несомнѣнно лежали въ сферѣ явленій, которыми занимается нынѣ біологія; но отростки и побѣги этого міровоззрѣнія проникали всюду, въ область матеріализма и въ сосѣднюю сферу психологическихъ фактовъ. Уже самое бѣглое изученіе сенсуалистическихъ системъ легко обнаруживаетъ въ нихъ два теченія: французскаго сенсуализма, скло-

нявшагося къ матеріалистическимъ взглядамъ, и англійскаго и нѣмецкаго, склонявшагося къ идеализму. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ первенство и преобладаніе оставалось, все-таки, за психологическими вопросами. Это вполнѣ понятно. Въ области органическихъ явленій, въ которыхъ фактъ ощущенія играетъ такую выдающуюся роль, что̀ же могло, въ самомъ дѣлѣ, сильнѣе заинтересовать умъ человѣка, какъ не самъ человѣкъ, какъ не субъектъ? Громадное большинство сенсуалистовъ, поэтому, кажутся намъ исключительно психологами, подобно идеалистамъ, а не физиками, подобно матеріалистамъ. Это сходство и подавало часто поводъ къ смѣшенію сенсуалистическихъ системъ съ идеалистическими, хотя, съ другой стороны, не менѣе часто раздавались, по адресу того же сенсуализма, и упреки въ матеріализмѣ Все это еще разъ доказываетъ неудовлетворительность господствующихъ точекъ зрѣнія на исторію метафизики и правильность нашего взгляда на сенсуализмъ. Въ предлагаемой нами классификаціи философскихъ системъ прошедшаго опасность подобныхъ смѣшеній значительно уменьшается; тѣмъ не менѣе и тутъ, конечно, не всегда легко провести твердую грань между міровоззрѣніями, тѣсно примыкающими другъ къ другу уже вслѣдствіе прямого соприкосновенія областей явленій, въ которыхъ каждое изъ нихъ почерпаетъ свои центральныя гипотезы. Въ отношеніи собственно къ сенсуализму, трудность эта представляется ничтожною всякій разъ, когда сенсуалистическую систему нужно отличить отъ матеріалистической; но она возрастаетъ въ попыткахъ различенія крайнихъ оттѣнковъ сенсуализма отъ болѣе умѣренныхъ фракцій идеализма. Это — естественное послѣдствіе

глубокаго мрака, который до сихъ поръ еще окружаетъ природу психологическихъ процессовъ. Какая часть ихъ принадлежитъ нераздѣльно біологіи, и какая не можетъ быть объяснена однѣми физіологическими причинами, все это, покамѣстъ, составляетъ предметъ спора, сомнѣній, и рѣшается довольно произвольно, въ предѣлахъ какъ физіологіи мозга, такъ и описательной психологіи, съ помощью гипотезъ, выставляемыхъ этими отраслями знанія. Отъ характера такихъ научныхъ гипотезъ, отъ того обстоятельства, какую долю въ общей суммѣ психическихъ фактовъ онѣ относятъ всецѣло къ біологическимъ корнямъ, и какую, сверхъ того, еще и къ факторамъ и причинамъ болѣе сложнаго порядка, очевидно, зависитъ и рѣшеніе всѣхъ частныхъ вопросовъ, возникающихъ вслѣдствіе необходимости установить какую нибудь границу между сенсуализмомъ и идеализмомъ Чѣмъ шире будетъ отмежевана область органическихъ причинъ, чѣмъ дальше будетъ распространено ея исключительное вліяніе, тѣмъ большее число умѣренныхъ идеалистовъ прійдется, слѣдуя принципу нашей классификаціи, включить въ ряды сенсуалистовъ; и наоборотъ, чѣмъ большее количество психическихъ фактовъ будетъ объясняться совокупнымъ дѣйствіемъ органическихъ и гиперорганическихъ причинъ, тѣмъ большее число сенсуалистовъ и въ нашей классификаціи, по необходимости, перейдетъ въ лагерь идеалистовъ. Но эти колебанія границы между сенсуализмомъ и идеализмомъ, само собою разумѣется, не доказываютъ того, что она не существуетъ, или что гипотетическія, въ настоящее время, очертанія ея не будутъ когда-нибудь нанесены твердою рукою, и уже безповоротно, на карту прошедшаго философіи.

8. Встрѣчающаяся иногда необходимость отнесенія нѣкоторыхъ отдѣловъ въ данной доктринѣ къ другой философской группѣ, чѣмъ та, въ которую включены остальныя части ея или вся доктрина, разсматриваемая какъ одно цѣлое, еще менѣе можетъ ослабить или поколебать значеніе основного начала принятой нами классификаціи.

Необходимость эта, напротивъ того, говоритъ въ пользу нашего мнѣнія: она соотвѣтствуетъ общей и неизмѣнной природѣ человѣческаго ума, которому, даже у самыхъ замѣчательныхъ мыслителей, не чужды противорѣчія и непослѣдовательность. Такъ, чтобы привести весьма извѣстный примѣръ, у великаго идеалиста Канта множество психологическихъ вопросовъ рѣшено въ духѣ сенсуалистической гипотезы; но эти отдѣлы его ученія можно признавать сенсуалистическими, не нанося ни малѣйшаго ущерба правильности нашего общаго вывода о принадлежности другихъ гипотезъ Канта и всей его системы къ чистому идеализму. Приведенный примѣръ неизмѣнно повторяется въ исторіи прежней философіи; его можно встрѣтить чуть ли не на каждой страницѣ ея пространныхъ лѣтописей, и притомъ во всѣхъ трехъ главныхъ направленіяхъ метафизической мысли. Такъ, и Аристотель, и Декартъ нерѣдко защищали чисто матеріалистическіе тезисы, что̀, однако, не мѣшало господству, въ общемъ итогѣ ихъ философскихъ воззрѣній, идеалистической гипотезы; нѣкоторые матеріалисты древности и среднихъ вѣковъ были заражены идеалистическими ученіями; теорія познаванія и отчасти психологія современныхъ матеріалистовъ принадлежитъ всецѣло сенсуализму и т. д. Строгая послѣдовательность есть удѣлъ весьма немногихъ философовъ и, судя

по всѣмъ извѣстнымъ фактамъ, она никогда не была главнымъ мѣриломъ ихъ даровитости, ихъ вліянія на современниковъ или потомство и, наконецъ, той пользы, которую они дѣйствительно принесли человѣчеству въ борьбѣ съ низшими, грубыми формами метафизики, съ суевѣріемъ и неподвижностью народныхъ массъ, съ предразсудками и эгоизмомъ правящихъ классовъ, со всею совокупностью условій, затрудняющихъ, если не нормальный, то, по крайней мѣрѣ, быстрый и ровный ходъ соціологической эволюціи.

9. Какъ бы то ни было, впрочемъ, въ нашей классификаціи только тѣ системы признаются входящими въ группу сенсуализма, въ которыхъ преобладающее значеніе имѣютъ гипотезы, заимствованныя, въ отличіе отъ ученій матеріализма, уже не изъ области явленій неорганическаго міра, а изъ области психологіи; а въ отличіе отъ доктринъ идеализма, не изъ области психологіи, насильно оторванной отъ своей естественной почвы, отъ той переходной ступени, на которой міръ гиперорганическихъ явленій подаетъ руку міру явленій неорганическихъ и оба представляются намъ лишь условно-самостоятельными звеньями въ непрерывной цѣпи естественныхъ фактовъ, — а психологіи, строго біологическій характеръ которой не подлежитъ сомнѣнію, и біологическіе корни которой преимущественно и изучались философами этой школы. По этой причинѣ сенсуалисты обыкновенно и разсматриваются какъ родоначальники современной физіологической психологіи и психофизики, — филація, которая, какъ мы увидимъ ниже, вѣрна только отчасти. Но что̀ гораздо болѣе замѣчательно, хотя, сколько намъ извѣстно, и ускользнуло отъ

вниманія историковъ науки и цивилизаціи, такъ это реальная связь, которую можно установить между сенсуализмомъ и попытками основать особую науку объ обществѣ. Дѣйствительно, на первый взглядъ должно казаться, что явленія общественности, какъ принадлежащія къ гиперорганическому порядку и, слѣдовательно, входящія въ область, составляющую родовое, вѣками закрѣпленное наслѣдство идеализма, должны были получить первоначальную научную обработку именно изъ рукъ идеалистовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, случилось какъ разъ обратное: матеріализмъ и, въ особенности, сенсуализмъ содѣйствовали несравненно болѣе,—чтобъ не сказать, мѣшали несравненно менѣе—чѣмъ идеализмъ, установленію правильныхъ взглядовъ на характеръ и задачи обществознанія.

10. Вся исторія идеализма блистательно доказываетъ, какъ ничтожно было, само по себѣ, возбуждающее вліяніе апріорныхъ спекуляцій на успѣхи спеціальнаго знанія, и какъ, во всякомъ случаѣ, слаба и призрачна была связь, которую нѣкоторые историки метафизики силятся установить между роскошнымъ и быстрымъ развитіемъ гипотетической философіи и медленнымъ и труднымъ ростомъ спеціальныхъ наукъ. Если изъ состава прежней философіи выдѣлить все принадлежащее частной наукѣ или философіи такой науки,—все, что могло служить систематизаціи положительнаго и строго-однороднаго знанія, то въ результатѣ получится весьма скудный остатокъ собственно метафизическихъ гипотезъ. Какъ мы знаемъ, однако, гипотезы эти, вопреки своимъ притязаніямъ на универсальный характеръ, были, прежде всего, съ точки зрѣнія

точныхъ методовъ науки, односторонностью, выдвигавшею на первый планъ одинъ какой-нибудь, болѣе или менѣе крупный разрядъ, одну группу явленій и незаконно обобщавшею свойства и отношенія, обнаруживаемыя именно этою группою. Но тутъ-то и открывается любопытный фактъ, что та или другая метафизическая односторонность вліяла, повидимому, наиболѣе задерживающимъ образомъ именно на спеціальное знаніе группы явленій, которою она завладѣвала какъ бы исключительно и значеніе которой незаконно распространялось ею на всю природу.

Въ пользу этого взгляда, на который, до поры до времени, слѣдуетъ смотрѣть какъ на простое предположеніе, на частную гипотезу соціологіи, говоритъ уже не мало фактовъ изъ области сравнительной исторіи наукъ и философскихъ системъ. Но будучи надлежащимъ образомъ разработана, исторія эта, можетъ быть, поставитъ со временемъ внѣ всякаго сомнѣнія слѣдующіе тезисы: 1) что ни одинъ видъ „общаго незнанія“ не могъ, самъ по себѣ, содѣйствовать росту и успѣхамъ какого бы то ни было вида „точнаго знанія“; 2) что метафизика могла быть только помѣхой на пути всѣхъ спеціальныхъ наукъ; 3) что ея задерживающее вліяніе, однако, имѣло свои степени, и что въ расположеніи ихъ замѣчается правильное однообразіе; 4) что, согласно съ этой однообразной постепенностью, матеріализмъ или его гипотезы всего болѣе мѣшали развитію механики, физики и химіи, и всего менѣе— успѣхамъ высшихъ наукъ вообще, и непосредственно слѣдующей за науками неорганическаго міра и основанной на нихъ біологіи въ особенности; 5) что сенсуализмъ или его гипотезы всего болѣе останавливали ростъ біологіи и всего менѣе

препятствовали развитію другихъ отраслей знанія и, въ особенности, непосредственно слѣдующихъ за біологіей и основанныхъ на ней наукъ гиперорганическихъ явленій—соціологіи и психологіи; и, наконецъ, 6) что идеализмъ или его гипотезы всего болѣе задерживали развитіе соціологіи и психологіи и всего менѣе—развитіе всѣхъ другихъ отраслей спеціальнаго знанія (18).

11. Что касается, въ частности, сенсуализма, то сравнительно меньшее сопротивленіе, по нашей гипотезѣ, или бо̀льшее содѣйствіе, по противоположному мнѣнію, которое онъ оказалъ установленію соціологіи и научной разработкѣ психологическихъ вопросовъ, выразилось довольно осязательно, по крайней мѣрѣ въ эпоху его наибольшаго процвѣтанія, въ XVIII-мъ столѣтіи, въ слѣдующихъ двухъ фактахъ. Сенсуализмъ менѣе всѣхъ другихъ системъ, и въ особенности менѣе идеализма съ его̀ ученіемъ о врожденныхъ, всеобщихъ и необходимыхъ идеяхъ, помѣшалъ развитію описательной психологіи, т. е. психологіи, которая ограничивала свою задачу положительнымъ изслѣдованіемъ умственной и нравственной природы человѣка, насколько эта послѣдняя могла быть познана путемъ самонаблюденія и изученія побужденій, поступковъ и нравовъ отдѣльныхъ личностей, общественныхъ группъ и цѣлыхъ народовъ. Психологія эта, въ отличіе отъ новѣйшей физіологіи мозга, занималась почти исключительно наиболѣе сложными или гиперорганическими фактами психической жизни. Въ этомъ направленіи дѣйствовали: Локкъ, Юмъ, энциклопедисты, Кондильякъ, Кондорсэ, Кабанисъ, Волней, Дестютъ-де-Траси; шотландская школа отъ Рейда до Гамильтона; группа представителей англійской нрав-

ственной философіи отъ Кумберланда до Бентама; Кантъ и его послѣдователи, Гербартъ и его школа, Бенеке и многіе другіе (18 bis). Съ другой стороны, сенсуализмъ менѣе всѣхъ прочихъ системъ и, въ особенности, менѣе идеализма, съ его абсолютнымъ преобладаніемъ субъекта надъ объектомъ, помѣшалъ зарожденію и развитію физіократическихъ доктринъ, Смитовской системы индустріализма, этики, основанной на утилитаризмѣ, исторіи, разсматриваемой какъ результатъ взаимнаго дѣйствія физическихъ, климатическихъ, физіологическихъ и чисто соціальныхъ условій, однимъ словомъ—первымъ шагамъ въ области соціологіи. Въ этомъ направленіи, какъ мы увидимъ ниже, дѣйствовали очень многіе изъ сенсуалистовъ, и дѣйствовали, притомъ, съ успѣхомъ, далеко превзошедшимъ успѣхъ аналогичныхъ стремленій, имѣвшихъ цѣлью научное изученіе наиболѣе сложныхъ психическихъ фактовъ. На это, повидимому, случайное и не особенно важное обстоятельство нельзя не обратить вниманія: оно служитъ какъ бы косвеннымъ подтвержденіемъ того, что къ общей біологической основѣ гиперорганическихъ явленій еще ближе, чѣмъ сложные продукты психической жизни, стоятъ собственно соціологическіе факторы, — гипотеза, которую мы уже имѣли случай защищать въ другомъ мѣстѣ [1]).

12. Изложенныя выше соображенія естественно связаны съ вопросомъ о роли или значеніи сенсуализма въ общемъ развитіи метафизическихъ ученій. Какую ступень въ этомъ развитіи представляетъ сенсуализмъ, стоитъ ли онъ, какъ гипотетическое міропониманіе, выше или ниже матеріализма

[1]) Соціологія, 1880 г. стр. 278—336.

и идеализма и, наконецъ, какой изъ этихъ философій онъ исторически предшествуетъ и за какою слѣдуетъ? Все это требуетъ краткаго разсмотрѣнія.

Согласно обычному мнѣнію, сенсуализмъ представляетъ собою посредствующую ступень между матеріализмомъ, какъ прочнымъ основаніемъ метафизическаго зданія, и идеализмомъ, какъ его послѣднимъ увѣнчаніемъ. Отправляясь отъ матеріализма, какъ отъ подошвы отвѣсной горы, человѣческій умъ, прежде чѣмъ достигнуть разрѣженныхъ высотъ идеализма, проходитъ, будто бы, чрезъ сенсуалистическую философію, какъ чрезъ промежуточную и подготовительную стадію. Такого взгляда держатся не только идеалисты, но и многіе историки философіи, которые, не принадлежа ни къ одной изъ трехъ главныхъ школъ ея, признаютъ всѣ ея направленія одинаково односторонними и желаютъ только выяснить истинный ходъ или внутренній процессъ развитія метафизической мысли,—и этому воззрѣнію нельзя отказать въ извѣстной долѣ справедливости. Въ немъ безсознательно, но совершенно вѣрно отражается то среднее положеніе, которое сенсуализмъ занимаетъ въ ряду другихъ метафизическихъ гипотезъ и которое составляетъ послѣдствіе мѣста, принадлежащаго въ естественной іерархіи явленій порядку органическихъ фактовъ. Мы имѣемъ тутъ предъ собою невольное, часто исходящее изъ устъ ожесточенныхъ противниковъ и потому драгоцѣнное подтвержденіе контовской классификаціи знанія. Но не болѣе того; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ обычное воззрѣніе глубоко ошибочно.

Исторически и соціологически, сенсуализмъ имѣетъ совершенно иное значеніе. Никогда, ни въ общемъ развитіи метафизики, ни въ личномъ развитіи глва-

ныхъ представителей ея, сенсуализмъ не игралъ роли вспомогательной или переходной фазы въ процессѣ философскаго мышленія; съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ философіей, онъ всегда, подобно матеріализму и идеализму, былъ вполнѣ самостоятельнымъ міропониманіемъ. Матеріализмъ раньше его достигъ опредѣленныхъ очертаній и въ этомъ смыслѣ предшествовалъ ему, это правда; но за то сенсуализмъ самъ не предшествовалъ идеализму и, слѣдовательно, не могъ подготовить его господство. Идеализмъ, мы уже видѣли это, развивался одновременно съ матеріализмомъ; обѣ философіи стояли на одномъ уровнѣ, на одной высотѣ пониманія міра и его явленій, какъ двѣ крайности, изъ которыхъ одна необходимо вызывала и обусловливала другую. Конечно, и сенсуализмъ есть не что̀ иное, какъ философская односторонность, и притомъ порожденная тѣми же условіями нашей психической и общественной организаціи, — воздѣйствіемъ медленно измѣняющихся элементовъ общественнаго на измѣнчивые элементы умственнаго строя,—какія были прямой причиной образованія и всѣхъ другихъ метафизическихъ объясненій міра. Въ этомъ смыслѣ сенсуализмъ долженъ быть поставленъ на ряду съ матеріализмомъ и идеализмомъ; центральная гипотеза его только дополняетъ собою основныя гипотезы этихъ двухъ міровоззрѣній, захватывая и выдвигая впередъ область фактовъ, обыкновенно оставляемую въ тѣни матеріализмомъ и идеализмомъ, и придавая этимъ фактамъ такое же господствующее и всепоглощающее значеніе, какое только-что названныя метафизическія системы придаютъ общимъ явленіямъ неорганической природы или сложнымъ явленіямъ психическаго и общественнаго существованія. Но хотя отсюда

уже близко заключеніе, что развитіе сенсуалистическихъ доктринъ должно было совершаться параллельно развитію матеріализма и идеализма, однако, исторически, такой выводъ оправдывается только отчасти. Сенсуализмъ, какъ основной видъ гипотетической философіи, не былъ безызвѣстенъ и самой глубокой древности; но въ то время, какъ два другіе вида метафизики успѣли уже пустить крѣпкіе корни въ сознаніи человѣчества и дать пышные, многообѣщающіе плоды, сенсуалистическая гипотеза еще находилась почти въ зачаточномъ состояніи, не выяснилась ни въ существенныхъ чертахъ, ни въ подробностяхъ, не развилась въ цѣльное и строго опредѣленное міропониманіе Въ настоящую философію, въ систематическое объясненіе всей суммы міровыхъ явленій, гипотеза эта превратилась позднѣе всѣхъ прочихъ; полнаго же расцвѣта своего сенсуализмъ достигъ только по выходѣ европейскаго человѣчества изъ продолжительной ночи среднихъ вѣковъ и уже почти наканунѣ окончательнаго паденія всякой метафизики.

13. Главная, если не единственная, причина этого историческаго факта, какъ намъ кажется, объясняется очень просто. Въ эпоху, когда громадные пробѣлы въ наукахъ позволили возникнуть философіи незнанія, называемой метафизикою, и дали ей возможность достигнуть высокой степени процвѣтанія, умъ человѣка, преждевременно стремясь понять и истолковать плохо извѣстный ему и въ подробностяхъ. и въ общихъ чертахъ міръ явленій, могъ, конечно. прибѣгать ко всевозможнымъ общимъ объясненіямъ. могъ строить всякія философскія гипотезы. Въ извѣстной мѣрѣ онъ такъ и поступалъ. Но матеріалъ для самыхъ фантастическихъ построеній своихъ

онъ все-таки бралъ изъ дѣйствительности, изъ того же неразгаданнаго міра внѣшнихъ и внутреннихъ фактовъ и ощущеній; и чѣмъ менѣе онъ сознавалъ наличность этой роковой преграды, тѣмъ тѣснѣе охватывала она его со всѣхъ сторонъ и тѣмъ безвыходнѣе загоняла въ міръ частностей, которыя произвольно возводились на степень общностей. Но что, въ огромной массѣ отрывочныхъ, частныхъ наблюденій, могло прежде и сильнѣе всего привлечь его вниманіе и сдѣлаться исходною точкою его всеобъемлющихъ гипотезъ, какъ не первыя и послѣднія звенья, какъ не оба, наиболѣе отчетливо выступавшіе конца непрерывной цѣпи явленій — внѣшній міръ объекта въ самыхъ простыхъ и общихъ его формахъ и внутренній міръ субъекта въ самыхъ поразительныхъ и выдающихся его проявленіяхъ? Ничто не могло быть естественнѣе этого первоначальнаго дуализма, грубо дѣлившаго природу на двѣ половины, матеріальную и идеальную, между которыми не находилось мѣста для какой-либо средней области, для группы явленій, которая могла бы отстоять свою самостоятельность противъ произвольныхъ захватовъ съ той или другой стороны. Такія явленія, поэтому, какъ бы велико ни было значеніе, которое придавалось имъ въ чисто-практическомъ отношеніи, въ философскомъ, по большей части и по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, просто игнорировались. Только мало-по-малу выступали они изъ плотно окутывавшаго ихъ мрака, только медленно изъ двухъ половинъ природы выкраивалась цѣлая новая треть, и вмѣстѣ съ тѣмъ усложнялась первоначальная задача метафизическаго мірообъясненія, которое къ двумъ гипотезамъ матеріализма и идеализма могло уже, на одинаковомъ основаніи и равныхъ пра-

вахъ, присоединить и третью гипотезу — сенсуализмъ.

14. Такимъ образомъ, сенсуализмъ только въ доктринальномъ отношеніи, только въ абстрактной классификаціи метафизическихъ системъ, основанной на классификаціи явленій сообразно возрастающей сложности и убывающей общности ихъ, занимаетъ среднее положеніе между матеріализмомъ и идеализмомъ, составляетъ какъ бы естественный переходъ отъ одного изъ этихъ міровоззрѣній къ другому. Историческое мѣсто его въ ряду основныхъ разновидностей прежней философіи совсѣмъ другое: тутъ онъ составляетъ послѣднее, завершительное звено въ длинной цѣпи безплодныхъ усилій, которыя метафизическій умъ направлялъ къ своей завѣтной цѣли — постиженію сущности вещей или конечнаго единства явленій; тутъ онъ является непосредственнымъ преемникомъ не только матеріализма, но и наиболѣе совершенныхъ и развитыхъ формъ идеализма; тутъ онъ стремится помирить между собою эти крайности, сгладить эти односторонности, найти болѣе согласный съ дѣйствительностью общій синтезъ явленій; но и здѣсь онъ не покидаетъ старой почвы метафизики, онъ прибѣгаетъ къ обычному ея методу, и потому остается не меньшею односторонностью, чѣмъ обѣ предшествовавшія ему и подготовившія его, исторически говоря, философскія системы

Мѣсто, отводимое нами сенсуализму въ исторіи метафизики, нисколько не противорѣчитъ открытому Контомъ общему закону развитія наукъ. Это какъ нельзя болѣе очевидно: рѣчь идетъ у насъ о развитіи сенсуализма, центральная гипотеза котораго лежитъ въ области явленій жизни, а не о развитіи біологіи, не образующей въ своихъ предѣ-

лахъ философскихъ или универсальныхъ гипотезъ; рѣчь идетъ объ историческихъ судьбахъ такого общаго незнанія всѣхъ явленій, въ томъ числѣ и явленій жизни, которое по необходимости должно было прибѣгать къ гипотетическому міропостроенію, а не объ историческихъ судьбахъ одной отрасли спеціальнаго знанія, которое, по самому существу своему, не можетъ задаваться философскими цѣлями. Согласно этому различенію, общее незнаніе могло проявиться, во всѣхъ своихъ формахъ, уже въ самыя раннія фазы исторіи мысли, не ожидая развитія той или другой вѣтви спеціальнаго знанія; но мы указали выше на особенную причину, нѣсколько задержавшую выступленіе сенсуализма на историческую сцену и поставившую самое появленіе его въ зависимость отъ предварительнаго развитія другихъ, болѣе крайнихъ философскихъ точекъ зрѣнія. Что же касается біологіи, то она, очевидно, не могла установиться научно ранѣе установленія наукъ неорганическаго міра и, въ свою очередь, необходимо должна была опередить въ этомъ отношеніи науки еще болѣе сложныхъ и частныхъ фактовъ психической и общественной жизни. Законъ Конта есть законъ соціологіи, распространяющій свое дѣйствіе на весьма опредѣленный кругъ общественныхъ явленій; но въ кругъ этотъ не входятъ метафизическія системы; въ историческомъ развитіи своемъ онѣ постоянно и тѣсно соприкасаются съ явленіями перваго рода, но сами принадлежатъ уже другому порядку соціологическихъ фактовъ; въ этомъ мы еще не разъ успѣемъ убѣдиться.

15. Какъ бы то ни было, но сравнительно позднее образованіе изъ сенсуалистическихъ теорій однороднаго и систематическаго мірообъясненія со-

провождалось послѣдствіями, имѣвшими большое значеніе въ исторіи этой разновидности метафизики. Сенсуализмъ, какъ опредѣленная философія, принадлежитъ почти исключительно новѣйшему времени, что̀ не могло не отразиться на внутреннемъ характерѣ и на относительныхъ достоинствахъ этого ученія. Съ одной стороны, сенсуализмъ имѣлъ передъ собою обширный опытъ двухъ другихъ, такъ сказать, старшихъ направленій въ метафизикѣ, и какъ бы мало ни значилъ въ этомъ случаѣ чужой примѣръ, онъ не разъ могъ предохранить новое направленіе отъ впаденія по крайней мѣрѣ въ наиболѣе грубыя ошибки матеріализма и идеализма. Съ другой стороны, позднее появленіе сенсуализма на философской аренѣ сопровождалось для него еще тою счастливою случайностью, что разрозненныя и отрывочныя біологическія знанія именно къ этому времени стали организоваться въ прочную научную систему. Такимъ образомъ съ сенсуализмомъ повторилось то же самое, что уже имѣло мѣсто по отношенію къ матеріализму; точкою исхода и опоры для обѣихъ философій послужили факты, уже подвергшіеся нѣкоторой научной обработкѣ, уже вышедшіе отчасти изъ темной области неизвѣстнаго. Это обстоятельство, какъ мы видѣли, играло важную роль въ исторіи матеріализма: оно умѣряло полетъ фантазіи приверженцевъ этого ученія и ближе знакомило ихъ съ общими свойствами научныхъ методовъ; но ту же услугу оно впослѣдствіи оказало и сенсуализму. Такимъ образомъ, одинъ только идеализмъ, до самаго наступленія періода окончательнаго разложенія и упадка всякой метафизики, т. е. до настоящаго времени, стоялъ внѣ контролирующаго вліянія спеціальной науки. Впрочемъ, и въ нашу эпоху соціологія и психологія еще не до-

стигли той степени развитія, на которой физико-математическія познанія находились уже въ древности, а біологическія въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ; эти двѣ науки, слѣдовательно, едва ли могутъ полезно реагировать на современный идеализмъ, какъ это и показали недавніе примѣры.

Неудивительно, такимъ образомъ, что, сравнительно съ идеализмомъ, матеріализмъ и сенсуализмъ отличались всегда болѣе опредѣленнымъ характеромъ своихъ основоположеній, большею умѣренностью своихъ притязаній на огульное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, выходящихъ изъ рамокъ спеціальной науки, большею осторожностью въ гипотетическомъ построеніи области неизвѣстнаго, изъ которой именно сенсуализмъ впервые въ исторіи философіи тщательно выдѣляетъ область *непознаваемаго*, преобладаніемъ здраваго смысла надъ воображеніемъ,—однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, что на языкѣ присяжныхъ цѣнителей философскихъ системъ не безъ оттѣнка пренебреженія называется „эмпиризмомъ“. Для объясненія такой бросающейся въ глаза разницы нѣтъ надобности прибѣгать къ пустой игрѣ словами „идеалъ“ и „идеальный“ и основанному на этой игрѣ произвольному раздвоенію нашей психической природы. Разница эта объясняется гораздо проще зависимостью общаго содержанія и характера метафизическихъ ученій отъ прогрессивнаго развитія спеціальныхъ наукъ. Что же до такъ называемыхъ идеальныхъ стремленій, до идеализма въ этомъ особомъ значеніи слова, то онъ, очевидно, не находится въ какой-либо исключительной связи съ метафизическимъ идеализмомъ, а составляетъ общее достояніе всѣхъ міровоззрѣній, когда-либо заявлявшихъ притязаніе на дѣятельное руководительство умами. Подобныя стремленія

всего болѣе съ родни не теоріи, и не общей наукѣ или философіи, а практикѣ, прикладной наукѣ и повседневной жизни; они составляютъ прямое порожденіе и простой результатъ постоянно волнующихъ насъ, въ силу неотразимаго воздѣйствія естественныхъ условій окружающей среды на нашъ психическій организмъ, многообразныхъ чувствъ и, въ томъ числѣ, весьма важнаго, въ соціологическомъ смыслѣ, чувства глубокой неудовлетворенности существующимъ порядкомъ вещей. Изъ практической жизни и резюмирующей ее практической философіи, куда они всецѣло относятся, идеальныя стремленія были, какъ многое другое, незаконно перенесены въ теоретическую философію, но и здѣсь едва ли справедливо, вообще говоря, видѣть въ нихъ какой-то исключительный удѣлъ метафизическаго идеализма (19).

Перейдемъ теперь къ краткому перечню историческихъ фактовъ, ознаменовавшихъ собою развитіе сенсуалистической философіи, и этими фактами постараемся провѣрить изложенные нами выше взгляды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СЕНСУАЛИЗМЪ.

Первая фаза развитія.

1. Общій характеръ древняго сенсуализма.—2. Софисты. Протагоръ.—3. Сенсуалистическія стремленія въ раннемъ матеріализмѣ и идеализмѣ.—4. Аристотель и объективный методъ.—5. Связь сенсуализма съ этимъ методомъ и съ особымъ значеніемъ, пріобрѣтеннымъ въ метафизикѣ теоріей познаванія.—6. Философское сомнѣніе и логическое родство его съ сенсуализмомъ.—7. Древніе скептики. Сенсуалистическая окраска ихъ основныхъ точекъ зрѣнія.—8. Сенсуалистическій матеріализмъ школы Эпикура.—9. Стоики и ихъ философія здраваго смысла.—10. Позднѣйшіе академики. Акаталепсія или агностицизмъ древняго міра.—11. Сенсуализмъ въ средніе вѣка.—12. Философія Бэкона.—13. Cogitata et Visa и Novum Organon.—14. Къ какому типу философіи прошедшаго принадлежитъ міропониманіе Бэкона?

1. Древній міръ развилъ всѣ направленія гипотетической философіи, всѣ виды міропониманія, выросшаго на почвѣ неполнаго, отрывочнаго знакомства съ природою. Но не всѣмъ формамъ метафизики древній міръ успѣлъ придать одинаковую степень совершенства. Обѣ крайнія системы, матеріализмъ и идеализмъ, были доведены имъ до такой законченности въ цѣломъ и подробностяхъ, которой могли бы позавидовать позднѣйшія эпохи; но средняя или промежуточная форма—сенсуализмъ—осталась, вообще говоря, мало разработанною. На вѣ-

роятную причину этого явленія мы уже указали. Тѣмъ не менѣе, и въ древней философіи сенсуалистическія точки зрѣнія довольно часто примѣшивались къ господствовавшимъ теоріямъ. Вся разница между этимъ раннимъ сенсуализмомъ и тѣмъ, который занялъ такое видное мѣсто въ послѣдующей философіи, заключалась въ сравнительно большей зависимости его отъ центральныхъ гипотезъ матеріализма и идеализма. Древній сенсуализмъ никогда рѣзко не отдѣлялся отъ этихъ двухъ міровоззрѣній; онъ казался лишь умѣренною формою того или другого. Явленія жизни, въ сферѣ которыхъ онъ ощупью и еще не вполнѣ сознательно искалъ ключа къ разгадкѣ великой тайны вселенной, уже въ это отдаленное время должны были представляться мыслителямъ, какъ высшая ступень неорганической природы или какъ низшая ступень міра идеальнаго; но дальше этихъ неясныхъ представленій дѣло не шло. Точныя границы между явленіями не были установлены, отчетливыя понятія о различныхъ разрядахъ ихъ не были выработаны; первобытный дуализмъ еще привлекалъ умы кажущейся очевидностью и безспорностью своего основного противоположенія; сенсуализмъ не чувствовалъ твердой почвы подъ ногами, не видѣлъ предъ собой опредѣленной области явленій, которая могла бы служить надежной опорой для его объединяющихъ гипотезъ. Послѣднія, поэтому, въ логическомъ процессѣ своего развитія, не только не исключали другихъ гипотезъ, направленныхъ къ одинаковой цѣли, но, такъ или иначе, соединялись и сливались съ ними.

2. Первые зародыши сенсуалистическихъ ученій встрѣчаются въ древности очень рано; ихъ не труд-

но отыскать даже у наиболѣе отдаленныхъ отъ насъ матеріалистовъ и идеалистовъ. Но основная точка зрѣнія сенсуализма выясняется и число сенсуалистическихъ тезисовъ замѣтно увеличивается, только начиная съ эпохи софистовъ. Эпоха эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; она составляетъ въ исторіи философіи поворотный пунктъ, открывающій собою ту реакцію противъ крайностей первобытнаго матеріализма, которая скоро нашла свое высшее выраженіе въ теоріяхъ Платона. Но рядомъ съ явной и рѣзко выступающей реакціей идеализма развивается и другая, гораздо менѣе замѣтная и отличающаяся отъ первой тѣмъ, что, будучи сначала направлена противъ одного матеріализма, она впослѣдствіи сама собою обратилась и противъ крайняго идеализма. Въ этой новой реакціи, въ этомъ второстепенномъ и слабомъ стремленіи, являвшемся какъ бы подавленнымъ силою главнаго, идеалистическаго теченія, въ первый разъ въ исторіи философіи заявилась возможность сенсуалистическаго мировоззрѣнія. Представителями и того, и другого движенія служили софисты: одна и та же рука, такимъ образомъ, высѣвала и сѣмена идеализма, взошедшія быстро и давшія обильный плодъ, и сѣмена сенсуализма, для которыхъ почва оказалась недостаточно подготовленною и которыя, поэтому, или пропали вовсе, или выродились въ различныя направленія скептицизма.

Протагоръ, первый между софистами, утверждаетъ, что точку исхода философіи долженъ составлять не объектъ, не внѣшняя природа, а субъектъ, самъ человѣкъ, или что все въ мірѣ сводится не къ матеріи, а къ ощущенію. Вотъ почему Протагоръ видитъ въ индивидуумѣ истинный критерій всѣхъ вещей и, сверхъ того, находитъ, что діаметрально противоположныя мнѣнія одина-

ково справедливы, — понятно, для двухъ различныхъ умовъ. Таково было начало древняго сенсуализма, весьма скоро превратившагося въ крайній скептицизмъ. Отъ нашихъ ощущеній зависитъ то, какимъ образомъ мы представляемъ себѣ вещи, и эти представленія составляютъ единственное прочное содержаніе, истинное ядро всего нашего знанія; но сами представленія суть нѣчто вполнѣ индивидуальное, и потому каждая человѣческая личность въ каждую данную минуту есть мѣрило всѣхъ явленій. Этою характеристическою чертою—совершеннымъ игнорированіемъ общихъ и необходимыхъ свойствъ въ организаціи субъекта — первоначальный сенсуализмъ рѣзко отличается отъ позднѣйшаго сенсуализма Локка, Юма и Канта. Но уже древній сенсуализмъ открыто провозгласилъ принципъ относительности нашихъ знаній, т. е. начало, которое долго оставалось чуждымъ матеріализму и идеализму и которое проникло въ болѣе умѣренные оттѣнки этихъ ученій лишь подъ вліяньемъ сенсуалистическихъ гипотезъ.

3. Послѣ софистовъ, медленное развитіе сенсуалистическаго міровоззрѣнія продолжалось во всѣхъ философскихъ школахъ, не дѣлавшихъ изъ абсолютнаго знанія конечной цѣли и единственнаго критерія истинной философіи. Таковы были нѣкоторыя фракціи матеріализма и тѣ идеалистическія системы, которыя при объясненіи генезиса идеальнаго міра допускали извѣстное участіе внѣшняго или объективнаго фактора. У матеріализма этотъ зачаточный сенсуализмъ старался оторгнуть часть внѣшней природы, у идеализма — часть внутренняго или психическаго міра и, въ особенности, прикладныя области логики, этики и по-

литики; а обыкновеннымъ и наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ въ этой скрытой борьбѣ, въ этомъ медленномъ завоеваніи новаго поля для философскихъ изслѣдованій служила теорія познаванія, которую съ такимъ блестящимъ успѣхомъ защищалъ уже Сократъ и которая была всецѣло основана на поверхностныхъ наблюденіяхъ того времени надъ біологическими фактами ощущенія и воспріятія внѣшнихъ предметовъ и стимуловъ.

4. Видное мѣсто въ этихъ, вообще еще неясныхъ стремленіяхъ къ образованію новаго міровоззрѣнія принадлежитъ и Аристотелю. Реалистическія наклонности и энциклопедическій складъ ума побудили его примѣшать къ своему идеализму много чисто матеріалистическихъ взглядовъ, но тѣ же причины должны были придать его ученію и густую сенсуалистическую окраску; такъ что въ общемъ результатѣ доктрина Аристотеля, несмотря на преобладаніе въ ней идеалистической гипотезы, сдѣлалась типомъ удачной смѣси главнѣйшихъ направленій метафизической мысли.

Въ связи съ этимъ чуткимъ пониманіемъ односторонности метафизическихъ мірообъясненій и, въ особенности, съ пробивающимся у него наружу, въ лучшихъ его сочиненіяхъ, сенсуализмомъ находятся и огромныя заслуги Аристотеля въ области метода. Въ главѣ, посвященной сенсуализму древности, нельзя, уже по этой причинѣ, не упомянуть и объ этихъ заслугахъ.

Аристотеля можно считать первымъ систематическимъ представителемъ такъ-называемаго объективнаго метода. Въ лицѣ Аристотеля, говоритъ извѣстный біографъ его Льюисъ, мы должны привѣтствовать зарю объективнаго метода, хотя многимъ сто-

лѣтіямъ суждено было истечь прежде, чѣмъ этотъ разсвѣтъ обратился въ сплошной день [1]). Сущность такого метода, въ отличіе отъ субъективнаго, заключалась въ томъ, что „общности", т. е общія предложенія или высшія отвлеченія — настоящій предметъ всякаго знанія—первымъ изъ этихъ методовъ признавались элементомъ вполнѣ субъективнымъ, не имѣющимъ, какъ это ошибочно принималось вторымъ, реальнаго, независимаго существованія внѣ сферы мыслящаго субъекта. Этотъ взглядъ на истинную природу отвлеченій и служилъ точкою исхода, прочнымъ основаніемъ для всѣхъ требованій, совокупность которыхъ образуетъ такъ называемый эмпиризмъ или опытную, индуктивную философію. Субъективный методъ, видѣвшій въ отвлеченіяхъ сущности съ реальнымъ бытіемъ, независимымъ отъ ума, образовавшаго ихъ изъ разрозненныхъ элементовъ объекта, продолжалъ процвѣтать, въ теченіе долгаго времени, и послѣ Аристотеля; тѣмъ не менѣе, честь основанія индуктивной философіи должна быть приписана именно Аристотелю. Онъ первый провозгласилъ ея руководящія начала, и провозгласилъ ихъ съ полнотою и точностью, не превзойденными даже Бэкономъ [2]). Вотъ это такъ и приближаетъ къ намъ великаго стагирита. Одно изъ капитальнѣйшихъ отличій всей современной философіи, начиная съ Бэкона, есть теоретическое признаніе ею превосходства, по крайней мѣрѣ въ области спеціальнаго знанія, объективнаго метода надъ субъективнымъ. Черта эта выступаетъ такъ рѣзко, что

---

[1]) History of philosophy, т I, стр. 289, изд. 1880 г.
[2]) Ibidem

многіе историки уже давно предложили раздѣлить все прошлое философіи на два періода: періодъ господства субъективнаго метода, соотвѣтствующій древней философіи, и періодъ господства метода объективнаго, соотвѣтствующій новой философіи,— дѣленіе, имѣющее, какъ мы увидимъ, нѣкоторое значеніе, хотя и не совсѣмъ то, которое обыкновенно ему приписывается; но именно въ смыслѣ этого дѣленія Аристотель — настоящій, а не искаженный схоластическими комментаторами—составляетъ какъ бы исключеніе изъ своей эпохи и является какъ бы принадлежащимъ уже новой философіи.

Льюисъ такъ очерчиваетъ руководящія начала аристотелевскаго метода. Въ прямой противоположности Платону, который, отрицая достовѣрность показаній нашихъ чувствъ, видѣлъ въ непосредственномъ или интуитивномъ воспріятіи основу всякаго истиннаго знанія, Аристотель искалъ эту основу именно въ воспріятіи посредствомъ чувствъ. Раньше Бэкона, но вполнѣ согласно съ нимъ, онъ утверждалъ, что разумнѣе разлагать сложныя явленія на составныя части, чѣмъ возводить ихъ на степень отвлеченій — melius est naturam secare quam abstrahere [1]). Его опорой были опытъ и индукція: первый долженъ былъ снабдить его частными фактами, отъ которыхъ уже вторая должна была отыскать дорогу къ общимъ фактамъ или законамъ [2]). Безъ ощущенія, безъ чувственнаго воспріятія мысль невозможна [3]).

---

[1]) Bacon, Novum Organon, 41.

[2]) Aristoteles, Topic. I, 10, Anal. Post. I, 31; Hist. Animal. I. 6.

[3]) De sensu, VI, 445; De anima, III, 8, 432.

Платонъ находилъ, что обманы чувствъ оправдываютъ скептицизмъ по отношенію ко всякому чувственному знанію (ἀπατῆς μεστὴ ἡ διὰ τῶν ὀμμάτων σκέψις). Аристотель, болѣе правильно, училъ, что источникъ заблужденія лежитъ не въ ложномъ свидѣтельствѣ нашихъ чувствъ, а въ ошибочномъ истолкованіи нашимъ умомъ ихъ показаній. Отсюда возникаетъ множество иллюзій; но каждое чувство свидѣтельствуетъ вѣрно, на сколько оно вообще свидѣтельствуетъ [1]). Наши чувства даютъ намъ знаніе частностей, конкретныхъ существованій. Индукція даетъ намъ знаніе общностей, отвлеченныхъ отношеній. Соглашаясь съ Платономъ, что наука имѣетъ дѣло лишь съ послѣдними, Аристотель, однако, утверждалъ, что достигнуть ихъ можно единственно путемъ опыта. Таковъ краеугольный камень опытной философіи или „эмпиризма“, въ которомъ такъ часто упрекали Аристотеля (19 bis).

5. Но если мы спросимъ себя, что̀ дѣлаетъ возможнымъ тотъ концептъ нашего ума, на которомъ основанъ объективный методъ, мы легко увидимъ, что возможность эта зависитъ непосредственно отъ лучшаго, въ сравненіи съ прежнимъ, пониманія органическихъ явленій, сопровождающихъ всякій познавательный актъ, и что, слѣдовательно, фундаментъ объективнаго метода совпадаетъ съ тѣмъ основаніемъ, на которомъ покоится все зданіе сенсуалистической метафизики. Вотъ почему признаніе верховныхъ правъ объективнаго метода является фактомъ, не только современнымъ возникновенію сенсуализма, но и всячески тѣсно связан-

---

[1]) De anima, III, 3; Metaph., IV, 5 и друг. мѣста

нымъ съ нимъ. Вотъ почему также и метафизическіе мыслители всѣхъ временъ, защищавшіе опытный путь и объективный методъ, были въ большей или меньшей степени причастны и философскому сенсуализму. Таковы были въ древности Аристотель, въ исходѣ среднихъ вѣковъ Бэконъ, въ новѣйшія времена—не говоря уже о сенсуалистахъ въ тѣсномъ смыслѣ отъ Локка до Кондильяка и Кабаниса—всѣ вообще метафизики, имѣвшіе какой-либо вѣсъ и значеніе: идеалисты типа Декарта и Лейбница, идеалисты типа Беркелея, наконецъ, и даже преимущественно, идеалисты типа Канта, а также, разумѣется, и матеріалисты, и притомъ какъ типа Гоббса, Толанда и Пристлея, такъ и типа энциклопедистовъ XVIII-го вѣка и ихъ непосредственныхъ преемниковъ. Съ этими философами случилось въ свое время то же самое, что̀ нынѣ имѣетъ мѣсто по отношенію къ послѣдователямъ самыхъ различныхъ, по своимъ исходнымъ точкамъ и конечнымъ цѣлямъ, научно-философскихъ системъ: они невольно подпали вліянію позднѣйшей и сравнительно болѣе совершенной формы метафизики, они сдѣлались полу-сенсуалистами приблизительно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ наиболѣе выдающіеся представители современной философіи незамѣтно и часто безсознательно становятся полупозитивистами.

Эта связь сенсуализма съ объективнымъ методомъ и съ основанною на признаніи его превосходства въ области спеціальной науки эмпирическою, индуктивною или опытною философіею (родовое названіе для всѣхъ системъ, къ какому бы изъ трехъ установленныхъ нами типовъ онѣ ни принадлежали, въ которыхъ господство субъективнаго a priori уже поколеблено скептическими и кри-

тическими стремленіями)—фактъ и весьма важный въ историческомъ, и крайне любопытный во многихъ другихъ отношеніяхъ. Остановимся же на немъ на минуту, хотя бы только для того, чтобы показать, что связь, о которой идетъ рѣчь, какъ нельзя болѣе естественна и законна; неправильны и незаконны лишь дѣлаемые иногда изъ нея выводы.

Въ сущности, все въ настоящемъ вопросѣ, и различеніе между объективнымъ и субъективнымъ методами, и раздѣленіе философіи на новую и древнюю, сводится къ значительному шагу впередъ, къ замѣтному успѣху въ частномъ отдѣлѣ знанія—въ теоріи познаванія. Мыслители новаго времени имѣютъ болѣе здравыя понятія, болѣе точныя и провѣренныя свѣдѣнія въ этой области, нежели древніе. Такой прогрессъ былъ результатомъ болѣе глубокаго изученія явленій органическаго порядка, что позволило человѣческому уму уловить нѣкоторые элементы сложнаго процесса образованія понятій и твердо установить нѣсколько общихъ методологическихъ началъ и правилъ.

Но успѣхи біологіи, съ другой стороны, облегчили уму и впаденіе въ новый видъ метафизическаго заблужденія: въ сенсуализмъ, въ объясненіе всей совокупности явленій посредствомъ непровѣренной гипотезы, заимствованной изъ области біологическихъ свойствъ.

Сенсуалистическая философія и теорія познаванія имѣютъ, такимъ образомъ, одно общее происхожденіе; но это еще вовсе не доказываетъ ихъ внутренняго тожества. Мы видимъ здѣсь, какъ одна и та же причина производитъ различныя послѣдствія собственно потому, что въ различныхъ случаяхъ къ ней присоединяется множество дру-

гихъ, уже совершенно разнородныхъ причинъ. Не умѣя разобраться въ этомъ усложненіи, мы хорошо различаемъ только болѣе выдающуюся причину, или ту, на которую въ данномъ сочетаніи фактовъ преимущественно обращено наше вниманіе. Отсюда — только одинъ шагъ къ отожествленію и всѣхъ послѣдствій такой причины: иллюзія эта составляетъ обычную дань, платимую нами абстрактной логикѣ, которая учитъ—и притомъ, вообще говоря, совершенно правильно,—что однѣ и тѣ же причины производятъ всегда одни и тѣ же послѣдствія.

Естественно было смѣшать сенсуализмъ съ лучшей теоріей познанія; естественно было и то, что сенсуалистическая философія, развившись вслѣдствіе первыхъ успѣховъ біологіи и нашедши твердый оплотъ въ этой области знанія, быстро усвоила себѣ эти успѣхи и вся отдалась теоретической проповѣди, дѣятельной пропагандѣ въ пользу объективнаго метода. Не менѣе естественно, наконецъ, было и то, что сенсуалисты не только сами стали отстаивать мнѣніе, по которому сущность всякой философіи сводилась къ теоріи познанія, но и сообщили то же глубокое заблужденіе идеализму, который одинъ, помимо сенсуализма, еще могъ принять его, такъ какъ явленія познанія суть не только органическіе, но, въ значительной мѣрѣ, и гиперорганическіе, сложные психическіе факты.

Все это, повторяемъ, было въ порядкѣ вещей; все это, сверхъ того, дѣйствительно возвышаетъ историческую цѣну, увеличиваетъ значеніе сенсуализма и объясняетъ, какія послѣдствія, какую перемѣну въ нѣкоторыхъ взглядахъ и въ постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ повлекло за собою господство сенсуалистической метафизики. Но все это ни мало не даетъ

права видѣть какую-то пропасть, и въ особенности пропасть методологическаго характера, между древнею и новою метафизикою; все это не даетъ права говорить о такомъ переворотѣ въ философіи, который въ ея собственныхъ предѣлахъ внезапно замѣнилъ бы субъективный или апріорный методъ объективнымъ или апостеріорнымъ. Переворотъ подобнаго рода—еще впереди, еще дѣло будущаго; метафизика, даже самая современная, никогда не переставала быть метафизикой, продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ прежней философіи, а иногда и рабскимъ подражаніемъ древнему способу мышленія. Конечно, движеніе впередъ новой философіи постоянно сопровождалось многочисленными и знаменательными успѣхами спеціальныхъ наукъ; но не новая философія породила эти успѣхи, и не она, конечно, вызоветъ къ жизни философію наукъ Послѣдняя разовьется не изъ метафизики, какъ бы осторожна и разумна ни была ея теорія познаванія, а изъ спеціальныхъ наукъ и ихъ спеціальныхъ философій (20).

6. Но возвратимся къ историческимъ судьбамъ сенсуализма послѣ Аристотеля.

Древняя философія, выдѣливъ изъ себя два основныхъ направленія—матеріализмъ и идеализмъ, кончила, однако, тѣмъ, что усомнилась въ истинности того и другого, заподозрѣла произвольность или непровѣряемость какъ идеалистической, такъ и матеріалистической гипотезы. Оба міропониманія одинаково перестали удовлетворять болѣе требовательныхъ преемниковъ Сократа, Платона и Аристотеля. Но безъ какого-нибудь міровоззрѣнія, какъ бы несовершенно и шатко оно ни было, не можетъ обойтись не только развитой, но и самый грубый

и первобытный умъ;—лучшимъ доказательствомъ тому служатъ теологіи различныхъ временъ и народовъ. Этою психическою необходимостью объясняется чрезвычайное распространеніе и усиленіе, въ послѣднемъ періодѣ древней философіи, новаго пониманія вещей, которое можно характеризовать общимъ терминомъ скептицизма. Въ чемъ состояла эта своеобразная философія, мы сейчасъ увидимъ; но прежде напомнимъ, что въ разсматриваемую нами эпоху древній міръ испыталъ уже второй сильный натискъ скептическихъ доктринъ, — первымъ знаменательнымъ проявленіемъ философскаго скептицизма, какъ мы знаемъ, было ученіе софистовъ.

Новый способъ объясненія совокупности міровыхъ явленій, къ которому прибѣгли древніе мыслители и который принялъ у нихъ характеристическую форму скептицизма, былъ не что̀ иное, какъ сенсуализмъ, но сенсуализмъ, не вполнѣ еще отдѣлившійся отъ параллельныхъ міровоззрѣній матеріализма и идеализма, не обособившійся въ самостоятельную доктрину, не завоевавшій себѣ высокаго положенія, достигнутаго имъ впослѣдствіи, не обратившійся въ цѣльную, систематически-законченную философію, словомъ, сенсуализмъ ранней, зачаточной фазы развитія.

На это общее и постоянное значеніе скептическихъ доктринъ нельзя не обратить серьезнаго вниманія. То обстоятельство, что даже самыя крайнія направленія скептицизма, и притомъ не только въ древнія, но и въ новѣйшія времена, были лишь особымъ выраженіемъ или воплощеніемъ сенсуализма, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ роковой необходимости, влекущей человѣческій умъ къ образованію, рядомъ съ гипотезами матеріализма и идеализма, или неме-

дленно вслѣдъ за ними, и третьей основной гипотезы, элементы которой заимствуются изъ области явленій, еще остающейся нетронутой послѣ объединительныхъ попытокъ первыхъ двухъ видовъ метафизики. И дѣйствительно, міръ д о л ж е н ъ быть объясненъ д о л ж е н ъ быть понятъ, такъ или иначе: и когда какъ матеріалистическое, такъ и идеалистическое его пониманіе перестаетъ удовлетворять нашъ умъ, послѣдній эту самую неудовлетворенность свою возводитъ въ руководящее начало, стараясь мотивировать ее, и съ этою цѣлью еще разъ и тщательно озирается кругомъ, отыскивая разрядъ явленій, который бы могъ быть противопоставленъ разрядамъ, уже обобщеннымъ прежними гипотезами. Въ этой группѣ явленій умъ человѣка сначала ищетъ и находитъ только аргументы для подкрѣпленія своего скептицизма, для пораженія враждебныхъ мнѣній; вскорѣ, однако, повинуясь законамъ собственной организаціи, неумолимо выдвигающей передъ нимъ задачу синтетическаго пониманія міра, онъ, въ свою очередь, гадательно расширяетъ значеніе новой области явленій, превращая ее въ источникъ новыхъ предположеній и вѣрованій. Едва успѣвъ нанести первые рѣшительные удары иллюзіямъ матеріализма и идеализма, философскій скептицизмъ, такимъ образомъ, впадаетъ самъ въ однородную иллюзію, превращается въ сенсуалистическую метафизику. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ въ тѣ эпохи незнанія или полузнанія, въ которыя нельзя еще и помышлять о другомъ единствѣ явленій, кромѣ чисто гипотетическаго; такъ было и въ разсматриваемой нами теперь заключительной фазѣ древней философіи, въ которой сенсуалистическая точка зрѣнія получила большое значеніе у собственно такъ-называемыхъ скептиковъ,

у матеріалистовъ господствовавшей, тогда школы Эпикура и у идеалистовъ двухъ школъ, стоической и средней академіи. О каждомъ изъ этихъ направленій мы здѣсь скажемъ нѣсколько словъ.

7. Въ школѣ собственно скептиковъ сенсуализмъ имѣлъ исключительно отрицательный характеръ: вслѣдствіе того и вліяніе ея было, сравнительно, менѣе глубокое, чѣмъ вліяніе матеріалистическихъ и идеалистическихъ школъ, которыя, принявъ ту же сенсуалистическую теорію познанія, старались развить ее и въ положительномъ смыслѣ.

Скептики отрицали существованіе какого-либо достовѣрнаго критерія для нахожденія истины. Аристотель разрушилъ идеальную теорію, предложенную Платономъ, указавъ на чисто субъективное значеніе ея; скептики пошли далѣе — они усмотрѣли такую же субъективность и въ индуктивной логикѣ Аристотеля. Но колебля основы всѣхъ философскихъ построеній, возведенныхъ ихъ предшественниками, они сами не сдѣлали ни одного догматическаго шага впередъ. Единственная вещь, которую они утверждали и не могли не утверждать, если хотѣли сохранить занятое ими положеніе, было то, что чувственное воспріятіе, этотъ обманчивый источникъ знанія, есть невѣдомое намъ измѣненіе въ самомъ субъектѣ, или состояніе нашего сознанія, какъ мы сказали бы теперь. Но это было уже строго сенсуалистическимъ тезисомъ; далѣе, однако, скептики не рисковали итти. Они не утверждали, подобно, напримѣръ, Демокриту, что внѣшніе предметы не имѣютъ вовсе качествъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ чувственное воспріятіе, или, подобно Протагору, что между измѣненіями матеріи и измѣненіями ощу-

щенія существуетъ постоянное соотношеніе; такія положенія казались имъ вполнѣ недоказанными.

Тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо думать, что сомнѣніе скептиковъ имѣло абсолютный характеръ, распространялось безусловно и одинаково на всѣ разряды явленій. Скептики могли не вѣрить въ возможность неопровержимо доказать реальность матеріи или объективное существованіе идей, но они не могли отвергать реальность ощущенія, которая служила имъ единственнымъ ручательствомъ основательности ихъ философскаго сомнѣнія. Сенсуализмъ, хотя бы только элементарный, былъ, такимъ образомъ, послѣднимъ убѣжищемъ философскаго скептицизма; внѣ такого сенсуализма, само сомнѣніе теряло почву подъ ногами, переставало быть сколько-нибудь разумнымъ.

Между обѣими доктринами существовало всегда много точекъ соприкосновенія; но главною изъ нихъ былъ принципъ относительности нашихъ знаній. Скептикъ приходилъ къ заключенію объ относительной недостовѣрности ихъ; сенсуалистъ къ заключенію объ относительной достовѣрности только контролируемыхъ извѣстнымъ образомъ опытныхъ данныхъ. Кромѣ того, сенсуализмъ, который въ догматическомъ отношеніи есть единственный выходъ изъ скептицизма, въ историческомъ развитіи системъ былъ иногда его точкою исхода, иногда его прямымъ результатомъ. Тѣсная связь между этими двумя ученіями никогда не прерывалась и обнаруживается то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ во всемъ прошедшемъ метафизики. Такъ, у Аристотеля сенсуализмъ былъ послѣдствіемъ скептицизма софистовъ, у Локка—результатомъ философской дѣятельности скептиковъ конца XVI-го и начала XVII-го вѣка; съ другой стороны, проявленія скептиче-

ской мысли въ заключительномъ періодѣ древней философіи были прямо возбуждены сенсуализмомъ Аристотеля; сенсуализмъ Локка далъ главный толчокъ скептицизму Юма, а скептическій сенсуализмъ послѣдняго, въ свою очередь, вызвалъ критицизмъ Канта.

8. Въ той же формѣ скептицизма, сенсуализмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо и въ казавшихся столь враждебными ему школахъ матеріализма и идеализма. Что касается матеріализма, то въ этомъ отношеніи особенно выдается господствовавшая въ послѣднемъ періодѣ древней философіи школа Эпикура. Эпикурейцы всецѣло заимствовали у Аристотеля сенсуалистическіе элементы его теоріи познаванія и, пользуясь ими, наносили ударъ за ударомъ его же основному воззрѣнію на философію, какъ на искусство нахожденія истины,—воззрѣнію, которое въ одинаковой мѣрѣ раздѣлялось не только идеалистами въ родѣ Платона, но и всѣми прежними матеріалистами, и въ числѣ ихъ прямымъ родоначальникомъ эпикурейской школы, Демокритомъ. Скептицизмъ эпикурейцевъ въ этомъ отношеніи былъ глубокій, безповоротный: на философскій поискъ за истиной они смотрѣли съ высокомѣріемъ, ни въ чемъ не уступавшимъ презрѣнію, которое питали къ отвлеченнымъ изслѣдованіямъ философіи скептики въ тѣсномъ смыслѣ слова; такія изслѣдованія казались имъ лишенными всякой достовѣрности и не ведущими къ прямой и практической цѣли философіи—возможно большей суммѣ счастія. Отсюда и основной взглядъ ихъ на философію, какъ на искусство или теорію жизни; отсюда и тотъ странный, и въ высшей степени необычный для послѣдовательнаго матеріализма поворотъ ихъ въ сторону

этики, изъ которой, подобно идеалистамъ, они дѣлаютъ главное содержаніе философіи. Ихъ нравственно-философская система представляетъ любопытный примѣръ смѣшенія матеріалистическихъ и идеалистическихъ точекъ зрѣнія, которое, очевидно, произошло подъ вліяніемъ, скептическаго сенсуализма, проложившаго себѣ по-немногу дорогу въ самое сердце матеріалистической метафизики.

9. Тому же вліянію подпали вскорѣ, въ лицѣ главныхъ своихъ представителей въ эту эпоху—стоиковъ и позднѣйшихъ академиковъ,—и приверженцы идеалистической метафизики.

Стоики были, безъ сомнѣнія, идеалистами, какъ эпикурейцы были матеріалистами; безъ сомнѣнія также, почти въ каждомъ теоретическомъ и практическомъ вопросѣ, взятомъ отдѣльно, обѣ школы расходились радикально, держались прямо противоположныхъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе, въ существенныхъ пріемахъ и въ нѣкоторыхъ общихъ результатахъ, эпикурейцы и стоики постоянно являли полнѣйшее согласіе, зависѣвшее главнымъ образомъ отъ того, что они одинаково отправлялись отъ широко распространеннаго въ то время скептическаго сенсуализма и, уже опираясь на него, громили всякую чисто-теоретическую философію. Для стоиковъ, какъ для эпикуйцевъ, умозрительныя потребности отходили на задній планъ по той простой причинѣ, что возможность удовлетворенія ихъ представлялась имъ въ высшей степени сомнительною: отвлеченная истина казалась имъ недостижимою даже въ томъ, наиболѣе вѣроятномъ направленіи, въ которомъ они сами, противорѣча своимъ сенсуалистическимъ точкамъ исхода, подчасъ стремились отыскать ее—въ направленіи идеалистическихъ

гипотезъ. Ошибка стоиковъ, однако, проистекала не изъ взгляда ихъ на теоретическую философію, какъ на простого слугу жизни; такое воззрѣніе, строго говоря, даже вовсе не принадлежало имъ; оно возникло гораздо позже, и въ формѣ, приданной ему, напримѣръ, позитивизмомъ, едва ли можетъ быть серьезно оспариваемо; но стоики, подобно эпикурейцамъ, во всякой теоретической философіи принципіально признавали невѣрнаго слугу жизни. Вся философія принимала у нихъ, поэтому, какъ у послѣдователей Эпикура, форму практической философіи, была искусствомъ жить. Но подъ вліяніемъ отчасти своей идеалистической психологіи, отчасти побужденій политическаго и соціальнаго характера (быстрое разложеніе сначала греческой, а потомъ римской гражданственности и естественно вызванная этимъ процессомъ охранительная реакція, желаніе остановить то, что казалось и, въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствительно было широко распространенною болѣзнью, подтачивавшею послѣднія силы общественнаго организма), стоики отказывались видѣть конечную цѣль жизни въ суммѣ благъ, перечислявшихся Эпикуромъ и его учениками, и высшее счастіе человѣка, содержаніе этики, подводили подъ другую, суровую формулу долга.

Съ внѣшней, формальной стороны, стоики казались непримиримыми и, въ свое время, чуть ли не единственными врагами повальнаго скептицизма, охватившаго всѣ культурные слои тогдашняго общества и начавшаго уже вырождаться, въ практической сферѣ, въ полнѣйшій индифферентизмъ; но, по справедливому замѣчанію Льюиса, положеніе, занятое стоиками по отношенію по крайней мѣрѣ къ теоретическому скептицизму, было вполнѣ аналогично съ тѣмъ, которое, подъ вліяніемъ сход-

ныхъ причинъ, цѣлымъ тысячелѣтіемъ позже заняли по отношенію къ философскому скептицизму Юма — Рейдъ, Беатти, Атчисонъ, вся шотландская школа. И стоики, и группа шотландскихъ философовъ только формально боролись съ скептицизмомъ своей эпохи; въ сущности, они были побѣждены своимъ противникомъ, еще не начавъ съ нимъ спора, они сами были заражены скептицизмомъ, и притомъ въ довольно высокой степени и въ весьма характерной формѣ. Глубокое, неизлѣчимое сомнѣніе въ достовѣрности истинъ, добытыхъ предшествовавшею имъ теоретическою философіею, могло одно заставить ихъ искать убѣжища въ такъ называемомъ здравомъ смыслѣ, т. е., другими словами, въ отреченіи отъ философіи; но такое отреченіе, по своимъ прямымъ результатамъ, было вполнѣ тождественно съ самымъ радикальнымъ скептицизмомъ. При всей мѣткости этого сравненія двухъ школъ, столь отдаленныхъ другъ отъ друга во времени и столь близкихъ по содержанію своихъ доктринъ, Льюисъ, однако, не видитъ, что своеобразная и интересная форма, къ которую вылился скептицизмъ той и другой, была лишь простымъ результатомъ выступленія на историческую сцену, рядомъ съ матеріалистической и идеалистической точками зрѣнія, и сенсуалистической и заявленія послѣднею, самыми различными способами, права на самостоятельное существованіе, какъ особаго основного типа метафизическаго мірообъясненія (21).

10. Кромѣ школы стоиковъ, идеализмъ подвергся вліянію ранняго сенсуализма еще и у послѣдователей Платона, образовавшихъ собою такъ-называемую вторую и третью или, вмѣстѣ взятыя, сред-

нюю академію Вліяніе это и тутъ, какъ лучше всего видно на примѣрѣ основателя второй академіи Аркесилая и основателя третьей Карнеада (21 bis), сказалось въ обычномъ соединеніи извѣстныхъ — въ данномъ случаѣ идеалистическихъ — доктринъ съ сенсуалистическою теоріею познанія, что̀ въ результатѣ и приводило постоянно къ философскому скептицизму. Но скептицизмъ академиковъ выражался уже не въ формѣ призыва философіи къ здравому смыслу, и не въ видѣ попытокъ основать практическую философію на развалинахъ теоретической, а прямо и непосредственно въ формѣ чисто логическихъ сомнѣній, какъ у собственно такъ-называемыхъ скептиковъ.

Уже у Платона, тонко сравнивавшаго человѣческую душу съ книгой, переписчиками которой служатъ внѣшнія чувства, и утверждавшаго, что опытныя познанія отличаются весьма малою достовѣрностью, можно открыть слабые зачатки скептицизма; но это былъ не обоюдоострый скептицизмъ, одинаково направленный и противъ матеріалистической, и противъ идеалистической гипотезы,—это было одностороннее сомнѣніе, необходимо предшествующее какъ матеріалистическому, такъ и идеалистическому міропониманію и только очищающее почву, на которой вслѣдъ за тѣмъ возводится зданіе той или другой изъ этихъ философій. У Платона, какъ впослѣдствіи у Декарта, Мальбранша и Лейбница, какъ у всѣхъ идеалистовъ, сомнѣніе было направлено исключительно противъ матеріализма и служило прямой опорой идеалистическому міропостроенію. Вотъ почему болѣе глубокій скептицизмъ средней академіи сдѣлался возможнымъ только послѣ того, какъ Аристотель, съ помощью сенсуалистическихъ

аргументовъ, разрушилъ до основанія идеальную теорію Платона. Аркесилай и Карнеадъ, какъ идеалисты и даже платоники, были крайне непослѣдовательны; идеализмъ ихъ плохо вязался съ основными тезисами ихъ теоріи познаванія — полною зависимостью разума отъ чувственныхъ воспріятій, которыя доставляютъ ему весь, безъ остатка, матеріалъ для его мышленія и знанія, и сами суть не что̀ иное, какъ измѣненіе въ субъектѣ, ни мало не соотвѣтствующее совокупности свойствъ производящаго подобное измѣненіе объекта; если же такое соотвѣтствіе существуетъ, то, по мнѣнію академиковъ, оно не можетъ быть предметомъ знанія; другими словами, нѣтъ критерія для абсолютной истины, и вещи сами въ себѣ для насъ недоступны — тезисы, на которыхъ академики и построили свою знаменитую теорію „акаталепсіи“, бывшую для древности тѣмъ же самымъ, чѣмъ модный теперь „агностицизмъ“ сталъ для нашего времени.

Такимъ образомъ, уже древній скептицизмъ, въ той формѣ, которая была придана ему постепенными усиліями софистовъ, Аристотеля, скептиковъ школы Пиррона, матеріалистовъ школы Эпикура, теретиковъ здраваго смысла и, наконецъ, идеалистовъ средней академіи, приводилъ непосредственно къ обнимающей всѣ разряды явленій сенсуалистической гипотезѣ „непознаваемаго“. Въ дошедшей до насъ, послѣ многократныхъ и, вѣроятно, значительныхъ искаженій, формулировкѣ этой теоріи у древнихъ мыслителей говорится, правда, о непостижимости, о непознаваемости „всѣхъ вещей“ вообще; но само собою разумѣется, что подъ „всѣми вещами“ древніе понимали лишь сущность вещей, а не то дѣйствіе, которое вещь сама въ себѣ, какъ

невидимая причина, производитъ на нашъ организмъ, вызывая въ немъ разнообразныя ощущенія и порождая представленія; познаваемость этихъ представленій и самыхъ отношеній ихъ къ производящимъ ихъ и вѣчно скрытымъ отъ насъ причинамъ, т. е. познаваемость отношеній вещей къ намъ, объекта къ субъекту, никогда не могла подвергаться серьезному сомнѣнію (22).

11. Средніе вѣка не представляютъ ничего выдающагося въ исторіи сенсуализма. Правда, подъ наружно невозмутимою поверхностью, занятою грозною теологіей и порабощеннымъ теологіею идеализмомъ, и тогда происходила, безъ остановки, глухая, невидимая работа философской мысли. Но результаты этой работы обнаружились только въ эпоху Возрожденія, когда почва внезапно заколебалась подъ теологической схоластикой, и спасти послѣднюю отъ прямо смотрѣвшей ей въ глаза опасности было уже невозможно. Усилія немногихъ личностей освободиться отъ оковъ тяжелой умственной неволи, въ которой ихъ держали невѣжество и религіозная нетерпимость большинства, вся эта, исполненная непонятныхъ теперь сомнѣній и тревогъ подпольная работа еще ждетъ своего историка. Слѣды сенсуалистическихъ доктринъ, выработанныхъ древнимъ скептицизмомъ, разбросаны всюду въ средніе вѣка: ихъ можно отыскать и въ теологическихъ разсужденіяхъ того времени, и въ арабской философіи, и въ огромной массѣ всевозможныхъ различеній, съ удивительнымъ терпѣніемъ нагроможденныхъ схоластиками всѣхъ школъ. Но въ особенности Аристотелю обязаны чрезвычайно многимъ въ этомъ отношеніи средневѣковые мыслители. Онъ былъ главнымъ,

а нѣкоторое время даже единственнымъ источникомъ средневѣковаго сенсуализма. Не даромъ ему приписывался великій „канонъ“ этого міропониманія, знаменитая формула: „Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu“; не даромъ также отъ него вели въ прямой линіи свою родословную и номиналисты, столь тѣсно связанные, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, съ новѣйшими теченіями философской мысли.

Но все это были лишь слабыя и неувѣренныя начинанія, все это были сѣмена, случайно носившіяся надъ невоздѣланною, обширною философскою залежью, на которой они и не могли вызвать къ жизни ничего, кромѣ жалкихъ дичковъ, тотчасъ же заглушавшихся чуждою имъ растительностью. Такъ продолжалось до того времени, пока великія открытія, окончательно обосновавшія науки неорганическаго міра, не подготовили почвы и подъ изслѣдованія въ области біологіи. Только съ прочными успѣхами послѣдней науки возникъ настоящій, вполнѣ опредѣлившійся, сознательный сенсуализмъ. Но этотъ поздній расцвѣтъ сенсуалистической метафизики принадлежитъ уже XVII-му и XVIII-му столѣтіямъ, т. е. той же знаменательной эпохѣ, которая была свидѣтельницей оживленія и новаго развитія двухъ другихъ типовъ метафизическаго міропониманія (22 bis).

12. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ цвѣтущей эпохѣ сенсуализма, мы должны сказать нѣсколько словъ объ одномъ философѣ и объ одной философіи, которые оставили глубокій слѣдъ въ исторіи современной мысли.

На рубежѣ, отдѣляющемъ послѣдніе годы эпохи Возрожденія отъ періода новѣйшаго подъема духа

философскаго изслѣдованія, одиноко, несмотря на нѣкоторое число предшественниковъ и на быстро выросшую массу послѣдователей, стоитъ знакомая всѣмъ еще изъ учебниковъ фигура канцлера королевы Елизаветы, философа Бэкона. Сочиненія этого мыслителя до сихъ поръ пользуются большою славою, идеи его до сихъ поръ составляютъ ходячую монету разсужденій на тему о научныхъ методахъ и главное содержаніе популярныхъ книжекъ, трактующихъ о философіи; напротивъ того, всѣ попытки низвести Бэкона Веруламскаго съ высокаго пьедестала, воздвигнутаго ему рядомъ благодарныхъ поколѣній, въ томъ числѣ и извѣстная попытка Либиха, не увѣнчались успѣхомъ. Иначе и не могло быть, конечно. Несмотря на очевидныя теперь заблужденія, Бэконъ имѣлъ огромное культурное значеніе; вліянью его содѣйствовала и болѣе литературная, чѣмъ научная, богатая поэтическими образами и сравненіями, блестящая, хотя иногда риторически-вздутая форма его нападокъ на прежнюю философію и его горячихъ призывовъ къ новымъ путямъ въ области точнаго знанія и отвлеченнаго мышленія.

Руководящія воззрѣнія Бэкона хорошо всѣмъ извѣстны по многочисленнымъ изданіямъ и переводамъ его двухъ главныхъ произведеній: „De dignitate et augmentis scientiarum“ и „Novum Organon“, и еще болѣе по безчисленнымъ ссылкамъ позднѣйшей литературы на его мѣткіе философскіе афоризмы, на его глубокія и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящія опредѣленія и замѣчанія, касающіяся самыхъ различныхъ предметовъ во всѣхъ отдѣлахъ знанія. Мы здѣсь, поэтому, только вкратцѣ напомнимъ о наиболѣе замѣчательныхъ его взглядахъ. Возставая противъ еще существовавшей въ его время

тѣсной связи между теологіей и философіей, Бэконъ усердно заботится о замѣнѣ этого гибельнаго, по его мнѣнію, для успѣховъ и самаго достоинства философскихъ изслѣдованій союза новымъ союзомъ, на этотъ разъ уже между философіей и положительною наукою. Съ этою цѣлью онъ дѣлаетъ попытку энциклопедическаго обозрѣнія и раздѣленія всего „globus intellectualis“, всей совокупности нашихъ познаній. Попытка эта была преждевременна; она привела Бэкона къ такимъ ничтожнымъ и отчасти невѣрнымъ результатамъ, какъ различеніе между тремя родами знанія — историческимъ, основаннымъ на памяти, эстетическимъ (поэтическимъ), основаннымъ на воображеніи, и философскимъ, основаннымъ на разумѣ, и какъ раздѣленіе философскаго знанія—на философію въ тѣсномъ смыслѣ слова, или первую философію, составляющую настоящій источникъ и оживляющее начало всякаго знанія и занимающуюся развитіемъ общихъ всѣмъ наукамъ понятій и аксіомъ, и на вторую философію, или дѣятельную науку. Впрочемъ, и этотъ основной концептъ не выдерживается Бэкономъ сколько-нибудь послѣдовательно; первая философія, въ свою очередь, распадается у него на ученіе о природѣ (natural philosophy съ двумя вѣтвями, теоретической, или ведущей отъ опыта къ аксіомамъ, и практической, или нисходящей отъ аксіомъ къ открытіямъ и приложеніямъ) и ученіе о человѣкѣ (антропологія съ двумя развѣтвленіями, philosophia humana и philosophia civilis) Вообще, задачи метафизики постоянно смѣшиваются Бэкономъ не только съ задачами теоретической науки, или того, что мы теперь назвали бы философіями отдѣльныхъ наукъ, но и съ задачами прикладнаго знанія, и въ результатѣ получается

чрезвычайно запутанная и произвольная классификація и философскихъ, и спеціальныхъ знаній. Что же касается физики, этой точки исхода всѣхъ матеріалистическихъ гипотезъ, то Бэконъ, собственно говоря, не изгоняетъ, а только выдѣляетъ изъ нея телеологическіе взгляды, изслѣдованіе конечныхъ причинъ; такая телеологія, по его мнѣнію, составляетъ законный предметъ метафизики, которая въ естественной философіи и должна дополнять собою физику. Еще менѣе прогрессивны, въ сравненіи съ аналогичными воззрѣніями древности, взгляды Бэкона на науку противоположнаго конца естественнаго ряда явленій, на психологію. Здѣсь Бэконъ, можетъ быть, впрочемъ, и не совсѣмъ искренно, отличаетъ чувственную, матеріальную душу отъ сверхъестественнаго, по своему происхожденію, духа, различаетъ и два вида чувственнаго воспріятія, изъ которыхъ низшее или матеріальное принадлежитъ, по его мнѣнію, не только органическому, но и неорганическому міру и т. п. Психологію, далѣе, онъ дѣлитъ на логику и этику, при чемъ въ этикѣ не поднимается выше поверхностнаго утилитаріанизма древнихъ мыслителей. Наконецъ, въ общественной философіи, составляющей послѣдній отдѣлъ его книги „De augmentis“, онъ видитъ исключительно сборникъ правилъ практической мудрости—государственной и житейской.

13. За то, въ другой части психологіи, въ логикѣ, Бэконъ является дѣйствительно великимъ мыслителемъ. Задачу коренного обновленія логики, разсматриваемой какъ искусство нахожденія истины, Бэконъ стремился разрѣшить въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ изслѣдованій своихъ: „Cogitata et Visa“ (1612 г.), переработанномъ впослѣдствіи во вто-

рое капитальное произведеніе его „Novum Organon“. Въ этой попыткѣ, какъ извѣстно, заключаются всѣ права его на признательность человѣчества, и здѣсь онъ является достойнымъ преемникомъ Аристотеля. Нужды нѣтъ, что Бэконъ торжественно провозглашаетъ паденіе Аристотелевой логики и свое намѣреніе воздвигнуть на развалинахъ ея новое и болѣе прочное зданіе; критика его поражаетъ лишь несущественныя части въ методологіи великаго мыслителя древности и тѣ искаженія, которымъ логическія теоріи послѣдняго неизбѣжно подверглись въ періодъ схоластическихъ толкованій. Сущность ученія Аристотеля, сенсуалистическіе элементы его теоріи познаванія, его глубокое убѣжденіе въ превосходствѣ индуктивныхъ пріемовъ изслѣдованія, однимъ словомъ, его эмпиризмъ, проникшій изъ области частнаго знанія и въ область знанія общаго или философскаго, — все это находитъ въ Бэконѣ пламеннаго защитника, геніальнаго истолкователя. Близкое родство въ этомъ отношеніи обоихъ мыслителей и одинаково принадлежащее имъ право считаться основателями такъ-называемой опытной или эмпирической философіи не подлежатъ сомнѣнію. Оба исходятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же основныхъ точекъ зрѣнія, строятъ, съ помощью ихъ, однѣ и тѣ же гипотезы и приходятъ, само собою разумѣется, къ существенно одинаковымъ результатамъ. Моя задача, говоритъ Бэконъ, состоитъ въ опредѣленіи различныхъ степеней достовѣрности знанія, въ обезпеченіи за чувственнымъ воспріятіемъ, посредствомъ извѣстнаго ограниченія его, права считаться источникомъ истиннаго знанія, въ устраненіи чисто спекулятивнаго творчества на почвѣ слишкомъ скудныхъ данныхъ, въ открытіи человѣческому уму новыхъ и болѣе безопасныхъ путей въ предѣлахъ

чувственнаго опыта. Мы ищемъ знанія, говоритъ еще англійскій мыслитель, не притязательно въ узкихъ перегородкахъ и клѣтяхъ человѣческаго духа, а скромно въ обширномъ царствѣ природы. Наука можетъ преуспѣвать только тогда, когда мы, какъ по лѣстницѣ, восходимъ со ступени на ступень, въ строгой послѣдовательности, отъ отдѣльныхъ предметовъ къ низшимъ обобщеніямъ, затѣмъ къ среднимъ и отсюда уже къ высшимъ законамъ; потому-то мы и должны заботиться прежде всего не о томъ, чтобы снабдить человѣческій духъ крыльями, а о томъ, чтобы нагрузить его свинцомъ опыта и этимъ хоть нѣсколько задержать его полетъ. Лучше анализировать явленія, разлагать природу на составныя части, чѣмъ вращаться въ кругу высшихъ отвлеченій. Изслѣдованіе конечныхъ цѣлей безполезно и безплодно, какъ посвященная божеству дѣвственница. Явленія природы не должны быть изобрѣтаемы или измышляемы, они должны быть непосредственно находимы въ фактахъ. Подъ этими и имъ подобными афоризмами Бэкона, конечно, не колеблясь, подписался бы и Аристотель.

Но кромѣ этой методологической близости, между обоими мыслителями существуетъ и другое, весьма важное духовное родство. Оба не вполнѣ удовлетворялись метафизическимъ единствомъ, вытекавшимъ изъ общихъ гипотезъ, и оба, поэтому, опираясь на единство метода, старались отыскать менѣе произвольныя основанія для философскаго единства явленій. Основаній этихъ они не нашли: въ ихъ время такой поискъ не могъ увѣнчаться успѣхомъ; но самая попытка ихъ заслуживаетъ нашу признательность и невольно возбуждаетъ удивленіе къ

энциклопедическому генію мыслителей, не устрашившихся трудностей подобной задачи (23).

14. Къ какому же типу философской мысли прошедшаго принадлежитъ философія Бэкона, къ какой разновидности метафизики нужно отнести его міропониманіе? Вопросъ этотъ представляетъ свою долю значенія въ исторіи философіи, и долженъ быть разсмотрѣнъ нами уже потому, что, вызывая по большей части самые разнорѣчивые и крайне неудовлетворительные отвѣты, онъ разрѣшается сравнительно просто нашей классификаціею метафизическихъ системъ.

Бэкона нельзя причислить къ матеріалистамъ, несмотря на нѣкоторое духовное родство его съ ними Онъ, правда, часто восхваляетъ Демокрита, противополагая его доктрину постоянно оспариваемымъ имъ ученіямъ Аристотеля и Платона: но онъ еще чаще, и притомъ въ самыхъ важныхъ вопросахъ, глубоко расходится съ греческимъ матеріалистомъ. Въ Бэконѣ нельзя видѣть и сколько-нибудь послѣдовательнаго идеалиста; у Аристотеля онъ только заимствуетъ теорію познаванія, которая всего менѣе могла служить точкой опоры для идеалистической метафизики. Наконецъ, Бэкона нельзя признавать и сенсуалистомъ въ томъ черезчуръ узкомъ смыслѣ, въ какомъ наименованіе это употребляется въ обычной философской терминологіи. Эти затрудненія историки философіи обходятъ двумя способами. Одни вовсе отказываютъ Бэкону въ правѣ занять мѣсто въ рядахъ метафизиковъ, и хотятъ видѣть въ немъ лишь геніальнаго изслѣдователя въ области научной методологіи. Это мнѣніе можно легко защищать, но оно представляетъ то неудобство, что оставляетъ безъ объясненія

громадное вліянье Бэкона на развитіе не отдѣльныхъ наукъ, а именно современной ему и всей позднѣйшей метафизики. Такое прямое и глубокое дѣйствіе на философію могла оказать только философія же, только міропониманіе, имѣвшее многочисленныя точки соприкосновенія съ аналогичными системами общихъ взглядовъ на природу. Другіе впадаютъ въ противоположную крайность: преувеличивая одинокое положеніе и самое значеніе Бэкона въ ряду философовъ, они склонны видѣть въ немъ основателя особой разновидности философіи—такъ называемаго эмпиризма. Но не говоря уже о томъ, что эмпиризмъ, если строго анализировать представляемое этимъ терминомъ понятіе, не можетъ наполнить собою цѣлаго міропониманія, не можетъ составить всего содержанія какой-либо философіи, т. е. не говоря о томъ, что философія „эмпиризма“ есть такой же нонсенсъ, какъ философія „простоты“, философія „точности“ и т. п., мы здѣсь сталкиваемся еще съ очевиднымъ противорѣчіемъ, такъ какъ въ томъ же признакѣ—эмпиризмѣ—нельзя отказать ни всѣмъ почти школамъ матеріализма, ни огромному большинству сенсуалистовъ, ни самымъ умѣреннымъ между идеалистами.

Сомнѣнія относительно мѣста, принадлежащаго Бэкону въ метафизическихъ рядахъ, исчезаютъ, если принять наше, несравненно болѣе широкое толкованіе сенсуализма, какъ основного и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго типа метафизики. Прямая связь устанавливается тогда между міропониманіемъ Бэкона и мірообъясненіями позднѣйшихъ философскихъ доктринъ. Филіація эта въ своихъ побочныхъ отпрыскахъ ведетъ и къ нѣкоторымъ системамъ матеріализма, и къ проявленіямъ умѣ-

реннаго идеализма· таковъ уже общій характеръ всѣхъ сенсуалистическихъ точекъ исхода и гипотезъ, по необходимости занимающихъ среднее положеніе между крайностями матеріализма и идеализма. Но въ главномъ своемъ теченіи, въ первенствующей или „стволовой“ своей линіи филація эта приводитъ неизмѣнно и исключительно къ представителямъ сенсуалистическаго міровоззрѣнія, къ Локку, къ Юму, къ шотландцамъ, къ Кондильяку, къ Кабанису. На примѣрѣ Бэкона, такимъ образомъ, какъ на примѣрѣ древнихъ скептиковъ, еще разъ подтверждается всеобщее, не терпящее крупныхъ и рѣзкихъ изъятій значеніе, принадлежащее нашей классификаціи философскихъ ученій прошедшаго. Классификація эта позволяетъ безъ долгихъ колебаній указать мѣсто философіи Бэкона въ разрядѣ системъ ранняго, не достигшаго еще полнаго развитія сенсуализма. Бэконъ, этотъ послѣдній представитель великой эпохи возрожденія наукъ, философіи и литературы древняго міра, заплатилъ блестящую дань духу своего замѣчательнаго времени именно тѣмъ,· что онъ возродилъ, вдохнувъ въ нее свѣжую жизнь, высшую, хотя и не вполнѣ выяснившуюся форму древней метафизики, что онъ извлекъ изъ-подъ глубокаго наноса средневѣковыхъ заблужденій и пустилъ въ общій оборотъ самый драгоцѣнный, хотя и не вполнѣ созрѣвшій плодъ древней мысли—индуктивную или опытную философію. Но самъ онъ не пошелъ въ этомъ направленіи много далѣе Аристотеля; только въ частностяхъ научной методологіи, только въ вопросахъ, которые въ его время были выдвинуты впередъ успѣхами точныхъ наукъ, совершенствуетъ онъ методъ и развиваетъ руководящія начала своего безсмертнаго предшественника,—и только

въ полемикѣ противъ самыхъ грубыхъ ошибокъ субъективнаго метода, полемикѣ, въ которой онъ располагалъ богатымъ матеріаломъ схоластическаго опыта, значительно превосходитъ онъ греческаго философа. Но въ главномъ и въ существенномъ Бэконъ перенимаетъ нить сенсуализма на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она обрывается у идеалиста Аристотеля и у наиболѣе даровитыхъ между древними скептиками. Его усилія, по прежнему, всецѣло направлены на такое улучшеніе и очищеніе научныхъ методовъ, которое, помимо отрывочныхъ и недостаточныхъ указаній тогдашней научной практики, могло въ его эпоху, какъ и въ эпоху Аристотеля, быть достигнуто лишь съ помощью сенсуалистической теоріи познаванія.

Заслуга болѣе глубокаго развитія сенсуалистической метафизики принадлежитъ уже, безспорно, преемнику Бэкона, Локку.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СЕНСУАЛИЗМЪ

Эпоха расцвѣта. Локкъ и Юмъ.

1 Сенсуалистическій субъективизмъ Локка. Борьба съ матеріализмомъ и идеализмомъ. — 2. Теорія двоякаго происхожденія идей и вопросъ объ основномъ психическомъ свойствѣ.— 3 Юмъ и его вліяніе на Канта. — 4. Психологія и теорія познаванія.—5. Антропологія Юма и антропологія идеалистовъ Декарта и Канта.—6. Соціологическіе взгляды Юма —7. Теорія причинности.—8 Сенсуалистическая двусторонность скептицизма Юма —9 Теорія непознаваемаго или агностицизмъ. — 10. Общій метафизическій характеръ философіи Юма.—11. Значеніе Юма для современной философіи

1. Начиная съ Локка, сенсуализмъ становится настоящею метафизикою, вступающею въ прямую и продолжительную борьбу за преобладаніе, какъ съ матеріализмомъ, такъ и съ идеализмомъ. Руководящія начала этой философіи провозглашаются ясно, отчетливо; ея коренныя отличія отъ другихъ міропониманій выставляются и обсуждаются открыто; вліяніе ея усиливается; точки зрѣнія ея проникаютъ въ другія системы,—и въ результатѣ получается увеличеніе числа и значенія смѣшанныхъ, не вполнѣ однородныхъ метафизическихъ ученій.

Воззрѣнія Локка, которыя вскорѣ легли въ осно-

ву всякаго сенсуализма, хорошо всѣмъ извѣстны. Въ теоріи познаванія Локкъ видитъ главный объектъ, прямую цѣль философскаго изслѣдованія; онъ утверждаетъ, что ученія матеріализма и крайняго идеализма лишены достовѣрности, не имѣютъ ни малѣйшей научной цѣнности; онъ, наконецъ, стремится вытѣснить изъ философіи основные постулаты прежнихъ доктринъ, замѣнивъ ихъ гипотезою, которая, по его мнѣнію, можетъ опираться лишь на группу элементарныхъ психическихъ фактовъ, представляемую явленіями ощущенія. Отъ матеріализма его отдѣляетъ самая точка исхода его философіи, или сведеніе задачи послѣдней къ изслѣдованію происхожденія и развитія нашихъ представленій и идей. Съ различными оттѣнками идеализма, напротивъ того, его сближаетъ исключительное направленіе философскихъ изысканій въ сторону субъекта. Не слѣдуетъ забывать, однако, что субъективизмъ Локка—сенсуалистическій, ни на минуту не прерывающій связи съ внѣшней природой или міромъ объекта, въ которомъ и находятся всѣ его корни; такой субъективизмъ — чисто формальный, словесный, и въ дѣйствительности ничѣмъ не отличается отъ объективизма матеріалистовъ.

Противъ идеализма Локкъ и его преемники выступаютъ съ цѣлымъ арсеналомъ возраженій, частью оригинальныхъ, частью-же заимствованныхъ у матеріалистовъ, напримѣръ, у Гоббса и Гассенди. Они опровергаютъ теорію врожденныхъ идей; нѣкоторые изъ нихъ даже отрицаютъ врожденныя „способности“; они указываютъ на важное значеніе языка въ символизмѣ вещей; они, наконецъ, терпѣливо и осторожно изслѣдуютъ источники знанія, которые, по Локку, всѣ сводятся къ одному

роднику—опыту, съ двумя главными развѣтвленіями: чувственнымъ воспріятіемъ, разсматриваемымъ отдѣльно отъ дальнѣйшихъ дѣйствій ума, и внутреннимъ воспріятіемъ умомъ своихъ собственныхъ операцій.

Ученіе о мірѣ и его явленіяхъ было основано у Локка, какъ справедливо замѣчаетъ Литтре [1]), на ученіи о человѣческой природѣ, имѣющей такое частное значеніе въ общемъ строѣ космоса. Но сенсуалисты вводили въ свое міропониманіе, въ качествѣ фактора первостепенной важности, болѣе общій, біологическій элементъ, который совершенно исключался идеалистами, ограничивавшимися одной гиперорганической стороною нашей психической дѣятельности. Сенсуалисты искали объясненія происхожденія всѣхъ нашихъ концептовъ въ органическомъ фактѣ ощущенія. Наши ощущенія, по теоріи Локка, даютъ намъ простыя, элементарныя идеи—то, что было названо впослѣдствіи школою Гербарта „представленіями“ — идеи цвѣта, звука, протяженія, движенія, изъ сочетанія и сравненія этихъ представленій возникаютъ отвлеченныя понятія, сложныя чувства, желанія, аффекты. Но сводя такимъ образомъ всѣ психическія явленія къ ихъ біологическимъ корнямъ, Локкъ, очевидно, не могъ, подобно идеалистамъ, отожествлять „вещь въ себѣ“ съ какимъ бы то ни было концептомъ нашего ума; онъ не искалъ сущности вещей, вмѣстѣ съ матеріалистами, и на противоположномъ концѣ лѣстницы явленій—въ неорганическомъ мірѣ. Какъ всѣ сенсуалисты, онъ относился

---

[1]) De la méthode en psychologie, Philosophie positive, 1867.

скептически и къ реальности матеріальной вещи въ себѣ, и къ реальности идеальныхъ сущностей, скептицизмъ этотъ, однако, не имѣлъ еще той общности и глубины, какую ему суждено было получить изъ рукъ Юма. Самъ Локкъ, впрочемъ, сознавалъ возможность дальнѣйшаго развитія своихъ основныхъ положеній; онъ предвидѣлъ и немпуемость односторонняго обращенія ихъ противъ одного матеріализма (идеализмъ Беркелея) или противъ одного идеализма (матеріализмъ XVIII-го вѣка); но и на такое обостреніе скептицизма, и на такое исключительное приложеніе сенсуалистическихъ тезисовъ онъ смотрѣлъ какъ на безплодную игру ума: онъ относился къ этимъ попыткамъ съ высокомѣріемъ практическаго мыслителя, который доводитъ свой собственный скептицизмъ до заранѣе опредѣленныхъ границъ, отвѣшивая и отмѣривая, такъ сказать, дозу сомнѣнія, могущую быть допущенною въ рациональное міропониманіе, и полагаясь во всемъ остальномъ на формулы здраваго смысла.

Уже Бэконъ находилъ, что „истинная причина почти всѣхъ погрѣшностей въ наукѣ заключается въ преувеличенномъ мнѣніи о силахъ нашего ума, мѣшающемъ намъ пользоваться этими силами, какъ слѣдуетъ“. Локкъ, въ свою очередь, старается увѣрить насъ въ неизмѣнной ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ. Онъ щедро расточаетъ практическіе совѣты: „не возставать противъ собственной организаціи; не бросать того хорошаго, чѣмъ мы уже обладаемъ, только потому, что мы не можемъ обнять бо̀льшаго; не быть похожимъ на лѣниваго слугу, отказывающагося работать при свѣчкѣ подъ предлогомъ, что свѣтъ ея не идетъ ни въ какое сравненіе со свѣтомъ полуденнаго солнца“.

„Если бы человѣкъ началъ съ изученія самого

себя, говоритъ Паскаль, онъ скоро убѣдился бы, какъ мало способенъ онъ переступить чрезъ извѣстныя границы. Возможно-ли, чтобы часть познала цѣлое?“ Но школа Локка именно и начинала философію съ изученія человѣка, и преимущественно его психическихъ функцій; неудивительно, поэтому, что и сенсуалисты, подобно Паскалю, скоро пришли къ роковому сомнѣнію въ возможности проникнуть въ сущность явленій. Локкъ прямо утверждаетъ, что мы познаемъ только внѣшніе атрибуты вещей и что, слѣдовательно, вещь въ себѣ, если она дѣйствительно существуетъ, есть нѣчто навсегда отъ насъ скрытое и для насъ недоступное; вотъ почему онъ и приглашаетъ насъ „пребывать въ спокойномъ невѣдѣніи всего того, что, по внимательномъ изслѣдованіи, оказывается лежащимъ за предѣлами нашего разумѣнія“.

2. Указавъ на признаки, отличающіе философію Локка отъ идеализма и матеріализма, мы должны упомянуть и о разногласіяхъ, отдѣляющихъ англійскаго мыслителя отъ наиболѣе крайнихъ школъ сенсуализма. Разногласія эти не особенно важны и сводятся къ двумъ главнымъ пунктамъ: къ психологической теоріи Локка о двойственномъ генезисѣ идей и къ вопросу о множественности или единствѣ психическихъ свойствъ. Мы уже видѣли, въ чемъ состоитъ дуализмъ Локка въ вопросѣ о происхожденіи нашихъ представленій и понятій; сверхъ чувственнаго воспріятія внѣшнихъ предметовъ, доставляющаго уму матеріалъ для дальнѣйшихъ сближеній, различеній, сравненій, сужденій, Локкъ допускаетъ еще существованіе и внутренняго воспріятія умомъ собственныхъ операцій, являющагося новымъ источникомъ образованія идей.

Но такъ какъ послѣднія немыслимы въ отсутствіи матеріала, собираемаго чувствами, то ясно, что у Локка, какъ у крайнихъ сенсуалистовъ, все, въ конечномъ результатѣ, сводится опять-таки къ чувственному воспріятію; ясно также, что Локкъ былъ строго послѣдователенъ, утверждая, что „источникъ идей совпадаетъ съ источникомъ ощущеній“ — тезисъ, который съ тѣхъ поръ такъ часто защищался сенсуалистами. Что же касается второго пункта разногласія, то слѣдуетъ замѣтить, что Локкъ никогда серьёзно не поддерживалъ ни предположенія о множественности нашихъ основныхъ способностей, ни гипотезы о сверхчувственномъ происхожденіи какихъ бы то ни было функцій нашего духа; если же онъ и оставилъ безъ точнаго отвѣта вопросъ объ „основной способности“, то это еще не даетъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ его глубокомъ сенсуализмѣ Между тѣмъ, такія сомнѣнія высказываются очень часто: и философы, и историки философіи (Дюгальдъ Стюартъ, Льюисъ, Фоулеръ и многіе другіе) отказываютъ Локку—и само собою ужъ разумѣется Юму, шотландцамъ, школѣ нравственной философіи—въ принадлежности къ умственному типу, къ которому они относятъ Кондильяка, нѣкоторыхъ энциклопедистовъ, Кабаниса и вообще сенсуалистовъ въ тѣсномъ значеніи слова. Но стремленіе исключить Локка изъ рядовъ сенсуалистовъ, хотя бы даже съ цѣлью образовать изъ него и ближайшихъ его послѣдователей особую философскую школу „экспериментальной психологіи“, подобно аналогичной попыткѣ возвести Бэкона въ родоначальники „философіи опыта“, является лишь новымъ доказательствомъ крайняго произвола, который до сихъ поръ царитъ въ классификаціяхъ философскихъ системъ прошед-

шаго. Историки философіи, повидимому, не отдаютъ себѣ яснаго отчета даже въ употребляемой ими терминологіи. И опытъ, и экспериментальная психологія суть понятія, сами по себѣ весьма точныя и опредѣленныя; но очевидно, что „философія опыта“ не можетъ быть въ то же время и метафизикою, а „философія экспериментальной психологіи“ не можетъ быть дѣйствительно общимъ или философскимъ знаніемъ. Если же подъ философіею экспериментальной психологіи понимать метафизику, заимствующую точки исхода и матеріалы для своихъ общихъ гипотезъ изъ области явленій, изучаемыхъ экспериментальной психологіей, то мы получимъ лучшее опредѣленіе сенсуализма, какъ одного изъ основныхъ типовъ философіи прошедшаго. Подъ такое опредѣленіе одинаково подойдутъ и сенсуализмъ Локка, и сенсуализмъ Кондильяка (24).

3. Послѣ Локка знамя сенсуализма перешло въ весьма достойныя руки. Юмъ, какъ мыслитель, долженъ быть поставленъ не только на одинъ уровень съ Бэкономъ, Гоббсомъ, Локкомъ, Беркелеемъ и Кантомъ, но даже, можетъ быть, выше ихъ всѣхъ. Это одинъ изъ тѣхъ философовъ, вліяніе которыхъ на современниковъ и потомство не измѣряется выпавшею на ихъ долю, въ теченіе ближайшихъ къ нимъ поколѣній, извѣстностью или славою. Причины самаго разнообразнаго характера—отъ неподготовленности современной писателю публики до большей воспріимчивости среды, въ которой дѣйствуютъ его преемники, отъ простой и случайной забывчивости послѣднихъ до намѣреннаго молчанія ихъ—производятъ то, что ученики, и подчасъ такіе, которые всего болѣе искажаютъ первона-

чальную доктрину, предпочитаются учителю; что подражатели, и большею частью такіе, которые обладаютъ великимъ талантомъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ, ставятся выше оригинала Этой участи, въ весьма значительной степени, подвергся и Юмъ: его затмили его же послѣдователи, и между ними въ особенности величественная фигура прусскаго Юма, какъ современники называли Канта [1]).

Правда, для самого Канта сенсуализмъ Юма былъ, какъ для Беркелея сенсуализмъ Локка, только переходной ступенью къ идеализму, только средствомъ для обновленія и оживленія критическими элементами прежняго или, какъ принято выражаться въ школѣ Канта, догматическаго идеализма. Въ результатѣ и получилась искусная амальгама, которая, несмотря на всѣ старанія выдать ее за живое органическое цѣлое, такъ и осталась амальгамой—критическій идеализмъ. Но въ этой смѣшанной философіи, имѣвшей такое значеніе для нашей эпохи, въ настоящее время только немногіе любители цѣнятъ конечные результаты — идеалистическія гипотезы; большинство же, и между ними неокантіанцы или приверженцы научно-философскаго критицизма, ставятъ высоко въ доктринѣ Канта однѣ первоначальныя точки исхода, одни отрицательные и дѣйствительно критическіе элементы, или все то, что читатель, принявшій нашу классификацію философій прошедшаго, назоветъ вмѣстѣ съ нами сенсуалистическими гипотезами.

Сами соотечественники и поклонники Канта на-

---

[1]) См. Paulsen· Was uns Kant sein kann? Vierteljahrsschrift fur wissenschaftl. Philosophie, 1881 г., I тетрадь, стр. 9.

чинаютъ сознаваться въ томъ, что именно эти гипотезы были установлены уже Локкомъ и, въ особенности, Юмомъ, который довелъ многія изъ нихъ—знаменитую теорію причинности, напримѣръ, послужившую точкой исхода для всей кантовской критики познаванія—до рѣдкой, никѣмъ не превзойденной впослѣдствіи степени совершенства. „Критика чистаго разума, говоритъ Паульсенъ [1]), развиваетъ въ тяжелой и неудобопонятной формѣ мысли, излагаемыя Юмомъ удивительно ясно и необыкновенно изящно. Читая Канта, такъ и кажется, что недостатки изложенія составляютъ балластъ, необходимый для того, чтобъ удержать въ нашей памяти философскія идеи: трудности чтенія останавливаютъ вниманіе и заставляютъ насъ изучать и комментировать внѣшнюю форму, а величиною усилія измѣряется обыкновенно и принесенная имъ польза. Сочиненія Канта служатъ неисчерпаемымъ источникомъ вопросовъ, которыми питается рутинное, школьно-литературное производство университетской науки. Но еще одно имѣетъ Кантъ передъ Юмомъ, и это ближайшимъ образомъ и доставило ему управленіе умами въ Германіи: Юмъ причалилъ корабль философіи къ плоскому берегу скептицизма, Кантъ же оснастилъ его новыми парусами для новаго плаванія, въ соотвѣтствіи съ требованіями нашего чувства (Gemuth), обращенными къ реальному міру и еще не получившими удовлетворенія путемъ научнаго изслѣдованія“ (25).

Настоящимъ сокрушителемъ прежней метафизики былъ главный апостолъ новаго и послѣдняго превращенія метафизической мысли, сенсуалистъ Юмъ.

---

[1]) Loco citato.

Кантъ вполнѣ усвоилъ себѣ результаты критики, которой сенсуализмъ подвергъ прошедшее философіи; онъ даже пошелъ далѣе и приложилъ ихъ къ будущему всякаго матеріализма; но онъ не могъ или не хотѣлъ признать ту же силу за ними и въ отношеніи къ будущему идеализма. Мечта коренного обновленія идеализма, однако, такъ и осталась мечтою: сущность идеализма, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась неизмѣняемою, и вотъ какимъ образомъ, противъ собственнаго желанія, Кантъ долженъ былъ вернуться назадъ, къ одной изъ основныхъ разновидностей старой метафизики.

4. Съ Юмомъ, сенсуализмъ достигаетъ высшей точки своего развитія: ни ближайшіе преемники въ Англіи, ни Кантъ, ни французскіе сенсуалисты не прибавляютъ къ ученію Юма ничего новаго или существенно важнаго; напротивъ того, многіе изъ нихъ часто только ослабляютъ первоначальную мысль учителя, смѣшивая ее съ чуждыми ей элементами и безплодно полемизируя противъ воображаемыхъ опасностей его скептицизма.

Англійскій философъ самъ смотрѣлъ на свои труды, какъ на попытку „ввести экспериментальный методъ въ изученіе нѣкоторыхъ разрядовъ сложныхъ явленій“. Подобно Локку, лучшее средство избавить науку отъ постоянно вновь возбуждаемыхъ метафизикою безцѣльныхъ вопросовъ Юмъ видитъ въ изученіи природы человѣческаго ума и, въ особенности, въ изслѣдованіи происхожденія и развитія нашихъ представленій. Критика старой метафизики приводитъ его къ истинной метафизикѣ, къ сенсуалистической психологіи или, вѣрнѣе, къ теоріи познаванія, въ которой концепты ума, или идеи, считаются блѣдными копіями чувственныхъ представленій, а самое

убѣжденіе въ реальномъ существованіи предметовъ признается продуктомъ ассоціаціи цѣлаго ряда прежнихъ впечатлѣній. Представленія о сущности вещей и о нашемъ „я“ являются въ этой теоріи формальнымъ соединеніемъ, подъ однимъ и тѣмъ же словеснымъ знакомъ, массы частныхъ конкретныхъ представленій, а все содержаніе знанія сводится къ познанію отношеній между идеями. „Вопросы, касающіеся тожества и постоянства человѣческой личности, говоритъ Юмъ, составляютъ скорѣе грамматическія, чѣмъ философскія трудности“. Юмъ даже отказывается спорить съ человѣкомъ, который можетъ сознавать въ себѣ какое-либо другое „я“, кромѣ состоящаго изъ представленій и ощущеній тепла и холода, свѣта и тьмы, любви и ненависти, наслажденія и страданія. „За исключеніемъ немногихъ метафизиковъ, иронически замѣчаетъ онъ, всѣ остальные люди суть только соединенія или коллекціи различныхъ представленій, смѣняющихъ другъ друга съ неимовѣрною быстротою и находящихся въ постоянномъ колебаніи и движеніи“ (26).

Юмъ отрицаетъ реальность всякаго концепта, который не можетъ быть сведенъ къ чувственнымъ элементамъ; если такой концептъ есть отношеніе, мы должны указать на связываемые имъ факты, если символъ—на символизируемое явленіе. Въ противномъ случаѣ, можно всегда заподозрѣть, что употребленный терминъ не имѣетъ никакого значенія, что за нимъ не скрывается ничего реальнаго [1]). Принимая во вниманіе состояніе соотвѣтствующей частной науки въ эпоху Юма, теорія эта мо-

[1]) Philosophical Works of David Hume, Edinburg, 1826 T. III, Essays moral and political, отд. II.

жетъ считаться безупречною; дѣло въ томъ, однако, что не одна психологія, но и вся философія Юма глубоко сенсуалистична. Формально заключенная въ узкія рамки сенсуалистической психологіи, философія эта переноситъ усвоенную ею себѣ здѣсь точку зрѣнія и на пониманіе всѣхъ другихъ явленій въ природѣ. Теорія происхожденія нашихъ идей была нужна Юму не только какъ истина психологіи, но и какъ орудіе борьбы противъ идеализма, противъ реальности сверхъестественной субстанціи, или какъ средство довершить дѣло, начатое Беркелеемъ, односторонне воспользовавшимся ученіемъ Локка для отрицанія реальности матеріальной субстанціи.

5. Разрѣшенія всѣхъ задачъ философіи Юмъ ожидалъ отъ „науки о человѣкѣ“, разработкѣ которой, въ смыслѣ установленія метода и подготовки матеріала, онъ самъ посвятилъ лучшія свои силы. Антропологія является у него основною и вмѣстѣ съ тѣмъ центральною наукою. „Очевидно, говоритъ онъ, что всѣ отрасли знанія находятся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ человѣческою природою, къ которой онѣ постоянно возвращаются тѣмъ или другимъ путемъ, какъ бы велико, повидимому, ни было разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ нея. Даже математика, даже философія природы и естественная религія зависятъ, такъ или иначе, отъ науки о человѣкѣ, ибо и онѣ входятъ въ составъ человѣческаго знанія, и судить о нихъ можетъ только разумъ человѣка“[1])……

Антропологія Юма вполнѣ экспериментальна и научные методы достаточно усвоены ею; но имен-

[1]) Works, T. I., Введеніе, стр. 7—11.

но по этой причинѣ—какъ бы парадоксально оно ни казалось съ перваго взгляда—его философія вполнѣ сенсуалистична. Дѣйствительно, только такое сведеніе къ фактамъ антропологіи явленій, изучаемыхъ другими науками, заслуживаетъ названія сенсуализма, въ которомъ сама антропологія основана на данныхъ біологіи и, слѣдовательно, является болѣе или менѣе экспериментальною и научною; напротивъ того, антропологія, замѣняющая прямые опыты разсудочными выводами и точныя наблюденія произвольными гипотезами, служила бы скорѣе признакомъ идеалистическаго характера соотвѣтствующей метафизики.

Въ этомъ отношеніи интересно сравнить Юма съ такими идеалистами, какъ Декартъ и Кантъ. Біологическій характеръ антропологіи перваго и гиперорганическій антропологіи двухъ послѣднихъ ярко обнаруживается уже въ вопросѣ о томъ, объясняются ли всѣ явленія „сознанія“ чувственнымъ опытомъ, или съ этою цѣлью надо прибѣгнуть къ другимъ, несводимымъ къ опыту элементамъ нашей духовной природы, при чемъ Юмъ разрѣшаетъ задачу въ смыслѣ первой, а Декартъ и Кантъ въ смыслѣ второй гипотезы. Кто изъ нихъ правъ — другой вопросъ и притомъ такой, на который въ настоящемъ состояніи знанія еще невозможно дать сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта; ясно, во всякомъ случаѣ, что заслуга формулированія наиболѣе вѣроятной гипотезы объ этомъ предметѣ есть заслуга въ области психологіи, а не философіи. На почвѣ послѣдней, защитники и противники врожденныхъ формъ мысли одинаково ошибаются: теоріи, сводящія все въ мірѣ къ одному разряду явленій, повторяемъ, глубоко метафизичны; и этотъ основной характеръ ихъ не можетъ измѣниться отъ того, что

въ одномъ лагерѣ, у сенсуалистовъ, антропологія является индуктивною, эмпирическою, построенною на фактахъ біологіи, а въ другомъ, у идеалистовъ— дедуктивною, раціональною, образующею независимую и самостоятельную отрасль знанія. Обстоятельство это имѣетъ значеніе какъ дифференціальный признакъ, какъ классификаціонное отличіе; но оно не можетъ служить средствомъ для различенія философской истины отъ философскаго заблужденія.

6. Взгляды, изложенные Юмомъ еще въ юношескомъ „Трактатѣ о человѣческой природѣ", онъ неоднократно популяризировалъ въ своихъ „Опытахъ" и затѣмъ еще разъ вернулся къ нимъ въ главномъ своемъ трудѣ, въ „Изслѣдованіи о человѣческомъ духѣ". Въ этихъ работахъ, у Юма вездѣ отчетливо выступаетъ общее всѣмъ англійскимъ школамъ убѣжденіе, что философія состоитъ изъ двухъ половинъ: одной, которая обращена на изученіе природы и въ которую Юмъ, какъ послѣдовательный сенсуалистъ, включаетъ и психологію, и другой, занимающейся вопросами нравственности, политики и общественной экономіи. Значеніе Юма, какъ проницательнаго и глубокаго истолкователя фактовъ того и другого рода, вполнѣ оцѣнивается тѣмъ, что онъ былъ прямымъ предшественникомъ и вдохновителемъ, съ одной стороны, Канта, а съ другой— близкаго друга и ученика своего, Адама Смита.

Соціологическіе взгляды Юма, столь замѣчательные для его эпохи, не потеряли значенія и въ наше время. Юмъ энергически защищаетъ тезисъ, что „политика можетъ быть обращена въ положительную науку". „Такова сила законовъ и правительственныхъ формъ, говоритъ онъ, и такъ ничтожно дѣйствіе индивидуальныхъ стремленій и

темпераментовъ, что изъ общихъ данныхъ исторіи часто можно вывести заключенія почти столь же достовѣрныя, какъ истины математики". — „Сила, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, находится всегда на сторонѣ управляемыхъ; правители имѣютъ только одну точку опоры—общественное мнѣніе. Всякое правительство основано исключительно на мнѣніи управляемыхъ, и истина эта приложима одинаково къ деспотическимъ правленіямъ, опирающимся на военное могущество, и къ правленіямъ народнымъ и свободнымъ" [1]). Юмъ настаиваетъ также на постоянствѣ и правильной повторяемости историческихъ фактовъ, указывая на зависимость ихъ отъ общихъ и основныхъ сторонъ человѣческой природы. „Хотите знать чувства, вкусы, нравы грековъ и римлянъ? Изучите основательно характеръ французовъ и англичанъ. Вы не много ошибетесь, перенеся на первыхъ большую часть наблюденій, сдѣланныхъ надъ послѣдними". Послушаемъ еще Юма, становящагося на почву описательной соціологіи: „Всѣ эти разсказы о войнахъ, интригахъ, борьбѣ партій и политическихъ переворотахъ представляютъ собою собранія данныхъ и опытовъ, дающія возможность моралисту устанавливать начала своей науки такимъ же точно способомъ, какимъ натуралистъ познаетъ свойства растеній, минераловъ и другихъ внѣшнихъ предметовъ—посредствомъ цѣлаго ряда наблюденій и опытовъ" [2]). Въ соотвѣтствіи этому взгляду, Юмъ приписываетъ трудность точнаго предсказанія историческихъ событій не меньшему постоянству дѣйствія ихъ извѣстныхъ факторовъ, а простому незнанію массы временно скрытыхъ отъ

---

[1]) Philosophical Works, т. III. Essays, стр. 15 и 31

[2]) Philosophical Works, т. IV, стр 97—98.

насъ причинъ противоположнаго характера. Но на практикѣ, мѣтко замѣчаетъ онъ, никто не дѣлаетъ ни малѣйшаго различія между естественными и такъ называемыми нравственными причинами: узникъ, напримѣръ, не имѣющій ни денегъ, ни средствъ достать ихъ, рѣшившись на побѣгъ, предпочтетъ скорѣе работать надъ камнемъ и желѣзомъ своей тюрьмы, чѣмъ обратиться къ непреклонному сердцу тюремщика, и направляясь къ эшафоту, онъ будетъ думать о неизбѣжности смерти столько же потому, что ему извѣстна вѣрность своему долгу исполнителей приговора, сколько потому, что онъ знаетъ дѣйствіе веревки или топора. Юмъ, наконецъ, рѣшительно отвергаетъ ученіе о свободѣ воли, и относящаяся сюда аргументація его такъ совершенна, что, по справедливому замѣчанію Гекели, большая часть современныхъ споровъ по этому вопросу была бы избѣгнута, еслибъ произведенія Юма читались съ тѣмъ вниманіемъ, какого они несомнѣнно заслуживаютъ.

Экономическія идеи Юма изложены преимущественно въ появившихся въ 1752 г. „Политическихъ Разсужденіяхъ“, которыя были тотчасъ же дважды переведены на французскій языкъ, выдержали множество изданій и, вмѣстѣ съ знаменитой „Исторіей Англіи“, всего болѣе способствовали установленію европейской репутаціи ихъ автора. Эта книга имѣла рѣшающее вліянье на доктрины Адама Смита и французскихъ экономистовъ XVIII-го столѣтія. [1]) Не менѣе замѣчательны, въ качествѣ довольно удачныхъ попытокъ въ области соціологіи, и два другія сочиненія Юма: „Изслѣдованіе о началахъ нравствен-

---

[1]) Huxley, op. cit., стр. 41, и Burton, Life of David Hume т. I, стр. 354.

ности“ (1752 г.) и „Естественная исторія религіи“ (1757 г.). Въ первомъ Юмъ является прямымъ предшественникомъ не только Бентама—одно изъ основаній нравственности онъ видитъ въ общественномъ началѣ „пользы“,—не только Смита и О. Конта—онъ признаетъ дѣйствіе органическаго начала симпатіи, названнаго впослѣдствіи алтруизмомъ,—но и Герберта Спенсера, который близко сходится съ нимъ во многихъ вопросахъ. Въ „Естественной исторіи религіи“ мы также встрѣчаемъ не мало предположеній, которыми уже воспользовалась современная наука и которыя свидѣтельствуютъ о правильности взглядовъ Юма на задачи обществознанія. Онъ доказываетъ, напримѣръ, что фетишизмъ и политеизмъ были естественными формами первобытнаго міропониманія, и что монотеизмъ могъ явиться только впослѣдствіи; онъ даетъ удовлетворительное объясненіе антропоморфизму; онъ, наконецъ, стремится отыскать источникъ, питающій религіозность, не столько въ созерцаніи внѣшней природы и ея дивныхъ явленій, сколько въ будничныхъ заботахъ, волнующихъ человѣка, въ мірѣ безчисленныхъ движеній нашей души, въ оживляющихъ насъ надеждахъ и угнетающихъ насъ опасеніяхъ.

7. Во всѣ подробности системы Юма мы здѣсь, впрочемъ, входить не будемъ; близкое сходство ея съ доктринами Бэкона и Локка слишкомъ очевидно, чтобы можно было серьезно сомнѣваться въ принадлежности ея къ одному съ ними философскому типу. Но мы должны нѣсколько остановиться на тѣхъ частяхъ этого ученія, которыя или имѣли прямое вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія философской мысли, или до сихъ поръ подаютъ поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ. Въ этомъ

отношеніи особенный интересъ представляютъ: знаменитая теорія причинности, и все еще невѣрно понимаемый скептицизмъ великаго англійскаго сенсуалиста.

Объясненіе концепта „причинности“, данное Юмомъ и въ общихъ чѣртахъ довольно сходное съ предложеннымъ уже Гоббсомъ и однимъ изъ современниковъ его, забытымъ теперь скептикомъ Глэнвиллемъ[1]), представляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи развитія сенсуалистическихъ доктринъ. Становясь исключительно на точку зрѣнія опыта, Юмъ сводитъ отношеніе причинности къ простому отношенію неизмѣнной послѣдовательности между явленіями. Одинъ фактъ, одно событіе постоянно, въ теченіе всего нашего личнаго или традиціоннаго опыта, предшествуетъ другому факту, другому событію, или постоянно слѣдуетъ за нимъ, и вотъ въ первомъ случаѣ оно называется причиною, а во второмъ—слѣдствіемъ.

Начало причинности, требующее, чтобы все возникающее имѣло причину, не обладаетъ никакою внутреннею, чисто раціональною необходимостью; начало это есть всецѣло продуктъ опыта или частаго повторенія той или другой послѣдовательности, повторенія, которое и заставляетъ умъ переходить отъ предшествующаго явленія къ послѣдующему и наоборотъ. Такой переходъ, съ теченіемъ времени, обращается въ нашемъ умѣ въ тѣсную, неразрывную ассоціацію представленій: мы не можемъ вообразить себѣ послѣдующаго явленія безъ преды-

---

[1]) Въ книгѣ. Scepsis scientifica; см. Lewes, History of philosophy, т. II, стр. 338, и Noack, op. cit., стр. 313.

дущаго, а такъ какъ всякое явленіе есть всегда послѣдующее въ отношеніи къ какому-либо другому или къ какимъ-либо другимъ, то мы не можемъ, вообще, представить себѣ какой-либо фактъ безъ соотвѣтствующей причины. Но этого мало: незамѣтно, подъ вліяніемъ обычной иллюзіи ума— такъ-называемаго антропоморфизма, — мы приписываемъ постоянному антецеденту, или неизмѣнной причинѣ, особую сила, мы одаряемъ причину свойствомъ порождать слѣдствіе; по такому взгляду, въ причинѣ уже заключается и ея слѣдствіе. Нужды нѣтъ, что мы считаемъ грубой ошибкою заключеніе: post hoc, ergo propter hoc,— въ сущности, мы никогда иначе не разсуждаемъ; но мы требуемъ, чтобы post hoc было постояннымъ, неизмѣннымъ отношеніемъ, которое бы вошло, такъ сказать, въ плоть и кровь нашего психическаго организма и породило бы въ немъ неразрывную ассоціацію идей (27).

Эта теорія причинности чрезвычайно характеристична для всего философскаго направленія, къ которому принадлежитъ Юмъ. Сенсуализмъ съ его сильными и слабыми сторонами сказался въ ней въ полной мѣрѣ. Матеріализмъ и, въ особенности, идеализмъ могутъ удобно мириться со взглядомъ, усматривающимъ въ причинѣ нѣчто такое, что производитъ или уже содержитъ въ зародышѣ слѣдствіе; но сенсуализмъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, долженъ отвергнуть подобное мнѣніе, какъ простую иллюзію ума. Дѣйствительно, это „нѣчто“, эта необходимая, въ смыслѣ независимости отъ опыта, связь причины и слѣдствія, или этотъ элементъ „силы“, играющій такую выдающуюся роль въ причинности и матеріалистовъ, и идеалистовъ, въ глазахъ сенсуалиста лишенъ всякой реаль-

ности, если не практически, то метафизически,—просто потому, что онъ не можетъ быть сведенъ къ біологическому факту ощущенія. Юмъ отрицаетъ существованіе въ явленіяхъ способности производить другія явленія или, по крайней мѣрѣ, возможность для человѣка знать что-либо объ этомъ предметѣ, на томъ основаніи, что такое свойство явленій біологически нечувствительно — „is insensible“: все, что настоящій носитель и выразитель біологической чувствительности, опытъ, обнаруживаетъ въ подобныхъ случаяхъ, это постоянство, съ которымъ одни факты предшествуютъ другимъ, или слѣдуютъ за ними. Такимъ образомъ, и этотъ капитальный вопросъ всякой метафизики разрѣшается сенсуализмомъ въ духѣ его основной гипотезы: и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, сенсуализмъ твердо выступаетъ какъ противникъ матеріализма и идеализма. Допустить рациональную, независимую отъ опыта или предшествующую опыту, необходимость причины Юмъ не могъ уже потому, что тогда ему изъ области ощущеній и идей пришлось бы, волею-неволею, перейти въ область вещей въ себѣ и, „за предѣлами міра субъективныхъ концептовъ, признать существованіе причинъ, которыхъ не наблюдаютъ, надъ которыми не дѣлаютъ экспериментовъ, но о которыхъ, тѣмъ не менѣе, утверждаютъ, что онѣ необходимы“. Но этого именно Юмъ, какъ сенсуалистъ, признать не можетъ, и противъ этого-то онъ и выступаетъ съ различеніемъ причинности опытной—„словеснаго символа чисто автоматическаго акта ума“, состоящаго въ превращеніи „воспоминаній“ въ „предвидѣнія“—отъ „причинности въ самой себѣ“, которая, будучи отношеніемъ „въ себѣ“ между „вещами въ себѣ“, естественно раздѣляетъ участь по-

слѣднихъ, т. е. входитъ вмѣстѣ съ ними въ великую область непознаваемаго [1]).

Интересно сравнить эту теорію причинности, на которую можно смотрѣть какъ на классическую теорію сенсуализма въ данномъ вопросѣ, съ идеалистическою теоріею, столь тщательно разработывавшейся до и послѣ Канта. Сравненіе это ярко обнаруживаетъ глубокое различіе основныхъ точекъ зрѣнія обоихъ міропониманій.

Прежній или до-кантовскій идеализмъ упорно отрицалъ опытное происхожденіе идеи причинности; идея эта, училъ онъ, есть предшествующій всякому опыту и вполнѣ независимый отъ него продуктъ чистаго разума: отсюда и приложимость ея къ попыткамъ нашего ума проникнуть за предѣлы опыта, въ міръ сущностей. Сенсуалистическое освѣщеніе того же вопроса намъ извѣстно: Юмъ рѣшаетъ, что внѣ предѣловъ опыта идея причинности лишена и всякаго смысла, и всякой примѣнимости. Затѣмъ является Кантъ и вноситъ поправку, теоретически возвращающую ученіе Юма на ту самую точку, на которой оно находилось въ прежней метафизикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по странному и до сихъ поръ еще не разъясненному многочисленными комментаторами противорѣчію, практически сохраняющую за сенсуалистической доктриной все то значеніе, которое придавалось ей самимъ Юмомъ. Кантъ говоритъ, что идея причинности составляетъ одну изъ первоначальныхъ или родовыхъ идей чистаго разума; она не можетъ быть пріобрѣтена опытнымъ путемъ, а, напротивъ, есть сама одна изъ „формъ чувственнаго воспріятія“, есть сама основа всякаго опыта. До сихъ поръ Кантъ, очевидно, вполнѣ

[1]) Huxley Hume etc, предисл., стр. XXXII и 171.

согласенъ съ прежнимъ идеализмомъ, и его категоріи не вносятъ въ вопросъ ничего новаго. Но переходя къ попыткамъ нашего ума переступить чрезъ границы „чувственнаго опыта“, Кантъ круто возвращается къ точкѣ зрѣнія Юма и утверждаетъ, что именно потому, что идея причинности есть основа всякаго опыта, она не имѣетъ никакого значенія въ трансцендентальныхъ спекуляціяхъ.

Эта двусмысленность занимаемаго Кантомъ положенія прекрасно характеризуетъ всю его систему; она низводитъ ее на степень смѣшанной философіи, въ которой идеалистическія гипотезы играютъ роль посылокъ, а сенсуалистическая критика является неожиданнымъ заключеніемъ, а иногда, наоборотъ, какъ въ этикѣ, сенсуалистическая критика образуетъ основаніе, на которомъ уже воздвигаются идеалистическіе тезисы. Нѣтъ надобности доказывать, что такой методъ только на половину заслуживалъ названія критическаго, и что онъ былъ заранѣе осужденъ на безплодіе. Это ясно видно изъ дальнѣйшей судьбы, постигшей кантовскую теорію причинности. Послѣдователи Канта потратили не мало усилій, чтобы понять и истолковать этотъ темный тезисъ въ доктринѣ учителя. Но къ чему привели ихъ старанія? Въ концѣ концовъ—къ немногимъ слѣдующимъ положеніямъ, серьёзно защищаемымъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ учениковъ Канта: 1) идею причинности нельзя выводить изъ опыта, ибо опытъ ничему не можетъ научить того, кто отъ природы не организованъ такимъ образомъ, чтобы сочетать послѣдующее явленіе съ предидущимъ; 2) ближе всматриваясь въ дѣло, нельзя не признать, что до всякаго опыта существуетъ не концептъ причинности, а органическія условія, благодаря которымъ впечатлѣнія внѣшняго міра

извѣстнымъ образомъ соединяются и координируются въ нашемъ умѣ; 3) корни идеи причинности лежатъ, слѣдовательно, въ нашей организаціи, и только въ этомъ смыслѣ идея эта и предшествуетъ опыту; 4) когда-нибудь, можетъ быть, полное объясненіе идеи причинности будетъ найдено въ механизмѣ рефлексовъ и симпатическаго возбужденія:—тогда „Чистый разумъ“ Канта будетъ переведенъ на языкъ физіологіи и станетъ болѣе понятнымъ и очевиднымъ [1]).

Мы самымъ искреннимъ образомъ желаемъ скорѣйшаго осуществленія, и притомъ по отношенію не только къ идеѣ причинности, но и ко всѣмъ вообще концептамъ метафизики, этого перевода темной терминологіи идеализма на ясный языкъ положительной науки; но это нисколько не мѣшаетъ намъ замѣтить, что если въ приведенныхъ выше четырехъ тезисахъ имѣются въ виду лишь біологическія условія и біологическая организація, то, принимая эти положенія, мы покидаемъ почву всякаго идеализма, критическаго или некритическаго, и возвращаемся прямо къ Юму и его сенсуалистической теоріи причинности. Очевидно, дѣйствительно, что выводя идею причинности исключительно изъ опыта, Юмъ тѣмъ самымъ сводилъ ее исключительно же къ органической сторонѣ человѣческой природы, строилъ біологическую гипотезу, получившую метафизическій характеръ только вслѣдствіе распространенія ея на всѣ разряды явленій. Съ другой стороны, не менѣе очевидно, что тѣ же тезисы, если въ нихъ имѣются въ виду факты гиперорганическаго порядка, снова приводятъ насъ къ чистѣйшему идеализму.

---

1) Ланге. «Исторія матеріализма»,—т II, стр. 53—54.

8. Много было говорено и писано въ свое время о скептицизмѣ Юма. Въ глазахъ цѣлаго ряда поколѣній доктрина этого мыслителя и глубокій, безвыходный скептицизмъ составляли почти одно и то же. Впослѣдствіи, однако, мнѣнія на этотъ счетъ раздѣлились, и теперь можно уже довольно часто встрѣтить прямо противоположное утвержденіе, что Юмъ былъ чѣмъ угодно, только не скептикомъ [1]). И тотъ, и другой взглядъ содержитъ въ себѣ долю истины. Первый соотвѣтствуетъ эпохѣ, когда въ сенсуализмѣ видѣли не столько особое міропониманіе, сколько безусловное отрицаніе господствовавшихъ прежде философскихъ ученій; второй же образовался позднѣе, когда сенсуализмъ самъ сдѣлался предметомъ критики, подвергшись, въ свою очередь, участи, на которую онъ обрекалъ идеализмъ и матеріализмъ, или когда за чисто отрицательными элементами яснѣе стало обрисовываться настоящее ядро, догматическое содержаніе этого вида метафизики.

Многочисленные историки философіи, неизмѣнно повторяя другъ друга, стараются доказать, что міропониманіе Юма есть не что иное, какъ идеализмъ Беркелея, превратившійся въ скептицизмъ. Нельзя, однако, не пожалѣть о томъ, что никто изъ нихъ не взглянулъ на философію Юма, какъ на ставшій скептическимъ матеріализмъ Гоббса; ибо только совмѣщеніе обѣихъ характеристикъ можетъ хоть нѣсколько приблизить насъ къ правильному пониманію доктрины, весьма послѣдовательно занявшей среднее положеніе между двумя главными фор-

---

[1]) Huxley, Hume, etc Предисловіе, стр XII—XIV, Noack, op. cit. стр. 419—421, и Lewes, History of Philosophy, II, стр. 327—333

мами метафизики. Съ аналогичнымъ явленіемъ мы уже познакомились въ древнемъ мірѣ, и я по этому поводу старался выяснить, почему всякій сенсуализмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ, непремѣнно, и философскій скептицизмъ, обращенный одновременно и противъ идеализма, и противъ матеріализма. Сомнѣнія матеріалиста направлены исключительно въ одну сторону; встрѣчая же на своемъ пути сенсуализмъ, онъ либо отвергаетъ его, какъ простую разновидность идеализма, либо принимаетъ, какъ одну изъ формъ своей собственной доктрины. Не иначе, хотя и нанося удары въ противоположную сторону, поступаетъ идеалистъ. Одинъ только сенсуалистъ борется съ обѣими доктринами и потому кажется истиннымъ представителемъ скептицизма. На самомъ дѣлѣ, однако, за сомнѣніемъ сенсуалиста всегда скрывается свое пониманіе міра, и такой скептикъ ничѣмъ существенно не отличается отъ приверженцевъ другихъ системъ: подобно всѣмъ метафизикамъ, онъ отрицаетъ всякую философію, за исключеніемъ своей собственной. Это ясно видно и на примѣрѣ Юма.

9. Весь скептицизмъ Юма сводится къ ученію о непознаваемомъ, основанному на извѣстномъ тезисѣ Локка и, отчасти, предшествовавшихъ ему сенсуалистовъ, что вещество есть собраніе или аггрегатъ, а духъ—послѣдовательность или рядъ ощущеній и идей [1]). Эта теорія непознаваемаго во многомъ сходится съ тою, которую защищаютъ новѣйшія философскія школы, въ томъ числѣ и позитивисты; но подобное совпаденіе еще ровно ничего не доказываетъ въ вопросѣ объ истинномъ

1) Lewes, History of Philosophy, т. II, стр 327

характерѣ философіи Юма. Скептицизмъ Юма ускорилъ паденіе старыхъ философскихъ доктринъ,—это несомнѣнно; но не менѣе очевидно, какъ намъ кажется, и то, что эта заслуга принадлежитъ ученію англійскаго мыслителя только въ качествѣ новой метафизической комбинаціи, оказавшейся и послѣднею оригинальною попыткою въ этомъ родѣ.

Что разрушаетъ Юмъ? Во первыхъ, матеріалистическую гипотезу о сущности вещей, или матеріалистическую онтологію; во вторыхъ, идеалистическую гипотезу о той же сущности, или онтологію идеализма. Что онъ затѣмъ оставляетъ или чѣмъ замѣняетъ эти двѣ, взаимно исключающія другъ друга гипотезы?

Простымъ утвержденіемъ, что хотя сущность вещей не можетъ быть познана нами ни какъ матерія, ни какъ духъ, она тѣмъ не менѣе существуетъ. Но что такое это утвержденіе, какъ не новая гипотеза, и притомъ общая, обнимающая всѣ разряды явленій и eo ipso непровѣряемая? Конечно, въ предѣлахъ спеціальнаго знанія, мы еще можемъ надѣяться, по мѣрѣ успѣховъ физіологіи мозга, провѣрить эту гипотезу, предварительно, разумѣется, съузивъ ее надлежащимъ образомъ, т е. мы можемъ надѣяться выяснить всю сумму условій, сопровождающихъ актъ познанія; но какъ теорія, стремящаяся объяснить не только наши концепты о нуменахъ и феноменахъ, но и безконечное множество явленій неорганическаго, органическаго и психо-соціальнаго порядка, ученіе о „непознаваемомъ“, этотъ центръ или жизненный нервъ міропониманія Юма, всегда останется произвольнымъ предположеніемъ.

Всякая общая гипотеза, какъ мы не разъ объясняли, имѣетъ, по необходимости, спеціальное про-

исхожденіе. Вопросъ о томъ, откуда заимствована гипотеза Юма, или какія явленія она незаконно обобщаетъ, разрѣшается самъ собою: очевидно, дѣйствительно, что явленія эти принадлежатъ біологическому или смѣшанному, біопсихологическому порядку. Но это обстоятельство уже одно ясно обнаруживаетъ, что скептицизмъ Юма, подобно всякому общему или философскому скептицизму, есть не что иное, какъ сенсуалистическая метафизика, разрушающая двѣ онтологіи только для того, чтобы на развалинахъ ихъ воздвигнуть третью, свою собственную. Условный смыслъ терминовъ философскаго языка не долженъ вводить насъ въ заблужденіе. Нужды нѣтъ, что слово „онтологія“ обыкновенно употребляется лишь въ примѣненіи къ идеалистическимъ и матеріалистическимъ доктринамъ; несравненно болѣе важности, чѣмъ терминологія, имѣютъ методы или способы рѣшенія философскихъ задачъ; а эти способы существенно одинаковы во всѣхъ формахъ метафизики.

Но ставъ на эту точку зрѣнія, можно сказать, что всѣ три типа философіи прошедшаго признаютъ „вещь въ себѣ“. Матеріалисты усматриваютъ ее въ матеріи—движущемся атомѣ и т. п.; идеалисты въ идеѣ — въ формѣ мыслящаго атома Лейбница, или идеи, равной объекту Беркелея, или идеи, равной объекту-субъекту Канта и т. д.; наконецъ, сенсуалисты видятъ ее въ ощущеніи и основанномъ на немъ представленіи. Каждая доктрина твердо убѣждена въ своемъ собственномъ превосходствѣ, въ исключительной реальности своей „вещи въ себѣ“, и каждая, поэтому, строго говоря, имѣетъ свою теорію непознаваемаго; но, какъ мы уже видѣли, въ сенсуализмѣ этотъ агностицизмъ достигаетъ особеннаго развитія и пріобрѣтаетъ рѣ-

шительное господство надъ другими элементами системы. Вотъ почему самое ученіе о непознаваемомъ можетъ справедливо считаться послѣднимъ выводомъ всякой, вообще, метафизики только въ обработкѣ, приданной ему сенсуалистической философіей.

10. Метафизическій характеръ теорій Юма легко обнаруживается даже въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду одни критическіе элементы его системы. Юмъ и послѣ него Кантъ объясняли постигшія философію неудачи неизмѣннымъ преслѣдованіемъ ею цѣлей, недоступныхъ нашему уму. Объясненіе это справедливо, однако, только на половину. Философія стремилась всегда къ одной завѣтной цѣли—единству міропониманія, и цѣль эту она постоянно достигала, сводя гипотетическій всѣ явленія къ одному разряду. Но рѣчь никогда не шла въ философіи о научно-провѣренномъ, строго доказанномъ единствѣ явленій. Предшествовавшіе намъ мыслители очень хорошо умѣли отличать гипотезу отъ факта или закона, и никто изъ нихъ сознательно не впадалъ въ грубую ошибку, состоящую въ смѣшеніи спекулятивнаго предположенія ума съ безспорною истиною науки.

Обыкновенно говорятъ, что попытка Юма, повторенная Кантомъ, привела къ великому результату: къ убѣжденію въ невозможности метафизики. Но ни Юмъ, ни Кантъ не доказали того, что̀, дѣйствительно, могло представлять и философскій и, еще болѣе, соціологическій интересъ: что̀ метафизика вскорѣ сдѣлается ненужною, что ее замѣнитъ другая, высшая форма философіи, которая ту же цѣль, единство міропониманія, будетъ стараться достигнуть уже существенно раз-

личными средствами. Юмъ и Кантъ только обнаружили несостоятельность прежнихъ гипотезъ, и предложили строить ихъ на новыхъ началахъ; но они не упразднили гипотетической философіи, а, напротивъ того, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, стремились возстановить ее и усовершенствовать. Они продолжали работу, начатую еще древними скептиками и сенсуалистами. Критика ихъ была болѣе современна, болѣе дѣйствительна; но новою она была только по своей формѣ и въ своихъ второстепенныхъ подробностяхъ. Этимъ и объясняется оригинальное зрѣлище, представляемое великимъ разрушителемъ прежней философіи, собственноручно закладывающимъ зданіе всякой будущей метафизики [1]).

11. Въ заключеніе этого бѣглаго очерка философіи самаго крупнаго представителя сенсуализма, отмѣтимъ фактъ, относящійся уже къ нашему времени и не лишенный значенія. Вліяніе Юма усиливается съ каждымъ днемъ, и возвращеніе англичанъ и французовъ къ его скептическому сенсуализму совпадаетъ съ возвращеніемъ нѣмцевъ къ критическому идеализму Канта. Конечно, какъ мы уже говорили, наше время высоко цѣнитъ только отрицательные элементы обѣихъ философій, то общее, что существуетъ между ними, ихъ теорію непознаваемаго или агностицизмъ—это послѣднее слово великаго философскаго движенія XVIII-го вѣка. Наша эпоха есть преимущественно время очищенія философской атмосферы,—ускоренія процесса разложенія и самой уборки метафизическихъ труповъ

---

[1]) Kant — Prolegomena zu jeder kunftigen Metaphysik.

прошедшаго; цѣлыя школы современной философіи посвящаютъ себя почти исключительно этой необходимой работѣ оздоровленія, въ которой непосредственное участіе принимаетъ и сенсуализмъ. Косвенное вліяніе этой философіи открывается даже тамъ, гдѣ его всего менѣе можно было бы заподозрѣть; такъ, чтобъ указать только на одинъ примѣръ, развѣ философія Герберта Спенсера не старается группировать всѣ элементы прежнихъ міропониманій вокругъ факта „эволюціи", имѣющаго, несомнѣнно, органическое происхожденіе и біологическій характеръ?

Что касается, въ частности, Юма, то ему чрезвычайно многимъ обязаны почти всѣ новѣйшіе англійскіе мыслители. „Гекели, замѣчаетъ по этому поводу Компере [1]), прославляя Юма, какъ философа, называя его самымъ проницательнымъ мыслителемъ XVIII-го вѣка, несмотря на то, что вѣкъ этотъ произвелъ Канта, только платитъ долгъ школы, къ которой самъ принадлежитъ. Англійскіе философы нашего времени, и въ особенности Стюартъ Милль (28), не говорятъ достаточно о томъ, чѣмъ былъ для нихъ Юмъ; они не упоминаютъ ни о своихъ заимствованіяхъ у него, ни вообще о своемъ близкомъ духовномъ родствѣ съ нимъ. Это большая несправедливость. На самомъ дѣлѣ оказывается, что, съ помощью простого анализа процесса мышленія, Юмъ построилъ феноменальную психологію, или „психологію безъ души", вполнѣ подходящую къ воззрѣніямъ англійскаго позитивизма и современной физіологіи. Гекели и большинство его соотечественниковъ стремятся, повидимому, придать м а т е р і а-

[1]) Hume, sa vie, sa philosophie, 1880 Предисловіе, стр. X—XIII.

листическимъ посылкамъ идеалистическое заключеніе. Съ одной стороны, они считаютъ вполнѣ доказаннымъ существованіе соотношенія между движеніями нервнаго вещества и нашими сознательными воспріятіями; они утверждаютъ, что продукты мозговой дѣятельности образуютъ собою все содержаніе сознанія. Но съ другой стороны, они же отворачиваются отъ систематическаго матеріализма, упрекая его за то, что онъ парализуетъ энергію жизни и разрушаетъ всю ея красоту... Юмъ, такимъ образомъ, является вдохновителемъ распространяющагося нынѣ новаго идеализма на физіологической основѣ, или родоначальникомъ той философіи, адепты которой говорятъ какъ матеріалисты, не вѣря въ матерію, и съ точностью описываютъ операціи духа, не вѣря въ самый духъ".

Мы намѣренно привели здѣсь эту цитату и отмѣтили въ ней нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ авторъ, повидимому, говоритъ болѣе того, чѣмъ самъ думаетъ. Что это за новая философія, послѣдователи которой одинаково близки и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаково чужды идеализму и матеріализму? Въ чемъ состоитъ этотъ матеріалистическій идеализмъ или идеалистическій матеріализмъ, называющій себя теперь критицизмомъ, философіей эволюціи, философіей дѣйствительности, научнымъ монизмомъ и т. п.? По отношенію къ XVIII-му вѣку и Юму, направленіе это было, на самомъ дѣлѣ, только новою метафизикою, основанною на физіологіи, или сенсуализмомъ. Но чѣмъ является оно по отношенію къ современной философіи? Здѣсь вопросъ значительно усложняется. Одно изъ трехъ, впрочемъ: или странное сочетаніе терминовъ „идеализмъ" и „матеріализмъ" въ одной

формулѣ не имѣетъ, въ приложеніи къ настоящему времени, ровно никакого смысла; или оно прикрываетъ собою обыкновенный и безплодный эклектизмъ; или, наконецъ, оно означаетъ, что современныя системы унаслѣдовали отъ сенсуализма XVIII-го вѣка его рѣшительное отрицаніе всякаго матеріализма и всякаго идеализма. Первыя два предположенія противорѣчатъ фактамъ и должны отпасть; остается третье, которое и должно быть принято. Но и оно объясняетъ еще очень немногое: возникаютъ новые вопросы, выростаютъ новыя дилеммы. Ограничиваются ли современныя стремленія одною критикой различныхъ философскихъ гипотезъ, составляютъ ли они только „полицію міра мысли“, по энергическому выраженію Гексли (29), или представляютъ собою особую философію, опредѣленное міропониманіе? И если вопросъ будетъ разрѣшенъ въ послѣднемъ смыслѣ, то не принадлежитъ ли, въ свою очередь, и эта философія къ разряду гипотетическихъ объясненій міра? Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы предъ собою не искомую философію наукъ, а лишь обновленный или преобразованный, согласно съ духомъ времени и успѣхами знанія, сенсуализмъ.

Одна изъ главныхъ задачъ настоящаго труда, посвященнаго изслѣдованію прошедшаго философіи, въ его отношеніяхъ къ современнымъ попыткамъ вывести пониманіе міра изъ общей совокупности формулъ частнаго знанія, и состоитъ въ собраніи и разъясненіи данныхъ, могущихъ способствовать разрѣшенію намѣченныхъ выше вопросовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СЕНСУАЛИЗМЪ.

Позднѣйшая эволюція.

1. Логическая независимость сенсуализма отъ другихъ системъ.—2. Вліянье на англійскій матеріализмъ.—3. Скептическій или критическій идеализмъ.—4. Школа нравственной философіи.—5. Шотландская школа „здраваго смысла“—6. Сенсуализмъ и матеріализмъ во Франціи XVIII-го вѣка.—7. Кондильякъ.—8. Дестютъ де Траси.—9. Кабанисъ.—10. Научныя попытки въ области психологіи и соціологіи.—11 Френологическая гипотеза Галля. Другія заслуги его.—12. Тюрго и Кондорсэ—13. Сенсуализмъ въ остальной Европѣ и преимущественно въ Италіи.—14. Развитіе матеріализма и сенсуализма въ связи съ успѣхами обществовѣдѣнія.—15. Роль сенсуализма въ наши дни.

1. Желая вполнѣ выяснить руководящія воззрѣнія сенсуализма, мы съ нѣкоторою подробностью разсмотрѣли доктрину Юма, наиболѣе выдающагося представителя этой философіи. Мы можемъ теперь ограничиться самымъ краткимъ обзоромъ ученій другихъ, менѣе значительныхъ мыслителей, принадлежащихъ тому же философскому лагерю.

Предварительно, однако, сдѣлаемъ слѣдующее общее замѣчаніе. Сенсуализмъ часто вступаетъ въ тѣсный союзъ съ матеріализмомъ, еще чаще съ идеализмомъ; но это ни мало не даетъ права видѣть въ сенсуалистическомъ міровоззрѣніи есте-

ственную точку исхода всякаго идеализма, который, будто бы, съ помощью этой чисто переходной формы философіи и обращается, мало-по-малу, въ явный скептицизмъ (30). Подобная теорія, несмотря на свою распространенность среди историковъ философіи, крайне несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ.

Сенсуализмъ, логически, не ведетъ ни къ идеализму, ни къ матеріализму; сенсуалистическая гипотеза, очевидно, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы, рано или поздно, заставить ее превратиться въ гипотезу иного философскаго порядка. Основныя направленія метафизики—какъ мы неоднократно объясняли это—составляютъ не преемственныя фазы или стадіи развитія, а простыя разновидности одной и той же эволюціонной ступени, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга своими центральными точками и незамѣтно сливающіяся въ своихъ пограничныхъ линіяхъ, соприкасаясь своими крайними оттѣнками. Ни въ исторической послѣдовательности этихъ разновидностей, ни въ ея логическомъ объясненіи, нельзя найти достаточнаго основанія для расположенія ихъ въ рядъ, подобный, напримѣръ, извѣстной прогрессіи фетишизма, политеизма и монотеизма. Насколько это справедливо, видно изъ того, что переходъ отъ одной основной формы метафизики къ другой былъ всегда результатомъ личной, а не общественной эволюціи. Медленное развитіе сенсуалистическихъ доктринъ и поздній расцвѣтъ ихъ объясняютъ очень многое въ исторіи этой философіи, начиная съ неустойчивости ранняго сенсуализма и кончая сильнымъ вліяніемъ, оказаннымъ идеями Локка и Юма на матеріалистовъ и идеалистовъ XVIII-го вѣка. Эти особенности его исторіи не доставили, однако, сенсуализму рѣши-

тельной побѣды надъ другими системами, и вообще существенно не нарушили въ его пользу основного равновѣсія между различными видами гипотетическаго міропониманія. Сенсуалистическія точки зрѣнія только на время проникали въ другія системы, но никогда не могли вполнѣ вытѣснить собою ни матеріалистической, ни идеалистической гипотезы.

2. Уже въ XVII-мъ вѣкѣ англійскій матеріализмъ, какъ это видно на примѣрѣ психологическихъ теорій Гоббса, сближается съ сенсуализмомъ, къ которому онъ еще тѣснѣе примыкаетъ въ слѣдующемъ столѣтіи. Изъ числа англійскихъ матеріалистовъ XVIII-го вѣка, не чуждавшихся сенсуалистическихъ объясненій, особеннаго вниманія, впрочемъ, заслуживаютъ только Толандъ, Гартлей и Дарвинъ Толандъ, младшій современникъ Локка, былъ свободнымъ мыслителемъ, матеріалистомъ въ своей космогоніи, сенсуалистомъ въ психологіи, наконецъ изобрѣтателемъ новой религіи природы и человѣчества, въ культѣ которой главное мѣсто принадлежало истинѣ, свободѣ и здоровью, какъ высшимъ благамъ жизни, а въ календарѣ фигурировали, какъ впослѣдствіи у Конта и Карлэйля, великіе люди, писатели и мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Гартлей, современникъ Юма, былъ авторомъ психологической системы, въ которой всѣ психическія явленія сводились, какъ у сенсуалистовъ, къ физіологическимъ процессамъ. Наконецъ Дарвинъ, въ своей книгѣ „Zoonomia“ или „Законы органическаго существованія“, рядомъ съ чисто матеріалистическими тезисами развиваетъ и замѣчательную для XVIII-го вѣка мысль, что, при разработкѣ психологическихъ вопросовъ, слѣдуетъ строго различать задачи физики отъ задачъ физіо-

логіи, такъкакъ психологія подчинена исключительно законамъ жизни.

3. Еще болѣе склонны были примѣшивать сенсуалистическіе взгляды къ своимъ теоріямъ англійскіе идеалисты. Слѣдуя примѣру Беркелея, начало философской дѣятельности котораго почти совпало со смертью Локка, идеалисты охотно усваивали себѣ въ положеніяхъ сенсуализма все то, что было прямо направлено противъ матеріализма. Слишкомъ высоко поднялась матеріалистическая волна въ XVIII-мъ столѣтіи, и слишкомъ близка и очевидна была опасность, которою она угрожала идеализму, чтобы послѣдній могъ колебаться принять помощь, неожиданно явившуюся къ нему съ этой стороны. Большинство идеалистовъ смутно понимало, что одинъ сенсуализмъ, благодаря глубокому скептицизму своей теоріи познаванія, былъ хоть сколько-нибудь способенъ остановить побѣдное шествіе матеріалистическихъ доктринъ; но идеалисты, конечно, даже отдаленнымъ образомъ не подозрѣвали настоящей причины этого явленія,—того, что, вслѣдствіе значительной отсталости психологическихъ и соціальныхъ знаній, дать отпоръ философскимъ притязаніямъ механическихъ и физико-химическихъ гипотезъ могло лишь ученіе, основанное на гипотезахъ біологическаго характера или выдвигавшее впередъ обобщенія, заимствованныя изъ области фактовъ, уже сдѣлавшихся достояніемъ положительной науки. Какъ бы то ни было, впрочемъ, а вліяніе сенсуализма на идеализмъ именно въ XVIII-мъ вѣкѣ было громадное. Идеализмъ открыто и на долго сталъ подъ покровительство и защиту сенсуализма, и почти цѣликомъ перенялъ его теорію познаванія. Въ Германіи эти отношенія между обѣими доктринами, осложненныя дру-

гими вліяніями, произвели кантовскую философію; въ Англіи же они приняли сравнительно простыя формы такъ-называемой школы нравственной философіи и знаменитой шотландской школы „здраваго смысла".

4. Полузабытыя теперь и, во всякомъ случаѣ, уже утратившія свое прежнее значеніе, родственныя школы эти въ свое время играли видную роль въ исторіи англійской философіи, въ которой онѣ занимаютъ почти полуторастолѣтній періодъ, отъ современника Локка—Кумберланда до Палея, Бентама и Джемса Милля, и отъ Рейда до Гамильтона. Изъ нихъ первая, или школа нравственной философіи, разрабатывала различные вопросы психологическаго характера, то есть вращалась почти исключительно въ области наиболѣе сложныхъ явленій. Само собою разумѣется, поэтому, что ея міросозерцаніе не могло не заключать въ себѣ самыхъ существенныхъ элементовъ идеализма — философскихъ гипотезъ, построенныхъ съ помощью наблюденій надъ фактами гиперорганическаго порядка. Но въ данномъ случаѣ такія гипотезы находили себѣ противовѣсъ и въ сенсуалистическихъ теоріяхъ Локка и Юма, и въ традиціонной враждебности англійской философіи ко всѣмъ крайнимъ проявленіямъ идеализма. Впрочемъ, общая или философская часть въ трудахъ главныхъ представителей этой школы, Атчисона, Фергюсона, Адама Смита и Бентама, всегда отступала на задній планъ передъ спеціальными изслѣдованіями въ области общественной нравственности, права и политической экономіи (31).

5. Гораздо болѣе значительное мѣсто въ исторіи сенсуализма занимаетъ группа мыслителей, извѣстная подъ названіемъ шотландской школы. Филосо-

фы „здраваго смысла“ были, строго говоря, эклектиками; но въ ихъ эклектизмѣ сенсуализмъ игралъ такую выдающуюся роль, что ихъ можно, по справедливости, считать прямыми преемниками Юма. Правда, съ послѣднимъ они постоянно и горячо полемизировали, но возставая противъ него, они, въ сущности, боролись лишь съ его терминологіей, неправильно ими толковавшеюся, а выступая, вдобавокъ, противъ Беркелея, другого главнаго врага своего, они, въ извѣстномъ смыслѣ, являлись уже защитниками идей Юма. Философія ихъ, поэтому, есть или сенсуализмъ,—конечно, довольно поверхностный и нѣсколько уклонившійся вправо, въ сторону умѣреннаго идеализма—или сплошное и грубое недоразумѣніе. Шотландцы были скептиками въ смыслѣ философіи Юма, и скептицизмъ ихъ прикрывался формулами „здраваго смысла“ до такой степени, что основатель школы, Рейдъ, могъ громко заявить, что онъ „презираетъ всякую философію и отказывается отъ ея помощи“. Но мы уже видѣли на примѣрѣ древнихъ стоиковъ, какую цѣну слѣдуетъ придавать такому отрицанію философіи, и что значитъ вмѣшательство въ ея дѣла здраваго смысла.

Скептицизмъ, выходя изъ положенія о полной и роковой субъективности всякаго знанія, приходитъ къ заключенію, что мы не можемъ познать „вещь въ себѣ“ или сущность явленія; здравый же смыслъ отправляется въ путь, такъ сказать, съ половины дороги, и тщательно избѣгая трудностей, которыми усѣяно начало ея, прямо и гораздо скорѣе достигаетъ той же цѣли. Шотландская школа служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Такъ, чтобы ограничиться однимъ примѣромъ, школа эта полагала особенное отличіе свое отъ философіи Локка и Юма въ чертѣ, которая, въ сущности, только еще болѣе

сближала между собою обѣ доктрины. Шотландцы утверждали, что, не имѣя возможности познать „вещь въ себѣ“, мы, тѣмъ не менѣе, должны „вѣрить въ ея существованіе“. Но это говорилъ и Локкъ, это много разъ повторялъ и Юмъ, по мнѣнію котораго мы такъ организованы, что, несмотря на всѣ доводы разсудка, не можемъ не питать подобной вѣры. Оттѣнокъ, отдѣляющій въ этомъ вопросѣ мыслителей типа Локка и Юма отъ философовъ школы Рейда и Дюгальда-Стюарта, былъ мѣтко указанъ Макинтошемъ, который разсказываетъ, что въ разговорѣ съ д-ромъ Броуномъ, другимъ виднымъ представителемъ шотландской философіи, онъ какъ-то выразилъ мнѣніе, что Рейдъ и Юмъ расходятся больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ или въ сущности своихъ взглядовъ: „да“, отвѣчалъ Броунъ, „Рейдъ кричитъ во всеуслышаніе, что мы должны вѣрить въ существованіе внѣшняго міра, и при этомъ сознается шопотомъ, что мы ничѣмъ не можемъ доказать такого убѣжденія; Юмъ же громко говоритъ, что мы не можемъ разумно обосновать подобную увѣренность и при этомъ вполголоса прибавляетъ: а все-таки я не могу отъ нея отдѣлаться“. [1])

Рейдъ учитъ, что актъ воспріятія и увѣренность въ реальномъ существованіи предметовъ составляютъ въ сознаніи одно нераздѣльное цѣлое, что воспріятіе уже, само по себѣ, есть такая увѣренность; Дюгальдъ-Стюартъ возводитъ вѣру въ реальное бытіе внѣшняго міра на степень одного изъ основныхъ законовъ, управляющихъ человѣческими вѣрованіями вообще,—и оба одинаково убѣждены въ томъ, что такою наивною игрою словъ поражаютъ

---

1) Lewes, History of philosophy, т. II, стр 401.

на смерть сенсуалистическій скептицизмъ. Послѣдній, однако, тѣмъ менѣе пострадалъ отъ этихъ ударовъ, что и онъ всегда говорилъ то же самое, только болѣе яснымъ и точнымъ языкомъ, всегда утверждая, что вѣра въ реальность воспринимаемыхъ нашими чувствами предметовъ постоянно сопровождаетъ наши ощущенія, составляя ихъ необходимое послѣдствіе.

Такія же поверхностныя и чисто-словесныя разногласія раздѣляютъ оба лагеря и въ большинствѣ другихъ вопросовъ. Мы воспринимаемъ наши ощущенія, говорятъ сенсуалисты, и отсюда заключаемъ о существованіи самихъ вещей; мы чувствуемъ наши ощущенія и тѣмъ самымъ воспринимаемъ вещи, возражаетъ Рейдъ и его школа. Когда мы мыслимъ о вещахъ, мы имѣемъ дѣло съ нашими представленіями о нихъ, говорятъ первые; мы имѣемъ дѣло съ самими вещами, отвѣчаютъ послѣдніе,—что, по справедливому замѣчанію Льюиса, есть или явная нелѣпость, или взглядъ, вполнѣ тожественный съ мнѣніемъ Юма и его сторонниковъ [1]). Но и во многихъ другихъ отношеніяхъ доктрина шотландцевъ была простымъ сколкомъ съ теоріи познаванія сенсуалистовъ. Философы здраваго смысла, еще ревностнѣе, пожалуй, послѣднихъ, защищали тезисъ о роковой ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей: пониманіе вещей они ставили въ прямую зависимость отъ систематическаго самоограниченія разума.

Наконецъ, и психологическія изслѣдованія шотландской школы — а она не мало потрудилась на этомъ поприщѣ — носятъ характеръ, свойственный всѣмъ, вообще, работамъ сенсуалистовъ въ области

---

[1]) Op. cit., т. II, стр 405.

психологіи. Дюгальдъ-Стюартъ даетъ шотландской психологіи громкое названіе „индуктивной метафизики или опытной философіи духа“; но мы уже знаемъ, чѣмъ была и, по необходимости, должна была быть въ прошедшемъ всякая такъ-называемая опытная философія. Индукція и опытъ служили шотландской школѣ только знаменемъ, подъ которымъ приверженцы ея собирались для борьбы съ своими врагами и по яркимъ цвѣтамъ котораго они опознавали другъ друга. Далѣе чисто теоретическаго преклоненія предъ методомъ, завоевавшимъ себѣ такое почетное мѣсто въ точныхъ наукахъ, дѣло не шло. Психологія шотландцевъ постоянно вращалась въ ложномъ кругу словесныхъ анализовъ и метафизическихъ объясненій. Строгіе пріемы науки замѣнялись въ ней личною проницательностью, отрывочными наблюденіями надъ поступками и побужденіями людей и безконечнымъ анализированіемъ состояній собственнаго сознанія. Нечего удивляться, поэтому, что результаты, достигнутые этою школой въ физіологической психологіи, просто поражаютъ теперь своей ничтожностью, въ особенности если сравнить ихъ съ трудами тѣхъ же мыслителей въ области психологіи конкретной, или изучающей проявленія психической жизни, уже осложненныя общественными вліяніями

Это составляетъ новую черту, сближающую теоретиковъ здраваго смысла съ сенсуалистами другихъ оттѣнковъ. На примѣрѣ первыхъ еще разъ подтверждается, что несмотря на основной тезисъ свой—ничто не воспринимается нами иначе, какъ чувствами или путемъ органическимъ—сенсуализмъ не можетъ прочно основать психологію на физіологіи мозга уже потому, что упомянутый сейчасъ тезисъ

имѣетъ у всѣхъ, вообще, сенсуалистовъ характеръ метафизической или общей, а не психологической или спеціально-научной гипотезы (32).

6. Перейдемъ теперь къ развитію сенсуализма во Франціи, гдѣ эта философія получаетъ особый отпечатокъ. Восемнадцатый вѣкъ былъ здѣсь періодомъ господства сравнительно разумной и умѣренной формы философіи—матеріализма, который воспользовался всѣми завоеваніями точнаго знанія послѣ эпохи Возрожденія, усвоилъ себѣ въ нѣкоторой степени строгіе методы естественныхъ наукъ и даже начиналъ смутно понимать истинную причину роковой безплодности своихъ широкихъ обобщеній. Дѣйствительно, никто такъ краснорѣчиво не возставалъ противъ злоупотребленія гипотезами, какъ французскіе матеріалисты разсматриваемой эпохи; къ несчастію для нихъ, однако, они изгоняли гипотезу изъ спеціальныхъ наукъ, гдѣ ея присутствіе вполнѣ законно, и не замѣчали ея въ философіи, гдѣ она необходимо ведетъ къ одностороннимъ и ошибочнымъ выводамъ (33).

Еще нѣсколько шаговъ въ томъ же направленіи, еще нѣсколько крупныхъ научныхъ пріобрѣтеній въ области наиболѣе сложныхъ явленій жизни и общественности,—и матеріализмъ, еслибъ и не обратился въ научно-философскую систему въ родѣ, напримѣръ, позитивизма, то (и этимъ, практически былъ бы достигнутъ тотъ же рельзультатъ) по крайней мѣрѣ добровольно сошелъ бы со сцены, очистивъ мѣсто новымъ и болѣе научнымъ комбинаціямъ отвлеченной мысли и конкретныхъ наблюденій. Но въ XVIII вѣкѣ науки наиболѣе сложныхъ явленій находились еще въ младенчествѣ, и матеріализмъ по-прежнему оставался самою популярною, въ просвѣщенныхъ

слояхъ общества, философіею. Господство его, впрочемъ, не было исключительнымъ или нераздѣльнымъ: уже начиная съ половины столѣтія, матеріализмъ былъ вынужденъ уступить часть своего вліянія міропониманію, зародыши котораго давно носились въ умственной атмосферѣ Франціи въ видѣ скептическихъ доктринъ цѣлаго ряда замѣчательныхъ писателей—Бодэна, Монтэня, Шаррона, Левойэ, Сорбіера, Фуше, Гюэ, Бэйля и другихъ.

Развитію сенсуализма во Франціи благопріятствовали тѣ же причины, которыя содѣйствовали въ ней и успѣхамъ матеріализма. Между ними слѣдуетъ, на первомъ планѣ, указать на широко распространившееся въ обществѣ довѣріе къ истинамъ естествознанія и на быстрый ростъ, которымъ біологическія науки были обязаны преимущественно французскимъ ученымъ. При такихъ условіяхъ, воззрѣнія Локка и Юма не могли не возбудить во Франціи большого вниманія; но встрѣтившись здѣсь съ сильнымъ матеріалистическимъ теченіемъ, сенсуалистическія доктрины, въ противоположность тому, что случилось съ ними въ Англіи и, въ особенности, въ Германіи, перемѣстили центръ тяжести своихъ общихъ гипотезъ на самый край біологическихъ явленій, въ ту пограничную область, гдѣ данныя біологіи соприкасаются съ физико-химическими фактами.

Съ своей стороны, и матеріализмъ нѣсколько видоизмѣнился подъ вліяніемъ сенсуализма, который передалъ ему свою теорію познаванія и снабдилъ его готовыми рѣшеніями труднѣйшихъ задачъ психологіи. Такою непослѣдовательностью отличался и Дидро, два философскихъ памфлета котораго—„Lettre sur les aveugles“ и „Lettre sur les

sourds-muets“—уже заключали въ себѣ въ зародышѣ основную идею, развитую нѣсколькими годами позже Кондильякомъ въ его „Traité des sensations“, и Даламберъ, ясный матеріалистическій горизонтъ котораго такъ часто заволакивается сенсуалистическими сомнѣніями,и Гельвеціусъ,и женевскій натуралистъ и философъ Боннэ, и множество другихъ (34).

Но здѣсь мы можемъ оставить въ сторонѣ матеріалистовъ съ болѣе или менѣе ярко выраженною наклонностью къ сенсуализму; для нашей цѣли будетъ вполнѣ достаточно, если мы остановимся на немногихъ, наиболѣе типичныхъ сенсуалистахъ крайняго или полуматеріалистическаго лагеря. Главными представителями этой фракціи являются два философа: основатель французскаго сенсуализма Кондильякъ и его послѣдній ученикъ Дестютъ-де-Траси; но къ нимъ, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, слѣдуетъ присоединить еще двухъ физіологовъ: Кабаниса и Галля, и двухъ изслѣдователей общественныхъ явленій: Тюрго и Кондорсэ.

7. Многіе историки философіи, въ томъ числѣ и Льюисъ, начинаютъ исторію сенсуализма съ Кондильяка, возводя, такимъ образомъ, въ глубокое различіе по существу—простой оттѣнокъ, отдѣляющій французскій сенсуализмъ отъ школы Локка и Юма.

Нѣтъ надобности доказывать ошибочность подобнаго взгляда; въ своей метафизикѣ и въ вытекающей изъ нея психологіи, французскій сенсуализмъ составляетъ очевидное упрощеніе англійскаго.

Въ философіи Локка, съ которымъ преимущественно должно сравнивать Кондильяка, біологическія точки исхода метафизическихъ гипотезъ лежали на идеальной границѣ, отдѣляющей гиперорганическія явленія отъ органическихъ; вотъ почему англійская школа такъ охотно допускала игру сложныхъ пси-

хическихъ факторовъ и такъ вяло оспаривала существованіе врожденныхъ способностей.

Напротивъ того, въ упрощенномъ сенсуализмѣ Кондильяка и французской школы, біологическія точки исхода философскихъ гипотезъ лежали ближе къ идеальной границѣ, отдѣляющей неорганическія явленія отъ органическихъ; психическія явленія, поэтому, систематически сводились этою школою къ одному свойству—чувствительности. Можно сказать вообще, что біологическій монизмъ, составлявшій метафизическую основу обѣихъ системъ, въ предѣлахъ частной науки, психологіи, строго выдерживался лишь школою Кондильяка; Локкъ же и его ученики отличались въ этомъ отношеніи непослѣдовательностью, которую они только въ извѣстной степени искупали бо̀льшею научною осторожностью (35).

8. О второмъ главномъ теоретикѣ чистаго сенсуализма во Франціи, Дестютѣ-де-Траси, намъ не прійдется говорить много. Какъ философъ, онъ имѣлъ гораздо менѣе вліянія, чѣмъ Кондильякъ, что зависѣло, вѣроятно, отъ самаго характера эпохи, когда было напечатано его капитальное сочиненіе: „Cours d'idéologie“ (1801—1815 г.), а также отъ того, что наиболѣе важныя положенія этого трактата еще раньше его появленія уже стали извѣстны публикѣ изъ сочиненій лучшаго друга Дестюта, физіолога Кабаниса. Но въ исторіи сенсуализма Дестютъ-де-Траси всегда будетъ занимать почетное мѣсто потому, что онъ былъ первымъ и, пожалуй, единственнымъ сенсуалистомъ, стремившимся придать этому міропониманію вполнѣ систематическую форму.

Ядромъ всякой философіи Дестютъ считаетъ теорію познанія, которую онъ называетъ „идеологіей“,—наукой о началахъ знанія. Помимо теоріи

познаванія, могутъ существовать лишь практическія примѣненія устанавливаемыхъ ею методовъ, во первыхъ, къ изученію области нашего „я“ или, точнѣе, нашей воли: отсюда этика, политика, общественная экономія; и во вторыхъ, къ изслѣдованію области „не я“, внѣшняго міра: отсюда физика и математика. Сама же идеологія открыто признается частью біологіи или, какъ тогда говорилось, зоологіи: „L'idéologie est une partie de la zoologie“ — вотъ собственныя слова Дестюта, который видитъ въ нихъ основной догматъ сенсуалистической школы. Психическіе и общественные факты не имѣютъ для Дестюта никакого смысла внѣ связи съ явленіями физіологіи; всякое познаніе внѣшняго міра, всякое заключеніе объ его дѣйствительномъ существованіи, есть фактъ исключительно физіологическій. Но отсюда слѣдуетъ, что реальностью, въ философскомъ смыслѣ, обладаютъ только явленія жизни. Все въ природѣ, въ послѣднемъ анализѣ, сводится къ ощущенію: ощущенію внѣшнихъ предметовъ, или воспріятію, ощущенію воспоминаній, или памяти, ощущенію отношеній между предметами, или сужденію и, наконецъ, ощущенію желаній, или волѣ. Первые три вида ощущеній, или первыя три способности, суть наши средства познаванія, послѣдній видъ, или послѣдняя способность,—наше средство дѣйствія.

9. Кабанисъ принадлежитъ въ равной степени и точной наукѣ — физіологіи мозга, и сенсуалистической философіи.

Уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій: „Coup d'oeil sur la révolution et la réforme de la médecine“ (36), Кабанисъ ясно высказываетъ исходный тезисъ своего міро-

пониманія: мы должны искать въ физіологіи, говоритъ онъ, ключа къ разрѣшенію всѣхъ задачъ и опорную точку для всѣхъ истинъ Тотъ же основной взглядъ развивается имъ и въ знаменитой, появившейся въ 1802 году книгѣ: „Traité (впослѣдствіи Rapports) du physique et du moral de l'homme". У Кабаниса яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ у другихъ сенсуалистовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Дестюта-де-Траси, проводится мысль, что психологія есть только физіологія мозга, разсматриваемая подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Біологическій характеръ принадлежитъ, по его мнѣнію, и всѣмъ другимъ такъ-называемымъ нравственнымъ наукамъ, изъ которыхъ слѣдуетъ сдѣлать вѣтвь естествознанія, построивъ физіологію и патологію общества на томъ же органическомъ основаніи, какое одно оказалось пригоднымъ для психологіи.

Громадная область фактовъ сводилась, такимъ образомъ, къ одному общему началу—жизни. Но что такое это начало, и разлагается ли оно, въ свою очередь, на болѣе простые элементы? На этотъ вопросъ, имѣющій особенную важность для сенсуалистической метафизики, Кабанисъ отвѣчаетъ нерѣшительно, указывая на нѣсколько возможныхъ гипотезъ. Иногда онъ опредѣляетъ жизнь, какъ способность чувствовать, которою одарены всѣ организованныя существа и которая составляетъ самый общій фактъ живой природы; въ другихъ случаяхъ онъ склоняется къ матеріалистическому объясненію жизни, какъ простого ряда движеній; еще въ другихъ, наконецъ, онъ выставляетъ уже крайнюю сенсуалистическую гипотезу, отожествляющую всѣ естественныя свойства и явленія — отъ тяготѣнія до самыхъ сложныхъ разсудочныхъ операцій — съ біологическимъ фактомъ ощущенія, и

согласно съ этимъ видитъ всюду въ природѣ лишь проявленіе, при различныхъ обстоятельствахъ, одного и того же темнаго инстинкта, лежащаго въ основѣ всякой жизнедѣятельности. Но такія колебанія замѣчаются у Кабаниса только въ области философскихъ или непровѣряемыхъ предположеній. Какъ физіологъ, онъ стоитъ на твердой почвѣ фактовъ и частныхъ, допускающихъ опытное подтвержденіе или опроверженіе гипотезъ. Само собою разумѣется также, что во всѣхъ психическихъ явленіяхъ Кабанисъ видитъ лишь спеціальныя функціи мозга и нервной системы; онъ авторъ знаменитой фразы, не разъ ставившейся ему въ упрекъ его противниками: „На мозгъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на органъ, спеціальное назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы вырабатывать мысль, подобно тому, какъ желудокъ и кишки служатъ пищеваренію, а печень—фильтрированію желчи“ (37).

Той же области—частной наукѣ—принадлежатъ и многія счастливыя догадки Кабаниса, подтвержденныя впослѣдствіи экспериментальнымъ путемъ. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на предположеніе, что во внутреннихъ органахъ нашихъ образуется наслѣдственный запасъ чувствительности, чисто физіологическаго происхожденія, который съ успѣхомъ можетъ замѣнить собою „внутреннее чувство“ прежнихъ психологовъ; или еще на взглядъ, по которому масса ощущеній, и, вѣроятно, даже большая часть ихъ, не достигаютъ сознанія, не даютъ чувствовать себя какъ нѣчто пріятное или непріятное и, такимъ образомъ, вовсе ускользаютъ отъ нашего вниманія; или, наконецъ, на гипотезу, сводящую мышечныя движенія и ощущенія къ одному источнику—нервному раздраженію чрезъ стимулы, гипотезу, которая нашла себѣ вскорѣ фактическое

подтвержденіе въ открытыхъ Белломъ въ спинномъ мозгу двойныхъ корешкахъ или парныхъ соединеніяхъ нервовъ, и еще болѣе въ опытахъ Маженди надъ явленіями возвратной чувствительности [1]). Какъ бы велики, впрочемъ, ни были заслуги Кабаниса въ качествѣ одного изъ основателей современной психо-физики, здѣсь онъ можетъ интересовать насъ только какъ философъ, несомнѣнно принадлежавшій къ великой школѣ Локка, Юма и Кондильяка и, безспорно, бывшій однимъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ представителей французскаго сенсуализма (38).

10. Включая, въ извѣстной степени, въ свою номенклатуру изслѣдователей психическихъ явленій въ родѣ Кабаниса, большинство историковъ міропониманій прошедшаго рѣшительно отказываются видѣть настоящихъ философовъ въ такихъ психологахъ, какъ Галль, или въ первыхъ основателяхъ философіи исторіи, мыслителяхъ въ родѣ Тюрго и Кондорсэ. Отъ этого общаго правила отступаютъ, между послѣдователями современныхъ школъ, едва ли не одни позитивисты.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, обѣ стороны, какъ мнѣ кажется, съ своей точки зрѣнія, одинаково правы. Нельзя строго обвинять въ тенденціозной исключительности историковъ философіи: они собираютъ и группируютъ факты, принадлежащіе прошедшему метафизики въ тѣсномъ смыслѣ слова; а попытка Галля, стремленія Тюрго и Кондорсэ занимаютъ въ ряду такихъ фактовъ чрезвычайно скромное мѣсто, обнаруживая только косвенную и слабую связь съ

---

[1]) Клодъ Бернаръ. Лекціи физіологіи и патологіи; стр. 22 русск. перевода.

господствовавшими въ XVIII-мъ вѣкѣ метафизическими системами Другія соображенія руководятъ позитивистами: одною изъ главныхъ задачъ своихъ эта школа признаетъ установленіе прочной исторической филіаціи между прежними способами объясненія совокупности явленій, разсматриваемыми нераздѣльно отъ ихъ результатовъ, метафизическихъ доктринъ, и новыми философскими методами, также разсматриваемыми за-одно съ ихъ результатами, появившимися въ наши дни философскими синтезисами. Но нѣтъ надобности доказывать, что, съ этой точки зрѣнія, работамъ первыхъ піонеровъ въ области физіологической психологіи и соціологіи уже должно быть отведено не послѣднее мѣсто между факторами, содѣйствовавшими возникновенію научныхъ стремленій современной философіи.

Факторы эти были очень многочисленны, и доля вліянія каждаго изъ нихъ была весьма различна. Идеализмъ и его системы имѣли въ этомъ генезисѣ исключительно отрицательное значеніе; напротивъ того, вліянье матеріализма и сенсуализма, которые почерпали свои общія гипотезы изъ сравнительно далеко ушедшихъ впередъ отдѣловъ спеціальнаго знанія и успѣли сами проникнуться, въ извѣстной мѣрѣ, научнымъ характеромъ, было сложное, отрицательное съ одной стороны, положительное съ другой. Многія гипотетическія теоріи ихъ и, главнымъ образомъ, теорія непознаваемаго, цѣликомъ перешли и въ современныя философскія системы. Но, вообще говоря, въ генезисѣ новаго міропониманія метафизикѣ принадлежало лишь второстепенное или даже третьестепенное мѣсто. Главную роль играли успѣхи всѣхъ отраслей положительнаго знанія. Вотъ почему рядомъ съ открытіями великихъ математиковъ, астрономовъ и физиковъ новой

эры, съ замѣчательными работами въ области химіи, съ трудами такихъ біологовъ, какъ Биша и наблюденіями такихъ врачей, какъ Пинель, Эскиролъ и Бруссэ, для историка современной философіи немаловажное значеніе имѣютъ и первые, хотя бы не совсѣмъ удачные опыты научнаго объясненія психическихъ и общественныхъ явленій.

Къ философскому значенію этихъ попытокъ мы, впрочемъ, еще вернемся; теперь же кратко укажемъ, въ чемъ состояла сущность наиболѣе выдающихся между ними, именно: френологической гипотезы Галля, и знаменитой теоріи общественнаго прогресса, съ помощью которой Тюрго и Кондорсэ старались объединить и объяснить историческія событія и которая имѣла такое несомнѣнное вліяніе на зарожденіе и развитіе первыхъ системъ соціализма.

11. Френологическая гипотеза въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ извѣстно, не нашла себѣ подтвержденія въ наукѣ; тѣмъ не менѣе, усилія Галля и его талантливаго ученика и сотрудника Шпюрцгейма привели ко многимъ, не лишеннымъ важности результатамъ. Труды этихъ ученыхъ поставили внѣ всякаго сомнѣнія существованіе необходимаго и постояннаго соотношенія между органомъ и функціею, при чемъ была установлена и множественность органовъ и функцій въ области собственно психической жизни. Конечно, эти два начала еще до эпохи Галля возникли въ частной наукѣ, въ которой они играли роль болѣе или менѣе случайныхъ предположеній и изъ которой успѣли даже перейти въ философскія системы, основывавшія свои обобщенія на біологическихъ фактахъ. Но Галль первый обставилъ ихъ доказательствами, навсегда сдѣлавшими ихъ достояніемъ точнаго знанія.

Другая заслуга Галля, и притомъ довольно значительная съ историко-философской точки зрѣнія, заключалась въ выясненіи внутренней безсодержательности вѣковаго спора идеалистовъ и сенсуалистовъ по вопросу о врожденности нѣкоторыхъ категорій нашихъ идей или представленій. Галль радикально измѣняетъ крайне ненаучную постановку этого вопроса, разоблачая грубую, въ физіологическомъ смыслѣ, ошибку, состоявшую въ обращеніи исключительнаго вниманія на психическіе продукты, въ прямой ущербъ изученію ихъ органическихъ условій или причинъ. Понятіе о „врожденности“ онъ переноситъ отъ продуктовъ нашей организаціи на нее самое или на тѣ условія ея, которыя могутъ быть сильно видоизмѣнены, но не вовсе уничтожены внѣшними вліяніями естественной и культурной среды, воспитаніемъ, примѣромъ и т. п.

Замѣтимъ еще, мимоходомъ, что Галль придавалъ огромное значеніе сравнительному методу въ физіологіи мозга и въ психологіи, въ которыхъ онъ видѣлъ развѣтвленія біологіи; что отсталость нашихъ антропологическихъ знаній онъ объяснялъ вліяніемъ метафизическихъ доктринъ; что теорію познаванія, наконецъ, онъ выводилъ исключительно изъ біологическихъ данныхъ, отыскивая управляющіе соотвѣтствующими явленіями законы въ самомъ организмѣ, а не мечтая, подобно Канту, найти ихъ въ недостовѣрныхъ и измѣнчивыхъ результатахъ субъективнаго анализа. Во всѣхъ этихъ вопросахъ Галль стоялъ на той же почвѣ, на которой до него успѣли утвердиться наиболѣе передовые и послѣдовательные сенсуалисты; но онъ оказалъ философіи еще особую услугу, которая всего болѣе и можетъ обезпечить за нимъ почетное мѣсто въ исторіи современной мысли.

Дѣйствительно, на его френологическую теорію можно смотрѣть какъ на первую попытку съузить или спеціализировать общую гипотезу, составляющую исходную точку сенсуализма; а такая спеціализація необходимо влечетъ за собою превращеніе непровѣряемыхъ философскихъ предположеній въ научные тезисы, уже доступные повѣркѣ. И каковы бы ни были послѣдствія этой повѣрки,—а они, какъ показываетъ исторія отдѣльныхъ наукъ, почти всегда были неблагопріятны для философіи—самый фактъ научнаго ограниченія философской гипотезы является уже, очевидно, плодомъ сознанія обманчиваго характера первоначальной, слишкомъ общей формулы, и косвенно наноситъ ударъ основанному на такой формулѣ міросозерцанію. Впрочемъ, исторія метафизики свидѣтельствуетъ, что самыя общія гипотезы прежней философіи крайне рѣдко подвергались этому процессу спеціализаціи (39).

12. Переходя отъ Галля, ближайшаго предка нынѣшней физіологической психологіи, къ Тюрго и Кондорсэ, ближайшимъ родоначальникамъ современной соціологіи, мнѣ нѣтъ надобности особенно настаивать на вліяніи, которое господствовавшая въ то время во Франціи и въ Англіи сенсуалистическая метафизика оказала на двухъ послѣднихъ мыслителей. Вліяніе это сквозитъ на каждой страницѣ и капитальнаго сочиненія Тюрго: „Discours sur les progrès successifs de l' esprit humain“ (1750 г.), и появившагося сорока пятью годами позже, посмертнаго труда Кондорсэ: „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain“.

Тюрго вѣрно оцѣнилъ значеніе преемственности историческихъ періодовъ, или филіаціи поколѣній,

какъ дѣятельной причины общественнаго прогресса, или постояннаго накопленія и увеличенія запаса знаній и власти человѣка надъ силами природы; въ современныхъ намъ обществахъ дикарей и полуцивилизованныхъ племенъ онъ видитъ образчики уже пройденныхъ другими частями человѣчества ступеней развитія, онъ вообще справедливѣе относится къ переходнымъ фазамъ, въ родѣ, напримѣръ, среднихъ вѣковъ, наконецъ, онъ первый указываетъ на неизбѣжное и послѣдовательное вытѣсненіе теологическихъ представленій метафизическими, а метафизическихъ научными, т. е. впервые обращаетъ серьёзное вниманіе на историческій фактъ, въ которомъ Ог. Контъ, какъ извѣстно, усмотрѣлъ основной законъ общественной эволюціи.

Не менѣе знаменательны были соціологическія воззрѣнія Кондорсэ, который уже ясно понималъ, что исторія есть естественное явленіе, подчиненное опредѣленнымъ законамъ, и ни мало не сомнѣвался въ прогрессивномъ характерѣ цивилизаціи: историческое развитіе было, въ его глазахъ, необходимымъ результатомъ медленнаго, но неотвратимаго дѣйствія физическихъ и общественныхъ причинъ. Кондорсэ пытался даже самъ начертать общую картину всего хода человѣческой культуры, и въ этомъ абрисѣ стремился обнаружить тѣсную зависимость каждой послѣдующей ступени эволюціи отъ всѣхъ предыдущихъ [1]).

13. Въ эпоху своего наибольшаго блеска во Франціи и Англіи, сенсуалистическая философія, само со-

---

Littré: Auguste Comte et la philosophie positive стр. 45—48 и 70—73, и Смоликовскій Ученіе Огюста Конта объ обществѣ, Варшава, 1881 г., стр. 4.

бою разумѣется, имѣла представителей всюду въ Европѣ; но въ нѣкоторыхъ странахъ голосъ ея послѣдователей еще терялся въ общемъ и дружномъ хорѣ сторонниковъ идеализма. Такъ было въ Германіи, въ которой сенсуализмъ расцвѣлъ гораздо позднѣе, почти въ одно время съ матеріалистическими ученіями Молешотта, Фогта, Фейербаха, Бюхнера, и съ научными обобщеніями Гелмгольца, Вундта, Гекели. Въ другихъ странахъ, напротивъ того, сенсуализмъ успѣлъ пустить глубокіе корни и дать плоды уже въ теченіе XVIII-го столѣтія. Такова была Италія [1]).

Сенсуалистическая философія, матеріализмъ и общественно-научныя изслѣдованія возникли въ Италіи отчасти самостоятельно, отчасти подъ вліяніемъ англійскихъ и французскихъ школъ. Философія исторіи имѣла здѣсь такого замѣчательнаго представителя, какъ Вико, знаменитое сочиненіе котораго: „Principii della scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni“, появившееся въ 1725 году, было одною изъ наиболѣе раннихъ попытокъ приложить научный методъ къ изученію взаимной связи историческихъ событій. Впрочемъ, ни религіозныя убѣжденія Вико, ни его философскіе взгляды — онъ былъ противникомъ Декарта и ревностнымъ почитателемъ Аристотеля и Бэкона — не даютъ еще права причислить его къ опредѣленной категоріи мыслителей. Только послѣ его смерти, въ половинѣ прошлаго столѣтія, сенсуализмъ окончательно водворяется въ Италіи, которую великое научное движеніе XVI-го вѣка вполнѣ подготовило къ принятію этого ученія и въ кото-

---

1) См. Espinas: La philosophie expérimentale en Italie. Paris, Germer-Baillière, 1880.

рой, къ тому же, не меньшимъ распространеніемъ пользовались и матеріалистическія доктрины; одинъ идеализмъ казался совершенно чуждымъ итальянскому генію.

Въ этой-то философской средѣ и дѣйствовали, на поприщѣ обществовѣдѣнія, преемники Вико, образовавшіе цѣлую значительную группу экономистовъ и философовъ права: Дженовези, аббатъ Галіани, непосредственный предшественникъ Адама Смита, Лампреди, Спедаліери, Верри, знаменитый Беккарія и многіе другіе. Позднѣе, къ концу XVIII-го столѣтія, въ Италіи возникаетъ, наконецъ, своя національная школа сенсуализма, во главѣ которой стояли Джіойа и Романьози. Эти два мыслителя, и въ особенности Романьози, были одновременно и сенсуалистами въ смыслѣ Кондильяка, и замѣчательными изслѣдователями въ области экономическихъ, юридическихъ и другихъ общественныхъ явленій. Изъ этой же школы вышли Феррари, Каттанео и прочіе корифеи современнаго научно-философскаго движенія въ Италіи.

14. Такимъ образомъ, не только во Франціи и Англіи, но и въ другихъ частяхъ Европы, XVIII-ый вѣкъ принадлежалъ преимущественно матеріализму, сенсуализму и различнымъ сочетаніямъ этихъ двухъ способовъ пониманія природы, какъ между собою, такъ и съ болѣе умѣренными оттѣнками идеализма. Фактъ этотъ, конечно, не остался безъ послѣдствій въ исторіи умственнаго развитія Европы; но въ чемъ именно состояло его значеніе, объ этомъ можно судить различно, и мы здѣсь вовсе не намѣрены выступать съ готовымъ рѣшеніемъ этой соціологической задачи. Оставляя вопросъ открытымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мы считаемъ, одна-

ко, нужнымъ указать на одну сторону его, которая до сихъ поръ всего менѣе обращала на себя вниманіе. А именно, господство матеріалистическихъ и сенсуалистическихъ ученій можно привести, какъ намъ кажется, въ тѣсную связь съ другимъ фактомъ, служившимъ характеристикою того же періода: появленіемъ первыхъ теорій научной соціологіи. Близкій параллелизмъ этихъ двухъ фактовъ указываетъ на возможность примѣнить къ ихъ объясненію методъ сопутствующихъ измѣненій, т. е. на возможность разсматривать какъ причину всего явленія одинъ изъ фактовъ, наличность или отсутствіе котораго постоянно сопровождалось увеличеніемъ или уменьшеніемъ значенія и распространенности другого. Исходя отсюда, предшествующимъ или причиннымъ фактомъ слѣдуетъ считать, въ данномъ случаѣ, преобладаніе матеріалистическихъ и, въ особенности, сенсуалистическихъ взглядовъ; на возникновеніе-же понятій о соціальномъ организмѣ и о правильной эволюціи его, на подобіе организма біологическаго, должно смотрѣть какъ на послѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія этой причины и многихъ другихъ. Какая роль въ такомъ совмѣстномъ дѣйствіи принадлежала именно этой причинѣ, т. е. вліяла-ли она прямо, была-ли она первенствующей,— вопросъ другой; на него, какъ знаетъ читатель, мы уже отвѣтили гипотезой о меньшемъ противодѣйствіи развитію высшихъ или болѣе сложныхъ наукъ, оказанномъ, сравнительно съ системами чистаго идеализма, философіями матеріализма и сенсуализма.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ, какъ и теперь, самою отсталою отраслью знанія была соціологія; другія науки могли развиваться самостоятельно, несмотря на препятствія, которыя онѣ встрѣчали со стороны мета-

физики. Но при такихъ условіяхъ нельзя не придавать особеннаго значенія тому обстоятельству, что соціологія сдѣлала въ прошломъ вѣкѣ нѣкоторые успѣхи лишь въ странахъ, въ которыхъ господствовали матеріалистическія и сенсуалистическія ученія: въ Англіи, въ Италіи и, главнымъ образомъ, во Франціи. Напротивъ того, тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Германіи, процвѣтали идеалистическія системы, соціологическія знанія оставались въ хаотическомъ и глубоко метафизическомъ состояніи. Гердеръ, не говоря уже о менѣе значительныхъ писателяхъ, не идетъ ни въ какое сравненіе не только съ Тюрго и Кондорсэ, но и съ Юмомъ, съ Адамомъ Смитомъ, съ Дженовези, съ Джіойа или Романьози; да и кромѣ того, въ своихъ „Jdeen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“ и другихъ философско-историческихъ сочиненіяхъ, Гердеръ, очевидно, вдохновляется полусенсуализмомъ Канта, который, въ свою очередь, стоитъ и въ этомъ отношеніи подъ прямымъ вліяніемъ Юма (40 и 41).

15. Прослѣдивъ историческія судьбы сенсуализма почти до конца первой трети XIX-го вѣка, скажемъ, въ заключеніе, два слова о роли этой философіи уже въ нашу эпоху. Сенсуализмъ по своему методу и точкамъ исхода продолжаетъ и нынѣ быть такою-же метафизикою, какою онъ всегда былъ прежде. Но этотъ основной характеръ его бросается теперь въ глаза гораздо менѣе, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ, что̀, какъ намъ кажется, зависитъ просто отъ того, что сенсуализмъ успѣлъ почти цѣликомъ вылить свое метафизическое содержаніе въ другія современныя системы. Преобразовавъ теорію познаванія другихъ философскихъ

доктринъ, сенсуализмъ вошелъ въ тѣсный союзъ съ бывшими ему нѣкогда враждебными міровоззрѣніями. Разлагающее вліяніе его теорій отъ этого только усиливается, какъ видно на примѣрѣ неокантіанизма въ Германіи и новѣйшей матеріалистической школы во Франціи, но самъ онъ все болѣе и болѣе теряетъ свою оригинальность, свои первоначальныя, вполнѣ опредѣленныя очертанія. Одновременно, и на этотъ разъ уже въ прямомъ соотношеніи съ успѣхами положительнаго знанія вообще и, въ особенности, съ успѣхами знанія психическихъ и соціальныхъ явленій, происходитъ и другой процессъ, приводящій къ тому же результату, — нарожденію научнаго міропониманія. Въ умы мало-по-малу проникаетъ убѣжденіе, что природа состоитъ не изъ о д н о й основной группы свойствъ, какъ гипотетически полагали матеріалисты, идеалисты и сенсуалисты, и даже не изъ д в у х ъ группъ, какъ иногда утверждали противники всѣхъ крайнихъ направленій прежней философіи, а по меньшей мѣрѣ изъ т р е х ъ, которыя до поры до времени не могутъ, средствами точнаго знанія, быть сведены другъ къ другу. Медленно и съ большимъ трудомъ достигаемое изгнаніемъ изъ высшихъ философскихъ спекуляцій гипотетическихъ построеній вообще и, прежде всего, монизма, убѣжденіе это все болѣе и болѣе укрѣпляется и распространяется, и міръ и его явленія начинаютъ все болѣе и болѣе объясняться безъ помощи произвольныхъ постулатовъ матеріализма, идеализма и сенсуализма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

РАЗНОВИДНОСТИ ТРЕХЪ ТИПОВЪ ФИЛОСОФІИ ПРОШЕДШАГО И СМѢШАННЫЯ СИСТЕМЫ. ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕСКИ ФИЛОСОФІИ ЗНАНІЯ.

1. Отвлеченный характеръ нашихъ типовъ. — 2. Общее свойство научныхъ классификацій.—3. Недостатки существующей философской номенклатуры и обычныхъ классификацій метафизическихъ системъ.—4 Примѣры. Эмпиризмъ и априоризмъ. Догматизмъ и скептицизмъ Монизмъ и плюрализмъ (дуализмъ) — 5. Смѣшанныя системы. Философскіе компромиссы нашей эпохи. — 6 Упадокъ метафизики и возникновеніе научной философіи. Методологическій прогрессъ. Особыя заслуги въ этомъ отношеніи Декарта и Гоббса.—7. Историческій позитивизмъ.

1. Въ предыдущихъ главахъ я старался познакомить читателя съ основными типами философской мысли въ эпохи, уже сдѣлавшіяся достояніемъ исторіи; но утверждая, что къ этимъ типамъ сводятся всѣ, безъ изъятія, системы прежней философіи, я въ то же время не разъ предостерегалъ читателя отъ ошибки, въ которую очень легко впасть и которая заключается въ принятіи общихъ формъ метафизики за конкретныя явленія, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ нихъ лишь типы или образцы въ научномъ смыслѣ слова, лишь абстрактныя выраженія для главныхъ сходствъ и различій, открываемыхъ анализомъ въ чрезвычайномъ разнообразіи единичныхъ фактовъ и отношеній.

Предложенныя мною дѣленія, повторяю, соотвѣтствуютъ условной и отвлеченной дѣйствительности,

составляющей единственную цѣль теоретическаго знанія, въ отличіе отъ массы конкретныхъ реальностей, усложняющихъ практическія изслѣдованія и образующихъ содержаніе многочисленныхъ прикладныхъ наукъ. Ни одна изъ моихъ схематическихъ односторонностей, ни матеріализмъ, ни идеализмъ, ни сенсуализмъ, никогда не воплощалась на самомъ дѣлѣ въ какомъ-либо исторически существовавшемъ ученіи, съ тою простотою, съ тѣми рѣзкими и характерными чертами, съ какими, слѣдуя элементарнымъ требованіямъ научнаго метода, я долженъ былъ изобразить здѣсь эти руководящія направленія философской мысли прошедшаго. Дѣйствительная жизнь и конкретная исторія философіи были, напротивъ того, черезъ-чуръ богаты переходными формами, трудно уловимыми оттѣнками, неожиданными сочетаніями и всевозможными компромиссами.

2. Но таковы уже непреложныя условія всякой научной классификаціи: чѣмъ сложнѣе и спеціальнѣе явленія, сводимыя ею къ идеальному единству, тѣмъ болѣе уменьшается сходство между конкретною дѣйствительностью и абстрактнымъ или символическимъ ея изображеніемъ, тѣмъ шире становится пропасть, отдѣляющая индивидуальные случаи отъ общихъ формулъ, обнимающихъ обширные разряды явленій. Аксіомы и опредѣленія математики несравненно ближе къ геометрическимъ очертаніямъ и количественнымъ отношеніямъ, осуществляемымъ природою, чѣмъ обобщенія физики или химіи къ физическому или химическому состоянію тѣлъ; еще болѣе удаляются отъ сложной реальности явленій біологическіе типы; наконецъ, наименьшая степень совпаденія съ фактическою

дѣйствительностью принадлежитъ типамъ или классификаціоннымъ нормамъ, создаваемымъ въ области и для нуждъ соціологіи.

Но если этотъ взглядъ вѣренъ, то изъ него необходимо вытекаетъ заключеніе, что въ общей исторіи философіи, имѣющей дѣло съ такими сложными продуктами соціальной жизни, какъ міропониманія, покоряющія себѣ умы многихъ поколѣній и господствующія въ теченіе долгихъ историческихъ періодовъ,—что въ общей исторіи системъ, говоримъ мы, всего менѣе позволительно гоняться за слишкомъ дробными дѣленіями, за слишкомъ точнымъ и мелочнымъ воспроизведеніемъ отдѣльныхъ чертъ или признаковъ, характеризующихъ философскія ученія. Подобные пріемы могутъ быть полезны и даже необходимы въ подготовительныхъ, монографическихъ работахъ, задающихся обыкновенными цѣлями систематическаго описанія явленій,—они неумѣстны, или даже вредны, на высшихъ ступеняхъ соціологическаго изслѣдованія, стремящагося къ открытію общихъ законовъ, управляющихъ совокупностью уже описанныхъ ранѣе фактовъ [1]). Но этого-то именно и не хотятъ признать историки философіи, все еще не усвоившіе себѣ не только правильнаго, но даже строго опредѣленнаго взгляда на методы и задачи соціологическаго знанія. Неудивительно, поэтому, что въ ихъ классификаціяхъ мы почти всегда встрѣчаемъ не типы, какіе только и должно выставлять въ области наукъ наиболѣе сложныхъ явленій, и даже не типы, возможные въ низшихъ наукахъ, а обобщенія, составленныя скорѣе по об-

[1]) См. Соціологія, глава VI Дѣленіе соціологіи. С.-Петерб 1880 г

разцу художественныхъ созданій. Вездѣ въ ихъ трудахъ мы наталкиваемся на мало научное стремленіе къ конкретной полнотѣ очертаній, къ воспринятію въ рамки теоретическихъ классификацій возможно большаго числа подробностей и реальныхъ, но черезъ-чуръ мелкихъ линій. Почтенной и высокой, на своемъ мѣстѣ и въ своихъ границахъ, цѣли, именно, художественной правдѣ, составляющей ближайшее воспроизведеніе правды жизненной, безсознательно приносится, такимъ образомъ, въ жертву самое абстрактное и, слѣдовательно, отдаленное отраженіе жизни—истина научная.

3. Безвыходная путаница и противорѣчія, царящія въ классификаціяхъ философскихъ системъ, хорошо извѣстны всякому, кто когда-либо открывалъ учебникъ исторіи философіи и кто хоть нѣсколько знакомъ со взглядами на этотъ предметъ прежнихъ и современныхъ философовъ. Немногое полезное, достигнутое въ этомъ отношеніи ложно направленными усиліями даже наиболѣе выдающихся мыслителей, заключается лишь въ точномъ описаніи многочисленныхъ разновидностей тѣхъ основныхъ типовъ гипотетическаго міропониманія, которые были опредѣлены нами съ помощью иныхъ пріемовъ изслѣдованія.

Эмпиризмъ, апріоризмъ, реализмъ различныхъ оттѣнковъ, отъ наивнаго до критическаго и даже гиперкритическаго; монизмъ всякаго рода; дуализмъ и плюрализмъ; догматизмъ, скептицизмъ, въ болѣе или менѣе тѣсномъ сочетаніи съ матеріализмомъ, идеализмомъ и сенсуализмомъ, понимаемыми самымъ различнымъ образомъ,—вся эта сложная философская номенклатура едва-ли нуждается въ подробномъ разсмотрѣніи; въ этомъ отношеніи мы можемъ огра-

ничиться двумя-тремя, наиболѣе необходимыми указаніями.

Отмѣтимъ, во-первыхъ, слѣдующую любопытную особенность общеупотребительной философской номенклатуры. Названій въ ней чрезвычайно много, и они настолько удобно сочетаются между собою, что съ ихъ помощью, казалось бы, не трудно было бы достигнуть отчетливаго обозначенія не только главныхъ группъ метафизическихъ доктринъ, но и каждой отдѣльной системы. На самомъ дѣлѣ, однако, номенклатура эта одна изъ бѣднѣйшихъ и безсодержательнѣйшихъ въ свѣтѣ: мнимыя сокровища ея разсыпаются въ прахъ отъ перваго прикосновенія къ нимъ серьезной критики. Въ своихъ главныхъ чертахъ, философская номенклатура сводится къ тотчасъ же обрывающемуся ряду противоположностей въ родѣ эмпиризма и апріоризма, теизма и атеизма, догматизма и скептицизма и т. п., то есть, къ немногимъ общимъ признакамъ, характеризующимъ, въ положительную или отрицательную сторону, нѣкоторыя, иногда даже вовсе несущественныя части соотвѣтствующихъ ученій.

Укажемъ, во вторыхъ, на непостоянство или неустойчивость границъ, обыкновенно проводимыхъ между міропониманіями различныхъ эпохъ и мыслителей. Границами этими не размежевываются окончательно области или сферы понятій, свойственныя каждому изъ главныхъ видовъ метафизики; эти понятія остаются, по прежнему, въ общемъ или чрезполосномъ владѣніи всѣхъ основныхъ формъ философіи. Но отсюда слѣдуетъ съ большою очевидностью, что и сами раздѣлительныя линіи эти не имѣютъ того значенія, какое имъ стараются придать: онѣ не могутъ служить для распознанія оригинальныхъ и коренныхъ типовъ философской мысли,

а пригодны развѣ только для болѣе подробной характеристики различныхъ оттѣнковъ этихъ типовъ.

4. Выводъ этотъ вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ исторіи. Такъ, напримѣръ, эмпиризмъ, возводимый большинствомъ историковъ метафизики на степень основного философскаго направленія. присущъ не толко матеріализму и сенсуализму, но и многимъ системамъ идеализма; даже такіе мыслители, какъ Беркелей, не говоря уже о Кантѣ, склонны признавать, что единственнымъ критеріемъ истины можетъ быть лишь достовѣрность отдѣльныхъ конкретныхъ воспріятій. Точно также, апріоризмъ никогда не составлялъ особой философіи· онъ разсѣянъ всюду въ метафизикѣ, и элементы его легко отыскиваются въ наиболѣе строгихъ системахъ матеріализма и сенсуализма.

Одинаковое значеніе принадлежитъ въ исторіи философіи догматизму и скептицизму. Правда, первый особенно свойственъ идеализму, а второй—сенсуализму; но рѣзко выраженный догматическій характеръ имѣютъ и многія матеріалистическія и сенсуалистическія доктрины, а идеализмъ, въ свою очередь, никогда не былъ чуждъ и чисто скептическихъ стремленій. Строго говоря, поэтому, въ догматизмѣ и скептицизмѣ надлежитъ видѣть два односторонніхъ состоянія нашего ума, антитезу въ родѣ представляемой оптимизмомъ и пессимизмомъ. [1])

Догматизмъ—утвержденіе, близкое къ слѣпой вѣрѣ, и скептицизмъ—сомнѣніе, граничащее съ слѣ-

---

1) Vaihinger Hartmann, Duhring und Lange. 1876, стр. 22—23.

пымъ отрицаніемъ, составляютъ, въ этомъ смыслѣ, необходимую принадлежность каждаго изъ трехъ типовъ метафизическаго міропониманія, которые, очевидно, не могутъ не довѣрять своимъ собственнымъ гипотезамъ и относиться иначе, какъ съ сомнѣніемъ и критикою къ точкамъ исхода всѣхъ другихъ способовъ философскаго объясненія природы. Но если это справедливо, то нельзя не признать полнѣйшей непригодности обычнаго раздѣленія философскихъ школъ на два лагеря: догматическій, къ которому причисляются матеріалистическія и идеалистическія системы, и скептическій, въ который включаются сенсуализмъ и родственныя ему критическія ученія.

Получить характеръ классификаціонныхъ признаковъ „догматизмъ“ и „скептицизмъ“ могли, очевидно, только по недоразумѣнію, которое само было неизбѣжнымъ результатомъ продолжительной борьбы за преобладаніе между основными направленіями метафизической мысли. Въ этой борьбѣ, какъ мы уже видѣли, антагонизмъ между матеріализмомъ и идеализмомъ, былъ слишкомъ явный и рѣзкій для того, чтобы въ томъ или другомъ лагерѣ могла долго поддерживаться охота къ безпрерывному и безпощадному оспариванію точекъ зрѣнія противника. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находился сенсуализмъ, поставленный между двухъ огней: онъ долженъ былъ постоянно быть на сторожѣ. Но именно различіе въ степени напряженности критическихъ стремленій и произвело то, что понятіе о скептицизмѣ вообще слилось мало-по-малу съ представленіемъ о спеціальномъ скептицизмѣ сенсуалистическихъ системъ, при чемъ такой процессъ отожествленія только ускорялся по мѣрѣ того, какъ обострялись сенсуалистическіе тезисы

и сенсуализмъ рѣшительно становился во главѣ другихъ направленій метафизики.

Множество старыхъ и новыхъ системъ, всѣ ученія, задававшіяся цѣлью органически примирить матеріализмъ съ идеализмомъ или, вѣрнѣе, окончательно упразднить и тотъ, и другой, замѣнивши ихъ „относительною“ философіей особаго рода — „критицизмомъ“ на метафизической основѣ, обязаны своимъ успѣхомъ близкому родству съ сенсуалистической философіей, спеціальный скептицизмъ которой ими прежде всего и усвоивался. Напрасно, однако, творцы и послѣдователи этихъ системъ стараются увѣрить насъ, что они навсегда изгнали изъ философіи всякій догматизмъ: такое утвержденіе справедливо лишь настолько, насколько оно равносильно признанію сенсуалистическаго характера соотвѣтствующихъ доктринъ. Разсматривая идеализмъ и матеріализмъ какъ двѣ фазы монистической иллюзіи, побуждающей насъ искать всюду въ природѣ единую абсолютную истину,—разоблачая такой основной самообманъ нашего мышленія, эти доктрины, въ концѣ концовъ, успѣваютъ только установить новую иллюзію, состоящую въ замѣнѣ двухъ „предѣльныхъ понятій“ матеріализма и идеализма третьимъ „предѣльнымъ“ понятіемъ—„непознаваемымъ“. Но достигнувъ подобнаго результата, всякій скептицизмъ самъ неминуемо обращается въ сенсуалистическій догматизмъ.

Если догматизмъ и скептицизмъ являются скорѣе чертами, свойственными всѣмъ, безразлично, метафизическимъ ученіямъ, чѣмъ признаками, отличающими ту или другую группу философскихъ взглядовъ, то такое заключеніе еще въ большей мѣрѣ справедливо относительно м о н и з м а, который составляетъ конечную цѣль метафизики вообще. Многіе

современные мыслители—Шопенгауэръ, Штраусъ, Ланге и другіе—настолько послѣдовательны въ этомъ отношеніи, что даже отвергаютъ всякое принципіальное различіе между идеализмомъ и матеріализмомъ, усматривая въ этихъ двухъ крайнихъ направленіяхъ гипотетической философіи лишь двѣ родственныя, легко переходящія другъ въ друга формы монистической иллюзіи. Въ глазахъ этихъ мыслителей „монизмъ“ и „метафизика“ являются, очевидно, вполнѣ равнозначущими понятіями (42).

Монизму въ этомъ общемъ и неопредѣленномъ значеніи, дѣлающемъ изъ этого термина синонимъ метафизики, современная историко-философская критика обыкновенно и противополагаетъ „плюрализмъ“, или исторически болѣе часто встрѣчающуюся форму послѣдняго—„дуализмъ“.

Любопытно, однако, замѣтить, что при этомъ вовсе ускользаетъ отъ вниманія странное противорѣчіе, происходящее отъ небрежнаго обращенія съ терминами философскаго языка и заключающееся въ томъ, что дуалистическія системы одновременно признаются и отличающимися отъ монистическихъ по самому существу, и глубоко метафизическими, то есть, какъ мы видѣли выше, опять-таки монистическими! Что дуализмъ есть метафизика—ясно до очевидности; но что между нимъ и монизмомъ существуетъ какая-то непроходимая пропасть, какъ думаетъ большинство критиковъ прежней философіи и, въ томъ числѣ, даже такіе проницательные и трезвые мыслители, какъ Льюисъ и Ланге, [1]) въ этомъ позволительно сильно сомнѣваться.

Въ сферѣ капитальнѣйшаго вопроса всякой ме-

---

[1]) Lewes. History of philosophy, т. II, стр 312, и Lange Histoire du matérialisme, т. II, стр. 558.

тафизики, вопроса о первоначальномъ и конечномъ единствѣ явленій или о томъ, откуда все происходитъ и къ чему все сводится, дуализмъ играетъ такую же точно роль „временнаго и практически выгоднаго“ обобщенія, какую теорія „двойной истины“ играла въ области теологическихъ вопросовъ, нѣкогда горячо дебатировавшихся въ средѣ философовъ. Мыслители этого лагеря, хотя и раздѣляютъ явленія на двѣ категоріи, хотя и утверждаютъ, что двѣ сущности господствуютъ въ мірѣ, матерія и духъ, хотя, наконецъ, формально и отказываются отъ признаваемой ими слишкомъ смѣлою попытки свести одну изъ этихъ сущностей къ другой,—однако поступаютъ такимъ образомъ только для того, чтобы на время и какъ-нибудь разрѣшить основную задачу философіи, или даже не вполнѣ искренно, руководствуясь посторонними этой задачѣ соображеніями. Нарушая золотое правило схоластики—entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem,—сторонники двухъ началъ въ природѣ вводятъ совершенно напрасно и произвольно два фактора тамъ, гдѣ и матеріалисты, и сенсуалисты одинаково ясно и гораздо проще объясняютъ явленія однимъ разрядомъ причинъ. Но это составляетъ такой явный недостатокъ, такое очевидное условіе неравенства въ борьбѣ съ другими системами, что дуалистъ только рѣдко можетъ устоять противъ искушенія возвратиться къ монизму въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. противъ искушенія быть искреннимъ и строго-логическимъ.

За всякимъ дуалистомъ, поэтому, въ концѣ концовъ, скрывается или нерѣшительный матеріалистъ, или колеблющійся идеалистъ, или непослѣдовательный сенсуалистъ. Все прошедшее метафизики подтверждаетъ такой выводъ. Въ исторіи философіи дуали-

стическія системы часто всплывали наружу, подобно далеко видной пѣнѣ на гребняхъ высокихъ волнъ; но значеніе такихъ доктринъ было всегда крайне эфемерное: онѣ исчезали скоро и безслѣдно. Гораздо прочнѣе было ихъ вліянье въ первобытныхъ, низшихъ формахъ метафизики, или философіи незнанія; но и здѣсь большинство религій, какъ извѣстно, не остановилось въ своемъ развитіи на фетишизмѣ и политеизмѣ, а стремилось достигнуть высотъ монотеизма, т. е. того же монизма, ограниченнаго сферою теологическихъ понятій [1]) (43 и 44).

5. Число разновидностей главныхъ типовъ метафизики естественно возрастало по мѣрѣ развитія послѣдней и размноженія ея основныхъ концепговъ. Мало-по малу, такимъ образомъ, образовалась почва, на которой могли сходиться, вступать въ компромиссы, заключать союзы различныя, иногда прямо противоположныя философскія школы.

Смѣшанныя системы очень рано выступили на историческую сцену и скоро заняли на ней выдающееся мѣсто. Вопреки общепринятому мнѣнію, именно неуклонной вѣрностью своимъ исходнымъ точкамъ всего менѣе отличалось большинство и прежнихъ, и современныхъ философовъ [2]). Логическія силы ихъ тратились почти исключительно на выработку деталей, отдѣльныхъ положеній, частностей системъ; но поднимаясь въ область высшихъ обобщеній или послѣднихъ выводовъ изъ своихъ центральныхъ гипотезъ, тѣ же мыслители быстро теряли равновѣсіе. Атмосфера здѣсь была слишкомъ разрѣжена, окружающая пустота слишкомъ угне-

[1]) См. выше, главу вторую, стр 55.

[2]) См. выше, главу третью, стр 89—90.

тающаго свойства; отсутствіе непосредственной связи съ конкретною дѣйствительностью кидалось въ глаза, и бездоказательность руководящихъ предположеній становилась все болѣе и болѣе очевидною. Произволъ, однако, всегда родитъ произволъ, — и сознаніе произвольности исходныхъ точекъ побуждало къ произвольному же измѣненію ихъ, къ переходу отъ одной гипотезы къ другой, къ сочетанію воззрѣній, часто прямо исключавшихъ одно другое. На этой высотѣ не чувствовали ни малѣйшаго головокруженія однѣ бездарности метафизики, крѣпкіе лбы философіи; они не отступали ни передъ какими выводами, и въ виду самыхъ явныхъ нелѣпостей сохраняли олимпійское спокойствіе: за то никто болѣе ихъ не способствовалъ дискредитированію философіи въ глазахъ массы публики.

Итакъ, смѣшанныя системы рѣшительно преобладали въ прошедшемъ философіи. Мѣриломъ этого безсознательнаго эклектизма, этой непослѣдовательности въ сферѣ высшихъ отвлеченій и служатъ наши типы: они играютъ роль показателей степени неизбѣжнаго уклоненія различныхъ школъ отъ извѣстныхъ идеальныхъ нормъ,—и въ этомъ смыслѣ являются надежными путеводными нитями въ лабиринтѣ философскихъ воззрѣній. Съ помощью ихъ легко и безошибочно опредѣляется положеніе каждаго философа среди другихъ мыслителей, предшественниковъ и преемниковъ; но больше этого, конечно, нельзя и требовать пока отъ соціологической классификаціи.

Принявъ наши основные типы, развитіе философіи можно сравнить съ рядомъ колебательныхъ движеній вокругъ прямой линіи, которая изображала бы собою три извѣстныя нашимъ читателямъ ги-

потезы. Сравненіе это, графически резюмирующее исторію метафизики, приложимо, въ большей или меньшей мѣрѣ, ко всѣмъ системамъ: лучшимъ доказательствомъ тому служатъ имена Аристотеля, Декарта и Канта между идеалистами, Эпикура, Гоббса и ихъ новѣйшихъ послѣдователей между матеріалистами, наконецъ Бэкона, Локка, Юма и Кабаниса въ школѣ сенсуалистовъ.

Но это не все. Смѣшанныя системы, сочетанія самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія встрѣчаются теперь чаще, чѣмъ когда-либо. Философія духа особенно любитъ нынѣ, по выраженію Ланге, скрываться подъ формами философіи чувствъ, и наоборотъ, матеріализмъ нерѣдко свиваетъ себѣ гнѣздо въ самыхъ густыхъ дебряхъ идеализма. Слѣды матеріализма разсѣяны вездѣ; но идеалистическія точки зрѣнія проникаютъ всюду же: онѣ попадаются даже въ позитивизмѣ Ог. Конта и въ матеріализмѣ Фейербаха. Не менѣе многочисленны и компромиссы между матеріализмомъ и сенсуализмомъ, превращающіе первое изъ этихъ мировоззрѣній—укажемъ на ученія Бюхнера и Молешотта—въ философію, весьма сходную, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, съ позитивизмомъ, а въ другихъ—съ критицизмомъ Канта. Послѣднее ученіе, въ свою очередь, какъ видно на примѣрѣ многихъ неокантіанцевъ, все болѣе и болѣе стремится соединить въ одномъ зданіи разностильную архитектуру матеріализма, позитивизма и сенсуализма; философія эволюціи и „панмонизмъ“ нѣмецкихъ натуралистовъ увлечены тѣмъ же теченіемъ; въ современныхъ идеалистическихъ системахъ рѣшительно преобладаютъ сенсуалистическіе тезисы и т. д.

Однимъ словомъ, точно разграничить между собою три основныя направленія метафизической мы-

сли становится съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительно; незамѣтно, эти направленія все болѣе и болѣе переходятъ другъ въ друга. Но это обстоятельство, конечно, можетъ быть только помѣхой быстрому отысканію самаго существеннаго отличія ихъ въ прежнія эпохи: мы говоримъ о рѣшительно преобладающей во всѣхъ частяхъ системы общей гипотезы неорганическаго, органическаго или гиперорганическаго характера и происхожденія.

6. Въ заключеніе этой главы не лишнее будетъ указать на признаки, которые уже давно возвѣщаютъ неминуемое паденіе метафизики и наступленіе господства философіи наукъ. Симптомы эти самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ эклектическими и энциклопедическими стремленіями прежней философіи и встрѣчаются въ различныя эпохи и въ различныхъ системахъ,—но всего чаще у ближайшихъ къ намъ матеріалистовъ и сенсуалистовъ.

Конецъ XVII-го и начало XVIII-го вѣка раздѣляютъ въ этомъ отношеніи исторію философіи на двѣ неравныя и непохожія половины: въ первой, философскій эклектизмъ составляетъ еще исключеніе; во второй, онъ является уже общимъ правиломъ, придающимъ XVIII-му вѣку (и непосредственному продолженію его, первымъ десятилѣтіямъ XIX-го) характеръ великой подготовительной эпохи къ переживаемому нынѣ философскому кризису.

Вмѣстѣ съ развитіемъ спеціальныхъ наукъ и шагъ за шагомъ слѣдуя за ними, медленно зрѣло умственное движеніе, капля по каплѣ наполнялся всесильный потокъ, которому уже въ наши дни суждено было навсегда унести въ широкое

устье историческихъ воспоминаній главнѣйшія иллюзіи древней мысли. Въ этомъ поступательномъ движеніи выдающуюся роль игралъ великій рядъ эмпириковъ и скептиковъ, представителями котораго являются—то цѣлыя группы философовъ, какъ въ лучшія времена древней метафизики, въ эпоху Возрожденія, наконецъ въ два послѣднія столѣтія, то немногіе, отдѣльно-стоящіе мыслители, какъ въ періодъ упадка греко-римской цивилизаціи, въ средніе вѣка, въ короткія реакціонныя фазы нашего времени.

Во главѣ этого ряда должны быть поставлены: Аристотель, Бэконъ, Декартъ и Гоббсъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что, за исключеніемъ Гоббса, въ матеріализмѣ котораго всего менѣе обнаруживаются постороннія вліянія, всѣ эти философы были создателями смѣшанныхъ метафизическихъ системъ. Эти четыре имени принадлежатъ прямымъ предвозвѣстникамъ новѣйшаго преобразовательнаго движенія въ философіи. Въ этомъ насъ убѣждаетъ какъ общее всѣмъ имъ стремленіе слить философію съ специальными науками, такъ и тотъ фактъ, что трое изъ нихъ (Аристотель, Бэконъ и Гоббсъ) уже смутно чувствовали необходимость дополнить циклъ положительнаго знанія особою наукою объ обществѣ. Явившись великими для своей эпохи преобразователями частныхъ и общихъ методовъ въ различныхъ отрасляхъ положительнаго знанія, названные мыслители пытались обновить въ томъ же духѣ и обычные пріемы метафизики. Но это уже не удалось имъ, и не могло удаться потому, что они глубоко ошибались въ самой исходной точкѣ своей, въ предположеніи, что методы спеціальныхъ наукъ должны быть цѣликомъ перенесены въ

философію [1]). Усилія ихъ, однако, не пропали даромъ: труды ихъ несомнѣнно содѣйствовали болѣе правильной и раціональной постановкѣ всего вопроса о философскомъ методѣ.

Я уже имѣлъ случай говорить о значеніи Аристотеля и Бэкона въ исторіи успѣховъ общей методологіи: философы эти были настоящими создателями того, что впослѣдствіи получило названіе объективной философіи (44 bis). Дополню теперь сказанное мною по этому поводу нѣсколькими замѣчаніями относительно аналогичной роли Декарта и Гоббса.

О Декартѣ я говорю здѣсь только какъ объ авторѣ „Discours sur la méthode“ или о мыслителѣ, непослѣдовательность котораго позволила возвести его въ философскую величину перваго разряда и основателю позитивизма, и близорукимъ сторонникамъ разлагающагося идеализма нашихъ дней. Въ упомянутомъ сочиненіи, самомъ раннемъ плодѣ своего философскаго развитія, Декартъ является въ метафизикѣ почти матеріалистомъ, а въ научной методологіи—ученикомъ Бэкона. Въ чистой индукціи, въ процессѣ перехода отъ частнаго къ общему онъ видитъ настоящій ключъ къ объясненію явленій, а въ дедукціи только средство для практическаго приложенія добытыхъ первымъ путемъ результатовъ; въ ошибку Аристотеля—признаніе абсолютной достовѣрности такъ называемыхъ общихъ началъ—онъ впадаетъ уже позднѣе, когда его метафизика становится явно реакціонною и строго-идеалистическою. Но въ своемъ „Разсужденіи о методѣ“, по справедливому замѣчанію Ланге, Декартъ еще непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что

[1]) См. слѣд. главу, passim.

только опытъ обладаетъ настоящею доказательною силою; теорія ставится имъ впереди фактовъ лишь въ смыслѣ временной и подлежащей повѣркѣ гипотезы. Такой методъ, соединяя индукцію съ дедукціей въ порядкѣ, прямо противоположномъ рекомендуемому Бэкономъ, уже близко сходится съ пріемами, употребляемыми въ спеціальныхъ наукахъ, и въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше методовъ Аристотеля и самого Бэкона. Не менѣе вѣрно, однако, и то, что, допуская гипотетическія построенія въ области философіи, попытка Декарта по необходимости должна была оставаться безплодною или даже увѣнчаться отрицательными результатами.

Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и Гоббсъ, открыто принявшій въ этомъ спорѣ сторону Декарта противъ Бэкона. Его опредѣленіе философіи, надолго пріобрѣвшее право гражданства въ Англіи, окончательно сглаживало различіе, еще существовавшее, послѣ Бэкона, между понятіемъ о философіи и понятіемъ объ общей наукѣ. У Гоббса сама философія превращалась въ общее естествознаніе, имѣющее цѣлью предвидѣть послѣдствія основныхъ причинъ вещей и пользоваться такимъ предвидѣніемъ для потребностей практической жизни. Но если присоединить къ этому, во первыхъ, взглядъ Гоббса на метафизику древнихъ грековъ и средневѣковыхъ схоластиковъ, какъ на призракъ, „phantasma quoddam“, лишенный всякаго научнаго значенія; во вторыхъ, его борьбу противъ стремленія смѣшивать слова съ обозначаемыми ими предметами и, въ особенности, противъ олицетворенія глагола „быть“, въ которомъ онъ видитъ источникъ безчисленныхъ нелѣпостей метафизики; наконецъ, его попытку основать политическую философію или ввести и общественныя явленія въ кругъ научныхъ изслѣдованій

(45),—то нельзя не прійти къ заключенію, что матеріализмъ въ рукахъ Гоббса уже въ XVII-мъ столѣтіи получилъ довольно замѣтный позитивный, или научный характеръ.

7. Развитіе сенсуализма въ прошломъ столѣтіи въ Англіи и Франціи и великое матеріалистическое движеніе, охватившее въ ту же эпоху послѣднюю страну, дали новый и сильный толчокъ образованію и распространенію идей, которыя непосредственно привели философію къ ея нынѣшнему критическому положенію. Идеи эти встрѣчаются въ XVIII-мъ вѣкѣ у такого множества писателей, и излагаются ими такъ обстоятельно и подробно, что невольно возникаетъ вопросъ, что̀ же особенно новаго принесло съ собою въ этомъ отношеніи наше время, или въ чемъ заключается та смѣлая умственная иниціатива, которою такъ гордится современная эпоха? Дѣйствительно, внимательное изученіе господствовавшихъ въ прошломъ столѣтіи теченій мысли позволяетъ утверждать съ большою долею вѣроятности, что ближайшій къ намъ, или начинающійся сороковыми годами, періодъ только съумѣлъ искусно воспользоваться оставленными ему минувшимъ вѣкомъ богатствами, самъ не увеличивъ такого наслѣдства сколько-нибудь ощутительнымъ образомъ. Совершенно справедливо, конечно, что философы прошлаго столѣтія были, по большей части, неутомимыми сѣвцами, часто не знавшими, что̀ именно они сѣютъ, или что̀ пожнутъ слѣдующія за ними поколѣнія: эта неувѣренность въ результатѣ и эти сомнѣнія составляютъ общую трагическую черту въ умственной жизни великихъ мыслителей XVIII-го вѣка и главную причину, вызвавшую мимолетную, но энер-

гическую реакцію начала нынѣшняго столѣтія. Совершенно справедливо также, что подобная неизвѣстность передъ будущимъ уже не существуетъ въ наши дни: мы отлично знаемъ, въ чемъ заключается задача, поставленная себѣ современными школами; намъ извѣстно, что новѣйшія критическія системы преслѣдуютъ одну цѣль: окончательно расчистить мѣсто изъ-подъ развалинъ метафизики, для возведенія на немъ зданія научной философіи. Но все это нисколько не мѣшаетъ существованію между XVIII-мъ вѣкомъ и концемъ XIX-го прямой филіаціи, ярко выразившейся, между прочимъ, въ такихъ фактахъ, какъ шумное возвращеніе къ Канту въ Германіи, какъ поворотъ къ Юму, молча совершающійся на нашихъ глазахъ въ Англіи, или, наконецъ, какъ постоянныя заимствованія у Ог. Конта, этого непосредственнаго преемника великой плеяды французскихъ матеріалистовъ прошлаго вѣка. Всѣ оттѣнки современныхъ системъ группируются вокругъ этихъ мыслителей, которые уже прямо и выдаются за основателей научной философіи.

Такимъ образомъ устанавливается и открыто признается тѣсная связь, существующая между скептическимъ сенсуализмомъ, критицизмомъ, т. е. тѣмъ же сенсуализмомъ съ примѣсью идеализма, и позитивизмомъ, который служитъ соединительнымъ звеномъ между критическими стремленіями сенсуализма и скептическими элементами матеріализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что въ ближайшей къ намъ фазѣ развитія, какъ и въ болѣе отдаленныя эпохи, первые проблески философіи знанія нужно преимущественно искать въ смѣшанныхъ системахъ, въ которыхъ одновременно господ-

ствовали сенсуалистическія и матеріалистическія точки зрѣнія.

Положительныя, научныя стремленія существовали во всѣ періоды исторіи философіи; но въ XVIII-мъ столѣтіи, не переставая еще быть смутными и не вполнѣ сознанными, стремленія эти уже дѣлаютъ громадный шагъ впередъ къ окончательному своему уясненію. Одна черта, въ особенности, характеризуетъ это постепенное сближеніе философіи съ наукою, именно то, что положительныя и спеціальныя понятія, заимствованныя изъ частныхъ областей знанія, мало-по-малу вытѣсняютъ собою общія и отвлеченныя начала, не имѣющія прямаго отношенія къ даннымъ опыта.

Черта эта бросается въ глаза въ прошломъ столѣтіи, въ которомъ она становится отличительнымъ признакомъ нѣкоторыхъ системъ матеріализма и сенсуализма но преобладаніе научныхъ данныхъ было въ то время результатомъ чисто практическихъ соображеній: оно еще не было обосновано теоретически, оно не было возведено на степень принципа.

Великая заслуга Ог. Конта и его непосредственныхъ преемниковъ и состоитъ, главнымъ образомъ, въ систематизаціи этой роли науки, въ превращеніи элементарнаго и неяснаго позитивизма прошедшаго въ опредѣленный, сознательный позитивизмъ настоящаго (46).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

КЪ ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ФИЛОСОФІИ ПРОШЕДШАГО.

1. Отрицательныя стороны метафизики. — **2.** Односторонность точекъ исхода философскихъ построеній. — **3.** Медленный ходъ развитія прежней философіи. — **4.** Явленія „повторности". — **5.** Заблужденія въ области метода. — **6.** Смѣшеніе общаго съ частнымъ, абстрактнаго съ конкретнымъ, фиктивнаго съ реальнымъ Ложная постановка вопросовъ. Примѣры. Чистое мышленіе. — **7.** Объясненіе неизвѣстныхъ явленій. Иллюзія обыденнаго мышленія Химерическое сведеніе неизвѣстнаго къ извѣстному. — **8.** Реальная аналогія. Антропоморфизмъ. Обратное заблужденіе естествоиспытателей. — **9.** Дедуктивный и апріорный методы. Сходство ихъ и различіе. Метафизическое или не-критическое мышленіе — **10.** Методъ и теорія познанія. Основное единство метода во всѣхъ направленіяхъ метафизики — **11.** Свѣтлыя стороны въ прошедшемъ философіи. Вліяніе положительнаго знанія. Историческая необходимость метафизики. — **12.** Активъ и пассивъ метафизики. — **13.** Соціологическая роль метафизическихъ системъ, какъ критерій ихъ историко-философскаго значенія. — **14.** Эмпирическіе законы развитія метафизическихъ ученій и общій или теоретическій законъ эволюціи философской мысли. Философія, какъ сложная функція суммы знаній и другихъ условій данной цивилизаціи. Коренное различіе между метафизикою и научною философіею. — **15.** Современный философскій кризисъ. Два господствующихъ мнѣнія. Философія, какъ общее дополненіе частнаго знанія, и философія, какъ спеціальная наука объ общихъ концептахъ человѣческаго ума. Философія, какъ міропониманіе.

1. Въ каждой метафизической системѣ не трудно найти положительныя и отрицательныя стороны,

свѣтлыя и темныя точки, ученія, обращенныя къ будущему и такія, которыя только воскрешаютъ давно минувшее прошедшее.

Приступая къ характеристикѣ философіи прошедшаго, укажемъ сперва на отрицательныя стороны этой философіи. Послѣднія, по общему признанію, особенно многочисленны. Мы встрѣтимся здѣсь и съ полнымъ незнаніемъ истиннаго хода вещей въ природѣ, и съ крайнею односторонностью основныхъ объяснительныхъ гипотезъ, и съ постояннымъ возвращеніемъ къ однимъ и тѣмъ же заблужденіямъ, и съ индивидуальною, субъективною оцѣнкою теорій и фактовъ, и съ длиннымъ рядомъ грубыхъ ошибокъ въ области метода.

Незнаніе всякаго рода, какъ естественное послѣдствіе отсутствія точныхъ наблюденій въ обширныхъ областяхъ природы, составляло всегда отличительную черту метафизики. „Вѣра угольщика и ложная философія, говоритъ Ланге, одинаково объясняютъ неизвѣстныя явленія словами, за которыми скрывается цѣлый міръ призраковъ, фантастическій отблескъ нашего невѣжества“ [1]). Неудивительно, поэтому, что въ исторіи метафизическихъ системъ мы то и дѣло встрѣчаемся съ мыслителями, о которыхъ, въ видѣ высшей похвалы, можно лишь повторить мнѣніе Аристотеля объ Анаксагорѣ: „онъ является сознательнымъ, въ сравненіи съ неосмысленно разсуждающими предшественниками“ [1]).

Иные строгіе критики идутъ еще далѣе: они сравниваютъ метафизику съ „нулемъ“ въ математикѣ, обращеніе съ которымъ по правиламъ, установленнымъ для другихъ чиселъ, приводитъ, какъ извѣ-

---

1) Op. cit. т. II, стр. 312.

1) Goring System der Kritischen Phil. т. II, стр. 21.

стно, къ самымъ нелѣпымъ послѣдствіямъ. Подобно тому, объясняютъ они, какъ „нуль“ и „безконечность“ не суть, собственно говоря, числа, а только символическіе знаки, употребляемые при вычисленіяхъ, такъ и метафизическіе элементы не представляютъ, сами по себѣ, истины. Разсматриваемые же, какъ орудія или средства изслѣдованія, эти элементы могутъ оказать философіи извѣстныя услуги исключительно подъ условіемъ обращенія съ ними какъ съ „гипотезами“ въ такъ называемомъ „способѣ доказательства отъ противнаго“, основанномъ на аксіомѣ, что гипотетически возможное должно почитаться истиннымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой нельзя отвергнуть его, не впадая въ очевидныя противорѣчія.

Другіе критики утверждаютъ, что въ основѣ всякаго метафизическаго построенія лежитъ завѣдомая иллюзія, и что значеніе метафизическихъ системъ, подобно значенію религій, зависитъ исключительно отъ общественной роли ихъ, отъ временно выполняемой ими соціологической функціи. Наконецъ, существуетъ еще мнѣніе, по которому вся прежняя философія есть не что́ иное, какъ ложно направленное и потому не достигающее цѣли искусство; въ этомъ отношеніи особенною искренностью отличается новѣйшая критическая школа, прямо зачисляющая метафизику въ область эстетики— заблужденіе, къ которому намъ прійдется еще вернуться въ другой части настоящаго труда. Только какъ отрасль искусства можетъ и должна, по этому взгляду, быть сохранена прежняя теоретическая философія, радикальная безплодность которой на почвѣ реальнаго знанія составляетъ, будто-бы, необходимое свойство всякой философіи вообще. Очищая эмпирическій міръ отъ случайныхъ элементовъ и

получая въ результатѣ идеальные формы и образы, возводимые на степень дѣйствительныхъ причинъ наблюдаемыхъ явленій, философы поступаютъ какъ художники, а не такъ, какъ естествоиспытатели: подобно первымъ, поэтому, они должны навсегда отказаться отъ цѣлей, преслѣдуемыхъ вторыми. Но если въ этихъ и аналогичныхъ съ ними воззрѣніяхъ еще можно — впрочемъ, съ большою разборчивостью и осторожностью—искать о п и с а н і я того, чѣмъ была философія въ прошедшемъ, то въ нихъ, къ сожалѣнію, уже никакъ нельзя надѣяться найти сколько-нибудь яснаго опредѣленія задачъ, къ разрѣшенію которыхъ она должна стремиться въ настоящемъ.

2. Другую основную и рѣзко бросающуюся въ глаза черту философскихъ ученій прошедшаго составляетъ крайняя односторонность ихъ точекъ исхода, или тѣхъ гипотетическихъ положеній, на которыхъ построены всѣ ихъ выводы. Нельзя создать метафизической системы, не принеся съ этою цѣлью болѣе или менѣе тяжелой логической жертвы: пантеистъ жертвуетъ множествомъ единству, атомистъ единствомъ множеству, идеалистъ матеріей духу, матеріалистъ идеей матеріи и т. п. Но объ этомъ коренномъ свойствѣ всякой метафизики намъ уже не разъ приходилось подробно говорить въ предшествовавшихъ главахъ.

3. Еще другую особенность прежней философіи мы видимъ въ ея неподвижности или, вѣрнѣе, въ сравнительно медленномъ ходѣ ея развитія.

Вѣскія историческія свидѣтельства могутъ быть приведены и въ доказательство гегелевской теоріи развитія посредствомъ ряда противоположныхъ состояній, и въ подтвержденіе спенсеровскаго закона

ритмическихъ движеній, и за объясненія Ланге о необходимой смѣнѣ періодовъ расцвѣта и силы эпохами упадка и слабости, и, наконецъ, въ пользу обычныхъ взглядовъ современныхъ соціологовъ на прерываемую правильными реакціями „поступательность“ общественнаго движенія. Всѣ эти теоріи имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же соціологическій фактъ и, въ сущности, вполнѣ сходятся въ его изображеніи, но онѣ не объясняютъ самого факта, а только описываютъ его внѣшніе признаки. Такое объясненіе есть, очевидно, дѣло будущей соціологіи, и мы пока должны довольствоваться простымъ признаніемъ, что то же явленіе обнаруживается и въ общемъ ходѣ развитія метафизическихъ ученій въ полной мѣрѣ.

Но подобное признаніе, само собою разумѣется, не должно побуждать насъ закрывать глаза и на другой фактъ, который, въ занимающей насъ спеціальной области исторіи, постоянно сопровождаетъ первый и также еще ждетъ научнаго объясненія именно на фактъ, что въ развитіи метафизики поступательные періоды и реакціонныя фазы никогда особенно рѣзко не отличались другъ отъ друга.

Прогрессъ въ философіи, говоря вообще, состоялъ исключительно въ усовершенствованіи деталей, частностей системъ, или въ подновленіи старыхъ вопросовъ при помощи новыхъ научныхъ данныхъ. Смотря на вещи съ этой точки зрѣнія, можно даже, какъ это и дѣлаетъ, напримѣръ, Дюрингъ, видѣть въ „постепенномъ упадкѣ“ спекуляціи настоящій ключъ къ уразумѣнію всего хода развитія метафизики Такой взглядъ не особенно противорѣчитъ общей теоріи соціальнаго прогресса, такъ какъ объясненіемъ Дюринга, въ сущности, устанавливается лишь то, что въ области философскихъ обоб-

щеній измѣненія совершаются въ громадные промежутки времени. Помимо астрономіи и геологіи, которыя представляютъ множество образчиковъ подобнаго же постоянства, и соціологія изобилуетъ одинаковыми явленіями. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на медленность экономическихъ измѣненій въ сравненіи съ политическими, на необыкновенную долговѣчность многихъ разрядовъ умственныхъ и нравственныхъ заблужденій, на массу соціальныхъ фактовъ, доказывающихъ силу и распространенность въ общественной средѣ явленій такъ-называемаго переживанія. Всюду въ общественномъ организмѣ происходятъ измѣненія, и процессъ этотъ не останавливается ни на одну минуту; но измѣненія эти совершаются, во первыхъ, чрезвычайно медленно и, во вторыхъ, въ такой области, гдѣ мы ихъ не ищемъ, куда не устремлены наши взоры, гдѣ-то на невозмутимой глубинѣ явленій, а не на рябящейся поверхности ихъ. Въ занимающемъ насъ случаѣ, такою неподозрѣваемою многими, а другими прямо отвергаемою областью была положительная наука. Здѣсь, незамѣтно для всѣхъ, мало-по-малу собирался и предварительно разрабатывался самый цѣнный матеріалъ философскихъ построеній; здѣсь брали свое начало общія гипотезы философіи и здѣсь же, въ предѣлахъ спеціальнаго знанія, обнаруживалась ихъ конечная несостоятельность (47).

Сходный процессъ происходилъ и въ сферѣ частныхъ наукъ. Развитіе ихъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ и существенныхъ своихъ моментахъ, совершалось далеко не всецѣло тамъ, гдѣ мы исключительно привыкли искать его проявленій, и гдѣ періоды видимаго расцвѣта той или другой спеціальности смѣнялись періодами ея кажущагося

упадка. Многіе факторы и причины этой эволюціи лежали глубже, въ сферѣ непосредственно предшествующихъ или низшихъ наукъ. Физика развилась главнымъ образомъ благодаря успѣхамъ математическихъ изслѣдованій, химія—благодаря физическому знанію; ростъ біологіи вполнѣ зависѣлъ отъ степени совершенства химическихъ теорій; наконецъ, соціологическія и психо-физическія открытія замедляются нынѣ низкимъ уровнемъ біологическихъ знаній. Установленіе этого замѣчательнаго закона развитія составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ главныхъ заслугъ позитивной школы.

4. Исторія философіи изобилуетъ явленіями „повторности". Мы называемъ такъ возвращеніе на историческую сцену, чрезъ болѣе или менѣе долгіе промежутки времени, однихъ и тѣхъ же руководящихъ мнѣній, теорій, способовъ объясненія, наконецъ, цѣлыхъ законченныхъ міровоззрѣній. Лѣтописи метафизики переполнены этими воспроизведеніями прежнихъ заблужденій, этими возрожденіями забытыхъ системъ, этими внезапными возвращеніями къ прошедшему, казавшемуся навсегда похороненнымъ. За примѣрами далеко ходить нечего: они встрѣчаются на каждомъ шагу. Мы уже видѣли, что вся разница между философіею древняго міра и современною сводится къ качеству и количеству научнаго матеріала, которымъ располагали философы той и другой эпохи. Новѣйшія времена имѣютъ своихъ убѣжденныхъ послѣдователей Аристотеля; чрезъ всю исторію философіи проходитъ лежащая въ основѣ платонизма грубая иллюзія, въ силу которой единичное и конкретное выводится изъ общаго и абстрактнаго; теорія и практика двойной истины передается древними философами средневѣковымъ,

а отъ нихъ унаслѣдовывается и современными мыслителями. Философіей воли и разума, споромъ о господствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ группъ психическихъ фактовъ исчерпывается психологія какъ древняго міра и средневѣковой схоластики, такъ и наиболѣе близкой къ намъ эпохи (48). Софистика грековъ возрождается съ новымъ блескомъ въ современномъ философскомъ критицизмѣ (49). Исторія концепта причинности и нѣкоторыхъ другихъ доказываетъ, что мы до сихъ поръ, сами того не подозрѣвая, живемъ результатами древней философіи. Акаталепсизмъ греческихъ философовъ воскресаетъ въ современномъ агностицизмѣ, подобно тому, какъ стоицизмъ воскресъ въ шотландской философіи здраваго смысла и т. д. Словомъ, возвращеніе къ прошедшему наблюдается во всѣ эпохи и весьма часто не составляетъ еще, само по себѣ, реакціоннаго явленія, а, наоборотъ, соединено съ несомнѣнными признаками поступательнаго движенія. Такое значеніе имѣетъ, напримѣръ, возвратъ къ Юму и Канту въ XIX-мъ столѣтіи или къ Аристотелю во времена Лейбница и Вольфа.

Но „повторность“ подобнаго рода несомнѣнно доказываетъ, что эволюція философскихъ ученій была до сихъ поръ подчинена условіямъ, сближавшимъ ее съ развитіемъ отраслей знанія, для которыхъ еще не наступила эра научности и которыя, по этой причинѣ, прогрессировали крайне неправильно и въ высшей степени медленно. Совершенно иначе, какъ извѣстно, въ смыслѣ строгой послѣдовательности и быстроты успѣховъ, росли и умножались отрасли знанія, занявшія прочное мѣсто въ ряду точныхъ наукъ, и къ этому первообразу развитія стремится уже и зарождающаяся, на нашихъ глазахъ, научная философія (50).

Отсюда видно, насколько вѣрно обычное мнѣніе, приписывающее метафизикѣ значеніе безконечной Сизифовой работы, или ряда индивидуальныхъ попытокъ, лишенныхъ преемственной связи. Непрерывность изслѣдованія, обращеніе добытыхъ предшественниками результатовъ въ исходную точку собственныхъ открытій составляетъ отличительный признакъ научнаго типа развитія, до котораго еще никогда не возвышались итоги знанія, называемые философскими воззрѣніями, и не возвышались потому, что они въ значительной степени были лишь итогами незнанія. Каждый отдѣльный мыслитель былъ роковымъ образомъ осужденъ на „начатіе сызнова“, на перерѣшеніе всѣхъ задачъ философіи. Это до такой степени справедливо, что, по единодушному свидѣтельству лучшихъ историковъ метафизики, самыя замѣчательныя системы имѣли вполнѣ вѣрныхъ представителей только въ лицѣ собственныхъ основателей.

5. Переходимъ къ наиболѣе важной и интересной группѣ заблужденій, въ которыя постоянно впадала прежняя философія, къ ошибкамъ въ области метода.

Распространенію заблужденій этого рода всего болѣе содѣйствовали несовершенства и пробѣлы положительнаго знанія. Послѣдніе были главнымъ и самымъ обильнымъ источникомъ, питавшимъ метафизическое мышленіе. Методологическія ошибки имѣли, съ этой точки зрѣнія, уже только второстепенное значеніе; онѣ были результатомъ болѣе общей причины, и потому въ истинномъ генезисѣ метафизической мысли играли роль вспомогательныхъ, побочныхъ факторовъ.

Но не таково было значеніе ихъ во внѣшней исторіи метафизическихъ системъ. Здѣсь, при безпрестанной смѣнѣ однихъ міропостроеній другими, ложные методологическіе пріемы отдѣльныхъ философовъ и цѣлыхъ школъ стояли всегда на первомъ планѣ, являлись условіями возникновенія новыхъ ученій, заслонявшими собою все остальное. Переходъ отъ одной крайности къ другой и возвращеніе къ однѣмъ и тѣмъ же противоположнымъ точкамъ зрѣнія, такъ рѣзко отличающіе развитіе философіи отъ развитія науки, могутъ быть ближайшимъ образомъ объяснены только уклоненіемъ обычныхъ пріемовъ философіи отъ способовъ изслѣдованія, усвоенныхъ себѣ положительнымъ знаніемъ.

Корни ошибокъ въ умственной сферѣ—помимо ошибокъ чисто случайныхъ, и потому легко исправимыхъ—всегда кроются въ смѣшеніи, въ недостаточномъ или произвольномъ различеніи признаковъ, свойственныхъ тѣмъ или другимъ группамъ предметовъ и отношеній. Такой характеръ носятъ и главнѣйшія заблужденія философовъ въ области метода. Заблужденія эти были долгое время неизбѣжны: ни личныя усилія, ни стремленія цѣлыхъ школъ, какъ это поразительно доказываетъ примѣръ такъ-называемой экспериментальной или индуктивной философіи, не могли побороть препятствій, лежавшихъ на пути примѣненія точныхъ методовъ науки къ философскимъ спекуляціямъ.

Фактъ этотъ объясняется очень просто. Философскія изслѣдованія обнимаютъ всѣ разряды явленій; но пока нѣкоторые изъ этихъ разрядовъ не были еще включены въ циклъ положительнаго знанія, т. е. пока научный методъ не былъ приложенъ ко всей совокупности спеціальныхъ наукъ, онъ не

могъ проникнуть въ сферу общаго объясненія явленій, необходимо основаннаго на спеціальномъ. Между тѣмъ, научный методъ, научные способы открытія и доказательства тѣмъ и отличаются отъ пріемовъ ненаучнаго мышленія, что въ нихъ возможность смѣшенія, о которомъ мы сейчасъ говорили, доведена, искусными и частью искусственными предосторожностями, до минимума, до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ.

Исходя отсюда, методологическія погрѣшности метафизики можно раздѣлить на двѣ главныя категоріи: на ложныя понятія, имѣвшія своимъ источникомъ смѣшеніе общаго съ частнымъ, абстрактнаго съ конкретнымъ, фиктивнаго съ реальнымъ, и на ошибки, проистекавшія изъ недостаточнаго или невѣрнаго различенія между извѣстными и неизвѣстными явленіями.

Разсмотримъ же послѣдовательно эти двѣ группы заблужденій.

6. Смѣшеніе общаго понятія—т. е. вспомогательнаго средства, употребляемаго научнымъ мышленіемъ для сокращеннаго обозначенія громаднаго числа реальныхъ предметовъ и отношеній—съ представленіемъ—т. е. съ дѣйствительнымъ матеріаломъ или объектомъ всякаго знанія,—другими словами, смѣшеніе средства съ цѣлью, встрѣчается на каждомъ шагу въ исторіи философіи. Другую форму того же заблужденія составляло недостаточно твердое и ясное разграниченіе абстрактнаго и конкретнаго.

За фактами, изслѣдуемыми наукою, для философіи, какъ и для обыденнаго мышленія, скрывалось еще нѣчто болѣе реальное и важное, чѣмъ эти факты: матеріальныя и духовныя сущности, основныя

свойства и силы, словомъ все то, что умъ человѣка противополагалъ явленіямъ, или простымъ акцидентамъ, какъ субстанцію, какъ настоящую, непреложную дѣйствительность. Отысканію и ближайшему опредѣленію этой дѣйствительности, отъ которой, наученныя опытомъ, весьма рано отвернулись наиболѣе зрѣлыя отрасли знанія, и посвятила себя почти исключительно философія. Смѣшеніе общаго съ частнымъ, отвлеченнаго съ конкретнымъ, фиктивнаго съ дѣйствительнымъ, способа обозначенія съ обозначаемою вещью, было здѣсь полное, очевидное. Отдѣльные мыслители, а впослѣдствіи и цѣлыя школы философовъ хорошо сознавали это; но они могли только указать на зло, они не могли его исправить. Увлекаемые силою вещей, они на самомъ дѣлѣ безпрестанно впадали въ заблужденія, противъ которыхъ возставали въ теоріи.

Извѣстна склонность прежнихъ философовъ къ возбужденію вопросовъ праздныхъ или такихъ, которымъ ихъ ложная постановка только и могла временно придать какое-либо значеніе. Но и это обычное явленіе было простымъ результатомъ той же крупной методологической ошибки.

Вопросы въ родѣ того, который казался столь грознымъ Даламберу: „Почему существуетъ что-либо?“ или того, который признавался не менѣе важнымъ и труднымъ другими мыслителями: „Почему существующее есть множество, а не единство?“ являются неразрѣшимыми задачами только потому, что въ нихъ не заключается ни одного элемента, который давалъ бы право считать ихъ дѣйствительными задачами (51), что они не содержатъ въ себѣ, строго говоря, никакой неизвѣстной, искомой величины, а всецѣло основаны на ошибочномъ перенесеніи на общія понятія или высшія

отвлеченія ума нѣкоторыхъ признаковъ, принадлежащихъ исключительно единичнымъ представленіямъ нашимъ о конкретныхъ явленіяхъ. Въ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ, вопросы о причинѣ существованія міра и о причинѣ множественности явленій неразрѣшимы потому, что міръ и множественность суть отвлеченія ума, имѣющія весьма сложное психологическое, а не простое физическое существованіе, какъ это неправильно предполагается самою постановкою этихъ вопросовъ. Какая причина производитъ тотъ или другой конкретный фактъ, то или другое, непосредственно воспринимаемое нашими чувствами явленіе,—такая задача, которая, кстати сказать, никому не покажется особенно грозною, постоянно возбуждается цѣлымъ рядомъ наукъ и, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, ежедневно разрѣшается каждою изъ нихъ. Но не иначе, какъ бы странно это ни казалось съ перваго взгляда, долженъ быть поставленъ и вопросъ о причинахъ существованія міра, приводящій къ безвыходной путаницѣ представленій во всякой другой области знанія, кромѣ психологіи, которая одна можетъ изслѣдовать міръ какъ общее понятіе, возникающее въ человѣческомъ мозгу при извѣстныхъ условіяхъ. И только этотъ спеціальный отвѣтъ психологіи можетъ имѣть цѣну для научной философіи, можетъ служить точкою исхода для дальнѣйшихъ ея обобщеній.

Но не такъ смотрѣла на вещи метафизика. Смѣшивая абстрактное съ конкретнымъ уже въ сферѣ элементарнаго знанія и пониманія, она, именно по этой причинѣ, обыкновенно не шла далѣе этой сферы, въ которой, въ ущербъ фактамъ, отводила огромное мѣсто логическимъ упражненіямъ, или такъ-называемому чистому мышленію. Послѣд-

нее обстоятельство, какъ извѣстно, очень характерно для всей прежней философіи. Усматривая въ логикѣ не только „общее“ средство познаванія, знакомство съ которымъ, какъ училъ еще Аристотель [1]), необходимо для занятія философіей, но и „спеціальную“ основу послѣдней, цѣликомъ входящую въ составъ ея, метафизика, очевидно, только впадала въ обычную свою ошибку, только смѣшивала общее съ частнымъ, методъ знанія съ самимъ знаніемъ. Это основное заблужденіе, въ болѣе или менѣе осязательной формѣ, давало себя чувствовать всюду въ прежней философіи: смѣшеніе вообще и, въ особенности, смѣшеніе общаго и простого съ частнымъ и сложнымъ, было, по-истинѣ, живою душою метафизики. Это такъ вѣрно, что тою же ошибкою можно отчасти объяснить и необходимое распаденіе метафизики на три одинаково односторонніе направленія. Дѣйствительно, сводя психическіе факты къ физическимъ свойствамъ матеріи и наоборотъ, философскія гипотезы грубо нарушали границы, установленныя научнымъ опытомъ между различными областями явленій или, другими словами, были основаны на постоянномъ смѣшеніи задачъ болѣе общаго и болѣе спеціальнаго знанія.

7. Вторымъ главнымъ источникомъ многочисленныхъ самообмановъ философской мысли былъ очень рано усвоенный себѣ метафизикою способъ объясненія неизвѣстныхъ явленій.

Способъ этотъ былъ чуждъ тѣхъ обезпеченій или предосторожностей, которыми окружаетъ себя научное изслѣдованіе, и близко сходился съ путемъ,

---

1) Metaph., IV, 3.

избираемымъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновеннымъ или невооруженнымъ научными методами мышленіемъ. Для послѣдняго понять какой-либо фактъ, объяснить его, найти его причину, по большей части значитъ какъ можно тѣснѣе сблизить его съ извѣстнымъ уже явленіемъ, открыть въ томъ и другомъ общіе элементы или, какъ обыкновенно выражаются, свести неизвѣстное явленіе къ извѣстному. Съ виду довольно раціональный, путь этотъ, однако, представляетъ опасность, которую очень трудно и замѣтить, и избѣгнуть.

Дѣло въ томъ, что обыденное мышленіе считаетъ вполнѣ извѣстнымъ и потому вполнѣ понятнымъ и не нуждающимся въ дальнѣйшемъ объясненіи, во-первыхъ, все часто воспринимаемое нашими чувствами или безпрестанно бросающееся намъ въ глаза и, во-вторыхъ, постоянно употребляемыя понятія и слова, на которыя умъ нашъ, повинуясь закону ассоціаціи идей, невольно переноситъ свойства самихъ явленій и къ которымъ мало-по-малу привыкаетъ, какъ къ чему-то реальному и хорошо знакомому. Вотъ причина, вслѣдствіе которой недисциплинированная научными методами мысль постоянно подвергается искушенію свести неизвѣстныя явленія къ такимъ, которыя только кажутся извѣстными, хотя, въ сущности, явленія эти ни мало не обслѣдованы и часто даже не способны вызвать въ умѣ сколько-нибудь ясныя представленія. Но такое же недостаточно критическое отношеніе къ признакамъ, дифференцирующимъ первый разрядъ явленій отъ втораго, обнаруживала всегда и та разновидность ненаучнаго мышленія, которая называется метафизикою и которая нерѣдко успѣвала свить себѣ прочное гнѣздо даже въ положительныхъ наукахъ.

Безсилію нашего ума воспротивиться указанному выше смѣшенію обязаны своимъ началомъ самыя странныя религіозныя и метафизическія объясненія. Исторія религій, метафизическихъ системъ, научныхъ доктринъ и ежедневный опытъ наполнены примѣрами такихъ воображаемыхъ объясненій, такого сведенія „менѣе привычнаго неизвѣстнаго“ къ болѣе „привычному“, единственно по этой причинѣ принимаемому за то, чѣмъ оно никогда не было—за „извѣстное“. „Каждая эпоха, говоритъ Герингъ, имѣетъ свои излюбленныя причины, изъ которыхъ все и выводится, не взирая на объективную связь явленій, такъ какъ примѣры или факты противоположнаго характера, познаваемые опытнымъ путемъ, оказываются уже не въ состояніи побороть разъ навсегда прочно укоренившуюся въ умѣ связь или ассоціацію идей“ [1]).

8. Въ фиктивныхъ объясненіяхъ метафизики, главнымъ и послѣднимъ логическимъ доказательствомъ служила аналогія, то-есть самая измѣнчивая и случайная форма ассоціаціи идей. Въ другомъ мѣстѣ [2]), я уже имѣлъ случай подробно разсмотрѣть присущіе этому способу изслѣдованія важные недостатки; я въ особенности настаивалъ на несостоятельности такъ-называемой реальной аналогіи, устанавливающей отношенія сходства или тожества между явленіями, принадлежащими къ различнымъ научнымъ разрядамъ. Но именно этотъ видъ аналогическаго метода и находилъ себѣ всегда самое обширное примѣненіе въ метафизическихъ спекуляціяхъ о сущности и конечномъ единствѣ мира.

---

1) System der krit. Phil., II т. стр. 231.

2) Соціологія, въ главѣ о реальной аналогіи.

Обманчивый свѣтъ, проливаемый реальною аналогіею на отношенія между явленіями, имѣющими различную степень сложности, увлекъ философію на скользкій путь антропоморфизма, или привычнаго, безсознательнаго перенесенія функцій человѣческаго организма на естественные процессы и законы. Это вторженіе субъекта въ область объекта было самымъ тяжкимъ грѣхомъ философіи прошедшаго,—заблужденіемъ, которое съ невѣжественною толпою раздѣляли и властные выразители ея генія, одинокіе мыслители и ученые. Но не надо забывать, что антропоморфизмъ былъ только проявленіемъ общей наклонности нашего ума объяснять „неизвѣстное“ посредствомъ „привычнаго“,—или формою, которую эта наклонность должна была необходимо принять въ эпоху грубаго незнанія внѣшняго міра и мнимаго знанія человѣка. Это настолько вѣрно, что теперь, когда, послѣ всѣхъ успѣховъ естествознанія, вѣсы наклонились въ другую сторону, и въ болѣе образованные классы проникло, наконецъ, убѣжденіе, что сложные жизненные, психическіе и общественные процессы извѣстны намъ несравненно менѣе, чѣмъ простые физическіе и химическіе, то же заблужденіе уже грозитъ принять какъ разъ обратную форму и реальная аналогія устремляется въ противоположную сторону, не отъ человѣка къ внѣшнему міру, а отъ внѣшняго міра къ человѣку (52).

9. Тою же иллюзіею, въ которую такъ легко впадаетъ неконтролируемая научными методами мысль, объясняется не только предпочтеніе, всегда отдававшееся большинствомъ метафизиковъ силлогизму и чисто дедуктивнымъ пріемамъ передъ индуктивными, но и вѣковое господство апріорнаго метода.

Впрочемъ, взятое само по себѣ, преобладаніе въ философіи методовъ доказательства надъ методами открытія еще не было большимъ зломъ. Прямо пагубно такое преобладаніе было только въ точныхъ наукахъ. Но въ эпоху младенчества послѣднихъ, философія, очевидно, еще не могла довольствоваться ролью общаго показателя итоговъ человѣческаго знанія. Это и было главною причиною, вслѣдствіе которой метафизика постоянно стремилась расширить законные предѣлы дедуктивнаго метода, постоянно старалась изъ общаго всѣмъ наукамъ способа повѣрки и доказательства обратить его въ спеціально-философскій методъ открытія. Изъ этого извращенія истиннаго характера дедуктивныхъ пріемовъ и возникъ или, вѣрнѣе, этимъ самымъ извращеніемъ и былъ методъ a priori, которому метафизика обязана всѣми мнимыми завоеваніями своими въ области неизвѣстнаго.

Ставя простые и часто безсодержательные концепты ума во главѣ своихъ дедукцій, какъ нѣчто общее и абсолютное, т. е., въ сущности, болѣе и лучше извѣстное, чѣмъ относительныя истины науки, метафизика съ помощью апріорнаго метода легко затѣмъ выводила изъ этихъ концептовъ или, что̀ тоже, сводила къ нимъ, какъ извѣстныя, такъ и неизвѣстныя явленія. Но естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что отправляясь, подобно наукѣ, отъ реальнаго міра, какъ точки исхода, метафизика, по большей части, достигала только несуществующаго или, говоря словами одного изъ новѣйшихъ ея историковъ [1]), ничего не создавала, кромѣ „синонимовъ небытія“.

---

1) Lefèvre: La Renaissance du matérialisme. Paris. 1881 стр 417 и 419.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но между заблужденіями метафизики и пріемами такъ-называемаго обыденнаго мышленія, свойственнаго огромному большинству людей, всѣмъ научно некультивированнымъ умамъ, не трудно, повторяемъ, подмѣтить близкое родство, доходящее иногда до полнаго тожества. Аналогія эта, которая до послѣдняго времени никѣмъ не признавалась, начинаетъ по-немногу выясняться: становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что прежніе философы, отрѣзанные, силою историческихъ условій развитія, отъ научныхъ путей, не имѣли другого выхода, помимо обращенія къ пріемамъ обыденнаго мышленія. Въ этомъ результатѣ современной критики особенно любопытно то, что онъ былъ достигнутъ благодаря усиліямъ той самой школы, которая всегда громче другихъ упрекала въ обыденности или некритичности мышленія наиболѣе близко стоящихъ къ научнымъ методамъ философовъ: позитивистовъ и новѣйшихъ матеріалистовъ (53).

10. Наконецъ, для характеристики прежней философіи не лишенъ значенія и выводъ, прямо вытекающій изъ всего сказаннаго выше и касающійся основного единства метода во всѣхъ метафизическихъ системахъ. Если метафизику, какъ мы видѣли, и можно раздѣлить на три направленія—по преобладающему въ каждомъ изъ нихъ роду незнанія,— то едва ли подобное или какое-либо другое начало дѣленія приложимо къ методологическимъ пріемамъ прежнихъ философовъ. Строго отдѣляя научную дѣятельность мыслителей отъ чисто философской, нельзя не прійти къ убѣжденію, что у всѣхъ школъ былъ всегда одинъ методъ, что всѣ шли по одному ложному пути, необходимо впадая въ однѣ и тѣ же психологическія или субъективныя иллюзіи.

Мы, конечно, говоримъ о методѣ, дѣйствительно употреблявшемся философами, а не объ ихъ теоріяхъ познаванія, которыя у различныхъ школъ значительно отличались другъ отъ друга; но теорія познаванія и методъ—двѣ вещи, которыя отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать между собою. Первая изучаетъ общія условія знанія исключительно съ психологической точки зрѣнія; а потому разсматривать ее какъ спеціальную методологію философіи было бы такимъ же заблужденіемъ, не болѣе и не менѣе, какъ видѣть въ ней спеціальную методологію той или другой частной науки. Въ эту ошибку, однако, философы впадали весьма часто, преимущественно въ школахъ сенсуализма и идеализма; но такое смѣшеніе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вся исторія метафизики, не имѣло практическихъ послѣдствій; оно оставалось безъ прямого вліянія на методологическіе пріемы мыслителей.

Итакъ, близкое родство между различными направленіями метафизики обнаруживалось всего ярче въ области метода. Общность способовъ изслѣдованія была самымъ крѣпкимъ звеномъ, соединявшимъ всѣ системы прежней философіи въ одну большую метафизическую группу. Общность конечной цѣли, къ которой стремились эти системы и которая состояла въ достиженіи единаго и стройнаго объясненія міра, была уже связью болѣе слабою и неопредѣленною, охватывавшею, сверхъ метафизики, и всѣ другія, болѣе раннія, или еще чисто религіозныя, и болѣе поздніе, или уже научно-философскія проявленія отвлеченной мысли.

Апріорный методъ являлся всегда самымъ устойчивымъ элементомъ философскихъ ученій, главнымъ и часто единственнымъ началомъ, еще охранявшимъ метафизику отъ угрожавшаго ей, по време-

намъ, вторженія въ ея предѣлы научныхъ понятій. Но эта неизмѣнность метода имѣла естественнымъ послѣдствіемъ установленіе прямого соотношенія между блескомъ или могуществомъ генія отдѣльныхъ философовъ и глубиною заблужденій, въ которыя они впадали; ибо, какъ справедливо замѣтилъ еще Бэконъ: „хромой по вѣрной дорогѣ опережаетъ скорохода, идущаго неизвѣданными, окольными путями; и очевидно, что чѣмъ искуснѣе будетъ послѣдній, тѣмъ скорѣе онъ окончательно заблудится“ [1]).

11. Согласно обѣщанію нашему въ началѣ настоящей главы, обратимся теперь отъ темныхъ къ свѣтлымъ сторонамъ въ прошедшемъ философіи. Стороны эти немногочисленны, и указаніе на нихъ не долго задержитъ насъ.

Философія прошедшаго была вѣрнымъ отголоскомъ не только царившаго вокругъ нея общаго невѣдѣнія, но и тѣхъ начатковъ и отрывковъ знанія, которые уже тогда придавали глубокое значеніе человѣческому существованію, возвышая человѣка надъ остальною природою и помогая ему въ трудной борьбѣ съ естественными силами, враждебными его личному счастію или коллективному благополучію. И надо быть справедливымъ, философія всегда, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, гораздо охотнѣе прислушивалась къ ясной, спокойной рѣчи зарождавшейся науки, чѣмъ къ темному, мистическому языку религій и другихъ формъ фантастическаго объясненія природы. Вина философіи, если можно назвать виною необходимое условіе существованія, состояла лишь въ

[1]) Nov. Org, I, 61.

томъ, что она вмѣщала въ себѣ оба элемента, что она старалась соединить и, въ наиболѣе замѣчательныхъ своихъ системахъ, стройно, иногда даже удивительно стройно и искусно соединяла мечту и дѣйствительность, произвольныя гипотезы незнанія и точные результаты науки. И несчастіе метафизики, если этотъ антропоморфный терминъ можетъ быть приложенъ къ естественному предшествованію, къ необходимому прохожденію низшей фазы развитія, заключалось лишь въ томъ, что въ эпоху ея процвѣтанія сила и значеніе одного элемента еще превышали силу и значеніе другого, мечта держала еще въ крѣпкомъ плѣну дѣйствительность, громадный итогъ гадательныхъ предположеній поглощалъ собою небольшую сумму результатовъ и темная область неизвѣстнаго широко простиралась во всѣ стороны, подавляя своими безконечными размѣрами лежавшую возлѣ узкую полосу, уже освѣщенную лучами восходящаго знанія.

Историческая необходимость и законность метафизики, право ея занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ человѣчества не подлежатъ сомнѣнію. Не легка была, во всякомъ случаѣ, философская работа великихъ умовъ прошедшаго, какъ не легокъ былъ, въ свое время, и научный трудъ ихъ; и въ томъ, и въ другомъ отношеніи имъ приходилось имѣть дѣло съ препятствіями, о которыхъ мы теперь едва-ли можемъ составить себѣ вполнѣ вѣрное понятіе.

Конечно, главнѣйшихъ изъ этихъ затрудненій великіе умы прошедшаго не преодолѣли: они только на время устранили ихъ, широко раскрывъ двери философіи научному воображенію; но и эта неполная побѣда была куплена ими цѣною тяжелой борьбы съ внушеніями личной фантазіи, съ самообманами

внутренняго и внѣшнихъ чувствъ, съ обольщеніями формальной логики. Только строго уравновѣсивъ субъективные и логическіе элементы своихъ системъ съ суммою положительныхъ знаній своей эпохи, могли Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Юмъ, Кантъ, Гегель и другіе достигнуть прочнаго господства надъ умами своихъ современниковъ и того высокаго положенія, которое всегда будетъ принадлежать имъ въ исторіи человѣческой мысли.

Развитіе философіи ведетъ насъ отъ философіи незнанія, отъ немногихъ и притомъ мало разработанныхъ научныхъ отраслей, чрезъ философскія системы, соотвѣтствующія полному циклу наукъ, къ научной философіи, которая представляется намъ какъ послѣдняя фаза въ параллельной эволюціи философской мысли и спеціальнаго знанія. Но созерцаніе такого хода развитія всего менѣе способно внушить презрительное отношеніе къ прежней философіи. То, что происходило въ прошедшемъ, будетъ, вѣроятно, имѣть мѣсто и въ будущемъ, если общія условія эволюціи не измѣнятся кореннымъ образомъ. Философское движеніе не остановится на ступени, признаваемой нами высшею въ настоящее время. Успѣхи положительнаго знанія позволили намъ свести къ одному знаменателю общіе синтезисы весьма неодинаковой цѣнности; но то же самое сдѣлаетъ, конечно, по отношенію къ позднѣйшимъ наслоеніямъ философской мысли, и будущій историкъ ихъ.

12. Намъ, впрочемъ, нѣтъ нужды касаться такихъ „возможностей“ отдаленнаго будущаго. Мы должны стремиться къ справедливой оцѣнкѣ заслугъ прежнихъ философовъ; но для этого достаточно никогда не терять изъ виду двухъ слѣдующихъ обстоятельствъ,

могущихъ служить надежными руководящими нитями при всѣхъ сужденіяхъ нашихъ о метафизикѣ.

Исторія философіи, по справедливому замѣчанію Спенсера [1]), громко свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ школы и направленія понимали въ свое время общую задачу философіи такимъ же точно образомъ, какимъ мы понимаемъ ее теперь. Философія всегда, въ сферѣ своихъ изслѣдованій, заботилась объ установленіи истинъ самыхъ общихъ, въ отличіе отъ частныхъ, которыми занимались спеціальныя науки; и сверхъ того, она всегда старалась слить въ одну стройную систему разрозненные элементы подобнаго общаго, реальнаго и положительнаго или только мнимаго и гипотетическаго, знанія.

Эта черта метафизической философіи, сближающая ее съ научною, влечетъ за собою, въ свою очередь, одно немаловажное послѣдствіе. Въ наслѣдствѣ, оставленномъ метафизикою и состоящемъ изъ выработанныхъ ею пріемовъ изслѣдованія и добытыхъ съ ихъ помощью результатовъ, слѣдуетъ, по необходимости, различать двѣ части: одну, несравненно большую, которую надо отвергнуть цѣликомъ, какъ несоотвѣтствующую нынѣшнему состоянію нашихъ знаній, и другую, несравненно меньшую, въ которой до сихъ поръ можно искать полезныхъ указаній. Этотъ небольшой, но тѣмъ болѣе цѣнный активъ метафизики обязанъ своимъ происхожденіемъ именно вѣрному пониманію великими умами прошедшаго общей задачи философіи, хотя, конечно, нельзя отрицать, что тутъ, кромѣ того, участвовали и наличныя, спеціальныя знанія каждой эпохи.

Впрочемъ, въ послѣднемъ итогѣ, активъ метафизики многократно поглощается ея пассивомъ, и это-

---

[1]) First principles, стр. 134—137 фран. изд. 1871 г.

го вполнѣ достаточно, чтобы признать прежнюю философію совершенно несостоятельною. О какомъ бы то ни было спасеніи метафизики, какъ метафизики, отъ естественныхъ послѣдствій безпристраснаго поверстанія исторіею ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ, не можетъ быть и рѣчи. Но иное дѣло—стремиться возвратить прежнее значеніе способу мышленія, окончательно осужденному временемъ, и совершенно другое — пытаться отыскать въ массѣ заблужденій частицу истины. Сторонники научнаго обновленія философіи хорошо сдѣлаютъ, поэтому, если не оставятъ безъ вниманія такіе слѣды или остатки прошедшаго, и между ними, въ особенности, матеріалистическія и сенсуалистическія ученія.

13. Второе обстоятельство, которое не слѣдуетъ терять изъ виду при оцѣнкѣ метафизическихъ системъ, заключается въ ихъ выдающемся положеніи среди другихъ элементовъ, изъ которыхъ медленно образуется наука объ обществѣ. Соціологическая роль формулъ, подъ которыя прежніе мыслители подводили пониманіе міра и его явленій, составляетъ второй критерій для безошибочнаго опредѣленія той доли значенія, какую эти формулы еще могутъ сохранить въ глазахъ современной философіи.

На философскія системы прошедшаго слѣдуетъ смотрѣть какъ на послѣдніе результаты многочисленныхъ и разнообразныхъ реакцій между суммою наличныхъ познаній и всѣми другими факторами цивилизаціи. Системы эти были, безспорно, самыми блестящими плодами умственнаго развитія своего времени. Это одинаково признаютъ защитники и противники метафизики. Историкъ, желающій постигнуть цивилизацію какой-нибудь эпохи въ ея жи-

выхъ источникахъ, долженъ, прежде всего, вполнѣ овладѣть міропониманіемъ ея лучшихъ и передовыхъ умовъ.

Съ другой стороны, однако, не менѣе вѣрно и то, что соціологія составляетъ только одинъ изъ притоковъ, постоянно питающихъ научную философію. Дедукціи обществознанія, подобно выводамъ всѣхъ другихъ наукъ, служатъ философіи матеріаломъ или первоначальною точкою отправленія; но при этомъ вполнѣ очевидно, что матеріалъ, доставляемый научному міропониманію соціологіею, есть тотъ именно, въ которомъ всего болѣе нуждалась, для своего возникновенія, философія наукъ; не подлежитъ также сомнѣнію, что нужда эта далеко не миновала и въ настоящую минуту.

14. Въ отношеніяхъ соціологіи къ научной философіи есть еще одна сторона, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе. Соціологія должна найти и формулировать не только эмпирическій законъ, которому подчинялось до сихъ поръ появленіе метафизическихъ системъ, но и самый общій законъ развитія философіи, обнимающій собою первую, эмпирическую формулу, какъ частный случай. Задача эта не превышаетъ обычныхъ средствъ соціологическаго изслѣдованія.

Самая совершенная философія будущаго сохранитъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ самою грубою и элементарною философіею прошедшаго; ибо, подобно послѣдней, и она будетъ только сложною функціею суммы знаній и многоразличныхъ другихъ условій данной цивилизаціи. Взаимное отношеніе между этими реагирующими другъ на друга и тѣсно связанными между собою группами причинъ можетъ измѣниться кореннымъ образомъ;

отъ одной группы господство можетъ окончательно перейти къ другой; изъ элемента еще второстепеннаго или подавленнаго другими факторами общественнаго развитія, положительное знаніе можетъ сдѣлаться рѣшительно первенствующимъ двигателемъ соціологической эволюціи. Но даже тогда, когда изъ области философіи безслѣдно исчезнутъ всѣ виды обыденнаго мышленія, уступивъ мѣсто строго-научнымъ пріемамъ, или когда, въ замѣну всѣхъ разновидностей метафизики, возникнетъ настоящая философія наукъ, послѣдняя все-таки не отрѣшится вполнѣ отъ элементовъ, по необходимости вносимыхъ въ каждое міропониманіе тѣмъ или другимъ строемъ соціальной жизни или преобладающимъ направленіемъ общественныхъ силъ и вліяній. Научное міропониманіе никогда не совпадетъ во всѣхъ своихъ частяхъ не только съ одной спеціальною наукою или группою спеціальныхъ наукъ—къ чему, собственно, стремилась и чего неоднократно достигала, какъ мы видѣли, метафизика,—но и съ полнымъ цикломъ или законченнымъ рядомъ частныхъ наукъ.

15. Усвоеніе себѣ этой точки зрѣнія особенно важно въ виду кризиса, чрезъ который проходитъ современная философія и въ которомъ замѣчается два господствующихъ теченія мнѣній.

Одни пытаются обратить философію въ такую общую область человѣческаго знанія, которая бы дѣятельно дополняла своими изслѣдованіями спеціальныя отрасли, не имѣя своего собственнаго метода, а пользуясь пріемами открытія и доказательства прочихъ наукъ. Другіе, напротивъ того, стремятся образовать изъ философіи спеціальную науку объ общихъ концептахъ человѣческаго ума. Науч-

ная философія должна стараться избѣгнуть и той и другой крайности, которыя, очевидно, сходятся въ отрицаніи необходимости какого-либо методологическаго разграниченія между философіей и спеціальными науками.

Философія наукъ не можетъ быть ни общею наукою—терминъ, приложимый къ ней только метафорически—ни, тѣмъ менѣе, наукою частною. Она основана на полномъ, завершившемся циклѣ отвлеченнаго знанія, и потому не можетъ ни слиться съ этимъ цикломъ, ни войти въ него какъ составное звено. Она не должна употреблять въ своихъ объясненіяхъ другихъ пріемовъ, кромѣ строго-научныхъ, но это менѣе всего значитъ, чтобы она была обязана пользоваться всѣми, безъ различія, методами и способами изслѣдованія спеціальныхъ наукъ. Однимъ словомъ, философія наукъ ни въ какомъ смыслѣ не можетъ сдѣлаться наукою. Она должна оставаться міропониманіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЫВОДЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ОБЩАГО ХОДА РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФІИ ДО НАШЕЙ ЭПОХИ. ЗАКОНЪ ТРЕХЪ ТИПОВЪ МЕТАФИЗИКИ И ОБЩІЙ (ДИНАМИЧЕСКІЙ) ЗАКОНЪ РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФІИ.

1 Гипотетическіе элементы моей теоріи.—**2.** Параллельное изученіе ряда наукъ и ряда типичныхъ формъ философіи.—**3.** Общее значеніе нашей классификаціи. Историческія границы принятаго дѣленія.—**4** Характеръ и результаты нашего анализа. Фиктивная независимость метафизики отъ спеціальныхъ наукъ.—**5.** Соціологическое объясненіе развитія философіи Законъ трехъ типовъ метафизики и его различныя формулы.—**6.** Индуктивное распространеніе закона трехъ типовъ. Законъ соотношенія между наукою и философіею.—**7** Незнаніе и гипотеза. Монизмъ науки и монизмъ метафизики.—**8.** Практическое значеніе нашихъ формулъ. Условія успѣшной борьбы съ метафизическими заблужденіями.

1. Изученіе прошедшаго философіи привело насъ къ заключеніямъ довольно опредѣленнымъ и, какъ намъ кажется, не лишеннымъ теоретическаго и практическаго значенія.

Мы предложили чрезвычайно простую классифи-

кацію общихъ типовъ, къ которымъ могутъ быть сведены всѣ, безъ исключенія, метафизическія системы, и разсмотрѣли затѣмъ, съ разныхъ сторонъ, внутреннюю связь, существующую между этимъ дѣленіемъ и однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ общественной эволюціи — состояніемъ положительныхъ знаній въ различныя эпохи исторіи человѣчества. Мы вывели отсюда частный законъ развитія философіи, которому можно дать названіе *закона трехъ типовъ метафизики* и который позволяетъ, на той же почвѣ соціологическихъ фактовъ и отношеній, искать формулу болѣе общаго закона, обнимающаго собою условія развитія всякой философіи. Но прежде, чѣмъ слѣдовать далѣе въ этомъ направленіи, считаемъ не лишнимъ бросить общій взглядъ на пройденный путь и уже достигнутые результаты.

Прошедшее философіи—явленіе сложное, обнимающее собою весь рядъ философскихъ ученій, всѣ измѣненія, которымъ эти ученія подвергались въ теченіе времени и всѣ отношенія, которыя связываютъ философскія доктрины и системы съ другими историческими фактами и съ другими группами общественныхъ явленій. Чтобы разобраться въ этой массѣ данныхъ, нужно было, по необходимости, намѣренно съузить кругъ изучаемыхъ явленій, нужно было очертить его разъ навсегда, и при томъ съ точностью, не допускавшею вредныхъ уклоненій въ сторону Мы такъ и поступили. Не теряя изъ виду другихъ сторонъ исторической эволюціи, когда это не мѣшало нашему анализу, мы неизмѣнно ставили на первый планъ—внутреннее содержаніе философскихъ системъ.

Но анализируя философскія доктрины прошедшаго, но вскрывая эти организмы, жившіе когда-

то полнымъ силы и блеска существованіемъ, но отыскивая то, что̀ было живою душою отошедшихъ въ исторію міропониманій, и выслѣживая вліянія и факторы, приведшіе къ медленному вымиранію прежнихъ системъ, я, по необходимости, изъ простого опасенія потерять нить къ выходу изъ этого лабиринта сложныхъ причинъ и слѣдствій, долженъ былъ руководствоваться твердо намѣченною заранѣе, общею точкою зрѣнія. Я слѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру моихъ предшественниковъ, съ тою разницею, что гипотѣтическіе элементы моей теоріи легко и, такъ сказать, сами собою провѣрялись помощью анализа, которому они служили точкою исхода и опоры. Руководившій мною взглядъ естественно вытекалъ изъ главнаго стремленія настоящаго труда — желанія найти общую почву для образующейся въ наше время „философіи наукъ“ и всей совокупности прежнихъ системъ, которыя также старались достигнуть опредѣленнаго міропониманія.

2. И я, какъ мнѣ кажется, не ошибся, выдвинувъ впередъ, наперекоръ большинству историковъ философіи, или поставивъ во главѣ моихъ объясненій, рядъ положительныхъ наукъ и состояніе ихъ въ ту или другую эпоху. Первымъ плодомъ моихъ поисковъ въ этомъ направленіи была извѣстная читателямъ классификація философскихъ системъ. Совпаденіе ея съ употребительными и въ обычной философской номенклатурѣ дѣленіями можетъ служить только новымъ доказательствомъ вѣрности моей точки исхода въ глазахъ всѣхъ, кто знаетъ, сколько несознанныхъ вполнѣ, а лишь смутно предугадываемыхъ истинъ скрывается иногда въ продуктахъ коллективнаго труда,

и какую цѣну имѣютъ часто такія указанія для повѣрки выводовъ, добытыхъ личными усиліями. Моя классификація, сверхъ того, тѣсно примыкаетъ къ классификаціи наукъ, принятой позитивною школою и уже выдержавшей испытаніе времени. Она не основана на одномъ съ нею началѣ, или на началѣ усложненія явленій, и въ этомъ смыслѣ совершенно независима отъ нея; но дѣленія ея, тѣмъ не менѣе, вполнѣ соотвѣтствуютъ главнымъ ступенямъ іерархической лѣстницы отвлеченнаго знанія. Другое существенное отличіе ея отъ классификаціи наукъ состоитъ въ томъ, что ею различаются не послѣдовательныя, а одновременныя явленія, не ступени развитія, а сосуществующія группы фактовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, въ извѣстной степени объясняетъ, почему ни одна изъ этихъ двухъ классификацій въ отдѣльности не можетъ привести къ открытію условій, влявшихъ на развитіе прежней философіи, и почему для достиженія этой цѣли необходимо сопоставленіе и параллельное изученіе обоихъ рядовъ—ряда наукъ и ряда типичныхъ формъ метафизики.

3. Но какою бы точкою зрѣнія первоначально ни руководствовался изслѣдователь, раздѣляя философскія системы на группы или классы и опредѣляя выдающіеся, типичные признаки такихъ категорій,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что свою классификацію онъ, прежде всего, долженъ установить какъ общій фактъ, вполнѣ совпадающій съ конкретною дѣйствительностью, или не допускающій такихъ исключеній, которыя нельзя бы было удовлетворительнымъ образомъ объяснить вмѣшательствомъ другихъ вліяній. Такая необходимость по меньшей мѣрѣ столь же очевидна,

какъ и необходимость начинать изученіе исторіи философіи съ разграниченія или классификаціи философскихъ системъ и съ точнаго описанія типичныхъ формъ ихъ. Только тщательное выполненіе этихъ двухъ элементарныхъ требованій соціологическаго метода и · можетъ обезпечить успѣхи дальнѣйшаго анализа, и въ состояніи доставить надежное основаніе для всѣхъ послѣдующихъ обобщеній.

Отсюда понятно, какую важность имѣло въ нашихъ глазахъ доказательство, что классификація наша не оставляетъ въ сторонѣ ни одного изъ міропониманій прошедшаго, что она своими типами обнимаетъ всѣ существовавшія системы. Конечно, бо́льшая часть работы, посвященной этой цѣли, не прошла вовсе предъ глазами читателя; но, съ этою оговоркою, нашей попыткѣ нельзя, какъ намъ кажется, отказать въ искренномъ стремленіи не покидать почвы фактовъ и въ не менѣе искренной готовности встрѣтить на этой почвѣ всякія возраженія. Свою исходную точку, свое начало дѣленія философскихъ ученій мы постоянно выставляли какъ общій, не терпящій никакихъ исключеній фактъ, со всѣми естественными послѣдствіями такого взгляда. Тотъ же критерій мы приложили и къ двумъ другимъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ классификаціею философскихъ доктринъ. Изъ этихъ вопросовъ одинъ касался того обстоятельства, могутъ ли различные типы общаго пониманія міра существовать вмѣстѣ, одновременно, или же они, по необходимости, только слѣдуютъ другъ за другомъ; другой же относился къ точному опредѣленію историческихъ границъ принятаго дѣленія. Въ первомъ случаѣ, основывая нашъ выводъ о строго параллельномъ развитіи всѣхъ трехъ напра-

вленій метафизики на постоянномъ свидѣтельствѣ исторіи, мы тѣмъ же путемъ старались объяснить и кажущееся исключеніе, представляемое высшими формами сенсуалистической философіи. Во второмъ, мы пришли къ убѣжденію, что наша классификація справедлива, въ полномъ своемъ объемѣ, лишь для тѣхъ системъ, которыя занимали историческую сцену вплоть до нашихъ дней. Что значеніе этой классификаціи не простирается, въ равной степени, на всякое міропониманіе, безотносительно ко времени его появленія,—лучше всего видно изъ наблюденій настоящей эпохи, когда, рядомъ съ прежними формами философіи, впервые появились и такія попытки общаго объясненія явленій, которыя безъ очевидной натяжки уже не могутъ быть всецѣло сведены къ типамъ или нормамъ, исключительно господствовавшимъ въ прошедшемъ. Но заключеніе это равносильно, въ сущности, отрицанію у метафизики характера основной или постоянной формы философіи и признанію за нею лишь временнаго и преходящаго значенія.

4. Въ соціологіи, какъ и во всякой другой наукѣ, недостаточно установить общій фактъ и опредѣлить границы его историческаго дѣйствія; надо еще объяснить его, надо отыскать его причину, надо попытаться связать его внутреннею, неразрывною связью съ другою, сосѣднею группою явленій. Только такимъ путемъ можно надѣяться достигнуть самаго важнаго и драгоцѣннаго результата научнаго изслѣдованія: закона, неизмѣннаго, при равенствѣ прочихъ условій, отношенія между явленіями. Задача, которая подлежала нашему разрѣшенію, была, слѣдовательно, весьма ясная: съ какимъ дру-

гимъ рядомъ или съ какою другою группою явленій постоянно связано распаденіе философскихъ системъ прошедшаго на описанные типы? Поверхностное изслѣдованіе или анализъ первой, такъ сказать, степени, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что въ сложномъ процессѣ образованія того или другого міропониманія участвовали въ прошедшемъ и участвуютъ нынѣ множество общественныхъ явленій, или что причинность всякаго міропониманія обнимаетъ собою едва-ли не всю совокупность соціологическихъ факторовъ (54). Но остановиться на такомъ выводѣ—значило только признать то, что было всѣмъ давно извѣстно, хотя, само по себѣ, и имѣло огромную важность. Въ этомъ хаосѣ терялась всякая руководящая нить, всякая возможность отличить предыдущіе факты отъ послѣдующихъ, причину отъ слѣдствія: являлась, поэтому, необходимость прибѣгнуть къ болѣе глубокому анализу, который бы строго изолировалъ каждый отдѣльный факторъ, изучая его въ полной независимости отъ всѣхъ прочихъ. Полученные такимъ путемъ результаты, очевидно, носятъ печать намѣренной односторонности; но возможныя дополненія и поправки къ нимъ касаются всегда ихъ примѣненія на практикѣ, а не теоретическаго значенія ихъ.

И вотъ подобный анализъ и привелъ насъ къ заключенію, что состояніе философскихъ спекуляцій въ прошедшемъ представляетъ собою группу явленій, которая неизмѣнно сопровождаетъ другую группу, имѣющую не менѣе общіе характеръ и значеніе: состояніе положительныхъ наукъ въ соотвѣтствующія эпохи. При этомъ внимательное изученіе такой связи съ избыткомъ показало, что въ устанавливаемомъ ею постоянномъ отношеніи состояніе

положительныхъ наукъ несомнѣнно играетъ роль предшествующаго и рѣшительно господствующаго явленія.

Другими словами, мы убѣдились въ томъ, что болѣе или менѣе рѣзкая односторонность основныхъ гипотезъ метафизики, позволившая намъ свести ихъ къ немногимъ главнымъ типамъ, была необходимымъ послѣдствіемъ значительныхъ пробѣловъ въ циклѣ отвлеченныхъ наукъ и недостаточной зрѣлости каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности. Отсутствіе положительнаго, научнаго объясненія обширныхъ категорій явленій порождало и поддерживало существованіе метафизики, или такой фазы философскаго развитія, въ которой совокупность явленій могла объясняться только при помощи гипотетическаго распространенія на всѣ разряды фактовъ—признаковъ или свойствъ, болѣе или менѣе точно наблюденныхъ въ одномъ разрядѣ. Метафизика была продуктомъ исторической необходимости, временной невозможности основать мірообъясненіе на законченномъ рядѣ положительныхъ наукъ; вотъ почему она такъ долго и служила законной замѣстительницею научной философіи. Она была „независимымъ отъ спеціальныхъ наукъ изученіемъ общихъ началъ явленій“; но такая самостоятельная роль принадлежала ей лишь постольку, поскольку ей и въ самомъ дѣлѣ нельзя было зависѣть отъ чего-то несуществующаго или находящагося въ состояніи зародыша. Это всего лучше доказывается сравненіемъ идеалистическихъ системъ съ матеріалистическими (55). Метафизика не зависѣла отъ спеціальной науки еще и на устахъ и въ воображеніи философовъ, не отдававшихъ себѣ яснаго отчета въ своихъ собственныхъ основныхъ стремленіяхъ; на са-

момъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, она тѣсно, рабски примыкала и къ отдѣламъ знанія, уже прочно усвоившимъ себѣ научный характеръ—матеріализмъ,—и къ наукамъ, еще только начинавшимъ примѣнять научные методы—сенсуализмъ; и, наконецъ, къ обширнымъ областямъ, въ которыя еще не проникалъ свѣтъ положительнаго изслѣдованія и въ которыхъ приходилось довольствоваться самыми ничтожными крохами эмпирическаго знанія—идеализмъ. Эта невольная судьба метафизическихъ системъ громче всего свидѣтельствуетъ о силѣ научнаго фактора и является самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ значенія спеціальной науки даже тамъ, гдѣ господство апріорическихъ гипотезъ, казалось, должно было отодвинуть научныя стремленія на задній планъ.

5. Итакъ, состояніе положительнаго знанія оказывается могущественнымъ факторомъ, опредѣляющимъ съ поразительною точностью направленіе и внутренній характеръ самыхъ разнообразныхъ системъ прежней философіи. Таковъ прямой результатъ нашего историческаго анализа. Но состояніе знанія есть сложное явленіе, которое можетъ быть успѣшно изучаемо лишь въ области науки объ обществѣ и ея методами, оно есть фактъ соціологическаго порядка, чрезвычайно важный продуктъ и въ то же время не менѣе важный двигатель общественной эволюціи. Постоянное отношеніе къ нему другого продукта и другого фактора той же эволюціи—философіи прошедшаго, отношеніе, которое выражается въ трехъ постоянныхъ направленіяхъ послѣдней, составляетъ поэтому, безъ всякаго сомнѣнія, соціологическое объясненіе соотвѣтствующихъ явленій, или настоящій законъ

соціологіи. Этотъ законъ можно облечь во множество болѣе или менѣе равнозначущихъ формулъ: — *всякое метафизическое міропониманіе есть, по необходимости, или матеріалистическое, или идеалистическое, или сенсуалистическое;—общій и особенный метафизическій характеръ или, такъ сказать, метафизическій* **родъ** *и метафизическій* **видъ** *міропониманія опредѣляются преобладаніемъ въ немъ точекъ зрѣнія, заимствованныхъ изъ частныхъ наукъ или соотвѣтствующихъ имъ областей фактовъ;—метафизическая мысль есть явленіе, необходимо сопровождающее ростъ положительной науки, отъ которой она находится въ зависимости уже потому, что только временно, какъ показалъ опытъ, восполняетъ своими гипотезами пробѣлы нашего знанія;—односторонность міропониманія находится въ прямомъ отношеніи къ несовершенству знанія въ каждую данную эпоху* и т. п. Но какую бы формулу мы ни выбрали, законъ одинаково сохраняетъ значеніе закона динамическаго, опредѣляющаго послѣдовательность явленій, или ихъ развитіе. Признаніе за нимъ — хотя бы только въ зависимости отъ устанавливаемой имъ одновременности главныхъ типовъ метафизической философіи—характера закона статическаго было бы неправильно уже потому, что нѣтъ достаточнаго основанія для отнесенія двухъ разрядовъ явленій, которые имъ связываются и, для поверхностнаго наблюдателя, дѣйствительно кажутся сосуществующими, къ какому-нибудь третьему разряду, къ какой-нибудь общей причинѣ, — а, напротивъ того, налицо имѣется не мало мотивовъ для утвержденія, что одному изъ этихъ факторовъ принадлежатъ всѣ свойства причины, или явленія необходимо предшествующаго.

Изъ многихъ возможныхъ формулъ частнаго закона развитія метафизики, мы останавливаемся на той, которая стоитъ всего ближе къ историческимъ

даннымъ и можетъ быть выражена такъ: всякое метафизическое міропониманіе есть или матеріалистическое, или идеалистическое, или сенсуалистическое. Эту формулу, найденную нами въ фактахъ прошедшаго философіи, мы и называемъ **закономъ трехъ типовъ метафизики.**

6. Въ каждой наукѣ обобщенія, относящіяся къ большому числу фактовъ, могутъ, посредствомъ правильнаго примѣненія пріемовъ индуктивнаго метода, привести къ обобщеніямъ сравнительно высшаго порядка. Процессъ индуктивнаго мышленія неохотно останавливается на той или другой ступени, когда онъ можетъ легко, безъ особыхъ усилій, безъ явнаго противорѣчія фактическимъ даннымъ или логическому ихъ сочетанію, подняться на высоту, позволяющую обнять однимъ взглядомъ болѣе значительное количество явленій. Такимъ путемъ достигается, конечно, одно только отвлеченное знаніе, по необходимости теряющее изъ виду частности и отражающее въ себѣ лишь общія очертанія вещей; но знаніемъ этого рода не пренебрегаетъ, какъ извѣстно, ни одна изъ теоретическихъ или основныхъ наукъ.

Распространеніе частнаго соотношенія, найденнаго между односторонностью метафизическихъ гипотезъ и низкою ступенью развитія всей суммы точнаго знанія, на общее соотношеніе, устанавливающееся, всегда и при всѣхъ условіяхъ, между состояніемъ философіи съ одной стороны, и состояніемъ ряда положительныхъ наукъ съ другой, представляетъ весьма типичный примѣръ подобныхъ попытокъ расширить предѣлы отвлеченнаго знанія. Индукцію эту не только было легко найти — ее

нельзя было не сдѣлать: до такой степени извѣстные всѣмъ факты подтверждаютъ, въ данномъ случаѣ, обобщеніе частнаго закона, распространеніе его на совершенно однородныя группы общественныхъ явленій. Законъ трехъ типовъ метафизики непосредственно приводитъ, такимъ образомъ, къ общему закону развитія, которому можно дать названіе **закона соотношенія** между **наукою и философіею** (56).

7. Остановимся еще на минуту на частномъ законѣ, составляющемъ ближайшій результатъ всего предыдущаго изслѣдованія. Изъ нашего изложенія явствуетъ, что въ массѣ сложныхъ фактовъ и отношеній, для которыхъ законъ метафизическихъ типовъ служитъ простою мнемонической формулою, главная, выдающаяся роль принадлежитъ двумъ основнымъ элементамъ; вокругъ нихъ правильно располагаются или кристаллизуются, такъ сказать, всѣ остальные факты и отношенія, выраженные и предвидѣнные тѣмъ же закономъ. Эти элементы суть: съ одной стороны—*незнаніе*, съ другой—*гипотеза*. Разъясненію и точному опредѣленію соотвѣтствующихъ этимъ явленіямъ понятій мы посвятили не одну страницу. Здѣсь, поэтому, вполнѣ достаточно будетъ кратко напомнить читателю тѣ положенія, которыя необходимо вытекаютъ изъ закона метафизическихъ типовъ и служатъ ему прямыми точками опоры. Они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ главнымъ тезисамъ:

1). Каждая эпоха имѣетъ и обнаруживаетъ свое, такъ сказать, специфическое незнаніе, касающееся тѣхъ или другихъ вопросовъ; но результатъ такого незнанія всегда одинаковъ: это — гипотеза, частная, когда незнаніе касается болѣе или менѣе

краткаго ряда явленій, или вращается въ кругу однородныхъ фактовъ, и общая, когда незнаніе простирается на обширныя категоріи явленій, или обнимаетъ нѣсколько несводимыхъ другъ къ другу разрядовъ ихъ. Въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ научною гипотезою, которая, будучи провѣрена, становится весьма часто источникомъ знанія. Во второмъ, мы имѣемъ дѣло съ философскою гипотезою, остающейся, въ силу самаго опредѣленія своего, непровѣряемою, и потому никогда не приводящею къ положительному знанію, а только къ метафизическому, — то есть, къ одной изъ наиболѣе характерныхъ историческихъ формъ незнанія.

2). Всякая гипотеза, и научная, и философская, по существу своему монистична, т е. въ вѣчномъ разнообразіи явленій стремится удержать общее и единое. Но въ то время, какъ всегда строго условный монизмъ научной гипотезы ищетъ общее и единое лишь въ свойствахъ и отношеніяхъ явленій, вызывающихъ, всегда и при всѣхъ условіяхъ, одни и тѣ же чувственныя воспріятія въ объединяющемъ субъектѣ, безусловный монизмъ философской гипотезы схватываетъ общее и единое и въ такихъ свойствахъ и отношеніяхъ явленій, которыя въ самомъ объединяющемъ субъектѣ сопровождаются неоднородными чувственными воспріятіями. Монизмъ науки, поэтому, убѣждаетъ и успокоиваетъ нашъ умъ, монизмъ же метафизики только безплодно раздражаетъ его, безцѣльно увеличивая и безъ того огромную сумму нашихъ сомнѣній.

3). Гипотезы метафизики имѣютъ общій характеръ потому, что онѣ должны служить для объясненія всѣхъ явленій. Но и по происхожденію своему, и по содержанію, и по достигаемой ими въ

дѣйствительности цѣли, это — гипотезы частныя, образуемыя нашимъ умомъ тѣми же способами, какіе употребляются имъ и для построенія наиболѣе спеціальныхъ гипотезъ науки. Ихъ можно сравнить съ силлогизмомъ, заключеніе котораго не содержится въ посылкахъ и который, поэтому, невѣренъ уже съ чисто формальной точки зрѣнія. Непровѣряемость общихъ гипотезъ философіи — такой же логическій недостатокъ, какъ невѣрность подобнаго силлогизма. Вотъ почему критическій анализъ такъ легко придаетъ общности метафизическихъ гипотезъ прямо противоположное значеніе. Общность эта есть результатъ умственной иллюзіи, которая, какъ всякая иллюзія, ограничена тѣсными предѣлами времени и мѣста и имѣетъ личный, индивидуальный характеръ: въ чемъ одни видятъ необыкновенную широту взгляда, то другіе признаютъ лишь непростительною односторонностью. Однимъ словомъ, философская гипотеза есть, прежде всего, крупное методологическое заблужденіе. Вмѣсто того, чтобы стремиться установить научное единство явленій, имѣющее исключительно методологическій характеръ, умъ нашъ старается отыскать единство вещей метафизическое, въ которомъ методологическая точка зрѣнія или вовсе устранена, или отодвинута на послѣдній планъ. Оба единства возникаютъ и существуютъ въ нашемъ умѣ, а не въ вещахъ, и составляютъ предметъ изученія отрасли психологіи, которая называется „теоріей познанія“; но въ то время, какъ единство перваго рода, при такомъ анализѣ и сличеніи съ опытными данными, оказывается достигнутымъ путемъ совершенно правильныхъ умственныхъ операцій (напримѣръ, посредствомъ ряда силлогизмовъ, заключенія которыхъ строго

соотвѣтствуютъ посылкамъ), единство второго рода всегда достигается лишь помощью той или другой логической погрѣшности (57).

8. Таково, въ общихъ чертахъ, теоретическое значеніе добытыхъ въ предыдущихъ главахъ результатовъ. Поднятые нами вопросы имѣютъ, безъ всякаго сомнѣнія, и большую практическую важность; но эта сторона ихъ прямо не входитъ въ кругъ настоящаго изслѣдованія, и о ней мы можемъ упомянуть здѣсь только мимоходомъ. Укажемъ, впрочемъ, на то, что изъ закона метафизическихъ типовъ и общаго закона соотношенія между наукою и философіей несомнѣнно слѣдуетъ, что всякая борьба съ метафизикою должна оставаться безплодною, пока ее будутъ вести на почвѣ общихъ принциповъ. Метафизика, подобно еще болѣе глубокой ступени незнанія, религіи, есть, прежде всего, слѣдствіе, которое становится дѣятельною причиною лишь въ свою очередь и только тогда, когда тому благопріятствуютъ другія обстоятельства и, на первомъ планѣ, сами причины, ее произведшія.

Разсматриваемая какъ соціологическій и психологическій факторъ, метафизика можетъ быть признаваема или полезною и желательною, или вредною, или, наконецъ, совершенно безразличною. Въ послѣднемъ случаѣ всего разумнѣе, конечно, предоставить вещи ихъ естественному теченію. Въ двухъ же первыхъ слѣдуетъ, очевидно, стараться дѣйствовать не на метафизику, а исключительно на причины, обусловливающія ея возникновеніе и развитіе: то есть, нужно или стремиться всячески поддержать и увеличить существующую въ обществѣ сумму незнанія, или, наоборотъ, всѣми силами бороться противъ различныхъ видовъ невѣжества. Ни въ ка-

комъ случаѣ,однако, не слѣдуетъ предаваться праздной мечтѣ, будто, доказавъ глубокую нераціональность метафизики, можно повлiять на ея будущія судьбы. Такая надежда была бы вполнѣ равносильна ожиданію, что простымъ признаніемъ патологическаго значенія того или другого состоянія нашего организма можно измѣнить степень силы или распространенности соотвѣтствующихъ болѣзней (58).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЗАКОНЪ СООТНОШЕНІЯ МЕЖДУ НАУКАМИ И ФИЛОСОФІЕЙ И ЗАКОНЪ ТРЕХЪ СОСТОЯНІЙ

1. Различныя толкованія закона Конта, въ зависимости отъ трехъ возможныхъ гипотезъ по вопросу о причинной связи между состояніемъ философскихъ и состояніемъ научныхъ понятій въ каждую эпоху —2. Ближайшая къ формулѣ Конта соціологическая гипотеза Неосновательность ея.—3. Обратная соціологическая гипотеза. Причины ея превосходства.—4. Психологическая гипотеза. Ея недостатки.—5 Неправильная терминологія. Необходимыя поправки. Мысль научная и мысль философская.—6. Малочисленность научныхъ понятій въ первыя эпохи исторіи. Отсутствіе прямой генетической связи между научнымъ міропониманіемъ и предшествовавшими ему фазами философской мысли.—7. Эмпирическій характеръ формулы Конта. Теоретическое объясненіе закона трехъ состояній *болѣе общимъ* закономъ соотношенія между науками и философіей.

1. Дойдя въ нашемъ изслѣдованіи до указанныхъ въ предыдущей главѣ общихъ выводовъ, мы на своемъ пути встрѣчаемъ знаменитое историческое обобщеніе Огюста Конта—законъ трехъ умственныхъ состояній (59) Этотъ законъ стремится объяснить тѣ же группы фактовъ, между которыми и мы старались установить постоянное отношеніе [1]). Сличеніе до-

[1]) Auguste Comte. Cours de philosophie positive T. I. стр. 8—9, T. IV, стр. 467—475 3-го изданія J St. Mill: A system of Logic, перв. изд. стр 586, G. Wyrouboff Phil. pos. T. XXII. 1879. стр. 34.

бытыхъ нами результатовъ съ основными элементами обобщенія Конта становится, такимъ образомъ, прямо неизбѣжнымъ.

Главныя и всѣ второстепенныя формулы, въ которыя Контъ и его школа облекаютъ фактъ послѣдовательной смѣны трехъ фазъ умственнаго развитія, открываютъ широкій просторъ самымъ различнымъ объясненіямъ этого факта. Формулы эти обходятъ глубокимъ молчаніемъ весьма важный, въ соціологическомъ смыслѣ, вопросъ о причинномъ отношеніи между двумя группами явленій: состояніемъ философскихъ и состояніемъ научныхъ понятій въ каждую данную эпоху. Допуская нѣсколько противоположныхъ гипотезъ по этому вопросу, законъ Конта естественно порождаетъ безконечные споры и недоразумѣнія. Согласно одному толкованію, состояніе философіи считается главною соціологической причиною, опредѣляющею и состояніе науки въ соотвѣтствующую эпоху; согласно другому, обѣ группы явленій ставятся въ тѣсную зависимость отъ новой группы, или отъ фактора психологическаго, признаваемаго общею причиною ихъ; наконецъ, третья гипотеза открываетъ уже прямо обратное отношеніе между развитіемъ наукъ и развитіемъ философіи.

Признавая историческую достовѣрность факта, лежащаго въ основѣ закона Конта, мы отвергаемъ, какъ объясненіе этого факта преобладающимъ вліяніемъ философіи на другіе умственные продукты, — объясненіе, имѣющее скорѣе соціологическій характеръ—такъ и всякую исключительно психологическую гипотезу, построенную съ цѣлью дальнѣйшаго проникновенія въ смыслъ явленій, то есть, съ цѣлью обнаруженія скрытыхъ причинъ того или другого состоянія философіи и наукъ.

Мы являемся такимъ образомъ сторонниками третьяго объясненія, заключающагося въ признаніи за состояніемъ наукъ всѣхъ свойствъ преобладающей причины, а за состояніемъ философіи—характера необходимаго слѣдствія. Къ сожалѣнію, терминологія, усвоенная въ этомъ вопросѣ философами позитивной школы, громко говоритъ въ пользу первыхъ двухъ объясненій, и истинная мысль самого Конта видимо колеблется между всѣми тремя гипотезами, не отдавая ни одной изъ нихъ рѣшительнаго предпочтенія.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ здѣсь подробнѣе обычныя толкованія закона Конта, отвергаемыя нами какъ ложныя или, по крайней мѣрѣ, какъ произвольныя и недостаточно оправдываемыя нынѣшнимъ положеніемъ нашихъ общественно-научныхъ и психологическихъ познаній.

2. Ближе другихъ къ буквальному смыслу формулы Конта стоитъ гипотеза, въ силу которой то или другое состояніе научныхъ понятій ставится въ прямую зависимость отъ того или другого состоянія общихъ или философскихъ идей. Не прибѣгая къ такому предположенію, трудно, въ самомъ дѣлѣ, объяснить себѣ, какимъ образомъ научныя понятія и возникающія изъ нихъ науки могутъ проходить чрезъ извѣстныя три фазы, о чемъ такъ много говорится въ „Курсѣ положительной философіи“. Но именно это толкованіе закона трехъ состояній и представляется намъ всего болѣе ошибочнымъ. Оно основано на наблюденіи однихъ внѣшнихъ, поверхностныхъ признаковъ явленій. Характеръ господствующаго міропониманія несомнѣнно оказываетъ вліяніе и на характеръ преобладающихъ въ спеціальныхъ наукахъ понятій: это и есть та, ярко

выраженная въ законѣ Конта, видимость, которая совершенно заслоняетъ собою другое явленіе, именно, что философія отдаетъ наукѣ лишь то, что сама отъ нея получила, и потому вліяніе, о которомъ здѣсь можетъ итти рѣчь, есть только вліяніе, такъ сказать, отраженное. Развитіе философіи не есть та vera causa, въ бэконовскомъ или вообще научномъ смыслѣ, которая производитъ дѣятельныя измѣненія въ составѣ научныхъ понятій. Надо еще объяснить самое состояніе философской мысли, надо показать, почему она бываетъ сперва теологическою, потомъ метафизическою и наконецъ научною. А если окажется при этомъ, что искомая „истинная причина“ лежитъ въ самой наукѣ, въ ея медленномъ ростѣ? Правда, ни Контъ, ни лучшіе изъ его учениковъ не останавливались долго на указанной выше гипотезѣ. Они шли далѣе и старались самому состоянію философіи подыскать другую причину, чисто психологическую; но, какъ мы увидимъ вскорѣ, такое стремленіе могло только перенести позитивистовъ въ далекое будущее соціологическихъ изслѣдованій, для которыхъ не собрано еще достаточнаго матеріала и не выработаны надлежащіе методы.

Въ началѣ исторической эволюціи, господство принадлежитъ нераздѣльно теологическому міропониманію собственно потому, что самая грубая форма теоретическаго заблужденія, антропоморфная иллюзія, естественно обусловливалась и вызывалась тогдашнимъ состояніемъ нашихъ знаній о природѣ и человѣкѣ. Состояніе это, однако, неправильно называть теологическимъ, такъ какъ религіозная окраска человѣческихъ знаній въ разсматриваемую отдаленную эпоху была въ нихъ чертою далеко не самостоятельною и не первенствующею:

но сумму научныхъ знаній этой фазы слѣдуетъ, какъ оно и было въ дѣйствительности, признавать весьма ничтожною, если не близкою къ нулю, и на первое время ограничиться такимъ указаніемъ, помня, что количественныя опредѣленія въ наукѣ всегда несравненно точнѣе качественныхъ.

Затѣмъ наступаетъ господство метафизической философіи или такого общаго видоизмѣненія теологическаго міропониманія, которое также вполнѣ удовлетворительно объясняется количественными измѣненіями въ области положительнаго знанія—относительнымъ приращеніемъ суммы нашихъ научныхъ наблюденій, представляющей, однако, въ этотъ періодъ еще массу пробѣловъ не только частныхъ, но и общихъ, касающихся обширныхъ категорій явленій Наконецъ,открывается и эра научнаго міропониманія—на первое время въ смѣшанной или переходной формѣ научно-философскихъ системъ, при чемъ появленіе послѣднихъ вполнѣ объясняется вліяніемъ того же фактора, выросшаго и укрѣпившагося настолько, что въ ряду отвлеченныхъ наукъ, среди массы частныхъ несовершенствъ, уже болѣе не встрѣчается общихъ пробѣловъ, обнимающихъ собою цѣлые разряды явленій.

3. Но прежде чѣмъ допустить, въ видѣ объясненія существенно одинаковаго явленія — того капитальнаго факта, вокругъ котораго, по выраженію Вырубова [1]), вращается вся исторія человѣческой мысли, — обратное отношеніе между философіей и наукою, читатель, по всей справедливости, можетъ спросить, въ чемъ же заключается преимущество одного объясненія передъ дру-

---

[1]) Phil pos., т. XXII, стр. 34.

гимъ, собственно въ соціологическомъ смыслѣ? Вѣдь обѣ выставляемыя причины — состояніе философіи и состояніе ряда спеціальныхъ наукъ — въ одинаковой мѣрѣ явленія соціологическія, факторы и продукты общественнаго развитія? Почему же одинъ изъ этихъ продуктовъ долженъ, въ сложныхъ и запутанныхъ отношеніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, считаться явленіемъ всегда предшествующимъ, или настоящею причиною другого?

На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ тѣмъ охотнѣе, что онъ, по нашему мнѣнію, переноситъ споръ на всего болѣе свойственную ему почву.

Основанія, по которымъ, въ виду необходимости выбора между подчиненнымъ извѣстнымъ условіямъ медленнымъ ростомъ наукъ и подчиненнымъ другимъ условіямъ своеобразнымъ развитіемъ философскихъ воззрѣній, мы останавливаемся на первой группѣ явленій и признаемъ именно за нею характеръ соціологической причины, сводятся къ слѣдующимъ двумъ доводамъ.

Во первыхъ, признавая общую измѣняемость и состоянія нашихъ знаній, и состоянія нашихъ философскихъ воззрѣній, мы не можемъ, однако, не замѣтить въ этомъ отношеніи той существенной разницы, что сумма научныхъ понятій постоянно увеличивается въ объемѣ, ростетъ количественно, чего отнюдь, по крайней мѣрѣ въ той же степени, нельзя сказать о суммѣ понятій философскихъ. Міропониманія различныхъ эпохъ не увеличиваютъ замѣтно общаго итога руководящихъ идей, которыми они объясняютъ міръ и его явленія; и это настолько справедливо, что нѣкоторые историки философіи даже видятъ въ гипотезѣ убывающей прогрессіи философскихъ концептовъ (логическое слѣдствіе монизма) верховный законъ развитія философіи. Иначе

представляется дѣло съ точки зрѣнія качественной измѣняемости. Въ этомъ отношеніи понятія, прочно установившіяся въ спеціальныхъ наукахъ, всегда стремятся сохранить въ нихъ одно и то же значеніе, между тѣмъ какъ основныя понятія философіи подвергаются постояннымъ колебаніямъ и, въ концѣ концовъ, претерпѣваютъ такія коренныя измѣненія, какія выразились исторически въ смѣнѣ теологическаго міропониманія метафизическимъ и въ стремленіи замѣнить послѣднее научною философіею. Такимъ образомъ, въ качественномъ отношеніи науки и ихъ состояніе въ различныя эпохи представляются уже факторомъ постояннымъ, а философія и ея состояніе—факторомъ измѣняющимся. Но вникая въ глубокій смыслъ этой двойной измѣняемости, нельзя, какъ намъ кажется, ставить первый факторъ въ зависимость отъ второго, не впадая въ логическое противорѣчіе и не погрѣшая противъ основныхъ требованій историческаго метода (60).

Во вторыхъ, наука имѣетъ всегда цѣлью объясненіе спеціальныхъ категорій явленій, а философія—пониманіе всей суммы или совокупности вещей. Наука стоитъ настолько близко къ конкретной дѣйствительности, насколько позволяютъ условія отвлеченнаго знанія; философія же отдѣлена отъ реальнаго міра, по крайней мѣрѣ, всѣмъ пространствомъ, занимаемымъ спеціальными объясненіями и частными понятіями, составляющими ту среду или призму, чрезъ которую философъ, по необходимости, смотритъ на совокупность вещей. Отъ характера этой промежуточной области, отъ медленнаго возрастанія въ ней числа провѣренныхъ и сдѣлавшихся уже достояніемъ точной науки частныхъ понятій и объясненій, будетъ существенно зависѣть

и характеръ соотвѣтствующаго міровоззрѣнія: медленное замѣщеніе теологическаго міропониманія метафизическимъ и смѣна этого послѣдняго философіею, стремящеюся стать положительною, или научною. Другими словами, пониманіе суммы можетъ быть только завершеніемъ познанія ея слагаемыхъ, и болѣе или менѣе полное незнаніе послѣднихъ всегда влечетъ за собою болѣе или менѣе полное же непониманіе образуемаго ими итога: теологическое или метафизическое объясненіе мира. До какой степени это справедливо, видно изъ того, что, несмотря на всѣ успѣхи спеціальныхъ знаній, философія наукъ до сихъ поръ еще находится въ процессѣ образованія и не скоро, по всей вѣроятности, окончательно вытѣснитъ собою метафизическое толкованіе природы.

4. Но отвергая гипотезу, допускающую эволюцію частныхъ понятій изъ общихъ концептовъ философіи, какъ нераціональную попытку поставить сумму впереди ея слагаемыхъ, мы считаемъ не менѣе ошибочнымъ и другой взглядъ, уже отрицающій всякую прямую причинную зависимость между указанными явленіями. Подобный взглядъ обыкновенно принимаетъ форму утвержденія, что философскія и научныя понятія не только развиваются вмѣстѣ, одновременно, но еще и одинаково обусловливаются какимъ-либо третьимъ явленіемъ—общею причиною ихъ. Нѣтъ спора, что въ пользу такого воззрѣнія говоритъ многое, и на первомъ планѣ (какъ и въ томъ случаѣ, который мы уже разсмотрѣли въ § 2) внѣшняя сторона явленій. Въ т ѣ с н о й и п о с т о я н н о й послѣдовательности извѣстныхъ фактовъ поверхностный наблюдатель по большей части склоненъ видѣть лишь с о в м ѣ с т н о е существо-

ваніе ихъ; но когда, какъ это, конечно, бываетъ, въ лицѣ такого наблюдателя является вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслитель, ищущій глубокихъ корней вещей, тогда результатъ неполнаго и недостаточнаго наблюденія почти всегда получаетъ новую силу еще и потому, что онъ возводится въ необходимое слѣдствіе какой-нибудь послѣдней причины, которая сама, разумѣется, могла быть установлена только путемъ чисто гипотетическимъ Нѣчто подобное произошло и съ оспариваемымъ нами наблюденіемъ. Оно нашло себѣ сильную поддержку въ гипотезѣ, относящей и развитіе положительныхъ знаній, и развитіе философіи къ дѣйствію факторовъ преимущественно или даже исключительно психологическихъ. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, наиболѣе вѣроятнымъ является уже предположеніе, что тотъ или другой составъ научныхъ понятій и то или другое содержаніе философскихъ ученій суть болѣе или менѣе независимые другъ отъ друга и одновременно проявляющіеся результаты однихъ и тѣхъ же измѣненій въ психической области.

Но этотъ взглядъ кажется намъ совершенно ложнымъ. Съ одной стороны, мы считаемъ излишнимъ, для объясненія общественныхъ фактовъ, прибѣгать къ вмѣшательству явленій и причинъ, принадлежащихъ не только чуждой, но и темной, неизслѣдованной области знанія. Психологическимъ гипотезамъ въ соціологіи еще долго, думается намъ, суждено оставаться объясненіями однихъ неизвѣстныхъ явленій посредствомъ другихъ, еще менѣе извѣстныхъ. Съ другой стороны, въ психическихъ измѣненіяхъ, охватывающихъ разомъ большія общественныя группы, мы отказываемся видѣть результатъ простого дѣйствія біологическихъ или собственно психическихъ факторовъ; въ такой коллективной

психологіи, если можно такъ выразиться, въ такихъ психическихъ движеніяхъ массъ мы усматриваемъ уже соціологическія явленія. Накопленіе знаній, ростъ науки — именно факты подобнаго рода. Они или вполнѣ объясняются тѣми же условіями общественной эволюціи, какими объясняются появленіе экономическихъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, образованіе семьи и другихъ общественныхъ учрежденій, измѣненія въ правовыхъ отношеніяхъ и вообще развитіе всѣхъ органовъ и функцій общественной жизни, — или, какъ отчасти признавалъ это Литтре [1]), составляютъ даже сами необходимое условіе перечисленныхъ измѣненій, представляя собою, такъ сказать, первичный, основной фактъ соціологіи. Но если это такъ, то въ ростѣ и развитіи положительныхъ наукъ мы имѣемъ полное право видѣть и непосредственное, соціологически необходимое условіе измѣненій, происходящихъ въ области философіи или общаго пониманія природы.

5. Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что въ терминологію закона трехъ состояній необходимо внести нѣкоторыя поправки Признаки, выражаемые терминами „теологическій“ и „метафизическій“ должны быть всецѣло относимы къ философскимъ системамъ, имѣющимъ своимъ источникомъ двѣ сравнительно низшія ступени развитія научныхъ понятій, а не къ этимъ ступенямъ или, другими словами, должны служить характеристикой философскихъ воззрѣній, а не научныхъ понятій; послѣднія, какъ бы малочисленны и неполны они ни

---

1) La science au point de vue philosophique, стр. 367 и друг.

были въ данную эпоху, не могутъ быть одновременно научными и теологическими или метафизическими. Обычная терминологія вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду, по которому состояніе науки обусловливается состояніемъ философіи, и мнѣнію, по которому обѣ группы явленій равномѣрно измѣняются, въ зависимости отъ гипотетическихъ факторовъ, лежащихъ въ области индивидуальной психологіи. Но она не согласима съ защищаемымъ нами тезисомъ, и отъ нея слѣдуетъ рѣшительно отказаться, принимая наше толкованіе формулы Конта. Терминологію эту нельзя сохранить и подъ тѣмъ предлогомъ, что, въ періоды господства теологіи и метафизики, спеціальныя отрасли знанія были переполнены заимствованными у такихъ міровоззрѣній понятіями и объясненіями. На этой сторонѣ вопроса, впрочемъ, стоитъ нѣсколько остановиться.

Въ ранніе періоды развитія наука могла страдать неполнотою, отрывочностью своихъ объясненій, могла—и это случалось довольно часто—даже вовсе не объяснять многихъ разрядовъ явленій. Но какими бы удобными убѣжищами ни служили въ свое время такіе пробѣлы для религіозныхъ и метафизическихъ теорій, они сами оставались только пробѣлами, и принимать ихъ за находившія въ нихъ временное пристанище общія объясненія теологіи и метафизики—значило бы смѣшивать самыя различныя вещи и даже вѣроятную причину съ вѣроятнымъ послѣдствіемъ.

О мысли вообще или о мысли, не распавшейся еще на философскую, направленную на всеобщее и единое, и научную, направленную на спеціальное и различное, можно съ большою очевидностью утверждать, что она проходитъ черезъ три фазы Конта, во всей чистотѣ ихъ. Такая мысль мо-

жетъ легко принимать первыя, необходимыя иллюзіи за безусловную истину и вообще быть способною какъ къ глубокому антропоморфизму теологической фазы — настоящей галлюцинаціи проникновенія во внутренній смыслъ внѣшнихъ предметовъ [1])—такъ и къ переходу цѣликомъ въ метафизическое состояніе, являющееся критическимъ видоизмѣненіемъ теологическаго. Въ этой второй фазѣ, олицетворенія первой признаются ошибочными построеніями ума и частью отпадаютъ, частью замѣняются другими отвлеченіями, которымъ, однако, въ силу не вполнѣ разъясненнаго еще явленія переживанія или соціальнаго атавизма, придается значеніе, во многомъ сходное съ принадлежавшимъ первоначальнымъ обобщительнымъ попыткамъ, именно—значеніе сущностей. Такимъ образомъ, обѣ фазы сливаются въ одну великую эру фикцій или общихъ понятій, основанныхъ на иллюзіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. на представленіяхъ ума, несогласныхъ съ фактами, не воспроизводящихъ ихъ во всей точности, а имѣющихъ своимъ прямымъ источникомъ болѣе или менѣе значительную сумму обыкновенныхъ ошибокъ чувствъ, памяти, сужденія, индукціи и другихъ формъ непосредственнаго и посредственнаго знанія.

Но ближе всматриваясь въ дѣйствительный ходъ историческихъ фактовъ, трудно не признать, что существованіе мысли слитной, недифференцированной есть гипотеза, не имѣющая реальнаго основанія. Исторія застаетъ человѣческую мысль уже раздвоившеюся на отрасли. научную и философскую. И потому описанный выше и несомнѣнно проис-

---

[1]) James Sully: Les illusions des sens et de l'esprit. Paris. 1883. Bibliothèque scientifique internationale.

ходившій процессъ могъ относиться или къ каждой изъ нихъ порознь, или исключительно къ одной изъ нихъ. Мы раздѣляемъ послѣднее мнѣніе. Мы думаемъ, что чрезъ эру фикцій, въ дѣйствительности, проходила только мысль, стремившаяся объяснить всю совокупность явленій, а не отдѣлившаяся отъ нея весьма рано и, во всякомъ случаѣ, не позже полнаго развитія восходящей или теологической фазы, мысль научная, которая въ слѣдующемъ, нисходящемъ или метафизическомъ періодѣ уже достигла, какъ извѣстно, большой самостоятельности и значительнаго процвѣтанія. Конечно, и научная мысль никогда не была и, вѣроятно, никогда не будетъ вполнѣ свободна отъ давленія мысли философской. Въ прошедшемъ она, съ современной точки зрѣнія, только слишкомъ часто подпадала вліянію послѣдней. Вообще говоря, однако, она никогда не довольствовалась одними продуктами воображенія. Она потому и явилась могущественнымъ соціологическимъ факторомъ, дѣятельность котораго была всегда направлена къ одной цѣли: заключенію, приведенію къ концу великой эры философскихъ фикцій. Факторъ этотъ въ свое время вызвалъ обращеніе теологическихъ гипотезъ въ метафизическія; онъ же постоянно вліялъ на содержаніе и общее направленіе послѣднихъ; наконецъ, онъ же обнаружилъ ихъ конечную несостоятельность и расчистилъ, приготовилъ почву подъ новое состояніе философской мысли. Дѣятельность въ этомъ смыслѣ научнаго фактора вполнѣ очевидна: безъ помощи его могучей реакціи эра философскихъ фикцій никогда не могла бы закончиться, и умъ человѣка никогда не могъ бы возвыситься не только надъ метафизическимъ, но даже надъ теологическимъ объясненіемъ природы. Лучшимъ

доказательствомъ тому служитъ умственное состояніе современныхъ народныхъ массъ, насколько онѣ остались внѣ сферы дѣйствія точнаго знанія или только слабо подпали его вліянію (61).

6. Теологія и метафизика, въ эпоху ихъ нераздѣльнаго господства, были живымъ свидѣтельствомъ того, какъ ограничено было число частныхъ понятій и объясненій, выработанныхъ въ тотъ же періодъ спеціальными науками. Но какой соціологическій смыслъ имѣетъ такое свидѣтельство? Можно ли заключить изъ него, что умноженіе и развитіе научныхъ понятій происходило въ тѣсной зависимости отъ первыхъ двухъ умственныхъ состояній, или, наоборотъ, слѣдуетъ вывести заключеніе, что впаденіе ума въ эти два вида одного и того же основного заблужденія непосредственно обусловливалось малочисленностью научныхъ понятій и само вполнѣ объясняется исторіею возникновенія и медленнаго развитія наукъ? Что научная философія не могла выйти изъ метафизики подобно тому, какъ послѣдняя выработалась изъ теологическаго міропониманія,—на это справедливо указывалъ когда-то Литтре [1]). Съ этой точки зрѣнія законъ трехъ состояній является, очевидно, лишь удобною формулой для выраженія факта замѣщенія несуществующей еще научной философіи характеристическою смѣсью сначала теологическихъ, а потомъ метафизическихъ фикцій съ положительными истинами. Присутствіе послѣднихъ въ этой смѣси было чрезвычайно важно, положительныя истины играли тутъ роль дѣятельнаго фермента, который вызывалъ и поддерживалъ

1) La philosophie positive, T. I Les trois philosophies, стр 1.

въ умахъ продолжительный процессъ броженія, приведшій ихъ наконецъ къ убѣжденію въ полнѣйшей несостоятельности всеобъемлющихъ гипотезъ теологіи и метафизики. Формула Конта, такимъ образомъ, требуетъ еще новой поправки или, вѣрнѣе, дополненія въ томъ смыслѣ, что существованіе прямой генетической связи между первыми двумя умственными состояніями не даетъ права заключать о существованіи такой же связи между ними и третьимъ состояніемъ, или что научная философія слѣдуетъ за метафизикой, но не происходитъ отъ нея.

Нашимъ выводамъ и посылкамъ, на которыхъ они основаны, ни мало не противорѣчитъ упорная жизненность, постоянно отличавшая заблужденія первыхъ двухъ фазъ философскаго развитія. Фикціи теологіи и метафизики продолжали существовать и даже размножаться въ то самое время, когда наиболѣе важные самообманы чувства и мысли, изъ которыхъ эти фикціи первоначально возникли, были уже давно исправлены опытомъ и замѣщены, въ области частныхъ наукъ, несравненно болѣе вѣрными представленіями. Фактъ этотъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что фикціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, вслѣдствіе общаго, философскаго и, слѣдовательно, крайне отвлеченнаго характера своего, никогда непосредственно не питались многочисленными частными иллюзіями, породившими ихъ въ эпоху полнѣйшаго безсилія положительныхъ наукъ; отдаленный источникъ этихъ прославленныхъ заблужденій былъ, такимъ образомъ, мало по малу преданъ совершенному забвенію Чтобы вызвать его вновь въ памяти и тѣмъ положить предѣлъ дальнѣйшему развитію фантастическихъ построеній ума, необходимо было, чтобы въ об-

ласть философіи постепенно проникла новая серія общихъ понятій, возникшихъ изъ первоначальныхъ, но уже исправленныхъ опытомъ представленій, — другими словами, необходима была медленная реакція научныхъ понятій. Само собою разумѣется при этомъ, что чѣмъ большею степенью общности обладали послѣднія, или чѣмъ ближе они сами подходили къ состоянію философской зрѣлости, тѣмъ сильнѣе было и разсѣивающее дѣйствіе ихъ на призраки религіи и апріорной философіи.

7. Послѣ всего сказаннаго выше, эмпирическій характеръ закона трехъ состояній не можетъ подлежать сомнѣнію. Какъ выраженіе общаго историческаго факта, формула Конта чрезвычайно драгоцѣнна: не только лѣтописцу философіи, но и историку всякой другой группы соціологическихъ явленій она даетъ въ руки надежную путеводную нить, съ помощью которой легко классифицируются соотвѣтствующія явленія. Но она сама остается необъясненною. Почему, напримѣръ, между эпохою преобладанія теологическихъ фикцій и эпохою господства научныхъ объясненій наступаетъ періодъ, въ которомъ верховное руководство умами принадлежитъ метафизикѣ, или почему появляются вообще метафизическія гипотезы, и когда, при какихъ условіяхъ онѣ пріобрѣтаютъ и теряютъ власть надъ умами—подобныхъ вопросовъ законъ трехъ состояній прямо не разрѣшаетъ, если не считать такимъ разрѣшеніемъ ссылку на причины, глубоко сокрытыя въ области психическаго неизвѣстнаго.

Но именно на вопросъ объ условіяхъ происхожденія и развитія метафизики мы и искали отвѣта, стараясь оставаться, по возможности, на почвѣ соціологіи или, другими словами, стремясь поста-

вить наши выводы внѣ прямой зависимости отъ той или другой теоріи познаванія и, вообще, отъ постулатовъ, такъ или иначе принадлежащихъ смежнымъ съ соціологіею наукамъ, біологіи, психо-физикѣ и даже психологіи, разсматриваемой какъ конкретная отрасль обществознанія. Найдя такой отвѣтъ въ частномъ законѣ метафизическихъ типовъ, мы сочли возможнымъ гипотетически распространить заключающееся въ немъ объясненіе и на всю совокупность фактовъ, вошедшихъ въ составъ формулы Конта: въ результатѣ, какъ извѣстно читателю, получился общій законъ соотношенія между наукою и философіей. Въ томъ или другомъ состояніи знанія, понимая подъ этимъ терминомъ относительное количество научныхъ идей, мы видимъ прямую причину возникновенія, существованія и упадка какъ религій, такъ и метафизическихъ системъ. Согласно этому взгляду, относительнымъ количествомъ научныхъ понятій въ данную эпоху измѣряется и относительная сила и распространенность теологическихъ и метафизическихъ фикцій, такъ что чѣмъ больше первая величина, тѣмъ менѣе главный коэффиціентъ, образующій вторую, менѣе до совершеннаго почти исчезновенія (религіозныя вѣрованія въ интеллигентныхъ классахъ вообще и метафизическія стремленія въ наиболѣе просвѣщенныхъ слояхъ этихъ классовъ).

Нашъ общій законъ развитія философіи не заключаетъ въ себѣ, однако, ничего такого, что могло бы поколебать послѣдовательность трехъ умственныхъ фазъ или состояній. Нашъ законъ, напротивъ того, только еще болѣе подтверждаетъ достовѣрность факта, выражаемаго закономъ Конта. Истинное отношеніе между обѣими формулами обнаруживается въ полномъ совпаденіи вытекающихъ изъ нихъ

практическихъ выводовъ. Изъ предложенной нами формулы явствуетъ, что по мѣрѣ увеличенія суммы знаній исчезаютъ различные теологическіе и метафизическіе призраки прошедшаго. Но и изъ формулы Конта нельзя не вывести того-же утѣшительнаго для однихъ, прискорбнаго, можетъ быть, для другихъ заключенія. Причина такого совпаденія весьма понятна. Общій фактъ, выражаемый формулою Конта, составляетъ, очевидно, лишь естественный выводъ изъ еще болѣе общаго факта, выражаемаго нашимъ закономъ развитія философіи. Такимъ образомъ слѣдствіе, какъ часто случается, было обнаружено ранѣе его причины, или заключеніе было высказано прежде, чѣмъ его посылки; но при такихъ условіяхъ, отысканіе послѣднихъ не могло, конечно, представить никакихъ особенныхъ затрудненій (62).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВОЗРАЖЕНІЯ ПРОТИВЪ ЗАКОНА КОНТА.

1. Двѣ основныя группы возраженій.—2. Сверхъестественное вмѣшательство, концептъ лежащихъ за предѣлами чувственнаго опыта сущностей и понятіе объ естественномъ законѣ.—3. Множественность сущностей и дуализмъ родовыхъ абстрактныхъ сущностей и ихъ конкретныхъ проявленій.—4. Ученіе о непознаваемомъ —5. Два основныхъ недоразумѣнія. Ограниченность нашихъ познавательныхъ средствъ и относительность нашихъ знаній, какъ факты психологіи и какъ элементы общей, или философской, гипотезы — 6. Стремленіе къ познанію первыхъ и конечныхъ причинъ явленій, какъ признакъ, дифференцирующій всякую философію отъ всякаго положительнаго знанія. Отрицаніе возможности другой философіи, кромѣ метафизической.—7. Законъ трехъ состояній, какъ послѣдовательная смѣна общихъ или философскихъ методовъ. Двѣ объяснительныя формулы. Философская точка зрѣнія, основанная на широкомъ примѣненіи гипотезы, и философская же точка зрѣнія, опирающаяся на научно-провѣренные факты и отношенія.

1. Указавъ, какъ слѣдуетъ понимать формулу Конта, мы теперь можемъ разсмотрѣть главнѣйшіе упреки, которые были сдѣланы закону трехъ состояній совершенно независимо отъ того или другого толкованія его. Оставляя въ сторонѣ явныя недоразумѣнія, не трудно свести наиболѣе существенныя возраженія такого рода къ двумъ главнымъ группамъ. Первая относится къ признакамъ, кото-

рыми Контъ описываетъ три умственныя состоянія, или къ его опредѣленіямъ ихъ; вторая—къ теоріи непознаваемаго, лежащей, какъ увѣряютъ, въ основѣ, или составляющей необходимый постулатъ, этого историческаго обобщенія. Исходя изъ этихъ возраженій, заключаютъ уже о невѣрности самаго закона трехъ состояній и утверждаютъ, что невозможность совмѣстнаго и равноправнаго существованія всѣхъ трехъ родовъ міропониманій отнюдь не доказана Контомъ: не доказана относительно прошедшаго, въ которомъ всѣ три способа объясненія міра процвѣтали, будто бы, одновременно, и не доказана относительно будущаго, въ которомъ имъ, будто бы, суждено продолжать существовать и развиваться параллельно.

Результаты нашего изслѣдованія идутъ прямо на встрѣчу этимъ двумъ группамъ возраженій. Съ одной стороны, мы опредѣляемъ общія формы философскаго пониманія міра признаками болѣе согласными, какъ намъ кажется, съ историческою истиною, а съ другой, мы сами отвергаемъ всякое ученіе о непознаваемомъ, какъ глубоко метафизическое.

2. Остановимся сначала на признакахъ, служащихъ къ дифференцированію главныхъ разрядовъ, или типовъ, философскаго объясненія природы. Контъ кратко и, для своего времени, чрезвычайно мѣтко характеризовалъ послѣдовательныя перемѣны въ господствующемъ настроеніи умовъ—тремя выдающимися чертами: вѣрою въ сверхъестественное вмѣшательство, вѣрою въ реальное существованіе независимыхъ отъ явленій сущностей, которыми природа объясняется или даже управляется и, наконецъ, увѣренностью въ необходимомъ постоянствѣ отношеній между явленіями, въ подчиненности ихъ

естественному закону. Божество, сущность явленій, законъ природы—вотъ, по ученію великаго позитивиста, главные концепты, поочередно преобладающіе въ трехъ умственныхъ фазахъ, проходимыхъ человѣчествомъ.

Возставая противъ такой характеристики, многочисленные противники Конта старались доказать, что она составляетъ плодъ поверхностнаго наблюденія и лишена всякой научной цѣнности. Они въ особенности настаивали на шаткости и даже невѣрности признаковъ, приданныхъ метафизикѣ. Съ этою цѣлью часто указывалось, напримѣръ, на то, что уже древніе вполнѣ усвоили себѣ понятіе о постоянномъ отношеніи между явленіями, что затѣмъ Бэконъ, Гоббсъ, всѣ сенсуалисты и матеріалисты безпрестанно говорили о наукѣ и открываемыхъ ею законахъ природы. Какимъ же образомъ, спрашивается, всѣ эти философы могли быть метафизиками въ смыслѣ Конта, и почему концептъ единой сущности—они всѣ были монистами—такъ хорошо уживался въ ихъ умахъ съ понятіемъ объ естественномъ законѣ? Аналогичныя сомнѣнія возбуждаются и столь часто встрѣчающимися случаями совмѣстнаго существованія религіозныхъ вѣрованій съ метафизическими и научными представленіями.

Читателю извѣстны наши взгляды на теологію и метафизику; извѣстны также и опредѣленія, которыя мы даемъ этимъ двумъ разновидностямъ гипотетическаго міропониманія. Сверхъестественное вмѣшательство и концептъ лежащихъ за предѣлами чувственнаго опыта сущностей удерживаются нами какъ отличительныя черты соотвѣтствующихъ фазъ философскаго развитія только потому, что черты эти, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, рельефно высту-

паютъ наружу и, такимъ образомъ, не говоря уже о легкой усвояемости ихъ обыкновенными умами, прекрасно достигаютъ цѣли популярнаго описанія самаго общаго различія, существующаго между теологическимъ и метафизическимъ настроеніемъ ума. Но, говоря вообще, мы не придаемъ этимъ признакамъ сколько-нибудь глубокаго или существеннаго значенія. Въ предыдущихъ главахъ мы, поэтому, и старались выдвинуть впередъ другія, болѣе скрытыя, хотя и болѣе основныя черты, дифференцирующія уже не теологію отъ метафизики—вмѣстѣ съ Контомъ мы считаемъ послѣднюю простымъ видоизмѣненіемъ первой,—а всѣ формы ненаучнаго объясненія міра отъ всѣхъ видовъ научнаго міропониманія. Съ этою цѣлью, и при помощи тщательнаго анализа историческихъ проявленій философской мысли, мы именно и старались доказать, что такъ называемыя истины метафизики суть такія же индуктивныя обобщенія, какія составляютъ содержаніе всѣхъ наукъ, но только достигнутыя путемъ незаконныхъ и логически несостоятельныхъ пріемовъ открытія (63)

3. Результаты нашего изслѣдованія колеблятъ въ особенности ту „множественность“ сущностей или тотъ дуализмъ родовыхъ абстрактныхъ сущностей и конкретныхъ проявленій, которымъ Контъ, по большей части, вполнѣ довольствуется для характеристики метафизической фазы. Наше изслѣдованіе подтверждаетъ возраженіе, не разъ уже представлявшееся противъ подобнаго опредѣленія метафизики и состоящее въ томъ, что опредѣленіе это далеко не обнимаетъ собою всѣхъ формъ и ступеней развитія метафизическаго мышленія. Дѣйствительно, дуализмъ, о которомъ идетъ рѣчь,

свойственъ преимущественно переходу отъ теологіи къ метафизикѣ и встрѣчается въ системахъ, еще сохранившихъ тѣсную, непосредственную связь съ теологическимъ міросозерцаніемъ, напримѣръ, въ первобытномъ идеализмѣ или въ ученіяхъ схоластиковъ. Но уже въ болѣе развитыхъ формахъ метафизической мысли, въ матеріализмѣ, въ сенсуализмѣ и во всякомъ болѣе совершенномъ идеализмѣ, такой дуализмъ уступаетъ мѣсто абсолютному монизму, полному совпаденію всѣхъ конкретныхъ проявленій даже не съ сущностью въ прежнемъ, полу-теологическомъ смыслѣ слова, а съ однимъ какимъ-либо свойствомъ въ природѣ, которое гипостазируется, признается субстратомъ всего существующаго.

Итакъ, мы согласны съ указаннымъ сейчасъ возраженіемъ; но мы всецѣло относимъ его къ формальному несовершенству опредѣленія Конта, къ неточной терминологіи учителя: ибо метафизика все-таки остается метафизикой, какъ бы удачно или неудачно ни были описаны ея признаки, и постепенно развивается изъ теологіи, предшествуя, въ свою очередь, медленному образованію научнаго міропониманія, а не наоборотъ. Самъ Контъ, какъ извѣстно, признавалъ, что плюрализмъ сверхъестественныхъ силъ и метафизическихъ сущностей составляетъ только необходимую точку исхода, а не конечный результатъ, который въ обоихъ случаяхъ всегда одинаково монистиченъ.

Въ оправданіе Конта надо еще сказать, что вѣрный относительно начала процесса, или зарожденія метафизики, признакъ, выставленный имъ съ особымъ удареніемъ—множественность сущностей, вѣренъ и относительно конца процесса, или того періода, когда преобладаніе переходитъ къ сенсуа-

листическимъ системамъ. Сенсуализмъ, какъ мы видѣли, исторически почти всегда совпадалъ съ философскимъ скептицизмомъ. Доктрина эта доказывала нелѣпость какъ матеріалистической, такъ и идеалистической метафизики, и съ этою цѣлью выставляла теорію непознаваемаго, ученіе о вещахъ самихъ въ себѣ, то есть о тѣхъ же сущностяхъ. Ни видовыя, ни родовыя сущности намъ не доступны, учитъ эта философія, тѣмъ самымъ признавая, конечно, реальное существованіе такихъ сущностей, которыя она затѣмъ сводила къ ощущенію, изъ желанія достигнуть уже субъективнаго единства мысли. Но приступая къ опредѣленію метафизики, Контъ, кажется болѣе всего имѣлъ въ виду господствовавшія въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи теоріи естествознанія, выросшія на метафизической почвѣ; вотъ почему онъ и характеризовалъ всякую метафизику съ точки зрѣнія сенсуалистической критики матеріализма и идеализма.

4. Разсмотримъ теперь другое, гораздо болѣе важное возраженіе, вызываемое формулою Конта. Возраженіе это сводится къ тому, что законъ трехъ состояній не столько стоитъ на собственныхъ ногахъ, сколько опирается на предвзятую и весьма извѣстную философскую теорію. Законъ Конта, говорятъ его противники, есть скорѣе выводъ изъ теоріи непознаваемаго, которая, въ свою очередь, основана на дознанномъ фактѣ ограниченности человѣческихъ способностей, чѣмъ прямое обобщеніе изъ массы наблюденій надъ историческою жизнью человѣчества. Взглядъ основателя позитивизма на относительность и роковую ограниченность человѣческаго пониманія, являющійся краеугольнымъ камнемъ его теоріи познанія, вотъ, по мнѣнію

такихъ оппонентовъ, та исходная точка, отъ которой, считая ее доказанною, безспорною истиною, Контъ отправляется въ своемъ схематическомъ изображеніи послѣдовательныхъ фазъ умственнаго развитія. Главный результатъ сенсуалистической критики составляетъ, такимъ образомъ, скрытый отъ глазъ, но крѣпкій материкъ, надъ которымъ уже возвышается болѣе или менѣе эмпирическій фундаментъ, подведенный Контомъ подъ свое знаменитое историческое обобщеніе.

5. Мы сейчасъ увидимъ, что въ этомъ возраженіи вполнѣ справедливо и что—глубоко ошибочно. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ въ разъясненіе двухъ недоразумѣній, почти постоянно порождаемыхъ приведенною выше аргументаціею.

Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что обыкновенно принимаютъ за нѣчто вполнѣ доказанное, что только въ положительной фазѣ развитія умъ человѣка, сводя всѣ явленія къ общимъ, необъяснимымъ далѣе фактамъ или законамъ, дѣйствительно становится лицомъ къ лицу съ Magnum Ignotum, съ великимъ неизвѣстнымъ, и впервые сознаетъ роковую предѣльность своихъ познавательныхъ усилій; въ теологическомъ же и метафизическомъ состояніяхъ умъ нашъ, какъ обыкновенно думаютъ, ничѣмъ не ограничиваетъ своихъ стремленій къ общему знанію. Но такой взглядъ едва-ли вѣренъ, и притомъ въ какой бы то ни было мѣрѣ. Въ теологической фазѣ всѣ явленія сводятся къ дѣйствію антропоморфной сверхъестественной воли, въ метафизической—къ одному или многимъ отвлеченіямъ или сущностямъ. Ни сверхъестественная воля, ни эти сущности, однако, не объясняются нашимъ умомъ сколько-нибудь полнѣе

или лучше, чѣмъ постоянныя отношенія, или законы природы, которыми и та, и другія впослѣдствіи замѣняются. Въ дѣйствительности, значитъ, признаніе ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ, какъ на это давно уже указалъ мыслитель, особенно близко стоящій къ подлинной доктринѣ Конта и чрезвычайно точно всегда комментировавшій ее[1]), нисколько не менѣе рѣшительно и сознательно въ первыя двѣ фазы, чѣмъ въ послѣднюю.

Второе недоразумѣніе проистекаетъ изъ смѣшенія вполнѣ научнаго, хотя далеко еще не разработаннаго, какъ слѣдуетъ, матеріала, послужившаго къ образованію философской гипотезы о непознаваемомъ, съ этою самою гипотезою—и состоитъ въ совершенномъ приравненіи перваго къ послѣдней, въ отожествленіи немногихъ фундаментальныхъ камней съ цѣлымъ воздушнымъ зданіемъ, временно воздвигнутымъ надъ ними. Эти разрозненные камни суть то, что дано намъ опытомъ по вопросу объ ограниченности нашихъ способностей, объ относительности нашихъ познаній. Но зданіе, которое можетъ быть сооружено изъ этого матеріала, еще ждетъ своего зодчаго. Не съумѣвъ воспользоваться до сихъ поръ этими данными для открытія хотя бы только одного частнаго, именно психологическаго закона, мы уже спѣшимъ обратить ихъ во всеобъемлющую, чисто философскую гипотезу—знаменитую теорію непознаваемаго. Таковъ, какъ мы могли убѣдиться въ томъ на каждомъ шагу нашего изслѣдованія, постоянный обычай, верховный законъ метафизики: она всегда предупреждаетъ своими гипотезами всякое положительное знаніе.

---

1) G. Wyroubоff· Le certain et le probable, l'absolu et le relatif Philosophie positive Томъ I.

Но отсюда явствуетъ, что всѣ факты, говорящіе въ пользу относительности нашихъ знаній и ограниченности нашихъ способностей, должны, до поры до времени, быть сосредоточены въ области частной науки, психологіи, и ни подъ какимъ предлогомъ не должны переноситься изъ нея въ область не только философіи, но даже и смежныхъ съ психологіею наукъ. Какъ ни тяжела подобная умственная дисциплина, она необходима для избѣжанія крупныхъ ошибокъ, если не для достиженія прочныхъ результатовъ. Понятно также, что, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, указанный психологическій матеріалъ не можетъ служить основнымъ постулатомъ какой бы то ни было научной теоріи и тѣмъ болѣе обобщенія, выдаваемаго за положительный законъ. Поскольку же формула Конта основана на такомъ не подлежащемъ спору, или принимаемомъ на вѣру предположеніи, въ ней—это можно впередъ сказать—непремѣнно найдутся неточности и противорѣчія (63 bis).

6. Займемся теперь упрекомъ закону Конта въ томъ, что онъ составляетъ простой выводъ изъ теоріи непознаваемаго.

Какъ въ самой ранней, такъ и въ слѣдующей за ней фазѣ умъ человѣка всецѣло поглощенъ изслѣдованіемъ первыхъ и конечныхъ причинъ явленій, говоритъ Контъ въ поясненіе своего закона [1]). Такимъ образомъ, относительно первыхъ двухъ умственныхъ состояній по крайней мѣрѣ, въ формулѣ Конта: всѣ наши понятія и знанія проходятъ чрезъ эти двѣ фазы, содержится ясно подразумѣваемое условіе: поскольку эти понятія и знанія задаются

---

[1]) Cours, T I, стр. 9, изданія 1869 г.

цѣлью достигнуть познанія первыхъ и конечныхъ причинъ явленій. Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что познаніе послѣдняго рода есть самое общее изо всѣхъ возможныхъ или, другими словами, есть познаніе исключительно и въ высшей степени философское. Въ этой половинѣ своей, слѣдовательно, законъ трехъ состояній имѣетъ явно предметомъ—философское, а не научное развитіе.

Въ третьей фазѣ, продолжаетъ свою характеристику Контъ [1]), человѣческій разумъ отказывается разъ-навсегда отъ изслѣдованія начала и конечнаго назначенія вселенной, считая такое знаніе недоступнымъ своимъ силамъ и строго ограничивая себя простымъ изученіемъ порядка преемственности и сосуществованія реальныхъ явленій. Очевидно, что въ формулѣ: наши понятія и знанія переходятъ, наконецъ, въ положительную фазу, содержится невысказанный постулатъ поскольку эти понятія и знанія уже перестали стремиться къ открытію первыхъ и конечныхъ причинъ явленій. Кромѣ этого отрицательнаго признака, Контъ не выставляетъ другихъ и тѣмъ невольно вселяетъ убѣжденіе, что въ положительномъ періодѣ всѣ, безъ исключенія, понятія и знанія становятся научными, или что во второй половинѣ своей законъ трехъ состояній имѣетъ предметомъ уже научное, а не философское развитіе.

Другими словами, въ первыхъ двухъ фазахъ, о всѣхъ нашихъ понятіяхъ утверждается, что они по необходимости — философскія, въ третьей же и послѣдней—что они, по необходимости, научныя. Философія отожествляется съ метафизикою и въ результатѣ получается, если не прямой логическій выводъ,

---

[1]) Ibid.

то, во всякомъ случаѣ, довольно рѣзкое впечатлѣніе, что философія, какъ знаніе наиболѣе общее—невозможна.

Но что такой результатъ основанъ на недоразумѣніи, что онъ есть простое слѣдствіе ошибки, незамѣтно вкравшейся въ правильную, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, операцію ума, въ этомъ едва-ли позволительно сомнѣваться. Попробуемъ же разъяснить, въ чемъ состояла такая ошибка.

Разсматриваемый какъ весьма общій выводъ изъ наблюденій надъ историческою жизнью человѣчества, законъ Конта, мы неоднократно были вынуждены признать это, совершенно вѣренъ. Въ наши спеціальныя знанія и понятія, дѣйствительно, вносились послѣдовательно двѣ несомнѣнно философскія, мірообъяснительныя точки зрѣнія: теологическая и метафизическая. Совершенно справедливо и то, что обѣ эти точки зрѣнія мало по-малу вытѣснялись изъ спеціальныхъ знаній, и что этотъ обратный процессъ, неуклонно слѣдовавшій порядку, который также былъ впервые открытъ и установленъ Контомъ [1]),—порядку убывающей общности и увеличивающейся сложности изучаемыхъ явленій, почти всегда совпадалъ съ „совершеннолѣтіемъ“ спеціальныхъ наукъ, съ періодомъ ихъ полной зрѣлости, ихъ независимости отъ какихъ бы то ни было чуждыхъ имъ общихъ воззрѣній Но какъ бы велика ни была такая самостоятельность, позволительно спросить, была ли она настолько полною, что, по мѣрѣ изгнанія метафизическихъ объясненій, въ наши спеціальныя знанія и понятія, ставшія научными, уже не могла быть внесена никакая другая общая или философская точка зрѣнія?

---

[1]) Cours, стр 19 и 47—89 тома 1-го, изданія 1869 г.

Если на законъ Конта смотрѣть, какъ на выводъ изъ дознанной ограниченности человѣческихъ способностей, или какъ на простое приложеніе, къ объясненію фактовъ умственнаго развитія, сенсуалистической теоріи непознаваемаго, то на поставленный выше вопросъ можно отвѣтить только въ одномъ смыслѣ. Что бы ни утверждалось въ словесномъ изображеніи формулы, по существу, по внутреннему смыслу она, опираясь на концептъ непознаваемаго, остается, съ одной стороны, отрицаніемъ возможности внесенія въ спеціальныя знанія и понятія иной философской точки зрѣнія, кромѣ метафизической, а съ другой — является внесеніемъ въ нихъ, хотя уже, такъ сказать, только контрабандою, именно этой метафизической точки зрѣнія. При этомъ, конечно, въ наши научныя понятія вносится не матеріализмъ, идеализмъ или даже обыкновенный сенсуализмъ, а внутреннее ядро послѣдняго міропониманія — теорія непознаваемаго, философія скептицизма и т. п. До такой степени, значитъ, необходимъ всегда и вездѣ общій, обнимающій собою совокупность природы взглядъ на вещи.

Понятая такимъ узкимъ образомъ, формула Конта не вводитъ насъ въ новую фазу философскаго развитія, а оставляетъ въ метафизическомъ періодѣ, при вполнѣ установившихся спеціальныхъ наукахъ. Что такое противорѣчіе возможно, мы тому видимъ подтвержденіе на каждомъ шагу—въ мирно процвѣтающихъ, бокъ-о-бокъ съ развившимися науками, и все еще вновь возникающихъ метафизическихъ системахъ.

Но что доказываетъ подобное явленіе? Только то, какъ намъ кажется, что мы имѣемъ дѣло съ характеристическимъ случаемъ безсознательнаго историческаго переживанія. И мы, поэтому, ни

мало не сомнѣваемся, что одновременно съ окончательнымъ образованіемъ спеціальныхъ наукъ и, въ особенности, съ завершеніемъ всего цикла ихъ происходитъ и медленный процессъ внесенія въ наши понятія и знанія третьей точки зрѣнія, дѣйствительно уже отличной отъ первыхъ двухъ и, все-таки, всеобщей или мірообъяснительной.

Здѣсь мы должны сдѣлать одну важную оговорку. Придерживаясь терминологіи Конта, [1]) мы постоянно говорили о „внесеніи“ въ наши спеціальныя понятія той или другой философской точки зрѣнія Между тѣмъ, одинъ изъ главнѣйшихъ результатовъ нашего изслѣдованія состоялъ именно въ раскрытіи истиннаго генезиса философскихъ обобщеній, въ доказательствѣ, что послѣднія первоначально всегда „выносятся“ изъ нашихъ спеціальныхъ знаній, и только тогда уже, въ свою очередь, могутъ въ болѣе или менѣе сильной степени реагировать на нихъ. Это одинаково справедливо относительно теологическихъ, метафизическихъ и научно-философскихъ обобщеній; всѣ они въ равной мѣрѣ получаютъ свою кровь и плоть отъ соотвѣтствующихъ частныхъ понятій и затѣмъ уже, въ такомъ организованномъ видѣ, вносятся обратно въ предѣлы спеціальнаго знанія. Эту существенную поправку слѣдуетъ имѣть въ виду, употребляя безразлично тотъ или другой изъ указанныхъ терминовъ.

7. Законъ Конта „формально“ признаетъ внесеніе въ наши понятія и знанія третьей всеобщей точки зрѣнія—и Контъ по-праву называетъ его великимъ закономъ. Но Контъ не вполнѣ удовлетворительно, недостаточно точно описываетъ при-

---

[1]) Cours, T IV, стр. 664—667 перваго изданія 1839 г

знаки этой третьей философіи и тѣмъ подаетъ поводъ смѣшивать ее съ прежними типами міропониманія или утверждать,—что̀ до сихъ поръ и дѣлается, исходя изъ нѣкоторыхъ позитивныхъ тезисовъ,—что никакая другая философія невозможна, кромѣ метафизики, и что̀ позитивизмъ, слѣдовательно, составляетъ отрицаніе философіи вообще.

Законъ метафизическихъ типовъ и индуктивное расширеніе его, законъ соотношенія между наукою и философіей, не впадаютъ въ эту ошибку; а потому, только опираясь на нихъ, можетъ окончательно восторжествовать надъ постоянно вновь ему дѣлаемыми возраженіями и законъ трехъ состояній, въ той краткой формулѣ, которая также была весьма счастливо придана ему великимъ французскимъ мыслителемъ—какъ послѣдовательная смѣна общихъ или философскихъ методовъ. Въ этой формулѣ уже ничего не утверждается и не подразумѣвается относительно познаваемости или непознаваемости какихъ бы то ни было явленій; въ ней не заключается скрытой теоріи познанія, теоріи, которая въ настоящее время можетъ быть только гипотетическою даже въ области частной науки, а на философской почвѣ неминуемо получаетъ метафизическій характеръ. Въ этой формулѣ утверждается только то, что новый, третій методъ существенно разнится отъ первыхъ двухъ. Въ чемъ состоитъ эта разница, въ чемъ заключается совершившаяся или имѣющая совершиться перемѣна,—объясняется уже нашими двумя законами.

Для того, чтобы наши понятія и знанія стали научными, нужна не только масса наблюденій и опытовъ, то есть, много времени, но и правильное производство этихъ наблюденій и опытовъ сначала надъ менѣе, а потомъ и надъ болѣе слож-

ными явленіями. Умъ человѣка, однако, не сразу вѣрно попадаетъ въ эту іерархическую колею, и потому множество усилій его обыкновенно теряется или, другими словами, всесильный факторъ, время, и тутъ вступаетъ въ свои права. Этого объясненія достаточно, согласно извѣстному канону научнаго метода, требующему устраненія „ненужныхъ“ причинъ. Прибѣгать еще къ вліянію теологической или метафизической точки зрѣнія, строго говоря, нѣтъ никакой надобности; можно и слѣдуетъ только констатировать усложненіе главной причины (незнанія) побочною (философіей незнанія), прямо изъ нея вытекающею. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но въ теченіе первыхъ двухъ, въ сущности, вполнѣ однородныхъ фазъ развитія изъ нашихъ понятій и знаній, еще не ставшихъ научными, именно по этой причинѣ выводится точка зрѣнія общая, всецѣло основанная на методѣ гипотетическомъ. Пробѣлы знанія восполняются гипотезами всеобщаго характера только потому, что иначе нельзя объяснить природу, и только до тѣхъ поръ, пока продолжается эта невозможность. Въ третьей фазѣ, напротивъ того—и въ этомъ и заключается ея неоднородность съ предшествующими ей ступенями—изъ нашихъ знаній и понятій, уже ставшихъ научными—какимъ путемъ, мы видѣли—именно по этой причинѣ выводится точка зрѣнія общая, основанная на провѣренныхъ фактахъ и отношеніяхъ. Пробѣлы знанія теперь уже не восполняются философскими гипотезами, ибо природа становится доступною нашему пониманію и безъ такого крайняго средства, никогда и ни въ какой степени не гаран-

тирующаго насъ отъ самыхъ наивныхъ и нелѣпыхъ самообмановъ мысли.

Такимъ образомъ объясняется необходимость контовской смѣны трехъ фазъ. Эти фазы соотвѣтствуютъ тремъ возрастамъ науки. Вотъ почему онѣ повторяются и въ формѣ, все болѣе и болѣе сглаживающейся, всегда, можетъ быть, будутъ повторяться и въ индивидуальномъ, біологическомъ развитіи, воспроизводящемъ вкратцѣ крупнѣйшія черты пережитой предками соціологической эволюціи (64).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАКОНЪ ТРЕХЪ СОСТОЯНІЙ И ГИПОТЕТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ И НАУКѢ.

1 Взглядъ Конта на роль философской гипотезы въ наукѣ.—2 Произвольный характеръ объясненія Конта.—3. Двѣ параллельныя послѣдовательности. Законъ, управляющій научною эволюціей и эмпирическій законъ, управляющій эволюціей философскою.—4 Философскія гипотезы.—5. Научныя гипотезы.—6. Эволюція научной мысли какъ соціологическое условіе эволюціи мысли философской. Совмѣстное существованіе теологіи, метафизическихъ системъ и положительныхъ наукъ. Потребность знанія и потребность міропониманія —7. Процессъ дифференцированія главныхъ разрядовъ нашихъ понятій. Методологическія послѣдствія антагонизма между наукою и философіею.—8 „Научное“ и „ненаучное“ въ области науки и въ области философіи. Синтетическое единство метода въ обѣихъ сферахъ. Единство метода аналитическое.

1. Приложимъ теперь къ закону трехъ состояній тѣ общіе выводы, которые были добыты нами до сихъ поръ по вопросу о значеніи гипотетическаго метода въ философіи и наукѣ, то есть, въ двухъ областяхъ, близко соприкасающихся, но никогда не могущихъ слиться между собою.

Наиболѣе существенныя несовершенства формулы Огюста Конта объясняются, въ значительной мѣрѣ, взглядами этого мыслителя на гипотезу.

Контъ признавалъ, что чистый эмпиризмъ никогда не ведетъ къ научному знанію, что для этого

нуженъ предварительный „взмахъ воображенія“, теорія, гипотеза, какъ бы неосновательна она ни была [1]). Нѣтъ ничего справедливѣе этого положенія. Но, отправляясь отъ него, Контъ пришелъ къ заключенію, что эмпирическимъ знаніемъ сначала руководили теологическія гипотезы, что ту же роль исполняла затѣмъ метафизика и что именно такимъ образомъ положительное знаніе и было поставлено на ноги: наступила минута, когда оно уже могло ходить безъ помочей. Оно сдѣлалось точнымъ, провѣреннымъ въ главныхъ чертахъ и подробностяхъ, и, какъ послѣдствіе этой точности или послѣдствіе ненужности теологіи и метафизики, явился позитивизмъ,—замѣна прежней философіи суммированіемъ, простымъ подытоживаніемъ общихъ результатовъ положительнаго знанія.

2. Этотъ взглядъ, однако, составляетъ самъ только гипотезу, и притомъ такую, которая едва ли можетъ быть подтверждена фактами.

Во первыхъ, подлежитъ сильному сомнѣнію, чтобы теологія и метафизика когда-либо обильно ссужали спеціальныя науки своими основными предположеніями. Желаніе быть справедливымъ ко всѣмъ явленіямъ прошедшаго и оптимизмъ особаго рода, легко превращающійся въ общественную телеологію,—одинъ изъ крупныхъ недостатковъ Конта—увлекли его здѣсь, какъ намъ кажется, на путь произвольныхъ объясненій (65).

Во вторыхъ, частная гипотеза и въ настоящее время есть необходимое условіе, основная прина-

---

[1]) Cours; Ч. IV, стр. 664—667 и др. Изд. 1-е 1839 г.

длежность спеціальной науки [1]). Но откуда могутъ теперь заимствовать свои руководящія гипотезы новые отдѣлы знаній? Не изъ теологіи или метафизики, конечно, такъ какъ современная наука окончательно порвала всякія связи съ этими двумя формами „общаго непониманія“ природы. Изъ философіи наукъ? Но эта философія не строитъ гипотезъ. Очевидно, такимъ образомъ, что спеціальное знаніе въ нашу эпоху само вырабатываетъ исходныя предположенія, въ которыхъ оно такъ нуждается на первыхъ порахъ. Но это одно уже обнаруживаетъ капитальную ошибку Конта, заключающуюся въ томъ, что онъ совершенно упустилъ изъ виду основное различіе между общею и частною, непровѣряемою и провѣряемою, философскою и научною гипотезой.

3. Въ объясненіи Конта исчезаетъ главный признакъ, отдѣляющій философію отъ науки, міропониманіе отъ пониманія части міра, и центръ тяжести различенія всецѣло переносится на признаки обыденные, популярные, бросающіеся въ глаза, но шаткіе и неопредѣленные.

Три общихъ концепта, по мнѣнію Конта, поочередно руководятъ изслѣдователями природы: идея сверхъестественнаго управленія явленіями, концептъ сущности вещей и идея естественнаго закона, неизмѣннаго отношенія между фактами или событіями. Эти признаки, безспорно, реальны. Но они одинаково встрѣчаются и въ спеціальномъ знаніи, и въ философской сферѣ, и потому естественно при-

---

[1]) Ibid. стр. 665 и слѣд., по поводу метеорологическихъ и соціологическихъ наблюденій

водятъ къ смѣшенію науки и философіи. Въ основанномъ на нихъ законѣ можетъ отражаться, grosso modo, какъ это и случилось съ обобщеніемъ Конта, дѣйствительная послѣдовательность міропостроительныхъ попытокъ. Достигнуть полнаго объясненія этой послѣдовательности возможно, однако, лишь прибѣгнувъ къ гранямъ, глубоко размежевывающимъ науку съ философіей, а не къ признакамъ, служащимъ для нихъ скорѣе соединительными звеньями.

Передъ нами не одна, а цѣлыхъ двѣ послѣдовательности: развитіе наукъ и развитіе міропониманій; и каждую изъ этихъ эволюцій слѣдуетъ объяснить порознь. Между тѣмъ, въ настоящее время, положеніе вопроса такое: эволюція наукъ объяснена закономъ усложненія явленій, а послѣдовательность міропониманій не объяснена вовсе; оба же разряда фактовъ подчинены одному общему закону трехъ состояній, ни мало не совпадающему съ закономъ усложненія. Или мы сильно ошибаемся, или тутъ кроется крупное методологическое заблужденіе. Къ открытію общаго закона, управляющаго обѣими эволюціями, можно, какъ намъ кажется, приступить только послѣ прочнаго установленія спеціальнаго закона развитія философіи. И вотъ, руководствуясь такимъ взглядомъ, мы и пришли къ убѣжденію, что законъ трехъ состояній не есть искомый общій законъ, а составляетъ эмпирическую формулу спеціальнаго закона развитія философіи,—закона, которому мы, съ своей стороны, старались прискать соотвѣтствующее теоретическое выраженіе.

4. Читателю извѣстно основное различіе, всюду проводимое нами, между частнымъ знаніемъ и философі-

ею. Принимая за наиболѣе существенный признакъ въ этомъ отношеніи то, что всеобщія и ео ipso непровѣряемыя гипотезы, въ силу самаго опредѣленія своего, составляютъ продуктъ философскаго, а не научнаго мышленія, мы заключаемъ отсюда, что теологическій или метафизическій характеръ можетъ имѣть только философія, — а отнюдь не наука. Посмотримъ же теперь, какіе результаты даетъ такой критерій въ приложеніи къ тремъ признакамъ Конта.

Что̀ такое сверхъестественная сила, сущность, естественный законъ? Концепты нашего ума, изъ которыхъ первые два несомнѣнно имѣютъ, а третій легко получаетъ гипотетическій характеръ. Но общія или частныя это гипотезы? Съ перваго взгляда можетъ казаться, что первыя двѣ гипотезы всегда общія, а послѣдняя всегда частная. Такое заключеніе, однако, будетъ не совсѣмъ вѣрно. Общій или, напротивъ, частный характеръ этихъ гипотезъ зависитъ не столько отъ ихъ реальнаго содержанія, сколько отъ того, прилагаются ли онѣ къ объясненію вполнѣ однородныхъ фактовъ или къ объясненію совокупности разнородныхъ явленій.

Разсмотримъ этотъ вопросъ нѣсколько ближе. Каждый изъ трехъ указанныхъ концептовъ сохраняетъ характеръ общей гипотезы только до тѣхъ поръ, пока имъ пользуются для цѣлей философскаго мышленія. Такъ, въ теологическомъ міропониманіи, совокупность природы (т. е. явленій весьма разнородныхъ) нормируется идеей сверхъестественнаго вмѣшательства, при чемъ на низшей ступени, въ фетишизмѣ, къ каждому особому разряду явленій приставляется особое божество; въ слѣдующей фазѣ, въ политеизмѣ, разряды явленій

дѣлаются болѣе обширными и между ними, а также между управляющими ими сверхъестественными силами устанавливается правильная іерархія, наконецъ, въ монотеизмѣ и обезличенномъ монотеизмѣ, или теизмѣ, достигается монизмъ — единство сверхъестественной силы, безсознательно уже лежавшее на глубокомъ днѣ фетишизма и политеизма Далѣе, въ метафизическомъ міропониманіи въ т ѣ с н о м ъ смыслѣ слова совокупность природы нормируется идеей сущности, при чемъ или каждый разрядъ явленій объясняется спеціальною сущностью—плюрализмъ, свойственный меньшинству метафизическихъ философій; или весь міръ явленій раздѣляется между двумя сущностями — дуализмъ, довольно распространенная, но не особенно устойчивая форма метафизики; или всѣ явленія объясняются одною сущностью—монизмъ, составляющій высшій и конечный обликъ метафизики, тотъ логическій плодъ, который долженъ былъ естественно развиться изъ всѣхъ предыдущихъ зародышей. Наконецъ, въ метафизическомъ міропониманіи въ о б ш и р н о м ъ смыслѣ слова, обнимающемъ собою и такъ-называемыя н а у ч н о-ф и л о с о ф с к і я с и с т е м ы, совокупность природы нормируется идеей закона, неизмѣннаго отношенія между фактами, при чемъ и тутъ высшею формою, въ которую неизбѣжно, рано или поздно, превращаются всѣ другія, является научно-философскій монизмъ, объясненіе нераздѣльной совокупности вещей однимъ верховнымъ закономъ (66).

5. Съ другой стороны, будучи перенесены въ сферу спеціальнаго знанія, всѣ три концепта, послужившіе Конту отличительными признаками для

трехъ послѣдовательныхъ фазъ умственнаго развитія, неминуемо теряютъ характеръ всеобщихъ, или философскихъ, гипотезъ и превращаются въ частныя, или научно-провѣряемыя, предположенія (67).

Исторія наукъ представляетъ собою живое свидѣтельство, что это не только должно было быть, но и было такъ на самомъ дѣлѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ спеціальному объясненію астрономическихъ, физическихъ и т. п. явленій прилагалась на первыхъ порахъ и гипотеза о сверхъестественномъ характерѣ ихъ, но не менѣе достовѣрно также, что ничто, въ предѣлахъ частнаго знанія, не подтвердило идеи сверхъестественнаго вмѣшательства, что всѣ наблюденія говорили противъ нея, что спеціальнымъ изслѣдователямъ, въ сущности, „никогда не приходилось дѣйствительно нуждаться въ этомъ предположеніи“. Вотъ почему фетишизмъ, напримѣръ,—эта основная теологическая ячейка, въ которой супранатурализмъ еще крѣпко коренится среди міра конкретныхъ явленій,—и былъ возможенъ только до тѣхъ поръ, пока длилось общественное состояніе, при которомъ научный факторъ былъ равенъ нулю. Но лишь только въ этомъ отношеніи послѣдовала самая незначительная перемѣна, фетишизмъ оказался подрѣзаннымъ въ корнѣ. Онъ палъ навсегда, а супранатурализмъ поспѣшилъ подняться въ болѣе безопасныя сферы, удаленныя отъ всякой немедленной конкретной повѣрки, и мало-по-малу превратился въ тѣ высшія формы теологическаго міропониманія, которыя, хотя и продолжали постоянно подтачиваться спеціальнымъ знаніемъ, но для своего окончательнаго паденія нуждались уже въ иной степени зрѣлости положительныхъ наукъ.

То же самое случилось и съ метафизическими гипотезами, довольно скоро смѣнившими въ болѣе развитыхъ умахъ первоначальныя предположенія, безвозвратно сдѣлавшіяся достояніемъ народныхъ міропониманій и организованныхъ теократій. Метафизическія гипотезы, въ трехъ главныхъ типахъ своихъ, не долго держались въ спеціальныхъ отрасляхъ знанія, въ которыхъ онѣ провѣрялись легко, хотя только отрицательно, и изъ которыхъ выкидывались всякій разъ, когда эти отрасли нѣсколько подвигались впередъ и прибѣгали къ другимъ гипотезамъ, обѣщавшимъ имъ болѣе плодотворные результаты. Метафизическій плюрализмъ и тутъ палъ первою жертвою, въ то время, какъ разорвавшій прямую связь съ конкретною дѣйствительностью монизмъ могъ еще долго господствовать надъ умами.

Одинаковая судьба, наконецъ, постигаетъ уже на нашихъ глазахъ и общія гипотезы научно-философскихъ системъ. Гипотезы эти теряютъ свой непровѣряемый характеръ, когда перестаютъ быть всеобщими, или вносятся въ предѣлы частной науки; современныя наблюденія, сверхъ того, наглядно убѣждаютъ, что такіе заимствованные постулаты не приживаются въ спеціальныхъ областяхъ знанія, которыя всегда предпочитаютъ имъ гипотетическія построенія, выросшія на собственной почвѣ наукъ (68).

Только этою провѣряемостью теологическихъ и метафизическихъ гипотезъ, когда онѣ спеціализируются и примѣняются къ отдѣльнымъ явленіямъ, а не ко всей суммѣ ихъ, и можно объяснить себѣ быстрые успѣхи точныхъ наукъ въ первую, теологическую, и вторую, метафизическую фазу развитія,—т. е. именно въ тотъ періодъ времени, когда

происходилъ великій застой въ направлявшихъ, будто бы, спеціальное знаніе, а, въ сущности, нормировавшихся имъ міропониманіяхъ. Если науки процвѣтали, а теологія и метафизика не падали со сколько нибудь замѣтною быстротою въ тотъ самый періодъ, когда и сумма явленій, и каждое слагаемое въ этой суммѣ объяснялись, будто бы, существенно одинаковыми фикціями, то это могло случиться только потому, что послѣднія въ положительныхъ наукахъ провѣрялись и откидывались, а въ философіи не могли быть провѣрены—и держались (69).

6. Изъ всего сейчасъ сказаннаго необходимо вытекаетъ такая дилемма: или формула Конта вѣрна только въ примѣненіи къ философіи и выражаетъ собою спеціальный законъ ея развитія; или она должна быть видоизмѣнена въ томъ смыслѣ, что хотя всѣ наши понятія, философскія и научныя, и проходятъ чрезъ три фазы, описанныя Контомъ, но послѣдній разрядъ, или научныя понятія, совершаетъ эту эволюцію несравненно быстрѣе, чѣмъ первый разрядъ, или философскіе концепты, въ зависимости отъ провѣряемаго характера, пріобрѣтаемаго въ спеціальной наукѣ всякою гипотезою—какого-бы она ни была происхожденія: теологическаго, метафизическаго или научно-философскаго. Но отсюда именно и слѣдуетъ, что эволюція спеціальныхъ наукъ предшествуетъ эволюціи философскихъ системъ, которую первая и направляетъ, или, другими словами, что наука и ея развитіе есть соціологическая причина, а философія и ея развитіе—соціологическое послѣдствіе.

Совмѣстное существованіе, въ теченіе долгихъ историческихъ періодовъ, теологіи, метафизическихъ системъ и положительныхъ наукъ (но не положи-

тельнаго міропониманія) не подлежитъ сомнѣнію, какъ не подлежитъ спору и одновременное примѣненіе одного и того же гипотетическаго метода къ изслѣдованію отдѣльныхъ разрядовъ и всей совокупности явленій. Съ усвоенной нами точки зрѣнія, противникамъ закона Конта можно сдѣлать не одну эту уступку. Съ ними можно согласиться и въ томъ, что приложеніе гипотетическаго метода къ объясненію отдѣльныхъ явленій, дающее начало спеціальному знанію, всегда по необходимости предшествуетъ распространенію того же метода и на объясненіе совокупности природы, распространенію, составляющему источникъ теологіи и метафизическихъ системъ [1]). Но гипотетическое знаніе, какъ мы видѣли, имѣетъ наклонность болѣе или менѣе быстро превращаться въ положительное, гипотетическое же міропониманіе обнаруживаетъ стремленіе всегда оставаться гипотетическимъ. Съ другой стороны, и самая потребность міропониманія могла быть только слѣдствіемъ основной потребности знанія — видоизмѣненіемъ, обобщеніемъ этой послѣдней. По всѣмъ этимъ причинамъ, гипотетическія міропониманія должны были тѣсно примыкать къ положительному знанію и почерпать изъ него матеріалы для своихъ гипотезъ. Если это менѣе очевидно относительно теологическихъ фикцій, то только вслѣдствіе того, что послѣднія, какъ самыя раннія формы философскаго объясненія природы, соотвѣтствовали историческому періоду, когда и частное знаніе не успѣло еще изъ гадательнаго, по самой сущности своей, превратиться въ положительное. Эта перво-

---

1) Louis Liard La science positive et la métaphysique Paris, 1879, гл. IV.

начальная ступень всякой философіи сохранилась затѣмъ до нашего времени, какъ явленіе атавическое, въ зависимости отъ множества самыхъ разнообразныхъ соціологическихъ причинъ. Но относительно всѣхъ послѣдующихъ ступеней философской эволюціи, тотъ же фактъ—тѣсная связь между общимъ пониманіемъ природы и спеціальнымъ знаніемъ ея явленій—уже рѣзко бросается въ глаза.

7. Общія гипотезы теологическаго и метафизическаго характера и гипотезы спеціальныя сначала постоянно смѣшивались между собою; человѣческій умъ не видѣлъ ясно ихъ различія и, въ частности, не видѣлъ невозможности объяснить всю совокупность явленій такими же точно пріемами, какіе употреблялись имъ для объясненія конкретныхъ фактовъ и отвлеченныхъ отъ нихъ свойствъ. Все это понятно, какъ понятно и то, что мало по малу долженъ былъ начаться процессъ дифференцированія, послѣдствіемъ котораго явилось выдѣленіе изъ общей слитной массы, или обособленіе, соотвѣтствующихъ категорій понятій. Обособленіе это вскорѣ самымъ естественнымъ образомъ приняло форму вражды, сохранившей междоусобный, по самому существу своему, характеръ не только тогда, когда теологія боролась съ метафизикой, но и тогда, когда и теологическія, и метафизическія гипотезы приходили въ прямое столкновеніе съ несознаваемымъ источникомъ своимъ—положительнымъ знаніемъ, все болѣе и болѣе пополнявшимся и выливавшимъ свое внутреннее содержаніе въ іерархическій рядъ отвлеченныхъ наукъ. Антагонизмъ этотъ и привелъ постепенно человѣческій умъ къ сравненію результатовъ одного и того же способа объясненія въ двухъ сопредѣль-

ныхъ сферахъ: отдѣльныхъ явленій и всей совокупности природы, науки и философіи,—и къ убѣжденію, что методъ годный для научнаго знанія, для изслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ слова, не пригоденъ для знанія философскаго, для пониманія общей связи міровыхъ фактовъ (69 bis)

8. Въ теченіе первыхъ двухъ фазъ философія не носитъ научнаго характера, несмотря на употребленіе гипотезы; въ третьей же фазѣ философія становится научною или положительною, несмотря на то, что отказывается пользоваться этимъ важнымъ орудіемъ спеціальнаго знанія. Такое заключеніе можетъ показаться парадоксальнымъ. Обыкновенно, методологическое различіе между „научнымъ“ и „ненаучнымъ“ и въ сферѣ философіи, и въ области спеціальнаго знанія выражаютъ противопоставленіемъ объективнаго метода субъективному. Но терминологія эта перестаетъ быть неясной и получаетъ опредѣленный смыслъ только тогда, когда подъ субъективнымъ методомъ разумѣютъ способъ изслѣдованія, неизмѣнно приводящій къ непровѣряемымъ предположеніямъ, а подъ объективнымъ—способъ, который такъ или иначе, индукціей или дедукціей, гипотезой или наблюденіемъ безъ гипотезы, ведетъ, въ концѣ концовъ, къ результатамъ, не имѣющимъ гипотетическаго характера. Тезисъ нашъ, съ этою поправкою, ни мало не противорѣчитъ обычному требованію—примѣненія научнаго метода во всей его строгости и къ философскимъ задачамъ. Именно по этой причинѣ гипотеза, непровѣренная индукція, и должна быть вовсе исключена изъ числа философскихъ пріемовъ изслѣдованія. Ненаучность употребленія въ философіи всѣхъ пріемовъ спеціаль-

ныхъ наукъ зависитъ отъ смѣшенія философіи съ наукою, неизбѣжно сопровождающаго ранніе періоды развитія той и другой. Научность же употребленія въ философіи только нѣкоторыхъ и даже весьма немногихъ методологическихъ пріемовъ частныхъ наукъ зависитъ отъ постепеннаго различенія (которое само обусловливается постояннымъ ростомъ наукъ) между задачами спеціальнаго знанія и цѣлями, преслѣдуемыми философіей.

Итакъ, существовавшее въ началѣ исторической эволюціи единство метода въ философіи и наукѣ отыскивается и въ концѣ или, вѣрнѣе, въ настоящей фазѣ этого медленнаго процесса; но въ то время, какъ первое единство было внѣшнее, грубо-формальное и, во всякомъ случаѣ, синтетическое, второе есть уже единство внутреннее и чисто аналитическое. Само собою разумѣется, впрочемъ, что такой общій выводъ можетъ быть окончательно подтвержденъ только научною теоріей познаванія, которая, рано или поздно, должна будетъ возникнуть изъ совокупныхъ усилій психофизики и конкретной соціологіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ОБЩАГО ХОДА РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФІИ.

1. Сущность психологическаго способа объясненія. — 2 Роль „теоріи познаванія“ въ метафизическихъ системахъ. Первая фаза развитія психологіи. — 3. Превращеніе элементарной психологической задачи въ краеугольный камень систематическаго пониманія природы. Наивный реализмъ древнихъ. Реализмъ, идеализмъ и реальный идеализмъ — 4. Новѣйшія попытки объясненія общаго хода развитія философіи, начиная съ Гегеля и кончая Льюисомъ и Спенсеромъ. Эволюціонная схема Вайнгера. — 5. „Что существуетъ дѣйствительно?“ Классификація воззрѣній различныхъ школъ на реальное бытіе и эволюція соотвѣтствующихъ мироразумѣній.—6. Исходная точка эволюціи: главный или „данный“ рядъ воззрѣній на реальное и сумма наличнаго опыта человѣчества. Вторая фаза; производный рядъ реальныхъ элементовъ: субстраты, силы и субстанціи. Третья фаза: чистое мышленіе и метафизика общихъ концептовъ. Четвертая фаза: ens realissimum, абсолютное бытіе и философія тожества. Пятая фаза. абсолютный нуль мистическаго и философскаго нигилизма Два выхода: пессимистическій квіэтизмъ и возвращеніе къ ряду опытныхъ данныхъ—позитивизмъ.—7. Возраженія противъ психологическаго объясненія исторіи философіи. Различные взгляды на психологію и логическія послѣдствія ихъ. Метафизическій характеръ психологическаго объясненія. Отвлеченіе отъ одной субстанціи и отрицаніе всѣхъ остальныхъ. Психологическое объясненіе, какъ сенсуалистическая теорія.

1. На философскія системы такъ мало еще привыкли смотрѣть, какъ на факты соціологическаго порядка, что Огюстъ Контъ едва ли не былъ до сихъ поръ единственнымъ мыслителемъ, систематически пытавшимся приложить методы общественныхъ наукъ къ изученію этого разряда явленій. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, философскія системы продолжаютъ разсматриваться, какъ чисто логическіе продукты, которые должны быть изучаемы на почвѣ и средствами одной интроспективной психологіи. Этотъ-то обычный способъ объясненія общаго хода развитія философіи мы и называемъ психологическимъ, хотя съ неменьшимъ правомъ могли бы назвать его метафизическимъ (70). И съ нимъ мы и находимъ небезполезнымъ сравнить наше собственное объясненіе—соціологическое и, поскольку намъ удалось опредѣлить объективный характеръ соотвѣтствующихъ явленій,—положительное или научное.

2. Но прежде, чѣмъ приступить къ такому сравненію, сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе относительно доктринъ, которыя, подъ именемъ теоріи познанія, занимаютъ такое видное мѣсто въ каждой метафизической системѣ и, въ глазахъ большинства историковъ философіи, служатъ лучшимъ пособіемъ для различенія и классификаціи основныхъ направленій метафизической мысли.

Доктрины эти имѣютъ существенно психологическій характеръ. Придавать имъ философское значеніе, видѣть въ нихъ нѣчто болѣе, чѣмъ односторонніе психологическія ученія, вырабатываемыя каждымъ мропониманіемъ при помощи извѣстныхъ логическихъ пріемовъ и имѣющія столь же спе-

ціальное происхожденіе, какъ физико-химическія (космогоническія), біологическія или общественныя теоріи тѣхъ же системъ, можно только по недоразумѣнію, или по привычкѣ разсматривать результатъ, т. е. тотъ или другой общій взглядъ на природу и человѣка, отдѣльно отъ источника его—суммы положительныхъ знаній соотвѣтствующей эпохи. Единственною истинно-философскою частью въ пестромъ агломератѣ теорій и объясненій, представляемомъ любымъ метафизическимъ ученіемъ, является всеобщая и непровѣряемая гипотеза, крѣпко связывающая между собою эти разнородные матеріалы и придающая имъ внѣшній видъ цѣльной системы.

Всякая теорія познаванія сводится до сихъ поръ къ противоположенію понятій о субъектѣ и объектѣ. Но вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ логическихъ категорій принадлежитъ первой фазѣ развитія психологіи, тому хаотическому состоянію ея, когда ея абстрактная часть, входящая въ составъ біологіи или образующая самостоятельную вѣтвь въ іерархіи отвлеченнаго знанія—объ этомъ еще спорятъ—еще не отдѣлена отъ конкретной, которая имѣетъ дѣло съ сочетаніемъ законовъ абстрактной психологіи и отвлеченной соціологіи. Этой-то зарождающейся психологіи, полунаучной, крайне поверхностной, принимающей опредѣленія за отношенія, слова и понятія за реальные процессы, безспорно должна быть приписана заслуга возбужденія элементарной задачи, состоящей въ различеніи и описаніи составныхъ частей нашихъ представленій. Предметъ этотъ, очевидно, образуетъ еще общее владѣніе абстрактной и прикладной психологіи и своимъ синтетическимъ характеромъ,

своей нерасчлененностью напоминаетъ исключительные объекты изученія прежней біологіи—замкнутые въ тѣсныхъ предѣлахъ расы, индивидуальные организмы (71).

3. Но если точный и всесторонній анализъ внутренняго содержанія нашихъ представленій составляетъ задачу весьма спеціальную, могущую быть удовлетворительно разрѣшенною только въ предѣлахъ и методами частной науки, то превращеніе такой проблемы въ краеугольный камень систематическаго пониманія природы является заблужденіемъ, послѣдствія котораго неисчислимы, хотя упорное повтореніе его и объясняется довольно просто.

Вопросъ о составныхъ частяхъ нашихъ представленій есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ—съ антропоцентрической точки зрѣнія. Главная причина возбуждаемаго имъ интереса кроется именно въ томъ, что это—вопросъ чисто психологическій и, слѣдовательно, интенсивно человѣческій. Но вмѣсто того, чтобы признать за нимъ такой крайне спеціальный характеръ, сплошь и рядомъ защищаютъ прямо противоположное мнѣніе. Смѣшеніе въ данномъ случаѣ происходитъ отъ того, что интересъ, возбуждаемый вопросомъ, придаетъ ему субъективную важность, которая тѣмъ легче превращается въ субъективную общность, что человѣкъ мысли привыкъ видѣть важное только въ общемъ. Затѣмъ уже, въ силу извѣстной иллюзіи, субъективная общность незамѣтно принимается за объективную. Внѣ же именно этого сочетанія идей, вопросъ объ объектѣ и субъектѣ не имѣетъ ни чрезмѣрнаго значенія, постоянно ему приписываемаго, ни такого общаго характера,

который давалъ бы право вывести его за тѣсныя границы элементарной психологіи. Доказательствомъ тому служитъ примѣръ какъ другихъ наукъ, такъ и обыкновеннаго, ненаучнаго мышленія и различныхъ разрядовъ практической дѣятельности: здѣсь, какъ извѣстно, различеніе между объектомъ и субъектомъ не играетъ ровно никакой роли (72).

Но, помимо указанной ассоціаціи идей, существуютъ и другія, еще болѣе, можетъ быть, серьёзныя и дѣятельныя причины, порождающія ту роковую иллюзію, которая заставляетъ насъ видѣть въ спеціально-научномъ вопросѣ общую задачу міропониманія. Причины эти берутъ свое начало въ законахъ, управляющихъ развитіемъ философской мысли.

Точки исхода философіи незнанія лежатъ по большей части въ области фактовъ, мало или вовсе не изслѣдованныхъ строгими методами положительной науки; этимъ объясняется, между прочимъ, почему ближайшимъ „неизвѣстнымъ“, къ познанію котораго одинаково стремился и первоначальный матеріализмъ, и первоначальный идеализмъ, были явленія, непосредственно открывавшіяся за предѣлами міра неорганическаго. А такъ какъ между этими явленіями, до научнаго установленія біологіи, самую видную роль игралъ человѣкъ вообще, безъ тщательнаго разграниченія между его простѣйшими и сложнѣйшими функціями, то первыя попытки матеріалистическаго и идеалистическаго объясненія природы должны были стоять скорѣе на антропологической, чѣмъ на собственно психологической почвѣ. И дѣйствительно, какъ мы знаемъ, матеріализмъ древнихъ въ вопросѣ объ объектѣ и субъектѣ вполнѣ довольствовался наивнымъ реализмомъ, далѣе котораго не шелъ, въ

свою очередь, и идеализмъ такихъ мыслителей, какъ Аристотель. Древніе идеалисты, въ родѣ Платона, который не отвергаетъ объективнаго существованія представленій, могли видѣть въ идеяхъ единственно реальное, а въ вещахъ или явленіяхъ — только кажущееся; во всякомъ случаѣ, до абсолютнаго или чисто психологическаго идеализма, въ которомъ идеи и явленія признаются продуктомъ одного субъекта, имъ было такъ же далеко, какъ древнимъ матеріалистамъ до абсолютнаго реализма, въ которомъ идеи и явленія разсматриваются, какъ продуктъ одного объекта.

Все это, однако, значительно мѣняется, когда, вслѣдъ за распространеніемъ предѣловъ положительнаго знанія и въ строгомъ соотвѣтствіи съ такимъ расширеніемъ его границъ, въ область еще не изслѣдованнаго точною наукою „неизвѣстнаго“ перемѣщается и центръ тяжести, или главныя точки исхода, философской мысли. Тогда основныя гипотезы философіи, какъ мы объяснили это въ своемъ мѣстѣ [1]), начинаютъ всѣ болѣе и болѣе совпадать съ группою отвлеченныхъ отъ живого человѣка психологическихъ свойствъ. Тогда отъ антропологическихъ вопросовъ философія мало-по-малу обращается къ психологическимъ задачамъ, т. е. подвергается процессу, который Спенсеръ называетъ переходомъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Но тогда же достигаетъ своей кульминаціонной точки, своего крайняго развитія и различеніе между субъектомъ и объектомъ,—и въ результатѣ получаются три метафизическихъ объясненія

[1]) См. часть 1-ая, passim, и часть 3-ія, глава третья Философія прошедшаго и наука.

основъ нашего знанія: реализмъ, или теорія познаванія, сводящая всѣ явленія, въ томъ числѣ и наши ощущенія, къ одному источнику — объекту; идеализмъ, или теорія, сводящая явленія и представленія къ субъекту; и наконецъ реальный идеализмъ, или теорія, стремящаяся примирить эти два крайніе взгляда въ одномъ высшемъ синтезисѣ (72 bis).

4. Послѣ этого указанія на нѣкоторые существенные недостатки психологическихъ теорій, въ примѣненіи къ общимъ задачамъ метафизической мысли, перейдемъ теперь къ главному предмету настоящей главы—къ психологическому же способу объясненія всей исторіи философіи.

Вращаясь преимущественно въ кругу психологическихъ вопросовъ, метафизика постоянно стремилась найти въ нихъ и ключъ къ уразумѣнію всего хода своего собственнаго развитія, — къ объясненію тѣхъ измѣненій и превращеній, которыя испытала философская мысль, начиная съ знаменательнаго момента, когда человѣкъ робко рѣшился обнять однимъ взглядомъ казавшееся ему уже тогда безконечнымъ разнообразіе явленій и, такимъ образомъ, впалъ въ первое, на почвѣ философіи, логическое противорѣчіе съ самимъ собою. Въ особенности въ послѣднія два столѣтія, когда утомленіе отъ пройденнаго пути невольно побуждало оглянуться назадъ и спросить себя о настоящемъ смыслѣ и цѣли затраченныхъ усилій, рѣдкая школа не выступала съ готовымъ и всегда, разумѣется, чисто психологическимъ объясненіемъ внутренней эволюціи философскихъ системъ. Новѣйшія попытки въ этомъ родѣ, ме-

жду которыми особеннаго упоминанія заслуживаетъ типичная во многихъ отношеніяхъ теорія Гегеля, и постигшая ихъ полная неудача—хорошо всѣмъ извѣстны. Неуспѣхъ этотъ, впрочемъ, только придалъ движенію болѣе осторожный ходъ, — онъ не остановилъ его и, за немногими исключеніями, между которыми Огюстъ Контъ занимаетъ, безспорно, главное мѣсто, не измѣнилъ его существенно психологическаго характера. Въ этомъ вопросѣ на старой дорогѣ осталась даже блестящая группа мыслителей, которымъ нашъ вѣкъ обязанъ быстрымъ развитіемъ научно-философскихъ системъ и которые сами непосредственно примыкаютъ къ великому матеріалистическому и сенсуалистическому движенію двухъ прошлыхъ столѣтій. Лучшіе представители критицизма и научнаго монизма въ Германіи, новыя школы во Франціи и Италіи и, на первомъ мѣстѣ, столь вліятельная своей всемірной популярностью англійская группа, съ Стюартомъ Миллемъ, Гербертомъ Спенсеромъ и Льюисомъ во главѣ,—послѣ немногихъ колебаній, вызванныхъ смѣлой инціативой Конта—продолжали, по прежнему, искать въ законахъ одного духа объясненія сложнаго явленія, ближайшія причины котораго очевидно лежали въ области общественныхъ фактовъ.

Исторія этихъ попытокъ и очень любопытна, и очень поучительна; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности войти тутъ въ сколько нибудь подробное разсмотрѣніе этого, вообще, еще мало разработаннаго предмета. Кромѣ того, одинъ выдающійся, типичный примѣръ, обслѣдованный со всѣхъ сторонъ, будетъ для насъ здѣсь несравненно полезнѣе, чѣмъ цѣлый рядъ ученій, о которыхъ мы

могли бы упомянуть только вскользь Вотъ, между прочимъ, причина, по которой мы рѣшились, оставивъ въ сторонѣ наиболѣе громкія имена современной философіи, сосредоточить наше вниманіе на скромной работѣ, едва ли не прошедшей незамѣченною на страницахъ спеціальнаго журнала, въ которомъ она появилась.[1]) Эволюціонная схема Вайингера имѣетъ въ нашихъ глазахъ еще и то преимущество, что, будучи основана на трудахъ корифеевъ научно-философскаго движенія нашихъ дней, она только облекаетъ въ систематическую форму главные результаты всѣхъ прежнихъ попытокъ психологическаго объясненія общаго хода развитія философіи.

5. Руководимый правильнымъ взглядомъ, Вайингеръ также начинаетъ съ классификаціи философскихъ системъ. Но въ основу ея онъ кладетъ воззрѣнія различныхъ школъ на реальное бытіе или тѣ отвѣты, которые мыслители даютъ на вопросъ: „Что существуетъ дѣйствительно?“ Всѣ разногласія и безчисленныя теоріи философовъ сводятся имъ къ немногимъ основнымъ гипотезамъ по этому вопросу, частное значеніе котораго, какъ психологической проблемы (что считается нами за реально или дѣйствительно существующее?), отступаетъ у него на задній планъ или даже вовсе теряется изъ виду. Такой же скрытый характеръ спеціальной задачи психологіи имѣетъ и логическое начало, съ по-

---

[1]) Vierteljahrsschrift fur wissenschaftl. Philosophie. 1878 3-tes und 4-tes Heft, H. Vaihinger Das Entwickelungsgesetz unser Vorstellungen uber das Reale.

мощью котораго Вайингеръ выводитъ изъ своей классификаціи общій законъ, управляющій эволюціей философскихъ мнѣній. Начало это заключается въ извѣстной операціи ума, называемой отвлеченіемъ. Исторія философіи представляется нѣмецкому критику медленнымъ процессомъ, въ теченіе котораго человѣческая мысль послѣдовательно вырабатываетъ себѣ все болѣе и болѣе общія и отвлеченныя понятія о реальномъ. Человѣчество, этотъ „великій философъ", не перестаетъ выставлять въ этомъ направленіи гипотезы, образующія собою восходящую лѣстницу мироразумѣній, въ которой нижнею ступенью являются ученія, не различающія между чувственнымъ, или случайнымъ, и реальнымъ, необходимымъ, или единственно-сущимъ въ философскомъ смыслѣ,—а высшую, кульминаціонную точку составляютъ доктрины, въ которыхъ путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ отвлеченій, понятіе о реальномъ до того обнажается, до того отрѣшается отъ всякихъ чувственныхъ или опытныхъ признаковъ, что начинаетъ не только граничить, а даже прямо совпадать съ понятіемъ о „небытіи".

Борьба изъ-за понятія о наивысшей реальности — вотъ, въ краткой формулѣ, все содержаніе исторіи философіи Сколько системъ и главъ школъ, столько и теорій о реальномъ, tot capita, tot sensus. На первый, поверхностный взглядъ въ развитіи философіи все кажется произвольнымъ и, во всякомъ случаѣ, безконечно измѣнчивымъ; въ сущности, однако, это видимое разнообразіе сводится къ немногимъ кореннымъ типамъ, къ немногимъ основнымъ воззрѣніямъ, которыя, будучи сто разъ откинуты и включены въ число окончательно опро-

вергнутыхъ заблужденій, постоянно снова находили, находятъ и будутъ находить защитниковъ и представителей Но и въ самомъ порядкѣ, въ которомъ воззрѣнія на реальное — ибо объ нихъ только и идетъ рѣчь—слѣдуютъ другъ за другомъ, замѣчается неуклонная правильность, указывающая на существованіе между ними тѣсной внутренней связи [1]). Остается открыть законъ этой послѣдовательности или этого развитія, и нѣмецкій философъ приступаетъ къ такой задачѣ, не выводящей насъ за предѣлы психологіи, опираясь, главнымъ образомъ, на методы и данныя этой спеціальной науки.

Въ эволюціи понятія о реальномъ онъ усматриваетъ пять послѣдовательныхъ ступеней или фазъ, одинаково проходимыхъ какъ умомъ индивидуальнаго человѣка, такъ и коллективнымъ разумомъ человѣчества. Фазы эти отличаются другъ отъ друга постепенно возрастающею отвлеченностью и въ той же мѣрѣ, слѣдовательно, убывающею конкретностью своего содержанія, т. е. нашихъ представленій о сущности вещей. Тѣмъ же признакомъ, само собою разумѣется, характеризуются и всевозможныя системы философіи; такъ что и по этому способу объясненія классификація системъ и законъ развитія философіи совпадаютъ въ своей основѣ.

6. Разсмотримъ же ближе каждую изъ этихъ пяти ступеней.

Исходную точку эволюціи образуютъ міровоззрѣнія, которыя, стоя лицомъ къ лицу съ не-

---

[1]) Viert. fur wiss. Phil., 1878, 3 Heft, стр. 301—302.

раздѣльною массою чувственныхъ воспріятій, изъ которыхъ слагается для насъ и внѣшній міръ предметовъ, и внутренній міръ нашихъ мыслей и чувствованій, не успѣли еще справиться съ безконечнымъ разнообразіемъ данныхъ опыта, и въ погонѣ за единствомъ явленій, въ поискѣ за сущностью вещей только въ слабой мѣрѣ прибѣгли къ отвлеченію. Ступень эта имѣетъ огромное значеніе: проходя ее, человѣчество вырабатываетъ рядъ представленій и понятій о реально-существующемъ, изъ котораго образуется его наличный опытъ, и получается та твердая почва, на которую безсознательно опираются впослѣдствіи и самый смѣлый полетъ фантазіи, и самое высокое отвлеченіе. Отъ этого ряда неминуемо отправляются и къ нему же неизбѣжно приходятъ всѣ другія категоріи философскихъ воззрѣній на реальное. Онъ составляетъ основную тему, на которую философы всѣхъ школъ только разыгрываютъ безконечныя варіаціи. Онъ данъ намъ опытомъ и заключаетъ въ себѣ какъ непосредственныя, такъ и посредственныя ощущенія наши, или все то, что англійская психологія называетъ „возможностями ощущенія“;—словомъ, всю совокупность дѣйствительныхъ и возможныхъ состояній чувства, изъ которыхъ ближайшимъ образомъ состоитъ природа, включая въ нее и человѣка. Поэтому, этотъ рядъ Вайингеръ называетъ главнымъ или „даннымъ“ рядомъ нашихъ воззрѣній на реальное [1]). Это, такъ сказать, сырой матеріалъ, надъ которымъ разъ навсегда суждено работать философской мысли.

Но именно эта работа и подвигается впередъ

[1]) Ibidem, стр. 307.

правильными ступенями или градаціями, изъ которыхъ каждая выставляетъ цѣлый рядъ воззрѣній на реальное, сохраняющій къ предшествующему ряду извѣстное, постоянное отношеніе. Операція ума, при помощи которой мы изъ непосредственныхъ данныхъ опыта вырабатываемъ нѣчто новое или кажущееся намъ таковымъ, состоитъ, во первыхъ, въ различеніи, въ общемъ потокѣ ощущеній, твердыхъ точекъ субъекта и объекта, принимаемыхъ за субстанціи, лежащія въ основѣ двухъ главныхъ разрядовъ нашихъ воспріятій, и во вторыхъ, все въ болѣе и болѣе отвлеченномъ пониманіи этихъ первоначальныхъ элементовъ сознанія.

Согласно этому взгляду, вторую ступень философской эволюціи образуютъ міровоззрѣнія, въ которыхъ, благодаря только что описанному двойному процессу, умъ нашъ вполнѣ усвоиваетъ себѣ ту гипотезу, что текущія воспріятія и ощущенія — только преходящія выраженія чего-то болѣе реальнаго, лежащаго за ними и состоящаго изъ отдѣльныхъ субстратовъ, силъ и субстанцій, изъ субъектовъ и объектовъ разнаго рода. Такое пониманіе природы возникаетъ очень рано и можетъ быть разсматриваемо, какъ самая обыкновенная философія, или философія здраваго смысла Положительная, основанная на достовѣрныхъ памятникахъ исторія уже застаетъ человѣчество на этой второй ступени, изъ чего слѣдуетъ, повидимому, что, только пройдя чрезъ продолжительное психогенетическое развитіе, занимающее первую фазу, человѣкъ начинаетъ мыслить вполнѣ сознательно, рѣзко различая свое „я“ отъ окружающаго міра. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что рядъ элементовъ, которымъ въ этой второй фазѣ болѣе или менѣе

наивно приписывается высшая реальность, есть только производный изъ главнаго или основного ряда данныхъ опыта и составляетъ лишь первый характеристическій шагъ на пути метафизическаго отвлеченія. На этой ступени стоитъ значительная часть религіозной философіи и вся первоначальная метафизика. Чувственное познаніе, αἴσθησις древнихъ грековъ, окончательно смѣняется здѣсь рефлектирующею мыслью, δόξα μετὰ λόγον. Дуализмъ въ этомъ періодѣ составляетъ довольно обыкновенное явленіе,—но и монизмъ уже громко заявляетъ свое право на существованіе, а рука объ руку съ ростомъ монистическихъ стремленій идетъ, какъ мы знаемъ, и распаденіе философіи на три направленія, изъ которыхъ два крайнія — матеріализмъ и идеализмъ—рѣшительно господствуютъ въ началѣ этого процесса дифференцированія.

Но та же логическая необходимость, которая заставила въ свое время человѣческій умъ отвлечь отъ міра текущихъ и временныхъ ощущеній, какъ единственно реальную и неизмѣнную сущность ихъ— отдѣльныя субстанціи и силы, побуждаетъ его къ новому шагу въ томъ же направленіи, внушаетъ ему непреодолимое желаніе подойти еще ближе къ внутреннему ядру, къ сердцевинѣ явленій. Мы вступаемъ въ третью фазу философскаго развитія, въ которой отдѣльныя сущности и силы замѣняются еще болѣе общими понятіями, добытыми изъ этихъ сущностей процессомъ дальнѣйшаго отвлеченія. Совершенно подобно тому, какъ позади ощущеній и воспріятій лежатъ субстанціи, составляющія причину и внутреннее ядро ощущеній, позади субстанцій лежатъ общія идеи о нихъ, которыя суть нѣчто болѣе реальное, чѣмъ сами субстанціи. Об-

щая идея все проникающаго и во всемъ воплощающагося духа или совершенно такая же общая идея все развивающаго изъ себя, движущагося или имѣющаго протяженіе атома — вотъ, напримѣръ, высшія реальности этой ступени развитія, въ продолженіе которой окончательно формируется большинство наиболѣе извѣстныхъ концептовъ метафизики. Чистое мышленіе, „νόησις“ древнихъ грековъ, теперь вытѣсняетъ собою рефлектирующую мысль предыдущаго періода, при чемъ, однако, многія системы еще видимо колеблются между „метафизикой сложныхъ и разрозненныхъ субстанцій“ и „метафизикой болѣе простыхъ и логически объединенныхъ сущностей“. Во главѣ этихъ смѣшанныхъ системъ, въ древности и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, стоитъ философія Аристотеля. Исключительными же представителями собственно третьей ступени служатъ: въ лагерѣ идеалистовъ—Платонъ, а между матеріалистами—Демокритъ и, вообще, всѣ наиболѣе послѣдовательные мыслители древности и среднихъ вѣковъ. Борьба номинализма съ реализмомъ, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, упорно ведется еще и въ настоящее время [1]), это—борьба второй ступени съ третьею; а вся исторія философіи—не что иное, какъ безконечный споръ за преобладаніе и длинный рядъ столкновеній между всѣми пятью основными воззрѣніями на реальное бытіе.

Переходъ отъ третьей фазы къ четвертой совершается въ силу тѣхъ же побужденій, которыми былъ обусловленъ переходъ отъ второй къ третьей

---

1) Spitzer: Nominalismus und Realismus in der neuesten deutschen Philosophie. Leipzig. 1876.

и которыя могутъ быть сведены на присущее человѣческому уму стремленіе—все болѣе и болѣе упрощать „психическую реакцію на міровое возбужденіе“, то есть, упрощать свое міропониманіе [2]). Логически послѣдовательное мышленіе не можетъ остановиться на половинѣ того пути, который ведетъ къ высшимъ отвлеченіямъ. Оно дѣлаетъ еще шагъ и вступаетъ въ фазу, въ которой и общіе концепты предыдущаго періода перестаютъ удовлетворять его. Оно и въ нихъ или, вѣрнѣе, за ними начинаетъ отыскивать нѣчто еще болѣе реальное и существенное, ens realissimum, въ которомъ уже окончательно сливается все существующее, всѣ различія,—origo omnium formarum, или нѣчто такое, что въ каждую данную минуту равно и тожественно всей совокупности явленій и заключаетъ въ себѣ первую причину вещей, составляетъ чистое, абсолютное бытіе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Нѣтъ надобности прибавлять, что и этотъ поискъ не остается безъ результата, а вѣнчается такимъ же успѣхомъ, какъ и всѣ предыдущіе: пока что-либо еще можетъ быть отвлечено отъ ряда опытныхъ данныхъ и что-либо еще можетъ быть обобщено въ немъ, умъ человѣка принимаетъ всякій новый шагъ въ этомъ направленіи за послѣднюю и рѣшительную побѣду свою надъ постояннымъ обманомъ чувствъ, который представляетъ ему міръ преходящихъ явленій.

Въ четвертой фазѣ устанавливается, такимъ образомъ, метафизика чистаго бытія, философія без-

---

2) V f u r w i s s. P h i l., I, 4; Avenarius: U e b e r d i e S t e l l u n g d e r P s y c h o l o g i e z u r P h i l o s o p h i e стр. 482 и слѣд.

конечнаго (со временъ неоплатониковъ — другой терминъ для абсолютнаго), или философія тожества, акосмическій пантеизмъ, самымъ виднымъ представителемъ котораго былъ Спиноза, съ такою опредѣленностью формулировавшій градацію представленій о реальномъ: „sunt diversi gradus realitatis, sive entitatis; nam substantia plus habet realitatis, quam accidens, et substantia infinita, quam finita“. Уже въ древности, впрочемъ, того же взгляда держались элеаты, отрицавшіе дѣйствительное существованіе отдѣльныхъ явленій и процессовъ въ природѣ (акосмизмъ) и не признававшіе реальности даже такого общаго факта, какъ движеніе. Къ спинозизму этой фазы болѣе или менѣе приближается масса философскихъ системъ, въ особенности въ новѣйшее время. На этой ступени, на которой чистое мышленіе предыдущей фазы обращается въ созерцательное познаваніе (θέα греческой философіи), стоятъ всѣ системы, принимающія какое-либо абсолютное, до Спенсера и Гартмана включительно; но едва ли не самыми яркими выразителями стремленій этого періода слѣдуетъ считать Шеллинга и, въ особенности, Гегеля, философія котораго можетъ быть разсматриваема, какъ логическое преддверіе, уже отчасти вводящее насъ въ метафизическій нигилизмъ слѣдующаго, пятаго періода, [1]) съ наступленіемъ котораго и завершается, строго говоря, историческій процессъ развитія метафизики.

Постепенное удаленіе отъ единичнаго и конкретнаго, непрерывное отвлеченіе признаковъ, которыми явленія отличаются другъ отъ друга и, слѣ-

[1]) Vaihinger, op. cit., стр. 311.

довательно, познаются нами, отыскиваніе на этомъ пути наиреальнѣйшаго остатка,—все это неминуемо приводитъ къ результату, предъ которымъ невольно содрогается чувство, но котораго не побоялся высокій разумъ цѣлаго ряда мыслителей [1]): чистое, абсолютное бытіе пантеистическихъ системъ обращается въ ничто, въ абсолютный нуль мистическаго и философскаго нигилизма. Логическій ходъ этого превращенія очень ясно описанъ у Вайнигера, къ которому мы и отсылаемъ читателя, желающаго ближе ознакомиться съ подробностями этого столь же любопытнаго, сколько и важнаго умственнаго процесса [2]). Здѣсь же будетъ достаточно замѣтить, что подвигаясь все далѣе и далѣе на пути безконечнаго отвлеченія отъ единичныхъ воспріятій, или данныхъ опыта, умъ человѣка не обрѣтаетъ искомаго остатка и потому совершенно правильно заключаетъ, что ничѣмъ не квалифицированное бытіе, „абсолютное“ въ строгомъ смыслѣ слова можетъ быть вѣрно опредѣлено разумомъ только какъ „небытіе“ [3]). Заключеніе это всецѣло содержится въ посылкахъ къ нему—ученіяхъ о реальномъ, выработанныхъ предшествовавшими фазами. Переходя отъ ряда опытныхъ данныхъ къ ряду субстанцій, или впервые придавая умственнымъ отвлеченіямъ, то есть, чему-то вполнѣ отрицательному по своей природѣ, значеніе и смыслъ положительныхъ сущностей, мы заранѣе обрекаемъ себя на достиженіе и такихъ представленій о реальномъ, въ которыхъ отрицательный характеръ отвлекающей операціи

---

[1]) Ibidem.

[2]) Стр. 311—313 и 430—436

[3]) Hegel· Religionsphilosophie, I, 263.

уже ничѣмъ болѣе не маскированъ, и нить ея сразу обрывается на краю пустой пропасти. Тогда только становится вполнѣ очевиднымъ, что абсолютное есть отвлеченіе, послѣдовательно доведенное до уничтоженія и объекта и субъекта сознанія [1]). На этой точкѣ останавливается продолжительный процессъ метафизическаго „очищенія“ или „опорожненія“ дѣйствительности. Процессомъ этимъ, наконецъ, достигается, если не безусловная пустота—ибо умъ человѣка продолжаетъ мыслить и психическая реальность представленія о небытіи не можетъ быть оспариваема — то, по крайней мѣрѣ, та ночь, съ которою Гегель сравниваетъ абсолютное Шеллинга и въ которой, по его словамъ, всѣ коровы черны, всѣ явленія тождественны.

Коренная ошибка въ точкѣ исхода ярко сказывается теперь въ полученномъ результатѣ. Принимая, на каждой новой ступени отвлеченія, за болѣе и болѣе существенное все то, реальность чего, въ дѣйствительности, все болѣе и болѣе блѣднѣла и исчезала, именно — символическія обозначенія и общіе концепты ума, — метафизика должна была дойти и, на самомъ дѣлѣ, дошла наконецъ до возведенія нуля на степень высшей, единственной сущности. Множество религіозныхъ и философскихъ системъ явились выразителями этой логической необходимости; не говоря уже о буддистахъ съ ихъ классическимъ ученіемъ о Нирванѣ, элеаты, неоплатоники, мистики среднихъ вѣковъ и современные эпигоны ихъ, цѣлый рядъ мыслителей нашего времени, Шеллингъ, Шлейермахеръ, Гегель, Окенъ, млад-

---

[1]) Hamilton. Discussions, стр. 21, и Mansel The philosophy of the conditioned, стр. 99.

шій Фихте, Шопенгауэръ, Гартманъ, всѣ послѣдовательные поклонники безусловнаго или безотносительнаго, безкачественнаго или безатрибутнаго въ той или другой, идеалистической или матеріалистической формѣ, необходимо должны были, рано или поздно, такъ или иначе, притти къ единственному логическому выводу изъ философіи абсолютнаго въ строгомъ смыслѣ слова—къ признанію, что чистое бытіе вполнѣ тождественно или равно небытію Всѣ названные мыслители могутъ, поэтому, быть разсматриваемы и какъ представители послѣдней, пятой фазы эволюціи философскихъ воззрѣній на реальное, фазы, которая, повторяемъ, составляетъ лишь естественное развитіе непосредственно предшествующихъ ей ступеней.

Достигнувъ этого кульминаціоннаго пункта, философская мысль имѣетъ передъ собою два выхода. Она можетъ успокоиться на странномъ, почти безсмысленномъ результатѣ своихъ вѣковыхъ усилій. Нелѣпость, по ироническому замѣчанію Вайингера [1]), обладаетъ для большинства умовъ особою притягательною силою: лучшимъ доказательствомъ тому служитъ именно громкій успѣхъ системъ, въ которыхъ прежніе порывы въ область неизвѣстнаго замѣнены спокойнымъ созерцаніемъ мистическаго нуля. Или она можетъ вернуться вспять, къ своей исходной точкѣ, къ ряду впечатлѣній о реальномъ, которыя образовались въ человѣческомъ мозгу подъ непосредственнымъ давленіемъ ежедневнаго опыта и гораздо ранѣе сознательнаго пробужденія ума къ философской дѣятельности. Но именно этотъ поворотъ и сопровождается послѣдствіями, влекущими

[1]) стр. 433

за собою глубоко критическое отношеніе мыслящаго субъекта къ совокупности прежнихъ усилій обнять въ одной краткой формулѣ безконечное разнообразіе явленій. Поворотъ этотъ знаменуетъ собою начало истинной или научной философіи. Такимъ образомъ, конечная ступень эволюціи философскихъ понятій о реальномъ имѣетъ въ исторіи мысли, по меньшей мѣрѣ, такое же рѣшительное значеніе, какъ и первые шаги наши на этомъ длинномъ и трудномъ поприщѣ.

7. Ознакомивъ читателя съ однимъ изъ наиболѣе остроумныхъ и систематическихъ опытовъ построенія общей схемы философскаго развитія при помощи немногихъ данныхъ абстрактной психологіи, обратимся теперь къ указанію главнѣйшихъ возраженій, которыя могутъ быть представлены противъ всѣхъ подобныхъ попытокъ вообще. Для большей наглядности, мы группируемъ эти возраженія въ четыре главныя рубрики.

I. Законъ развитія, существенныя черты котораго были намѣчены нами въ предыдущихъ главахъ, даетъ нормы соціологическаго процесса эволюціи философскихъ ученій, а именно: развитіе послѣднихъ ставится этимъ закономъ въ зависимость отъ могущественнаго общественнаго фактора—суммы положительныхъ знаній въ каждую данную эпоху. Обобщеніе же Вайингера, подобно всѣмъ другимъ попыткамъ того же рода, даетъ нормы логическаго процесса развитія, которому съ теченіемъ времени подвергаются метафизическія системы, именно: историческая эволюція послѣднихъ ставится этимъ обобщеніемъ уже въ исключительную зависимость

отъ условій, которымъ обыкновенно подчиняется послѣдовательное или логическое мышленіе

Но вникнемъ ближе въ истинное значеніе логическаго или, устраняя свойственную этому термину двусмысленность, психологическаго объясненія

На психологію, какъ извѣстно, можно смотрѣть троякимъ образомъ Съ огромнымъ большинствомъ современныхъ мыслителей ее можно признавать за абстрактную науку, непосредственно предшествующую соціологіи, съ Контомъ и позитивною школою ее можно разсматривать, какъ составную часть біологіи; наконецъ, не отрицая біологическаго характера основныхъ психическихъ фактовъ, въ огромной массѣ болѣе сложныхъ психологическихъ явленій и процессовъ можно видѣть предметъ конкретной науки, одновременно пользующейся для своихъ выводовъ законами, установленными въ двухъ абстрактныхъ наукахъ—въ біологіи и соціологіи. Изъ этихъ трехъ мнѣній, самое распространенное въ то же время и наиболѣе гипотетично: оно до сихъ поръ не могло быть подтверждено никакими положительными данными и держится, повидимому, главнымъ образомъ благодаря антропоцентрическимъ наклонностямъ большинства умовъ. Напротивъ, остальныя двѣ теоріи съ каждымъ днемъ завоевываютъ себѣ все больше и больше права на общее признаніе и все болѣе и болѣе провѣряются: одна—результатами анатомическихъ и патологическихъ наблюденій, а другая—путемъ этнографическихъ, филологическихъ и культурно-историческихъ изслѣдованій.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, легко понять, что сторонники первыхъ двухъ взглядовъ на психологію не могутъ искать въ законахъ этой на-

уки исключительнаго объясненія развитія философіи, и въ то же время въ міровоззрѣніяхъ прошедшаго видѣть явленія не біологическаго или чисто психическаго, а соціологическаго порядка. Изъ этой дилеммы для нихъ нѣтъ и не можетъ быть другого выхода, кромѣ отрицанія соціологическаго характера разсматриваемыхъ фактовъ, или даже отрицанія соціологіи, какъ самостоятельной науки въ ряду отвлеченнаго знанія. Это вполнѣ очевидно; ибо, въ противномъ случаѣ, т. е. если бъ, несмотря на признаніе и научной самостоятельности соціологіи, и соціологическаго значенія историческихъ фактовъ, совокупность которыхъ образуетъ то, что обыкновенно называется развитіемъ философіи, ученые, о которыхъ идетъ рѣчь, продолжали объяснять эти факты одними психологическими законами, они явно погрѣшили бы противъ одного изъ важнѣйшихъ требованій научнаго метода: они впали бы въ ошибку, которую совершаетъ химикъ, когда онъ объясняетъ химическую сторону явленій одними механическими или физическими свойствами матеріи, или біологъ, который для объясненія чисто біологическихъ процессовъ прибѣгаетъ къ однимъ законамъ физики или химіи (73)

Что же касается до сторонниковъ третьей гипотезы, до изслѣдователей, выставившихъ и стремящихся провѣрить предположеніе, въ силу котораго наиболѣе сложныя психологическія явленія должны быть разсматриваемы, какъ факты смѣшаннаго порядка, въ образованіи которыхъ участвуютъ преимущественно біологическія и соціологическія причины и которые, поэтому, могутъ быть успѣшно изучаемы лишь въ синтетической или конкретной наукѣ ad hoc,—то ихъ, очевидно, уже нельзя упрек-

нуть въ игнорированіи соціологическаго характера явленія, называемаго эволюціей философскихъ системъ. Они стараются быть одинаково справедливыми и къ чисто біологической, и къ собственно соціологической сторонѣ психологическихъ процессовъ и продуктовъ. Требуя объясненія послѣднихъ въ предѣлахъ и методами конкретнаго знанія, они поступаютъ совершенно такъ же, какъ астрономъ, объясняющій „астрономически“ факты, имѣющіе не одни механическія свойства, или минералогъ, объясняющій спеціальными пріемами своей науки извѣстную группу явленій, въ которыхъ преобладаютъ физико-химическіе процессы, или зоологъ и ботаникъ, изучающіе строеніе и физіологическія отправленія животныхъ и растеній въ ихъ конкретной связи съ другими свойствами и явленіями въ природѣ.

Но можно ли развитіе метафизики или вообще философіи разсматривать, какъ фактъ конкретнаго или смѣшаннаго порядка, на который необходимо пролить одновременно свѣтъ и біологическихъ, и соціологическихъ отношеній и законовъ? На этотъ вопросъ мы склонны отвѣчать утвердительно. Такая гипотеза кажется намъ всего болѣе согласною съ суммою извѣстныхъ фактовъ. Трудно, дѣйствительно, оспаривать то, что въ каждую метафизическую систему входитъ, помимо соціологическихъ, и множество собственно біологическихъ или психо-физическихъ элементовъ: таковы, нѣкоторыя индивидуальныя иллюзіи, патологическія вліянія, идіосинкразіи всякаго рода и т. п. Мы думаемъ, поэтому, что рано или поздно, конкретное или біосоціологическое изслѣдованіе развитія философіи когда-нибудь да будетъ считаться наиболѣе совер-

шеннымъ способомъ изученія этого крайне сложнаго разряда фактовъ. Въ настоящую минуту, однако, примѣненіе такихъ пріемовъ кажется намъ еще преждевременнымъ. Если развитіе философіи есть явленіе смѣшаннаго, біо-соціологическаго порядка, то его конкретному изслѣдованію должно предшествовать тщательное изученіе его главныхъ составныхъ элементовъ въ соотвѣтствующихъ абстрактныхъ наукахъ. Но это невозможно, пока соціологическая сторона вопроса останется, по прежнему, погруженною въ глубокій мракъ. Разсѣять до нѣкоторой степени послѣдній—являлось такимъ образомъ первою, настоятельною необходимостью; въ эту сторону именно и была направлена наша попытка.

II. Психологическое объясненіе развитія философіи одинаково несправедливо въ отношеніи какъ психической, такъ и общественной стороны объясняемыхъ фактовъ. Это—простое описаніе процесса отвлеченія, которому такъ беззавѣтно предаются приверженцы всѣхъ метафизическихъ школъ; но такое описаніе не раскрываетъ ни біологическихъ, ни соціологическихъ причинъ или условій этого процесса. Вполнѣ вѣрно въ этомъ объясненіи только эмпирическое наблюденіе, служащее ему основаніемъ и состоящее въ томъ, что умъ человѣка въ своихъ философскихъ концептахъ, какъ и въ научныхъ, постоянно стремится все къ высшимъ и высшимъ отвлеченіямъ. Понятно, однако, что подмѣченный этимъ наблюденіемъ фактъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть возведенъ на степень общаго закона развитія философіи. Въ этомъ не трудно убѣдиться, допустивъ на минуту, что сумма

нашихъ знаній о природѣ оставалась неизмѣнною во все время, потраченное умомъ человѣка на переходъ отъ второй философской фазы къ послѣдней. Развѣ не очевидно, дѣйствительно, что, при такихъ условіяхъ, философствующій умъ непремѣнно остановился бы на добытыхъ имъ въ концѣ эволюціи результатахъ и не имѣлъ бы рѣшительно никакого побужденія возвратиться къ исходной точкѣ пройденнаго пути, къ опытнымъ даннымъ первой или положительной фазы? Психологическое объясненіе, слѣдовательно, прежде чѣмъ получить значеніе дѣйствительнаго объясненія соотвѣтствующихъ фактовъ, должно еще доказать, что умъ нашъ одаренъ особою внутреннею силою, дающею ему возможность усматривать, независимо отъ уроковъ опыта, собственныя иллюзіи и непрерывно подвигающею его такимъ образомъ на пути прогресса. Но подобная гипотеза не только ни на чемъ не основана, она прямо противорѣчитъ наиболѣе извѣстнымъ фактамъ. Возвращеніе къ опытнымъ даннымъ первой фазы развитія — какъ называетъ этотъ шагъ впередъ сенсуалистическая критика [1]) — возвращеніе, знаменующее собою паденіе метафизики и появленіе на историческую сцену научно-философскаго міропониманія, не можетъ быть приписано собственному импульсу ищущаго истины ума, или голому созерцанію имъ метафизическаго нуля, къ которому его, наконецъ, приводитъ рядъ безсознательно совершенныхъ имъ грубыхъ методологическихъ промаховъ. Возвращеніе это, въ дѣйствительности, застаетъ данныя опыта, составляющія содержаніе науки, въ совершенно иномъ

[1]) См. далѣе, стран. 93.

положеніи, чѣмъ то, въ которомъ онѣ находились въ началѣ эволюціи. И вотъ это-то иное состояніе науки—а вовсе не тѣ отрицательные результаты, съ которыми, какъ показываетъ исторія, философы возились уже очень давно—и открываетъ позднѣйшимъ поколѣніямъ глаза на тщетность метафизическихъ усилій и ошибочность прежнихъ методовъ философствованія. Дѣйствительно, не говоря уже о такихъ міровоззрѣніяхъ, какъ философія Будды, которая процвѣтала цѣлыя тысячелѣтія, не породивъ ничего подобнаго научной философіи, развѣ теоріи Гегеля или Шопенгауэра, притомъ уже на нашихъ глазахъ, не разбились тотчасъ же о непреодолимыя препятствія, представившіяся имъ со стороны окончательно возмужавшаго и окрѣпшаго знанія? Исторія на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ о несостоятельности чисто-психологическаго объясненія безконечной смѣны міровоззрѣній, и исторія не менѣе постоянно указываетъ на важную роль въ этой эволюціи общественныхъ факторовъ. Переходъ отъ метафизики къ научной философіи становится понятенъ только при помощи соціологическаго закона, объясняющаго такой переходъ, какъ постепенное вымираніе метафизики и медленное нарожденіе философіи наукъ. И тутъ, конечно, совершается правильная эволюція, но она исходитъ изъ ряда опытныхъ данныхъ, освѣщенныхъ позднѣйшею наукою, а не изъ ряда произвольныхъ и мистическихъ отвлеченій послѣдней фазы метафизики, который можетъ сохранить въ глазахъ мыслителя нѣкоторое значеніе только какъ рѣзкій, вполнѣ наглядный симптомъ упадка или истощенія всѣхъ прежнихъ способовъ объясненія міра.

III. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что не въ одномъ отвлеченіи, какъ бы далеко оно ни шло, кроется роковая ошибка метафизическаго мышленія. Напротивъ того, совершенно ясно, что полное отрицаніе „типовъ“ рода на томъ основаніи, что въ конкретной дѣйствительности существуютъ только „экземпляры“ рода, было бы осужденіемъ не столько метафизики, сколько всякаго научнаго процесса мысли. Не отвлеченіе, взятое само по себѣ, доводитъ метафизическое мышленіе до того заключительнаго ряда философскихъ воззрѣній, въ которомъ все сливается въ абсолютное небытіе, а отвлеченіе, неразрывно связанное съ гипотетическимъ утвержденіемъ исключительности того или другого типа рода (субстанцій второй фазы развитія), т. е. отвлеченіе отъ одной субстанціи, и игнорированіе или отрицаніе всѣхъ остальныхъ. Отвлеченіе, которое систематически не впадало бы въ послѣднюю ошибку, дало бы въ результатѣ одно лишь безразличное понятіе о бытіи, понятіе, которое, логически, есть едва ли не самое общее, а психологически, по замѣчанію Спенсера, есть „самое постоянное представленіе“, остающееся по отнятіи всѣхъ остальныхъ. Но такъ какъ къ дѣлу примѣшивается роковая односторонность, обусловливаемая незнаніемъ, то и небытіе конечной ступени метафизики является лишь естественною, логически неизбѣжною отплатою за матеріалистически, идеалистически или сенсуалистически понятое абсолютное бытіе непосредственно предшествующаго періода.

IV. Метафизическія школы никогда и никакъ не могли объяснить дѣйствительнаго міра явленій уже

потому, что онѣ никогда и никакъ не могли вывести его изъ своихъ отвлеченій, все болѣе и болѣе удалявшихся отъ конкретной дѣйствительности, или отъ ряда опытныхъ данныхъ первой фазы. Оттого всѣ философіи прошедшаго, несмотря на постоянныя усилія казаться мірообъясненіями, были только формами міронепониманія, видами философіи незнанія. Какъ справедливо замѣчаетъ Вайнгеръ[1]), верховное честолюбіе метафизики было всегда направлено на то, чтобы путемъ логической дедукціи вывести индивидуальное изъ общаго, измѣнчивое изъ постояннаго, множественное изъ единственнаго, различное и противоположное изъ сходнаго и тожественнаго, наконецъ относительное изъ абсолютнаго; но такая цѣль не могла быть и не была достигнута ни одною системой. „Не покидая прямой линіи логическаго заключенія, не допуская ни малѣйшаго уклоненія основныхъ доказательствъ въ ту или другую сторону“, говоря словами Эммануила Канта [2]), нельзя было изъ высшихъ рядовъ отвлеченій вывесть низшіе, или возстановить живую, конкретную реальность изъ голаго остова, который былъ предварительно выпрепарованъ изъ нея самою метафизикою. Это легко прослѣдить на главныхъ системахъ послѣдней, и притомъ какъ для матеріалистическаго, такъ и для идеалистическаго направленія (74).

Эту сторону вопроса психологическое объясненіе освѣщаетъ весьма удовлетворительно, вполнѣ подтверждая выводы, достигнутые нами другимъ

---

[1]) стр 440.

[2]) Traume eines Geistersehers erlautert purch Traume der Metaphysik.

путемъ и на другой почвѣ [1]). Но и въ этомъ отношеніи соціологическая теорія имѣетъ одно громадное преимущество: она объясняетъ всю метафизику, а не одну, хотя и бо́льшую часть ея—матеріализмъ и идеализмъ, какъ дѣлаетъ то теорія психологическая, составляющая результатъ сенсуалистической критики, которая, какъ мы уже знаемъ, уничтожаетъ матеріалистическую и идеалистическую метафизику, но не поражаетъ метафизики вообще. И схема Вайнгера есть не что́ иное, какъ схема раціональнаго сенсуализма, въ которую легко укладываются матеріализмъ и идеализмъ, но безъ очевидной натяжки не помѣщается сама сенсуалистическая философія. Главнѣйшіе сенсуалисты давно высказали краеугольныя положенія, на которыхъ основывается теперь психологическое объясненіе развитія философіи. По собственному признанію защитниковъ этой теоріи [2]), уже Локкъ круто повернулъ философію въ сторону опытныхъ данныхъ первой фазы. Ему принадлежитъ превосходное сравненіе философской „субстанціи“ съ той черепахой, на которой, какъ извѣстно, держится земля: отнимите эту черепаху, говоритъ онъ, и земной шаръ не провалится,—уберите изъ философіи субстанцію въ какой бы то ни было фазѣ ея развитія, и ни мысли наши, ни нравственные поступки не потеряютъ отъ этого ни одной іоты своей устойчивости. Другой сенсуалистъ, Юмъ, проводя параллель между міровою субстанціей Спинозы и представленіемъ о субъектѣ, на-

---

[1]) См. въ части первой главу, посвященную общей характеристикѣ метафизики

[2]) Vaihinger, op. cit., стр. 429.

глядно объясняетъ, какъ понятіе объ абсолютномъ бытіи, о послѣднемъ тожествѣ идей и вещей должно было возникнуть подъ давленіемъ совершенно такихъ же мотивовъ, какіе привели къ образованію всѣхъ прочихъ субстанцій; онъ указываетъ и на то, что, постепенно отвлекая отъ предметовъ ихъ конкретныя свойства, мы мало-по-малу доходимъ до полнаго уничтоженія объективнаго міра и незамѣтно впадаемъ въ философскій нигилизмъ, въ которомъ концептъ „небытія“ является единственнымъ ключемъ къ познанію великой тайны вселенной [1]).

Конечно, сенсуализмъ избѣгаетъ отвлеченій и отъ чисто духовной, и отъ матеріальной субстанціи и потому, въ заключеніе очерченнаго выше параллельнаго процесса опорожненія дѣйствительности и истощенія философствующаго ума, не доходитъ ни до идеальнаго (абсолютное бытіе), ни до матеріальнаго (безкачественные, непротяжимые атомы) нуля или небытія; но за то, самъ того не замѣчая, сенсуализмъ предается такому же точно отвлеченію отъ субстанціи біологическаго или психо-физическаго происхожденія и характера, отъ факта или, вѣрнѣе, отъ понятія о воспріятіи, и гипостазируетъ это понятіе. Выдвигая впередъ рядъ опытныхъ данныхъ, сенсуализмъ имѣетъ въ виду раскрыть ошибочную точку исхода матеріализма и идеализма. Но не говоря уже о томъ, что и матеріализмъ часто прибѣгалъ къ той же точкѣ опоры въ своей борьбѣ съ идеализмомъ, сенсуалистическая философія, вырабатывая теорію непознаваемаго и при-

---

[1]) Treatise of human nature, I, IV, 5; Inquiry concerning the human understanding, XII, I.

давая ей значеніе не психологическаго только, а широкаго философскаго обобщенія, тѣмъ самымъ опять покидаетъ твердую почву фактовъ и, въ свою очередь, обращается въ метафизическую систему. Отсюда видно, что сенсуализмъ шелъ рука объ руку съ наукою только до тѣхъ поръ, пока имъ преслѣдовались чисто критическія цѣли; но въ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, эта основная разновидность философіи прошедшаго была поставлена въ ту же необходимость опережать науку или, другими словами, искать истину собственнымъ, самостоятельнымъ путемъ, какую одновременно съ нею испытали и всѣ другія направленія метафизики. Законъ соотношенія между науками и философіей и законъ трехъ типовъ не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Изъ тѣхъ же законовъ слѣдуетъ, что при другомъ состояніи нашихъ знаній не только сенсуализмъ, но и матеріализмъ и идеализмъ могутъ и даже должны постепенно утратить основныя черты, пріобрѣтенныя ими подъ давленіемъ историческихъ условій. По мѣрѣ того, однако, какъ будетъ происходить этотъ процессъ обезличенія и самоуничтоженія метафизики, подвинется впередъ и другой процессъ—окончательнаго перенесенія философскихъ вопросовъ и задачъ на почву опытныхъ данныхъ, провѣренныхъ всѣмъ рядомъ спеціальныхъ наукъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И ГЕНЕЗИСЪ ФИЛОСОФІИ НАУКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И СУПРАНАТУРАЛИЗМЪ.

1. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и вѣроятной будущности трехъ умственныхъ итоговъ соціологической эволюціи супранатурализма, метафизики и науки.—2. Постановка вопроса о супранатурализмѣ.—3 Супранатурализмъ, какъ философія давнопрошедшаго и какъ міропониманіе громаднаго большинства. Борьба народныхъ массъ съ высшими классами. — 4. Единство міропониманія въ первобытныя времена и дуализмъ, смѣнившій это единство съ первыми проблесками цивилизаціи.—5. Взгляды Вольтера и Канта, Юма и Гоббса.—6. Современные взгляды.—7. Умственныя побѣды народныхъ массъ Значеніе такихъ нивеллирующихъ реакцій.—8. Союзъ супранатурализма съ метафизикою Схоластика, какъ общій, не чуждый и нашей эпохѣ фактъ исторіи мысли. Смѣшеніе субъективной необходимости съ объективною и его послѣдствія. — 9 Конкретная психологія. Теологическая и метафизическая иллюзіи, какъ факты общественной эмбріологіи. Мнѣніе Ренана. —10. Историческій нигилизмъ XVIII-го вѣка и идеалистическая реакція XIX-го. Единомысліе руководящихъ философскихъ партій по вопросу о соціологическомъ значеніи вѣры въ сверхъестественное Супранатурализмъ, какъ могущественное оруді

социальной дисциплины. Условія, при которыхъ такое міропониманіе является, напротивъ того, разлагающимъ началомъ.—11 Дѣйствительныя и мнимыя, воображаемыя общественныя заслуги супранатурализма. Вѣра въ сверхъестественное, какъ средство проводить въ народную массу плоды высшей культуры. Отсутствіе рѣзкаго антагонизма между развитіемъ супранатурализма и научною эволюціей.—12 Условія, отъ которыхъ зависятъ высокія цивилизующія свойства супранатурализма.—13. Законъ трехъ типовъ метафизики распространяется и на проявленія супранатурализма. Послѣдній, какъ зачаточный и элементарный идеализмъ. Объясненіе живучести идеалистическихъ системъ —14. Анимизмъ и его специализація — антропоморфизмъ. — 15. Супранатуралистическій идеализмъ и новое объясненіе общаго значенія, въ развитіи философской мысли, трехъ главныхъ направленій метафизики.

1. Супранатурализмъ, метафизика, наука — эти результаты и высшія точки различныхъ фазъ человѣческой культуры—никогда еще, повидимому, не возбуждали въ умахъ такого глубокаго интереса, какъ въ настоящее время, въ эпоху появленія и быстраго роста системъ философіи, обновленной въ самомъ корнѣ своемъ колоссальными успѣхами положительныхъ наукъ за послѣднія триста лѣтъ. Въ этой области съ особенною силою сказывается потребность выбраться, наконецъ, изъ хаоса произвольно образованныхъ понятій и достигнуть порядка строго научныхъ опредѣленій. Повинуясь такому теченію, научно-философскія системы нашихъ дней все болѣе и болѣе отказываются преслѣдовать космогоническія задачи и, взамѣнъ того, выдвигаютъ впередъ рядъ предварительныхъ, частью методологическихъ, частью культурно-историческихъ вопросовъ, между которыми главное мѣсто принадлежитъ, безспорно, вопросу о взаимныхъ

отношеніяхъ и вѣроятной будущности этихъ трехъ крупныхъ итоговъ—одновременно и факторовъ — соціологической эволюціи: супранатурализма, метафизики, науки.

Въ продолженіе настоящей работы мы не теряли изъ виду этой серьёзной задачи современной философіи. Но до сихъ поръ мы, въ извѣстномъ смыслѣ, только собирали и разработывали логическій и историческій матеріалъ, безъ котораго немыслима правильная постановка относящихся сюда вопросовъ. Къ болѣе систематическому группированію послѣднихъ и къ формулированію имѣющихъ и практическое значеніе выводовъ мы не приступали. Этотъ пробѣлъ мы попытаемся пополнить теперь, въ послѣдней части нашего труда.

2. Начнемъ съ супранатурализма, или съ самаго древняго факта многовѣковаго и крайне сложнаго процесса развитія, нѣкоторые законы котораго мы старались установить въ предыдущемъ изложеніи. Здѣсь мы встрѣтимся съ такими существенными частностями занимающей насъ задачи, какъ точное опредѣленіе явленій супранатурализма и выясненіе ихъ соціологическаго значенія, какъ раскрытіе истиннаго отношенія между ними и явленіями метафизическаго порядка, а также между ними и фактами научнаго развитія (что дастъ намъ возможность правильно поставить вопросъ о вѣроятной будущности супранатурализма); наконецъ, какъ справедливая оцѣнка безусловнаго отрицанія сверхъестественнаго во всей природѣ. Разсмотримъ же эти составныя части „супранатуралистической проблемы“ въ указанномъ сейчасъ порядкѣ.

I. Сущность явленій супранатурализма и ихъ соціологическое значеніе.

3. Если метафизика есть философія прошедшаго, то супранатурализмъ не можетъ быть опредѣленъ иначе, какъ философіей давнопрошедшаго.

При этомъ, какъ бы глубоко мы ни старались проникнуть въ даль временъ, оставившихъ по себѣ литературные памятники, мы вездѣ видимъ одно и то же явленіе: философія отражала въ себѣ міропониманіе—въ дѣйствительности, постоянное, безпокойное стремленіе къ пониманію міра, ко внесенію единства и гармоніи въ хаосъ явленій и понятій—отдѣльныхъ лицъ и классовъ, стоявшихъ, по своему досугу и порожденному этимъ досугомъ умственному развитію, на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы; а супранатурализмъ выражалъ собою тѣ же самыя стремленія, но ужс низшихъ слоевъ или массы населенія. Супранатурализмъ, или философія давнопрошедшаго, былъ вездѣ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и философіей громаднаго большинства.

Столкновеніе и борьба между различными частями общественнаго организма, — прямое выраженіе жизненности этого организма — происходили одновременно и на почвѣ внѣшнихъ фактовъ, и въ области отвлеченныхъ понятій; но и въ послѣднемъ случаѣ такой конфликтъ былъ, самъ по себѣ, фактомъ соціологическаго порядка. Это ясно видно на любомъ историческомъ примѣрѣ, взятомъ изъ этой области явленій. Такъ, іонійская школа и всѣ вообще греческіе философы VI-го вѣка были сравнительно счастливы въ своемъ упорномъ преслѣдованіи того, что они считали грубыми народными

предразсудками; аристократическій строй іонійской колоніи служилъ имъ вѣрною защитою противъ неудовольствія массъ и его обыкновенныхъ послѣдствій. Но уже аѳинская школа и большинство философовъ V-го и IV-го вѣка расплачиваются личными гоненіями за смѣлость своей проповѣди. Преобладавшій тогда демосъ не терпѣлъ рѣзкаго противорѣчія своему міропониманію,—и Сократъ приговаривается къ отравленной чашѣ, Аристотель поспѣшно покидаетъ Аѳины, чтобы не подвергнуться той же участи; сочиненія Протагора сжигаются по приказанію выбранныхъ народомъ судей, и самъ онъ спасается бѣгствомъ; Анаксагоръ избѣгаетъ казни добровольнымъ изгнаніемъ и т. п. Тѣ же явленія повторяются и среди совершенно другихъ условій цивилизаціи; въ Индіи, напримѣръ, вслѣдствіе кастоваго устройства ея, образованные классы смѣло проповѣдываютъ абстрактный пантеизмъ, граничащій съ абсолютнымъ отрицаніемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на фантастическія вѣрованія народной массы, и т. п.

Не иначе развивается этотъ идейно-общественный антагонизмъ и въ другія эпохи, и у другихъ народовъ. Онъ повинуется однимъ и тѣмъ же законамъ во всемъ прошедшемъ философіи. И въ теченіе всей новѣйшей исторіи столкновенія философскихъ системъ съ ученіями супранатурализма составляютъ простой отголосокъ глухой и упорной борьбы между различными общественными классами. Но одинаковыя причины производятъ всегда и одинаковые результаты: и на примѣрѣ свободныхъ мыслителей Англіи XVII-го вѣка и французскихъ энциклопедистовъ XVIII-го мы видимъ смягченное ушедшими впередъ общественны-

ми нравами повтореніе того, что̀ въ VI-мъ и IV-мъ вѣкахъ до нашей эры имѣло мѣсто съ іонійской и аѳинской школами. Въ свободной, но аристократической Англіи XVII-го вѣка никто не думаетъ о пріобщеніи народа къ борьбѣ философскихъ мнѣній; напротивъ того, въ политически угнетенной, но уже демократической по своимъ нравамъ Франціи XVIII-го столѣтія первымъ проявленіямъ свободной мысли тотчасъ же противопоставляется фанатизмъ народной толпы [1]).

4. Что̀ же происходило въ этомъ смыслѣ въ самомъ началѣ общественной эволюціи? Мы говоримъ, конечно, не о тѣхъ безконечно отдаленныхъ періодахъ, которые современная наука вынуждена принять для объясненія медленнаго образованія на земномъ шарѣ первыхъ зародышей общественности, а о сравнительно болѣе позднихъ эпохахъ, о которыхъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое, хотя и слабое, понятіе изъ аналогіи съ не совсѣмъ исчезнувшими и въ настоящее время обществами дикарей. Очевидно, что пока не было общественнаго распаденія на классы или сословія, не могло быть и раздѣленія единаго, по самому существу своему, міропониманія на міропониманіе болѣе просвѣщенныхъ единицъ, которое вскорѣ стало называться философіей (метафизикой), и на міропониманіе грубой массы—супранатурализмъ, къ которому изъ мотивовъ уже скорѣе чувства, а не разума, присоединялись (въ иныя времена стадно, а въ другія индивидуально) и личности высшихъ классовъ (75).

---

[1]) Ланге: Исторія матеріализма, томъ I, стр. 4.

Справедливость этого взгляда провѣряется и на тѣхъ эпохахъ, когда, по какимъ либо причинамъ, временно наступало общее умственное одичаніе съ его послѣдствіемъ—огрубѣніемъ нравовъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ началѣ среднихъ вѣковъ; тогда, если не вовсе исчезала, то замѣтно сглаживалась, въ особенности на поверхности общественной жизни, двойственность соціологическаго характера, о которой мы говорили выше и которая безсознательно лежитъ въ основѣ обычнаго противопоставленія супранатурализма и философіи.

И потому, если справедливо, что „пониманіе міра, естественно господствующее въ самыхъ древнихъ періодахъ цивилизаціи, не возвышается надъ противорѣчіями дуализма и фантастическими формами олицетворенія природы“; если вѣрно, далѣе, что „первыя попытки, имѣвшія цѣлью освободить нашъ умъ отъ этихъ противорѣчій, избѣгнуть обыкновенныхъ иллюзій чувствъ и достигнуть систематическаго воззрѣнія на міръ“ и положили начало философіи; если справедливо, наконецъ, что философія была вовлечена въ неизбѣжную борьбу съ супранатуралистическими представленіями о природѣ, именно вслѣдствіе хаотическаго характера послѣднихъ и стремленія проснувшейся мысли къ единству и порядку [1]),—то не менѣе вѣрно и то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ чисто внѣшними отличіями, что и самый отсталый супранатурализмъ вноситъ уже значительную долю единства и гармоніи въ хаосъ представленій, возбуждаемыхъ конкретнымъ міромъ, что философія и вѣра въ сверхъестественное, однимъ словомъ, представля-

[1]) Lange, op. cit., стр. 1—2.

ютъ собою только два, соціологически различно обставленные вида одной и той же умственной потребности, двѣ соприкасающіяся ступени въ одномъ и томъ же развитіи общественной мысли.

5. Этотъ взглядъ на сущность супранатурализма не новъ. Болѣе или менѣе сознательно и открыто высказывали его въ различныя времена множество философовъ. Вольтеръ и Кантъ были оба этого мнѣнія, — Вольтеръ, такъ часто повторявшій, что если бъ „сверхъестественной воли“ не существовало, ее слѣдовало бы выдумать, и Кантъ, требовавшій признанія существованія того же начала, какъ основы для практической морали. Если бъ Бэйль, вѣрившій въ возможность атеистическаго государства, говорилъ Вольтеръ, имѣлъ подъ своимъ управленіемъ только пять или шесть сотъ крестьянъ, онъ скоро рѣшился бы проповѣдывать идею сверхъестественнаго правосудія. Это простое практическое замѣчаніе было раздуто Кантомъ въ ту роскошную теорію о необходимости и пользѣ искать опоры для нравственной жизни въ началахъ, прямо отвергаемыхъ разумомъ, которая до сихъ поръ не перестаетъ возбуждать удивленіе тонкихъ цѣнителей высокихъ нелѣпостей метафизики, людей, обыкновенно проходящихъ съ закрытыми глазами мимо крупицы истины, содержащейся въ восхищающихъ ихъ парадоксахъ [1]). Но „безвыходныя, повидимому, противорѣчія, которыми Кантъ завершилъ свое ученіе и изъ-за которыхъ вдали виднѣ-

---

[1]) См. Strauss. Voltaire — Sechs Vortrage, 1870, стр. 188; Hettner Litteraturgeschichte des 18-ten Jahrhunderts, II, стр. 201, и Lange, op. cit., I, стр. 308, 310.

лись улыбающіяся черты его учителя Юма“ [1]), не были вовсе противорѣчіями ни для яснаго ума послѣдняго, ни для рѣшительной логики его предшественника Гоббса. Юмъ говоритъ просто и кратко, что „супранатурализмъ есть не что̀ иное, какъ форма—разумѣется, популярная—философіи [2]); а Гоббсъ характеризуетъ эту форму такъ: „традиціонный страхъ передъ невидимыми силами природы называется супранатурализмомъ, когда онъ поддерживается во имя государства; онъ называется суевѣріемъ, когда не имѣетъ оффиціальнаго происхожденія“ [3]) (76 и 77) [4]).

6. Супранатурализмъ есть философія „невѣдающей“ массы,—простая истина эта, которую уже древность понимала совершенно отчетливо, до сихъ поръ затемняется софизмами всякаго рода; но софизмы эти теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, заслуживаютъ серьезнаго опроверженія. Этнографія и первобытная исторія приходятъ здѣсь на помощь одинокому мыслителю и даютъ ему въ руки тысячи конкретныхъ доказательствъ строго научной точности приведенной выше краткой формулы. Современный соціологъ легко убѣждается въ томъ, что какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ историческихъ аггрегатахъ ихъ, называемыхъ обществами, міропониманія вырабатываются крайне медленно. „Общіе концепты, говоритъ Эспинасъ,

---

1) Герценъ Сочиненія, т. VIII, стр 108

2) T. IV, стр 171.

3) Leviathan, гл 6, стр 45.

4) Большая часть примѣчаній къ этой и слѣдующимъ главамъ имѣютъ существенное значеніе.

долго пребываютъ въ умахъ, едва сознаваемые, и достигаютъ ясности и точности, отличающихъ высшія ступени сознанія, только послѣ цѣлаго ряда постоянно повторяемыхъ усилій и благодаря развитію языковъ... Значительное число народовъ еще не вышло изъ такого состоянія, а въ средѣ націй, достигшихъ философскаго развитія, огромныя соціальныя группы, вслѣдствіе своей неспособности къ обобщенію и отвлеченію, не имѣютъ еще иныхъ средствъ, помимо вѣры въ сверхъестественное, для пониманія своей судьбы и устройства своей жизни“ [1]). „Вѣра въ сверхъестественное и философія, говоритъ другой авторъ, — родныя сестры: онѣ проистекаютъ изъ одного источника; и та и другая выражаютъ какое нибудь общее пониманіе мира, и вся разница между ними состоитъ въ томъ, что первая представляетъ собою философію отсталую, или сдѣлавшуюся исключительнымъ достояніемъ массъ“ [2]).

7. Бываютъ, однако, какъ было замѣчено выше [3]), эпохи въ исторіи, когда народныя массы одерживаютъ не только физическія или нравственныя, но и чисто умственныя побѣды надъ руководящими классами — реакціи могучаго характера, которыя вихремъ сметаютъ вѣками накопившіяся различія и обломками ихъ быстро засыпаютъ всѣ пропасти чудовищно-неравномѣрной цивилиза-

---

[1]) Espinas. La philosophie expérimentale en Italie, Введеніе, стр. 15.

[2]) Fritz Schultze Philosophie der Naturwissenschaft, Leipzig. 1881—2.

[3]) См. выше, стр. 103.

ціи. Эпохи эти имѣютъ свои хорошія и свои дурныя стороны. Служа источникомъ обновленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно считать обновленіемъ всякое возвращеніе къ исходнымъ точкамъ, всякое начатіе дѣла сызнова, періоды такого затмѣнія, въ общемъ ходѣ развитія человѣчества, довольно рѣдки,—и это, конечно, большое счастье. Когда наступаетъ подобный кризисъ, міропониманіе народныхъ массъ овладѣваетъ всѣми умами, и супранатурализмъ вступаетъ во всѣ права философіи — лучшее доказательство, въ глазахъ непредубѣжденнаго соціолога, внутренняго тожества этихъ двухъ факторовъ общественнаго развитія, непрерывно борющихся между собою именно и только вслѣдствіе того, что они преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, а не наоборотъ, какъ силятся увѣрить насъ тѣ, кто мечтаетъ положить предѣлъ этой законной враждѣ какимъ-то полюбовнымъ размежеваніемъ между областью вѣры и областью философскаго изслѣдованія (78).

8. Но будучи родоначальною формою метафизики, первою ступенью философіи незнанія, супранатурализмъ не всегда открыто враждуетъ съ высшими формами той же философіи. Весьма часто, въ особенности когда онъ становится міросозерцаніемъ и болѣе развитыхъ слоевъ общества, супранатурализмъ не только заключаетъ временное перемиріе съ метафизикою, но и прямо вступаетъ съ нею въ тѣсный союзъ. Плодомъ этого сочетанія двухъ различныхъ видовъ философіи незнанія является схоластика, которая составляетъ въ этомъ смыслѣ фактъ весьма общій, проходящій черезъ всю исторію мысли и далеко не чуждый и на-

шей, столь кичащейся своимъ просвѣщеніемъ эпохѣ. Корень главныхъ заблужденій супранатурализма, метафизики и схоластики одинъ и тотъ-же: это—субъективная иллюзія, принимающая временную психологическую необходимость, какъ выражается Герингъ [1]), за необходимость постояннаго характера, лежащую въ самомъ объектѣ познанія. Гипотеза, выставляемая первоначально для объясненія наиболѣе достовѣрныхъ фактовъ и явленій, съ теченіемъ времени сама становится чѣмъ то „непосредственно-извѣстнымъ", чѣмъ-то такимъ, что одно можетъ придать достовѣрность всякому знанію. Credo ut intelligam — говоритъ сначала вѣрующій, т. е. принимаю существованіе сверхчувственнаго міра, чтобы понять и объяснить себѣ существованіе міра чувственнаго. Но вскорѣ отношеніе это превращается въ прямо противоположное, и міръ чувственный является въ роли простого или случайнаго придатка къ міру сверхчувственному, условный и гипотетическій характеръ котораго уже окончательно забытъ и рѣзко отрицается. Разстояніе между этою точкой исхода и этимъ результатомъ проходится скоро; но оно само по себѣ— громадно, и лучшее понятіе о немъ даетъ характеристическій протестъ, крикъ боли и отчаянія, невольно вырывающійся изъ устъ сознательно вѣрующаго: credo, quia absurdum. Одинаковый, въ своихъ главныхъ признакахъ и въ своемъ конечномъ исходѣ, психозъ — если можно назвать такъ иллюзію, пережившую длинный рядъ человѣческихъ поколѣній и ставшую вполнѣ нормальнымъ явленіемъ—овладѣваетъ и умами метафизи-

[1]) См. наше примѣчаніе 78.

ковъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ упрямаго догматика до податливаго скептика, которые всѣ одинаково начинаютъ съ безсознательнаго suppono, ut intelligam и кончаютъ безсмысленнымъ affirmo, quia absurdum.

9. Психологія, какъ конкретная наука, какъ результатъ соединенія біологическихъ изслѣдованій съ чисто соціологическими, въ настоящее время уже — нѣчто болѣе, чѣмъ простое desideratum будущаго [1]); такая психологія видимо получаетъ свое начало, свое практическое осуществленіе изъ рукъ тѣхъ самыхъ ученыхъ и мыслителей, которые, оставаясь на почвѣ теоріи, рѣзко отвергаютъ ея возможность или необходимость. Она медленно созидается изъ матеріаловъ, доставляемыхъ ей со всѣхъ сторонъ новыми и весьма популярными отраслями изслѣдованія: психологіей народовъ, дикарей, дѣтей, сравнительною этнографіей, наукою о религіяхъ, изученіемъ низшихъ общественныхъ организмовъ или древнѣйшихъ, до-историческихъ формъ соціальнаго быта и т. п. И вотъ эта-то психологія уже указываетъ на цѣлый рядъ духовныхъ явленій, присущихъ исключительно естественному, первобытному, необразованному уму.

Явленія эти [2]) раскрываютъ такую глубокую пропасть между методами мысли, свойственными культурному человѣку и способами мышленія, къ которымъ прибѣгаетъ естественный, некультивированный умъ, что изслѣдователю почти невозможно отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что онъ имѣетъ тутъ

---

1) См. мою Соціологію, гл. X-ую.

2) Goring: Op. cit., I, стр. 202, 203 и 209.

дѣло съ двумя различными разрядами законовъ или, такъ сказать, съ двумя психологіями, которыя не должны быть смѣшиваемы — низшею и высшею. Супранатуралистическія иллюзіи составляютъ типическія, во всѣхъ отношеніяхъ, проявленія первой, или низшей, психологіи. Продолжительнымъ существованіемъ своимъ онѣ обязаны исключительно общественнымъ условіямъ, поддерживающимъ и питающимъ указанный дуализмъ психо-соціальнаго характера. Но эти иллюзіи, сверхъ того, переживаютъ себя еще и въ иллюзіяхъ метафизики или философскихъ самообманахъ болѣе образованнаго меньшинства, имѣющихъ своимъ безсознательнымъ источникомъ тѣ же первобытные методы разсужденія, отъ которыхъ развитой человѣкъ освобождается только при помощи науки, и только пока онъ твердо стоитъ на ея почвѣ. Оба разряда иллюзій, поэтому, составляютъ факты, одинаково принадлежащіе общественной эмбріологіи (79).

Итакъ, если и можно согласиться съ мнѣніемъ Ренана, что „человѣкъ по инстинкту плететъ свои вѣрованія, какъ паукъ паутину“, то только относительно человѣка на извѣстной ступени развитія, обладающаго извѣстнымъ количествомъ познаній извѣстнаго качества. Супранатурализмъ есть потребность, покуда и поскольку онъ необходимость; переставая же быть необходимостью, онъ, подобно многимъ другимъ чертамъ и отличіямъ пройденныхъ фазъ развитія, перестаетъ быть и потребностью. Индивидуальный и общественный опытъ неоднократно подтверждали это, теоретически столь ясное, положеніе.

10. Все, что мы сказали до сихъ поръ въ этой

главѣ и все, что мы старались объяснить въ этой книгѣ, доказываетъ до очевидности, что супранатурализмъ есть очень крупное соціологическое явленіе, находящееся въ самой тѣсной связи и въ прямомъ взаимодѣйствіи съ многочисленными другими условіями общественной эволюціи. Историческій нигилизмъ XVIII-го вѣка, окончивъ свою необходимую работу, сошелъ со сцены. Въ область преданій отходитъ, въ свою очередь, и идеалистическая реакція, которую нашъ вѣкъ противопоставилъ матеріалистическимъ увлеченіямъ предшествовавшей ему великой эпохи. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, вѣсы исторической критики видимо начинаютъ приходить въ должное равновѣсіе. Явнымъ признакомъ наступившей перемѣны служитъ единогласіе въ вопросѣ о соціологическомъ значеніи супранатурализма, все болѣе и болѣе устанавливающееся между руководящими философскими партіями, матеріалистами, позитивистами, поборниками критическаго идеализма и т. д., и то почтительное уваженіе, которымъ всѣ эти группы стараются окружить—какъ историческія, такъ и современныя проявленія индивидуальной совѣсти (80).

Но въ этомъ отношеніи надо остерегаться и всякихъ преувеличеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что супранатурализмъ служилъ нѣкогда и, при наличности одинаковыхъ условій, можетъ и впредь служить могущественнымъ орудіемъ соціальной дисциплины. Но когда супранатурализмъ не соотвѣтствуетъ другимъ условіямъ общественнаго развитія, когда сумма знаній, напримѣръ, сильно переростаетъ его, онъ является наоборотъ, разлагающимъ началомъ. Правда, дѣйствіе послѣдняго

рода не только не приписывается ему, какъ хирургъ приписалъ бы разложеніе крови присутствію въ тканяхъ тѣла, неуподобляемаго болѣе или ставшаго постороннимъ организму, а приписывается его паденію, т. е. явленію, необходимо сопровождающему новыя условія. Но такой способъ выражаться можетъ быть логически терпимъ лишь постольку, поскольку подъ паденіемъ супранатурализма понимается именно то, что онъ сдѣлался постороннимъ тѣломъ, отъ котораго организмъ еще не успѣлъ освободиться. Полное удаленіе супранатуралистическихъ представленій изъ духовнаго организма отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ возможно лишь подъ условіемъ полной же замѣны этихъ концептовъ другимъ міросозерцаніемъ. Но тогда, какъ постоянно показываетъ опытъ, ничто не угрожаетъ болѣе ни внутреннему единству и гармоніи чувствъ и мыслей, которыя необходимы для счастія личности, ни внутреннему или нравственному порядку, которымъ держится всякое общежитіе.

11. Общественныя заслуги супранатурализма велики, но между ними надо различать дѣйствительныя отъ мнимыхъ. Дѣйствительны эти заслуги во всѣхъ отношеніяхъ для народныхъ массъ, стоящихъ на извѣстной, довольно низкой ступени культуры. Дѣйствительны онѣ—и на эту сторону дѣла мало обращали вниманія—еще и постольку, поскольку болѣе образованные классы проводятъ въ менѣе образованные, путемъ супранатуралистическихъ ученій, плоды другой, высшей культуры, имѣющей своимъ источникомъ или метафизику, или науку.

Супранатурализмъ, міросозерцаніе народа, со-

ставляетъ безподобное средство для пріобщенія народныхъ массъ къ завоеваніямъ ума въ совершенно чуждыхъ первобытному міровоззрѣнію областяхъ знанія и мысли. Всѣ болѣе совершенныя формы супранатурализма основаны и держатся на этомъ свойствѣ супранатуралистическихъ идей вообще — быть хорошими проводниками и носителями понятій и чувствъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго, если даже не прямо враждебныхъ имъ.

Такая отличительная черта супранатурализма, впрочемъ, принадлежитъ, повидимому, всѣмъ низшимъ формамъ духовнаго развитія по отношенію къ высшимъ; но эта сторона вопроса еще ждетъ своей разработки въ философской литературѣ. Въ послѣдней, и то крайне рѣдко, попадаются лишь общія указанія на то, что эволюція идей о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ, въ главныхъ своихъ проявленіяхъ, была вовсе не такъ враждебна эволюціи научной, какъ обыкновенно думаютъ (81).

Но общественныя заслуги супранатуралистическихъ доктринъ бываютъ и мнимыя, воображаемыя. Мнимы эти заслуги во всѣхъ отношеніяхъ для высоко-культивированныхъ умовъ и для тѣхъ классовъ общества, которые стали причастны даже не научной, а высшей метафизической культурѣ. Послѣдняя нынѣ видимо проникаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ въ самую толщу народную, преимущественно въ формѣ матеріалистическихъ и соціалистическихъ стремленій и теорій. Здѣсь роль супранатурализма уже сыграна, и самъ онъ является омертвѣлымъ органомъ, дальнѣйшее присутствіе котораго въ организмѣ можетъ быть только вреднымъ. Мнимы эти заслуги еще и тогда, когда разница между низ-

шими и высшими общественными слоями настолько уже сгладилась, что между ними можетъ быть установлено болѣе тѣсное, болѣе прямое общеніе,— когда для обогащенія народныхъ массъ выработанными досугомъ высшихъ классовъ началами общественности (которыя большею частью, хотя не научно, различаются какъ начала частной и общественной нравственности) нѣтъ уже надобности прибѣгать къ безнравственному, самому по себѣ, средству лицемѣрія въ области личныхъ убѣжденій или къ какому бы то ни было воздѣйствію на соотвѣтствующія представленія народа, къ какимъ бы то ни было попыткамъ развитія, обновленія или усовершенствованія старыхъ понятій и объясненій.

12. Однимъ словомъ, великія общественныя заслуги и достоинства, приписываемыя супранатурализму, вовсе не принадлежатъ ему самому, безотносительно, а зависятъ исключительно отъ наличности двухъ условій или обстоятельствъ. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что и супранатурализмъ есть міропониманіе и, какъ таковое, обладаетъ всѣми общественными свойствами міропониманій вообще; но этимъ и объясняется, почему эти свойства обращаются въ прямо противоположныя качества, какъ только супранатуралистическія гипотезы перестаютъ помогать общему объясненію природы. Второе условіе состоитъ въ томъ, что супранатурализмъ былъ и до сихъ поръ остается міропониманіемъ, превосходно приспособленнымъ къ низкому умственному уровню и ограниченнымъ потребностямъ огромнаго большинства членовъ каждаго человѣческаго общества. Какъ скоро, однако, такое приспособленіе становится не нужнымъ, быстро исче-

заютъ и всѣ высокія общественныя свойства супранатуралистическихъ ученій, какъ это неопровержимо доказывается примѣромъ отдѣльныхъ личностей и образованнаго меньшинства въ цивилизованныхъ обществахъ.

II Отношеніе супранатурализма къ метафизикѣ.

13. Опредѣленіе супранатурализма, какъ первой ступени въ эволюціи философской мысли, если опредѣленіе это вѣрно, вводитъ всѣ когда либо существовавшія объясненія міра дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ въ обширный кругъ явленій, управляемыхъ закономъ трехъ типовъ метафизики и закономъ соотношенія между науками и философіей.

Но это, другими словами, значитъ, что въ то время, какъ послѣдній законъ содержитъ въ себѣ ключъ къ уразумѣнію истиннаго отношенія супранатурализма къ наукѣ, первый заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для уясненія постояннаго отношенія супранатурализма къ метафизикѣ.

Согласно съ закономъ трехъ типовъ, супранатурализмъ можетъ быть только матеріалистическою, идеалистическою или сенсуалистическою односторонностью человѣческаго духа. Къ какой же изъ этихъ трехъ категорій метафизическаго мышленія должна быть отнесена эта основная разновидность первобытной философіи? На этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, можно дать только одинъ отвѣтъ.

Супранатурализмъ былъ всегда и всегда останется идеализмомъ, болѣе или менѣе зачаточнымъ, элементарнымъ и несовершеннымъ, какъ идеализмъ всегда былъ и всегда останется болѣе или менѣе утонченною и роскошно развившеюся формою вѣ-

ры въ сверхъестественное. Въ правильности этого взгляда мы могли убѣдиться во всѣхъ случаяхъ, когда намъ приходилось говорить объ идеализмѣ и сравнивать его съ двумя другими типами философской мысли прошедшаго. Мы видѣли, между прочимъ, какъ близко подошелъ къ этому мнѣнію одинъ изъ величайшихъ философовъ новѣйшей эпохи, Юмъ [1]). Мы видѣли также, что глубокая внутренняя связь между супранатуралистическимъ міровоззрѣніемъ и идеалистическою метафизикою сказывалась уже на такихъ бьющихъ въ глаза фактахъ, какъ средневѣковая схоластика [2]), какъ занесеніе дуализма изъ теологіи въ метафизику, чрезъ посредство болѣе услужливыхъ системъ идеализма [3]), какъ пренебреженіе, съ которымъ и всякая теологія, и всякій послѣдовательный идеализмъ всегда относились къ „матеріальнымъ“ или „вторымъ“ причинамъ вещей, имѣвшимъ въ ихъ глазахъ значеніе простыхъ орудій единой идеальной причины.

Близкое родство съ супранатурализмомъ наполняетъ собою сплошь всю длинную лѣтопись мнимыхъ побѣдъ и дѣйствительныхъ крушеній идеализма. Даже высшее выраженіе послѣдняго, философія тожества (мысли и бытія), по справедливому замѣчанію Ланге [4]), имѣетъ чисто спиритуалистическое происхожденіе. И въ этомъ родствѣ лежитъ одна изъ глубокихъ причинъ жизненности, какую обнаружи-

---

[1]) См. ч. I, гл пятая «Эпоха расцвѣта сенсуализма», стр. 153; а также соч. Юма «Natural History of religion» T. IV. Собр. соч., стр. 443—4, 446—7.

[2]) См. ч. I, гл. вторая: «Идеализмъ», стр. 30—31.

[3]) Ibidem, стр. 41—42.

[4]) Op. cit, T. 1. стр. 58.

вали до сихъ поръ идеалистическія системы. Въ продолжающемся вліяніи идеализма, этой сравнительно наименѣе совершенной формы метафизики, нельзя не видѣть, дѣйствительно, факта ничѣмъ не вытравимой наслѣдственности, постоянно вновь склоняющей умы къ принятію объясненій, глубокіе корни которыхъ лежатъ въ далекомъ прошедшемъ человѣчества [1]).

14. Современный супранатурализмъ и современный идеализмъ имѣютъ одинъ общій источникъ: переживаніе древнѣйшей ошибки человѣческой мысли, первороднаго, едва ли не до-историческаго заблужденія, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ анимизма, или стремленія къ оживленію и одухотворенію внѣшней природы; заблужденіе это весьма скоро спеціализируется въ антропоморфизмъ, въ стремленіе къ очеловѣченію и даже олицетворенію всѣхъ явленій. „Въ умственныхъ операціяхъ дикаря“, говоритъ такой знатокъ этнографіи и психологіи первобытныхъ племенъ, какъ Тэйлоръ, „мы встрѣчаемся съ свойственнымъ ребенку состояніемъ мысли, въ которомъ прошедшее не отличается отъ будущаго, фактъ отъ вымысла, сонъ отъ бодрствованія и ночная тьма отъ дневнаго свѣта. Изъ этого умственнаго состоянія, на всемъ пространствѣ обитаемаго міра, возникъ глубокій, сосредоточенный въ себѣ спиритуализмъ, простиравшійся на всѣ разряды явленій и составившій фундаментъ, на которомъ были впослѣдствіи воздвигнуты высшія построенія мысли. Въ этомъ первона-

---

1) F. Schultze: Philosophie der Naturwissenschaft Leipzig. 1881.

чальномъ умственномъ состояніи, ассоціація идей царитъ вполнѣ и нераздѣльно. Не встрѣчая, до поры до времени, никакого отпора въ свидѣтельствахъ опыта, ассоціація эта порождаетъ тѣ призраки воображенія, которые наполняютъ собою всю жизнь дикаря и даютъ проникнуть струѣ безумія даже въ культивированные умы высшихъ расъ. Отъ поколѣнія къ поколѣнію, однако, медленно совершается извѣстнаго рода естественный подборъ, стремящійся къ изверженію негодныхъ и безцѣнныхъ элементовъ, къ сохраненію здоровыхъ и сильныхъ задатковъ развитія. Вильгельмъ Гумбольдтъ въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ одинъ изъ величайшихъ законовъ нашей умственной исторіи: „человѣкъ“, говоритъ онъ, „начинаетъ всегда съ того, что ищетъ объясненія внѣшнихъ явленій въ области мысли... Первая идея его—та, что міръ управляется идеей“ [1]).

Итакъ, грубый фетишизмъ дикаря является настоящимъ первообразомъ всѣхъ формъ, до самыхъ утонченныхъ включительно, какія принимаетъ впослѣдствіи вѣра въ сверхъестественное, и всѣхъ видоизмѣненій, какія претерпѣваетъ столь родственная ей по существу идеалистическая метафизика (82). Но съ другой стороны, и послѣдняя, вмѣсто того, чтобы бороться съ первобытнымъ анимизмомъ—эта борьба была величайшею заслугою другой философской односторонности, матеріализма—только и дѣлала, въ теченіе долгихъ вѣковъ, что обновляла его, смягчала его рѣзкости и угловатости, придавала ему все болѣе неопредѣленныя и туманныя очер-

[1]) E. B. Tylor лекція объ умственномъ состояніи первобытнаго человѣка.

танія. Въ этомъ смыслѣ идеализмъ, можетъ статься, даже прямо содѣйствовалъ развитію супранатуралистическихъ представленій (83).

15. Намъ остается прибавить очень немногое къ защитѣ тезиса о близкомъ родствѣ супранатурализма и идеалистической метафизики,—тезиса, который непосредственно вытекаетъ изъ правильнаго толкованія, при помощи фактовъ исторіи, закона трехъ типовъ. И это немногое будетъ само только добавочнымъ разъясненіемъ основного взгляда нашего на роль, принадлежащую, въ общемъ ходѣ развитія метафизической мысли, тремъ главнымъ ея направленіямъ.

Мы видѣли въ предыдущихъ главахъ, что чрезъ всю исторію философіи красною нитью тянутся три основныя гипотезы. Умъ человѣка, усвоивъ себѣ механико-физическую сторону явленій, ошибочно предполагаетъ, что ею исчерпывается вся сумма послѣднихъ. Точно также, усвоивъ себѣ—и притомъ скорѣе внутреннимъ чутьемъ, чѣмъ внѣшними средствами положительнаго знанія, помощью случайныхъ наблюденій—другую сторону міровыхъ явленій, событія и факты гиперорганическаго характера, человѣкъ одинаково предполагаетъ, что онъ овладѣлъ ключемъ къ уразумѣнію всѣхъ, безъ исключенія, явленій. Переходъ отъ одной изъ этихъ иллюзій къ другой, — чему соотвѣтствуетъ болѣе глубокое проникновеніе ума въ сферу органическихъ явленій и возведеніе этой сферы, въ свою очередь, на степень всеобъясняющаго начала, — порождаетъ, наконецъ, третью гипотезу и третью философскую иллюзію.

Но на истинное значеніе и на взаимныя отноше-

ния между собою матеріализма, идеализма и сенсуализма можно взглянуть еще инымъ образомъ, и взглядъ этотъ, исторически и соціологически вѣрный, нисколько не будетъ противорѣчить только-что изложенному объясненію. Именно, въ матеріализмѣ съ его отрывочными, но уже научными наблюденіями надъ внѣшнею природою и самыми общими и простыми ея свойствами, можно съ полнымъ правомъ видѣть преждевременную попытку прійти къ такому пониманію міра, которое, хотя въ нѣкоторой степени, заслуживало бы эпитета философіи положительнаго знанія. Матеріализмъ всегда стоялъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ отраслямъ знанія, раньше другихъ получившимъ научный характеръ; близость матеріализма къ точной наукѣ, — но не къ истинной философіи наукъ — не можетъ быть серьёзно оспариваема, какъ не можетъ подлежать серьезному сомнѣнію и скороспѣлый, преждевременный характеръ его обобщительныхъ попытокъ. Съ другой стороны, въ идеализмѣ можно съ не меньшимъ правомъ видѣть простую реакцію, исторически вполнѣ законную и полезную, противъ самой преждевременности великаго дѣла, затѣяннаго матеріалистическою философіею и очевидно превышавшаго ея силы, приходившагося ей далеко не по плечу. Но всякая реакція, въ особенности когда она скорѣе постоянно сопровождаетъ ту или другую группу историческихъ фактовъ, чѣмъ слѣдуетъ за ними или только временно смѣняетъ ихъ, есть не что̀ иное, какъ постоянная критика дѣломъ, примѣромъ, критика, которая въ своемъ увлеченіи весьма часто невольно становится каррикатурою того, противъ чего такъ горячо протестуетъ. По-

слѣднее и случилось съ идеализмомъ, многія системы котораго тѣмъ легче получили значеніе настоящихъ пародій на доктрины матеріализма, что въ то время, какъ ошибка матеріалистовъ состояла въ отожествленіи неизвѣстнаго цѣлаго міровыхъ явленій съ весьма небольшою, но уже научно-изслѣдованною частью ихъ,—ошибка идеалистовъ была еще грубѣе и непростительнѣе: она состояла въ странномъ смѣшеніи научно вовсе не изслѣдованной части міровыхъ явленій съ „искомою суммою“ этихъ явленій. Что касается, наконецъ, сенсуализма, то онъ и въ этомъ взглядѣ сохраняетъ значеніе видоизмѣненнаго матеріализма или неопредѣлившагося съ точностью идеализма; онъ и тутъ играетъ роль переходной ступени, безъ которой человѣческая мысль не могла обойтись уже потому, что она въ противномъ случаѣ весьма скоро постигла бы всю обманчивость двухъ противоположныхъ иллюзій своихъ и, въ частности, не дошла бы, въ идеалистическихъ построеніяхъ, до явной каррикатурности. Таково, мимоходомъ сказать, глубоко-отрицательное значеніе, принадлежащее всѣмъ попыткамъ сенсуализма построить теорію познаванія на общихъ началахъ философіи, въ полной независимости отъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ наукъ и въ особенности отъ успѣховъ психо-физическихъ изслѣдованій. Это домогательство было по меньшей мѣрѣ столь же преждевременно, какъ и погоня матеріалистовъ за всеобщимъ синтезисомъ явленій.

Но если, со многими безпристрастными историками философіи, принять этотъ взглядъ на идеализмъ, какъ на могучую умственную реакцію (психическую въ своемъ источникѣ, соціальную въ

своихъ дѣйствіяхъ), вызванную стремленіемъ матеріализма создать философію наукъ внѣ условій, въ которыхъ только и возможна такая философія, то за идеализмомъ нельзя будетъ не признать и обычныхъ свойствъ всѣхъ психическихъ и соціальныхъ реакцій; а между ними едва ли не главное мѣсто принадлежитъ свойству имѣть нѣкоторые, если не всѣ свои корни въ состояніи, непосредственно предшествовавшемъ явленію или группѣ, аггрегату явленій, противъ котораго направлено реагирующее дѣйствіе. Въ занимающемъ насъ случаѣ, состояніемъ, непосредственно предшествовавшимъ преждевременнымъ усиліямъ матеріализма обнять въ одной краткой научной формулѣ весь видимый міръ, было господство супранатуралистическаго пониманія этого міра. Итакъ, крѣпкая внутренняя связь, соединяющая между собою всякій супранатурализмъ и всякую идеалистическую метафизику, ясно обнаруживается и съ той новой и популярной точки зрѣнія, съ которой мы только что взглянули на внутреннюю борьбу метафизическихъ идей и направленій (84).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И СУПРАНАТУРАЛИЗМЪ. *(Окончаніе).*

1. Будущность супранатурализма.—2. Два теченія мнѣній. Связь одного изъ нихъ съ сенсуалистическою теоріей познанія. — 3. Двѣ коренныя ошибки въ постановкѣ вопроса.— 4. Соціологическіе элементы задачи.—5. Перенесеніе вопроса на несвойственную ему почву и послѣдствія такого заблужденія.— 6. Мнимое упрощеніе задачи и невозможность ея полнаго разрѣшенія въ одномъ какомъ-нибудь смыслѣ. — 7. Значеніе общаго научнаго закона. Законъ соотношенія и вытекающія изъ него историческія обобщенія. Приложеніе къ вопросу о будущности супранатурализма. — 8. Постепенное ограниченіе сферы общественнаго дѣйствія супранатуралистическихъ доктринъ и постепенный упадокъ ихъ значенія.—9. Другія стороны проблемы.—10. Перестановка элементовъ вопроса. Патологическія и нормальныя явленія въ жизни человѣческихъ обществъ.—11. Общественныя условія, дѣлающія возможными и необходимыми появленіе и существованіе такихъ сложныхъ продуктовъ духовной жизни народовъ, какъ супранатуралистическія ученія.—12. Замѣчательный паралогизмъ.—13. Условія, способствовавшія его образованію. Непровѣряемыя иллюзіи. — 14. Источники супранатуралистическихъ гипотезъ.— 15. Вліяніе наслѣдственности, подбора, ассоціаціи представленій и т. п. основныхъ условій эволюціи общественныхъ организмовъ. Иллюзія скептиковъ и свободныхъ мыслителей нашей эпохи.—16. Приспособленіе личности къ социальной средѣ и послѣдней къ средѣ физической, какъ двоякій источникъ нравственныхъ началъ. Отожествленіе этихъ началъ съ супранатуралистическими идеями. Смѣшеніе области сверхъестественнаго съ областью вѣры и идеализаціи дѣйствительности.—17. Занимающая насъ проблема, какъ задача психо-

соціальной механики —18. Вѣра науки и вѣра въ науку. Вѣра, какъ настоятельная потребность человѣческаго духа. Правильное направленіе этой потребности и истинный смыслъ нашего предложенія объ устраненіи гипотезы изъ области философіи. Теорія супранатуралистическихъ вѣрованій и исторія ихъ.—19. Совпаденіе нашихъ выводовъ съ выводами эволюціонизма.—20. Отрицаніе сверхъестественнаго, какъ точка исхода всякой метафизики. Отрицаніе и научная философія.—21. „Непознаваемое" философіи и „непознаваемое" супранатурализма. „Непознаваемое" науки —22. Близкое родство между отрицаніемъ сверхъестественнаго, всѣми видами метафизическаго теизма и пантеизма и теоріей непознаваемаго. Двойные софизмы и двойныя гипотезы.—23. Эмпирическіе и произвольные, непровѣряемые элементы общей гипотезы, лежащей въ основѣ ученій о непознаваемомъ и метафизическаго отрицанія сверхъестественнаго. Историческая форма этого отрицанія.

III. Будущее супранатурализма. (Отношеніе его къ наукѣ).

1. Судьба науки всегда обусловливаетъ судьбу философіи: но изъ того, что супранатурализмъ есть одна изъ формъ философіи, само собою слѣдуетъ, что общій законъ соотношенія между наукою и философіей обнимаетъ собою, какъ частный случай, и всю сумму фактовъ общественнаго характера, въ которыхъ выражается взаимодѣйствіе супранатуралистическихъ вѣрованій и научныхъ познаній каждой эпохи.

Супранатурализмъ является дѣятельнымъ факторомъ соціальной жизни, глубоко вліяющимъ на весь строй ея или, другими словами, составляетъ живое міропониманіе только до тѣхъ поръ, пока изъ совокупности научныхъ знаній не выработалось какое нибудь другое пониманіе природы и человѣка. Съ другой стороны, супранатурализмъ сохраняетъ дѣйствительную силу и значеніе, только въ тѣхъ общественныхъ наслоеніяхъ и груп-

пахъ, въ которыхъ по причинамъ, несомнѣнно имѣющимъ общественное же происхожденіе и характеръ, процессъ образованія научныхъ понятій, ведущій къ постоянной замѣнѣ одного міропониманія другимъ, не получилъ надлежащаго развитія (85).

Таковъ прямой выводъ изъ закона соотношенія между наукою и философіей, и таково общее и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно условное рѣшеніе вопроса о вѣроятной будущности супранатурализма въ человѣческихъ обществахъ.

Послѣдній вопросъ, однако, настолько интересенъ и теоретически, и въ практическомъ отношеніи, что на немъ стоитъ остановиться, — хотя бы только для разъясненія, почему онъ такъ часто ставится неправильно сторонниками его безусловнаго разрѣшенія въ томъ или другомъ, положительномъ или отрицательномъ смыслѣ

2. Два теченія мнѣній особенно замѣтны въ этомъ спорѣ. Защитники обоихъ мнѣній одинаково признаютъ, что супранатуралистическія представленія прямо противорѣчатъ научной истинѣ и являются простыми иллюзіями ума въ безпокойномъ поискѣ его за сокровенною сущностью вещей. Но въ то время, какъ одни утверждаютъ, что дальнѣйшее существованіе этого противорѣчія ничѣмъ не оправдывается и что иллюзія сверхъестественнаго быстро идетъ по пути, ведущему къ ея совершенному исчезновенію, другіе возражаютъ, что противорѣчіе это составляетъ коренную потребность человѣческой природы, что сохраненіе такой иллюзіи во всѣ времена вполнѣ обезпечено чисто психологическими мотивами. Тезисы эти, несмотря на

общность точки исхода, взаимно исключаютъ другъ друга. Разсмотримъ же ближе нѣкоторые аргументы, на которые опираются поборники каждаго изъ нихъ.

Первый тезисъ принадлежитъ преимущественно матеріализму и родственнымъ ему ученіямъ. Мыслители этого лагеря высказываютъ твердое убѣжденіе, что въ свободномъ обществѣ будущаго не останется мѣста ни для супранатурализма, ни для какого-бы то ни было внѣшняго проявленія его, второй міровой періодъ будетъ „эрою безъ сверхъестественнаго“ въ полномъ смыслѣ слова. Нравственность окончательно порветъ всякую связь съ супранатурализмомъ и, благодаря успѣхамъ знанія, вернется къ своему настоящему источнику — общественности. Внутреннее, психическое вліяніе всякаго культа будетъ признаваться самообманомъ, влекущимъ за собою, въ большинствѣ случаевъ, только вредныя послѣдствія. Нравственность, даже когда она самымъ слабымъ образомъ связана съ вѣрою въ сверхъестественное, неизбѣжно подвергается растлѣвающему дѣйствію послѣдней; „трансцендентный ужасъ“ заражаетъ ее своимъ ядомъ, и она начинаетъ осуждать такія „естественныя стремленія“, которыя сами по себѣ въ высшей степени полезны и для индивидуума, и для общества. Супранатурализмъ въ этомъ смыслѣ есть нѣчто „нечеловѣческое“, проекція въ нашемъ разумѣ наиболѣе несчастныхъ условій общественности, среди которыхъ когда-либо приходилось жить человѣчеству. Но широкое распространеніе во всѣхъ классахъ общества умственной культуры разсѣетъ этотъ неестественный миражъ и сдѣлаетъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ этому роковому заблужденію. Человѣкъ обратится исключительно къ человѣку, къ себѣ по-

добному; къ природѣ же онъ отнесется въ духѣ изслѣдованія, съ стремленіемъ истолковать ее, но отнюдь не со страхомъ, мольбою или другими антропопатическими чувствами и дѣйствіями. Напряженность жизненныхъ ощущеній возвысится въ той мѣрѣ, въ какой они успѣютъ освободиться изъ мертвой петли супранатуралистическихъ химеръ. Жизнь получитъ, практически, цѣну сама по себѣ, какъ, теоретически, міръ найдетъ смыслъ въ себѣ одномъ. Супранатуралистическую метафизику замѣнитъ философія, основанная на разумномъ созерцаніи міровыхъ процессовъ и уже дитя будетъ знать, что „такъ называемое абсолютное лежитъ у него подъ ногами". „Универсальный аффектъ", или „односторонне-субъективное настроеніе, испытываемое отдѣльною личностью подъ вліяньемъ всей суммы ощущеній и опытовъ, которыми внѣшній міръ постоянно снабжаетъ человѣка",—аффектъ, лежащій на глубокомъ психическомъ днѣ нашихъ философскихъ стремленій, получитъ впервые нормальное, правильное развитіе; мистическіе элементы этого настроенія отойдутъ въ область далекихъ преданій, и для всѣхъ станетъ ясно, что и супранатурализмъ въ чистомъ видѣ, и метафизическій мистицизмъ всегда были лишь патологическими извращеніями вполнѣ законнаго и плодотворнаго стремленія духа къ внутреннему единству въ пониманіи явленій[1]) (86).

Другое значеніе придаютъ супранатурализму сторонники мнѣнія, по которому этой доктринѣ принадлежитъ не одно прошедшее, но и все безпредѣльное будущее человѣчества. Они видятъ въ

---

1) Vaihinger· Hartmann, Duhring und Lange, ein kritischer essay, стр. 16 и 162—164. (Философія Дюринга)

супранатурализмѣ нѣчто вполнѣ нормальное, фактъ не психо-патологическаго, а психо-физіологическаго порядка. Защитниками этого тезиса являются теперь преимущественно послѣдователи научно-философскаго идеализма, прямые наслѣдники критицизма Канта и сенсуализма Юма. Супранатурализмъ,—утверждаютъ мыслители этого лагеря, — имѣетъ своимъ источникомъ ту же объединяющую, ту же „устраняющую противорѣчія“ способность человѣческаго духа, которая властвуетъ въ искусствѣ и въ метафизикѣ. Супранатурализмъ не преслѣдуетъ нравственныхъ цѣлей, и потому можетъ одинаково и служить этическому прогрессу, и санкціонировать своими ученіями самую чудовищную безнравственность. Но если съ теченіемъ времени между областью сверхъестественнаго и областью этики и устанавливается, такъ или иначе, извѣстное отношеніе, то между первою и наукою уже рѣшительно нѣтъ и не должно быть никакого соединительнаго моста. Супранатурализмъ никогда не можетъ быть знаніемъ; онъ не можетъ быть и простымъ продуктомъ чувства; онъ всегда—плодъ свободнаго творчества духа. Прикосновеніе трезваго знанія къ ученіямъ о сверхъестественномъ неминуемо влечетъ за собою ихъ извращеніе и упадокъ Искусство, супранатурализмъ и метафизика принадлежатъ къ одной и той же категоріи психическихъ фактовъ: они не имѣютъ ничего общаго съ наукою. Подобно другимъ созданіямъ фантазіи, миѳы и догматы супранатурализма суть простые образы и символы. Истина, на исключительное обладаніе которою они заявляютъ притязаніе, носитъ всегда глубоко субъективный характеръ.

Коренясь первоначально въ чувствѣ зависимости,

о которомъ говоритъ Шлейермахеръ, и почерпая новыя силы въ „трагическомъ потрясеніи", которое, по мнѣнію Ланге, неизбѣжно сопровождаетъ вѣру въ сверхъестественное, какъ непосредственное дѣйствіе ея, супранатуралистическое чувство, въ концѣ концовъ, составляетъ обычную и болѣе или менѣе добровольную иллюзію человѣческаго ума. Супранатурализмъ не можетъ жить безъ мивовъ и догматовъ; но послѣдніе, переступая границы дѣйствительности и противорѣча наукѣ, лишены всякаго объективнаго значенія; мириться съ существованіемъ догматовъ можно лишь изъ-за чисто этическихъ побужденій, какъ съ существованіемъ мивовъ можно или должно мириться изъ-за побужденій эстетическихъ Рядомъ съ „психологіей безъ души" возникаетъ, такимъ образомъ, „супранатурализмъ безъ вѣры въ сверхъестественное" — единственно возможная въ будущемъ форма этой потребности нашего духа. Однимъ словомъ, въ этомъ будущемъ, которое отчасти осуществляется уже теперь, можно и должно будетъ сохранить и супранатурализмъ, и метафизику; но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ—не вѣрить ни въ то, ни въ другое, и смотрѣть на соотвѣтствующія идеи, какъ на идеалы, не оправдываемые дѣйствительностію, а живущіе въ насъ самихъ и доставляющіе намъ чисто субъективное удовлетвореніе. Въ супранатурализмѣ не должно оставаться мѣста ни для какого другого начала, кромѣ начала свободнаго творчества [1]).

Тѣсная связь, соединяющая это рѣшеніе задачи съ сенсуалистическою теоріей познанія, бросается въ глаза. Идея чисто субъективнаго существованія

[1]) H. Vaihinger, Op citat., стр. 191—193 (философія Ланге).

идеаловъ, которымъ, тѣмъ не менѣе, придается такое значеніе, будто имъ соотвѣтствуетъ нѣчто реальное и объективное, перестаетъ быть явною несообразностью подъ однимъ лишь условіемъ: если принять всѣ тонкія различенія, ограниченія и непровѣренныя гипотезы сенсуалистической психологіи. Такая идея могла возникнуть только на метафизической почвѣ теоріи непознаваемаго Эта теорія прямо ведетъ къ заключенію, что человѣкъ нуждается и всегда будетъ нуждаться въ дополненіи себя самого и окружающаго его реальнаго міра другимъ міромъ, фантастическимъ, чисто идеальнымъ, въ созданіи котораго принимаютъ участіе высшія и благороднѣйшія функціи духа. Надъ ничтожными, вѣчно неудовлетворительными результатами положительнаго знанія духъ можетъ и долженъ возвыситься творчески въ поэзіи отвлеченныхъ понятій, называемой философіей, и въ поэзіи миѳовъ и символическихъ образовъ, которую можно назвать супранатурализмомъ. И тотъ, и другой видъ поэзіи имѣетъ строго „междусубъективное“ значеніе; но въ то время, какъ философія держится ближе къ реальной, научной дѣйствительности и старается пополнить ея пробѣлы логическими построеніями, сохраняющими внѣшнее, по крайней мѣрѣ, сходство съ объясненіями науки,—супранатурализмъ не заботится ни объ этомъ сходствѣ, ни о близости къ даннымъ науки, и стремится къ той же цѣли, что и философія, прибѣгая къ болѣе простому, менѣе условному, болѣе доступному всѣмъ и каждому и, въ концѣ концовъ, едва ли не болѣе дѣйствительному средству: къ созданію миѳовъ.

Все внутреннее значеніе метафизическихъ системъ и супранатуралистическихъ ученій заключается не

въ нихъ самихъ, не въ основѣ ихъ, покоящейся всегда на самообманѣ, а въ этическомъ смыслѣ, въ художественной гармоніи, въ архитектоническомъ совершенствѣ ихъ. Но отсюда слѣдуетъ, что философія не должна стремиться къ полному замѣщенію супранатурализма. Въ такомъ вытѣсненіи болѣе простой формы спекулятивнаго творчества формою болѣе сложною не предстоитъ никакой надобности. Обѣ формы прекрасно уживаются рядомъ, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и та, и другая, заключивъ тѣсный союзъ съ искусствомъ въ обычномъ смыслѣ слова, будетъ и впредь посвящать свои силы облегченію тягостей земнаго существованія и такому нравственному очищенію и укрѣпленію человѣка, которое можетъ быть достигнуто лишь субъективнымъ успокоеніемъ его въ мірѣ вѣчно-цвѣтущихъ и гармонически-согласованныхъ между собою идеаловъ [1]).

3. Но оставимъ пока въ сторонѣ — мы разсмотримъ ее въ своемъ мѣстѣ — теорію внутренняго тожества эстетическаго и чисто спекулятивнаго творчества, и обратимся исключительно ко взглядамъ на будущность супранатурализма, которые раздѣляютъ въ настоящую минуту мыслителей на два противоположныхъ стана. Что, въ концѣ концовъ, суждено увидѣть грядущимъ поколѣніямъ: постепенный ли упадокъ и исчезновеніе супранатуралистическихъ идей и вѣрованій, или безпрерывное возрожденіе ихъ въ безконечномъ рядѣ новыхъ формъ?

---

[1]) Ibidem, стр. 20 и 27.

Обычная постановка этого вопроса скрываетъ въ себѣ двѣ, рѣдко замѣчаемыя ошибки Первая заключается въ предположеніи, что вопросъ о будущности супранатурализма можетъ быть рѣшенъ только въ одномъ смыслѣ; вторая состоитъ въ почти совершенномъ игнорированіи соціологическихъ элементовъ задачи и въ разрѣшеніи ея помощью чисто философскихъ соображеній, т. е., въ сущности, помощью того скуднаго матеріала, какой могутъ доставить философіи предвзятыя теоріи интроспективной психологіи.

4. Послѣдняя ошибка имѣетъ особенную важность. Внимательное разсмотрѣніе ея обнаруживаетъ, къ тому же, что она всегда тѣсно связана съ ошибкою перваго рода и неизбѣжно приводитъ къ ней.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что вопросъ о будущности супранатуралистическихъ идей есть вопросъ существенно соціологическій. Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій общежитія являются общія вѣрованія, общія въ томъ смыслѣ, что они направлены на одинаковое объясненіе окружающаго міра значительными группами людей. Союзъ послѣднихъ на почвѣ вѣры въ сверхъестественное, подобно всякому другому виду духовнаго единенія, является однимъ изъ средствъ, самопроизвольно употребляемыхъ соціальнымъ организмомъ для увеличенія внутренняго общенія своего или сплоченности. Узы этого рода не служатъ, однако, источникомъ, откуда беретъ свое начало человѣческое общество; напротивъ, все, что мы знаемъ о первыхъ проявленіяхъ общественности, громко свидѣтельствуетъ о производномъ характерѣ теоло-

гической, а впослѣдствіи и метафизической связи, или о томъ, что и та, и другая были слѣдствіемъ потребности, которую человѣческое общество ощутило сравнительно поздно. Но не одно происхожденіе супранатуралистическихъ ученій и метафизическихъ системъ находится въ тѣсной зависимости отъ условій общественнаго быта и развитія; вся дальнѣйшая судьба этихъ сложныхъ явленій отмѣчена тѣмъ же, чрезвычайно важнымъ для соціолога, признакомъ. Историческое преемство поколѣній и примыкающія къ нему явленія наслѣдственности съ одной стороны, общественное расчлененіе или необходимое распаденіе общества на неоднородныя части съ другой, не говоря уже о менѣе крупныхъ и замѣтныхъ процессахъ общественной эволюціи,—все это постоянно воздѣйствовало на супранатуралистическія ученія и метафизическія системы; всѣмъ этимъ, самымъ очевиднымъ образомъ, обусловливались общій ходъ ихъ и особенности развитія, медленный ростъ или быстрое процвѣтаніе, упадокъ и различныя, постигшія ихъ, измѣненія. Историческая преемственность обезпечиваетъ продолжительное существованіе этихъ умственныхъ построеній, возможность ихъ передачи отъ поколѣнія къ поколѣнію; наслѣдственностью объясняется переживаніе ими эпохъ наиболѣе благопріятныхъ для нихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій; разнородный составъ общества, наконецъ, вызываетъ и поддерживаетъ борьбу ихъ между собою и съ другими формами философскаго сознанія, заранѣе опредѣляя главнѣйшіе моменты этой борьбы и ея многочисленныя превратности. Но мы не скоро кончили бы, если бъ захотѣли перечислить всѣ общественныя вліянія, которыя, безконечно

осложняя другъ друга, придаютъ исторіи супранатурализма и метафизики значеніе одной изъ наиболѣе важныхъ составныхъ частей исторіи общественнаго развитія вообще ..

Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, такой взглядъ на истинную природу занимающихъ насъ здѣсь явленій никѣмъ серьёзно и не оспаривается. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы современные ученые и философы могли сомнѣваться въ цѣлесообразности изученія этихъ фактовъ въ тѣсной связи со всѣми другими общественными явленіями, или могли смотрѣть на вопросъ о будущности супранатурализма, какъ на задачу, глубоко чуждую прикладной соціологіи Но почему же, въ такомъ случаѣ, мыслители эти пытаются разрѣшить эту задачу преимущественно или даже исключительно при помощи данныхъ абстрактной и, слѣдовательно, индивидуальной психологіи?

5. Мы думаемъ, что объяснить это кажущееся противорѣчіе не трудно. Философы, о которыхъ идетъ рѣчь, повидимому, глубоко убѣждены въ томъ, что, обращаясь къ чисто психологическимъ аргументамъ въ соціологическомъ вопросѣ, они не покидаютъ почвы общественной науки. Мыслители эти, очевидно, раздѣляютъ еще обычный взглядъ на общественныя явленія, по которому сущность послѣднихъ сводится почти цѣликомъ къ фактамъ индивидуальной психологіи и сама наука объ обществѣ является лишь особенно важнымъ прикладнымъ развитіемъ началъ, изслѣдуемыхъ отвлеченною наукою о человѣческомъ духѣ. Они, однимъ словомъ, впадаютъ въ основное методологическое заблужде-

ніе, которое мы старались опровергнуть въ нашей книгѣ о соціологіи [1]).

Вопросъ о будущей судьбѣ супранатуралистической иллюзіи не перестаетъ, въ ихъ глазахъ, быть вопросомъ общественнымъ по преимуществу; но именно по этой причинѣ полное и, такъ сказать, принципіальное разрѣшеніе его имъ кажется достижимымъ лишь средствами интроспективной психологіи. И вотъ, какъ естественное послѣдствіе такого убѣжденія, въ постоянно вновь возгорающихся спорахъ о вѣроятной будущности супранатурализма, на первый планъ, въ прямой ущербъ остающейся въ тѣни соціологической сторонѣ вопроса, выступаютъ безконечныя разсужденія о присущихъ, будто бы, духовному организму человѣка наклонностяхъ и свойствахъ, какъ-то: стремленіи выйти изъ границъ опытнаго знанія, влеченіи къ чудесному, непонятному и т. п. Хуже всего, однако, то, что разсужденія эти, заполоняя мало-по-малу поле изслѣдованія, мѣшаютъ возникнуть другому вопросу, имѣющему уже дѣйствительно принципіальное значеніе: не составляютъ ли указываемыя свойства и потребности—которыя настолько сложны, что объясненіе ихъ однимъ вліяніемъ физіологическихъ процессовъ явно невозможно—прямого результата многовѣковаго воздѣйствія на умственную организацію человѣка огромной массы соціологическихъ причинъ? И нельзя ли, поэтому, попытаться замѣнить изслѣдованіе степени постоянства той или другой фактически существующей потребности нашего духа—въ данномъ случаѣ, напримѣръ, потребности обманывать себя

[1]) Соціологія, стр. 256 и слѣд

тѣми или другими иллюзіями—изслѣдованіемъ степени измѣняемости соціологическихъ факторовъ, которые порождаютъ и поддерживаютъ во всѣхъ общественныхъ группахъ и атомахъ, или только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣ или другія психическія наклонности и стремленія?

Но это еще не все. Давно замѣчено, что перенесеніе какой-бы то ни было задачи на несвойственную ей почву всегда сопровождается однимъ неизмѣннымъ послѣдствіемъ. Вопросъ плохо или вовсе не принимается на такой почвѣ; онъ не можетъ пустить въ ней сколько нибудь глубокіе корни. Явленія, съ которыми его связываютъ, или совершенно чужды ему, или имѣютъ къ нему не то отношеніе, которое мерещилось изслѣдователямъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково ощущается недостатокъ въ фактическомъ матеріалѣ, которымъ могъ бы непосредственно питаться вопросъ, а это неизбѣжно приводитъ къ тому, что послѣдній начинаетъ существовать и развиваться совершенно искусственно. Отвѣты на него даетъ уже не реальная жизнь, съ которою онъ не имѣетъ ничего общаго, а та идеальная, оторванная отъ всѣхъ сложныхъ условій дѣйствительности среда, которая устраивается по произволенію разума и вполнѣ зависитъ отъ индивидуальной подготовки изслѣдователя. Но отвѣты, свободно диктуемые разумомъ, существенно отличаются отъ тѣхъ, которые съ неимовѣрнымъ трудомъ и, такъ сказать, по складамъ вычитываются имъ же изъ неразборчивой рукописи живой природы. Отвѣты послѣдняго рода всегда въ высшей степени условны; они намѣчаютъ только главныя линіи и направленія, по которымъ движутся дѣйствительныя событія; они допускаютъ одновременно

нѣсколько рѣшеній задачи. Отвѣты первой категоріи, напротивъ того, не знаютъ такихъ ограниченій; они по существу своему безусловны и, какъ общее правило, для каждаго даннаго случая допускаютъ только одинъ исходъ и одно рѣшеніе.

6. Соображенія эти вполнѣ примѣнимы къ занимающимъ насъ взглядамъ на будущность супранатурализма. Изъятіе изслѣдованій объ этой будущности изъ единственной области, которой они принадлежатъ по праву—изъ области прикладной соціологіи,—и перенесеніе ихъ на почву абстрактной психологіи естественно должно было сопровождаться всѣми указанными сейчасъ послѣдствіями. Изъ крайне сложнаго и запутаннаго вопросъ вдругъ сдѣлался необыкновенно простымъ и яснымъ. Дана извѣстная иллюзія; спрашивается: присуще ли человѣческому уму, уже сознавшему свою ошибку и измѣрившему всю глубину своего ослѣпленія, упорно пребывать въ послѣднемъ или, напротивъ, ему свойственно тотчасъ же и навсегда разстаться съ прежнимъ заблужденіемъ? Кажется, что̀ можетъ быть проще и яснѣе такой постановки занимающаго насъ здѣсь вопроса? А между тѣмъ, именно въ этой формѣ, онъ и является, собственно говоря, вполнѣ неразрѣшимымъ Сколько разъ и какъ бы на него ни отвѣчали—одни, оптимисты, что предаваться обнаруженной и доказанной иллюзіи недостойно человѣка и что такая слабость несомнѣнно сдѣлается глубоко чуждою будущимъ поколѣніямъ; другіе, пессимисты, что раскрыть и сознать заблужденіе, и тѣмъ не менѣе снова отдаться ему всею душою, не только вполнѣ естественно, но и въ высшей степени полезно въ томъ отноше-

нии, что, лишь прибѣгая къ постоянному самообману, человѣкъ и можетъ надѣяться возвыситься надъ мелочами и бѣдствіями своего существованія и однимъ примиряющимъ взглядомъ обнять всѣ трудности лежащаго передъ нимъ безконечнаго пути, — отвѣты эти ни на волосъ не приблизятъ насъ къ искомому рѣшенію: они не дадутъ намъ ни одного, сколько-нибудь цѣннаго свѣдѣнія относительно судьбы, дѣйствительно могущей постигнуть супранатурализмъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ соціальнаго будущаго, на которое эти наблюденія надъ помутившимся сознаніемъ современнаго человѣка не въ состояніи пролить ни малѣйшаго свѣта.

Мы уже сказали, въ какомъ направленіи слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать истины. Для успѣшности такого поиска, однако, необходимо, прежде всего, проникнуться убѣжденіемъ, что въ подлежащемъ рѣшенію вопросѣ полная истина еще долго будетъ ускользать отъ нашихъ усилій. Конечно, ступивъ твердою ногою на почву соціологіи, нельзя уже такъ легко сдѣлаться жертвою увлеченій и ошибокъ, которыя, какъ доказалъ примѣръ столькихъ выдающихся умовъ, прямо неизбѣжны при изслѣдованіи того же вопроса помощью психологическаго метода. Тѣмъ не менѣе, и тутъ должно твердо помнить, что въ настоящемъ положеніи общественныхъ наукъ нѣтъ еще возможности ни предсказать съ точностью конечной судьбы супранатуралистическихъ идей, ни предвидѣть всѣхъ соціальныхъ превращеній, которыя могутъ самымъ рѣшительнымъ образомъ повліять на наши выводы. Прежде, чѣмъ отважиться окончательно рѣшать теоремы прикладной соціологіи,

нужно еще значительно расширить предѣлы отвлеченной части обществознанія, нужно еще много и упорно поработать надъ наиболѣе элементарными задачами общей соціологіи. Такая предварительная работа, однако, еще не выполнена,—къ ней, какъ извѣстно, едва приступлено: а потому все, чего, безъ непростительной самоувѣренности, можетъ надѣяться достигнуть теперь изслѣдователь, ограничивается немногими общими положеніями, которыя не должны не только предрѣшать вопроса, но даже и стремиться къ его рѣшенію въ одномъ какомъ-нибудь смыслѣ, въ одномъ точно опредѣленномъ направленіи. Другими словами, положенія эти должны оставить вопросъ вполнѣ открытымъ, что касается его практическаго исхода, и освѣтить его только теоретически, т. е. со стороны наиболѣе общихъ и постоянныхъ условій, управляющихъ развитіемъ идей и эволюціей фактовъ въ человѣческихъ обществахъ.

7. Такого рода теоретическія указанія и даетъ намъ соціологическій законъ, къ которому мы не разъ обращались въ теченіе этого изслѣдованія и къ которому мы, естественно, спѣшимъ прибѣгнуть и въ важномъ вопросѣ практической соціологіи, составляющемъ предметъ настоящей главы.

Но чѣмъ большею общностью обладаетъ законъ, тѣмъ болѣе разнообразны и условны его конкретныя проявленія и тѣмъ труднѣе становится точное опредѣленіе ихъ. Это заключеніе вполнѣ примѣнимо и къ закону соотношенія наукъ и философіи,— закону, подъ дѣйствіе котораго одинаково подходятъ обѣ противоположныя возможности развитія—и процвѣтаніе, и упадокъ супранатура-

листическихъ воззрѣній. Конечно, научные законы выражаютъ въ сокращенномъ видѣ обобщенные факты; но это факты не конкретные, не индивидуальные, не случайные, а идеальные или отвлеченные, общіе и необходимые. Необходимость факта, въ научномъ смыслѣ, однако, не обусловливаетъ еще необходимости его наступленія. Совершенно напротивъ: такая необходимость вполнѣ равносильна условности факта, которая, въ свою очередь, только и придаетъ извѣстному отношенію между явленіями характеръ неизмѣнности или постоянства, столь важный для цѣлей какъ теоретическаго, такъ и прикладнаго знанія. Это, другими словами, значитъ, что научные законы выражаютъ собою не дѣйствительныя событія, а постоянныя отношенія между извѣстнымъ условіемъ или извѣстною совокупностью условій и такимъ явленіемъ, которое, въ сущности, — не что иное, какъ гипотетическое осуществленіе этого самаго сочетанія условій Вотъ почему научнымъ законамъ и присущъ тотъ особый тавтологическій оттѣнокъ, который такъ часто удивляетъ людей, мало знакомыхъ съ процессомъ научнаго творчества, и, разочаровывая ихъ относительно практическаго значенія наиболѣе общихъ и, слѣдовательно, наиболѣе вѣрныхъ и постоянныхъ законовъ природы, заставляетъ ихъ предпочитать узкія эмпирическія формулы, помощью которыхъ, дѣйствительно, гораздо легче предусматриваются краткіе ряды ближайшихъ явленій. Вотъ почему также во всѣхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ нѣсколько сложными явленіями, общіе законы всего менѣе пригодны для точнаго предсказанія еще не наступившихъ событій и полезны, главнымъ обра-

зомъ, для объясненія уже совершившихся фактовъ.

Такую услугу оказываетъ нашему знанію и законъ соотношенія наукъ и философіи. Что направленіе философской мысли и содержаніе философскихъ системъ медленно измѣнялось, въ прямой зависимости отъ направленія научной мысли и содержанія положительныхъ наукъ; что супранатурализмъ былъ одною изъ наиболѣе раннихъ формъ философской погони за истиною; что условія общественнаго развитія, среди которыхъ первоначально возникли супранатуралистическія идеи и вѣрованія, никогда не исчезали вполнѣ и безвозвратно, но, безконечно видоизмѣняясь въ своихъ наружныхъ формахъ, продолжали упорно существовать даже тамъ, гдѣ присутствіе ихъ могло всего менѣе быть заподозрѣно; что среди этихъ условій главное мѣсто и наиболѣе рѣшительное значеніе принадлежало глубокому невѣжеству народныхъ массъ, поразительно ничтожному количеству дѣйствительно научныхъ знаній, распространенныхъ въ среднихъ и высшихъ классахъ общества, одностороннему научному образованію спеціалистовъ и рѣдко замѣчаемому, но, тѣмъ не менѣе, весьма сильному воздѣйствію уровня знаній и пріемовъ мышленія большинства на общее умственное настроеніе и способы разсужденія меньшинства; наконецъ, что несознанный фактъ переживанія какъ перечисленныхъ сейчасъ, такъ и многихъ другихъ общественныхъ условій постоянно скрывался за ярко бросавшимся въ глаза фактомъ переживанія супранатуралистическихъ идей, и былъ его настоящей причиной,—всѣ эти обобщенія прямо вытекаютъ изъ закона соотношенія и составляютъ столько же

примѣненій его къ событіямъ прошедшаго, къ тому, что̀ было.

Но какъ отъ того, что̀ было, перейти къ тому, что̀ будетъ? Для такого перехода, какъ извѣстно, существуетъ только одно средство: индукція. Не говоря, однако, о томъ, что въ наиболѣе простомъ видѣ своемъ индукція составляетъ лишь заключеніе отъ того, что̀ было одинъ, нѣсколько или много разъ, къ тому, что̀ было всякій разъ при тѣхъ же условіяхъ, она можетъ принять столь важную для практическихъ цѣлей форму заключенія о томъ, что̀ будетъ, единственно при помощи основного предположенія, что несовершившееся событіе самымъ точнымъ образомъ воспроизведетъ уже совершившееся, что оно не только будетъ содержать въ себѣ всѣ элементы прошедшаго, но и вновь проявитъ всѣ прежнія отношенія этихъ элементовъ между собою. А отсюда уже само собою слѣдуетъ, что, прилагая законъ соотношенія къ вопросу о будущности одной изъ наиболѣе древнихъ историческихъ формъ философіи, мы можемъ лишь распространить индуктивно на проявленія этого закона въ будущемъ выводы, полученные нами при разсмотрѣніи проявленій его въ прошедшемъ.

Но въ этомъ прошедшемъ мы неизмѣнно встрѣчаемъ извѣстныя соціальныя условія, необходимыя для существованія супранатуралистическихъ воззрѣній, и рядомъ—міропониманія, являющіяся высшими выразителями совокупности этихъ условій въ духовной жизни человѣчества; а это, другими словами, значитъ, что факты прошедшаго не даютъ намъ ни малѣйшаго права предвидѣть не только близкаго, но и вообще исчезновенія супранатура-

листическихъ идей со сцены исторіи. Съ этой точки зрѣнія, полное уничтоженіе стремленія къ сверхъестественному объясненію міра является въ глазахъ историка мечтою по меньшей мѣрѣ столь же праздною, какъ полное уничтоженіе невѣжества, различныхъ формъ общественнаго неравенства и т. п.

Съ другой стороны, однако, въ томъ же прошедшемъ, въ обширномъ смыслѣ, мы неизмѣнно встрѣчаемъ и совокупность такихъ общественныхъ—мы настаиваемъ на этой квалификаціи—условій, которыя уже никакъ не мирятся, ни съ наивными пріемами первой фазы развитія мысли, ни съ болѣе сложными и совершенными пріемами метафизическаго объясненія природы. Эти условія и предъявляютъ къ духовной жизни требованія, которыя могутъ быть удовлетворены лишь посредствомъ окончательной замѣны прежнихъ способовъ пониманія міра новымъ міросозерцаніемъ, состоящимъ въ систематизаціи или философскомъ объединеніи общихъ результатовъ точнаго изслѣдованія во всѣхъ областяхъ знанія. Но это опять-таки значитъ только, что у насъ есть еще менѣе основаній для представленія въ будущемъ супранатуралистическихъ идей тѣмъ, чѣмъ онѣ уже давно перестали быть въ прошедшемъ—общимъ достояніемъ всѣхъ общественныхъ группъ безъ исключенія, или для придачи имъ снова, съ какими бы то ни было цѣлями, давно утраченнаго ими значенія прочнаго, незыблемаго фундамента духовной жизни всего человѣчества, разсматриваемаго какъ одно цѣлое. Признаніе за иллюзіей „сверхъестественнаго“—характера какой-то высшей, неизмѣнной или вѣчной потребности нашей умственной организаціи является поэтому, въ свою очередь, въ гла-

захъ соціолога, прямымъ искаженіемъ исторической дѣйствительности, непростительнымъ вторженіемъ фантазіи въ область вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ прошедшаго и совершенно произвольнымъ заключеніемъ отъ нихъ къ фактамъ будущаго.

8. Итакъ, въ вопросѣ о конечной судьбѣ супранатуралистическихъ доктринъ, индукція, имѣющая своею исходною точкою законъ соотношенія наукъ и философіи, не можетъ привести къ иному результату, кромѣ подтвержденія полнѣйшей зависимости дальнѣйшаго существованія этихъ доктринъ отъ дальнѣйшаго существованія обширной категоріи общественныхъ явленій. Такая индукція заключаетъ въ себѣ прямыя указанія на измѣняемость этихъ явленій, а, слѣдовательно, и на измѣняемость соотвѣтствующаго имъ умственнаго состоянія; но она не содержитъ въ себѣ никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе, что, рано или поздно, эти явленія вовсе исчезнутъ, а съ ними упразднятся на земномъ шарѣ и послѣдніе слѣды супранатуралистическихъ взглядовъ. Индукція эта даетъ соціологу полное право предвидѣть постепенное ограниченіе сферы соціальнаго дѣйствія супранатурализма и постепенный же упадокъ его значенія для всего общественнаго организма; но она не даетъ ему права итти далѣе и вовсе выбросить изъ своихъ вычисленій этотъ важный историческій факторъ. Это необходимое ограниченіе задачи соціолога мы и имѣли въ виду, выводя изъ закона соотношенія два главныхъ условія, при наличности которыхъ супранатурализмъ не перестаетъ быть дѣятельнымъ и чрезвычайно важнымъ элементомъ соціальной эволюціи: 1) суще-

ствованіе общественныхъ союзовъ, достаточно чуждыхъ какъ односторонняго метафизическаго, такъ и многосторонняго научнаго развитія; и 2) замедленіе въ процессѣ образованія, среди вполнѣ подготовленныхъ къ тому общественныхъ группъ, міропониманій, которыя бы соотвѣтствовали упомянутымъ сейчасъ ступенямъ философской мысли.

9. Установивъ, на предыдущихъ страницахъ, общую точку зрѣнія на вопросъ о будущей судьбѣ супранатурализма, и постаравшись разъяснить существенную разницу между психологическимъ и соціологическимъ способами постановки этой задачи, мы теперь можемъ перейти къ краткому обзору нѣкоторыхъ другихъ сторонъ вопроса, не лишенныхъ, на нашъ взглядъ, извѣстнаго значенія въ спорѣ о степени жизненности, которою одарена изучаемая нами иллюзія.

Составляетъ ли вѣра въ сверхъестественное нормальный или патологическій фактъ въ жизни человѣческихъ обществъ, и при какихъ условіяхъ изъ нормальнаго явленіе это можетъ обратиться въ патологическое? Какія причины вызываютъ и поддерживаютъ преувеличенное мнѣніе о супранатурализмѣ, его необходимости и долговѣчности, и въ чемъ заключается корень самообмана, видящаго въ немъ высшую потребность человѣческаго духа? Какіе выводы можно сдѣлать изъ эволюціонной гипотезы относительно постепеннаго вымиранія извѣстнаго рода доктринъ и необходимости этого процесса? Вотъ вопросы, на которые мы намѣрены дать здѣсь краткіе отвѣты, въ надеждѣ, что наши разъясненія обнаружатъ правильность усвоенной нами общей точки зрѣнія.

Первый вопросъ 10. Мы сказали выше, что мечта объ окончательномъ упраздненіи сверхъестественнаго объясненія міра можетъ, по своей праздности и малой основательности, быть поставлена на одну доску съ цѣлымъ рядомъ соціальныхъ утопій: исчезновеніемъ невѣжества, всѣхъ формъ общественнаго неравенства и т. п. Но нѣтъ надобности доказывать, что такой взглядъ, въ сущности, сводитъ весь вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи супранатуралистической иллюзіи къ простому различенію патологическихъ и нормальныхъ явленій въ жизни общества. Вопросъ, съ этой точки зрѣнія, заключается уже не въ томъ, всегда ли будутъ существовать мірообъясненія извѣстнаго рода, какъ вопросъ не въ томъ, всегда ли люди будутъ подвергаться тѣмъ или другимъ видамъ страданія и т. п., а въ томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эти явленія и что̀ будутъ, въ дѣйствительности, думать о нихъ тѣ, въ чьи руки, такъ или иначе, попадетъ со временемъ верховное руководительство общественнымъ мнѣніемъ?

Такая перестановка элементовъ вопроса не лишена основанія и внутренняго значенія; но какъ всякая перестановка, она скорѣе перемѣщаетъ затрудненія, свойственныя задачи, чѣмъ побѣждаетъ или даже уменьшаетъ ихъ. Въ этомъ легко убѣдиться при помощи слѣдующихъ соображеній.

Во первыхъ, ничто не можетъ быть относительнѣе и условнѣе большинства нашихъ сужденій о томъ, что̀ въ средѣ даннаго общества должно считать проявленіемъ правильнаго или нормальнаго теченія вещей и что̀, наоборотъ, должно признавать уклоненіемъ отъ такого порядка или фактомъ патологическимъ, болѣзненнымъ. Юная, что-

бы не сказать младенческая, наука объ обществѣ, очевидно, еще не можетъ выставить въ этомъ отношеніи сколько-нибудь безошибочнаго и примѣнимаго ко всѣмъ случаямъ критерія. За примѣрами ходить далеко нечего; они отовсюду тѣснятся намъ на встрѣчу. Такъ, считая періодическія голодовки совершенно нормальнымъ фактомъ въ жизни дикаря, мы въ то же время приписываемъ какъ разъ обратный характеръ явленію, по меньшей мѣрѣ столь же постоянному и вызываемому причинами, которыя мы на практикѣ такъ же мало умѣемъ отвратить или измѣнить,—физическому истощенію значительныхъ группъ населенія въ цивилизованныхъ обществахъ. Самыя разнообразныя соображенія примѣшиваются къ оцѣнкѣ одинаковыхъ, повидимому, фактовъ, когда послѣдніе, вмѣсто того, чтобы происходить въ далекомъ прошедшемъ, совершаются на нашихъ глазахъ или въ обстановкѣ, близко напоминающей современныя условія. Такъ, сошлемся на одинъ рѣзкій примѣръ: личное рабство, повсюду смѣнившее, какъ предполагаютъ историки, нѣкогда общій обычай избіенія плѣнныхъ и сильно содѣйствовавшее высшей культурѣ, обезпечивъ экономическій досугъ одной части населенія, охотно признается соціальнымъ успѣхомъ, правильнымъ шагомъ впередъ; но это нисколько не обязываетъ насъ, несмотря на множество аналогій, прилагать ту же мѣрку къ экономическому рабству, явившемуся на смѣну феодальнаго строя Мы будемъ вполнѣ правы, если за отсутствіемъ строго научной анатоміи и физіологіи обществъ, упорно откажемся видѣть въ чрезмѣрной зависимости представителей труда отъ представителей капитала явленіе, не имѣющее глубоко пато-

логическаго характера, или не грозящее общественному организму обычными послѣдствіями продолжительнаго нарушенія физіологическихъ законовъ. Одинаковыя соображенія, наконецъ, примѣнимы и къ факту соціальнаго неравенства, лежащему въ основѣ совмѣстнаго существованія самыхъ грубыхъ формъ суевѣрія и наиболѣе рѣшительныхъ попытокъ освободить человѣческій разумъ отъ послѣднихъ слѣдовъ супранатуралистической иллюзіи. И по отношенію къ этому явленію мы поставлены въ то же затруднительное положеніе: сколько бы мы ни взывали къ замѣчаемому, будто бы, въ исторіи постоянному стремленію ослабить значеніе этого общаго факта, или какъ бы часто мы ни указывали на проявляющіеся, будто бы, прямо противоположные признаки, наше мнѣніе о нормальности или ненормальности разсматриваемаго явленія еще долго, очевидно, не будетъ отличаться точностію и опредѣленностью строго-научнаго убѣжденія.

Во вторыхъ—и это главное—не слѣдуетъ забывать, что хотя признаніе за какимъ-нибудь общественнымъ фактомъ патологическаго характера и влечетъ за собою обязанность бороться съ порождающими его условіями, однако оно ни мало не вліяетъ на исходъ самой борьбы, ни мало не обезпечиваетъ за нею успѣха. Не слѣдуетъ забывать также, что вольный переводъ терминовъ: физіологическій и патологическій помощью выраженій: нормальный и ненормальный, есть переводъ глубоко человѣческій, антропоморфный, имѣющій смыслъ только по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, которыя мы сами себѣ ставимъ и которыя преслѣдуемъ часто совершенно независимо отъ степени

достижимости ихъ (идеалы). Не слѣдуетъ забывать, что въ природѣ, строго говоря, нѣтъ мѣста для явленій ненормальныхъ; что такъ называемые патологическіе случаи отличаются отъ физіологическихъ не меньшею неизбѣжностью, не большею измѣняемостью и, по всей вѣроятности, даже не большею исключительностію (одна изъ косвенныхъ заслугъ пессимизма состояла въ собраніи и систематизаціи массы фактовъ, освѣтившихъ эту сторону вопроса), а только вѣковою и ставшею нерасторжимою ассоціаціею своей съ глубокочеловѣческими понятіями порядка (или уклоненія отъ него) и страданія (Πάθος). Герценъ, какъ писатель, въ которомъ подъ блестящимъ публицистомъ весьма часто скрывается настоящій соціологъ, въ одномъ изъ лучшихъ политическихъ памфлетовъ своихъ говоритъ по этому поводу съ спокойною ироніею мыслителя: „Подъ словомъ уродства, болѣзни, мы обыкновенно разумѣемъ что-то неестественное, противозаконное, не отдавая себѣ отчета, что уродство и болѣзнь естественнѣе нормальнаго состоянія, представляющаго алгебраическую формулу организма, отвлеченіе, обобщеніе, идеалъ, собранный изъ разныхъ частностей — исключеніемъ случайностей. Отклоненіе и уродство подзаконны тому же закону, какъ и организмъ; въ ту минуту, когда бы онъ освободился отъ нихъ, организмъ бы умеръ“ [1]).

II. Итакъ, простое переименованіе (ибо о чемъ другомъ можетъ итти тутъ рѣчь?) явленій супранатурализма изъ нормальныхъ въ патологическія

---

1) Концы и Начала, Собр Соч., т. X, стр. 216.

не измѣняетъ существа вопроса, не уменьшаетъ нашихъ затрудненій, не помогаетъ намъ поднять самаго ничтожнаго края завѣсы, скрывающей отъ насъ будущее. Мы, по прежнему, не можемъ сказать ничего опредѣленнаго относительно того, что, въ концѣ концовъ, станется съ супранатуралистическою иллюзіей: исчезнетъ ли она когда-нибудь совершенно изъ лѣтописи умственной жизни человѣчества или, напротивъ, сохранитъ навсегда извѣстный минимумъ значенія и соотвѣтственную сферу дѣйствія и вліянія? Вопросъ, по прежнему, не теряетъ своего остраго характера: пускай супранатурализмъ и будетъ болѣзнью, уродствомъ; но можетъ ли общественный организмъ, при наличности всѣхъ остальныхъ условій, существовать безъ этого уродства? И не правы ли хоть отчасти и въ извѣстной мѣрѣ тѣ, которые видятъ признакъ начинающагося общественнаго разложенія въ быстромъ упадкѣ супранатуралистическихъ идей въ общественной средѣ, въ которой, кромѣ этого паденія,—результата внѣшнихъ причинъ, а не внутренняго развитія — не произошло никакихъ другихъ серьёзныхъ или органическихъ перемѣнъ?

Отсюда вытекаетъ, очевидно, одно заключеніе: за извѣстными доктринами, составляющими крайне сложные продукты духовной жизни народовъ, стоятъ общественныя условія, при которыхъ возможно и необходимо появленіе и существованіе этихъ доктринъ. Надо, слѣдовательно, оставить ихъ временно въ сторонѣ, и тщательно изучить эти условія, открыть законы, ими управляющіе. Вопросъ о супранатурализмѣ—этого никогда не слѣдуетъ забывать,—тысячью тонкихъ нитей тѣсно связанъ и переплетенъ съ самыми основными, капитальными

задачами соціологіи. На этой сторонѣ дѣла мы, однако, не будемъ настаивать: мы достаточно опредѣленно высказались въ этомъ отношеніи, и надѣемся, что истинная мысль наша уже сдѣлалась вполнѣ ясною для читателя.

Второй вопросъ. 12. Переходимъ ко второму вопросу: какія причины вызываютъ и поддерживаютъ въ современномъ обществѣ преувеличенное мнѣніе о супранатурализмѣ, его необходимости и долговѣчности? Мы имѣемъ здѣсь въ виду, разумѣется, кредитъ извѣстныхъ вѣрованій въ глазахъ тѣхъ, кто стоитъ на высотѣ современнаго знанія, кому доступенъ другой способъ идеальнаго объединенія явленій, а не естественное обаяніе, производимое супранатуралистическими гипотезами на умы не подготовленные, на „громадное большинство людей не мыслящихъ, на безсознательную толпу, вполнѣ, повидимому, проникнутую разумностью совѣта, который преподаетъ Фаусту его насмѣшливый руководитель: „проходи черезъ міръ, ни во что̀ глубоко не вникая“[1]). Что̀ же заставляетъ людей мысли и знанія до сихъ поръ признавать серьёзное значеніе супранатурализма не для этой толпы, а для умовъ своего закала?

Начиная съ основной иллюзіи свободной воли, которая, развивая въ отдѣльныхъ личностяхъ чувство индивидуальной энергіи и независимости и постепенно укрѣпляясь наслѣдственною передачею, такъ выгодно отличаетъ народы, всецѣло отдав-

---

1) Fouillée Le libre arbitre et la contingence des futurs, Rev. Phil. 1883, № 6, стр. 609.

шіеся ей и сдѣлавшіе изъ свободы свой высшій кумиръ, отъ человѣческихъ группъ, въ которыхъ этотъ инстинктивный самообманъ былъ рано подавленъ фаталистическими вѣрованіями, и кончая мелкими случаями того же рода, наполняющими обычную жизнь (иллюзія превосходства силъ на экономическомъ поприщѣ, то же заблужденіе на войнѣ, самообманъ любви по Шопенгауеру, иллюзія долгой жизни по отношенію къ кабинетнымъ трудамъ, требующимъ много времени и т. д.),— всюду невольное, несознанное заблужденіе играетъ важную роль и вредъ, отъ него происходящій, болѣе чѣмъ уравновѣшивается несомнѣнною пользою, имъ приносимою. Съ нѣкоторыми натяжками, тезисъ этотъ еще можно защищать. Но въ какомъ смыслѣ можетъ быть полезно или необходимо заблужденіе сознанное, т. е., въ сущности, уже переставшее быть заблужденіемъ? Казалось бы, что нельзя, не впадая въ явный паралогизмъ, говорить объ иной полезности его, кромѣ свойственной всякому предостереженію, и о другой необходимости, кромѣ той, которая, въ силу законовъ логики, должна была бы побудить насъ немедленно отвергнуть его со всѣми его послѣдствіями.

Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, существуютъ мыслители, и далеко незаурядные, которые не раздѣляютъ этого мнѣнія и въ приведенномъ сейчасъ паралогизмѣ усматриваютъ нѣчто въ родѣ внушенія высшей философской мудрости. По ихъ ученію, сознаніе призрачнаго характера супранатуралистическихъ идей и вѣрованій не должно препятствовать дальнѣйшему притонодержательству заблужденія, если можно такъ выразиться; сознаніе это не должно мѣшать развитымъ умамъ вновь и вновь

предаваться иллюзіямъ сверхъестественнаго объясненія вещей и извлекать изъ нихъ для себя духовное удовлетвореніе особаго свойства, разумѣется, трудно поддающагося точному анализу.

13. Доктрина эта не только интересна сама по себѣ: она имѣетъ важное значеніе въ глазахъ соціолога, заключая въ себѣ готовый отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Но для того, чтобы извлечь изъ нея этотъ отвѣтъ, необходимо объяснить ея происхожденіе, или раскрыть главнѣйшія условія, способствовавшія ея образованію въ извѣстныхъ умахъ. Задача эта довольно сложна, и мы отнюдь не беремся здѣсь за полное ея разрѣшеніе. Но одно указаніе въ этомъ смыслѣ мы сдѣлаемъ. Несмотря на свою крайнюю простоту, слѣдующая аргументація представляется намъ не лишенною нѣкоторой убѣдительности.

Впаденіе многихъ замѣчательныхъ мыслителей въ указанный выше грубый паралогизмъ мы рѣшительно не въ состояніи объяснить себѣ иначе, какъ только допустивъ, что мыслители эти становятся жертвою новой, еще менѣе сознаваемой ими иллюзіи, и притомъ уже въ первой стадіи умственнаго процесса, который приводитъ ихъ къ оспариваемому нами заключенію, то есть, уже всякій разъ, когда они утверждаютъ, что нереальный, призрачный характеръ извѣстныхъ вѣрованій не составляетъ для нихъ предмета ни малѣйшаго сомнѣнія. Намъ кажется, что подобно тому, какъ существуютъ непровѣряемыя гипотезы, существуютъ и умственныя иллюзіи, отъ которыхъ чрезвычайно трудно отдѣлаться, — по крайней мѣрѣ прямымъ, опытнымъ путемъ. Къ числу ихъ принадлежатъ

основные самообманы супранатурализма и метафизики. Слѣдующее сравненіе, заимствуемое нами у Фулье [1]), лучше всего пояснитъ нашу мысль: „Если смотрѣть вдаль по направленію очень длинной аллеи, то послѣднія деревья, какъ всякому извѣстно, будутъ казаться тѣсно примыкающими одно къ другому; эта иллюзія физическаго зрѣнія будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы не тронемся съ мѣста и не провѣримъ нашего перваго впечатлѣнія, дойдя до конца аллеи. Но что̀ стало бы съ нами и съ нашей иллюзіей, спрашиваетъ Фулье, если бы такого конца не существовало вовсе?“ Очевидно, отвѣтимъ мы, что въ такомъ случаѣ мы никогда не могли бы провѣрить нашего ошибочнаго воспріятія прежнимъ, прямымъ или непосредственнымъ путемъ, и должны были бы довольствоваться косвеннымъ опытомъ, или заключеніемъ отъ первыхъ деревьевъ ко всѣмъ остальнымъ, сколько бы ихъ ни было. Но представьте себѣ теперь, что къ иллюзіямъ, которыя именно и имѣютъ своимъ объектомъ нѣчто, находящееся, говоря фигурально, въ концѣ несуществующаго конца, что къ иллюзіямъ такого рода мы предъявили бы первое требованіе, т. е. задались бы цѣлью разсѣять ихъ исключительно помощью непосредственнаго опыта, не прибѣгая къ другимъ, недостаточно убѣдительнымъ, по нашему мнѣнію, средствамъ провѣрки. Въ результатѣ, очевидно, получилось бы слѣдующее: мы частью сохранили бы свою первую иллюзію, частью же впали бы въ новую, именно въ предположеніе, что нашу исходную иллюзію невозможно окончательно разсѣять или уничтожить. И сколько бы за-

[1]) Op. cit., стр. 593.

тѣмъ мы ни увѣряли себя и другихъ, что имѣемъ дѣло, въ сущности, съ голыми призраками нашего воображенія, что „сверхъестественное“ есть только великая тѣнь, бросаемая нашимъ великимъ невѣдѣніемъ міра на этотъ самый міръ, подобно тому, какъ субстанція или вещь въ себѣ есть только нереальная тѣнь нашего сознанія, падающая на тѣ или другіе элементы воспріятія [1]),—такая увѣренность была бы все-таки смѣшана съ нѣкоторыми сомнѣніями относительно правильности подобнаго вывода или полной доказанности нашей иллюзіи. И сомнѣнія эти, незамѣтно для насъ самихъ, сдѣлали бы свое дѣло. Отъ самообмана къ самообману, отъ софизма къ софизму, они скоро привели бы насъ къ болѣе или менѣе искреннему убѣжденію въ необходимости и пользѣ сохраненія утраченнаго и сбереженія потеряннаго, — паралогизмъ, который, повторяемъ, можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что утраченное въ данномъ случаѣ не утрачено вполнѣ, и потерянное не потеряно безвозвратно.

Мыслители, принявшіе тяжелое наслѣдство сенсуализма, теорію непознаваемаго, само собою разумѣется, всего легче дѣлаются жертвами этого характеристическаго заблужденія. Сохраняя непознаваемое, они сохраняютъ именно долю того, что въ другихъ случаяхъ объявляется ими навсегда и добровольно выброшеннымъ за бортъ; а по пятамъ ихъ уже послушно слѣдуетъ пестрая толпа тѣхъ, кто въ метафизическихъ вопросахъ желаетъ обнять и доказать слишкомъ многое, а потому не обнимаетъ и не доказываетъ ровно ничего.

---

1) Revue philosophique, 1883, № 7, стр. 36.

14. Итакъ, непровѣряемыя гипотезы супранатурализма, при извѣстныхъ условіяхъ, неизбѣжно превращаются въ чрезвычайно трудно искоренимыя умственныя иллюзіи. Исходною точкою этого превращенія являются всѣ тѣ причины—а онѣ весьма многочисленны,—которыя мѣшаютъ ясно сознавать гипотетическій характеръ извѣстныхъ вѣрованій, или свойство ихъ быть временнымъ компромиссомъ между нашимъ глубокимъ незнаніемъ природы и человѣка, съ одной стороны, и нашею неистощимою любознательностію съ другой. Мы легко забываемъ, что супранатурализмъ, подобно метафизикѣ и другимъ проявленіямъ такъ называемаго трансцендентальнаго творчества, есть только потребность общаго знанія вещей, нашедшая себѣ выходъ въ цѣломъ рядѣ антропопатическихъ предположеній ума, тотчасъ же облеченныхъ фантазіей въ соотвѣтствующіе образы. Но забывая происхожденіе супранатурализма, мы забываемъ и то, что измѣненіе одного члена (сумма спеціальныхъ знаній) отношенія, составляющаго источникъ супранатуралистическихъ гипотезъ, необходимо влечетъ за собою и измѣненіе другого члена (состояніе общаго знанія), или что первоначальное соглашеніе между незнаніемъ и желаніемъ знать неминуемо смѣняется метафизическимъ, а послѣднее уступаетъ мѣсто еще болѣе совершенному виду той же основной потребности духа, которая, наконецъ, и находитъ себѣ полное выраженіе въ спеціальныхъ гипотезахъ положительнаго знанія. Иллюзія состоитъ въ отожествленіи формы съ содержаніемъ, извѣстнаго способа удовлетворенія извѣстной потребности съ самою потребностью. Временное и условное ошибочно принимается за постоянное и безусловное. Супранату-

ралистическая гипотеза выдѣляется изъ области гипотезы вообще и изъ простого вида или подвида извѣстнаго рода дѣлается самостоятельнымъ родомъ и даже болѣе, цѣлымъ царствомъ въ духовной жизни человѣчества.

15. Результатъ этотъ, какъ всѣ наиболѣе прочные результаты соціальной эволюціи, обязанъ своимъ происхожденіемъ дѣйствію соотвѣтствующихъ причинъ среди громадныхъ человѣческихъ массъ и въ теченіе чрезвычайно длинныхъ періодовъ времени. Нужны были вѣка и тысячелѣтія постоянной ассоціаціи между нѣкоторыми группами представленій, нужны были могущественныя вліянія наслѣдственности и подбора, для того, чтобы все, что было исторически, т. е. просто во времени и временно связано съ супранатуралистическою гипотезой, чтобы вѣра, нравственность, идеализація цѣлей практической жизни и т. п. общіе моменты соціальнаго существованія тѣсно и неразрывно слились въ умѣ человѣка съ такою преходящею частностью его духовнаго развитія, какъ антропоморфная гипотеза въ области сверхъестественнаго, или первое и наиболѣе несовершенное объясненіе совокупности вещей.

Неотразимая сила этой ассоціаціи понятій до сихъ поръ сказывается на каждомъ шагу. Многіе умы, напримѣръ, какъ извѣстно, глубоко убѣждены въ томъ, что область супранатуралистическихъ вѣрованій обнимаетъ собою всѣ высшія потребности духа, и что въ нее входятъ всѣ условія развитія, внѣ которыхъ немыслимо существованіе человѣка среди другихъ людей, то есть, немыслимы человѣческія общества. Въ ихъ глазахъ, поэтому,

супранатурализмъ естественно отожествляется со всякою вѣрою, со всякою нравственностью, со всѣми идеальными стремленіями нашего духа.

Но еще болѣе любопытное зрѣлище представляетъ въ этомъ отношеніи, самъ того не подозрѣвая, обширный классъ скептиковъ или свободныхъ мыслителей нашей эпохи. Эти философы уже сняли послѣдніе покровы съ тайны, облекавшей основную гипотезу всякаго незнанія; они уже доказали себѣ и другимъ, что сущность супранатурализма сводится къ крайне грубому и наивному состоянію ума, въ которомъ послѣдній не умѣетъ объяснить инымъ, болѣе раціональнымъ путемъ явленія природы и законы собственнаго духа; они уже заявили во всеуслышаніе, что съ этой точки зрѣнія въ супранатурализмѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего, кромѣ очевиднаго самообмана, кромѣ заблужденія, лежащаго на поверхности вещей. И вотъ къ этимъ-то посылкамъ они пригоняютъ неожиданное заключеніе, что извѣстныя воззрѣнія, очищенныя отъ грубыхъ предразсудковъ, должны быть сохранены навсегда, какъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній цивилизаціи! Не ясно ли, что и эти скептики впадаютъ, въ свою очередь, въ иллюзію, столь естественную въ умахъ глубоко вѣрующихъ; не ясно ли, что и они видятъ въ супранатурализмѣ нѣчто гораздо болѣе обширное и сложное, чѣмъ простую философскую и, слѣдовательно, непровѣряемую гипотезу; не ясно ли, однимъ словомъ, что и для нихъ супранатурализмъ есть не только супранатурализмъ, но еще и очень многое изъ того, съ чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ постоянно и тѣсно связанъ въ исторической эволюціи человѣчества?

16. Нѣкоторые мыслители — число ихъ, правда, уменьшается съ каждымъ днемъ — еще не могутъ отдѣлаться отъ наслѣдственной ассоціаціи идей, въ силу которой вѣра въ сверхъестественное представляется основаніемъ и единственною надежною союзницею индивидуальной и общественной нравственности. Конечно, органическая, какъ называетъ ее Спенсеръ [1]), или историческая, унаслѣдованная нравственность до сихъ поръ тѣсно связана съ сверхъестественною санкціей; но это доказываетъ только, что супранатурализмъ всегда охотно признавалъ результаты вѣковаго приспособленія индивидуума къ соціальной средѣ, и этой послѣдней къ средѣ физической,—двойного приспособленія, которое составляетъ глубокій источникъ всякой нравственности. Къ существовавшимъ ранѣе побужденіямъ не нарушать этическаго закона супранатурализмъ присоединялъ новые мотивы, взятые изъ другого порядка идей и также передававшіеся наслѣдственно. Все это, однако, только объясняетъ, но не оправдываетъ иллюзіи, отожествляющей область вѣры въ сверхъестественное съ областью нравственныхъ началъ.

Другіе философы, какъ мы видѣли, рекомендуютъ намъ „супранатурализмъ безъ вѣры“, но безъ вѣры во что? Очевидно, только въ основную гипотезу супранатурализма, въ его трансцендентальныя объясненія. ибо во всѣхъ другихъ отношеніяхъ именно эти философы всего болѣе и смѣшиваютъ область супранатурализма съ областью вѣры. Они-то и думаютъ, что, обращая въ ничто, въ совер-

---

[1]) First Principles, стр. 126.

шенный нуль сверхъестественные постулаты извѣстныхъ ученій, мы тѣмъ самымъ еще далеко не уничтожаемъ истинной сущности супранатуралистическихъ стремленій; и они же ставятъ себѣ въ великую заслугу свои усилія спасти и уберечь отъ конечнаго разгрома положительныхъ догматовъ то, что они называютъ внутреннимъ содержаніемъ супранатуралистическихъ идей и что, по ближайшему разсмотрѣнію, оказывается влеченіемъ человѣческаго духа къ идеальному совершенству, къ постоянному расширенію предѣловъ и своего знанія, и своего общаго пониманія вещей. Какъ будто потребность вѣрить и стремленіе къ идеализаціи дѣйствительности не составляютъ такихъ проявленій нашей духовной организаціи, которыя принимаютъ тѣ или другія историческія формы, въ прямой зависимости отъ измѣняющихся условій общественнаго развитія, и потому одинаково могутъ находить себѣ выраженіе и въ гипотетическихъ догматахъ супранатурализма, и въ гипотетическихъ обобщеніяхъ метафизики, и наконецъ въ гипотетическихъ же законахъ науки? Но именно этой-то полной равноправности, въ дѣлахъ вѣры и идеальнаго преображенія вещей, всѣхъ трехъ родовъ общаго пониманія міра, сверхъестественнаго, метафизическаго и научнаго, не видятъ и не хотятъ признавать философы, еще не освободившіе своего ума отъ узъ исторически сложившейся ассоціаціи между представленіемъ о сверхъестественномъ и понятіемъ о вѣрѣ, и между представленіемъ о супранатурализмѣ (и отчасти объ идеалистической метафизикѣ) и понятіемъ объ идеалахъ, или о типическихъ цѣляхъ, которыми по необходимости руководствуется всякая высшая разновидность человѣческой дѣятельности (87).

17. Такая ассоціація идей сложилась исторически, сказали мы сейчасъ; а это, другими словами, значитъ, что она имѣетъ своимъ источникомъ, главнымъ образомъ, чисто соціологическія причины. Мы съ благоговѣніемъ говоримъ о религіи долга: мы съ тѣмъ же чувствомъ называемъ науку своего рода религіею и т. п., и въ то же время едва ли не съ укоризною употребляемъ совершенно равносильныя, въ сущности, выраженія: метафизика долга, чести и т д. Очевидно, такимъ образомъ, что то, что въ теченіе вѣковъ составляло и до сихъ поръ составляетъ высшее умственное достояніе громаднаго большинства, облечено въ нашихъ глазахъ иною степенью святости и обязательности, чѣмъ то, что составляло или составляетъ такое же точно увѣнчаніе умственной жизни отдѣльныхъ мыслителей или небольшихъ общественныхъ группъ.

Черта эта любопытна въ томъ отношеніи, что она съ довольно неожиданной стороны подтверждаетъ провозглашенную уже древностью истину, что человѣкъ есть животное по преимуществу общественное. Въ болѣе полномъ отрицаніи у науки способности снабжать насъ идеалами и руководящими вѣрованіями и въ менѣе рѣшительномъ оспариваніи того же свойства у метафизики какъ будто сказывается даже какой-то темный инстинктъ пропорціональной общественной солидарности, если можно такъ выразиться, или стремленіе подчинить нашу оцѣнку различныхъ міропониманій соображеніямъ, основаннымъ главнымъ образомъ на относительной распространенности въ данную минуту каждаго спо-

соба объясненія міра. Въ окончательныхъ выводахъ нашихъ въ этомъ отношеніи мы, повидимому, всего менѣе склонны обращать вниманіе на то, что приверженцы строго-научной философіи являются весьма часто гораздо болѣе рѣшительными идеалистами, чѣмъ послѣдователи и сторонники какого бы то ни было, супранатуралистическаго или метафизическаго, идеализма. Мы не обращаемъ вниманія и на относительно бо́льшую сумму отдѣльныхъ актовъ или проявленій вѣры, которые по необходимости влечетъ за собою научное объясненіе міра, а также на бо́льшую интенсивность (въ смыслѣ близости къ полной достовѣрности) научныхъ вѣрованій, сравнительно съ супранатуралистическими и метафизическими. Мы какъ будто рѣшаемъ задачу не индивидуально-психической, а психо-соціальной механики, и потому помножаемъ скорость на массу, способность извѣстнаго мропониманія создавать вѣрованія и идеалы на абсолютное число проявленій этой способности въ данномъ обществѣ.

Въ результатѣ естественно получается громадный перевѣсъ на сторонѣ супранатурализма. Но перевѣсъ этотъ, само собою разумѣется, только свидѣтельствуетъ о неподготовленности огромнаго большинства умовъ къ воспріятію научныхъ и даже метафизическихъ идей, и указываетъ только на то, что человѣчество еще долго, повидимому, будетъ, въ той или другой формѣ, довольствоваться антропопатическими идеалами и наивными упованіями своихъ предковъ.

18. „Не разумъ, не логика ведетъ народы, а вѣра, любовь и ненависть“, говоритъ въ одномъ

мѣстѣ своего Былаго и Думъ Герценъ [1]) Но съ такимъ же точно правомъ можно сказать, что не супранатурализмъ, не метафизика, не наука управляютъ міромъ, а вѣра въ ихъ разумность, въ ихъ цѣлесообразность, наконецъ, въ ихъ дѣйствительную власть надъ умами. Только вѣря въ науку, можно успѣвать въ ней, говоритъ гдѣ-то Клодъ Бернаръ. Вѣра, т. е. утвержденіе (или отрицаніе), не имѣющее за собою полной научной очевидности, но основанное исключительно на томъ, что обладаніе достовѣрностью составляетъ одну изъ настоятельнѣйшихъ потребностей духа,—такая вѣра присуща наукѣ по крайней мѣрѣ столько же, сколько супранатурализму и метафизикѣ. Мы всегда будемъ вѣрить, всегда будемъ утверждать (или отрицать) больше чѣмъ знаемъ, всегда будемъ дополнять наше положительное знаніе чисто гипотетическимъ. Стремленіе изгнать элементъ вѣры (этого „unruhig Ding“, по выраженію Лютера) отовсюду, гдѣ онъ теперь проявляется, никогда не увѣнчается успѣхомъ. Не приведутъ къ сколько-нибудь ощутительнымъ результатамъ и усилія, направленныя къ равномѣрному ограниченію или стѣсненію этого элемента въ различныхъ областяхъ человѣческаго духа. Но иное дѣло—борьба съ вѣрою во всѣхъ ея формахъ и видахъ, и совершенно другое — стремленіе наилучшимъ образомъ утилизировать эту потребность нашего ума и съ этою цѣлью дать ей полный просторъ всюду, гдѣ проявленіе ея сопряжено съ полезными результатами, и, наоборотъ, по возможности препятствовать ея удовлетворенію тамъ, гдѣ

[1]) Часть пятая; Сочиненія, томъ VIII, стр 293.

послѣднее не можетъ принести ничего, кромѣ положительнаго вреда.

Таковъ истинный смыслъ нашего предложенія — изгнать гипотезу изъ области философіи, въ которой, какъ достаточно показала исторія, актъ вѣры, сопровождающій всякую гипотезу, по необходимости остается безплоднымъ, и перенести центръ тяжести гипотетическаго изслѣдованія въ область спеціальной науки, въ которой тѣ же пріемы ума и неразлучный съ ними факторъ вѣры обнаруживаютъ прямо противоположное свойство

Итакъ, источники и причины иллюзіи, заставляющей насъ видѣть въ супранатурализмѣ нѣчто такое, чего ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать намъ или замѣнить ни метафизика, ни философія, черпающая свое вдохновеніе въ наукѣ, весьма разнообразны и многочисленны. Но главными и наиболѣе важными жежду ними представляются, безъ сомнѣнія, тѣ двѣ ошибки, на которыя мы только что указали: недостаточно твердое различеніе міропостроительныхъ идей отъ этическихъ, и прямое смѣшеніе родового и болѣе абстрактнаго понятія съ видовымъ и болѣе конкретнымъ, — обширной области вѣры вообще съ занимающей въ ней сравнительно скромное мѣсто областью вѣры въ сверхъестественное, въ частности. Въ то время, однако, какъ первое заблужденіе довольно быстро исчезаетъ передъ многочисленными фактами, ежедневно собираемыми графическими или описательными отраслями соціологическаго изслѣдованія: антропологіею, сравнительною этнологіею, языкознаніемъ и т. п ,—вторая ошибка, сущность которой сводится къ смѣшенію общаго и абстрактнаго съ частнымъ и кон-

кретнымъ — смѣшенію, составляющему, какъ мы уже на это указывали [1]), одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей метафизическаго мышленія—продолжаетъ еще упорно держаться. Обстоятельство это достаточно объясняется научною отсталостью всѣхъ частей психологіи, и между ними, преимущественно, теоріи познаванія, и медленными успѣхами общей или отвлеченной соціологіи. Говоря языкомъ Конта и позитивистовъ, эти отдѣлы знанія до сихъ поръ сохраняютъ глубоко метафизическій характеръ, и потому нисколько не удивительно, что они сообщаютъ его и зависящей отъ нихъ теоріи супранатуралистическихъ идей, которая именно этою чертою такъ невыгодно и отличается въ настоящее время отъ научной исторіи тѣхъ же воззрѣній (88).

Третій вопросъ. 19. Переходимъ къ послѣднему изъ трехъ намѣченныхъ нами выше вопросовъ: какой свѣтъ бросаетъ на будущее супранатурализма эволюціонная гипотеза, или какіе выводы вытекаютъ изъ теоріи эволюціи относительно постепеннаго вымиранія супранатуралистическихъ вѣрованій и необходимости этого процесса?

Выводы эти поразительно сходны съ тѣми, какіе мы получили при помощи простой индукціи изъ извѣстныхъ всѣмъ историческихъ фактовъ и совершенно независимо отъ тѣхъ или другихъ основныхъ положеній философіи эволюціи. Но такъ какъ эти положенія, по крайней мѣрѣ въ двухъ смежныхъ областяхъ біологіи и соціологіи, съ каждымъ днемъ все болѣе теряютъ свой гипотетиче-

---

1) Часть первая, гл. VIII, § 6.

скій характеръ и все болѣе пріобрѣтаютъ значеніе доказанныхъ научныхъ истинъ, то уже въ самомъ совпаденіи нашихъ выводовъ о будущемъ супранатурализма съ воззрѣніями на тотъ же предметъ философіи эволюціи мы не можемъ не видѣть новаго ручательства въ вѣрности нашей точки зрѣнія.

Теорія эволюціи даетъ чрезвычайно простое общее объясненіе того, что̀ слѣдуетъ понимать подъ истиною и заблужденіемъ, или иллюзіей ума. Исходя изъ положенія, что всякое познаніе явленій можетъ быть разсматриваемо какъ одинъ изъ результатовъ взаимодѣйствія между организмомъ и внѣшними причинами, или какъ одинъ изъ случаевъ великаго процесса физическаго и психическаго приспособленія организма къ окружающей средѣ, эволюціонизмъ видитъ единственный критерій, которымъ можетъ быть опредѣлена степень истинности или ошибочности нашихъ взглядовъ или мнѣній, — въ степени соотвѣтствія или согласованія между собою внутреннихъ, психическихъ и внѣшнихъ, физическихъ отношеній [1]).

Истинными, съ этой точки зрѣнія, признаются мнѣнія, составляющія результатъ полнаго совпаденія психическихъ процессовъ съ внѣшними фактами; неточными же или ложными признаются воззрѣнія, по отношенію къ которымъ такое согласованіе не могло быть достигнуто. „Иллюзія, во всѣхъ ея формахъ и видахъ, является плохимъ синтезисомъ, дурною, неудачною группировкою; но дурной группировкѣ психическихъ элементовъ соотвѣтствуетъ несовершенная координація физиче-

---

[1]) Revue philosophique, 1881, № 10, стр. 443 (Рибо).

скихъ или нервныхъ элементовъ, несовершенная въ томъ смыслѣ, что она не согласуется съ внѣшними отношеніями“ [1]). Но если это такъ и если, далѣе, отдѣльныя личности, полнѣе обнаруживающія точное соотвѣтствіе между внутренними и внѣшними элементами знанія, являются и лучше одаренными въ борьбѣ за существованіе, то въ дѣйствительности должно проявляться постоянное стремленіе къ все большему и большему сообразованію психическихъ процессовъ съ внѣшними фактами. Это, другими словами, значитъ, что естественный подборъ, въ концѣ концовъ, ведетъ къ распространенію между людьми все большей и большей суммы истиннаго знанія. Онъ, во всякомъ случаѣ, исключаетъ возможность существованія такихъ иллюзій, которыя были бы въ одно и то же время и неискоренимы, и общи всему человѣческому роду [2]). Но въ примѣненіи къ вопросу о будущей судьбѣ занимающей насъ здѣсь особой, хотя и весьма распространенной формы заблужденія, эти выводы изъ теоріи эволюціи, очевидно, только подтверждаютъ общія заключенія, которыя были достигнуты нами при помощи закона соотношенія между науками и философіей.

IV. Отрицаніе супранатурализма.

20. Въ заключеніе двухъ главъ, которыя были посвящены нами разсмотрѣнію наиболѣе важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ существованіемъ супранатурализма въ умственномъ быту человѣчества,

---

[1]) James Sully· On illusions, — a psychological study (International Scientific Series), стр. 333—4.

[2]) Ibidem.

весьма естественно будетъ сказать нѣсколько словъ объ отрицательномъ отношеніи мысли къ этому циклу идей и о значеніи такого отрицанія для науки и философіи.

На нашъ взглядъ, совокупность мнѣній, которую мы обозначаемъ здѣсь малоупотребительною перифразою „отрицаніе супранатурализма“, составляетъ не что иное, какъ начало или точку исхода всякой метафизики, насколько послѣдняя разнится отъ исторически предшествовавшаго ей міровоззрѣнія. Отъ первобытнаго фетишизма, отъ политеизма, заступающаго его мѣсто, отъ завершающаго процессъ развитія монотеизма, однимъ словомъ, отъ всякаго опредѣленнаго мрообъяснительнаго антропоморфизма остаются въ метафизикѣ, какъ общее правило, только слабые и ничтожные слѣды. Но и этотъ осадокъ міросозерцанія другой эпохи вскорѣ вовсе исчезаетъ въ послѣдовательномъ матеріализмѣ, который является первымъ глашатаемъ и самымъ стойкимъ распространителемъ отрицательныхъ взглядовъ. Не менѣе успѣшно, хотя гораздо медленнѣе, совершается процессъ окончательнаго выключенія послѣднихъ слѣдовъ супранатурализма и изъ двухъ другихъ разновидностей метафизики. Дѣйствительно, стоитъ только нѣсколько пристальнѣе вглядѣться въ сущность ученій сенсуализма и идеализма, и мы вполнѣ убѣдимся, что всякій теизмъ и пантеизмъ этихъ школъ неминуемо сводится, въ концѣ концовъ, къ простому отрицанію супранатурализма, въ болѣе или менѣе несмѣлой и двусмысленной формѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ матеріалистъ Лефевръ [1]), такія положенія,

[1]) Renaissance du matérialisme, стр. 154.

какъ „сверхъестественная сила безлична, она пребываетъ въ человѣчествѣ, она есть все или присуща всему“, вполнѣ равносильны отрицанію сверхъестественнаго во всѣхъ его видахъ (88 bis). Не менѣе мѣтко характеризуетъ сущность метафизическаго супранатурализма и нашъ Герценъ, который въ одномъ изъ писемъ своихъ къ теисту Мацини называетъ теизмъ, вѣру раціоналистовъ, „представительною системою, приложенною къ вѣрѣ, религіею, окруженною атеистическими учрежденіями“ [1]).

Итакъ, „отрицаніе“ матеріалистовъ составляетъ лишь болѣе рѣзкую и опредѣленную форму теизма идеалистовъ, и наоборотъ. Такое отрицаніе присуще всякой метафизикѣ, какъ мировоззрѣнію, вытѣсняющему собою сверхъестественное объясненіе міра; такое отрицаніе есть первое, основное отличіе метафизики отъ супранатурализма, — самый главный признакъ, которымъ дифференцируются эти два, столь сродныя между собою въ другихъ отношеніяхъ, направленія человѣческой мысли. Но не менѣе ясно и то, что такое „отрицаніе,“ составляя исходную точку всякой метафизики, должно въ то же время и, такъ сказать, a fortiori, быть исходной точкою и научной философіи: ибо изъ того, что научная философія отвергаетъ всякую метафизику, не слѣдуетъ, конечно, что она относится иначе къ первоначальной и наиболѣе элементарной формѣ послѣдней, къ супранатурализму. А потому мы полагаемъ, что многое изъ того, что говорилось и писалось въ средѣ, напримѣръ, позитивистовъ противъ положенія, занятаго въ этомъ вопросѣ мате-

1) Собр. соч т X, стр. 6.

ріалистами, составляетъ плодъ простого недоразумѣнія, поддерживаемаго сенсуалистическими теоріями познаванія, или же всецѣло относится не къ самому содержанію отрицательной доктрины матеріализма, а къ тому ложному методу, при помощи котораго приверженцы этого ученія и въ данномъ случаѣ успѣли превратить неоспоримую истину частной науки въ общую и непровѣряемую гипотезу философіи.

Но давно пора, въ вопросѣ о супранатурализмѣ, разсѣять основное недоразумѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ сенсуалистической теоріи непознаваемаго; давно пора возвратить отрицательному концепту матеріалистовъ утраченное имъ по винѣ послѣднихъ значеніе частнаго факта и частной истины психологіи. Попытаемся же, съ своей стороны, содѣйствовать достиженію этой цѣли немногими слѣдующими краткими указаніями.

21. „Непознаваемое“ сенсуалистовъ и мыслителей, вполнѣ усвоившихъ себѣ эту часть ученія сенсуализма, есть не что̀ иное, строго говоря, какъ еще болѣе общая и неопредѣленная форма, принимаемая и безъ того общимъ и неопредѣленнымъ содержаніемъ теизма или пантеизма. Въ этомъ смыслѣ безусловно правъ Спенсеръ, утверждающій, что „непознаваемое философіи“ должно, рано или поздно, отожествиться съ „непознаваемымъ наиболѣе совершенной и раціональной формы супранатурализма“. Это неминуемо случится уже потому, что, рано или поздно, для всѣхъ сдѣлается яснымъ, что между философіей, ставящей въ основу своихъ воззрѣній „непознаваемое,“ и супранатурализмомъ, радикально и навсегда отрѣшившимся

отъ всякаго догматическаго содержанія, нѣтъ и не можетъ быть никакого различія по существу. Но тѣмъ удивительнѣе представляется софизмъ, въ который въ то же время впадаетъ Спенсеръ и который заключается въ произвольной замѣнѣ, въ приведенномъ выше тезисѣ, непознаваемаго метафизики непознаваемымъ науки, или въ полномъ приравненіи перваго понятія къ послѣднему. Наука, знаніе, это только другія выраженія для познаваемаго, точно такъ же, какъ метафизика и супранатурализмъ — для непознаваемаго. „Непознаваемое науки“ есть поэтому нелѣпость—понятіе, которое само себѣ противорѣчитъ и само себя отрицаетъ. Наука только „познаетъ“; она есть вся „познаніе“; и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что она съ теченіемъ времени приводитъ къ условіямъ обыкновенной „познаваемости“ большинство задачъ, передъ которыми и супранатурализмъ, и метафизика постоянно останавливались, громко исповѣдуя ихъ окончательную недоступность обыкновеннымъ средствамъ знанія (и доступность вѣрѣ, экстатическому провидѣнію и т. п.). Какъ на характеристическій примѣръ въ этомъ отношеніи, укажемъ на длинный рядъ онтологическихъ вопросовъ о сущности времени, пространства, силы, матеріи, духа и т. д.,—вопросовъ, которые на глазахъ нашихъ все болѣе и болѣе переходятъ изъ области общихъ гипотезъ философіи въ область частныхъ фактовъ, изучаемыхъ опытнымъ путемъ въ психологіи.

22. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но изъ того, что теорія непознаваемаго составляетъ, въ извѣ-

стномъ смыслѣ, только еще болѣе неопредѣленную форму, принимаемую теизмомъ, прямо слѣдуетъ, что и къ ней приложимо сказанное нами о послѣднемъ ученіи, какъ о несмѣломъ и не совсѣмъ выяснившемся отрицаніи „сверхъестественнаго".

Близкое родство „отрицанія" матеріалистовъ, теизма или пантеизма идеалистовъ и теоріи непознаваемаго сенсуалистовъ не подлежитъ для насъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію: близкое родство этихъ доктринъ и та особенность, въ силу которой каждая изъ нихъ представляетъ одновременно двоякій смыслъ, имѣетъ двѣ стороны: одну, съ положительнымъ, хотя и глубоко гипотетическимъ содержаніемъ, обращенную къ прошедшему и составляющую прямое наслѣдіе первобытнаго супранатурализма,—и другую, съ содержаніемъ отрицательнымъ, хотя и легко провѣряемымъ, обращенную къ будущему и составляющую общую нить, которою всѣ три типа метафизики прочно связываются съ естественною и законною преемницею ихъ—философіей наукъ.

Двойственность эта весьма замѣчательна. Она-то, по нашему мнѣнію, и является главною причиною сплошного недоразумѣнія, все еще окружающаго въ философской литературѣ затронутые нами вопросы. Между тѣмъ, если мы не ошибаемся, происхожденіе и истинное значеніе этой черты могутъ быть объяснены очень просто. Подобно тому, какъ существуютъ двойные софизмы, раскрытіе которыхъ, какъ извѣстно, сопряжено съ большими затрудненіями [1]), встрѣчаются и двойныя гипотезы,

---

[1]) Funck-Brentano „Les sophistes grecs et les sophistes contemporains" Paris. 1879.

т. е. предположенія, которыя по внѣшнему облику своему кажутся вполнѣ однородными или относящимися къ одному только разряду предметовъ, но которыя въ сущности, какъ показываетъ болѣе внимательный и глубокій анализъ, содержатъ въ себѣ два независимыхъ другъ отъ друга и большею частью совершенно разнородныхъ утвержденія, изъ нихъ одно выражено явно, а другое только подразумѣвается.

Гипотезы этого рода не рѣдкость въ прежней философіи, и нѣтъ надобности пояснять, что именно этому обстоятельству и долженъ быть главнымъ образомъ приписанъ двусмысленный характеръ многихъ, весьма важныхъ положеній метафизики. Но не трудно доказать также, что различныя формы, въ которыя облекалось, въ трехъ главныхъ направленіяхъ метафизической мысли, отрицательное отношеніе послѣдней къ основной гипотезѣ всякаго супранатурализма (а именно: рѣзкая и откровенная вражда матеріалистовъ, нерѣшительный антагонизмъ идеалистовъ, скрытый подъ наружною маскою неискренняго и одинаково тягостнаго для обѣихъ сторонъ союза и, наконецъ, отношеніе, усвоенное сенсуалистами и занимающее, какъ весь сенсуализмъ между обѣими крайностями метафизики, среднее мѣсто между этими двумя оттѣнками, между максимумомъ и минимумомъ отрицанія, вообще возможнаго для метафизической мысли),—не трудно доказать, говоримъ мы, что каждое изъ этихъ ученій имѣетъ своею исходною точкою двойную гипотезу.

23. Сравнимъ въ этомъ отношеніи только сенсуалистическую теорію непознаваемаго съ воззрѣніемъ

матеріалистовъ на занимающій насъ вопросъ. Если гипотезу, лежащую въ основѣ ученія о непознаваемомъ, разложить на ея составныя части, то въ результатѣ получатся два предположенія, не имѣющія ничего общаго ни въ методологическомъ отношеніи, ни по самому содержанію своему. Эти предположенія являются тѣсно слитыми между собою, повидимому, съ единственною цѣлью скрыть глубокую произвольность и конечную непровѣряемость одного изъ нихъ подъ эмпирическою необходимостью и легкою провѣряемостью другого. Дѣйствительно, въ неразрывной связи съ гадательнымъ утвержденіемъ, что за предѣлами опыта существуетъ еще что-то, нуменъ, вещь сама въ себѣ, теорія непознаваемаго усердно пропагандируетъ и постоянно выставляетъ на видъ тезисъ, одинаково приложимый и къ нуменамъ первой, непровѣряемой гипотезы, и ко всякому конкретному, воспринимаемому чувствами разряду явленій, именно—тезисъ, состоящій изъ такой безспорной тавтологіи: нельзя знать того, что не наблюдено, не изслѣдовано тѣми или другими методами, находящимися въ распоряженіи науки, или, однимъ словомъ, нельзя знать того, что не познано.

Но такую же искусную смѣсь бьющаго въ глаза эмпиризма съ непровѣряемыми созданіями фантазіи не трудно открыть и въ метафизическомъ отрицаніи супранатурализма, при чемъ легко убѣдиться и въ томъ, что теорія непознаваемаго сенсуалистовъ и отрицаніе этого рода составляютъ лишь двѣ варіаціи на одну и ту же основную тему.

Дѣйствительно, метафизическое отрицаніе сверхъестественнаго также состоитъ изъ двухъ утвержденій. Одно изъ нихъ исчерпывается аргумента-

ціей, что сверхъестественнаго не наблюдали и т. д и что, слѣдовательно, оно не существуетъ для познанія, которое есть единственное основаніе и сознанія. Это отрицаніе вполнѣ совпадаетъ съ эмпирическою половиной теоріи непознаваемаго и составляетъ, очевидно, только частное примѣненіе ея къ данному случаю.

Другое утвержденіе ничѣмъ органически не связано съ первымъ, но оно, въ свою очередь, можетъ быть разсматриваемо, какъ выводъ изъ теоріи непознаваемаго, какъ частный случай второй, непровѣряемой половины этой теоріи. Эта сторона матеріалистической доктрины состоитъ въ произвольномъ утвержденіи, что въ мірѣ нуменовъ, въ области непознаваемаго нѣтъ мѣста, in concreto, для особаго вида нумена, съ обычными атрибутами сверхъестественнаго существа. Только въ этой формѣ постоянно и выражалось, исторически, отрицаніе сверхъестественнаго; ибо само собою разумѣется, что если бы доктрина эта не признавала вообще непознаваемаго, не дѣлала бы изъ него краеугольнаго камня философскаго зданія, ей не было бы и надобности утверждать, что непознаваемое не существуетъ именно sub specie divinitatis: она въ такомъ случаѣ могла бы удовольствоваться эмпирическимъ фактомъ, постоянно и всюду констатируемымъ раціональною формою философскаго и научнаго отрицанія сверхъестественнаго.

Этими указаніями, несмотря на всю отрывочность ихъ, мы здѣсь ограничимся уже въ виду того, что всякая попытка придать имъ большее развитіе завела бы насъ далеко за предѣлы настоящей главы (89).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ФИЛОСОФІЯ ПРОШЕДШАГО И НАУКА.

1. Постановка вопроса о будущемъ метафизики. — **2.** Вліяніе философіи на науку и науки на философію.—**3.** Роль научнаго фактора. — **4** Необходимость спеціальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ, какъ промежуточныхъ звеньевъ между послѣдними и общею философіею, резюмирующею ихъ результаты.— **5** Два параллельныхъ теченія въ исторіи метафизики. Обращеніе метафизическихъ системъ въ спеціальныя философіи болѣе или менѣе значительныхъ группъ отвлеченныхъ наукъ. Дальнѣйшая спеціализація. Постепенное замѣщеніе метафизики метапсихологіей и металогикой.—**6** Условное значеніе полноты и единства метафизическаго міропониманія. Метафизика, какъ особая форма вырожденія спеціальнаго знанія — **7.** Вліяніе апріорной философіи на развитіе спеціальныхъ наукъ.—**8.** Соціологическія условія научнаго прогресса. — **9.** Медленное вымираніе прежнихъ типовъ философской мысли.—**10.** Объективныя и субъективныя условія существованія метафизики —**11.**Ученіе о непознаваемомъ въ періодъ процвѣтанія и во время упадка метафизики. — **12.** Смѣшеніе „непознаваемаго“ съ „несводимымъ“. — **13.** Защита апріорной философіи, какъ особаго вида эстетическаго творчества. — **14** Процессъ отвлеченія въ наукѣ, философіи и искусствѣ. Связь искусства съ наукою и философіей. Основное различіе между научнымъ и философскимъ творчествомъ и творчествомъ искусства. — **15.** Остановка аналитическаго процесса мысли на низшихъ ступеняхъ его и обратный переходъ отъ общаго къ индивидуальному Истинная сущность искусства. Общее значеніе „химерическаго“ въ умственной и эстетической сферѣ.—**16.** Метафизическое заблужденіе и философская истина.—**17.** Новая теорія истины и заблужденія.—**18.** Спеціальныя науки, какъ источникъ метафизики и научной философіи.

1. Отъ вѣроятной будущности супранатурализма, опредѣляемой ближайшимъ образомъ, какъ мы видѣли, отношеніями этого соціологическаго факта и перваго крупнаго итога умственной эволюціи человѣчества къ двумъ другимъ общимъ результатамъ того же непрерывнаго развитія, къ философіи и наукѣ, — перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вѣроятной будущности философіи, какъ она сложилась исторически, въ видѣ м е т а ф и з и к и.

Вопросъ о будущей судьбѣ метафизики самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ отношеніяхъ этого общаго способа пониманія міра къ ряду великихъ истинъ отвлеченнаго характера, медленно открываемыхъ частными науками и еще медленнѣе проникающихъ въ сознаніе сплошныхъ массъ человѣчества.

Изслѣдованію этихъ отношеній была посвящена не малая часть настоящаго труда. Не говоря уже объ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ и сближеніяхъ, разсѣянныхъ въ различныхъ мѣстахъ этой книги [1]), самые общіе выводы наши по этому капитальному вопросу, какъ извѣстно читателю, всецѣло содержатся въ двухъ краткихъ формулахъ—закона трехъ типовъ и закона соотношенія. Предстоящая намъ на слѣдующихъ страницахъ задача съуживается, такимъ образомъ, сама собою. Она должна будетъ состоять въ такомъ дальнѣйшемъ развитіи установленныхъ нами ранѣе общихъ положеній, которое помогло бы читателю перейти отъ соціологической теоріи къ соціологическому примѣненію и позво-

---

1) См. часть I-ую, стр. 4, 8—10, 15, 25—28, 48—50, 52—55, 73, 75—81, 86—88, 91—94, 219—224.

лило бы ему, если не окончательно рѣшить, то по крайней мѣрѣ правильно поставить вопросъ о будущей судьбѣ метафизики. Но именно въ этихъ видахъ намъ придется еще разъ вернуться здѣсь къ двумъ вопросамъ, которые отчасти, хотя и съ иной точки зрѣнія, уже были разсмотрѣны нами въ предыдущемъ изложеніи. Первый изъ нихъ касается взаимной зависимости философскихъ и научныхъ идей, а второй — причинъ, которыми обусловливается медленный процессъ вымиранія прежнихъ типовъ философской мысли, и признаковъ, въ которыхъ это обнаруживается. Въ заключеніе, мы остановимъ вниманіе читателя на той общей роли, которая всегда принадлежала метафизическому заблужденію въ дѣлѣ расчистки и подготовки почвы для философской истины.

1. Вліяніе науки на метафизику и метафизики на науку.

2. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, будучи одновременными продуктами общественнаго развитія, философія и наука не могли, такъ или иначе, въ той или другой степени, не вліять другъ на друга. Вліяніе это, въ особенности со стороны философіи, весьма часто преувеличивали. Философіи приписывали въ научной эволюціи человѣчества такую исключительную и господствующую роль, какой она въ дѣйствительности никогда не имѣла и имѣть не могла. Но желаніемъ избѣжать этой крайности нельзя, конечно, извинить и противоположной ошибки, состоящей въ совершенномъ отрицаніи взаимной зависимости двухъ параллельныхъ процессовъ научнаго и философскаго развитія.

Несомнѣнно, далѣе, что на судьбы науки и фи-

лософіи постоянное дѣйствіе оказывали и нравы, и обычаи, и языкъ, и литература и, наконецъ, исторія, разсматриваемая какъ рядъ послѣдовательныхъ фактовъ и событій. Съ этой чисто соціологической точки зрѣнія, между наукою и философіею долженъ былъ очень рано установиться непрерывный и весьма дѣятельный обмѣнъ воззрѣній, гипотезъ, руководящихъ идей и общихъ результатовъ. Не о реакціяхъ этого рода, однако, можетъ итти здѣсь рѣчь. Вопросъ ставится нѣсколько иначе. Было ли постоянное, прямое руководящее направленіе съ той или другой стороны, и если было, то съ какой именно?

Отвѣтъ, который на этотъ вопросъ даютъ два закона соціологіи, выведенные нами въ предыдущихъ главахъ изъ разсмотрѣнія соотвѣтствующихъ историческихъ фактовъ, въ одномъ отношеніи представляется недостаточно полнымъ и яснымъ: именно, этимъ отвѣтомъ оставлено въ тѣни слѣдующее важное обстоятельство, на которое мы здѣсь и обратимъ прежде всего вниманіе

Хотя философія, вообще, не могла дѣлиться съ наукою ни своимъ содержаніемъ, ибо ея гипотезы были сами спеціальнаго происхожденія, ни своимъ методомъ, ибо послѣдній былъ лишь незаконнымъ расширеніемъ или искаженіемъ научныхъ способовъ открытія истины,—однако, съ другой стороны, и руководящая, направляющая роль науки въ дѣлѣ философіи подлежала всегда двумъ существеннымъ ограниченіямъ. Во первыхъ, наука безразлично и потому совершенно пассивно дѣлилась своимъ содержаніемъ со всѣми отраслями человѣческой мысли и дѣятельности, въ томъ числѣ и съ философіей; эта характеристическая черта въ от-

ношеніяхъ науки и философіи съ особенною силою сказалась въ рядѣ фактовъ, легшихъ въ основу закона трехъ типовъ метафизики. И во вторыхъ, научныя данныя, переходя въ философію, тѣмъ самымъ, повидимому, порывали свою прежнюю, живую связь съ наукою, понимаемою какъ совокупность извѣстныхъ методовъ открытія и доказательства. Судьба этихъ данныхъ въ философіи зависѣла уже не столько отъ дальнѣйшихъ успѣховъ той области знанія, откуда они были почерпнуты, сколько отъ первоначальныхъ условій, при которыхъ эти данныя какъ бы разъ навсегда становились достояніемъ спекулятивнаго ума.

Чѣмъ шире былъ горизонтъ, который съ высоты научныхъ фактовъ открывался передъ взорами мыслителя, т. е. чѣмъ обширнѣе былъ кругъ явленій, обнимаемый этими фактами, и чѣмъ лучше они сами были разработаны, тѣмъ менѣе, разъ навсегда, оставалось простора для творческой фантазіи философа и тѣмъ менѣе могъ послѣдній своими гипотетическими дополненіями измѣнить смыслъ данныхъ науки и извратить значеніе основанныхъ на нихъ истинъ. И напротивъ, чѣмъ ничтожнѣе было въ количественномъ и качественномъ отношеніи содержаніе, которое изъ области наукъ переходило въ извѣстную эпоху въ область философіи, тѣмъ это содержаніе, опять-таки разъ навсегда, глубже и разностороннѣе захватывалось и видоизмѣнялось произвольными и непровѣряемыми гипотезами философовъ. Законъ соотношенія наукъ и философіи не идетъ далѣе простого утвержденія постоянства и всеобщности именно этого явленія, не выходя изъ тѣсныхъ предѣловъ котораго только и позволительно смотрѣть на общее состояніе наукъ въ дан-

ную эпоху, какъ на соціологическую причину соотвѣтствующаго состоянія метафизики въ тотъ же или ближайшій періодъ времени.

Но въ этихъ границахъ, ни законъ соотношенія, ни законъ трехъ типовъ ни мало не подрываютъ справедливости обычнаго взгляда на завѣдомое, сознательное различіе путей, которыми пользовались философія и наука для достиженія, въ сущности, однѣхъ и тѣхъ же цѣлей.

Въ наукѣ была всегда скрыта возможность будущаго міропониманія, или будущей философіи. Наука объясняла отдѣльныя части обширнаго цѣлаго, не зная, гдѣ и на чемъ она остановится; въ этой завоевательницѣ, по самой природѣ своей, какъ называлъ науку Клодъ Бернаръ, всегда жила смутная надежда на то, что, переходя отъ одной части къ другой, она именно такимъ путемъ, рано или поздно, обниметъ и цѣлое. Напротивъ того, философія прямо приступала къ объясненію гадательной суммы явленій, неизвѣстнаго мірового итога. Это коренное различіе въ пріемахъ проходитъ черезъ всю исторію наукъ и философскихъ системъ, и въ немъ, главнымъ образомъ, и выразилась преждевременность отдѣленія отъ древа спеціальнаго знанія незрѣлыхъ плодовъ философіи, которая только такою цѣною и могла пріобрѣсть внѣшній видъ самостоятельности. Но именно эту фазу развитія философіи, характеризуемую м н и м о ю н е з а в и с и м о с т ь ю ея отъ науки, и называютъ, или должно называть, м е т а ф и з и ч е с к и м ъ ея состояніемъ (90).

3. Войдемъ теперь въ болѣе подробное разсмотрѣніе роли, принадлежавшей каждому изъ двухъ

членовъ соотношенія, которое необходимо устанавливается между наукой, какъ объясненіемъ отдѣльныхъ частей мірового цѣлаго, и философіей, какъ пониманіемъ всей совокупности природы, — и начнемъ съ научнаго фактора.

Въ предыдущихъ главахъ мы старались доказать, что состояніе науки имѣетъ, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, самое глубокое и рѣшительное вліяніе на исторически соотвѣтствующее ему состояніе философіи. Подобно тому, говорили мы, какъ развитіе высшихъ отдѣловъ знанія происходило столько же въ области непосредственно предшествующихъ имъ наукъ, сколько въ ихъ собственныхъ предѣлахъ, такъ и развитіе философіи, въ трехъ, образовавшихся до сихъ поръ, наслоеніяхъ ея: теологической, или первичной, формаціи, метафизической, или вторичной, и современной, полунаучной,—совершалось уже въ нѣдрахъ спеціальныхъ наукъ, которыя являлись постояннымъ источникомъ, снабжавшимъ философію и матеріаломъ для построенія ея общихъ гипотезъ, и фактическими аргументами, посредствомъ которыхъ эти гипотезы впослѣдствіи опровергались. Къ этому прочному результату нашего изслѣдованія, или къ этой главной, существенной чертѣ историческаго процесса развитія философіи, мы здѣсь не видимъ надобности возвращаться [1]). Но нѣкоторыя другія стороны той же эволюціи нуждаются, какъ намъ кажется, въ дополнительномъ освѣщеніи.

Способъ, которымъ наука постоянно дѣйствовала на философскую мысль, то направляя ее въ пло-

[1]) См. ч. I, стр. 75—81, 219—221 и др.

ское русло религіознаго квіэтизма, то открывая ей выходъ въ глубокое и извилистое ложе метафизическихъ водоворотовъ, то, наконецъ, заставляя ее держаться по возможности ближе къ твердому берегу эмпирическаго познанія явленій, ясно отпечатлѣнъ уже на тѣхъ внѣшнихъ признакахъ, которыми общій характеръ развитія философіи отличается отъ общаго характера развитія наукъ.

Философская мысль безпокойно металась изъ одной крайности въ другую Торжество матеріализма неизмѣнно вело къ господству идеалистическаго направленія, а усиленіе послѣдняго вызывало, какъ необходимую реакцію, распространеніе матеріалистическихъ взглядовъ. За двумя такими волнами, отдѣляя ихъ отъ новой смѣны матеріалистическаго прилива идеалистическимъ отливомъ, наступалъ обыкновенно періодъ господства средняго направленія: особымъ расположеніемъ умовъ начинали пользоваться безплодныя попытки сенсуализма, стремившагося, въ свою очередь, положить конецъ вѣчнымъ колебаніямъ философской мысли. Дѣло въ томъ, однако, что эти черты, свойственныя развитію метафизики, не могутъ быть объяснены ни простымъ указаніемъ на склонность, будто бы присущую человѣческому уму, быстро переходить отъ одной крайности къ другой, ни ссылкою на историческій фактъ, что метафизика никогда серьезно не пробовала пользоваться строгими методами точныхъ наукъ.

Не только въ области философіи, но и въ области спеціальныхъ наукъ употребленіе научныхъ методовъ не всегда возможно. Оно находится въ полной зависимости отъ наличности извѣстныхъ условій и между ними, на первомъ планѣ, отъ

предварительной, научной же установки исходныхъ точекъ, отъ которыхъ только и могутъ отправляться, въ своихъ наблюденіяхъ и обобщеніяхъ, въ одномъ случаѣ философія, а въ другомъ спеціальныя науки. И потому ошибаются тѣ, кто подобно Ланге, Гёрингу и другимъ послѣдователямъ современныхъ научно-философскихъ системъ, полагаетъ, что приключенія метафизики, какъ одинъ изъ нихъ называетъ внезапные переходы ея отъ одной крайности къ другой, зависѣли исключительно отъ того, что наука была безсильна заставить философскую мысль перенять у нея свойственный ей способъ изслѣдованія; и еще болѣе ошибаются тѣ, кто, какъ, напримѣръ, русскій философъ Милославскій, извѣстный англійскій ученый Гёксли, или датскій философъ Кроманъ, отъ простой замѣны одного метода другимъ ожидаетъ кореннаго преобразованія философіи.

Прежде, чѣмъ вліять на философію своимъ методомъ, положительное знаніе должно глубоко повліять на нее содержаніемъ всего ряда спеціальныхъ наукъ, то есть, дать ей то, къ чему можно было бы приложить дѣйствительно научный способъ обработки. Такое вліяніе на философію, вліяніе не методологическаго, а, такъ сказать, матеріальнаго и догматическаго характера, и оказывала всегда въ дѣйствительности наука.

Скудность научнаго матеріала (еще болѣе выражавшаяся въ существованіи значительныхъ пробѣловъ въ рядѣ отвлеченныхъ наукъ, чѣмъ въ ничтожности успѣховъ, достигнутыхъ уже установившимися отраслями знанія) и недостаточная предварительная обработка этого матеріала (выражавшаяся въ отсутствіи спеціальныхъ философій хотя бы

только наличныхъ наукъ) были двумя дѣятельными причинами, постоянно порождавшими и поддерживавшими метафизическія стремленія и привычки ума.

Первая причина имѣла особенную силу во всемъ прошедшемъ философіи, или до наступленія той знаменательной эпохи въ исторіи мірообъяснительныхъ попытокъ, когда впервые была сознана настоятельная необходимость завершенія цикла точныхъ наукъ включеніемъ въ ихъ число біологическихъ и соціологическихъ знаній, и самое завершеніе это было впервые положено въ основу всякой реформы въ области философскихъ идей. Вторая же причина, или отсутствіе спеціальныхъ философій отдѣльныхъ наукъ, даетъ себя чувствовать преимущественно въ настоящее время, содѣйствуя мимолетному господству межеумочныхъ формъ современной философіи и являясь главнымъ тормазомъ на пути дѣйствительнаго объединенія общихъ результатовъ современнаго знанія.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, указанное положеніе вещей, длившееся цѣлые вѣка и не перестающее и теперь тяготѣть надъ судьбами философіи, никогда не побуждало послѣднюю искать выхода въ созданіи собственнаго, самостоятельнаго содержанія, въ матеріальномъ, а не формальномъ только, отмежеваніи себѣ области, отличной отъ той, на которой искони водрузила свое побѣдоносное знамя наука. Фактъ этотъ имѣетъ громадное значеніе для оцѣнки будущаго развитія философіи. Онъ до очевидности доказываетъ, что другого матеріала, надъ которымъ могла бы работать философія, кромѣ научнаго, нѣтъ и быть не можетъ,— что, въ свою очередь, зависитъ отъ глубокаго психологическаго единства человѣческой мысли, которая

либо стремится къ познанію отдѣльныхъ явленій, либо направлена къ пониманію ихъ общей связи.

Само собою разумѣется также, что если зависимость содержанія философіи отъ содержанія науки прочно установилась уже въ эпохи сравнительной бѣдности и необработанности научнаго матеріала, то основное отношеніе это можетъ только расти и крѣпнуть по мѣрѣ развитія и окончательнаго образованія двухъ концентрическихъ круговъ отвлеченныхъ наукъ и соотвѣтствующихъ имъ спеціальныхъ философій (90 bis).

4. Отъ условій, при которыхъ положительному знанію приходится дѣйствовать и вліять на философскую мысль, всецѣло зависитъ какъ общее направленіе, принимаемое послѣднею, такъ и особенный характеръ вырабатываемыхъ ею міропониманій. Тезисъ этотъ до мельчайшихъ подробностей подтверждается всею исторіею философіи. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, остановимся на замѣчаніи Ланге, что точныя изслѣдованія должны составлять насущный хлѣбъ философа, и что никакая философія не мыслима безъ знакомства съ наиболѣе важными результатами и главными методами открытія всѣхъ наукъ, изучающихъ природу. [1]) Замѣчаніе это справедливо въ теоріи, но на практикѣ, конечно, составляетъ, даже въ отношеніи къ самымъ передовымъ системамъ нынѣшней философіи, только „благочестивое“ желаніе. Относительно же философіи прошедшаго, или метафизики, мнѣніе Ланге можетъ имѣть лишь глубоко отрицательное или критическое значеніе. Метафизика была такою

[1]) Op cit., т. II, стр. 636.

же служанкою науки, ancilla scientiae, какъ и лучшія изъ современныхъ системъ; но повелительница ея еще менѣе, чѣмъ теперь, соединяла въ себѣ условія, необходимыя для того, чтобы заставить философію твердо и неуклонно слѣдовать малѣйшимъ ея указаніямъ. И Либихъ былъ, поэтому, совершенно правъ, когда въ своихъ „Письмахъ о химіи“ называлъ матеріалистовъ простыми дилеттантами въ естественныхъ наукахъ; такими же дилеттантами въ области психологіи и соціологіи были несомнѣнно и всѣ идеалисты. Вся метафизика получаетъ такимъ образомъ, въ глазахъ историка, значеніе одного сплошного дилеттантизма въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія. Но эта историческая черта философіи всего лучше доказываетъ, что если, согласно съ мыслью Огюста Конта, изъ изученія общностей и слѣдуетъ сдѣлать одну лишнюю спеціальность, то самое осуществленіе этой мысли достижимо лишь подъ условіемъ созданія частныхъ философій отвлеченныхъ наукъ, какъ необходимыхъ промежуточныхъ звеньевъ между послѣдними и общей философіею, резюмирующею ихъ результаты: ибо, только располагая полнымъ рядомъ такихъ спеціальныхъ философій, можетъ мыслитель достигнуть истинной цѣли своихъ объединительныхъ усилій, т. е. глубоко и всесторонне, а не въ качествѣ простого дилеттанта, обнять всѣ безъ исключенія области знанія (90 ter).

Это настолько справедливо и, замѣтимъ въ скобкахъ, такъ хорошо рисуетъ родъ и свойства зависимости, въ которой философія всегда находилась отъ науки, что метафизика,—или живое отрицаніе всякой постепенности, всѣхъ посредствующихъ ступе-

ней между эмпирическимъ или матеріальнымъ и теоретическимъ или формальнымъ знаніемъ — сама въ теченіе всей своей исторіи только и дѣлала, что собственнымъ безсознательнымъ примѣромъ постоянно подтверждала явную невозможность избѣгнуть этой постепенности, или немыслимость обойтись безъ этихъ промежуточныхъ и подготовительныхъ ступеней.

Всѣ старанія метафизики достигнуть разомъ, однимъ напряженіемъ познавательныхъ способностей, высшаго уровня возможнаго знанія, оставались безплодными, кончались всегда плачевными неудачами. Законъ трехъ типовъ ясно доказываетъ, какъ ничтожна, сама по себѣ и въ своихъ результатахъ, была попытка человѣческаго ума освободиться отъ условій знанія, стать выше этихъ условій, достигнуть объединенія или обобщенія, называемаго міропониманіемъ, помимо науки, на другомъ пути, помощью гипотезы въ самомъ грубомъ и первоначальномъ ея видѣ, словомъ—попытка, извѣстная подъ названіемъ апріорной философіи. Дѣйствительно, какъ мы могли убѣдиться въ томъ на примѣрѣ всѣхъ безъ исключенія философскихъ системъ, въ своей погонѣ за абсолютнымъ единствомъ явленій, мысль апріорная безсознательно подчинялась тѣмъ же условіямъ, что и мысль апостеріорная. Она объединяла не всѣ, а только извѣстные разряды фактовъ, и притомъ тѣ же самые, которые въ спеціальныхъ наукахъ объединяются мыслью апостеріорною: міръ неорганическій, органическій, гиперорганическій — матеріализмъ, сенсуализмъ, идеализмъ. Вся разница заключалась въ томъ, что, обнимая часть, апріорный умъ полагалъ, что обнимаетъ цѣлое.

5. Исторія наукъ и философскихъ системъ доказываетъ, что абсолютныя идеи зарождаются самопроизвольно, а относительныя—составляютъ плодъ терпѣливаго изслѣдованія и медленнаго умственнаго развитія [1]). Но та же сравнительная исторія обнаруживаетъ полнѣйшую зависимость перваго генезиса отъ второго: она удостовѣряетъ, что зарожденіе абсолютныхъ идей могло имѣть мѣсто лишь при отсутствіи или слабомъ развитіи идей относительныхъ. Horror vacui былъ свойствомъ не природы вообще, а только природы человѣческаго ума. Свободныя мѣста, пустыри знанія постоянно привлекали метафизику; они-то и были почвой, на которой выростали абсолютныя идеи послѣдней.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ строго отличать, въ составѣ метафизическихъ системъ, плоды философской спекуляціи отъ результатовъ неразрывно съ ней связанной спекуляціи научной. Чѣмъ дальше въ прошедшее, тѣмъ болѣе научная спекуляція, не только у матеріалистовъ, но и у идеалистовъ, касается однѣхъ только низшихъ наукъ, и тѣмъ болѣе философская мысль стремится пополнить пробѣлы именно этого рода знанія; и напротивъ, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ болѣе научная спекуляція, сверхъ низшихъ, обнимаетъ и высшія отрасли—психологію и соціологію, и тѣмъ болѣе мысль философская стремится пополнить пробѣлы однѣхъ только послѣднихъ наукъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи метафизическихъ попытокъ замѣчается два параллельныхъ теченія. Одно изъ нихъ, основное и преобладающее, обращаетъ метафизическія системы въ спеціальныя

---

[1]) Lange, op. cit. I, стр. 293

философіи болѣе или менѣе значительныхъ группъ наукъ. Увлекаемая этимъ теченіемъ, метафизика какъ бы невольно сознается въ нарушеніи ею той постепенности въ переходѣ отъ частнаго знанія къ общему, о которой мы говорили выше, и какъ бы постоянно стремится искупить и загладить эту капитальную погрѣшность. Исторически, стремленіе это выразилось въ фактѣ распаденія апріорной философіи на три направленія.

Второе теченіе побуждаетъ метафизику еще болѣе съуживаться и спеціализироваться, собственно по мѣрѣ успѣховъ низшихъ наукъ, и обращаетъ ее такимъ образомъ мало-по-малу въ философію наименѣе изслѣдованныхъ группъ явленій. Всѣ три направленія метафизики одинаково вовлекались этимъ теченіемъ въ исключительное преслѣдованіе спеціальныхъ задачъ психологіи, которая, въ концѣ концовъ, и сдѣлалась центральною ареною, на которой стали происходить самыя ожесточенныя битвы и рѣшаться главнѣйшіе споры философіи. Матеріалистическая и идеалистическая метапсихологія и металогика, т. е. рѣшеніе чисто психологическихъ и логическихъ (теорія познаванія) вопросовъ при помощи общихъ и непровѣряемыхъ гипотезъ философіи, вытѣснили собою матеріалистическую, сенсуалистическую и идеалистическую метафизику въ первоначальномъ значеніи этого слова. И вотъ уже на этой вдвойнѣ, такъ сказать, спеціализированной почвѣ апріорная философія и принесла самый роскошный пустоцвѣтъ свой.

6. Но отсюда съ неотразимою силою вытекаетъ одно заключеніе: метафизика никогда не попол-

няла всѣхъ пробѣловъ человѣческаго знанія, никогда не была общею или высшею наукою, объединявшею всѣ остальныя. Ея полнота и единство существовали лишь въ воображеніи философовъ и были полнотою и единствомъ глухонѣмого, или даже слѣпого глухонѣмого, которому изъ всѣхъ чувствъ доступны только осязаніе и обоняніе. Метафизика пополняла своими гипотезами пробѣлы немногихъ отдѣльныхъ наукъ, превращая послѣднія въ метанауки и сама играя роль спеціальной философіи такихъ метанаукъ. Поэтому метафизика, если и была міропониманіемъ, то въ гораздо меньшей степени или несравненно менѣе цѣльнымъ, чѣмъ даже современный позитивизмъ съ его скромными притязаніями. Въ дѣйствительности же, она была особымъ видомъ „вырожденія“ спеціальнаго знанія, и этотъ характеръ ея обозначался тѣмъ рѣзче, чѣмъ полнѣе становился циклъ или рядъ отвлеченныхъ наукъ (91).

Циклъ этотъ представляетъ собою сумму отвѣтовъ, которые человѣческій умъ въ состояніи дать на вопросъ: „что̀ извѣстно намъ“? [1]) Эту-то сумму позитивизмъ, какъ мы его понимаемъ и признаемъ, выдаетъ за единственный способъ мірообъясненія, доступный въ настоящее время человѣческому уму. Метафизика же, не на словахъ, конечно, а въ дѣйствительности, не только не шла далѣе, но никогда не могла выполнить и этой умѣренной программы. Простымъ измѣненіемъ вопроса: „что̀ извѣстно намъ“? на вопросъ: „что̀ можемъ мы знать?“ (Кантъ) [2]) метафизика не расширяла своей

[1]) Huxley Hume, sa vie, sa philosophie. 1880, стр. 64.
[2]) Ibidem, стр. 63 и 64.

задачи, а, напротивъ, съуживала ее до размѣровъ спеціальнаго изслѣдованія процессовъ мышленія; она низводила философію на степень психологіи или, другими словами, ставила пониманіе явленій человѣческаго духа на высоту общаго пониманія міра. Но при такихъ условіяхъ, даже объясненіе психологическихъ процессовъ не могло пріобрѣсть научнаго характера—и потому метафизика, переставъ, въ извѣстномъ смыслѣ, быть философіей, не сдѣлалась, въ другомъ, и научною психологіею (91 bis).

7. Обратимся теперь къ другой половинѣ занимающаго насъ вопроса, къ вліянію апріорной философіи на развитіе спеціальныхъ наукъ.

Мы уже упомянули объ обычномъ преувеличеніи роли метафизики въ этомъ отношеніи. Конечно, возведеніе цѣлаго ряда несознанныхъ иллюзій на степень высшаго регулятора умственной жизни не могло не сопровождаться извѣстными послѣдствіями для совокупности общественной эволюціи, а, слѣдовательно, не могло не вліять и на прогрессивный ростъ положительнаго знанія, занимающаго въ этой эволюціи такое выдающееся мѣсто. Въ этомъ смыслѣ апріорная философія была несомнѣнно столько же дѣятельнымъ коэффиціентомъ, сколько и функціей общей культуры. Это заключеніе, однако, не выводитъ насъ изъ круга обыкновенной взаимной зависимости общественныхъ явленій и, въ добавокъ, содержитъ въ себѣ прямое указаніе на то, что реакція метафизики на науку, въ общемъ своемъ теченіи, должна была имѣть скорѣе задерживающій

характеръ, или являлась чѣмъ-то въ родѣ помѣхи, постепенно устраняемаго препятствія на пути положительнаго знанія. Будучи само послѣдствіемъ и признакомъ невѣжества и научной отсталости, процвѣтаніе апріорныхъ точекъ зрѣнія не могло, разумѣется, особенно споспѣшествовать быстрому переходу наукъ въ болѣе зрѣлое состояніе.

Но изъ этого общаго тезиса, который, мимоходомъ сказать, одинаково вѣренъ относительно всей апріорной философіи, безъ различія ея направленій, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы метафизика могла быть разсматриваема не только какъ единственная, но даже какъ главная причина, мѣшавшая поступательному движенію положительной науки. Одинаково ошибаются какъ тѣ, кто полагаетъ, что торжество одного какого-нибудь направленія апріорной мысли могло ускорить это движеніе, а господство другого—остановить его, такъ и тѣ, кто думаетъ, что стоило только снять съ науки метафизическія путы, чтобы заставить ее итти впередъ гигантскими шагами.

Примѣръ всего лучше объяснитъ нашу мысль и то различеніе, которое мы желали бы установить здѣсь. Такъ, даже такой осторожный мыслитель, какъ Ланге, не боится утверждать, что уже древній міръ могъ бы достигнуть громадныхъ результатовъ въ естествознаніи, еслибъ не побѣда аѳинской реакціи надъ натуралистическими стремленіями первыхъ школъ греческой философіи [1]). Но не трудно понять, что всѣ замѣчательныя положенія древняго натурализма, составляющія нынѣ основу матеріалистическаго монизма, — признаніе

[1]) Op. cit., Т. I, стр. 16, и II, стр. 183.

вѣчности матеріи и необходимости всего существующаго, исключеніе случая изъ разряда дѣйствительныхъ причинъ явленій, сведеніе послѣднихъ къ соединенію и разъединенію, интеграціи и дезинтеграціи матеріальныхъ частицъ или атомовъ, и всѣхъ явленій вообще къ движенію, — не трудно понять, говоримъ мы, что всѣ эти положенія не могли въ древности, какъ не могутъ и теперь, прямо способствовать открытію ни одного естественнаго закона, и что, слѣдовательно, успѣхи естествознанія ни мало не зависѣли отъ господства этихъ тезисовъ или отъ пораженія, нанесеннаго противоположнымъ взглядамъ.

Нужды нѣтъ, что такія гипотезы и въ настоящее время еще многимъ кажутся послѣднимъ словомъ науки. Послѣднія слова науки тѣ и есть, которыя всего менѣе ей свойственны, которыя произносятся не ею, а отъ ея имени ея адептами, философствующими ненаучно, по прежнему способу, то есть, стремясь объяснить цѣлое — ранѣе объясненія хотя бы только главныхъ и существенныхъ частей, его составляющихъ. Конечно, спора нѣтъ, что матеріализмъ, вслѣдствіе причинъ, на которыя мы не разъ указывали и въ теченіе настоящей работы, и въ нашей книгѣ о соціологіи [1]), является философіею всего болѣе близкою и родственною будущему научному міросозерцанію или его непосредственному предвозвѣстнику — эмпирическому позитивизму. Но эта близость отнюдь не можетъ быть приписываема тому обстоятельству, что матеріализмъ сразу выставилъ всѣ или почти всѣ свои основныя положенія. То же самое, какъ

[1]) Соціологія, глава XI, стр. 350—356.

намъ уже извѣстно, сдѣлалъ и идеализмъ во всѣхъ его формахъ, и это мнимое достиженіе цѣли, эта обманчивая зрѣлость въ началѣ эволюціи представляютъ яркую противоположность первымъ шагамъ и всему ходу развитія науки. Близость эта не есть результатъ и самаго содержанія такихъ основоначальныхъ тезисовъ. Послѣдніе были и остаются гипотезами, которыя въ предѣлахъ спеціальнаго знанія могутъ быть не безполезны, могутъ подвигать науку впередъ, но которыя, будучи перенесены на почву философіи, не даютъ ей того, чего она ищетъ, а, напротивъ, надолго связываютъ ее различными иллюзіями, удерживаютъ ее неопредѣленное время на одномъ и томъ же мѣстѣ.

8. Наука не есть міропониманіе, а только трудный и медленный процессъ, ведущій къ этой цѣли. Гипотетическая же философія всегда была и до сихъ поръ остается міронепониманіемъ, выдающимъ себя за истинное объясненіе совокупности явленій. Только раскрывъ реальное значеніе терминовъ языка, можно ясно видѣть отношенія между понятіями, выражаемыми этими терминами. И вотъ, поступая такимъ образомъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что міропониманіе, все равно, опирается ли оно на матеріалистическія или на идеалистическія основоположенія, не можетъ состоять въ прямой причинной связи съ процессомъ, ведущимъ къ пониманію міра. Съ соціологической точки зрѣнія, этотъ процессъ, или поступательное движеніе науки, находится въ тѣсной зависимости отъ множества факторовъ, въ числѣ которыхъ различныя

формы міронепониманія занимаютъ, во всякомъ случаѣ, второстепенное мѣсто. Главными двигателями тутъ должны считаться, въ области внутреннихъ причинъ, правильность или вѣрность спеціальнаго метода, вырабатываемаго каждою наукою своими собственными средствами, а въ области внѣшнихъ—досугъ и другія матеріальныя условія. Супранатурализмъ же и соперничающія съ нимъ болѣе тонкія формы міронепониманія являются уже отдаленными причинами, вліяющими на оживленіе или застой въ области частнаго знанія не прямо, а чрезъ посредство ближайшихъ факторовъ.

Подтвержденіе этого общаго вывода можно найти и въ біографической исторіи наукъ. Ученые съ глубоко развитымъ чувствомъ сверхъестественнаго, если можно такъ выразиться, идеалисты высшей пробы весьма часто двигали впередъ науку гораздо болѣе, чѣмъ матеріалисты или атеисты. Явленіе это объясняется просто тѣмъ, что, возвращаясь изъ области фантазіи къ научному дѣлу, такіе ученые твердо знали условія послѣдняго и въ своей спеціальности не легко сбивались съ истинной дороги. Другіе, напротивъ того, вносили и въ научныя изслѣдованія свои философскія грезы: все это случайности, неизбѣжно сопровождающія всякое поступательное движеніе. Но что различныя формы міронепониманія не имѣли преобладающаго вліянія на развитіе науки, ясно видно уже изъ того, что, не взирая на массу ученыхъ, которые въ той или другой степени раздѣляли заблужденія и были причастны иллюзіямъ супранатурализма и метафизики, наука не остановилась въ своемъ завоевательномъ шествіи, какъ это неминуемо должно было бы слу-

читься, если бъ между путемъ метафизики и путемъ науки, несмотря на нѣкоторыя точки соприкосновенія, не существовало глубокаго внутренняго различія (92).

II Признаки упадка и постепеннаго вымиранія метафизики

9. Если основныя отношенія между наукою и философіею дѣйствительно таковы, какими мы ихъ изобразили выше, то вопросъ о судьбѣ, ожидающей метафизику въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, рѣшается самъ собою въ смыслѣ постепеннаго очищенія исторической сцены отъ типовъ философской мысли, занимавшихъ на этой сценѣ такое видное мѣсто въ прошедшемъ. Исчезновеніе этихъ типовъ можетъ происходить очень медленно, процессъ вымиранія метафизики можетъ растянуться на неопредѣленное время; легко можетъ случиться, наконецъ, что процессъ этотъ никогда не завершится, что въ неоднородномъ составѣ человѣческихъ обществъ всегда найдутся слои и группы, воспріимчивость коихъ къ иллюзіямъ метафизики всегда останется элементомъ, съ которымъ должны будутъ считаться и практическій государственный человѣкъ, и теоретическій ученый. Но все это не должно мѣшать признанію факта, что существуютъ дѣятельныя причины, упорно подтачивающія прежнія силу и обаяніе гипотетическаго способа объясненія совокупности явленій, что именно въ эту сторону указываетъ стрѣлка историческаго движенія, называемаго умственнымъ прогрессомъ, и что, поэтому, коренное обновленіе или возрожденіе апріорной философіи есть такая же пустая и неосуществимая

мечта, какъ коренное обновленіе или возрожденіе супранатурализма, въ какой бы то ни было формѣ.

Тусклый свѣтильникъ апріорной мысли еле мерцаетъ, теряясь въ яркомъ свѣтѣ, проливаемомъ апостеріорнымъ знаніемъ на тѣ самые вопросы и задачи, которые всегда считались неотчуждаемымъ достояніемъ метафизики. И если, по тѣмъ или другимъ изъ соціологическихъ причинъ, указанныхъ въ двухъ главахъ о супранатурализмѣ, метафизическому освѣщенію міра, можетъ статься, и суждено навсегда сохранить долю значенія въ духовной жизни человѣчества, то подобная роль можетъ принадлежать метафизикѣ не вопреки, а только въ силу общихъ законовъ жизненной конкуренціи, какъ одному изъ способовъ охраненія неразвитаго образованіемъ или слабаго отъ природы умственнаго зрѣнія отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія прямыхъ лучей положительнаго знанія. Но оставляя въ сторонѣ такія явленія соціологическаго приспособленія, нельзя не видѣть, что главный источникъ, питающій метафизику, изсякаетъ по мѣрѣ того, какъ относительныя истины начинаютъ занимать въ наукѣ мѣсто абсолютныхъ и все болѣе и болѣе удовлетворительно объяснять природу.

10. Во всякомъ случаѣ, сначала теряютъ значеніе объективныя условія существованія метафизики, недостатокъ знаній и т. п., а потомъ и субъективныя, или многочисленныя иллюзіи нашего умственнаго зрѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ самообманъ, состоящій въ томъ, что наиболѣе послѣдовательные мыслители, принявъ за исходную точку своихъ логически правильныхъ выводовъ невѣрные или неполные

итоги знанія, неизбѣжно снова приходятъ къ этимъ первоначальнымъ итогамъ, т. е. вращаются въ ложномъ кругѣ, разомкнуть который можетъ лишь внѣшняя, посторонняя сила и который именно по этой причинѣ и ставится такъ часто въ примѣръ и образецъ всякому научному изслѣдованію [1]). Но когда, вслѣдствіе успѣховъ положительнаго знанія, вмѣстѣ съ другими исчезаетъ, наконецъ, и эта иллюзія,—процессъ вымиранія метафизики уже находится, можно сказать, въ полномъ ходу. Приверженцы прежней философіи, всегда утверждавшіе, что метафизика есть высшее знаніе, есть общее звено, связывающее и объединяющее результаты, достигаемые порознь и независимо другъ отъ друга спеціальными изслѣдованіями, теперь прибѣгаютъ къ аргументаціи, наглядно обнаруживающей охватившее ихъ ряды смятеніе. Возможность дальнѣйшаго существованія метафизики они основываютъ уже на прямо противоположномъ доводѣ о коренномъ различіи задачъ, преслѣдуемыхъ метафизикою съ одной стороны, и научною философіею съ другой. Только послѣдняя, по словамъ ихъ, можетъ дѣйствительно стремиться къ объединенію разрозненныхъ результатовъ частнаго знанія; первая же должна откровенно сознаться въ недостижимости для нея такой цѣли. Метафизика, по этому взгляду, отнюдь не перестаетъ быть знаніемъ, но знаніемъ, уже не имѣющимъ ничего общаго, по самому существу своему, съ тѣмъ, которое накопляется частными науками и объединяется ихъ

---

[1]) Goring, System der kritischen Philosophie, II Theil, стр. 7.

философіей [1]). Другими словами, этимъ мнѣніемъ выставляется и защищается гипотеза о двойственности человѣческаго знанія: наука есть одинъ родъ знанія, метафизика—другой, т. е. такая гипотеза, которая даже въ нынѣшнемъ, хаотическомъ состояніи теоріи познаванія не можетъ не представляться крайне рискованною и противорѣчащею всѣмъ извѣстнымъ даннымъ физіологіи и психологіи.

11. Но между многочисленными признаками, свидѣтельствующими о постепенномъ упадкѣ и медленномъ разложеніи апріорной философіи, нѣтъ болѣе выдающихся и имѣющихъ болѣе важное значеніе, чѣмъ необычайно быстрые успѣхи, выпавшіе на долю „теоріи непознаваемаго“ во всѣхъ современныхъ системахъ, и одновременное распространеніе оригинальнаго ученія, согласно которому метафизика должна быть разсматриваема, какъ особая отрасль искусства. Скажемъ же здѣсь нѣсколько словъ по поводу того и другого явленія, одинаково рѣзко обнаруживающихъ безвыходное положеніе, въ которомъ въ настоящее время находятся всѣ метафизическія школы.

Читателю извѣстенъ нашъ взглядъ на ученіе о непознаваемомъ, какъ на самый зрѣлый плодъ вѣкового развитія метафизики, какъ на послѣдній результатъ глубокихъ измѣненій, которыя постепенно вносились всѣмъ ходомъ исторіи въ общій строй философской мысли. Благодаря тщательной обработкѣ, полученной ею изъ рукъ представителей позднѣйшаго сенсуализма, теорія эта пріобрѣла

---

1) Liard· La science positive et la métaphysique, Paris, 1879, стр. 53—57.

особенное значеніе именно въ нашу эпоху. Но это обстоятельство—разработка концепта непознаваемаго преимущественно сенсуалистами различныхъ оттѣнковъ,—нисколько не оправдываетъ того взгляда нѣкоторыхъ современныхъ мыслителей на взаимныя отношенія матеріализма и другихъ направленій метафизики, по которому только матеріализмъ, будто-бы, отвергаетъ концептъ непознаваемаго, а всѣ остальныя системы дѣлаютъ или могутъ сдѣлать изъ него свой базисъ или точку исхода [1]). Такое мнѣніе, объясняемое отчасти смѣшеніемъ, о которомъ мы скажемъ ниже, непознаваемаго съ несводимымъ, вдвойнѣ невѣрно: оно противорѣчитъ историческимъ фактамъ и не согласно съ тѣмъ, что происходитъ въ области метафизики уже на нашихъ глазахъ.

Въ развитіи метафизическихъ системъ, какъ въ эволюціи всякихъ увядающихъ организмовъ, нужно постоянно различать періодъ возрастанія и періодъ упадка. Въ первой фазѣ, за немногими исключеніями или „упрежденіями“, отмѣченными нами въ своемъ мѣстѣ [2]), концептъ непознаваемаго оставался одинаково чуждъ всѣмъ тремъ направленіямъ философской мысли. Матеріализмъ сводилъ всѣ явленія къ матеріи, сенсуализмъ—къ ощущенію, идеализмъ—къ идеѣ или представленію, и каждая школа была болѣе или менѣе твердо убѣждена, что міръ можетъ быть познанъ именно такимъ, какимъ она его предполагала, какъ вещество, какъ ощущеніе, какъ представленіе. Но когда, благодаря успѣхамъ положительнаго знанія и смут-

---

1) См. напр. Lange, op cit., II, стр. 156.

2) См въ первой части—главу о сенсуализмѣ въ древности.

ному предчувствію возможности иного объясненія совокупности явленій, всѣ системы почти одновременно сознали свое конечное безсиліе, сознаніе это у всѣхъ выразилось возникновеніемъ и постепеннымъ развитіемъ теоріи непознаваемаго. Объ этомъ свидѣтельствуютъ философскіе труды передовыхъ мыслителей трехъ послѣднихъ столѣтій; и вотъ, между прочимъ, причина, по которой концептъ непознаваемаго является нынѣ и въ міросозерцаніи матеріалистовъ не менѣе умѣстнымъ и законнымъ, чѣмъ въ классическомъ сенсуализмѣ Локка и Юма, въ матеріалистическомъ сенсуализмѣ Кабаниса, Фейербаха или Дюбуа-Реймона, въ идеализмѣ Канта или даже въ позитивизмѣ Ог. Конта, Литтре и Вырубова.

12. Мы упомянули выше о склонности современныхъ мыслителей къ смѣшенію „несводимаго“ съ „непознаваемымъ“. Вопросъ этотъ имѣетъ огромное значеніе въ исторіи обоихъ концептовъ. Въ такое смѣшеніе понятій одинаково впадаютъ и матеріалисты, и сенсуалисты, и идеалисты. Полнѣйшій произволъ царствуетъ въ этомъ отношеніи въ теоріяхъ философовъ. Между матеріалистами есть такіе, которые видятъ непознаваемое въ одной только матеріи, какъ вещи самой въ себѣ, и такіе, которые раздваиваютъ этотъ концептъ, считая одинаково недоступными нашему познанію и вещество въ тѣсномъ смыслѣ слова, и его высшее проявленіе—сознаніе. Большинство современныхъ идеалистовъ точно также признаетъ механизмъ верховнымъ закономъ міра неорганическаго и даже біологическаго; но противополагая послѣднему съ крайнею рѣзкостью міръ психическій, одни изъ нихъ ви-

дятъ явные слѣды непознаваемаго только въ первыхъ двухъ отдѣлахъ природы, другіе же сталкиваются съ этимъ метафизическимъ призракомъ на каждомъ шагу и во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія. То же самое, въ сущности, можно сказать и о большинствѣ сенсуалистовъ. Словомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ хаотическимъ состояніемъ мысли, которому, какъ намъ кажется, можно положить конецъ, только прибѣгнувъ къ строгому различенію между непознаваемымъ, съ одной стороны, и несводимымъ съ другой.

Несводимое отнюдь не составляетъ, какъ полагаютъ многіе, непознаваемаго науки, которому естественно противопоставлялось бы непознаваемое философіи; но несводимое не можетъ быть отожествляемо и съ послѣднимъ концептомъ, какъ то склонны думать собственно позитивисты. Философія утверждаетъ о непознаваемомъ, во первыхъ, что оно существуетъ, и во-вторыхъ, что оно недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Но такое утвержденіе философіи о непознаваемомъ не имѣетъ ничего общаго съ отношеніемъ науки къ несводимому. Не простая игра словъ заключается въ тезисѣ, что наука именно и познаетъ несводимое. Въ составъ знанія каждой отдѣльной науки входитъ рядъ точныхъ и неизмѣнныхъ, частныхъ и общихъ отношеній между явленіями, совокупность которыхъ не можетъ быть отожествляема съ совокупностью другихъ явленій, такимъ же подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ изучаемыхъ въ другихъ наукахъ. Но это значитъ, что знаніе наше о несводимыхъ свойствахъ въ природѣ, вмѣщая въ себѣ тотъ признакъ, что свойства эти разныя, а не тожественныя, обнаруживаетъ одновременно и

наиболѣе общее отношеніе этихъ свойствъ между собою, или законъ только что указаннаго различія. Какія свойства необходимо сопровождаютъ другъ друга, въ какомъ порядкѣ они группируются (осложненіе свойствъ) и т. п.,—отвѣтъ на эти вопросы и составляетъ содержаніе наиболѣе общаго закона, который удалось открыть до сихъ поръ благодаря усиліямъ всего ряда спеціальныхъ наукъ, или результатъ чисто философскаго обобщенія, послужившаго основаніемъ для наиболѣе безупречной классификаціи человѣческаго знанія и исходною точкою для научнаго позитивизма.

Итакъ, концептъ несводимаго, который уже теперь имѣетъ право занять почетное мѣсто въ научной философіи, отнюдь не долженъ быть смѣшиваемъ съ концептомъ непознаваемаго, который, пока онъ не будетъ точно обслѣдованъ соотвѣтствующею спеціальною наукою, не можетъ принести философствующему уму рѣшительно никакой пользы. Между тѣмъ, именно между этими двумя понятіями обыкновенно и не дѣлается достаточно строгаго различенія,—обстоятельство, которое налагаетъ свою печать на всю современную философію, проникая оттуда и въ науку и являясь особенно важнымъ именно въ настоящую эпоху, когда оба смѣшиваемые между собою концепта впервые получили серьезное развитіе, одно въ апріорномъ, а другое въ положительномъ міровоззрѣніи. Дѣйствительно, въ качествѣ руководящихъ идей, непознаваемое и несводимое одинаково являются продуктами новѣйшаго поворота въ философіи. Первый концептъ знаменуетъ собою тотъ моментъ въ исторіи философіи, когда метафизика сама болѣе или менѣе ясно сознала и открыто при-

знала свою несостоятельность, какъ міровоззрѣнія, основаннаго на данныхъ объективнаго знанія; а второй является первымъ проблескомъ свѣта въ густомъ мракѣ, со всѣхъ сторонъ еще окружающемъ новые пути, ведущіе къ общему и единому пониманію міра.

Отрицательный рядъ успѣховъ—такъ называемое развитіе философіи — породилъ концептъ непознаваемаго

Положительный рядъ успѣховъ — развитіе науки—породилъ концептъ несводимаго.

Концептъ непознаваемаго — отрицательный по существу и по формѣ. Концептъ несводимаго — положительный по существу и отрицательный только по формѣ; онъ означаетъ еще: сущій самъ по себѣ, самостоятельный И потому философское заблужденіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, можно сравнить съ ошибкою математика, который сталъ бы утверждать, что—А=+А на томъ только основаніи, что въ обѣихъ частяхъ уравненія мы имѣемъ одну и ту же величину А, а не В или С. Изъ предыдущаго видно также, что причиною смѣшенія этихъ понятій, помимо поверхностнаго сходства ихъ объектовъ, было почти одновременное появленіе и развитіе обоихъ концептовъ: непознаваемаго—въ оказавшемся несостоятельнымъ гипотетическомъ міропостроеніи, несводимаго—въ философіяхъ спеціальныхъ наукъ, философіяхъ, призванныхъ служить прочнымъ основаніемъ новому міропониманію (93).

13. Другимъ характеристическимъ признакомъ, указывающимъ на то, что метафизика все болѣе и болѣе теряетъ прежнюю твердую почву подъ

ногами, является защита апріорной философіи какъ творчества чисто эстетическаго, какъ особаго рода поэзіи, совершенно необходимой, будто бы, для удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей нашей духовной природы. „Стремленіе, побуждающее человѣка создавать метафизическія системы“, говорятъ поборники этого взгляда, „присуще нашему психическому организму въ такой же мѣрѣ, въ какой ему свойственна потребность заниматься, напримѣръ, архитектурою [1])“.

Но не надо быть одареннымъ особою проницательностью, чтобъ догадаться, что такая защита—все равно, простирается ли она на одну метафизику, или также и на супранатурализмъ[2]),—составляетъ нѣчто въ родѣ отпустительнаго слова или послѣдняго, почтительнаго „прости“, которое и друзья, и враги апріорной философіи одинаково могутъ послать въ слѣдъ этому удаляющемуся величію, этому могуществу, навсегда покидающему шумную сцену исторіи. И не надо обладать особенною прозорливостью, чтобы понять, что теорія, при помощи которой, несмотря на все болѣе и болѣе надвигающіеся грозные предвѣстники разложенія, многіе еще надѣются спасти лучшую часть супранатурализма и метафизики, отожествляя сущность этихъ ученій съ чистыми струями идеала и намѣренно смѣшивая процессъ образованія апріорныхъ идей съ творчествомъ поэзіи или, вообще, искусства,—что такая теорія, говоримъ мы, составляетъ, по-истинѣ, отчаянное средство, къ которому можно было прибѣгнуть, только истощивъ

---

[1]) Lange, op. cit., I, стр 398

[2]) См предыд. главу.

всѣ остальныя. Нѣтъ ничего легче, однимъ словомъ, какъ опровергнуть рядъ прозрачныхъ софизмовъ, на которыхъ покоится эта система защиты метафизики, пользующаяся въ настоящую минуту большою популярностью, но составляющая, въ сущности, только одинъ изъ обычныхъ компромиссовъ, при посредствѣ которыхъ колеблющіеся умы стремятся примирить прошедшее съ будущимъ, отживающее свой вѣкъ съ нарождающимся къ новой жизни. Немногія слѣдующія соображенія, надѣемся, вполнѣ убѣдятъ въ этомъ читателя (93 bis).

14. Всякое міропониманіе, супранатуралистическое-ли, метафизическое или научное, можетъ быть только символическимъ объясненіемъ главнѣйшихъ явленій въ природѣ,—символическимъ потому, что источникомъ и орудіемъ его служитъ процессъ отвлеченія (94). Но символизмъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ не одной философіи, а составляетъ въ одинаковой степени достояніе и частной науки, и всякаго, вообще, вида умственной спекуляціи. Притомъ, такой символизмъ отнюдь не имѣетъ характера простой фотографіи дѣйствительности: въ силу самаго процесса отвлеченія, вызывающаго его къ жизни, онъ является уже творчествомъ, началомъ созидающимъ. И эту-то близкую связь между поэзіею въ обширномъ смыслѣ слова и наукой и философіей, а не одною только метафизикой, отрицать никакъ нельзя: она глубоко коренится въ основномъ единствѣ психо-физіологическихъ функцій нашего организма. Область эстетическаго творчества соприкасается съ областью философіи въ тѣхъ же самыхъ точкахъ, въ какихъ она примыкаетъ къ области науки и вообще ко всякой тео-

ретической дѣятельности, въ которой воображеніе призвано играть значительную, и иногда даже рѣшительно господствующую, роль. Но связь эта, разумѣется, всего болѣе кидается въ глаза на первыхъ ступеняхъ эволюціи, при изученіи медленнаго развитія простѣйшихъ, элементарныхъ міровоззрѣній. Поэзія была естественнымъ языкомъ всѣхъ миѳологій, она придавала жизнь и реальныя очертанія первымъ отвлеченіямъ человѣческой мысли. Искусство и супранатурализмъ, справедливо замѣчаетъ профессоръ Эспинасъ, вездѣ являются самыми тѣсными союзниками; это не могло быть иначе уже потому, что у народовъ, неспособныхъ къ развитію положительныхъ знаній, общія понятія о мірѣ и самая жизнь, стремясь выразиться внѣшнимъ образомъ, чтобы лучше выясниться, прежде всего встрѣчаютъ на своемъ пути дѣтскіе символы и чувственные образы. Народы среднихъ вѣковъ, напримѣръ, порываясь составить себѣ общее воззрѣніе на міръ и на собственную судьбу, находили живое удовлетвореніе въ созерцаніи прекрасной сцены страшнаго суда, высѣченной на камняхъ соборныхъ порталовъ. Картина, образъ былъ долго для нихъ всею философіей. [1]) Но и на высшихъ ступеняхъ умозрѣнія символическое изображеніе реальнаго, а, слѣдовательно, и поэтическое, художественное начало—доказывать этого нѣтъ надобности—не вовсе теряло свое значеніе.

Съ другой стороны, однако, существованіе многочисленныхъ точекъ соприкосновенія между творчествомъ поэзіи и творчествомъ философіи и

---

[1]) A. Espinas: La philosophie expérimentale en Italie, Paris, 1880, стр. 15.

науки не даетъ ни малѣйшаго права отожествлять эти два разряда умственной дѣятельности, или закрывать глаза на глубокое различіе, которое должно отдѣлять ихъ другъ отъ друга, несмотря на всѣ ошибки философовъ, клонившіяся именно къ уничтоженію этой естественной грани.

Основное различіе это состоитъ въ слѣдующемъ. Наука и философія, пройдя чрезъ всѣ ступени отвлеченія и достигнувъ такимъ образомъ символизаціи дѣйствительности, останавливаются, довольствуясь тѣмъ, что противопоставили общность — индивидуальности и „постоянную среднюю“ явленій — ихъ постоянной измѣнчивости. Искусство же этимъ не можетъ удовлетвориться: эстетическая цѣль какъ-разъ противоположна цѣли познавательной. Искусству нужно, сверхъ того, воплотить свою абстракцію, и его торжество, какъ извѣстно, состоитъ въ такомъ совершенномъ олицетвореніи или такой индивидуализаціи продуктовъ отвлеченія, которое могло бы, хотя только на мгновеніе, вызвать въ зрителяхъ или слушателяхъ соотвѣтствующую чувственную иллюзію. Иными словами, научныя и философскія обобщенія, какъ бы далеко они ни отстояли отъ конкретной дѣйствительности, должны всегда оставаться только обобщеніями, голыми знаками или символами реальной истины, проекціею послѣдней въ нашемъ умѣ; символизмъ же искусства имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку онъ является уже обратнымъ переходомъ отъ общаго къ индивидуальному, отъ отвлеченнаго къ конкретному, т. е. въ той именно степени, въ какой художникъ успѣваетъ создать типы или образы, въ дѣйствительности не существующіе, но могущіе произ-

весть впечатлѣніе конкретныхъ, вполнѣ реальныхъ индивидуальностей.

15. Отвлеченіе, этотъ общій источникъ всякой умственной спекуляціи и всякой поэзіи, легко принимаетъ самыя различныя формы и имѣетъ множество степеней, смотря по тому, служатъ ли ему матеріаломъ чувственныя воспріятія, или представленія, или болѣе или менѣе общія понятія [1]). Но отвлеченіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и аналитическій процессъ мысли; а такой анализъ, такое разложеніе или расчлененіе конкретныхъ явленій можно прервать въ любой его стадіи. И то, что называется эстетическимъ творчествомъ, или творчествомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, и состоитъ именно въ остановкѣ процесса отвлеченія на сравнительно болѣе низкихъ ступеняхъ его, когда онъ еще не достигъ своихъ высшихъ или кульминаціонныхъ точекъ, наиболѣе общихъ понятій или чистыхъ, голыхъ отвлеченій, — остановкѣ, которая всегда сопровождается обратнымъ, соединительнымъ или синтетическимъ процессомъ, выдвигающимъ впередъ всѣ средства воображенія.

Синтетическій поворотъ на первыхъ ступеняхъ аналитическаго процесса мышленія—вотъ что порождаетъ искусство, или составляетъ истинную сущность его. Но само собою разумѣется, что метафизика не можетъ прервать процесса отвлеченія на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ прерываютъ

---

[1]) См. выше часть вторую, главу первую. Ср. съ теоріей реальнаго и идеальнаго творчества профес. М. Троицкаго, Наука о духѣ, Москва, 1882.

его поэзія и всѣ другіе виды эстетическаго творчества. Если бъ это было возможно, метафизика, дѣйствительно, тѣсно и неразрывно слилась бы съ искусствомъ; она была бы искусствомъ, т. е. не существовала бы вовсе. Но дѣло въ томъ, что метафизика существуетъ, и, какъ всякая философія, существуетъ именно благодаря тому, что послѣдовательность и логика отвлеченія, если можно такъ выразиться, составляютъ ея верховный законъ, что она доводитъ процессы анализа и обобщенія до послѣднихъ, крайнихъ предѣловъ, въ чемъ можно легко убѣдиться на каждомъ шагу ея исторіи, и что рѣзко бросается въ глаза при всякой попыткѣ классифицировать ея многочисленныя системы. Этою основною чертою все философское (а метафизика есть несомнѣнно философія) и, скажемъ болѣе, все научное глубоко дифференцируется отъ всего эстетическаго.

Наука и философія, употребляя синтезисъ для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлями эстетическими, напримѣръ, для надобностей конкретныхъ или даже собственно прикладныхъ наукъ, не знаютъ вовсе того синтетическаго поворота съ низшихъ ступеней отвлеченія, который такъ характеренъ для пріемовъ чистаго искусства. Вотъ почему наука и философія только символизируютъ существующее и не создаютъ или не должны создавать химеръ (весьма подходящій терминъ, ибо химера древнихъ есть наглядное олицетвореніе процесса художественнаго творчества), не должны выпускать въ обращеніе ни химерическихъ типовъ, ни химерическихъ сущностей, ни химерическихъ идей и концептовъ. Когда же наука или философія начинаютъ, по образцу искус-

ства, создавать несуществующее, что́ для нихъ возможно только въ формѣ химерическихъ общихъ понятій, онѣ, очевидно, впадаютъ въ тяжкое прегрѣшеніе противъ коренныхъ условій своего существованія и, въ дѣйствительности, перестаютъ быть тѣмъ, за что́ выдаютъ себя.

Но продукты подобной сбившейся съ пути умственной дѣятельности ни мало не становятся отъ того равноцѣнны продуктамъ искусства, или дѣятельности чисто эстетической. Химерическая идея можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получить громадное значеніе въ исторіи, она можетъ сдѣлаться источникомъ большаго блага и большихъ бѣдствій, великихъ подвиговъ и величайшихъ преступленій; но все это только расширяетъ пропасть, существующую между нею и художественнымъ типомъ, все это еще болѣе уясняетъ невозможность отожествленія продуктовъ этихъ двухъ разновидностей творческаго процесса нашего духа. Философская или научная идея сильна вѣрою въ то, что она не химерична, что она не есть продуктъ чистой фантазіи; но когда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, расшатывается и мало по малу исчезаетъ подобная вѣра, идеи этого рода признаются простыми заблужденіями ума и тотчасъ же превращаются въ жалкіе нули, передъ которыми выпали произвольные знаки, придававшіе имъ нѣкогда высокую цѣну.

Другими словами, созданія метафизики сохраняютъ свое значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока на нихъ смотрятъ какъ на общія формулы, настолько вѣрно отражающія истинныя отношенія вещей, насколько точная символизація дѣйствительности вообще доступна нашимъ познавательн-

нымъ средствамъ. Утративъ же вѣру въ научную цѣнность метафизическихъ концептовъ, мы уже ничѣмъ не можемъ вознаградить себя, никакими усиліями не можемъ заставить себя взглянуть на эти концепты тѣми же глазами, какими смотримъ на полотно или мраморъ художника; ибо при всякой такой попыткѣ ярко выступаетъ внутреннее безобразіе, глубокая антиэстетичность, т. е., въ сущности, ложность метафизическихъ фикцій (95).

Напротивъ того. типъ или образъ, созданный истиннымъ художникомъ, всегда открыто признается произведеніемъ богато одаренной фантазіи послѣдняго, и это нисколько не мѣшаетъ самому типу жить въ благодарномъ воспоминаніи отдаленнаго потомства и составлять источникъ эстетическихъ наслажденій для длиннаго ряда смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Причина этого явленія очевидна: въ основѣ всѣхъ созданій искусства лежитъ истина, какъ бы преображена она ни была нашимъ воображеніемъ, — истина, т. е., по опредѣленію Спенсера [1]), точное соотвѣтствіе между отношеніями субъективными и объективными; въ основаніи же фикцій метафизики мы всегда находимъ отсутствіе такого соотвѣтствія, мы можемъ видѣть въ нихъ одно только заблужденіе. Болѣе глубокаго антагонизма между произвольными концептами философовъ и ученыхъ и созданіями искусства трудно, конечно, и представить себѣ: то, что безповоротно убиваетъ первые, составляетъ для послѣднихъ условіе жизни и процвѣтанія.

Итакъ, метафизика не можетъ сдѣлаться отраслью искусства. Этому всегда помѣшаетъ матеріалъ, съ

---

[1]) First principles стран. 90.

которымъ она имѣетъ дѣло—общія понятія и высшія отвлеченія ума, и методъ, которому, въ прямой зависимости отъ свойственнаго ей матеріала, она по необходимости должна слѣдовать. Путь искусства является уже оконченнымъ тамъ, гдѣ еще продолжается, если только не начинается, путь метафизики. Это наглядно видно на примѣрѣ служителей искусства, не умѣющихъ во время остановиться на наклонной плоскости, ведущей отъ одного отвлеченія къ другому, и продолжающихъ процессъ выбрасыванія или выключенія реальнаго тамъ, гдѣ имъ давно уже слѣдовало бы приступить къ синтетическому закрѣпленію, въ рядѣ художественныхъ образовъ, результатовъ своихъ предварительныхъ анализовъ. Такіе художники явно переходятъ за предѣлы, внутри которыхъ общимъ понятіямъ еще можно возвратить, если не естественное существованіе породившихъ ихъ конкретныхъ фактовъ, то по крайней мѣрѣ искусственную жизнь эстетическихъ типовъ; и потому въ произведеніяхъ подобныхъ художниковъ абстракціи ума такъ и остаются голыми отвлеченіями, скелетами артистическихъ созданій, не трогающими насъ, не приносящими намъ и сотой доли наслажденія, всегда доставляемаго продуктами настоящаго искусства (96).

Ш. Заключеніе. Метафизическое заблужденіе и философская истина.

16. Итакъ, съ какими главными отраслями и продуктами психической дѣятельности человѣка мы ни сравнивали бы метафизику—съ искусствомъ, наукой, философіей, основанною на результатахъ точнаго знанія, вездѣ мы приходимъ къ одному неизмѣнно-

му выводу: метафизика составляетъ заблужденіе ума, въ которое человѣчество неизбѣжно впадаетъ при наличности извѣстныхъ условій и отъ котораго освобождается лишь тогда и постольку, когда и поскольку ему удается измѣнить эти условія.

Но заблужденіе, отсутствіе точнаго соотвѣтствія между отношеніями субъективными и отношеніями объективными, т. е., въ сущности, между двумя основными разрядами нашихъ представленій и понятій, ведетъ всегда къ нарушенію естественнаго закона, а слѣдовательно и къ вѣрной гибели [1]). Не менѣе очевидно, однако, что такія суровыя послѣдствія наступаютъ лишь въ томъ случаѣ, когда умственное состояніе, не соотвѣтствующее условіямъ жизненнаго равновѣсія, слишкомъ долго не смѣняется состояніемъ прямо противоположнымъ. Въ обыкновенномъ же теченіи вещей опасность, сопровождающая продолжительное нарушеніе естественныхъ законовъ, на которыхъ основано существованіе общественныхъ и индивидуальныхъ организмовъ, сама составляетъ тотъ могущественный стимулъ, который побуждаетъ людей неустанно и во всѣхъ направленіяхъ искать истину. Это одинаково справедливо по отношенію къ наиболѣе частнымъ и къ наиболѣе общимъ заблужденіямъ человѣческаго ума. И тѣ, и другія косвенно способствуютъ, въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, установленію соотвѣтствующихъ истинъ. Заблужденіе, замѣчаетъ Ланге, играетъ въ исторіи роль формы, въ которой выливается колоколъ истины и которая немедленно вслѣдъ затѣмъ разбивается [2]). И ту же мысль,

---

1) Spencer: First principles, стр. 40.

2) Исторія матеріализма, II, стр 180.

конечно, хотѣлъ выразить и Льюисъ, когда утверждалъ, что послѣ точнаго знанія нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ точное заблужденіе [1]).

Но если путь, по которому слѣдуетъ человѣчество, усѣянъ ошибками всякаго рода, и послѣднія имѣютъ важное значеніе въ жизни и судьбѣ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что научная, т. е. основанная преимущественно на данныхъ физіологіи мозга теорія истины и заблужденія призвана оказать неоцѣнимыя услуги всякой будущей соціологіи. Нельзя, въ особенности, не настаивать на огромномъ значеніи такой теоріи для правильной оцѣнки умственныхъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ такъ называемую метафизику. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи достигнуты пока столь незначительные результаты, что мы еще сплошь и рядомъ встрѣчаемъ въ литературѣ вопроса взглядъ, признающій заблужденіе прямою и непосредственною ступенью, ведущею къ истинѣ, если даже не самою истиною, въ ея хаотическомъ, зачаточномъ состояніи; въ этомъ отношеніи профессіональные философы идутъ такъ далеко, что нерѣдко самое заблужденіе опредѣляютъ, какъ необходимый способъ познаванія (вмѣсто способа непознаванія).

17. Но откуда беретъ свое начало и къ чему ведетъ такой взглядъ? Не вдаваясь въ подробности, которыя увлекли бы насъ далеко за предѣлы настоящей работы, ограничимся здѣсь слѣдующимъ

---

[1]) History of philosophy, Vol. I, стр. 367.

краткимъ, хотя, быть можетъ, не лишеннымъ принципіальной важности разъясненіемъ.

Заблужденіе имѣетъ одинъ общій физіологическій корень съ истиною, и необходимость заблужденія не можетъ быть отрицаема. Мирясь съ этою необходимостью, какъ съ основнымъ условіемъ нашей психической и соціальной природы, мы, однако, едва-ли имѣемъ право итти далѣе, и сохранять телеологію заблужденія въ то самое время, когда всѣ другія телеологіи нами рѣшительно осуждаются и отбрасываются. Практическая польза, которую мы несомнѣнно извлекаемъ изъ нашихъ ошибокъ, есть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ ихъ теоретическая цѣлесообразность. Но именно эти два понятія постоянно и смѣшиваются между собою. А смѣшеніемъ этимъ, въ свою очередь, обусловливается и неправильный выводъ, будто иллюзіи сверхъестественнаго и трансцендентальнаго (въ силу которыхъ общее пониманіе міра, или философія, и превращается въ супранатурализмъ и метафизику) были въ свое время необходимы не только для цѣлей практической жизни, или какъ элементъ, способствовавшій образованію историческаго содержанія соціологіи, но и для развитія и преуспѣянія самой философіи. Мнѣніе это, очевидно, совершенно неосновательно: мы съ такимъ же точно правомъ могли бы утверждать, что иллюзія свободы воли, напримѣръ, была необходима не только для возбужденія и поддержанія въ человѣчествѣ, въ теченіе всего періода его юности, энергіи и другихъ практическихъ качествъ, но и для успѣшнаго развитія психологіи, разсматриваемой исключительно какъ наука!

Ежедневно и непзмѣнно повторяющееся наблю-

деніе, что истина достигается съ большимъ трудомъ, мало-по-малу, послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ ошибокъ, за прямой результатъ которыхъ она такъ часто и выдается, въ силу обычнаго паралогизма post hoc, ergo propter hoc, имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ распространеніе и усиленіе убѣжденія, что въ исторической филяціи умственныхъ продуктовъ заблужденіе всегда предшествуетъ истинѣ, составляя необходимый антецедентъ ея. Масса извѣстныхъ, хотя не глубоко анализированныхъ фактовъ, множество поверхностныхъ наблюденій говорятъ въ пользу этого взгляда Но если вопреки прямому свидѣтельству нашихъ чувствъ, астрономы, основываясь на группѣ фактовъ, ускользающихъ отъ обычнаго наблюденія, успѣли опровергнуть господствовавшіе нѣкогда взгляды на взаимныя отношенія и дѣйствительныя движенія небесныхъ тѣлъ, то не менѣе полнаго и радикальнаго переворота въ ходячихъ мнѣніяхъ можно ожидать по занимающему насъ вопросу и отъ усилій психологовъ, разъ только факты, касающіеся преемства и взаимной зависимости различныхъ разрядовъ представленій и понятій, будутъ надлежащимъ образомъ изучены и разработаны.

Говоря это, мы имѣемъ въ особенности въ виду новыя изслѣдованія въ области опытной психологіи (97), стремящіяся установить фактъ, что между субъективными и объективными ощущеніями (составляющими, вмѣстѣ взятыя, всю сумму непосредственныхъ данныхъ, изъ которыхъ образуется и вся сумма нашихъ представленій и понятій) нельзя провести какой либо прочной и неизмѣнной границы уже потому, что эти два разряда явленій отличаются другъ отъ друга единственно сте-

пенью своей физіологической или, вѣрнѣе, психо-физической сложности. Субъективныя ощущенія—болѣе простыя въ психо-физическомъ смыслѣ, а объективныя, или такъ называемыя воспріятія—въ томъ же смыслѣ несравненно болѣе сложныя. Но при такихъ условіяхъ, ничто не можетъ быть естественнѣе, какъ постоянный переходъ или превращеніе субъективныхъ ощущеній въ объективныя, и наоборотъ.

Множество причинъ чисто психологическаго и соціологическаго характера вызываютъ и обусловливаютъ эти измѣненія. Всѣ субъективныя ощущенія могутъ объективироваться, что и случается, какъ извѣстно, когда мы внимательно наблюдаемъ наши ощущенія и чувства, когда мы разсматриваемъ ихъ, какъ нѣчто внѣшнее по отношенію къ намъ самимъ и, такъ сказать, только представляемъ ихъ себѣ, только образуемъ изъ нихъ отвлеченныя понятія или идеи. И наоборотъ, всѣ объективныя ощущенія могутъ быть упрощены до такой степени, что они уже начинаютъ казаться намъ субъективными. Для этого достаточно направить силы нашего воображенія въ противоположную сторону, или вообще впасть либо въ крайности анализа, разрушающаго естественную сложность объективныхъ фактовъ, либо въ крайности синтезиса, создающаго искусственную простоту явленій посредствомъ соединенія ихъ въ нашемъ умѣ въ одно туманное, лишенное сколько нибудь опредѣленныхъ очертаній цѣлое. Вотъ почему, между прочимъ, всякое глубокое и исключительное изученіе явленій внѣшняго воспріятія, все равно, будетъ ли такое изученіе грѣшить излишкомъ анализа или неясною общностью син-

тезиса, почти неминуемо приводитъ къ философскому субъективизму, къ пониманію міра какъ представленія или идеи [1]).

Но изъ этой теоріи не трудно вывесть объясненіе взаимныхъ отношеній заблужденія и истины, которое рѣзко расходится въ своей точкѣ отправленія съ обыкновеннымъ взглядомъ. Дѣйствительно, если факты, на которыхъ основана эта теорія, справедливы, то сущность всякаго заблужденія, всякой ошибки, можетъ и должна быть сведена, въ однихъ случаяхъ, къ незаконному упрощенію сложныхъ самихъ по себѣ явленій нашего духа, а въ другихъ—къ столь же незаконному и искусственному усложненію простыхъ явленій. Но это, иными словами, значитъ, что заблужденіе не можетъ быть разсматриваемо, какъ первоначальный или самостоятельный продуктъ психической дѣятельности, какъ нѣчто, существующее независимо отъ умственныхъ операцій, которыми открывается или утверждается истина. Истина, наперекоръ наружнымъ признакамъ, всегда предшествуетъ заблужденію, которое составляетъ лишь ея своеобразное измѣненіе или искаженіе, вызываемое частью физіологическими, частью психологическими, но, въ особенности, соціологическими причинами. А потому и всякая позднѣйшая истина можетъ имѣть своимъ источникомъ лишь истину первоначальную, а не то временное затмѣніе послѣдней, которое, какъ было замѣчено выше, только тогда и постольку становится побужденіемъ къ возвращенію вспять, на старый путь (на которомъ есте-

---

1) Souriau Les sensations et les perceptions; Revue philosophique, 1883, томъ XVI, стр. 80—81

ственно возстанавливается реальная филіація между неполною или уже забытою истиною прошедшаго и группою новыхъ открытій), когда и поскольку это затмѣніе само угрожаетъ общему или частному благосостоянію явною, т. е. уже сознанною опасностью.

Итакъ, путь, ведущій къ истинѣ и путь, приводящій къ заблужденію, имѣютъ всегда одну и ту же точку исхода; это—два параллельные процесса, изъ которыхъ первый долженъ считаться нормальнымъ собственно потому, что онъ сохраняетъ за продуктами нашей психической дѣятельности ихъ естественную, обусловливаемую глубокими психо-физическими причинами сложность или простоту, а послѣдній долженъ признаваться нарушающимъ основы нашего умственнаго равновѣсія потому, что онъ измѣняетъ естественныя отношенія между субъективными и объективными явленіями духа, вызывая искусственное превращеніе однихъ въ другія и вообще порождая смѣшеніе ихъ между собою.

Не лишнее также будетъ, мимоходомъ, указать здѣсь на то, что характеризованная выше въ общихъ чертахъ психологическая теорія вполнѣ согласуется съ основами нашей классификаціи философскихъ системъ прошедшаго. Изъ теоріи этой, дѣйствительно, легко усмотрѣть, почему самыя разнообразныя философскія заблужденія по необходимости сводятся къ двумъ главнымъ типамъ—одностороннему субъективизму идеалистовъ и столь же одностороннему объективизму матеріалистовъ, — типамъ, къ которымъ, какъ третій характерный, но уже производный типъ, тѣсно примыкаетъ сенсуализмъ, или попытка найти равнодѣйствующую двухъ первыхъ

крайностей и примирить ихъ въ высшемъ синтезисѣ Очевидно, что наша историческая классификація философскихъ заблужденій вѣрна уже потому, что она въ самомъ корнѣ своемъ совпадаетъ съ психологической классификаціей всякихъ иллюзій и ошибочныхъ заключеній человѣческаго ума вообще (97 bis).

18. Но если все сказанное выше вѣрно, то вопросъ объ отношеніяхъ философіи прошедшаго къ философіи наукъ, или вопросъ объ истинномъ генезисѣ новаго міропониманія, мало по малу вытѣсняющаго отовсюду метафизическій способъ объясненія совокупности явленій, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что источникомъ, прямымъ и реальнымъ антецедентомъ научной философіи является не метафизика, въ какомъ бы то ни было видѣ, а группа тѣхъ научныхъ или частныхъ истинъ, которыя нѣкогда легли въ основу метафизической философіи, которыя служили ей точками исхода и опоры въ теченіе всей ея исторіи и которыя она, въ силу глубокихъ психическихъ и, въ особенности, соціологическихъ причинъ, постоянно и систематически извращала. Метафизика не могла бы считаться заблужденіемъ человѣческаго ума, если бъ она не имѣла одной и той же точки отправленія съ философіей наукъ, и послѣдняя, въ свою очередь, не могла бы выдаваться за истину, если бъ у нея не было этой общности происхожденія съ заблужденіемъ, которое всегда завѣдомо преслѣдовало одну съ нею цѣль и такъ долго удовлетворяло одной съ нею потребности нашей духовной организаціи. Достаточно простого взгляда на сравнительную исторію спеціальныхъ наукъ и философскихъ си-

стемъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что наиболѣе крупные факты этой исторіи вполнѣ подтверждаютъ такой выводъ.

Спеціальныя науки несомнѣнно зародились и начали развиваться ранѣе какой-бы то ни было философіи. „Если науки и выступили прежде всего съ наблюденіями будничной жизни, справедливо замѣчаетъ одинъ нѣмецкій философъ [1]), и если онѣ долго состояли исключительно изъ отрывочныхъ и неточныхъ понятій и законовъ, то все же нельзя отрицать и того, что именно науки должны были подготовить почву для философіи, что именно онѣ должны были собрать для нея матеріалъ и привести его въ нѣкоторый порядокъ, прежде чѣмъ философія могла дѣйствительно приступить къ своей задачѣ. Отдѣльныя науки, въ силу своей замкнутости внутри той или другой спеціальной области, должны были пріостанавливаться дальнѣйшимъ развитіемъ общихъ понятій всякій разъ, когда такое развитіе заставляло ихъ перешагнуть въ сосѣднія области; а такъ какъ всѣ науки имѣли границы, которыя переступить онѣ не могли, не переставая быть самими собою, то цѣлая обширная область знаній оставалась неразработанною и свободною. Эту область могла изслѣдовать только наука, воспринявшая въ себя общіе результаты всѣхъ остальныхъ; и вотъ этою единственною въ своемъ родѣ наукою и сдѣлалась философія, предметомъ которой, такимъ образомъ, являются высшіе законы бытія и знанія". Мы совершенно согласны съ основною мыслью цитиро-

---

[1]) Kirchmann: Katechismus der Philosophie, Leipzig, 1881, стр. 5.

ваннаго сейчасъ автора и готовы принять его опредѣленіе философіи, распространяя его одинаково на метафизику и научную философію и сдѣлавъ въ немъ лишь немногія, хотя существенно важныя поправки, указанныя нами въ своемъ мѣстѣ [1]), касательно различія между спеціальнымъ знаніемъ явленій и общимъ пониманіемъ ихъ совокупности. Такимъ образомъ, мы не затрудняемся признать, что метафизика, и по своему происхожденію, и по своей цѣли представляется намъ стремленіемъ или усиліемъ мысли совершенно тождественнымъ съ тѣмъ, какое представляетъ собою и философія наукъ; однако это нисколько не мѣшаетъ намъ видѣть въ первой заблужденіе ума или такое стремленіе его, которое, по многимъ причинамъ, не могло увѣнчаться успѣхомъ, а во второй—возможную истину будущаго или усилие мысли, которое, наконецъ, приведетъ насъ къ первоначально намѣченной цѣли. Но и въ этомъ смыслѣ метафизика, очевидно, сохраняетъ приданное ей нами, по другимъ соображеніямъ, значеніе философіи незнанія.

---

[1]) См., напримѣръ, часть 2-ую, гл. 4-ую

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ГЕНЕЗИСЪ ФИЛОСОФІИ НАУКЪ И ЗНАЧЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ФИЛОСОФІИ (НАУЧНО-ФИЛОСОФСКІЯ СИСТЕМЫ НАШЕЙ ЭПОХИ).

Научное міропониманіе. — **2.** Различіе между понятіемъ о „развитіи“ и понятіемъ объ „установленіи“. Генезисъ отвлеченныхъ наукъ.—**3.** Ошибочность обычнаго взгляда на философію и ея отношеніе къ наукѣ.—**4.** Научно-философскія системы.—**5.** Аподиктическая точка зрѣнія. Позитивизмъ и его задачи. — **6.** Идеальное, или абсолютное, и реальное, или условное и относительное, единство явленій. — **7.** Историческая точка зрѣнія. Ослабленное успѣхами знанія вліянье закона метафизической односторонности (закона трехъ типовъ). — **8.** Завершеніе ряда отвлеченныхъ наукъ группою описательныхъ отраслей знанія и значеніе этого факта въ эволюціи философской мысли. — **9.** Методологическая точка зрѣнія. Новѣйшій матеріализмъ. —**10.** Эклектическія и охранительныя стремленія. Причины, обусловливающія колебанія современной мысли. — **11.** Философскій языкъ и философскіе нравы. — **12.** Условія образованія отрицательныхъ концептовъ.—**13.** Научно-философскія системы, какъ переходная ступень отъ метафизики къ философіи наукъ. — **14.** Средства и цѣли въ области философіи. Два камня преткновенія: односторонность точекъ исхода и гипотетичность выводовъ. Всеобщая и специальная причинность.

1. Опираясь на собранный въ этомъ трудѣ фактическій матеріалъ и на общіе выводы наши относительно законовъ, управляющихъ развитіемъ философской мысли, попробуемъ теперь, въ послѣдней главѣ настоящей книги, ближе подойти къ рѣшенію задачи, огромное значеніе которой бросается въ глаза. Мы разумѣемъ вопросъ о генезисѣ или процессѣ образованія научнаго пониманія міра, въ связи съ вопросомъ о роли, естественно выпадающей въ этомъ движеніи на долю современныхъ попытокъ философской систематизаціи наличныхъ знаній.

Изъ разсмотрѣнныхъ въ предыдущемъ изложеніи соціологическихъ данныхъ вытекаетъ одно, трудно оспариваемое заключеніе.

Оно состоитъ въ томъ, что научнаго объясненія міра нельзя искать въ прошломъ философіи, въ которомъ такой широкій синтезисъ не могъ возникнуть уже по той простой причинѣ, что многія основныя науки не были еще установлены, и рядъ отвлеченныхъ наукъ являлся неполнымъ, незавершеннымъ. Медленное пріумноженіе знаній, постепенное наростаніе частей одного общаго цѣлаго сопровождалось, очевидно, не какимъ-либо яснымъ пониманіемъ этого цѣлаго или совокупности его частей, а лишь смутнымъ стремленіемъ подвести имъ итогъ, или болѣе или менѣе безплодными попытками опредѣлить искомую сумму, въ отсутствіи точнаго знанія всѣхъ ея слагаемыхъ. Эти попытки и составляютъ содержаніе всякой философіи прошедшаго, т. е. всѣхъ супранатуралистическихъ ученій и всѣхъ метафизическихъ системъ. Представляя собою нѣчто, въ научномъ смыслѣ, гораздо менѣе цѣнное, чѣмъ самая малая доля истины, абсолют-

ные концепты философіи были, въ сущности, временными заблужденіями человѣческаго ума. Съ другой стороны, однако, въ силу историческихъ условій развитія, резюмированныхъ нами въ законѣ трехъ типовъ метафизики, эти заблужденія постоянно и неразрывно, и въ лицахъ, и въ системахъ, соединялись съ частною научною истиною. А такое соединеніе, въ свою очередь, всегда было и до сихъ поръ остается одною изъ главныхъ причинъ, порождающихъ ту особаго рода умственную иллюзію, которая побуждаетъ насъ видѣть въ метафизикѣ непосредственную родоначальницу научной философіи.

2. Въ области точнаго знанія мы уже пріучились различать „развитіе“ отъ „установленія“. Установленіе науки есть понятіе вполнѣ опредѣленное, вмѣщающее въ себѣ два признака: отысканіе спеціальнаго метода (а не одного только общаго, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Бэкона) и раскрытіе, помощью этого, впервые прилагаемаго орудія, такихъ отношеній между явленіями, которыя были-бы достаточно постоянны, чтобы служить надежными точками исхода при дальнѣйшемъ изслѣдованіи того же разряда фактовъ. Установленіе науки, слѣдовательно, равносильно не только обрѣтенію метода, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опытному доказательству его специфической пригодности. Вполнѣ очевидно, однако, что то же различеніе приложимо и къ философіи наукъ, которая могла развиваться въ указанномъ выше смыслѣ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, не будучи вовсе установлена, и нѣтъ надобности доказывать, что самое установленіе ея не могло предшествовать оконча-

тельному введенію соотвѣтствующихъ спеціальныхъ методовъ въ изученіе всѣхъ элементарныхъ, несводимыхъ разрядовъ явленій, или всѣхъ факторовъ мировой эволюціи.

Философія прошедшаго, разсматриваемая какъ такая фаза въ развитіи философіи вообще, которая естественно состояла изъ цѣлаго ряда ошибочныхъ заключеній человѣческаго ума, была, само собою разумѣется, совершенно неизбѣжна; но необходимость ея, обусловливаемая историческимъ ходомъ развитія спеціальныхъ знаній, не даетъ еще ни малѣйшаго права,—какъ мы и старались доказать это въ предыдущей главѣ — ставить заблужденія метафизики въ непосредственную причинную связь съ позднѣйшею философскою истиной. Прямымъ источникомъ философіи наукъ, въ силу самаго опредѣленія ея, являются не метафизическія системы, а отвлеченныя науки и ихъ спеціальныя философіи.

Тотъ же фактъ характеризуетъ и развитіе отдѣльныхъ наукъ, которыя всѣ ведутъ свое начало не отъ занимавшихъ нѣкогда ихъ мѣсто ошибокъ и ложныхъ объясненій, а отъ доказанныхъ истинъ непосредственно предшествующихъ имъ отраслей знанія.

Намъ уже приходилось указывать на эту особенность научной эволюціи. Химію произвела не алхимія, а физика и механика; астрономію породила не астрологія, а механика и математика, біологія возникла не изъ господствовавшихъ когда-то нелѣпыхъ представленій о строеніи и отправленіяхъ организмовъ, а непосредственно изъ первыхъ прочныхъ завоеваній химіи; соціологія, въ свою очередь, вышла и развилась не изъ

„Республики“ Платона, не изъ „Политики“ Аристотеля, не изъ бывшихъ въ ходу въ средніе вѣка понятій объ обществѣ и его задачахъ, и еще менѣе изъ теорій Вико, Руссо или энциклопедистовъ, а изъ немногихъ основныхъ истинъ біологіи; психологія, наконецъ, не рудиментарная и абстрактная психологія индивидуальныхъ организмовъ, всецѣло входящая въ составъ біологіи, а сложная и конкретная психологія человѣка въ общественномъ союзѣ, получаетъ на нашихъ глазахъ свое первоначальное научное обоснованіе не изъ рукъ психологовъ старыхъ школъ или философовъ, возводившихъ эту отрасль человѣческаго знанія на степень фундамента и исходной точки всякаго рациональнаго міропониманія, а изъ несравненно болѣе скромныхъ попытокъ современныхъ изслѣдователей соціологическихъ и біо-психическихъ явленій (98, 99 и 100).

3. Воззрѣніе на философію, какъ на простой продуктъ, какъ на необходимый, хотя крайне медленно созрѣвающій плодъ всей суммы человѣческаго знанія, или убѣжденіе, что общее пониманіе міра не только должно представлять пробѣлы — послѣдніе всегда будутъ неизбѣжными спутниками всякаго знанія и всякой философіи (100 bis),—но должно по необходимости оставаться превратнымъ и ошибочнымъ до тѣхъ поръ, пока не завершится циклъ отвлеченныхъ, основныхъ наукъ, пока изъ нѣдръ послѣднихъ самопроизвольно не возникнетъ рядъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ философій и пока, наконецъ, оба наслоенія теоретической мысли (и спеціальное знаніе, и философія спеціальнаго знанія) не явятся естественною почвой, на кото-

рой крѣпко укоренится философское обобщеніе, — такое воззрѣніе и такое убѣжденіе идутъ прямо въ разрѣзъ съ обычнымъ взглядомъ на философію и ея задачи. Согласно ходячему мнѣнію, философія есть нѣчто, всегда стоявшее и теперь еще стоящее рядомъ съ наукою, всегда развивавшееся параллельно точному знанію и долженствующее и впредь сохранить, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ, то же самостоятельное положеніе.

Но именно въ этомъ представленіи о самостоятельной роли философіи (если даже не о ея верховномъ, руководящемъ значеніи) мы не можемъ не видѣть особенно знаменательнаго и характеристическаго заблужденія. Въ указанную ошибку впадали рѣшительно всѣ философы. Никто изъ нихъ не избѣгъ иллюзіи, лежащей въ глубокой основѣ разсматриваемаго взгляда и побуждающей насъ въ великой тѣни, которую прошедшее бросаетъ на будущее, признавать точный обликъ послѣдняго, или считать и впредь, вопреки измѣнившимся условіямъ, необходимымъ и нормальнымъ то, что нѣкогда, хотя и въ другомъ причинномъ сочетаніи, дѣйствительно было таковымъ (101).

Рядомъ съ положительнымъ знаніемъ стояла всегда не философія, не то, что еще должно было возникнуть, не очевидный и необходимый результатъ завершенія цикла наукъ, а нѣчто другое, — что было послѣдствіемъ первоначальнаго отсутствія многихъ наукъ, что не могло исчезнуть съ первыми проблесками, ни даже съ значительными успѣхами знанія отрывочнаго, не согласованнаго въ своихъ частяхъ, не организованнаго въ одно сомкнутое и вмѣстѣ строго расчлененное цѣлое. Рядомъ съ наукою существовало всегда пониманіе

міра ошибочное, ложное въ общихъ чертахъ, а иногда и въ частностяхъ, построеніе природы субъективно-фантастическое и исполненное скрытыхъ противорѣчій, несмотря на логическую плавность, съ которою гипотетическія и непровѣряемыя заключенія вытекали въ немъ изъ гипотетическихъ же и непровѣряемыхъ посылокъ. Но если терминъ наука теперь уже болѣе не употребляется, какъ прежде, для обозначенія прямо противоположныхъ вещей, знанія и незнанія, то и слово философія могло бы также не употребляться болѣе для обозначенія и результата незнанія, и результата знанія. Этотъ явный паралогизмъ начинаетъ уже смутно сознаваться многими умами. Съ различныхъ сторонъ громко заявляется, что невозможно одинаково видѣть философію и въ метафизикѣ, и въ тѣхъ системахъ, которыя заявляютъ нынѣ притязаніе на значеніе міровоззрѣній, основанныхъ исключительно на данныхъ науки (102).

Какъ бы то ни было, впрочемъ, текущій историческій періодъ —повторяемъ еще разъ—принадлежитъ почти исключительно мнѣніямъ, имѣющимъ весьма мало общаго съ выставленнымъ здѣсь тезисомъ. На философію все еще продолжаютъ смотрѣть какъ на давно существующую и, въ сущности, даже старѣйшую отрасль человѣческаго знанія При этомъ одни — охранители и хвалители древнихъ формъ отвлеченнаго мышленія — утверждаютъ, что философія именно въ настоящее время достигла того зрѣлаго и мужественнаго возраста, когда всякія глубокія измѣненія становятся все менѣе и менѣе осуществимыми, а, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, перестаютъ быть и желательными. Другіе же — новаторы и противники историческихъ

воплощеній философской мысли—стараются увѣрить, что философія гораздо старше, что она уже дошла до крайнихъ предѣловъ своего историческаго развитія, что ей остается только подвергнуться неизбѣжной участи всего существующаго; но, покидая сцену исторіи, прежняя философія, по ихъ мнѣнію, исчезаетъ не совсѣмъ: она возрождается въ эпигонахъ, соединенныхъ съ нею кровною связью, — въ научныхъ системахъ нашей эпохи. Ни тѣ, ни другіе, ни охранители, ни новаторы, такимъ образомъ, не хотятъ видѣть въ философіи дисциплины, еще имѣющей возникнуть и вырости изъ данныхъ, которыя сами пока отличаются крайней новизною и частью полнѣйшей неразработанностью. Ни тѣ, ни другіе не хотятъ признать, что философіи еще предстоитъ почерпнуть свое начало и свои жизненныя силы изъ родниковъ и источниковъ, которые не могли сослужить ей этой службы въ прошедшемъ уже потому, что главнѣйшіе изъ нихъ (соціологія и психологія) и теперь находятся въ процессѣ медленнаго образованія. Однимъ словомъ, никто не даетъ себѣ труда перейти отъ связи внѣшней, формальной и, можно сказать, словесной, къ связи внутренней, находящейся въ явномъ противорѣчіи съ обычною терминологіей; никто не старается глубже вникнуть въ дѣйствительную филіацію разсматриваемыхъ явленій. Тщательный анализъ послѣдней, однако, необходимо привелъ бы къ заключенію, что если такъ называемая научная философія и можетъ быть построена на развалинахъ метафизики, то лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ главныя и существенныя части новаго зданія не вошло ни одного стараго камня, ни

одного обломка прежнихъ міропониманій (103 и 104).

4. Здѣсь самъ собою возникаетъ вопросъ о современныхъ научно-философскихъ системахъ. Какую роль играютъ эти попытки въ общемъ ходѣ эволюціи философской мысли? Или въ чемъ состоитъ главное и существенное отличіе этихъ стремленій, съ одной стороны—отъ метафизики, а съ другой—отъ философіи наукъ?

На вопросѣ этомъ стоитъ остановиться. Отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ и усвоеніе себѣ правильнаго взгляда на то, чѣмъ можетъ и должна быть будущая философія наукъ, и какого рода препятствія еще лежатъ на пути ея прочнаго установленія и окончательнаго торжества.

На роль и значеніе современнаго движенія въ области философской мысли можно взглянуть съ двухъ точекъ зрѣнія. Изъ нихъ одна не только откроетъ намъ различное пониманіе задачи философіи научно-философскими системами и позволитъ намъ распредѣлить послѣднія на двѣ главныя группы, но и дастъ намъ возможность установить относительный и условный характеръ той полноты міропониманія и того единства явленій, которыя составляютъ общую, завѣтную цѣль и метафизики, и научной философіи. Другая же точка зрѣнія раскроетъ намъ истинное отношеніе современныхъ системъ къ основнымъ формамъ философіи прошедшаго — матеріализму, идеализму и сенсуализму, и объяснитъ намъ глубокое вліяніе, оказанное на всю совокупность философскаго развитія такимъ крупнымъ фактомъ научной эволюціи, какъ возникновеніе новой груп-

пы наукъ (біологія, соціологія и различныя отрасли ихъ).

5. Станемъ же сначала на первую точку зрѣнія, которую можно назвать аподиктической, въ отличіе отъ второй, или исторической.

Большинство современныхъ философовъ охотно соглашается съ тѣмъ, что философія сдѣлаетъ крупный шагъ впередъ, когда окончательно перестанетъ выводить пониманіе мира изъ собственнаго сознанія мыслящаго субъекта. Но—не безъ оттѣнка ироніи прибавляютъ при этомъ современные философы—господство субъективнаго метода въ философіи никогда не прекратится, если присущая человѣческому разуму потребность единства не найдетъ себѣ, помимо философіи,какого-нибудь другого выхода, другого способа удовлетворенія. И это просто потому, что мы организованы не только для знанія, но и для поэзіи, для построенія системъ, такъ что, говоря словами Ланге, человѣчество всегда съ новою радостью будетъ привѣтствовать творцевъ фиктивнаго единства вещей, всегда будетъ готово поклониться имъ [1]) ... Не будемъ развивать дальше этого воззрѣнія, съ которымъ мы уже достаточно ознакомились въ предыдущихъ главахъ. Не будемъ также настаивать на вопіющемъ противорѣчіи, заключающемся въ утвержденіи, что философія достигнетъ максимума своихъ успѣховъ тогда, когда перестанетъ существовать въ томъ единственномъ видѣ, въ какомъ она была возможна до сихъ поръ. Не будемъ, наконецъ, доказывать еще разъ, что противорѣчіе это всего чаще принимаетъ

[1]) Исторія матеріализма, т. I, стр. 82.

форму отрицанія у цѣлаго разряда умственныхъ явленій всякаго теоретическаго, и признанія за ними лишь этическаго и художественнаго значенія, т. е. признанія практической цѣнности теоретическаго нуля [1]). Но спросимъ себя только, какъ смотрятъ на необходимость и законность философскаго субъективизма, уже не для прежняго времени, а для нашей эпохи, главные представители такъ называемой научной философіи?

Именно по этому вопросу между приверженцами современныхъ научно-философскихъ системъ обнаруживается расколъ, рѣзко выступаетъ антагонизмъ между одною группою системъ, которую можно обозначить названіемъ „позитивизма“, и всѣми прочими. Несмотря на общую почву, или на согласное указаніе на такую почву — науку, позитивизмъ въ обширномъ смыслѣ слова, съ одной стороны, и всѣ остальныя системы съ другой заняли въ спорѣ о конечномъ назначеніи философіи прямо обратныя положенія. Противоположность эта начинаетъ все болѣе и болѣе входить въ общее сознаніе, и притомъ въ слѣдующей формѣ. Позитивизмъ не удовлетворяетъ нѣкоторымъ основнымъ стремленіямъ нашего духа: въ немъ слишкомъ ощутительно отсутствіе той поэзіи, которая порождается потребностью единства и составляетъ, въ свою очередь, прямой источникъ философскаго зодчества въ области общихъ понятій. Ergo, позитивизмъ—не философія, заключаютъ и противники его, и толпа, которой онъ дѣйствительно не даетъ того, чего она ищетъ.

---

[1]) См. часть II, главу пятую, и часть III, главу вторую и третью.

Остальныя научно-философскія системы, напротивъ того — это ихъ общая черта, родовое отличіе, — „пользуются всѣми результатами культуры своего времени, чтобы создать единство міра и умственной жизни, недоступное научному знанію“[1]). Съ этою цѣлью въ прежнихъ системахъ дѣлаются всевозможныя исправленія; въ составъ старой философіи допускаются новые и частью противорѣчивые тезисы; къ философскому мышленію, наконецъ, прилагаются и различные научные пріемы, однако, безъ всякой предварительной спеціализаціи ихъ, — и естественнымъ результатомъ является то, что въ философію чрезъ другія двери снова вводится методъ a priori. Заимствуя у позитивизма все, что только можно заимствовать у него, не теряя права заниматься и метафизическою архитектоникою общихъ понятій, послѣдователи научной философіи конца XIX-го столѣтія почти цѣликомъ воспринимаютъ въ свои системы и лучшую часть прежнихъ обобщительныхъ попытокъ — матеріализмъ и сенсуализмъ. Болѣе сурово они относятся только къ идеализму, отъ котораго у нихъ остается лишь первенствующая роль, которую всѣ они отводятъ въ своихъ гипотезахъ теоріи познаванія. Они—эклектики и энциклопедисты по необходимости или потому, что это также составляетъ одно изъ главныхъ требованій и одинъ изъ главныхъ результатовъ достигнутой ими степени философскаго развитія. Словомъ, за исключеніемъ позитивизма, всѣ другія научно-философскія системы, какого-бы направленія онѣ ни держались, догматическаго,

---

[1]) Lange, op. cit., т. I стр. 82.

какъ эволюціонная и большая часть монистическихъ теорій, или строго-критическаго, вполнѣ отвѣчаютъ программѣ, начертанной однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей ихъ: современное философское зданіе онѣ сооружаютъ въ современномъ вкусѣ, современными средствами, изъ современнаго матеріала.

Таковъ, въ существенныхъ чертахъ, рѣшительно господствующій нынѣ взглядъ на взаимныя отношенія позитивизма и другихъ научно-философскихъ системъ. И это общее мнѣніе мы признаемъ какъ нельзя болѣе справедливымъ.

Позитивизмъ — уже не философія въ прежнемъ и обычномъ смыслѣ слова; но онъ еще и не философія наукъ, ибо въ противномъ случаѣ рядомъ съ нимъ не могли бы существовать другія научно-философскія системы. Коренному измѣненію философскаго вкуса, установленію истиннаго философскаго метода, словомъ, образованію философіи наукъ мѣшаетъ прежде всего недостаточность и неразработанность современнаго научнаго матеріала, — фактъ, все болѣе и болѣе бросающійся въ глаза. Вотъ почему и позитивизмъ является только необходимымъ предвѣстникомъ грядущей систематизаціи знанія, указателемъ ея теоретической необходимости, если не близкаго практическаго осуществленія. Онъ—представитель уже ставшаго возможнымъ будущаго; и эту роль онъ долженъ всячески стараться сохранить. Онъ долженъ помнить, что насколько въ настоящее время существуетъ потребность полнаго или окончательнаго объединенія еще неполнаго или отрывочнаго знанія, потребность эта будетъ въ достаточной мѣрѣ удовлетворена другими научно-фило-

софскими системами. Съ своей же стороны, позитивизмъ долженъ ограничиться одною задачей: все болѣе и болѣе расчищать путь предъ философіей наукъ, прибѣгая для того къ слѣдующимъ двумъ главнымъ средствамъ. 1) умноженію наличнаго научнаго матеріала, въ особенности въ области біологіи, соціологіи и психологіи; и 2) установленію и разработкѣ полнаго ряда спеціальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ. Въ противномъ случаѣ позитивизмъ, очевидно, пересталъ бы отвѣчать своему назначенію и сдѣлался бы такою же научно-философскою системою, какъ всѣ остальныя[1]) (105).

6. Итакъ, главное назначеніе позитивизма состоитъ въ томъ, чтобы дальнѣйшею разработкой отвлеченныхъ наукъ и ихъ спеціальныхъ философій приблизить время, когда отъ нынѣшняго міропониманія или полупониманія можно будетъ перейти къ полному и ясному созерцанію общей связи или единства всѣхъ явленій.

Но эта будущая, эта искомая полнота и ясность міропониманія, какъ и конечная цѣль послѣдняго — синтетическое единство явленій, всегда останутся понятіями въ высшей степени относительными. Таково основное свойство и таковъ уже неизмѣнный характеръ всѣхъ нашихъ идей и концептовъ, и на этотъ счетъ опасно было бы предаваться какимъ бы то ни было иллюзіямъ. Философія имѣетъ своимъ объектомъ единство явленій, и въ этомъ смыслѣ составляетъ сама ихъ высшій синтезисъ,—это не подлежитъ сомнѣнію; но не менѣе вѣрно и то, что она не должна ставить себѣ

---

[1]) См. Соціологія, стр. 361—2.

цѣлью чистое, безусловное единство, которое есть голое отвлеченіе, простой flatus vocі, а не выраженіе истинной природы вещей. Такого абсолютнаго единства достигнуть не трудно; оно легко давалось въ руки мыслителю даже въ эпохи круглаго научнаго невѣжества; примѣромъ тому и доказательствомъ служатъ самыя знаменитыя системы метафизики. Напротивъ того, единство, которое всего труднѣе схватывается въ безконечномъ разнообразіи фактовъ и точекъ сравненія, которое всего болѣе ускользаетъ отъ самыхъ напряженныхъ усилій отвлеченной мысли, есть всегда единство въ высшей степени условное и относительное. Но только оно и составляетъ достойный объектъ стремленій и помысловъ, направленныхъ къ окончательному торжеству научнаго, то есть наиболѣе совершеннаго и яснаго изъ всѣхъ возможныхъ пониманій міра.

О такомъ пониманіи, или о философіи наукъ, должно, въ концѣ концовъ, сказать то же самое, что новѣйшая психологія утверждаетъ о сознаніи, этомъ экстрактѣ или сокращеніи безконечной вереницы нервныхъ процессовъ, образующихъ въ каждый данный моментъ наше „я“: сознаніе есть координація, приведеніе въ порядокъ, процессъ, ведущій къ единству, но не само единство. И наше я, наша личность постоянно колеблется между двумя крайними точками, достигнувъ которыхъ, она перестаетъ существовать—между чистымъ или абсолютнымъ единствомъ всѣхъ представленій и понятій, и чистою или абсолютною инкоординаціей ихъ [1]). Отдѣльное пониманіе и объясненіе каждаго

---

[1]) См. Ribot: Les bases intellectuelles de la personnalité, Revue philos., Octobre 1884, стр. 446.

разряда фактовъ — вотъ задача спеціальныхъ наукъ; общее, связное и въ этомъ только смыслѣ нераздѣльное пониманіе всей совокупности явленій — вотъ задача философіи, то есть, координаціи нашихъ знаній или, буквально, сознанія ихъ, какъ частей одного неразрывнаго цѣлаго. Само собою разумѣется, однако, что переходя отъ изолированныхъ или разрозненныхъ представленій и понятій къ строй нымъ или прочно организованнымъ группамъ концептовъ, къ цѣлымъ областямъ знаній, мы не можемъ выйти изъ самихъ себя, не можемъ перестать быть самими собою. А потому естественно, что и на вершинахъ философскаго отвлеченія, или въ той области, гдѣ должно происходить послѣднее объединеніе результатовъ спеціальныхъ наукъ, мы не можемъ поступать иначе, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда мы что-либо сознаемъ или, что, въ сущности, одно и то же, что-либо приводимъ къ единству. Мы и тутъ, подъ страхомъ лишиться именно того, чего мы ищемъ, подъ опасеніемъ попасть не въ цѣль, а выше или ниже ея, должны одинаково остерегаться и абсолютнаго объединенія явленій, и оставленія ихъ въ первоначальномъ или исходномъ, хаотическомъ состояніи.

О послѣдней опасности, впрочемъ, не можетъ быть рѣчи по отношенію къ какой-бы то ни было философской системѣ. Къ этому виду потери сознанія ни одна философія никогда не обнаруживала ни малѣйшей склонности. Что же касается первой опасности, или полнаго поглощенія всего содержанія сознанія одною руководящей идеей, однимъ верховнымъ концептомъ, то въ этомъ отношеніи

примѣръ апріорной философіи особенно поучителенъ. Сводя всѣ явленія къ абсолютному преобладанію вещества, или ощущенія, или идеи, метафизика давала намъ лишь голый остовъ, лишь отвлеченную формулу единства; она переносила и насильно удерживала насъ на одной изъ тѣхъ крайнихъ точекъ, на которыхъ, согласно ученію современныхъ психологовъ, исчезаетъ въ дѣйствительности всякое реальное сознаніе вещей, а съ нимъ вмѣстѣ теряется и всякая возможность реальнаго, т. е. относительнаго, объединенія ихъ.

Но нѣтъ надобности проводить далѣе эту параллель между индивидуальнымъ сознаніемъ каждаго изъ насъ и тѣмъ особымъ видомъ *сознанія совокупности нашего знанія*, которое называется *философіей*. Нѣтъ надобности настаивать на томъ, что физіологическія и психическія основы перваго явленія составляютъ ео ipso, или даже a fortiori, и основы второго. Нѣтъ, наконецъ, нужды доказывать, что если кульминаціонная точка явленій перваго рода естественно лежитъ между крайностями абсолютнаго единства и безусловнаго хаоса, то и *высшая форма* явленій второго рода, или *философія наукъ*, подчиняется, по необходимости, тому же закону. Все это, по крайней мѣрѣ для насъ, достаточно очевидно, какъ очевидно и то, что позитивизмъ не ошибается, противополагая неудовлетворительную, во многихъ отношеніяхъ, координацію общихъ результатовъ отвлеченныхъ наукъ формально болѣе совершенному, но за то фиктивному и безплодному единству архитектурной, поэтической или *вольной* философіи.

Мы глубоко увѣрены въ томъ, что философія

наукъ еще болѣе подчеркнетъ и усилитъ эту противоположность. Мы убѣждены и въ томъ, что только на этомъ пути спокойнаго, чтобы не сказать покорнаго, слѣдованія по пятамъ спеціальнаго знанія и его неторопливыхъ обобщеній,—а не на какомъ-либо другомъ, и въ особенности не на пути ничѣмъ не регулируемой, кромѣ требованій эстетическаго чувства, философской фантазіи и ея суетныхъ забѣганій впередъ,—можетъ, наконецъ, быть достигнуто реальное единство явленій, или полное и ясное пониманіе ихъ общей связи между собою (106). Добавимъ еще, что если все сказанное сейчасъ справедливо, то вопросъ о соединимости въ одномъ высшемъ синтезисѣ идеальнаго, или абсолютнаго, и реальнаго, или относительнаго, единства міровыхъ процессовъ — эта квадратура круга философовъ—является научно вполнѣ исчерпаннымъ; ибо, какъ замѣтилъ уже Дидро [1]), всякая задача должна считаться окончательно рѣшенною, когда доказано, что разрѣшеніе ея невозможно (107).

7. Заключенія, къ которымъ мы сейчасъ пришли, ни мало не измѣнятся, если мы теперь станемъ на историческую точку зрѣнія и при помощи немногихъ, наиболѣе выдающихся фактовъ прошлаго философіи постараемся освѣтить обѣ стороны занимающаго насъ вопроса, т. е. и отношенія современныхъ системъ къ основнымъ видамъ прежней философіи, и отношенія ихъ къ едва зарождающейся философіи наукъ.

---

[1]) Въ своей запискѣ о теоріи музыки, читанной во франц. Академіи наукъ въ 1777 году.

Развитіе знанія въ обширномъ смыслѣ слова,— вотъ могущественный соціологическій факторъ, который постоянно управляетъ эволюціей философскихъ идей. И извѣстный читателямъ законъ трехъ типовъ метафизики является лишь историческимъ выраженіемъ дѣйствія этого фактора въ эпоху, отличавшуюся неполнотою и пробѣлами не въ частностяхъ, а въ основныхъ чертахъ, въ самомъ планѣ научнаго зданія. Отсюда слѣдуетъ, что матеріализмъ, идеализмъ и сенсуализмъ, въ ихъ чистомъ видѣ, — формы философіи, которыя въ наше время составляютъ анахронизмъ, аномалію или даже явленіе регрессивнаго характера. Философскія односторонности эти возможны въ настоящую минуту лишь постольку, поскольку приверженцы ихъ не стоятъ на высотѣ нынѣшняго уровня науки, или намѣренно, въ своемъ стремленіи объяснить міръ, какъ одно цѣлое, не хотятъ принять во вниманіе общаго итога современныхъ знаній. Въ виду же этого итога, въ которомъ науки самыхъ сложныхъ явленій начинаютъ играть все болѣе и болѣе выдающуюся роль, неизбѣжно кончается господство апріорной философіи, и всѣ три главныя направленія ея превращаются въ нѣчто новое, являющееся, одновременно, и зародышемъ философіи наукъ, и философскою системой въ прежнемъ смыслѣ Въ этой двойственности современныхъ міровоззрѣній вѣрно отражаются характеръ текущаго періода и оба вліянія, научное и метафизическое, борющіяся, одно, во имя будущаго—чтобы доставить ему окончательную побѣду, а другое, во имя прошедшаго—чтобы сохранить за нимъ долю его прежняго значенія. Изъ рамокъ этой борьбы нельзя выйти, какъ нельзя выйти изъ границъ своего времени.

Но и при этомъ послѣднемъ превращеніи метафизики, въ которомъ такъ ясно замѣтно стремленіе соединить въ болѣе широкомъ синтезисѣ „матеріализмъ явленія“ съ „точкою зрѣнія идеала“, продолжаетъ дѣйствовать тотъ же законъ, хотя и въ несравненно менѣе сильной степени. И гипотетическая философія нашего времени является или преимущественно матеріалистическою (позитивизмъ въ обширномъ смыслѣ слова и монизмъ матеріалистическаго оттѣнка), или преимущественно сенсуалистическою и идеалистическою (доктрина эволюціи, психологическія школы, критическая философія). Вездѣ въ новыхъ попыткахъ отыскать самый общій законъ природы или найти всеобъемлющую міровую формулу, мы видимъ повтореніе одного и того же явленія: научный въ своихъ исходныхъ точкахъ, первоначальный замыселъ выполняется не только въ метафизическомъ духѣ, но и съ неизбѣжнымъ уклоненіемъ въ сторону либо матеріализма, либо идеализма, либо сенсуализма.

Доказательствъ тому можно привести сколько угодно. Возьмемъ, напримѣръ, извѣстную формулу Спенсера, по которой всѣ измѣненія во вселенной совершаются, слѣдуя линіи наименьшаго сопротивленія. Формула эта, конечно — не что иное, какъ общая механическая гипотеза, и въ этомъ смыслѣ составляетъ попытку матеріалистическаго объясненія міра. Но рядомъ съ нею современная философская мысль тотчасъ же выставила и двѣ другія формулы, преслѣдующія ту же цѣль — дать общій законъ или послѣднее, научно-возможное объясненіе всѣхъ явленій. Согласно одной изъ нихъ, принадлежащей Целлнеру, всякое движеніе въ мірѣ опредѣляется минимумомъ неудовольствія или стра-

данія, а согласно другой, защищаемой послѣдователемъ критической философіи Авенаріусомъ, всякое измѣненіе въ ощущеніяхъ совершается по принципу наименьшаго расхода силы. Три формулы эти, обнимающія и подводящія подъ одинъ мировой законъ и всѣ физическіе, и всѣ психическіе процессы и явленія, составляютъ, очевидно, лишь видоизмѣненія одной и той же основной гипотезы; но не менѣе очевидно, что при этомъ явственно сказывается перевѣсъ, въ одномъ случаѣ—матеріалистической, въ другомъ—идеалистической и, наконецъ, въ третьемъ — сенсуалистической точки зрѣнія.

8. Въ общемъ ходѣ эволюціи, мало-по малу измѣнившей всѣ историческіе типы философской мысли и создавшей, на мѣсто ихъ, новый типъ, въ которомъ прежнія различія въ исходныхъ точкахъ, если не вовсе уничтожены, то значительно сглажены и смягчены, — такой фактъ, какъ возникновеніе цѣлой группы наукъ, соединенныхъ между собою общностью метода, [1]) долженъ былъ имѣть еще болѣе рѣшительное вліянье на судьбу философіи, чѣмъ появленіе и установленіе отдѣльныхъ отраслей отвлеченнаго знанія. Это мы, дѣйствительно, и видимъ на примѣрѣ группы наукъ описательныхъ, [2]) возникшей позднѣе другихъ и заключающей въ себѣ біологическія и соціологическія дисциплины съ ихъ конкретною отраслью: біо - соціологіей, или психологіей [3]).

---

1) См. мою Соціологію, стр. 26 и 337.

2) Тамъ же, стр. 26 и 337.

3) Тамъ же, стр. 305 и 346.

Трудно преувеличить значеніе, въ исторіи развитія философскихъ доктринъ, обоснованія этой группы, или перваго приложенія научныхъ способовъ изслѣдованія къ изученію явленій біологическаго, соціологическаго и смѣшаннаго, психологическаго порядка; трудно преувеличить и то глубокое, затрогивающее всѣ стороны философской эволюціи вліянье, какое этотъ крупный, самъ по себѣ, фактъ научной эволюціи до сихъ поръ оказываетъ на направленіе и даже содержаніе преобразовательныхъ попытокъ въ области философіи. Завершеніе ряда отвлеченнаго знанія группою методологически тѣсно связанныхъ между собою наукъ наиболѣе сложныхъ явленій было не только исходною точкою великаго отрицательнаго движенія, разрушившаго обаяніе чистой метафизики, но и плодоносною завязью, изъ которой, на первыхъ порахъ, выросли и развились предвѣстницы новаго пониманія міра—научно-философскія системы нашей эпохи.

Съ перваго же взгляда очевидно, что образованіе группы описательныхъ наукъ должно было совершенно измѣнить прежнія отношенія между идеализмомъ и его двумя метафизическими соперниками. Старый идеализмъ, не имѣвшій до того времени подъ собою твердой, научно изслѣдованной почвы, сразу пріобрѣтаетъ таковую, по крайней мѣрѣ въ теоріи и съ точки зрѣнія ученія о познаваніи; онъ получаетъ возможность соотвѣтствовать, какъ философская доктрина, крайнимъ или высшимъ звеньямъ научной цѣпи. Идеализмъ, такимъ образомъ, сравнивается своимъ философскимъ достоинствомъ съ матеріализмомъ, который уже давно былъ философіей наукъ неорганическаго

міра, и съ сенсуализмомъ, который нѣсколько ранѣе его сталъ соотвѣтствовать наукамъ органическаго порядка.

Новое положеніе, занятое идеализмомъ въ системѣ философскихъ воззрѣній, вслѣдствіе завершенія основного ряда наукъ описательными отраслями знанія, дало ему толчокъ и въ другую сторону, заставило его отнестись внимательнѣе и быть справедливѣе и къ тремъ другимъ, уже давно существовавшимъ группамъ наукъ экспериментальныхъ, чистаго наблюденія и непосредственнаго опыта [1]). Отсюда—попытка новѣйшихъ идеалистовъ создать научную философію, которая примирила бы всѣ прежнія односторонности, слила бы въ одномъ высшемъ гармоническомъ сочетаніи законныя требованія матеріализма и разумныя притязанія идеализма. Но первые, кто, хотя только и ощупью, вышли на эту невѣдомую дотолѣ дорогу и расчистили ее передъ болѣе счастливыми преемниками, были, безъ сомнѣнія, великіе сенсуалисты XVIII-го вѣка и великій идеалистъ той же эпохи, Эммануилъ Кантъ.

Одновременно, если не ранѣе, подобное же знаменательное превращеніе, вызванное тою же причиною—образованіемъ новыхъ областей знаній—суждено было претерпѣть и матеріализму. Послѣдній уже имѣлъ подъ собою прочную почву: онъ соотвѣтствовалъ наукамъ міра неорганическаго. Ему, такимъ образомъ, оставалось только дать мѣсто въ своей системѣ результатамъ болѣе юныхъ наукъ. Но это было невозможно, именно съ точки зрѣнія матеріализма, какъ философіи, не выходившей своими данными изъ предѣловъ непосредственнаго или

---

1) Соціологія, стр. 27 и 338.

чувственнаго опыта, до тѣхъ поръ, пока наиболѣе сложные разряды явленій не сдѣлались, въ свою очередь, предметомъ строго научнаго изслѣдованія. Когда же это случилось, когда сфера научнаго опыта неожиданно расширилась до того, что стала обнимать собою и явленія гиперорганическаго порядка,—исчезла и логическая невозможность, о которой мы сейчасъ сказали, и на мѣстѣ ея осталась одна только фактическая трудность — совладать съ новыми условіями философскаго мышленія, созданными успѣхами положительныхъ наукъ. И первые, пытавшіеся побороть эту трудность, были опять англійскіе и французскіе сенсуалисты и матеріалисты XVIII-го вѣка, но всѣхъ рѣшительнѣе и удачнѣе, хотя и гораздо позже, Огюстъ Контъ, а за нимъ цѣлый рядъ современныхъ философовъ, преимущественно же эволюціонисты и монисты матеріалистическаго оттѣнка.

9. Таковъ историческій генезисъ научно-философскихъ системъ. Вотъ какъ зародилась заключающаяся въ нихъ доля истины, среди заблужденій старой метафизики, казавшихся безвыходными, и какъ эта истина возникла формально — изъ этихъ заблужденій, въ дѣйствительности же изъ наукъ и все болѣе и болѣе расширявшагося содержанія ихъ.

При этомъ не трудно понять, что хотя оба стремленія создать научную философію какъ-бы идутъ на встрѣчу другъ другу, однако попытки, исходящія изъ лагеря матеріалистовъ, представляются несравненно болѣе раціональными съ методологической точки зрѣнія. Направляясь отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному и отъ простого и общаго къ частному и сложному, научно-философскія

системы современныхъ матеріалистовъ намѣчаютъ, повидимому, болѣе надежный путь къ достиженію окончательной философской истины, чѣмъ однородныя стремленія идеалистовъ и сенсуалистовъ.

Это явствуетъ уже изъ того, что именно на этомъ пути, а не на какомъ либо другомъ, было достигнуто такое „упрежденіе“ философіи наукъ, какимъ во многихъ отношеніяхъ является позитивизмъ. Послѣдній составляетъ систему, наиболѣе ограничивающую роль гипотезы въ философіи и уже по этой причинѣ наилучше сохраняющую то идеальное равновѣсіе между всѣми группами явленій, а слѣдовательно между матеріализмомъ съ одной стороны и идеализмомъ съ другой, которое всегда останется конечною цѣлью всякаго общаго пониманія совокупности вещей, или всякой философіи.

10. Въ пользу такого объясненія говоритъ его простота; но принимая его, надо стараться избѣжать одного важнаго заблужденія. Соединеніе точекъ зрѣнія, матеріализма, идеализма и сенсуализма, о которомъ мы говорили, не есть сохраненіе противоположностей, философскій эклектизмъ, всегда безплодный, если не прямо вредный. Соединеніе это слѣдуетъ понимать въ смыслѣ совмѣстной переработки матеріала, почерпаемаго каждымъ направленіемъ философской мысли въ соотвѣтствующей группѣ наукъ,—переработкѣ, которая и должна раскрыть основанную на строгой непрерывности естественныхъ явленій тѣсную связь или внутреннюю филіацію всѣхъ этихъ исходныхъ точекъ. Другими словами, соединеніе это ни въ какомъ случаѣ не должно носить характера реставраціи или подновленія прежней метафизики, а должно

быть построеніемъ, на развалинахъ ея, новаго зданія, въ другомъ стилѣ и при помощи совершенно иныхъ архитектурныхъ пріемовъ.

Менѣе радикальная точка зрѣнія никогда не приведетъ насъ къ философской системѣ, которая дѣйствительно заслуживала бы эпитета научной. Это ясно видно на уклоненіяхъ метафизическаго характера, въ которыя то и дѣло впадаютъ научно-философскія доктрины, считающія себя наиболѣе свободными отъ всякихъ апріорныхъ заблужденій. Не только критицизмъ, то есть сторона новой философіи, обращенная къ идеализму, но и позитивизмъ въ обширномъ смыслѣ, или сторона, обращенная къ матеріализму, слишкомъ часто увлекаются такими ложными стремленіями.

Три главныя условія вызываютъ эти колебанія и содѣйствуютъ такому возвращенію на старый философскій путь: во первыхъ, младенческое состояніе психологіи и въ особенности отдѣла ея, занимающагося законами познаванія; во вторыхъ, унаслѣдованіе, отъ прежнихъ сущностей, „непознаваемаго“, которое, вытѣсняя отовсюду „неизвѣстное“, является лишь другимъ названіемъ для „вещи самой въ себѣ“; наконецъ, въ третьихъ, невѣрное пониманіе матеріализма и идеализма не какъ односторонностей предмета, а только какъ односторонностей метода.

О первыхъ двухъ условіяхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ и сейчасъ еще разъ вернемся къ нимъ. Что же касается третьяго, или неправильнаго пониманія матеріализма и идеализма, то оно, очевидно, является посылкою, изъ которой неизбѣжно вытекаетъ заключеніе, будто каждое изъ основныхъ направленій метафизики можетъ пре-

вратиться мало-по-малу въ истинную философію, оставаясь самимъ собою и только измѣнивъ къ лучшему свой методъ.

Особенно характеристично въ этомъ смыслѣ заблужденіе, въ которое впадаютъ идеалисты нашей эпохи. Видя себя все болѣе и болѣе вынужденными, вслѣдствіе успѣховъ положительнаго знанія, отдать матеріализму и область психическихъ фактовъ, они ищутъ и находятъ спасеніе въ слѣдующемъ компромиссѣ, сотканномъ изъ самыхъ прозрачныхъ софизмовъ: они дѣлаютъ изъ матеріализма научное пониманіе міра или философію, основанную на результатахъ частныхъ наукъ, изъ идеализма же — объясненіе совокупности вещей гипотетическое, произвольное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важное въ соціально-этическомъ отношеніи. Другими словами, ихъ матеріализмъ не выводитъ насъ изъ области науки и въ этомъ смыслѣ не составляетъ настоящей философіи; ихъ идеализмъ же, напротивъ того, высоко паритъ надъ этою областью, въ которой онъ только почерпаетъ фактическій субстратъ для своихъ художественныхъ созданій. Но именно этотъ характеръ идеализма, по ихъ мнѣнію, и дѣлаетъ изъ него высшій, наиболѣе „умственный“ видъ эстетическаго творчества — философію въ тѣсномъ смыслѣ слова.

11. Самая возможность такихъ соглашеній — а они составляютъ заурядное явленіе въ новѣйшихъ системахъ—и прорывающаяся по временамъ наружу наклонность современныхъ умовъ къ возстановленію нѣкоторыхъ сторонъ прежней метафизики несомнѣнно доказываютъ, что мы имѣемъ

тутъ дѣло съ обычнымъ фактомъ историческаго прогресса, съ явленіемъ, характеризующимъ всѣ переходныя эпохи: революція, коснувшаяся идей и измѣнившая философскій языкъ, не успѣла еще проникнуть въ философскіе нравы и окончательно преобразовать ихъ.

Изъ философіи, чрезъ главный притворъ ея, на вѣчныя времена, казалось, были изгнаны прежнія апріорныя сущности; но не прошло много времени, и эти сущности незамѣтно прокрались въ философію и снова заняли въ ней, подъ другимъ названіемъ, почетное мѣсто. Это возвращеніе и эта метаморфоза совершились самымъ простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ непредотвратимымъ образомъ

Разставшись со всякими абсолютными концептами, со всякими духовными и матеріальными субстратами явленій, съ веществомъ, силою, абсолютною идеей и т. п., мы забыли и, по многимъ причинамъ, не могли не забыть свести счеты съ обильнымъ родникомъ такихъ концептовъ, съ философскою гипотезой Основная черта послѣдней, какъ мы знаемъ, заключается въ ея непровѣряемости: этимъ кореннымъ свойствомъ она и отличается отъ гипотезы научной. Но непровѣряемая гипотетичность есть только другое выраженіе для „непознаваемости“ явленій, для той вѣчно, будто бы, скрытой отъ насъ стороны ихъ, которую прежняя метафизика называла ихъ субстратомъ или сущностью. И вотъ какимъ образомъ, въ современныхъ научно-философскихъ системахъ, мы продолжаемъ быть метафизиками, сами того не подозрѣвая.

12. Словесное значеніе философской реформы,

породившей научныя системы нашей эпохи, обусловливается главнымъ образомъ низкимъ уровнемъ развитія наукъ гиперорганическихъ явленій. Хаотическое состояніе психологіи дѣлаетъ насъ жертвою всевозможныхъ умственныхъ самообмановъ, а въ числѣ ихъ и той замѣчательной и трудно искоренимой иллюзіи, которая побуждаетъ насъ въ голомъ отвлеченіи, въ чистомъ отрицаніи, въ абсолютномъ нулѣ видѣть нѣчто, обладающее высшею конкретностью, недостижимою положительностью, безконечною и потому недоступною нашему пониманію содержательностью [1]).

Мы такъ мало и плохо знакомы съ физіологическими и психологическими условіями, составляющими сущность акта познанія и неразрывно связанныхъ съ нимъ процессовъ отвлеченія и образованія отрицательныхъ или, что то же, абсолютныхъ концептовъ ума, что все еще не отдаемъ себѣ яснаго отчета въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчіи (contradictio in adjecto), заключающемся въ самой идеѣ непознаваемаго.

Генезисъ этой отрицательной (и въ этомъ смыслѣ логически-условной, какъ учитъ математика) идеи, по большей части, никѣмъ не разслѣдуется. Никто не хочетъ видѣть, что непознаваемость есть свойство вещей или признакъ, неминуемо возникающій всякій разъ, когда гипотеза (какая бы то ни было) изъ области науки переносится на почву философіи или, другими словами, когда мы намѣренно лишаемъ гипотезу принадлежащихъ ей всегда, въ силу самого опредѣленія ея, условій провѣряемости, когда мы въ извѣстномъ смыслѣ искажаемъ

1) См. ч. II, гл. 5-ю наст книги.

сущность, истинный характеръ ея и предаемся игрѣ ума, которую можно попытаться объяснить, сравнивъ непровѣряемыя гипотезы философіи съ отрицательными величинами математики.

Всякую положительную величину можно обратить въ отрицательную (а также въ мнимую, воображаемую), и всякую провѣряемую гипотезу можно обратить въ непровѣряемую. Логическій ходъ мысли и логическій результатъ въ обоихъ случаяхъ будетъ одинъ и тотъ же. Мы ни на минуту не выйдемъ изъ рамокъ (понятіе также условное) конкретной дѣйствительности, хотя и успѣемъ придать этой послѣдней характеръ абстрактной сверхдѣйствительности (непознаваемости), если можно такъ выразиться.

При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что генезисъ концепта непознаваемаго составляетъ фактъ столько же психологическаго, сколько и соціологическаго порядка. Въ извѣстные періоды общественнаго развитія, отличавшіеся неполнотою и отрывочностью спеціальныхъ знаній, мы по необходимости, не отъ насъ зависѣвшей, должны были постоянно превращать провѣряемыя гипотезы въ непровѣряемыя, то есть должны были, такъ или иначе, подъ тѣми или другими формами и условными терминами, постоянно создавать непознаваемое. Незнаніе въ наукѣ необходимо порождало въ философіи эту отрицательную величину — непознаваемое [1]). Но фаза грубаго незнанія миновала, а ея знаменатель остался (явленіе переживанія), и мы до сихъ поръ возимся съ трупомъ непознаваемаго, какъ съ живымъ существомъ. Философской

[1]) См. пред. главу, §§ 11 и 12.

критикѣ, этой полиціи міра мысли, по энергическому выраженію Гёксли, все еще, такимъ образомъ, предстоитъ нелегкая задача оздоровленія философской атмосферы, глубоко зараженной продуктами медленнаго разложенія метафизики. Но задача эта, само собою разумѣется, окажется подъ силу критикѣ только тогда, когда она вооружится такими познаніями въ области психологіи и соціологіи, которыя въ настоящую минуту еще далеко не достигнуты.

13. А пока будетъ совершаться этотъ необходимый процессъ дополнительнаго развитія спеціальнаго знанія, господство въ области отвлеченной мысли удержится за научно-философскими системами, составляющими переходную ступень отъ метафизики къ философіи наукъ. Опредѣлить продолжительность этой фазы нѣтъ никакой возможности; многіе признаки, однако, заставляютъ думать, что періодъ этотъ будетъ не кратокъ, и что не только мы, но и наши непосредственные преемники не увидятъ его конца. Гипотетическое и безотносительное единство общей совокупности явленій еще долго останется миражемъ, который будетъ отвлекать лучшіе умы отъ преслѣдованія истинной задачи философіи знанія — гармоническаго сочетанія всѣхъ выводовъ отдѣльныхъ наукъ въ одно стройное цѣлое, которое служило бы ключемъ къ пониманію общей связи міровыхъ процессовъ въ данный періодъ исторіи и при данныхъ условіяхъ.

Но мирясь, по необходимости, съ преобладающею ролью научно-философскихъ системъ, этимъ продуктомъ общаго состоянія теоретическихъ наукъ

въ нашу эпоху, мы тѣмъ настоятельнѣе должны требовать отъ приверженцевъ такой неустойчивой формы философіи, чтобы они никогда не забывали наиболѣе важной черты отличія послѣдней отъ чистой метафизики, или того, что научныя системы не должны вступать на скользкій и опасный путь построенія, для вящшаго торжества своего центральнаго концепта, частныхъ гипотезъ въ той или другой отрасли человѣческаго знанія.

Путь этотъ былъ излюбленнымъ путемъ метафизики, которая постоянно прибѣгала къ двойной и, такъ сказать, параллельной работѣ творческой фантазіи: во первыхъ, въ области частнаго знанія, громадные фактическіе пробѣлы котораго усердно пополнялись теоріями, измышлявшимися ad hoc не столько спеціалистами, сколько философами; и во вторыхъ, въ области философіи.

Научно-философскія системы, напротивъ того, должны принципіально отказаться служить источникомъ, снабжающимъ науки какими бы то ни было предположеніями. Совершенно ясно, дѣйствительно, что подобныя гипотезы не находятъ себѣ, въ сущности, иного оправданія, кромѣ желанія облегчить мыслителю послѣдующій трудъ его, т. е. логическое увѣнчаніе гипотетическихъ построеній спеціальнаго знанія одною столь же гипотетическою, но за то всеобнимающею и всеобъясняющею міровою формулою. Успѣхи положительнаго знанія позволяютъ современнымъ философскимъ системамъ стремиться къ достиженію истинной цѣли всякой философіи, уже не прибѣгая къ обычнымъ средствамъ метафизики, признаваемымъ отнынѣ негодными, а прокладывая для того новый, хотя еще и мало извѣстный въ своихъ подробностяхъ, путь..... Та же

цѣль, другія средства (и притомъ частью прямо противоположныя употреблявшимся прежнею философіею)—вотъ краткая формула, выражающая главное отличіе всякой научно-философской отъ всякой чисто метафизической системы.

14. Различіе это имѣетъ большое значеніе. Оно можетъ показаться несущественнымъ тому, кто думаетъ, что средства, необходимыя для достиженія извѣстной цѣли, почти всегда заранѣе обусловливаются послѣднею, и что обратное отношеніе, въ которомъ средства реагируютъ на цѣль, постепенно измѣняя ее, составляетъ рѣдкое исключеніе. Дѣло въ томъ, однако, что такой обычный взглядъ едва-ли вполнѣ вѣренъ. Во многихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и главнымъ образомъ тамъ, гдѣ умъ человѣка преслѣдуетъ цѣли отдаленныя, которыя уже по этой причинѣ рисуются ему въ неясныхъ очертаніяхъ, второй случай является рѣшительно преобладающимъ. Тутъ гораздо болѣе важенъ самый путь, по которому идутъ, чѣмъ то, что̀ надѣются или мечтаютъ достигнуть въ концѣ его; тутъ всегда можно прійти къ неожиданнымъ, негаданнымъ результатамъ, и средства тутъ, очевидно, опредѣляютъ цѣль, а не наоборотъ. Такой характеръ, между прочимъ, имѣетъ и исторія самыхъ серьѣзныхъ научныхъ открытій.

Но новыя средства, къ которымъ все съ большею и большею послѣдовательностью и исключительностью прибѣгаютъ современныя философскія системы, не переставая, тѣмъ не менѣе, гоняться и за старыми идеалами метафизики, состоятъ въ стремленіи подвести подъ зданіе философіи двойной и прочный фундаментъ: полный рядъ отвлеченныхъ

наукъ и столь же законченный рядъ ихъ спеціальныхъ философій. А на этомъ пути, какъ намъ кажется, рано или поздно, должна наконецъ выясниться необходимость всячески избѣгать двухъ камней преткновенія, о которые, именно вслѣдствіе недостаточнаго пониманія представляемой ими опасности, постоянно разбивались до сихъ поръ всѣ усилія создать истинную философію наукъ

Говоря это, мы имѣемъ въ виду: во первыхъ, матеріализмъ, идеализмъ и сенсуализмъ философіи, то есть основную односторонность ея точекъ исхода, которая можетъ быть болѣе или менѣе научною, и касаться условій существованія вещей (научныя системы)—или ненаучною, и касаться самихъ вещей (метафизическія системы); и во вторыхъ, общую гипотетичность философскихъ выводовъ, которая также можетъ быть болѣе или менѣе научною, и заключаться въ незаконномъ расширеніи гипотезъ спеціальнаго знанія (научныя системы),—или ненаучною, и заключаться въ обогащеніи не только философіи, но и отдѣльныхъ наукъ гипотезами, построенными внѣ предѣловъ и независимо отъ условій частныхъ наукъ, путемъ такъ называемаго философскаго созерцанія вещей (метафизическія системы).

Нѣтъ надобности прибавлять, что гадательность выводовъ, о которой мы говоримъ, есть прямой результатъ поиска за общею, обнимающею всѣ разряды явленій причинностью, которую нужно строго отличать отъ вполнѣ законной спеціальной причинности; послѣдняя касается такъ называемыхъ вторыхъ причинъ явленій и уже вслѣдствіе этого не можетъ простираться на всю совокупность вещей. Но не

лишнее, можетъ быть, будетъ пояснить въ заключеніе, что въ усвоенномъ нами взглядѣ извѣстное и нѣкогда столь популярное различеніе между „почему“ и „какимъ образомъ“ совершенно утрачиваетъ придаваемое ему обыкновенно значеніе твердой грани, отдѣляющей доступное опыту и наукѣ отъ доступнаго только умозрѣнію и фантазіи. И въ области спеціальной, и въ области всеобщей причинности вопросъ „какимъ образомъ?“ имѣетъ одинъ смыслъ съ вопросомъ „почему?“ Но въ области всеобщей причинности, оба вопроса одинаково безцѣльны, ибо здѣсь и „какимъ образомъ“ значитъ „какимъ абсолютно единымъ образомъ“,— и отвѣтомъ тутъ можетъ служить лишь всеобщая и непровѣряемая гипотеза. Это столь же очевидно, какъ и то, что пока научная философія нашихъ дней не откажется отъ гипотетическаго метода, она не будетъ въ состояніи вывести насъ изъ ложнаго круга, въ которомъ по необходимости вращалась философская мысль всѣхъ предшествовавшихъ намъ эпохъ (108).

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія къ части первой.

1. (стр 8). Мы оставляемъ въ сторонѣ восточныя цивилизаціи, которыя отличаются отъ европейской множествомъ еще мало извѣстныхъ второстепенныхъ условій, но въ главномъ и существенномъ слѣдуютъ тѣмъ же основнымъ законамъ. См., между прочимъ, мою статью: *Міровоззрѣнія крайняго Востока передъ судомъ соціологіи.* (Журналъ Знаніе, 1874, № IV)

2. (стр. 8). Этими четырьмя именами главнымъ образомъ и характеризуется школа іонійцевъ,—первыхъ матеріалистовъ въ европейскомъ философскомъ циклѣ. Полумиѳическій Ѳалесъ (род. 640 г. ум. 550 г. до Р. Х., если вѣрить гадательной хронологіи этой эпохи) считается основателемъ школы; за нимъ, въ преемственномъ порядкѣ учениковъ, развивающихъ далѣе доктрину учителя, слѣдуютъ Анаксимандръ (611—547 до Р. Х.), Анаксименъ (560—502 г) и наконецъ Гераклитъ (535—475 г.), очень популярная фигура въ анекдотической исторіи философіи Гераклита часто выдавали за глубочайшаго представителя древней „философіи природы“; особенно посчастливилось ему подъ перомъ Лассаля, посвятившаго ему обширную монографію (въ 1858 г.). Къ сожалѣнію, въ этой прекрасной во многихъ отношеніяхъ работѣ Лассаль не избѣгнулъ обычной ошибки, заключающейся въ перенесеніи на философію древняго міра нѣкоторыхъ характеристическихъ чертъ современнаго міросозерцанія Гераклитъ является у Лассаля чуть ли не прямымъ предшественникомъ Гегеля. Вслѣдствіе впаденія въ одинаковую ошибку, Демокритъ у Ланге стоитъ на одномъ уровнѣ съ корифеями современнаго матеріализма, Платонъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ комментаторовъ говоритъ и мыслитъ какъ идеа-

листъ XIX-го вѣка, Аристотель у Тренделенбурга превращается въ самого Тренделенбурга и т. д.

О школѣ іонійцевъ см. также замѣчательныя работы Тейхмюллера (Gustav Teichmuller: Studien zur Geschichte der Begriffen. Berlin, 1884, и Neue Studien Z. G. d. B. Gotha, 1878) и посвященную этимъ трудамъ статью P. Tannery въ Revue Philosophique, Mai 1882. И германскій ученый, и французскій критикъ одинаково отказываются видѣть въ іонійцахъ первыхъ философовъ въ греческомъ циклѣ мысли. Древніе называли ихъ οἱ φυσιολόγοι, т. е. „пишущіе о природѣ“, и они были въ дѣйствительности скорѣе ученые, создававшіе общія механическія и физическія гипотезы и подготовившіе почву подъ позднѣйшую философскую спекуляцію, чѣмъ философы въ обычномъ смыслѣ слова. Взглядъ этотъ кажется намъ справедливымъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ подтверждаетъ нашу основную мысль о тѣсной связи между научною и философской спекуляціей: іонійцы были физиками въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Сократъ и Платонъ были психологами, Аристотель—психологомъ и соціологомъ и т. д.

3. (стр. 9). По справедливому замѣчанію Вырубова (см. его интересную критическую статью о книгѣ Лефевра „La philosophie“, въ Revue positive, Janvier—Février 1879), нельзя относиться серьезно къ историческимъ взглядамъ, отыскивающимъ какіе-то начатки „научной философіи“ уже въ глубокой древности и признающимъ основателями такой философіи, напр., Ѳалеса Милетскаго, Демокрита, Эпикура или любого другого древняго матеріалиста. „Платонъ не зналъ ровно ничего о вещахъ „самихъ въ себѣ“, игравшихъ такую роль въ его системѣ, Ѳалесъ зналъ столько же о составѣ и свойствахъ воды, въ которой видѣлъ начало всего существующаго... Оба, и притомъ въ одинаковой степени, были метафизиками... Мы высоко ставимъ и Ѳалеса, и Левкиппа, и Демокрита, и Эпикура, мы исполнены удивленія къ ихъ системамъ, чрезвычайно замѣчательнымъ для эпохи умственнаго мрака, среди которой онѣ появились; но наше удивленіе не превращается въ согласіе, потому что мы никогда не теряемъ изъ виду разстоянія, отдѣляющаго воображаемый фактъ отъ дѣйствительнаго событія, тѣнь отъ реальнаго предмета, метафизику отъ науки. Современный матеріализмъ видитъ въ древнихъ философахъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, но обогащая свою родословную такими далекими предками, матеріализмъ, очевидно, теряетъ въ

научномъ характерѣ все то, что выигрываетъ въ древности рода. Принимая завѣщанное Демокритомъ и Лукреціемъ наслѣдство, онъ вмѣстѣ съ нимъ принимаетъ и апріорный методъ... Несмотря на свои дарованія, древніе матеріалисты были проникнуты идеями своего времени и не внесли ни въ философію, ни въ науку новыхъ способовъ изслѣдованія явленій, а ограничились только указаніемъ на новый предметъ для изученія—окружающій насъ объективный міръ". Съ другой стороны, однако, нельзя не признать доли истины и за мнѣніемъ Геринга (System der Krit. philos., т. II, стр. 14), что древнія системы, вслѣдствіе крайней простоты и, такъ сказать, прозрачности своихъ ученій, представляютъ особенную важность для историка философіи. „Естественное влеченіе человѣка къ великому и презрѣніе къ малому" даютъ себя знать здѣсь безъ всякихъ прикрасъ Спеціальнаго изслѣдованія отдѣльныхъ группъ фактовъ еще не существуетъ, и спекуляція съ самаго начала является поглощенною созерцаніемъ міра, какъ одного цѣлаго. См. также Jurgen-Bona-Meyer Philosophische Zeitfragen, 1874, стр. 7. Мейеръ, сторонникъ историческаго метода въ философіи, высказываетъ свое удовольствіе по поводу того, что „die unwissende Willkür der neuen Systemjäger in die Zucht eines strengen und gewissenhaften historischen Studiums genommen worden ist".

4 (стр. 9). Демокритъ, родомъ изъ іонической колоніи Абдеры во Оракіи (460—370 до Р. Х.), былъ, если вѣрить новѣйшимъ восторженнымъ апологетамъ его, прямымъ предвозвѣстникомъ современнаго матеріализма. Поклонники Демокрита и во главѣ ихъ Ланге, очевидно, увлекаются апріорнымъ построеніемъ матеріалистической доктрины, которая, дѣйствительно, уже очень рано могла достигнуть большой законченности и относительнаго совершенства. Въ своей исторіи матеріализма, Ланге приводитъ главные тезисы Демокрита и добрую половину ихъ выдаетъ за основу современной науки. Таковы положенія: ничто не происходитъ изъ ничего; ничто существующее не можетъ быть уничтожено; всякое измѣненіе сводится къ соединенію и разъединенію частей; ничто не происходитъ случайно; все имѣетъ свою причину и т. д. Но дѣло въ томъ, что эти обобщенія, все равно, вѣрны они или нѣтъ, не могутъ быть основой положительнаго знанія, они могутъ быть только его результатомъ. Демокритъ не могъ доказать ни одного изъ своихъ положеній ссылкою на совершенно неизвѣстные ему физическіе и химическіе факты и законы. Такія

широкія обобщенія хороши, когда они дѣйствительно что-нибудь обобщаютъ, или когда есть что обобщать; въ противномъ случаѣ они — обобщенія только по имени и составляютъ, въ сущности, такой же продуктъ воображенія, какъ вполнѣ однородныя съ ними антропоморфныя объясненія природы.

Демокритъ уже въ древности былъ скоро забытъ изъ-за Эпикура; школа его въ III-мъ вѣкѣ вполнѣ слилась съ школою эпикурейцевъ, которые одни, главнымъ образомъ благодаря поэту Лукрецію, были извѣстны въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Изъ новыхъ философовъ, Бэконъ первый обратилъ серьёзное вниманіе на Демокрита, которого онъ прославлялъ тѣмъ охотнѣе, что это казалось ему лучшимъ средствомъ для униженія Аристотеля. Къ матеріализму этой отдаленной эпохи, такъ или иначе, примыкаютъ еще нѣсколько группъ древнихъ философовъ. Въ связи съ іонической школой находятся Элеаты (Ксенофанъ 570—466 и Парменидъ 518—450), а также Эмпедоклъ Сицилійскій (485—425) и современникъ Демокрита Діогенъ Аполлонійскій, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ философомъ греческаго пролетаріата Діогеномъ Циникомъ († 323 до Р. Х.).

5. (стр. 11). Ланге (Исторія матер., т. I, стр. 200 и слѣд.) дѣлитъ эпоху Возрожденія на четыре, почти что равные періода 1) періодъ гуманизма, который своими филологическими изслѣдованіями расчистилъ путь непосредственному знакомству съ грекоримской культурою, 2) теологическій періодъ, ознаменованный реформаціоннымъ движеніемъ; 3) научный, нашедшій блестящее выраженіе въ открытіяхъ Кеплера и Галилея; 4) наконецъ, философскій, съ именами Бэкона и Декарта во главѣ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что умственное движеніе, принявшее съ самаго начала характеристическую форму пробужденія отъ долгаго сна и возвращенія къ идеаламъ древней цивилизаціи, было, во первыхъ, въ значительной мѣрѣ подготовлено двумя предыдущими столѣтіями (отъ половины XIII-го до половины XV-го), когда оффиціально еще царствовала схоластика, и, во вторыхъ, носило въ себѣ, какъ справедливо замѣчаетъ и Ланге, обильные зародыши новой и вполнѣ оригинальной культуры. Это была эпоха возрожденія въ обширномъ смыслѣ слова, а не возрожденія древности только.

5 bis (стр. 14). Объ этомъ странномъ сочетаніи матеріалистическаго пониманія міра съ глубокимъ уваженіемъ къ ученi-

ямъ и даже обрядовой сторонѣ религіозной традиціи см. Lange, op. cit., т. I, стр. 268. Вліяніе знаменитаго сочиненія Ньютона. „Philosophiae naturalis principia mathematica“ (1686 г.) на все дальнѣйшее философское развитіе, преимущественно на судьбы матеріализма, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Философское значеніе Ньютона для всего XVIII-го столѣтія во многомъ напоминаетъ современное значеніе Дарвина. Оба своими научными трудами и открытіями произвели настоящій переворотъ въ сферѣ наиболѣе общихъ или философскихъ идей своего времени. Что же касается Бойля, то ему въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ Англіи, принадлежитъ, по свидѣтельству Бокля (History of civilisation, II, стр 75) второе мѣсто послѣ Ньютона. Кромѣ спеціальнаго трактата „Chemista scepticus“ (1681 г.), Бойль написалъ еще—въ духѣ механической метафизики Гассенди и Декарта—слѣдующія сочиненія. „Origins of forms and qualities according to the corpuscular philosophy“ (1664); „Some considerations touching the usefulness of experimental natural philosophy“ (1663) и „Tractatus de ipsa natura“ (1688).

5 ter. (стр. 15). Петръ Бэйлъ (1647—1706) оказалъ большое вліяніе на философское движеніе XVIII вѣка во Франціи, Англіи и Германіи, какъ авторъ знаменитаго „Dictionnaire historique et critique“ (2 тома, 1695 г.). Сочиненіе это было настольною книгою всѣхъ выдающихся писателей первой половины прошлаго столѣтія и въ значительной степени подготовило появленіе, съ 1751 по 1765 г, 17 томовъ Энциклопедіи Дидро и Даламбера. См. L. Feuerbach: „Pierre Bayle nach seinen für die Geschichte der Philosophie und Menschheit interessantesten Momenten dargestellt und gewürdigt“. 1838 г.

6. (стр. 15) Гоббсъ (1588—1679) на сорокъ второмъ году жизни началъ изученіе математики, въ которой скоро сдѣлалъ изумительные успѣхи и которая, вѣроятно, и привела его къ логическому и механическому матеріализму. Особенною извѣстностью пользуются его два политическіе трактата: „De Cive“ и „Leviathan“. Философскія сочиненія его носятъ названія: „De homine“ и „De corpore“. Матеріализмъ Гоббса, хотя и основанный на аристотелевскомъ эмпиризмѣ, выгодно отличался отъ него строгимъ разграниченіемъ абстрактнаго отъ конкретнаго. Гоббсъ не знаетъ субстанцій; по его мнѣнію, существуютъ только „тѣла“, и акциденты ихъ или свойства, которые суть не что иное, какъ „способы воспріятія или пониманія тѣлъ“

Гассенди (1592—1655 г.) былъ сначала каноникомъ и

пріоромъ въ Диньѣ, въ Провансѣ, а потомъ профессоромъ математическихъ наукъ въ Парижѣ. Наиболѣе замѣчательныя сочиненія его суть. „De vita, moribus et placitis Epicuri", „Syntagma philosophicum" и „Disquisitiones anticartesianae". (Noack, Philosophiegeschichtliches Lexicon). Гартлей (1705—1757 г.) извѣстенъ преимущественно двумя сочиненіями: „Observations on Man, his frame, his duty and his expectations" и „De sensus, motus et idearum generatione". Гартлей, вмѣстѣ, впрочемъ, съ французскими матеріалистами той же эпохи, является однимъ изъ отдаленныхъ предковъ новѣйшей психофизики. Пристлей (1733 — 1804 г.), химикъ, открывшій кислородъ, издалъ сначала критическое изслѣдованіе объ ученіи Рейда и его послѣдователей Беатти и Освальда, а потомъ длинный рядъ сочиненій:—двухтомную исторію христіанства, „Disquisitions relating to matter and spirit", The doctrine of philosophical necessity", „Letters to a philosophical unbeliever" и т. д. Къ наиболѣе вліятельнымъ матеріалистамъ Англіи до эпохи Гартлея и Пристлея можно причислить еще и Толанда (1671—1722 г.),извѣстнаго въ особенности своими „Letters to Serena" (т. е. прусской королевѣ Софіи Шарлоттѣ) и „Pantheistikon".

De la Mettrie (1709—1751 г.), медикъ по профессіи, написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ особенную важность для исторіи матеріализма представляютъ: „Histoire naturelle de l'âme", „L'homme—Machine" и „Discours sur le bonheur". Реабилитація памяти этого замѣчательнаго философа дѣлаетъ особенную честь критическому таланту Ланге. См. Исторію матер., т. II, главу, посвященную Ламеттри. Богатый баронъ Гольбахъ (1723—1789), котораго благодарные друзья называли въ шутку „le maître-d'hôtel de la philosophie", и который былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей этой просвѣщенной эпохи, издалъ съ 1768 по 1776 г. цѣлый рядъ анонимныхъ философскихъ сочиненій. Между ними особенно выдается книга съ знаменательнымъ заглавіемъ: „Système de la nature ou des lois du monde physique et du monde moral". Въ окончательной редакціи нѣкоторыхъ главъ этого труда, вышедшаго въ свѣтъ въ 1770 г. и вскорѣ сдѣлавшагося „библіей матеріализма" того времени, Гольбаху, впрочемъ, повидимому, помогали Дидро, Лагранжъ и книгопродавецъ Нэжонъ. Изъ другихъ сочиненій Гольбаха, назовемъ еще· „La contagion sacrée ou histoire naturelle de la superstition" (1768), „Le bon sens ou idées naturelles opposées aux idées surnaturelles", и „Le système social ou principes naturels de la morale et de la politique" (1773).

Дѣятельность и сочиненія Даламбера и Дидро слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны, чтобы здѣсь предстояла надобность говорить о первой или перечислять послѣднія. Напомнимъ только, по отношенію къ Дидро, что правильная оцѣнка его значенія въ исторіи философіи принадлежитъ уже новѣйшему времени. Лучше всего его поняли позитивисты, которые не безъ основанія видятъ въ немъ одного изъ философскихъ предшественниковъ Ог. Конта. См., напримѣръ, интересный этюдъ Виктора Люсьена въ „Revue positive“ т. I, 1867 г., а также изслѣдованіе о Дидро извѣстнаго издателя „Fortnightly Review“, Джона Морлея. Въ числѣ упомянутыхъ въ текстѣ матеріалистовъ находится и Робинэ. Это авторъ сочиненія, появившагося въ 1761 г. подъ заглавіемъ „Le livre de la nature“ и написаннаго въ строго матеріалистическомъ духѣ. Вмѣстѣ съ другими философами того времени, Робинэ является однимъ изъ первыхъ и наиболѣе усердныхъ проповѣдниковъ модной въ настоящее время теоріи „непознаваемости“ первой причины вещей или взгляда, который, въ отличіе отъ обыкновеннаго атеизма, Дамиронъ, одинъ изъ новѣйшихъ историковъ французской философіи, называетъ „нигилотеизмомъ“.

7. (стр. 17). Ни Спинозу (1632—1677 г.), ни Лейбница (1646—1716 г.) нельзя, въ строгомъ смыслѣ слова, считать представителями нѣмецкой философіи XVII-го вѣка. Не говоря уже о международномъ характерѣ ихъ дѣятельности и того языка, на которомъ оба писали (латинскій и французскій), самыя ученія ихъ въ докантовскомъ періодѣ философіи понимались вездѣ гораздо лучше, чѣмъ въ Германіи. Такъ, послѣдователи крайняго идеалиста Спинозы считались въ это время въ Германіи опасными матеріалистами, а поверхностныя философскія доктрины Лейбница могли распространиться въ собственномъ отечествѣ философа только въ весьма посредственной, схоластической передѣлкѣ Вольфа.

8. (стр. 20). Исторія матеріализма, т. II, стр. 249 Совершенно обратнаго взгляда на этотъ предметъ держится талантливый защитникъ матеріализма Лефевръ. Книга его „La Philosophie“ (1879 Bibliothèque des sciences contemporaines) содержитъ въ себѣ блестяще изложенную, популярную исторію философіи, въ которой матеріализму не только отводится первенствующее и самое почетное мѣсто, но онъ по существу приравнивается къ искомой теперь со всѣхъ сторонъ научной философіи. По

мнѣнію Лефевра, раздѣляемому, впрочемъ, въ данномъ случаѣ и Ланге, философія и впредь должна состоять изъ ряда гипотезъ; но Лефевръ, сверхъ того, думаетъ, что вполнѣ научный характеръ можно признавать только за тѣми гипотезами, которыя, подобно предположеніямъ матеріализма, стремятся свести сложное къ простому, частное къ общему, живое къ механическому.

9. (стр. 34). Эта любопытная черта въ исторіи матеріализма еще не нашла себѣ, какъ намъ кажется, справедливой оцѣнки. Въ наиболѣе чистой своей формѣ, матеріализмъ не имѣетъ теоріи познаванія· относящіеся сюда вопросы его ни мало не интересуютъ. Но не имѣть теоріи, то есть отвлеченнаго объясненія своей дѣятельности, не значитъ еще вовсе отказаться отъ послѣдней. Въ этомъ отношеніи матеріализмъ обнаруживаетъ большое сходство съ спеціальными науками; онъ объясняетъ всю совокупность явленій, подобно тому, какъ онѣ объясняютъ отдѣльные разряды ихъ, безъ помощи какой-бы то ни было гипотезы объ основныхъ условіяхъ процесса человѣческаго познаванія. Не иначе поступаетъ и позитивизмъ. Но противники этихъ ученій, глубоко убѣжденные въ томъ, что философія немыслима безъ такой гипотезы, за неимѣніемъ другого исхода, возводятъ въ теорію самую практику матеріалистовъ и позитивистовъ, и въ результатѣ, естественно, получаютъ тотъ „наивный» реализмъ", ту „непосредственность и самоувѣренную простоту" пониманія, которыя потомъ и служатъ имъ предметомъ высокомѣрной, если не прямо насмѣшливой, критики. Впрочемъ, все это касается только „чистаго" матеріализма, а въ настоящее время, какъ извѣстно, такой матеріализмъ, подобно чистому идеализму, является исключеніемъ. Продолжительная и ожесточенная борьба этихъ двухъ главныхъ направленій повела къ тому, къ чему обыкновенно, при такихъ условіяхъ, приводитъ всякая борьба между равносильными противниками,—къ взаимному обмѣну качествами, составлявшими прежде исключительную принадлежность одной стороны. Вотъ почему всѣ новѣйшія системы матеріализма уже стараются выработать свою теорію познанія, заимствуя основныя черты ея у наиболѣе умѣренныхъ фракцій идеализма и стараясь оправдать строго философскими доводами первоначальный или „наивный" объективизмъ своихъ основныхъ взглядовъ.

10. (стр. 34). Аристотелевское ученіе о „категоріяхъ" (субстан-

ція, количество, качество, отношеніе, мѣсто, время, положеніе, состояніе, дѣйствіе, страданіе) и о пяти родахъ общихъ идей (пятисловіе схоластики родъ, видъ, различіе, свойство и акцидентъ) сдѣлалось базисомъ схоластики въ той сравнительно простой формѣ, въ которую это ученіе было облечено у самого Аристотеля. Но именно въ этой формѣ логическія различенія Аристотеля сохраняютъ тѣсную связь съ спеціальными условіями соотвѣтствующихъ явленій, а, слѣдовательно, и свое значеніе для современной логики, разсматриваемой какъ прикладная отрасль знанія. Видѣть въ нѣкоторыхъ частяхъ логики Аристотеля, какъ это дѣлаетъ, напр., Ланге (Op. cit. т. I, стр. 183) по отношенію къ ученію о „возможности“, источникъ самыхъ многочисленныхъ и грубыхъ заблужденій въ метафизикѣ, едва ли справедливо Заблужденія метафизики имѣютъ другое начало и гораздо болѣе глубокіе корни. Аристотелевское различеніе между „возможностью“ и „дѣйствительностью“ гораздо лучше согласуется съ современными понятіями на этотъ счетъ, чѣмъ цитируемыя Ланге разсужденія Канта о томъ, что сто дѣйствительныхъ талеровъ не заключаютъ въ себѣ ничего болѣе, чѣмъ сто возможныхъ талеровъ. „Возможность“ Аристотеля составляетъ уже, въ извѣстномъ смыслѣ, приближеніе къ тому, что мы теперь называемъ „необходимостью“. До сихъ поръ первое понятіе нерѣдко замѣняетъ послѣднее въ обширной области неизвѣстнаго или малоизвѣстнаго—въ мірѣ явленій психическихъ и соціальныхъ. Во времена Аристотеля такое замѣщеніе было, очевидно, еще простительнѣе. То же самое слѣдуетъ сказать и о взглядахъ Аристотеля на субстанцію, видъ и родъ, взглядахъ, которые легли въ основаніе теперешнихъ понятій о конкретномъ и абстрактномъ. Самыя послѣднія идеалистическія теоріи познаванія не даютъ намъ въ этой спеціальной области ничего существенно новаго. Терминологія и способъ мотивировки выводовъ подверглись значительнымъ измѣненіямъ, но не элементы вопроса и внутреннія его основанія. Основанія эти у Аристотеля тѣ же, что̀ и у Гегеля, Фихте, Шлейермахера, Тренделенбурга, Ибервега, у всѣхъ идеалистовъ, въ томъ числѣ и у Канта это общія идеи въ различныхъ разрядахъ явленій, общія точки зрѣнія, съ которыхъ познаются явленія, словомъ все то, что на жаргонѣ идеализма называется общими „формами мышленія“, и что такъ облегчаетъ идеалистамъ роковой переходъ къ „непознаваемому“, переходъ, который, въ сущности, сводится къ простому смѣшенію логи-

ческихъ формъ утвержденія, т. е. общихъ концептовъ, или словесныхъ символовъ, съ способами бытія, или конкретными явленіями. Отъ этого смѣшенія, отъ этого „господства словъ", отъ этого торжества языка, принадлежащаго массѣ и отражающаго ея ложныя представленія о предметахъ, и старался освободить насъ длинный рядъ мыслителей, начиная отъ средневѣковыхъ номиналистовъ, отъ эмпириковъ и скептиковъ въ родѣ Бэкона, Гоббса, Локка, Юма, Кондильяка, и кончая Гамильтономъ, Миллемъ, Бэномъ, Джевонсомъ, Ланге и др.

По вопросу о близости средневѣковаго идеализма къ современнымъ теоріямъ познаванія см. Falkenberg: „Grundzuge der Philosophie des Nicolaus Cusanus, mit besonderer Berucksichtigung der Lehre vom Erkennen". Breslau, 1880, гл. IX—XII.

11. (стр. 39). Знаменитое „Cogito, ergo sum" было встрѣчено въ свое время возраженіемъ Гассенди, что существованіе субъекта выводится, безразлично, изъ каждаго его дѣйствія, а не изъ акта мышленія только. По этому же поводу Кантъ и Лихтенбергъ тонко замѣчаютъ, что слѣдовало бы говорить: „мыслится", какъ говорятъ „громъ гремитъ", и что cogito въ смыслѣ—„я думаю", обусловливается чисто практическими нуждами. Само изреченіе Декарта составляетъ почти дословное повтореніе аргументаціи св. Августина въ X книгѣ его сочиненія „De Trinitate": „Si quis dubitat, vivit si dubitat, unde dubitet meminit; si dubitat, dubitare se intelligit, (т. е. кто сомнѣвается, тотъ существуетъ, ибо сомнѣвается и помнитъ мотивы своего сомнѣнія; сомнѣваясь, онъ понимаетъ, что сомнѣвается).

О матеріалистической сторонѣ доктрины Декарта и о значеніи произведеннаго имъ отдѣленія „движенія" отъ „матеріи" см. Lange, op. cit, I, стр. 186—7 и 273. О Декартѣ, какъ спеціальномъ ученомъ, см. книгу Liard'a „Descartes" Paris, 1882, и рецензію на эту книгу Victor Brochard'a въ Revue Philosophique, т. XIV, стр. 81.

Идеализмъ Декарта представляетъ собою искусную смѣсь идей схоластики съ болѣе современными взглядами въ области математики и физики. Подобный идеализмъ чрезвычайно распространенъ въ наше время. „Историки философіи, справедливо говоритъ Рибо (Revue Philosophique, т. XIII, стр. 662), не обратили достаточнаго вниманія на то, что философскія убѣжденія многихъ образованныхъ людей нашей эпохи и большинства современныхъ неучей суть не что иное, какъ картезіа-

низмъ. Философія эта, сдѣлавшаяся въ настоящее время настолько обыкновенною, что она даже перестала считаться философіей, была въ эпоху Декарта достояніемъ небольшой группы умовъ; но такова уже постоянная судьба ученій, историческое развитіе которыхъ обнимаетъ большіе періоды ученія эти сначала слывутъ за опасныя ереси, а потомъ становятся общепринятыми догматами. Картезіанизмъ въ этомъ отношеніи былъ для новѣйшихъ временъ тѣмъ же, чѣмъ философія Аристотеля была для среднихъ вѣковъ, отвергнутый первыми отцами церкви, языческій философъ уже къ концу XIII столѣтія считался „praecursor Christi in rebus naturalibus".

Особое значеніе принадлежитъ еще Декарту, какъ писателю по вопросамъ научной и философской методологіи. Эта сторона дѣятельности Декарта нашла себѣ ревностныхъ апологетовъ въ Огюстѣ Контѣ и другихъ позитивистахъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать, что Декартъ руководится совершенно вѣрнымъ пониманіемъ задачъ философіи, начиная процессъ философскаго мышленія съ отвлеченія и дедукціи и всецѣло замыкая его въ предѣлахъ этихъ двухъ „заключительныхъ" операцій ума. Но ошибка Декарта состояла въ томъ, что онъ считалъ возможнымъ и даже прямо необходимымъ основывать философскую дедукцію на априорическихъ гипотезахъ.

12. (стр. 44). Въ своей интересной статьѣ о полузабытомъ англійскомъ философѣ Францискѣ Глиссонѣ (Revue Philosophique, 1882 г., т. XIV, стр. 154) Henri Marion такъ характеризуетъ Лейбница: „Нѣмецъ, теологъ, математикъ, моралистъ, Лейбницъ является спиритуалистомъ самой чистой пробы, сторонникомъ абсолютнаго имматеріализма. Онъ не только не выводитъ формы, силы, жизни и мысли изъ нѣдръ вещества, а, напротивъ, заставляетъ вещество исчезнуть передъ формой и силою, жизнью и мыслью. Реальное существованіе въ его глазахъ имѣютъ только „духи" различныхъ степеней, — цѣлая іерархія душъ. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ уже даетъ слѣдующее удивительное опредѣленіе „тѣла". „мгновенная или лишенная памяти мысль", а въ концѣ своей жизни онъ пишетъ отцу Де-Боссъ: „Вещество есть только связная видимость ... совокупность гармонически соединенныхъ между собою явленій». Протяженіе для Лейбница есть простая иллюзія монадъ, возникающая вслѣдствіе смутныхъ представленій ихъ другъ о другѣ".

Замѣтимъ еще, что между атомистикою матеріалистовъ и атомистикою идеалистовъ существуетъ слѣдующее основное различіе: въ то время, какъ атомы первой одарены только тремя группами свойствъ — величиной, формой и тяжестью, т. е. вполнѣ соотвѣтствуютъ механико-физическому міру, атомы послѣдней или монады, имѣютъ, сверхъ того, еще и „внутреннія состоянія“, т. е. нѣчто, вполнѣ соотвѣтствующее психо-социальному міру и превращающее идеализмъ въ натуралистическій пантеизмъ. Очевидно, такимъ образомъ, что главное отличіе матеріализма отъ идеализма слѣдуетъ искать не въ теоріи атомовъ, а въ тѣхъ областяхъ знанія или незнанія, въ тѣхъ наукахъ или псевдо-наукахъ, откуда оба направленія философской мысли неизмѣнно почерпаютъ все содержаніе своихъ общихъ гипотезъ

12 bis (стр 46). См. главу, посвященную идеализму Беркелея въ „Исторіи философіи“ Л ь ю и с а, 5-е англ. изд., 1880, т. II, стр. 297 и слѣд.—Б е р к е л е й отрицалъ существованіе вещества; но, какъ справедливо говоритъ Льюисъ, только необходимость какого-нибудь общаго синтезиса для всѣхъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами признаковъ и аттрибутовъ вещей порождаетъ самый концептъ вещества; и нереальность этого концепта могла быть утверждаема Беркелеемъ только постольку, поскольку одинъ синтезисъ, физическій, замѣняется имъ другимъ, чисто психическимъ, и одинъ концептъ—вещество, уступаетъ у него мѣсто другому концепту, служащему одинаковой цѣли и играющему, въ сущности, тожественную роль—идеѣ. Но эта замѣна матеріальнаго субстрата субстратомъ идеальнымъ, само собою разумѣется, ни мало не заслуживаетъ снисходительныхъ насмѣшекъ, которыя не замедлили посыпаться на Беркелея со стороны философовъ такъ-называемой школы здраваго смысла По мнѣнію Льюиса, здравый смыслъ „толпы“ былъ скорѣе съ Беркелеемъ, чѣмъ на сторонѣ его противниковъ. Въ глазахъ Беркелея, какъ въ глазахъ большинства людей, внѣшніе предметы существуютъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ они воспринимаются нашими чувствами: и позади ихъ „в и д и м о с т е й“ не лежатъ и не скрываются ихъ „ф а н т о м ы“, нѣчто таинственное, но вмѣстѣ съ тѣмъ существенное, о чемъ мы не можемъ имѣть никакихъ свѣдѣній. Но отправляясь отъ этой точки исхода, общей у него съ огромнымъ большинствомъ обыкновенныхъ людей, Беркелей, какъ философъ, нуждавшійся въ гипотетическомъ син-

тезисѣ всѣхъ явленій, уже не могъ логически прійти къ другому заключенію, чѣмъ то, къ которому онъ пришелъ—что вещи суть наши концепты о нихъ, что усиливаясь п о н я т ь существованіе внѣшнихъ предметовъ, мы только с о з е р ц а е м ъ свои собственныя идеи и т. п. Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что большинство людей суть идеалисты sans le savoir, какъ мольеровскій прозаикъ. Масса людей состоитъ изъ безсознательныхъ идеалистовъ, и матеріализмъ, какъ философское credo, требуетъ уже нѣкотораго подъема мысли надъ обычнымъ уровнемъ.

О философіи Беркелея см. также статью профессора Ф р э з е р а въ North British Review, т. LXVIII, подъ заглавіемъ „Berkeleys Idealism“ Фрэзеръ приходитъ къ совершенно правильному заключенію, что Беркелей „не только не былъ сенсуалистомъ школы Кондильяка, или эмпирикомъ школы Юма, но несомнѣнно былъ идеалистомъ высшей и чистѣйшей школы Канта. Вмѣстѣ съ Кантомъ онъ признавалъ субъективное происхожденіе нѣкоторыхъ концептовъ. Заодно съ Кантомъ, онъ предоставлялъ нашимъ чувствамъ лишь дальнѣйшее развитіе такихъ концептовъ. Съ Кантомъ же онъ сходился и въ различеніи функцій чувствъ и чистаго разума, какъ самостоятельныхъ источниковъ, съ одной стороны, непосредственнаго воспріятія, а съ другой—чистаго мышленія. Наконецъ съ Кантомъ же его неразрывно соединяетъ воззрѣніе, считающее пространство „продуктомъ воображенія, привитымъ къ чувственному опыту“,— и такой же взглядъ на объективную реальность времени“.

Въ общемъ своемъ результатѣ философія Беркелея—и это опять черта, сближающая ее съ философіей Канта—была лишь „великимъ урокомъ, громко говорившимъ о внутренней пустотѣ всякой онтологической спекуляціи (L e w e s, op. cit., т. II, стр. 329). Впрочемъ, Беркелей ясно сознавалъ, что философы сами виноваты въ постоянно постигающихъ ихъ неудачахъ: „Въ общемъ выводѣ, — говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи „Principles of human knowledge“,—я думаю, что философы обязаны самимъ себѣ большею частью, если не всѣми затрудненіями, которыя до сихъ поръ преграждали имъ путь къ истинному знанію. Сами поднявъ густую пыль, мы потомъ начинаемъ жаловаться, что не видимъ дороги“. См. также книгу Benjon: „Berkeley, sa vie et ses oeuvres“. Paris, 1878.

13. (стр. 50) „Вещь сама въ себѣ“ или „ноуменъ“ имѣетъ чисто психологическое значеніе. Ноуменъ есть продуктъ умствен-

наго процесса, называемаго отвлеченіемъ, и можетъ служить только для характеристики нѣкоторыхъ фазъ этого процесса. Ни къ чему другому концептъ этотъ ни въ наукѣ, ни въ философіи не пригоденъ. „Вещь сама въ себѣ“, нуменъ, есть тотъ же самый феноменъ, или то же самое явленіе, которому онъ обыкновенно противополагается, — но явленіе, претерпѣвшее уже особое логическое видоизмѣненіе. Дѣло въ томъ, что всякое явленіе или всякое представленіе наше о томъ или другомъ явленіи есть не что иное, какъ сумма свойствъ, производящихъ это явленіе или представленіе. И подобно тому, какъ отъ любого конкретнаго явленія или представленія мы можемъ абстрагировать временно любое его свойство, напримѣръ, отъ камня его вѣсъ, такъ и отъ абстрактнаго явленія, или „представленія“ вообще, мы можемъ абстрагировать чрезвычайно важный, производящій его факторъ: нашу собственную организацію, сумму индивидуальныхъ, біологическихъ, и коллективныхъ, соціологическихъ свойствъ. Такое „урѣзанное“ представленіе мы и называемъ, хотя и не особенно удачно, „вещью самой въ себѣ“. Въ сущности, однако, мы здѣсь болѣе, чѣмъ когда либо, имѣемъ дѣло съ чистымъ представленіемъ. Вся трудность спекуляціи въ области „нуменовъ“ заключается именно въ томъ, что нуменъ есть представленіе, въ которомъ откинуты чрезвычайно важныя составныя части или элементы всякаго представленія. Оттого въ результатѣ необходимо и получается понятіе о чемъ-то недоступномъ и непознаваемомъ. Какую странную роль играетъ по большей части у Канта „нуменъ“, очень хорошо видно въ вопросѣ о необходимости психическихъ явленій. Что послѣднія подчинены неизмѣнному закону причинности, въ этомъ Кантъ, подобно Юму, ни мало не сомнѣвается. Но тутъ въ свои права вступаетъ концептъ „вещи въ самой себѣ“, „нумена“ или, въ данномъ случаѣ, концептъ духовной субстанціи, въ которой, согласно нашему опредѣленію, откинута, или отъ котораго отвлечена вся сумма реальныхъ (или феноменальныхъ) условій и свойствъ, составляющихъ то, что называется психическою организаціею человѣка. Но, находясь „внѣ міра явленій“, „вещь сама въ себѣ“ обладаетъ и полнѣйшею свободою и независимостью не подчиненъ, слѣдовательно, закону причинности и „нуменъ воли“, этому закону воля подпадаетъ только тогда, когда она обнаруживается .... въ мірѣ явленій.

Значеніе такой аргументаціи извѣстный физіологъ Гексли (въ этюдѣ: „Hume, his life, his philosophy“, стр. 268) опредѣляетъ

двумя слѣдующими ироническими замѣчаніями: 1) „Такъ какъ, говоритъ онъ, Кантъ неустанно повторяетъ, что мы ничего не знаемъ и не можемъ ничего знать о нуменѣ, исключая того, что онъ составляетъ гипотетическій предметъ извѣстнаго числа отрицательныхъ предикатовъ, то утвержденіе, что онъ свободенъ, что онъ не подчиненъ закону причинности, имѣетъ совершенно такую же цѣну, какую имѣло бы утвержденіе, что онъ не сѣрый, не синій, не четвероугольный"; и 2) „Надо предполагать, что метафизики, вообще, не обладаютъ большимъ умомъ; иначе они, конечно, воздержались бы отъ провозглашенія тезисовъ, которые, если совлечь съ нихъ пустословіе, служащее имъ внѣшнимъ покровомъ, являются въ глазахъ профановъ фикціями, столь же безстыдными, сколько голыми" (Ibid. стр. 269).

13 bis (стр 62). Кантъ имѣетъ такое большое значеніе въ исторіи философіи, въ особенности какъ родоначальникъ новѣйшей критической философіи, что мы считаемъ не лишнимъ дополнить сказанное о немъ въ текстѣ еще слѣдующими замѣчаніями, касающимися общаго характера какъ его собственной метафизики, такъ и научно-философской системы критицизма.

Психологическія теоріи Канта были, несомнѣнно, большимъ шагомъ впередъ въ этой темной области знанія, что зависѣло въ значительной степени отъ лучшаго метода, которому онъ слѣдуетъ и который, въ большинствѣ случаевъ, мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной индукціи. Этимъ путемъ Кантъ и доходитъ до признанія равноправности нашихъ чувствъ и нашего разума, какъ источниковъ познаванія. Однако, подъ вліяніемъ старой платоновской теоріи о чистомъ мышленіи, вполнѣ овладѣвшей философіей Лейбница и Вольфа, и Кантъ еще говоритъ о разумѣ, отдѣльномъ и независимомъ отъ чувствъ. Простое воспріятіе, безъ участія мышленія, не даетъ, по мнѣнію Канта, никакого знанія; но мышленіе, внѣ всякаго воспріятія, сохраняетъ еще форму мышленія. Изолируя чувственное воспріятіе, съ цѣлью открыть въ немъ априористическіе элементы, Кантъ рядомъ произвольныхъ гипотезъ устанавливаетъ, что априорный элементъ воспріятія состоитъ въ общей и необходимой „формѣ явленій", которую наши чувства уже наполняютъ „содержаніемъ" и которая для суммы внѣшнихъ ощущеній есть „пространство", а для внутренняго чувства —„время". Но уже въ сравненіи съ ничтожными начатками научной психо-физики (законы Фехнера, Вебера и т. д.) весь

этотъ формальный идеализмъ и основанная на немъ теорія познаванія представляются, конечно, довольно жалкими попытками обобщенія соотвѣтствующихъ явленій

Извѣстно странное различеніе Кантомъ двухъ органовъ или видовъ мышленія. разума и разсудка. Разумъ по необходимости систематиченъ, а разсудокъ—эмпиричнъ. Разумъ есть настоящій органъ философіи, источникъ всеобъемлющихъ идей—душа, міръ, богъ, которыя составляютъ предметъ философіи, несмотря на то, что объективное существованіе ихъ не можетъ быть доказано, ибо ускользаетъ отъ средствъ разсудка, не вмѣщается въ апріорныя формы пространства и времени. По мнѣнію такихъ кантіанцевъ, какъ Шлейденъ („Über den Materialismus der neueren deutschen Wissenschaft", 1863 г.), Кантъ навсегда оградилъ отъ всякихъ нападокъ идеи божества, свободы воли и безсмертія души. Такова была, несомнѣнно, цѣль самого Канта, который именно этимъ путемъ думалъ нанести смертельный ударъ матеріализму. На воображаемыхъ развалинахъ послѣдняго онъ и строитъ самую важную часть своей философіи—нравственную или практическую философію съ ея внутреннимъ голосомъ (категорическимъ императивомъ), напоминающимъ демона Сократа. Но эта попытка Канта основать прочную и автономную мораль не имѣла успѣха По справедливому замѣчанію одного французскаго критика (Revue philosophique, т. XVII, стр. 558), „мораль Канта осталась по прежнему теологическою и Шопенгауэръ былъ правъ: внутреннее ядро нравственности, повелѣвающій абсолютъ, неизвѣстный голосъ, раздающійся въ глубинѣ совѣсти, все это не что иное, какъ самъ Богъ, и долгъ, категорическій императивъ былъ безусловнымъ приказаніемъ, деспотическимъ закономъ, провозглашеннымъ съ высоты философскаго Синая. Кантъ—послѣдній отецъ церкви". См. также Lefèvre", Renaissance du Matérialisme", стр 53—о духовномъ родствѣ Канта съ Руссо. Но Кантъ все-таки отличается отъ большинства другихъ философовъ, какъ матеріалистовъ, такъ и идеалистовъ, тѣмъ, что въ міръ „умѣновъ" онъ переноситъ не всѣ „феномены", а только нѣкоторые изъ нихъ, и на первомъ планѣ—нравственную волю. Въ этомъ случаѣ съ нимъ вполнѣ сходится Шопенгауэръ, для котораго воля вообще есть единственная „вещь сама въ себѣ". Несомнѣнно, однако, что нынѣшняя „психологія безъ души" удивительно умаляетъ значеніе всѣхъ этихъ произвольныхъ построеній Канта.

Что касается, въ частности, „Критики чистаго разума", то

по отношенію къ этому знаменитому произведенію Канта до сихъ поръ умѣстенъ вопросъ Гербарта („Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie“, III, стр. 118): „психологія ли это или цѣлая метафизика“? Самъ Кантъ объясняетъ, что онъ въ „Критикѣ чистаго разума“ никогда не думалъ давать одной „пропедевтики къ трансцендентальной философіи“, а хотѣлъ дать „самую систему этой философіи“. (Ср. Liebmann. „Kant und die Epigonen“, стр. 75 и Goring „System der krit. Philosophie“, I, стр. 29). А въ предисловіи къ 1-му изданію „Критики чистаго разума“ (стр. 8 изданія Rosenkranz'a 1838 г.) Кантъ прямо утверждаетъ, что въ этомъ сочиненіи „разрѣшены всѣ задачи метафизики“ или „по крайней мѣрѣ данъ ключъ къ ихъ разрѣшенію“. Намъ кажется, однако, что Гербартъ совершенно правъ, говоря, что Кантъ и его послѣдователи подымаютъ всю метафизику на ноги, „setzen die ganze Metaphysik in Bewegung“, лишь для того, чтобы разрѣшить нѣкоторые спеціальные вопросы психологіи. Но, какъ мы уже видѣли въ текстѣ, упрекъ Гербарта есть, въ сущности, только довольно вѣрное опредѣленіе всякаго идеализма.

Вообще же, реформа философіи, обыкновенно приписываемая Канту, какъ послѣдствіе признанія имъ правъ опыта, именно въ этомъ смыслѣ была давно произведена другими, и въ особенности Бэкономъ. Правда, поклонники Канта (Геринг, I, стр. 299) напоминая, что уже Демокритъ относился съ недовѣріемъ къ результатамъ чувственнаго воспріятія, утверждаютъ, что эта, столь рано познанная обманчивость чувствъ повела къ совершенному отрицанію ихъ достовѣрности, какъ источника знанія. За немногими исключеніями, говоритъ Геринг, такое положеніе вещей длилось двѣ тысячи лѣтъ, пока не пришелъ Кантъ и т. д. Геринг, очевидно, забываетъ, что эти „немногія исключенія“ обнимаютъ собою, во первыхъ, всѣхъ матеріалистовъ, и во вторыхъ, рядъ великихъ философовъ въ родѣ Аристотеля, Бэкона, Юма, Локка и т. д. Кантъ дѣйствительно совершилъ все то, что приписывается ему его усердными учениками, но именно *потому* значеніе его для философіи далеко не такъ велико, какъ думаютъ его послѣдователи. Въ извѣстномъ смыслѣ, философія Канта есть только передаточный механизмъ, который близко стоящими къ нему людьми принимается за первоначальный генераторъ силы или источникъ движенія. Кантъ имѣетъ особенную важность для своихъ соотечественниковъ, дѣйствительно пробужденныхъ имъ отъ глубокаго догматическаго сна, изъ котораго самъ онъ, однако,

по собственному признанію, былъ выведенъ Юмомъ Какъ переходная ступень къ научной философіи, критическій идеализмъ Канта былъ положительно необходимъ для Германіи; но необходимость его для Англіи и Франціи подлежитъ сильному сомнѣнію. Такое же точно національное значеніе, въ дѣлѣ перехода отъ метафизической къ положительной или научной психологіи, имѣлъ и другой нѣмецкій философъ, уже упомянутый выше Гербартъ.

Въ кантовской реформѣ философіи есть, однако, нѣчто, принадлежащее преимущественно, если не исключительно, ему одному: это—отбросъ „трансцендентальнаго“ въ область „практическаго“ разума, очищеніе этимъ путемъ цѣлой половины метафизики отъ обычнаго ея содержанія, напримѣръ, отъ всего „аппарата сверхъестественныхъ откровеній“, и превращеніе ея въ „критику понятій“. Философія, по мнѣнію Канта, должна имѣть своимъ предметомъ не одно опытное познаніе, но и метафизику, истины которой достижимы только критикою познавательныхъ способностей. Къ иному результату Кантъ не могъ прійти вслѣдствіе своей гипотетической и весьма несовершенной психологіи. Психологія эта еще носитъ на себѣ явные слѣды первоначальнаго дуализма, учившаго, что духъ можетъ мыслить безъ помощи чувствъ, а чувственное познаніе есть, во всѣхъ отношеніяхъ, низшее. Послѣ Бэкона, Локка, Юма и даже послѣ основателя шотландской школы Рейда, Кантъ, конечно, не могъ не видѣть глубокой ошибочности послѣдней гипотезы, но отъ вліянія первой онъ не былъ въ силахъ вполнѣ освободиться Отсюда и столь извѣстныя психологическія апоѳегмы его: „Denken ist das Erkenntniss durch Begriffe“, „Der Verstand urtheilt durch Begriffe“, „Anschauung bedarf der Funktion des Denkens auf keine Weise“ и т. п.

Въ заключеніе скажемъ два слова о критической философіи, ведущей свое начало отъ Канта.

Отыскивая главную причину метафизическихъ заблужденій, нѣкоторые писатели формулируютъ ее такъ исходною точкой метафизики была всегда ложная психологія, отъ которой уже совершался переходъ къ ложной теоріи познаванія, а отсюда и къ ложной метафизикѣ. Формула эта, однако, кажется намъ и неполною, и невѣрною. Метафизика вообще, въ которой идеализмъ есть только частный случай, имѣла своими точками исхода не только ложную психологію или, вѣрнѣе, ложную философію психологіи, но и ложную философію физики, ложную философію химіи и т. д. Лучше, поэтому, было бы ска-

зать, что въ метафизикѣ отъ „незнанія“, какъ точки исхода, переходятъ къ „незнанію“ же, какъ результату. Какъ бы обширны ни были наши познанія въ психологіи, они одни не въ состояніи привести насъ къ философскимъ обобщеніямъ Но этого-то рѣшительно не хочетъ признать такъ-называемая критическая философія; она не понимаетъ, что она роковымъ образомъ осуждена всегда оставаться только критическою.

Критицизмъ можетъ оказать большія услуги положительной психологіи, но, въ концѣ концовъ, онъ долженъ будетъ уступить ей свое мѣсто, или превратиться вновь, какъ у Канта (критика практическаго разума), въ настоящую метафизику. Замѣтимъ также, что самое названіе критицизма съ одинаковымъ, если не съ большимъ правомъ, можетъ быть придано и многимъ другимъ философскимъ системамъ. Болѣе раннимъ и столь же плодотворнымъ критицизмомъ были уже, говоря лишь о новѣйшемъ времени, философіи Локка и Юма. „Essay concerning human understanding“ и „Treatise of human nature“ могутъ въ этомъ отношеніи быть поставлены на одну доску съ „Критикою чистаго разума“. Но въ критицизмѣ англичанъ и французовъ болѣе скептицизма и, въ особенности, эмпиризма, чѣмъ у Канта и у всей нѣмецкой школы. Кантъ въ эмпиризмѣ слишкомъ часто видитъ одинъ только догматизмъ. Это одно изъ его главныхъ заблужденій. Критика понятій всесильна противъ догматизма болѣе или менѣе апріорическаго или имѣющаго не чисто эмпирическое происхожденіе. Но встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ настоящимъ, безпритязательнымъ эмпиризмомъ, всегда охотно признающимъ свое незнаніе въ области отдаленныхъ причинъ явленій, критикѣ понятій остается только сложить оружіе.

О критической философіи см. рядъ статей H. Sidgwick'a въ Mind за 1883 г., подъ заглавіемъ „Критика критической философіи“. Сиджвикъ находитъ, что ни Кантъ, ни его нынѣшніе послѣдователи не имѣютъ права называть свой методъ „критицизмомъ“. Методъ этотъ —тотъ же догматизмъ (въ худшемъ смыслѣ слова), который процвѣталъ у всѣхъ предшественниковъ Канта; и Сиджвикъ рѣшительно не видитъ, что можно выиграть, промѣнявъ естественные и наивные догматы старой „трансцендентной онтологіи“ на болѣе искусственные и менѣе ясные, но ниуть не болѣе достовѣрные догматы этой новой „трансцендентальной психологіи“.

14. (стр. 62). Въ этомъ очеркѣ мы имѣли въ виду историческаго, цѣльнаго Канта, или Канта „обѣихъ Критикъ“, а не

исправленнаго и значительно сокращеннаго Канта новѣйшаго критицизма. Замѣтимъ по этому поводу, что такое „раздвоеніе“ великихъ системъ и самаго историческаго облика, съ которымъ крупные мыслители доходятъ до потомства,—явленіе нерѣдкое въ исторіи философіи. Иногда, какъ это, напр., случилось съ Гегелемъ, образуются двѣ стороны, настоящія правая и лѣвая, и тогда самого философа и его истинную доктрину приходится искать между обѣими крайностями; иногда же одна сторона рѣшительно побѣждаетъ другую, и въ такомъ случаѣ большаго труда стоитъ возстановить, по источникамъ, подлинный образъ мыслителя. Раздвоеніе, о которомъ мы говоримъ, выпало на долю двухъ великихъ мыслителей новѣйшаго времени: Эммануила Канта и Огюста Конта. Въ настоящее время есть два Конта, какъ есть два Канта. Но Литтрэ и позитивисты, такъ долго группировавшіеся вокругъ него и достойнаго сотрудника его, Вырубова, отнеслись къ историческому Огюсту Конту нѣсколько иначе, чѣмъ неокантіанцы къ Эммануилу Канту. Необыкновенная скромность Литтре, съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть, и отсутствіе у него потребности къ оригинальному философскому творчеству имѣли послѣдствіемъ то, что О. Контъ въ толкованіи Литтре остался весьма близокъ къ дѣйствительному Конту. У Литтре Ог. Контъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ подлинный Контъ, но только взятый въ извѣстномъ возрастѣ и въ извѣстномъ періодѣ философской дѣятельности. Напротивъ того, болѣе свободная и рѣзкая критика новѣйшихъ учениковъ Канта имѣла своимъ послѣдствіемъ, во многихъ случаяхъ, совершенное искаженіе истиннаго смысла ученій нѣмецкаго философа.

15. (стр. 63). Фихте (Іоганнъ—Готтлибъ, 1762—1814) и Шеллингъ (1775—1854), несмотря на сравнительно быстро угасшій интересъ къ метафизической сторонѣ ихъ доктринъ, останутся въ исторіи философіи крупными представителями чистаго или психологическаго идеализма. Эти два богато одаренные мыслителя тысячью невидимыхъ нитей связаны, съ одной стороны, съ Кантомъ, а съ другой, съ Гегелемъ и Шопенгауэромъ, которые оба обязаны имъ доброю половиною своего философскаго развитія. Идеализмъ Фихте и Шеллинга выросъ, при одинаковыхъ условіяхъ, на одной и той же почвѣ и, въ сущности, принесъ одинъ и тотъ же плодъ. Это внутреннее тожество всего лучше обнаруживается въ ученіи ихъ о „вещи самой въ себѣ“. И тотъ и другой мужественно сража-

ются противъ этого стараго метафизическаго призрака, полагая, что они въ конецъ уничтожили его, провозгласивъ, что нуменъ есть простая иллюзія нашего духа, безсознательно объективирующаго самого себя во внѣшней природѣ (Фихте), которая есть видимый духъ, подобно тому, какъ духъ есть невидимая природа—два начала, соединяющіяся въ третьемъ, высшемъ началѣ, въ человѣческомъ сознаніи или нашемъ „я“ (Шеллингъ). Но едвали есть надобность доказывать, что этотъ „критическій монизмъ“ весь проникнутъ тѣмъ самымъ концептомъ, который и Фихте, и Шеллингъ стремились навсегда изгнать изъ философіи, и который принимаетъ у нихъ столь характеристическую для чистаго идеализма форму сведенія всѣхъ явленій къ наиболѣе частному и сложному разряду—къ явленіямъ человѣческаго сознанія, къ тому „я“, изъ котораго, по ученію обоихъ мыслителей, все исходитъ и къ которому все, въ концѣ концовъ, возвращается. См. Löwe· „Die Philosophie Fichtes nach dem Gesammtergebniss ihrer Entwicklung“ 1862 и K. Fischer· „F. W. Schelling“ (6-й томъ исторіи нов. философіи) 1872 и 1878 г. Впрочемъ, въ общемъ ходѣ развитія философіи, а не въ развитіи нѣмецкой метафизики только, идеализмъ Фихте и Шеллинга былъ, несомнѣнно, шагомъ назадъ; и этотъ регрессивный характеръ ихъ міропониманія какъ нельзя болѣе ярко сказался у Шеллинга, который, какъ извѣстно, во второй половинѣ своей долгой жизни, явился создателемъ системы „положительной философіи“; такъ, по странной ироніи судьбы (почти одновременно вышелъ и Курсъ положительной философіи Конта), была названа Шеллингомъ въ высшей степени ретроградная попытка его основать философію на христіанскомъ откровеніи См по этому поводу современный памфлетъ Bruno Bauer'a· „Schelling, der Philosoph in Christo oder die Verklaerung der Weltweisheit zur Gottweisheit“.

16 (стр 71). Ср. „Les modernes théories du néant“ Вырубова (Philosophie Positive, т XXVI, стр. 180—184),

Метафизическій остовъ философіи Шопенгауэра, въ быстромъ распространеніи которой именно въ наше время Вырубовъ справедливо видитъ фактъ общественно-патологическаго характера, можетъ быть сведенъ къ немногимъ слѣдующимъ положеніямъ. Единство души есть невѣрная психологическая гипотеза. Изъ общей совокупности психическихъ свойствъ нужно выдѣлить глубокую основу, внутреннюю сущность ихъ, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ основа и сущность всѣхъ про-

чихъ міровыхъ явленій. Это искомое всѣхъ философій, эта истинная „вещь сама въ себѣ“, этотъ несводимый далѣе результатъ анализа, есть воля. Воля составляетъ господствующій и неизмѣнный элементъ сознанія, которому она всегда предшествуетъ и которому даетъ единство и связь, отличающія наше „я“ отъ „не—я“. Сознаніе и познаніе, т. е. все содержаніе разума, уже впослѣдствіи присоединяются къ волѣ, медленно развиваясь изъ нея, какъ сложные продукты элементарной силы. Міръ, поэтому, есть не только представленіе, а прежде всего, и именно въ сокровенной сущности своей,— воля, темное, безсознательное, все побѣждающее стремленіе. Это всего лучше видно на примѣрѣ той части міра, которую мы называемъ нашимъ собственнымъ организмомъ. Всѣ движенія въ нашемъ организмѣ суть непосредственные акты или проявленія воли, а не отдѣльные результаты ея. Но и всѣ такъ называемыя силы или свойства природы обнаруживаютъ то же начало, хотя въ менѣе полномъ и совершенномъ видѣ, чѣмъ біологическіе организмы. Сама матерія есть вѣчно дѣятельная причинность, есть принявшая грубую, осязательную форму воля и т. д. (L Noack „Philosophie—geschichtliches Lexikon и Th. Ribot La philosophie de Schopenhauer“ 1884)

„Вокругъ этого центральнаго видѣнія, говоритъ въ цитированной выше статьѣ Вырубовъ (стр 170), Шопенгауэръ группируетъ самыя разнообразныя вещи, нравственность, эстетику, науку, исторію, съ этой химерой онъ связываетъ, къ ней относитъ всѣ свои познанія и размышленія, окрашивая все въ цвѣтъ собственнаго темперамента. Нѣтъ сомнѣнія, что эти разнохарактерные отрывки, такъ или иначе, приводились въ связь и объединялись субъективною логикою мыслителя; но не менѣе вѣрно и то, что на насъ, разсуждающихъ нѣсколько иначе и имѣющихъ другія умственныя привычки, отрывки эти производятъ впечатлѣніе какого-то арлекинскаго костюма, сшитаго изъ заплатъ и лоскутовъ и напяленнаго на болванъ „всемогущей воли“. Гдѣ же во всемъ этомъ хоть тѣнь системы, хоть матеріалы для какой-бы-то ни было философіи? Въ шести томахъ сочиненій Шопенгауэра я вижу множество мнѣній о самыхъ различныхъ предметахъ, мнѣній, высказанныхъ съ большимъ талантомъ человѣкомъ, знающимъ очень многое и одареннымъ и тонкимъ умомъ, и сильнымъ воображеніемъ; эти мнѣнія я принимаю или отвергаю, смотря по тому, кажутся ли они мнѣ справедливыми или ложными, нравятся ли они мнѣ или нѣтъ, соотвѣтствуютъ ли моему настроенію

или оскорбляютъ мое чувство; но я рѣшительно не могу признать ихъ философскими тезисами, способными выдержать серьезную критику".

Приводя здѣсь это сужденіе, я долженъ замѣтить, что исключительное или даже преимущественное приложеніе его къ Шопенгауэру я нахожу не совсѣмъ справедливымъ. Пестрота содержанія, разнокалиберность частей, болѣе или менѣе искусно группируемыхъ вокругъ одного гипотетическаго принципа, изъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается, составляютъ необходимый удѣлъ всякой метафизики Внѣшняя систематичность и такъ называемая логическая стройность субъективныхъ системъ только временно и для неопытнаго глаза маскируютъ недостатокъ внутренней или реальной однородности между составными частями ихъ. Ту же иллюзію производитъ и темный языкъ большинства метафизиковъ или слишкомъ отвлеченное и сухое изложеніе, господствующее въ ихъ трактатахъ. Но точка исхода самой стройной и логически выдержанной метафизической системы всегда произвольна, верховное, объединяющее начало ея всегда гипотетично; наконецъ, устанавливаемая ею между различными разрядами явленій связь всегда въ высшей степени искусственна. Вотъ почему ни эта точка исхода, ни это начало, ни эта связь ни въ одной метафизической системѣ не выдерживаютъ серьезной или строго-научной критики. Передъ судомъ послѣдней всѣ, безъ различія, метафизическія построенія превращаются въ тотъ арлекинскій костюмъ, о которомъ говоритъ Вырубовъ. Всѣ они оказываются состоящими изъ лоскутовъ разнороднаго знанія, которыми болѣе или менѣе искусно задрапировывается общій всѣмъ имъ „болванъ" всеобъемлющей и потому ничего не содержащей въ себѣ гипотезы! Собственно говоря даже, логически наиболѣе цѣлостныя системы менѣе другихъ способны выдержать научное изслѣдованіе; одного прикосновенія точнаго знанія къ ихъ центральной гипотезѣ бываетъ часто достаточно, чтобы разрушить ихъ какъ карточныя постройки. Напротивъ того, нѣсколько смѣшанныя или менѣе однородныя міровоззрѣнія, какъ показываетъ вся исторія метафизики, несмотря на постоянно открывающіяся въ нихъ противорѣчія, держатся дольше другихъ, если только авторы системъ, въ которыхъ эти міровоззрѣнія воплощаются, обладаютъ значительнымъ талантомъ и умѣютъ, уловивъ главную потребность своей эпохи, дать ей надлежащее удовлетвореніе. Таковы были, напримѣръ, метафизическія построенія Аристотеля, Де-

карта, самого Канта; и таковою, въ извѣстной степени, является и метафизика Шопенгауэра.

За то я вполнѣ согласенъ съ Вырубовымъ, что касается его общей оцѣнки значенія пессимизма для нашего времени. Выписываю здѣсь цѣликомъ эту любопытную страницу (Loc. cit. стр. 183):

„Мы, мыслители, не скажу позитивной школы, но всѣхъ научныхъ школъ и направленій, не имѣемъ повода жалѣть объ этомъ послѣднемъ превращеніи спиритуалистической философіи Она, наконецъ, подошла къ самому краю пропасти, въ которой, одна за другою, исчезаютъ всѣ умственныя аберраціи; еще одинъ шагъ, и она поглотится ею навсегда. Наша роль есть роль сторонникъ зрителей. Какое намъ дѣло до квіетистическаго пессимизма Шопенгауэра, эволюціоннаго пессимизма Гартмана или поэтическаго пессимизма Леопарди? Все это такъ далеко ушло въ туманности надзвѣзднаго міра, все это такъ оторвано отъ реальной почвы, что мы не имѣемъ ни средствъ, ни желанія опредѣлять, критиковать, классифицировать эти ученія; всесильна или нѣтъ воля, имѣетъ ли высшее существо реальное бытіе или не имѣетъ, сознательно ли оно или безсознательно — не наше дѣло, у насъ нѣтъ достаточно времени, чтобы терять его на обсужденіе такихъ наивныхъ тезисовъ, не имѣющихъ, притомъ, ничего общаго съ философіей. Но, съ другой стороны, для насъ очень важно дать себѣ ясный отчетъ въ направленіи, принимаемомъ въ извѣстные эпохи человѣческимъ умомъ, и въ упорствѣ, съ которымъ онъ придерживается извѣстныхъ заблужденій... Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о публикѣ, которая, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, охотно покупаетъ книги, излагающія доктрины пессимизма. Публика эта не есть большая публика или та, что представляетъ собою націю, или всю страну. Нѣтъ, поэтому, основанія, вмѣстѣ съ г. Дюмономъ (Revue scientifique, г. X, I, стр. 229), удивляться тому, что народъ завоевателей съ жадностью, будто бы, слушаетъ и читаетъ о теоріяхъ, проповѣдующихъ ему аскетизмъ и добровольное самоуничтоженіе. Дѣло идетъ здѣсь вовсе не о народѣ. Настоящій народъ, то есть великій и могучій родникъ, безпрерывно питающій и возобновляющій жизнь человѣческихъ обществъ, не судитъ объ этихъ призывахъ къ Нирвану, по той простой причинѣ, что они не доходятъ до него. Трудящійся классъ, страдающій гораздо болѣе философовъ и незанятой ничѣмъ публики, иногда жалуется, и съ полнымъ основаніемъ, на свою судьбу, но онъ никогда не отчаивается: отчаяніе есть признакъ болѣзни, а этотъ классъ полонъ силъ и здоровья.

И во Франціи, и въ Германіи пессимизмъ проникъ лишь въ узкій кругъ класса, который принято называть правящимъ и который самъ такъ легко подпадаетъ владычеству всякаго рода мечтаній и утопій. Да, всѣ тѣ, кто какой либо стороной своего умственнаго существованія принадлежитъ прошедшему, всѣ тѣ, кто упорно ищетъ на старыхъ путяхъ разрѣшенія новыхъ задачъ, могутъ, скажу болѣе, должны быть пессимистами. Настоящее, отнимающее у нихъ одна за другою самыя дорогія ихъ мечты и обличающее въ невѣрности всѣ ихъ расчеты, и будущее, представляющееся имъ не менѣе безотраднымъ, оставляютъ имъ только одно послѣднее утѣшеніе—высокомѣрное презрѣніе ко всему, что̀ есть, и ко всему, что̀ будетъ; такова неизбѣжная реакція, слѣдующая за стремленіемъ къ идеалу, признаваемому неосуществимымъ. Если все, о чемъ мы мечтали, пустая химера, то гораздо лучше, чтобы все погибло, ибо ничто не будетъ въ состояніи удовлетворить насъ. Таково полное отчаянія заключеніе, къ которому приходитъ старая метафизика, когда она сталкивается съ современной дѣйствительностью". См. еще L. Ducros: Schopenhauer. Les origines de la métaphysique ou les transformations de la chose en soi de Kant à Schopenhauer. 1883.

16 bis (стр. 82). Считаю нужнымъ предупредить читателя, что я удѣлю на слѣдующихъ страницахъ сенсуалистическимъ ученіямъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ было отведено мною въ предыдущихъ главахъ системамъ матеріализма и идеализма. Къ этому меня побуждаютъ слѣдующія причины. Во первыхъ, оба крайніе типа, матеріализмъ и идеализмъ, не вызываютъ такихъ сомнѣній въ вѣрности основного принципа моей классификаціи, какія легко можетъ возбудить принимаемый мною дополнительный или средній типъ. А во вторыхъ, переходя отъ одной разновидности метафизики къ другой, я считалъ болѣе удобнымъ тотчасъ же сравнивать ихъ между собою—такъ какъ выдѣленіе подобныхъ сравненій въ особую главу не уменьшило бы числа неизбѣжныхъ повтореній и не содѣйствовало бы уясненію предмета. Вотъ почему изложеніе прошедшаго идеализма потребовало отъ меня вдвое болѣе мѣста, сравнительно съ очеркомъ историческихъ судебъ матеріализма, а прошедшему сенсуализма я долженъ былъ посвятить цѣлыхъ три главы, не считая настоящей.

17 (стр. 86). Насколько справедлива такая характеристика

сенсуализма, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго мнѣнія, принадлежащаго не сенсуалисту XVII-го или XVIII-го вѣка, какъ можно было бы думать, а ученому XIX-го столѣтія,— правда, извѣстному столько же своими заслугами на поприщѣ положительнаго знанія, сколько и своей склонностью къ особаго рода научному мистицизму: „Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, говоритъ астрономъ Цѣллнеръ, что явленіе ощущенія есть фактъ гораздо болѣе основной, чѣмъ движеніе, приписываемое нами веществу, какъ самое общее его свойство, какъ условіе, необходимое для пониманія чувственныхъ измѣненій". (Ueber die Natur der Kometen, Beitrage zur Geschichte und Theorie der Erkenntniss. 2 издан. Лейпцигъ, 1872, стр. 320 и слѣд.). Ланге (Исторія матеріализма, т. II, стр. 170—171) замѣчаетъ, съ своей стороны, что изъ ощущенія, дѣйствительно, легко вывести представленіе объ атомахъ и ихъ движеніи, но не на оборотъ, изъ движенія атомовъ—ощущеніе. „Ощущеніе, поясняетъ онъ, или представленіе о немъ, есть нѣчто общее, представленіе же объ атомахъ и ихъ колебаніяхъ есть нѣчто частное". Мы считаемъ излишнимъ оспаривать здѣсь это мнѣніе, которое, очевидно, основано на весьма незамысловатой игрѣ словами „общее" и „частное", на произвольномъ измѣненіи ихъ обычнаго смысла. Еще менѣе, по той же причинѣ, желаемъ мы возразить что либо противъ высказываемаго тѣмъ же писателемъ мнѣнія, будто, если уже выбирать между ощущеніемъ и движеніемъ, если уже признавать реальною одну изъ этихъ категорій явленій и называть другую простою видимостью, то въ пользу реальности ощущеній можно собрать гораздо болѣе доводовъ, чѣмъ въ пользу реальности движенія. На предполагаемой реальности движенія основана вся наука; но это, по мнѣнію Ланге, ничего не значитъ, ибо познаніе природы въ этомъ случаѣ можно сравнить съ средствомъ оріентироваться, съ географической картою, оказывающей намъ большія услуги, хотя она сама не есть вовсе та страна, которую мы, глядя на карту, посѣщаемъ мысленно. Правда, Ланге тотчасъ же спѣшитъ оговориться въ томъ смыслѣ, что сдѣланное имъ различеніе не особенно необходимо или полезно уже потому, что ощущеніе и движеніе одинаково реальны для насъ, какъ явленія; при чемъ первое есть явленіе непосредственное, а второе—явленіе посредственное, мыслимое нами. Какъ будто ощущеніе нами не мыслимо, подобно движенію, и не составляетъ такого же точно „матеріала" для образованія представленій! Или, можетъ быть, Ланге хочетъ просто сказать, что движеніе должно стать

объектомъ ощущенія, прежде чѣмъ сдѣлаться объектомъ представленія? Но вѣдь и само ощущеніе необходимо проходитъ чрезъ всѣ фазы одинаковаго процесса, прежде чѣмъ достигнуть сознанія. Впрочемъ, мы привели здѣсь эти мнѣнія Целльнера и Ланге только какъ наглядное доказательство того, что призракъ сенсуалистической гипотезы не оставляетъ въ покоѣ и людей нашей эпохи, что привидѣніе это показывается отъ времени до времени даже наиболѣе сильнымъ и критически изощреннымъ умамъ вѣка.

Что основаніемъ сенсуалистической философіи служило всегда особаго рода динамическое представленіе о жизни и ея функціяхъ,—наглядно видно на примѣрѣ весьма многихъ философовъ. См. по этому поводу уже упомянутый нами этюдъ Маріона объ англійскомъ метафизикѣ XVII-го столѣтія Глиссонѣ и его трактатѣ: „De natura substantiae energetica, seu vita naturae, ejusque tribus, primis facultatibus: I. perceptiva; II. appetiva; III, motiva, naturalibus“. Глиссона многіе (Franck, Cousin, Rosmini, Tennemann и др.) считаютъ непосредственнымъ преемникомъ Лейбница, на монадологію котораго онъ, будто бы, оказалъ прямое, хотя тщательно скрывавшееся Лейбницемъ вліяніе. Но это едва-ли справедливо, какъ замѣчаетъ и Маріонъ, и притомъ въ какой бы то ни было мѣрѣ. Обоихъ философовъ глубоко раздѣляетъ ихъ исходная точка, все то разстояніе, которое лежитъ между идеализмомъ и сенсуализмомъ. Они сходятся развѣ только въ томъ, что оба одинаково склонны къ почти каррикатурному преувеличенію своихъ основныхъ, совершенно гипотетическихъ тезисовъ. Для Глиссона, единство матеріи и силы или того, что онъ называетъ субстанціей и жизнью, составляетъ настоящій догматъ философской вѣры. Эту „живую субстанцію“—другой, по его мнѣнію, не существуетъ—онъ и предлагаетъ называть „біусіей“ (βιοῦσιαν, жизненной субстанціей) или „біархіей“ (βιαρχίαν, жизненнымъ началомъ). Въ отличающемъ ее свойствѣ „ощущенія или воспріятія“ Глиссонъ видитъ три ступени: „естественнаго воспріятія“, принадлежащаго такъ называемымъ неодушевленнымъ предметамъ, „животнаго воспріятія“ или воспріятія посредствомъ извѣстной біологической организаціи и, наконецъ, „умственнаго воспріятія“, сопровождаемаго размышленіемъ и другими продуктами высшей организаціи. Но біусія или біархія Глиссона, хотя и одарена элементарными психическими свойствами, есть всегда вещество, начало чисто-матеріальное. Глиссонъ смѣется надъ математическими или субстан-

ціальными точками (которыя, подъ тѣми же названіями и еще подъ именемъ метафизическихъ точекъ, вошли впослѣдствіи въ теорію Лейбница): „Субстанціальныя точки, говоритъ онъ, или нѣчто въ родѣ субстанціальнаго, вещественнаго нуля, ибо въ самомъ существѣ матеріи лежитъ невозможность бытія внѣ количественныхъ свойствъ...“

18 (стр. 93). По вопросу о вліяніи метафизики на успѣхи спеціальныхъ наукъ очень распространено мнѣніе, которое, на первый взглядъ, какъ будто нѣсколько противорѣчитъ ряду выставленныхъ нами въ текстѣ предположеній. Мы постоянно слышимъ жалобы на вредное вліяніе матеріалистическихъ доктринъ въ области высшихъ наукъ, начиная съ біологіи и кончая психологіей и соціологіей. Не менѣе часто приходится встрѣчаться и съ сѣтованіями на вредъ, наносимый изученію физико-химическаго міра фантастическими представленіями о немъ идеализма. Объ одномъ сенсуализмѣ обыкновенно умалчивается, можетъ быть потому, что воздѣйствіе его на успѣхи частныхъ наукъ, согласно общему неправильному взгляду на роль и значеніе этой философіи, признается сравнительно ничтожнымъ. Матеріализму, такимъ образомъ, приписывается отсталость высшихъ наукъ, развитію которыхъ онъ мѣшаетъ своимъ стремленіемъ объяснить сложныя явленія исключительно дѣйствіемъ наиболѣе простыхъ причинъ; а идеализмъ, напротивъ того, обвиняется въ задержаніи развитія низшихъ наукъ, въ предѣлы которыхъ онъ незаконно переноситъ точки зрѣнія и методы высшихъ отраслей знанія. Все это отчасти справедливо, но, какъ намъ кажется, нисколько не противорѣчитъ взгляду, высказанному въ текстѣ. Вредное дѣйствіе матеріалистическихъ гипотезъ въ области высшихъ наукъ не подлежитъ сомнѣнію; но этимъ, очевидно, не исключается возможность еще болѣе вреднаго вліянія ихъ на успѣхи той самой области знанія, явленія которой незаконно обобщаются ими, раздуваются не въ мѣру, признаются исчерпывающими собою всю сумму міровыхъ процессовъ. Точно также не можетъ быть отрицаемо и вредное вліяніе идеалистическихъ гипотезъ въ области низшихъ наукъ; но это еще не значитъ, что эти гипотезы менѣе мѣшаютъ успѣхамъ тѣхъ отраслей знанія, явленія которыхъ признаются ими единственной реальной основой, истиннымъ источникомъ всего происходящаго въ природѣ. Собственно говоря, мы тутъ имѣемъ дѣло не съ двумя ошибками человѣческаго ума, а съ цѣлыми двумя парами ихъ (принимая же въ расчетъ

сенсуализмъ, и съ тремя парами). Философскія гипотезы, заимствованныя изъ области неорганическихъ явленій и принципіально игнорирующія болѣе сложныя и частныя причины, дѣйствующія въ сферѣ психическихъ и соціальныхъ фактовъ, м е н ѣ е мѣшаютъ дѣйствительному открытію этихъ частныхъ причинъ, чѣмъ философскія же гипотезы, которыя въ механическихъ и физическихъ силахъ матеріи усматриваютъ лишь особую форму проявленія психическихъ свойствъ. Въ первомъ случаѣ, „менѣе извѣстное“ или вовсе „неизвѣстное“—законы психической и соціальной жизни—объясняется, произвольно и неправильно, болѣе „извѣстнымъ“—законами физико-химическихъ явленій; во второмъ же случаѣ, „болѣе извѣстное“—явленія неорганическаго міра—объясняется психическимъ или соціальнымъ „неизвѣстнымъ“. Идеалистическія гипотезы, вообще, ошибочно принимаютъ сложныя причины за наиболѣе элементарныя и простыя; но если въ низшихъ наукахъ такая ошибка влечетъ за собою неправильное приравненіе физико-химическихъ процессовъ къ фактамъ психической и соціальной жизни, то въ высшихъ наукахъ то же залужденіе, очевидно, не только не разсѣиваетъ густого мрака, окружающаго содержаніе этихъ наукъ, но еще болѣе увеличиваетъ его вслѣдствіе произвольной придачи этому содержанію отнюдь не принадлежащаго ему элементарно-общаго, универсальнаго характера. Наконецъ, что касается сенсуалистическихъ гипотезъ, то и ихъ появленіе въ любой отрасли спеціальнаго знанія можетъ сопровождаться только отрицательными результатами; но это въ особенности справедливо относительно біологіи, развитію которой м е н ѣ е препятствуетъ философская гипотеза, видящая въ явленіяхъ жизни частный случай механическихъ и физическихъ силъ, чѣмъ такая же гипотеза, которая въ этихъ силахъ усматриваетъ особое видоизмѣненіе жизненныхъ процессовъ. Неизвѣстныя свойства, совокупность которыхъ мы называемъ „жизнью“, ни мало не выясняются отъ того, что они произвольно выдаются за проявленія болѣе извѣстныхъ свойствъ неорганической природы; но они еще менѣе объясняются гипотезой, которая въ фактахъ неорганическаго порядка заподозрѣваетъ ту же жизнедѣятельность, хотя уже въ слабой степени или въ скрытомъ состояніи. Однимъ словомъ: только отрицательную цѣну имѣетъ пріемъ, состоящій въ сведеніи одного разряда явленій къ другому, въ силу не спеціальной, научной, провѣряемой, а общей, философской, непровѣряемой гипотезы; но еще менѣе, пови-

димому, состоятеленъ пріемъ, заключающійся въ объясненіи данныхъ явленій ими же самими, подобно тому, какъ поступаетъ и спеціальная наука, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ отъ научнаго метода, что объясняющіе факты представляются уже предварительно отожествленными съ совокупностью другихъ разрядовъ явленій. Оба пріема, въ концѣ концовъ, одинаково непригодны для цѣлей спеціальной науки; но погрѣшность противъ научнаго метода въ одномъ случаѣ менѣе замаскирована, чѣмъ въ другомъ, а потому и менѣе опасна.

18 bis (стр. 94). Къ школамъ сенсуализма непосредственно примыкаютъ только болѣе раннія попытки въ этомъ направленіи. Замѣчательно, что въ полномъ согласіи съ высказаннымъ нами въ текстѣ предположеніемъ, попытки ти устремились сначала на самыя сложныя проявленія психической жизни. Только впослѣдствіи, приближаясь уже къ XIX-му столѣтію, замѣчается стремленіе къ научному описанію наиболѣе элементарныхъ, непосредственно граничащихъ съ физіологіею мозга психическихъ процессовъ. Еще позднѣе возникли новѣйшія направленія въ психологіи, какъ-то: физіологическая психологія и психо-физика; эти направленія народились подъ вліяніемъ общихъ успѣховъ естествознанія, подъ прямымъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ на задачи и характеръ наукъ наиболѣе сложныхъ явленій и, наконецъ, вообще уже подъ знаменемъ новаго философскаго движенія. Возводить начало ихъ къ сенсуализму было бы, поэтому, исторически и философски, одинаково неправильно.

19 (стр. 103). Сенсуализмъ имѣетъ множество точекъ соприкосновенія съ матеріализмомъ. Въ построеніяхъ послѣдняго краеугольнымъ камнемъ является вещество, въ построеніяхъ перваго—чувственное воспріятіе. Матеріализмъ—есть философія, обращенная въ сторону внѣшней природы, объекта; сенсуализмъ—есть тотъ же матеріализмъ, но уже обращенный въ сторону человѣка и его внутренняго міра. Безъ матеріи — нѣтъ явленій: вотъ самая общая формула матеріализма; безъ воспріятія—нѣтъ понятій: вотъ основная формула сенсуализма. Въ обоихъ воззрѣніяхъ, въ отличіе отъ идеализма, ф о р м а (форма матеріи и форма понятій—это особое, неуловимое пластическое начало, называемое иногда также силой или энергіей) остается на заднемъ планѣ. Для матеріалиста, воспріятіе есть обыкновенное измѣненіе вещества; для сенсуалиста, вещество есть только воспріятіе, и потому онъ воспріятіе и считаетъ единствен-

ною реальною данною. Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою какъ бы два матеріализма: одинъ—чисто объективный, другой чисто субъективный; одинъ, понимающій субъектъ какъ объектъ, другой—объектъ какъ субъектъ. Первый есть болѣе ранній и болѣе непосредственный; второй—болѣе поздній, болѣе обдуманный и потому составляющій какъ бы развитіе перваго. Дѣйствительно, въ исторіи философіи, за всякимъ замѣтнымъ расцвѣтомъ матеріализма всегда слѣдовалъ и замѣтный расцвѣтъ сенсуализма. Такъ, у грековъ атомизмъ смѣнился софистикой, сенсуалистическая окраска которой не подлежитъ сомнѣнію; такъ, въ новѣйшей философіи, за Гоббсомъ слѣдовалъ Локкъ, за Ламеттри—Кондильякъ. Но за то и въ ученіяхъ самыхъ лучшихъ матеріалистовъ, напримѣръ у Демокрита или Гоббса, не трудно отыскать въ зародышѣ множество сенсуалистическихъ аргументовъ и точекъ зрѣнія.

19 bis (стр. 111). См. Lewes: History of Philosophy, т. I, стр. 260.—Идеи, по мнѣнію Аристотеля, суть не что иное, какъ продуктъ нашего разума, который, путемъ отвлеченія, отдѣляетъ индивидуальные предметы отъ общихъ отношеній, т. е. отъ свойствъ, принадлежащихъ сообща многимъ разрядамъ предметовъ. Пониманіе явленій развивается медленно, по мѣрѣ накопленія чувственнаго матеріала, накопленія, которое составляетъ прямую функцію памяти. Но общіе принципы мы должны искать исключительно въ фактахъ; только такіе принципы и можно допускать въ науку. Воспоминаніе о фактахъ превращается въ опытное знаніе путемъ особаго „искусства“, которое мы бы назвали индукціей и о которомъ Аристотель говоритъ, что оно начинается тамъ, гдѣ изъ большаго числа фактовъ образуется общее понятіе, обнимающее всѣ сходные случаи. „Такъ, поясняетъ онъ (въ своей метафизикѣ), знаніе, что извѣстное средство исцѣлило Каліаса отъ извѣстнаго недуга, и что то же средство произвело одинаковое дѣйствіе на Сократа—есть опытъ; но знаніе, что извѣстное средство исцѣлитъ всякаго, страдающаго тѣмъ же недугомъ, есть искусство: ибо опытъ есть знаніе индивидуальныхъ предметовъ, искусство (индукція) есть знаніе общностей“.

Но какъ бы близко ни совпадали эти взгляды Аристотеля на научный методъ со взглядами, получившими рѣшительный перевѣсъ уже въ новѣйшее время, или какъ бы вѣрны они ни были сами по себѣ, нельзя не согласиться съ Льюисомъ (op. cit.

I, стр. 297—8), что сколько нибудь полное и послѣдовательное примѣненіе ихъ было немыслимо въ ту отдаленную эпоху, въ особенности въ области общихъ вопросовъ, среди которыхъ, отчасти по необходимости, отчасти слѣдуя философскому складу своего ума, постоянно вращался Аристотель. Естественно поэтому, что самъ Аристотель рѣдко остается вѣренъ требованіямъ объективнаго метода: задачи, не разрѣшимыя апостеріорнымъ путемъ, вслѣдствіе недостатка фактическихъ данныхъ, онъ сплошь и рядомъ разрѣшаетъ a priori. Вообще, во всей логикѣ Аристотеля, въ его теоріи силлогизма, въ постоянно возвращающемся у него мнѣніи, что общія понятія, выведенныя изъ явленій, объясняютъ послѣднія лучше и точнѣе, чѣмъ сами явленія, въ его взглядѣ на словесныя и логическія опредѣленія, какъ на весьма дѣйствительныя средства научнаго изслѣдованія и т. п., присущій его метафизическому міропониманію идеализмъ замѣтно беретъ верхъ надъ тѣмъ неяснымъ сенсуализмомъ, который привелъ его къ столь раннему, можно почти сказать, преждевременному формулированію условій и требованій объективнаго метода.

20 (стр. 115). Въ виду важности предмета, я далъ мѣсто настоящему отступленію въ самомъ текстѣ, а не въ примѣчаніяхъ, какъ того требовала принятая мною система распредѣленія матеріала; къ затронутому здѣсь вопросу мнѣ, конечно, еще придется вернуться; но пока дополню сказанное выше немногими слѣдующими соображеніями.

Такъ-называемая новая философія, въ самыхъ значительныхъ своихъ проявленіяхъ, усвоила себѣ новую, усовершенствованную теорію познаванія, открыто признававшую превосходство опытнаго или объективнаго метода; но та же философія усвоила себѣ и всѣ частные успѣхи спеціальныхъ наукъ, великія истины въ области астрономіи, физики, химіи, біологіи и т. п. Къ сожалѣнію, однако, все это воспринималось ею, какъ нѣчто внѣшнее, постороннее; все это служило только къ прикрытію ея собственной внутренней пустоты и безпомощности. Необходимость объективнаго метода въ предѣлахъ спеціальныхъ наукъ была признана философіей, какъ истина, давно уже освѣщавшая яркимъ блескомъ путь этихъ наукъ; но серьёзно примѣнить тотъ же методъ къ собственнымъ изслѣдованіямъ философія никогда не рѣшалась. Она, очевидно, и не могла сдѣлать ничего подобнаго, не переста-

вая быть метафизикою. Философъ, который въ эпоху не только Аристотеля, не только Бэкона, но даже Юма и Канта, на самомъ дѣлѣ пожелалъ бы навсегда изгнать a priori изъ области философскихъ спекуляцій, очевидно, долженъ былъ бы прежде всего отречься отъ всякаго философскаго схематизма, преждевременность котораго ярко бросилась бы ему въ глаза; такой философъ не построилъ бы ни одной общей и непровѣряемой гипотезы и отказался бы отъ самой мысли о возможности образованія цѣльнаго и однороднаго міропониманія. Вотъ почему во всемъ прошедшемъ философіи я не вижу объективной философіи, и самое раздѣленіе прежней философіи на древнюю и новую признаю лишеннымъ всякаго серьезнаго значенія. Ссылаюсь въ этомъ случаѣ на мою классификацію метафизическихъ системъ или, вѣрнѣе, на лежащій въ основѣ ея законъ развитія метафизики. Этотъ законъ, о которомъ рѣчь впереди, и эта классификація, взятые вмѣстѣ, разсѣиваютъ туманъ, окружающій относящіеся сюда вопросы, и разрушаютъ иллюзіи, возникшія благодаря новому приращенію, которое метафизическая мысль получила вслѣдствіе развитія сенсуализма.

Конечно, подъ именемъ объективной философіи можно понимать нѣчто гораздо болѣе скромное, можно обозначать этимъ терминомъ философію, настойчиво преподававшую спеціальному знанію совѣтъ руководиться исключительно опытнымъ или объективнымъ методомъ; въ самой настойчивости, съ которою повторялся этотъ совѣтъ, можно, наконецъ, видѣть смутное предчувствіе великой истины, что общее знаніе зиждется исключительно на спеціальномъ, что научная философія можетъ быть только продуктомъ медленной эволюціи частныхъ наукъ, а не наоборотъ. Но и въ этомъ случаѣ было бы несправедливо утверждать безусловно, что древняя философія не давала такихъ совѣтовъ и не имѣла, хотя бы только въ самой отдаленной степени, такого предчувствія. Не говоримъ уже объ Аристотелѣ; но и до него, у софистовъ, и особенно послѣ него, въ многочисленныхъ школахъ скептиковъ разсѣяно такъ много указаній въ этомъ смыслѣ, и вообще весь вопросъ объ условіяхъ опытнаго или чувственнаго познаванія является настолько разработаннымъ, что проводить въ этомъ отношеніи слишкомъ рѣзкую черту раздѣленія между древними и новыми метафизиками нѣтъ никакого основанія. Мы имѣемъ дѣло здѣсь съ простымъ количественнымъ, а не качественнымъ различіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что древніе философы занимались этими

вопросами гораздо менѣе, чѣмъ преемники ихъ въ ближайшую къ намъ эпоху; мы тѣмъ охотнѣе соглашаемся признать это, что для насъ совершенно ясно, что сами вопросы эти могли быть прочно поставлены и всесторонне дебатированы только въ школахъ сенсуализма и измѣнившагося, подъ вліяньемъ послѣдняго, идеализма. Но отрицать вовсе возбужденіе этихъ вопросовъ въ древней философіи значило бы закрывать глаза на тотъ фактъ, что сенсуализмъ первую стадію своего развитія прошелъ несомнѣнно еще въ предѣлахъ греко-римской цивилизаціи. Болѣе справедливымъ въ этомъ отношеніи показался бы намъ упрекъ, обращенный къ наукѣ древнихъ. Спеціальныя науки, дѣйствительно, обнаруживали въ древности гораздо бо́льшую склонность пользоваться одновременно двумя методами: объективнымъ, который и тогда приводилъ ихъ къ блестящимъ результатамъ, и субъективнымъ, который оставался безплоднымъ и потому съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе вытѣснялся изъ общаго употребленія. Въ этой медленной эволюціи, замѣнившей одни методологическіе пріемы другими, сказались прежде всего, если не исключительно, успѣхи самого частнаго знанія; роль же философіи въ этомъ развитіи была скорѣе пассивною, ограничивалась, большею частью, простымъ констатированіемъ прогресса, совершившагося въ области частныхъ наукъ. Однако, никто не видитъ непроходимой пропасти между древнею и новою наукою, никто не говоритъ о субъективной наукѣ древнихъ и объективной наукѣ новѣйшаго времени; но столько же, если не меньше основаній имѣется и для того, чтобы признавать такую пропасть между древнею и новою философіями или раздѣлять метафизику на объективную и субъективную. Объективная метафизика — по меньшей мѣрѣ такое же невозможное сочетаніе словъ, какъ субъективная наука.

21 (стр. 123). Lewes „History of philosophy“, т. I, стр. 362. „Борьба, которую вели стоики, говоритъ Льюисъ, была весьма сходна съ борьбою, затѣянною шотландцами, и сходство это простиралось на занятую тѣми и другими позицію, на пущенныя въ ходъ средства, на врага, служившаго предметомъ нападенія, на цѣль, которую хотѣли достигнуть. Обѣ школы одинаково сражались за нравственность, которая, какъ казалось имъ, подвергалась опасности... При этомъ, однако, весьма любопытною является та ignoratio elenchi, то недоразумѣніе относительно дѣйствительной силы врага и то непони-

маніе собственной крайней безпомощности, въ которыя одинаково впали и древніе, и новѣйшіе философы здраваго смысла. Скептики дали рѣшительный приступъ двумъ крѣпостямъ—опытному воспріятію предметовъ и разуму. Опытное или чувственное воспріятіе они свели къ ощущенію, которое имѣло результатомъ простую вѣроятность, но отнюдь не абсолютную достовѣрность; они указывали, далѣе, на неспособность разума къ различенію между „вѣроятностью“ и „достовѣрностью“,—неспособность, основанную, во первыхъ, на томъ, что разумъ имѣетъ дѣло только съ явленіями и, во вторыхъ, на томъ, что не существуетъ критерія, который могъ бы быть приложенъ къ самому разуму. Но одержавъ такую побѣду, скептики провозгласили конецъ философіи. Тогда мужественно встаютъ стоики—а впослѣдствіи шотландцы—и, опираясь на здравый смыслъ, стараются увѣрить и себя и другихъ, что они обратили въ бѣгство грозныя силы скептиковъ, стараются увѣрить, что они вернули назадъ потерянныя позиціи, путемъ простого возвѣщенія, что чувственныя воспріятія могутъ быть и истинными и ложными, и что мы можемъ различать первыя отъ послѣднихъ—именно различая ихъ; или еще путемъ возвѣщенія, что разумъ имѣетъ свой критерій „въ очевидности“, которая сама не нуждается въ критеріи. она такъ ясна“.—„Все это похоже на то—замѣчаетъ еще нашъ авторъ—какъ если бы, послѣ вторженія французовъ въ Великобританію и взятія ими Лондона, Эдинбурга, и Дублина, англійскіе патріоты рѣшили, что французы изгнаны, потому что партія добровольцевъ заняла Гемпштедскую равнину и, развернувъ знамя Англіи, съ громкими криками объявила о пораженіи вторгнувшагося непріятеля“.

21 b 18 (стр. 124). Исправимъ здѣсь, кстати, небольшую неточность, въ которую впалъ Льюисъ въ своей Исторіи философіи (т. I, стр. 365 и слѣд). Говоря объ Аркесилаѣ (+ 241 до Р. Х.) и Карнеадѣ (+ 130 до Р. Х.), онъ считаетъ перваго основателемъ Средней, а второго—Новой Академіи; между тѣмъ, древніе подъ Новой Академіей понимали обыкновенно четвертую и пятую Академіи, основателями которыхъ считались Филонъ Ларисскій (ок. 80 до Р. Х.) и ученикъ его Антіохій изъ Аскалона (+ 69 до Р. Х.). Скептическое направленіе было свойственно только Средней Академіи, а не Новой: въ послѣдней, четвертая Академія возвращается къ идеалистическому догматизму Платона, а пятая составляетъ уже

переходъ къ школѣ нео-платониковъ Ср. L. Noack, Philosophie—geschichtliches Lexikon, стр. 19.

22 (стр. 126). „Акаталепсіей", буквально „непонимаемостью", древніе скептики называли свойство вещей ускользать отъ такого воспріятія ихъ нашими чувствами, которое бы вѣрно передавало истинный характеръ ихъ. Стоики отличали „каталептическій фантазмъ", или истинное воспріятіе, отъ „акаталептическаго", или ложнаго; для академиковъ же второй и третьей школъ всѣ „фантазмы" были одинаково акаталептичны, т. е. одинаково не соотвѣтствовали воспринимаемымъ предметамъ.

Въ заключеніе этого параграфа, не лишнее, можетъ быть, будетъ привести здѣсь изъ Исторіи философіи Льюиса (т. I, стр. 376) слѣдующую характеристику древняго скептицизма. „Скептики—а всѣ мыслители разсмотрѣнной нами эпохи были скептиками, какъ бы они ни назывались, эпикурейцами, стоиками, пирронистами, или академиками—скептики, говоритъ Льюисъ, имѣли въ своемъ распоряженіи одно могущественное орудіе. Они заимствовали у Сократа, у Платона, у Аристотеля самые отборные ихъ аргументы и обратили ихъ противъ философіи; успѣхъ увѣнчалъ ихъ усилія. Вся мудрость древняго міра была безсильна противъ скептиковъ Спекулятивная увѣренность была низведена на степень самой слабой „вѣроятности". Вѣра въ философскую истину изсякла. Вѣра въ успѣшность человѣческихъ усилій, обращенныхъ въ эту сторону, исчезла. Философія отвергалась, какъ нѣчто невозможное.

„Но одна особенность сократовскаго ученія сохранилась и среди скептицизма. Сократъ сдѣлалъ изъ этики главную цѣль своихъ изслѣдованій, и всѣ позднѣйшіе мыслители удѣляли тому же предмету неизвѣстную дотолѣ степень вниманія. Философія довольствовалась здравымъ смысломъ стоиковъ и вѣроятностями скептиковъ; но какъ бы ничтожны ни казались такія начала въ качествѣ философскихъ принциповъ, они не были лишены всякой цѣны, какъ нравственные принципы. Здравый смыслъ можетъ быть очень плохою основою для метафизическихъ или научныхъ теорій; но онъ вовсе не такое дурное основаніе для системы нравственности. А потому и протестъ скептицизма противъ всякой философіи не былъ такъ анархиченъ, какъ протестъ софистовъ; но онъ былъ болѣе энергиченъ и болѣе страшенъ. Вся мудрость того времени была безсильна помочь злу. Послѣдній крикъ отчаянія вырвался

изъ груди обманувшихся мыслителей вмѣстѣ съ признаніемъ, что предшественники ихъ безнадежно ошибались, и что исправить ихъ заблужденіе, найти истину—невозможно.

„Это было, дѣйствительно, печальное зрѣлище. Надежды и стремленія такого множества великихъ умовъ были безповоротно осуждены; усилія столькихъ мыслителей, отъ Ѳалеса, который первый спросилъ себя: откуда все происходитъ, до Аристотеля, пропали, повидимому, даромъ. Пожпная плоды лучшихъ стремленій философовъ, можно было собрать только аргументы противъ возможности той самой философіи, которую эти философы такъ страстно желали создать. Цѣлыя столѣтія упорной работы мысли ни на одинъ шагъ не приблизили человѣческаго ума къ разрѣшенію задачъ, къ которымъ онъ подошелъ еще въ дѣтствѣ. Онъ началъ съ дѣтскаго вопроса, онъ кончилъ старческимъ сомнѣніемъ. Онъ сомнѣвался не только въ тѣхъ рѣшеніяхъ великой задачи, которыя были уже предложены; онъ сомнѣвался въ самой возможности какого-либо рѣшенія. То было не сомнѣніе, которымъ начинается, а сомнѣніе, которымъ кончается изслѣдованіе: то была потеря послѣднихъ иллюзій".

22 bis (стр. 127). Какъ одно изъ самыхъ общихъ и могущественныхъ теченій философской мысли, сенсуалистическое пониманіе міра никогда не прерывалось. Оно имѣло свои корни, въ глубокой древности, въ „илозоизмѣ" первыхъ мыслителей; оно затѣмъ передавалось отъ поколѣнія къ поколѣнію; прослѣдить эту передачу не трудно, сопоставляя другъ съ другомъ платоническую теорію міровой души, метафизику Аристотеля, пантеизмъ стоиковъ, всѣ формы древняго скептицизма, арабскую философію, средневѣковую схоластику, философію эпохи Возрожденія. Сенсуализмъ тутъ принимаетъ самыя различныя формы—отъ наиболѣе грубыхъ до наиболѣе утонченныхъ; онъ смѣшивается и сливается съ другими теченіями, съ матеріализмомъ въ самыхъ наивныхъ его проявленіяхъ, съ идеализмомъ съ его высокими порывами; но во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ онъ легко распознается по тѣмъ признакамъ, на которые мы уже не разъ указывали.

Труды новѣйшихъ историковъ философіи все болѣе выдвигаютъ впередъ, все сильнѣе оттѣняютъ эту непрерывность сенсуалистической традиціи, — въ особенности труды, посвященные мало извѣстнымъ или вовсе забытымъ мыслителямъ древности и среднихъ вѣковъ. См., напримѣръ, работу C h a u v e t;

La médecine grecque et ses rapports à la philosophie. (Revue phil. т. XVI, стр. 234—263).

Матеріалистическій сенсуализмъ самаго грубаго свойства нераздѣльно царствуетъ въ міросозерцаніи большинства представителей древне-греческой медицины (въ томъ числѣ и въ философіи Асклепія или Эскулапа). Всѣ духовныя функціи сводятся къ внѣшнимъ чувствамъ, съ которыми онѣ вполнѣ отожествляются. Все есть воспріятіе, и врожденнаго нѣтъ ничего. Всѣ наши идеи, всѣ способности, память, самый разумъ имѣютъ своею колыбелью — наши ощущенія. Нравственность, свобода, добродѣтель мудрость, любовь — все это одни слова. Организмъ нашъ—полнѣйшая tabula rasa, мало по малу исписываемая нашими чувствами и т. д. (стр. 253). См. также уже цитированную нами работу Маріона о сенсуалистѣ XVII вѣка Глиссонѣ (Revue phil. т. XIV, стр. 153). „Уже между схоластиками, говоритъ Маріонъ, такъ часто терявшими изъ виду реальное изъ-за формальнаго, и дѣйствительную жизнь изъ-за абстрактной логики, Дунсъ Скотъ, исправляя доктрину св. Ѳомы, видѣлъ сущность природы не въ косной ф о р м ѣ, а въ живой с и л ѣ, даже въ индивидуальной энергіи. Сила, присущая матеріи—вотъ основной догматъ всей философіи Возрожденія и всей космологіи Галилея. Бэконъ проникнутъ этимъ догматомъ, и самъ Декартъ не противится ему, хотя онъ и заковываетъ, такъ сказать, „д и н а м и з м ъ“ въ суровыя формы механизма... Динамическая традиція цѣликомъ дошла и до Глиссона. Карданй, Телезій, Патриции, Джіордано Бруно, Кампанелла уже научили его тому, что все живетъ глубокою, внутреннею жизнью, что субстанція, „подобно матеріи, извлекаетъ изъ собственныхъ нѣдръ всѣ формы и силы“, что „нѣтъ такой матеріальной частицы, которая не имѣла бы души“, что все,безъ исключенія,дышитъ, мыслитъ и любитъ. Такіе же взгляды господствовали въ эпоху Глиссона въ Кэмбриджской школѣ, а также у современниковъ его Гейнриха Мора и Кэдворса“.

23 (стр. 133). До нашего времени сохраняютъ живой интересъ тѣ изслѣдованія Бэкона, которыя, будучи чужды всякихъ метафизическихъ притязаній, носятъ характеръ простыхъ монографій или описательныхъ работъ въ области научной методологіи. Здѣсь достаточно будетъ напомнить объ извѣстной и блестящей полемикѣ Бэкона противъ четырехъ категорій „идоловъ“ или предубѣжденій, мѣшающихъ раскрытію истины:

предубѣжденій рода, вытекающихъ изъ общихъ свойствъ человѣческой природы, предубѣжденій индивидуума, коренящихся въ индивидуальныхъ особенностяхъ изслѣдователя; предубѣжденій общественнаго характера, порождаемыхъ общественными условіями и, въ особенности, языкомъ, и предубѣжденій школы и преданія, возникающихъ изъ слѣпаго поклоненія авторитетамъ и чужимъ доктринамъ; а также объ его замѣчательномъ опытѣ группированія и сравненія двадцати семи общихъ случаевъ (названныхъ имъ преимущественными—instantiae praerogativae), въ которыхъ особенно ярко выступаютъ различныя индуктивныя операціи нашего ума.

24 (стр. 143). „Можно сказать, что Локкъ создалъ науку метафизики—говоритъ Даламберъ—почти въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Ньютонъ создалъ физику.... Однимъ словомъ, онъ свелъ метафизику на то, чѣмъ она, въ дѣйствительности, должна быть—на опытную физику духа". („En un mot, il réduisit la métaphysique à ce qu'elle devait être, la physique expérimentale de l'âme". Discours préliminaire de l'Encyclopédie). Сенсуализмъ—это видно изъ всей его исторіи—всегда благопріятствовалъ изученію самыхъ сложныхъ продуктовъ психической дѣятельности. Это въ особенности замѣтно у Локка (1632—1704) г.) и его преемниковъ, которые даютъ намъ рядъ блестящихъ монографій по различнымъ вопросамъ „описательной психологіи", монографій, изъ которыхъ многія сохранили свое значеніе до сихъ поръ; къ числу ихъ относится и капитальный трудъ Локка. „Essay concerning human understanding" (1690 г.).

Но кромѣ психологическихъ изслѣдованій, Локку принадлежитъ еще цѣлый рядъ публицистическихъ этюдовъ („Letters on Tolerance", „Thoughts on Education", „Dissertations on Government," „Rational christianism"); здѣсь онъ является поборникомъ тѣхъ великихъ началъ свободы, вѣротерпимости, отдѣленія церкви отъ государства и т. п., которыя, медленно осуществляясь на практикѣ, не мало содѣйствовали устраненію послѣднихъ препятствій, еще мѣшавшихъ возникновенію положительной науки объ обществѣ.

25 (стр. 145). Компере, въ предисловіи къ переводу книги Гексли· „Hume, sa vie, sa philosophie", объясняетъ возрожденіе въ наши дни многихъ взглядовъ Юма близкимъ духовнымъ родствомъ между Юмомъ и представителями новѣйшихъ теченій въ философіи. „Философское вліяніе Юма, говоритъ

онъ, все болѣе и болѣе увеличивается; послѣднее время было свидѣтелемъ быстраго роста значенія этого философа, на котораго до сихъ поръ не обращали большаго вниманія, считая его обыкновеннымъ скептикомъ или даже нигилистомъ. Но теперь начинаютъ уже сознавать, что философія Юма состоитъ далеко не изъ однихъ отрицаній. Въ ней заключается особый и весьма оригинальный догматизмъ, въ которомъ не трудно отыскать истинный ключъ къ правильному пониманію многихъ современныхъ доктринъ. Система Юма не есть простая случайность, любопытная страница въ исторіи мысли: система эта—существенный элементъ этой исторіи, одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ или кризисовъ, которыми разрѣшается часть философскихъ затрудненій и подготовляется дальнѣйшая эволюція сознательной мысли".

Первый полный переводъ (Ренувье и Пилона) на французскій языкъ юмовскаго „Трактата о человѣческой природѣ" появился въ 1877 году: до того времени, и въ особенности въ теченіе всего XVIII столѣтія, французы были знакомы съ Юмомъ только по его „Опытамъ", которые, впрочемъ, содержатъ въ себѣ все наиболѣе цѣнное въ его философіи. „Характерною чертою философскаго движенія нашего времени, говоритъ по этому поводу Комперэ, является этотъ оборотъ счастія, по прошествіи полутораста лѣтъ воскрешающій, на чужомъ языкѣ, книгу, которая, по собственному свидѣтельству Юма, при выходѣ своемъ въ свѣтъ, не могла навлечь на автора даже негодованія ханжей—до такой степени она казалась мертворожденною"

26 (стр. 147). Для обозначенія всѣхъ психическихъ явленій, или всѣхъ, вообще, состояній сознанія, Юмъ употребляетъ терминъ „воспріятіе" (perception). По его теоріи, воспріятіе бываетъ двухъ родовъ: „впечатлѣнія"—impressions, „идеи"—ideas; послѣднія—ослабленные образы или копіи первыхъ. Но и впечатлѣнія, и идеи бываютъ, сверхъ того, простыя и сложныя; простыя не поддаются дальнѣйшему анализу, а сложныя сводятся къ простымъ. При этомъ, простыя идеи всегда точно воспроизводятъ простыя же впечатлѣнія, а въ сложныхъ идеяхъ расположеніе составныхъ элементовъ можетъ иногда отличаться отъ расположенія тѣхъ же элементовъ въ соотвѣтствующихъ впечатлѣніяхъ; такъ, напримѣръ, обладая сложными идеями красной розы и голубаго цвѣта, мы можемъ, съ помощью воображенія, пріобрѣсть сложную же идею голубой розы;

но въ этой идеи не она сама, а только элементы ея, взятые порознь, сводятся къ чувственнымъ воспріятіямъ. Что же касается сложныхъ впечатлѣній, къ которымъ относится большинство страстей, желаній и т. п., то они всегда предшествуютъ сложнымъ идеямъ, хотя сами слѣдуютъ за простыми впечатлѣніями и за идеями этихъ впечатлѣній; вотъ почему Юмъ и утверждаетъ, что „наши страсти и желанія берутъ по большей части свое начало въ нашихъ идеяхъ“ (Works, т. I, стр. 22).

Одною изъ главныхъ услугъ, оказанныхъ Юмомъ психологіи, было изгнаніе изъ нея ложнаго представленія о самостоятельныхъ и отдѣльныхъ способностяхъ нашего ума; другая заслуга Юма состояла въ яркомъ и всестороннемъ освѣщеніи огромной роли, которая принадлежитъ въ психическихъ процессахъ ассоціаціи идей и частому повторенію опытныхъ фактовъ. Юмъ, наконецъ, постоянно старался провѣрять свои гипотезы данными, доставляемыми психологіей не только человѣка, но и животныхъ. Онъ былъ настоящимъ основателемъ сравнительной психологіи. „Я не знаю болѣе достовѣрной истины, говоритъ онъ, чѣмъ та, что животныя одарены мыслью и разумомъ наравнѣ съ человѣкомъ... Всякая психологическая теорія пріобрѣтетъ тѣмъ болѣе авторитета, чѣмъ больше будетъ очевидна необходимость приложенія ея и къ объясненію аналогическихъ явленій у всѣхъ другихъ животныхъ“. (Works, т. I, стр. 232, и т. IV, стр. 122).

27 (стр. 155). Теорія Юма не боится и другого возраженія,— что простое предшествованіе, когда оно бываетъ постоянно и неизмѣнно, не даетъ еще права заключать о существованіи причиннаго отношенія, ибо въ противномъ случаѣ ночь, напримѣръ, признавалась бы причиною дня. Возраженіе это несостоятельно, потому что въ приведенномъ примѣрѣ и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло со множествомъ сложныхъ антецедентовъ, съ цѣлымъ рядомъ умственныхъ ассоціацій; а это естественно заставляетъ насъ отнестись критически къ данной послѣдовательности, побуждаетъ насъ сдѣлать извѣстный выборъ между многими антецедентами,—и вотъ причиною дня или дневнаго свѣта признается не ночь, отдѣленная ото дня появленіемъ солнца на горизонтѣ, а именно этотъ послѣдній фактъ, причину котораго, въ свою очередь, мы только тогда искали бы въ предшествующей ему темнотѣ ночи, еслибъ наше незнаніе другихъ антецедентовъ восхода солнца

было полное, безусловное. Въ такомъ положеніи могли находиться только первобытные дикари; но за то и мифологіи ихъ изобилуютъ причинными отношеніями еще болѣе наивнаго характера, чѣмъ приведенное выше.

28 (стр. 166). О заимствованіяхъ Милля у Юма читатель найдетъ любопытныя подробности въ цитированномъ трудѣ Гексли. Онъ тутъ увидитъ, между прочимъ, что сущность знаменитыхъ четырехъ методовъ Милля (совпаденія, различенія, сопутствующихъ измѣненій и несводимыхъ остатковъ) была уже весьма ясно указана Юмомъ въ третьей части его трактата, въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: „Правила для сужденія о причинахъ и слѣдствіяхъ". О простой перефразировкѣ Юма писателями другихъ, иногда даже прямо противоположныхъ лагерей, напр дублинскимъ архіепископомъ Уэтли или кингстоунскимъ епископомъ Куртнеемъ, см. тамъ же, стр. 237—241 и 266. Вообще, книга Гексли о философіи Юма составляетъ весьма цѣнную монографію предмета; она написана съ увлеченіемъ, яснымъ, образнымъ языкомъ и читается легко. Гексли является въ ней ревностнымъ послѣдователемъ Юма, котораго онъ ставитъ гораздо выше Огюста Конта.

29 (стр. 168). Вотъ подлинныя слова Гексли, цитируемыя мною по французскому переводу Компере „Allons plus loin l'affaire de la critique philosophique, ce n'est pas seulement de faire bonne garde pour empêcher les divagations de la philosophie, c'est aussi de présider à la police du monde entier de la pensée. Partout où elle soupçonne le sophisme ou la superstition, elle doit les poursuivre au fond de leurs cavernes et là les saisir et les étouffer comme Othello étouffe Désdémone: „Sans cela, elle trahirait d'autres hommes!" (op cit., стр. 77).

30 (стр. 170). „En effet, le point de départ de tout idéalisme est le sensualisme, son point d'arrivée, le scepticisme de Hume",—говоритъ въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „La Renaissance du matérialisme", даже такой умный и свѣдущій философъ, какъ André Lefèvre.

31 (стр. 173). Полный списокъ англійской школы „нравственной философіи" обнимаетъ собою слѣдующія имена и слѣдующія главныя сочиненія епископъ Cumberland (1632—1718 г.), авторъ книги „De legibus naturae"; профессоръ глазговскаго университета Hutcheson (1694—1747), оставившій

посмертное сочиненіе: „A system of moral philosophy“; профессоръ эдинбургскаго университета Fergusson (1724—1816), авторъ двухъ сочиненій: „Essay on civil society“ и „Principles of moral and political science“; знаменитый другъ Юма Adam Smith (1732—1790), оба классическія произведенія котораго: „Theory of moral sentiments“ и „Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations“, имѣютъ первостепенное значеніе для характеристики отдаленнаго и косвеннаго вліянія сенсуалистической философіи на работы въ области соціологіи; профессоръ кэмбриджскаго университета Paley (1743—1805), авторъ книги „Principles of moral and political philosophy“ и непосредственный предшественникъ знаменитаго Jeremy Bentham'a (1748—1832), главное сочиненіе котораго: „Introduction to the principles of moral and egislation“, пріобрѣло европейскую извѣстность во французской передѣлкѣ ученика Бентама, Dumont'a (подъ заглавіемъ: „Traité de législation“; другое, уже посмертное сочиненіе Бентама носитъ заглавіе· „Deontology or science of morality“); наконецъ, современникъ Бентама James Mill (1773—1836), авторъ множества экономическихъ „Tracts“ и книги: „Analysis of the phenomena of human mind“, въ которой онъ является, впрочемъ, уже скорѣе приверженцемъ шотландской философіи

32 (стр. 178). Основателемъ шотландской школы былъ преемникъ Адама Смита по каѳедрѣ нравственной философіи въ Глазговѣ Reid (1710—1796). Главныя сочиненія его: „Inquiry into the human mind on the principles of common sense“ (1763 г.) и „Essays on the intellectual and active powers of the human mind“ (1785 и 1788). Рейдъ дѣлитъ философію на философію природы, подъ которою онъ понимаетъ, въ сущности, спеціальныя науки, и на опытную философію духа, или философію въ тѣсномъ смыслѣ слова. По его слѣдамъ идутъ Beattie (1735—1803), авторъ „Essay on the nature of truth“ (1770) и „Elements of moral science“ (1790), и гораздо менѣе замѣчательный Oswald. За ними, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдуютъ: Dugald Stewart (1753—1828), главный представитель школы, углубляющій и разъясняющій ея основоположенія, и авторъ цѣлаго ряда сочиненій: „Elements of the philosophy of human mind“ (1792), „Outlines of moral philosophy“ (1793), „Philosophical Essays“ (1810) и „Philosophy of the active and moral powers of man“ (1828); затѣмъ, Thomas Brown (1778—1820), врачъ по профессіи, одинъ изъ основателей „Edinburgh Review“, авторъ книги „Lectures on the philosophy of human mind“ и самый научный психологъ школы:

онъ сводилъ сознаніе къ ощущенію, нравственныя чувства къ общественному инстинкту, и всѣ сложныя проявленія психической жизни къ факту ассоціаціи идей (suggestion) и къ управляющему этимъ фактомъ основному закону сопредѣльности (law of contiguity), потомъ Mackintosch (1765—1832), другой врачъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи публицистомъ и адвокатомъ, безцвѣтный философъ или, скорѣе, историкъ философіи, котораго, можетъ быть, было бы правильнѣе вовсе выключить изъ числа послѣдователей Рейда и Стюарта, и, наконецъ, William Hamilton (1788—1856), авторъ „Supplementary dissertations“ или примѣчаній къ полному собранію сочиненій Рейда (1849), „Discussions on philosophy and litterature“ (1852) и посмертнаго труда „Lectures on Metaphysic and Logic“, подавшаго Джону Стюарту Миллю поводъ написать свое извѣстное сочиненіе: „Examination of W. Hamilton's philosophy“ (1865). Гамильтонъ, какъ обыкновенно объясняютъ историки философіи, развилъ далѣе ученія своихъ предшественниковъ—Рейда и Дюгальда Стюарта, измыслилъ новую теорію воспріятія (сводящуюся, впрочемъ, къ далеко не новому различенію „посредственнаго“ воспріятія Юма отъ „непосредственнаго“ воспріятія Рейда), и въ особенности старался обновить устарѣвшую „философію здраваго смысла“ элементами, заимствованными у Канта.

33 (стр. 178). Противниками гипотезъ въ спеціальной наукѣ и слѣпыми сторонниками ихъ въ философіи являются въ XVIII-мъ столѣтіи не одни матеріалисты: главнѣйшіе сенсуалисты впадали въ то же безсознательное противорѣчіе. Уже Бэконъ относился враждебно къ научнымъ гипотезамъ; а послѣ него общимъ лозунгомъ матеріалистовъ и сенсуалистовъ сдѣлалось знаменитое ньютоновское «Hypotheses non fingo». Рѣшительными противниками спеціальныхъ гипотезъ были также Рейдъ и его послѣдователи. См. Naville, La logique de l'hypothèse, стр. 245—6.

34 (стр. 180). Charles Bonnet (1720—1793) былъ авторомъ цѣлаго ряда психологическихъ сочиненій, изъ которыхъ упоминанія заслуживаютъ: „Essai de psychologie“—„Essai analytique sur les facultés de l'âme“, и „La palingénésie philosophique“, книга, которая въ свое время имѣла большое вліянье, въ особенности въ Германіи.

О значеніи, въ исторіи современной философіи, Дидро, великаго „Пантофила“, какъ называлъ его Вольтеръ, мыслите-

ля, котораго все интересовало и „въ сферу дѣятельности котораго все входило“, мы уже упомянули въ другомъ мѣстѣ. Значеніе это трудно преувеличить. Дидро былъ непосредственнымъ предшественникомъ Огюста Конта. Особенно замѣчательны его взгляды на отношенія метафизики и науки Часть ненависти, которую Вольтеръ и его сподвижники питали къ теологіи (l'infâme), Дидро переноситъ и на метафизику, «cette maudite métaphysique qui a fait tant de fous“. Не можемъ отказать себѣ здѣсь въ удовольствіи привести слѣдующую блестящую страницу, въ которой особенно ярко выразилась надежда Дидро на близкое паденіе волшебнаго зданія метафизики· „J'aperçus, dans le vague de l'espace, un édifice suspendu comme par enchantement... Il ne portait sur rien. Je parvins au pied d'une tribune à laquelle une grande toile d'araignée servait de dais... Cent fois je tremlai pour le personnage qui l'occupait. C'était un vieillard à longue barbe... Il trempait dans une coupe, pleine d'un fluide subtil, un chalumeau qu'il portait à sa bouche, et soufflait des bulles à une foule de spectateurs qui travaillaient à les porter jusqu'aux nues.. J'entrevis dans l'éloignement un enfant qui marchait à pas lents mais assurés..., ses membres grossissaient et s'allongeaient à mesure qu'il s'avançait. Dans le progrès de ses accroissements successifs, il m'apparut sous cent formes diverses; je le vis diriger vers le ciel un long télescope, estimer à l'aide d'un pendule la chûte des corps, constater avec un tube rempli de mercure la pesanteur de l'air et, le prisme à la main, décomposer la lumière. C'était alors un énorme colosse, sa tête touchait aux cieux, ses pieds se perdaient dans l'abîme... il secouait dans la main droite un flambeau...—Quelle est, demandai-je à Platon, cette figure gigantesque qui vient à nous?—Reconnaissez l'Expérience, me répondit-il, c'est elle-même... Fuyons... fuyons; cet édifice n'a plus qu'un moment à durer.—Le colosse arrive, frappe le portique: il s'écroule avec un bruit effroyable, et je me réveille“. (Изъ „Bijoux indiscrets“).

35 (стр. 181). Кондильякъ (1715—1780) въ началѣ своей дѣятельности только популяризировалъ идеи Локка. Такой характеръ имѣетъ появившееся въ 1746 году въ Амстердамѣ сочиненіе его. „Essai sur l'origine des connaissances humaines“. Въ слѣдующемъ трудѣ, подъ заглавіемъ· „Traité des systèmes“ (La Haye, 1749 г., 2 тома), Кондильякъ, полемизируя съ Мальбраншемъ, Спинозою и Лейбницемъ, выступаетъ съ чрезвычайно мѣткою критикою теоріи врожденныхъ идей. Въ томъ же году появились его „Recherches sur l'origine des idées que nous avons de la beauté“, а затѣмъ вскорѣ и главный философскій трудъ Кон-

дильяка· „Traité des sensations“ (Londres, 1754 г., 2 тома). Другія сочиненія Кондильяка носятъ названія: „Traité des animaux“, „Cours d'études pour l'instruction du prince de Parme“ (въ 13 томахъ; Кондильякъ былъ воспитателемъ этого принца и провелъ 10 лѣтъ въ Италіи, на направленіе философской мысли которой оказалъ несомнѣнное вліяніе) и написанное по порученію польскаго правительства руководство для польскихъ школъ: „Logique ou les premiers développements de l'art de penser“ (1780). Въ біографіи Кондильяка не лишена интереса черта, о которой упоминаетъ, между прочимъ, и Льюисъ (History of philosophy, II, стр. 349) и которая, впослѣдствіи, повторилась въ жизни двухъ другихъ мыслителей, Ог. Конта и Дж. Ст. Милля, мы говоримъ о восторженной признательности, съ которою Кондильякъ свидѣтельствуетъ о вліяніи, оказанномъ на его философскія работы женщиною—M-lle Ferrand. Оплакивая ея потерю, онъ приписываетъ ей всѣ достоинства своего главнаго труда, „Traité des sensations“· „Les vues les plus fines qu'il renferme, говоритъ онъ, sont dues à la justesse de son esprit et à la vivacité de son imagination. Elle sentit la nécessité de considérer séparément nos sens, de distinguer avec précision les idées que nous devons à chacun d'eux, et d'observer avec quels progrés ils s'instruisent, et comment ils se prêtent des secours mutuels“ (Tr. des sens., стр 48—55).

Сочиненія Кондильяка отличаются рѣдкою, для философскихъ трактатовъ, ясностью мысли и языка. Кондильякъ придавалъ огромное значеніе языку „Une science bien traitée, говоритъ онъ, n'est qu'une langue bien faite“. Но, подобно большинству другихъ сенсуалистовъ, онъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ обманчивомъ характерѣ словесныхъ символовъ во всѣхъ высшихъ спекуляціяхъ: „Parceque nous donnons des noms à des choses dont nous avons une idée, on suppose que nous avons une idée de toutes celles auxquelles nous donnons des noms“ (Logique, стр. 50). То же самое утверждали всегда Локкъ и Юмъ; то же самое говоритъ и современникъ Кондильяка—Дидро, формулирующій слѣдующее общее правило: „Терминъ, для котораго не можетъ быть найденъ соотвѣтственный внѣшній и ощущаемый предметъ, лишенъ всякаго значенія“.

Психологическія заслуги Кондильяка не подлежатъ сомнѣнію; онъ былъ однимъ изъ первыхъ, увидавшихъ ясно, что не только продукты психическихъ функцій, или идеи, но и сами функціи составляютъ результатъ органической эволюціи; эта плодотворная мысль легла впослѣдствіи въ основу философіи извѣстнаго нѣмецкаго психолога Бенеке и была развита

далѣе Гербертомъ Спенсеромъ въ его „Началахъ психологіи“. Съ другой стороны, однако, какъ замѣчаетъ Льюисъ (op. cit., стр. 357—8), Кондильякъ раздѣляетъ и общее всѣмъ психологамъ той эпохи заблужденіе, заключающееся въ смѣшеніи или недостаточномъ различеніи двухъ психическихъ функцій. ощущенія, или воспріятія предметовъ собственно чувственнымъ аппаратомъ, и представленія, или воспроизведенія ихъ собственно мозговымъ аппаратомъ. Эти два процесса Льюисъ называетъ «sensation» (ощущеніе) и «cerebration» (дальнѣйшій мозговый процессъ).

36 (стр. 182). Въ «Philosophie-geschichtliches Lexicon» Noack'a (1879 г.) годомъ появленія этого сочиненія показанъ 1795-ый; но дата эта расходится съ указываемой д-ромъ Серизъ, который говоритъ, что этюдъ о реформѣ въ медицинѣ появился только въ 1804 году, или двумя годами позже знаменитой книги: «Rapports etc». (См. приложенную къ послѣднему изданію главнаго труда Кабаниса, Rapports du physique et du moral, Notice sur Cabanis par le docteur Cerise).

37 (стр 184). «Rapports» etc., Paris, изд. 1855 г., т. I, стр. 156—157: «Pour se faire une idée juste des opérations dont résulte la pensée, il faut considérer le cerveau comme un organe particulier, destiné spécialement à la produire; de même que l'estomac et les intestins à opérer la digestion, le foie à filtrer la bile, les parotides et les glandes maxillaires et sublinguales à préparer les sucs salivaires».

38 (стр. 185). Кромѣ указанныхъ въ текстѣ признаковъ, характерной чертой въ этомъ отношеніи служитъ и положеніе, занимаемое Кабанисомъ въ вопросѣ о границахъ нашего познаванія. Онъ здѣсь стоитъ на существенно одинаковой почвѣ съ рядомъ геніальныхъ мыслителей, усилія которыхъ привели къ образованію господствующей до сихъ поръ во всѣхъ современныхъ научно-философскихъ системахъ теоріи „непознаваемаго“. Онъ ясно и опредѣленно высказываетъ убѣжденіе въ невозможности познанія сущности вещей или какихъ бы то ни было субстратовъ явленій и облекаетъ эту мысль въ формулы, которымъ посчастливилось гораздо болѣе, чѣмъ тожественнымъ, въ сущности, тезисамъ его предшественниковъ. Первыя причины вещей, говоритъ онъ, напримѣръ, не могутъ быть ни предметомъ познанія, ни даже предметомъ сомнѣнія: онѣ составляютъ для насъ вѣчно-непознаваемое. Таково един-

ственное употребленіе, которое, по отношенію къ нимъ, мы можемъ сдѣлать изъ нашихъ познавательныхъ способностей; намъ доступны только явленія и постоянныя условія ихъ повторенія, или законы.

39 (стр. 189). Несмотря на свой сенсуализмъ, Галль (1757—1828, главное его сочиненіе «Anatomie et Physiologie du système nerveux» появилось въ 1810 г.; позднѣйшая передѣлка носитъ названіе. Fonctions du cerveau») былъ прежде всего физіологомъ, и потомъ уже метафизикомъ; онъ, поэтому, еще менѣе можетъ составить исключеніе изъ указаннаго въ текстѣ общаго правила, чѣмъ идеалистъ Декартъ, который, въ качествѣ математика и физика, старался специализировать основную гипотезу матеріализма, послѣдствіемъ чего и была его извѣстная теорія вихрей. См. по этому вопросу Littré Auguste Comte et la philosophie positive, Paris, 1863, стр. 542—544, и Lewes, History of philosophy, т. II, стр. 425, который, цитируя мнѣніе Литтре, ошибочно приписываетъ его Огюсту Конту. Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, что говоритъ по этому поводу Литтре. Гипотеза Галля не достигла своей прямой цѣли, такъ какъ она не подтвердилась a posteriori, но она дала важный косвенный результатъ: она была точкою исхода новаго взгляда на природу психическихъ явленій; она самую задачу психологіи вырвала изъ рукъ метафизики и передала въ руки біологіи. Гипотезу Галля можно сравнить съ не менѣе извѣстною и столь же неудачною гипотезою Декарта. Теорія „вихрей" Декарта была также, въ концѣ концовъ, отвергнута наукою, но и она, предварительно, принесла большую пользу. Съ помощью этой гипотезы Декартъ старался вырвать міровой строй изъ рукъ сверхъестественныхъ дѣятелей, абсолютныхъ сущностей. Гипотеза Декарта должна была уступить мѣсто другимъ предположеніямъ, болѣе согласнымъ съ суммою извѣстныхъ фактовъ, но внутреннее начало Декартовской теоріи—объясненіе міра имъ же самимъ и движенія матеріи ея собственными свойствами—осталось непоколебленнымъ. Значеніе, которое имѣла гипотеза Галля, можно также объяснить, сравнивъ ее, напримѣръ, съ извѣстною гипотезою Бруссэ о сущности лихорадокъ. Въ гипотезѣ Бруссэ важную роль играетъ не фактическая сторона, не опровергнутый вскорѣ взглядъ на лихорадки, какъ на особыя формы гастро-энтерита, а сторона принципіальная, или положенное въ основу этой гипотезы воззрѣніе на патологію, какъ на частный случай физіологіи, и на

болѣзни, какъ на правильныя измѣненія въ нормальныхъ отправленіяхъ организма.

40 (стр. 194). См. брошюру Канта «Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltburgerlicher Absicht» (1784 г.), а также «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten» (Riga, 1785 г.) Разборъ брошюры Канта см. у Литтре: «Auguste Comte et la philosophie positive», но Литтре, подобно многимъ другимъ позитивистамъ, слишкомъ преувеличиваетъ значеніе философско-историческихъ воззрѣній Канта, въ которомъ онъ непремѣнно хочетъ видѣть прямого предвозвѣстника Ог. Конта.

41 (стр. 194). Какъ мы не разъ говорили, главнымъ продуктомъ уже пройденныхъ человѣчествомъ фазъ развитія и главнымъ факторомъ въ образованіи научной философіи слѣдуетъ считать положительные успѣхи, прочныя завоеванія объективнаго знанія Но роль вспомогательныхъ факторовъ тутъ играли, безспорно, и такія явленія, какъ физіологическія гипотезы Кабаниса, френологизмъ Галля, патологическія доктрины Бруссэ и т. п., т. е всѣ попытки, задававшіяся цѣлью поглотить метафизическую психологію въ научной біологіи; а также соціологическія гипотезы и объясненія Тюрго, Кондорсэ и раннихъ соціалистовъ въ родѣ Сенъ-Симона, или попытки, имѣвшія цѣлью создать научную теорію и усовершенствованную технику общественныхъ отношеній При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти еще довольно неясныя стремленія носятъ на себѣ глубокій отпечатокъ эпохи, въ которую они возникли и которая, какъ извѣстно, была временемъ господства сенсуалистической метафизики

42 (стр 204). Взглядъ этотъ раздѣляли и древніе мыслители: u n i-v e r s u s—назвалъ вселенную латинскій міръ, идеаломъ котораго вездѣ было единство, какъ залогъ внутренней силы и непобѣдимости.

43 (стр. 206). Я не продолжаю разбора многочисленныхъ признаковъ, съ помощью которыхъ историки и критики философскихъ системъ прошедшаго все еще надѣются достигнуть раціональной классификаціи послѣднихъ. Руководствуясь сказаннымъ въ текстѣ, читатель самъ легко дополнитъ недорисованную мною картину царящаго въ этомъ отношеніи хаоса и противорѣчій. Замѣчу только мимоходомъ, что очевидная

безплодность результатовъ составляетъ и въ данномъ случаѣ лучшее доказательство невѣрности первоначальныхъ точекъ исхода

44 (стр. 206). На приведенныхъ въ текстѣ примѣрахъ мы могли видѣть всю неразработанность и сбивчивость обычной философской терминологіи. На господствующую въ этой области безвыходную путаницу раздаются уже со многихъ сторонъ громкія жалобы. Самые важные, основные термины философскаго языка употребляются сплошь и рядомъ въ различныхъ, произвольныхъ значеніяхъ, и притомъ не только въ противоположныхъ школахъ, но у одного и того же философа. См. Girard. „La philosophie scientifique". 1880 г., стр. 226. По этому поводу можно напомнить о слѣдующей, не лишенной остроумія бутадѣ Сенъ-Симона: „Jusqu 'à présent, писалъ онъ въ 1819 году, on a appelé spiritualistes ceux qu'on aurait dû appeler matérialistes, et matérialistes ceux qu'on aurait dû appeler spiritualistes; en effet, corporifier une abstraction, n'est-ce pas être matérialiste? Et de l'être Dieu extraire l'idée loi, n'est-ce pas être spiritualiste?" Ясности и опредѣленности философской рѣчи не всегда помогали и новые термины, вводившіеся въ нее представителями позднѣйшихъ формацій метафизики. Въ видѣ примѣра укажемъ на выраженія „Causes secondes" и «Causes premières», впервые, если не ошибаемся, употребленныя сенсуалистомъ Кабанисомъ и имѣющія рѣшительно то же самое значеніе, какое всегда принадлежало старымъ терминамъ: феноменъ, явленіе, и вещь въ себѣ, нуменъ. Замѣною прежнихъ терминовъ равнозначущими новыми достигалось, очевидно, лишь словесное обновленіе старыхъ доктринъ; новыя слова только маскировали собою пустоту и произвольность прежнихъ различеній, наконецъ, съ помощью ихъ и подъ ихъ прикрытіемъ въ новыя и по существу своему ученія, какъ, напримѣръ, въ позитивизмъ, незамѣтно проникали старые ферменты метафизики, въ родѣ сенсуалистической теоріи познаванія и т. п.

Тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо совершенно отрицать всякіе успѣхи, всякія улучшенія и въ этой области. Отъ Сократа и, вообще, древнихъ философовъ, полагавшихъ, что слова выражаютъ самую сущность вещей до Аристотеля, объявившаго, что языкъ—вещь вполнѣ условная; отъ школы Оккама, исходившей изъ того же взгляда, и потому содѣйствовавшей изгнанію многихъ двусмысленностей и фиксированію многихъ терминовъ философскаго языка, до Бэкона, Гоббса,

Локка; наконецъ, отъ всѣхъ сенсуалистовъ XVIII вѣка, заслуги которыхъ въ этомъ отношеніи были особенно значительны, до Милля, Бэна, Джевонса, Спенсера, Ланге, Вундта и другихъ новѣйшихъ логиковъ,—прогрессъ былъ несомнѣнный, и пройденный путь былъ не малый. Не подлежитъ спору и ускореніе хода этого прогресса по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени, благодаря, въ особенности, исчезновенію цѣлаго ряда причинъ общественнаго характера, которыми въ прежнія эпохи обусловливалась уже не невольная, а намѣренная темнота и неясность философской терминологіи: я говорю о быстро исчезающей, въ наше время „просвѣщенной демократіи", необходимости непонятныхъ, „эзотерическихъ" доктринъ, какъ лучшаго средства укрыться отъ преслѣдованій невѣжества и фанатизма.

44 bis (стр. 211). „Сочетавъ идеализмъ Сократа и Платона съ эмпирическими элементами, Аристотель, говоритъ Ланге (*op. cit.*, I, стр. 53), создалъ ту энциклопедическую систему, которой суждено было заковать въ крѣпкія цѣпи мысль стольких столѣтій". Но въ этой способности держать въ плѣну мысль многихъ вѣковъ, въ этомъ удовлетвореніи потребностей продолжительныхъ періодовъ времени историческая критика именно и видитъ настоящее величіе такихъ явленій, какъ философія Аристотеля, или какъ нравственно-религіозное ученіе христіанства и т. п. Аристотель былъ несомнѣнно прямымъ предтечею Бэкона, который такъ ненавидѣлъ его, а чрезъ Бэкона—и Конта. Именно эклектизмъ и энциклопедизмъ Аристотеля и даютъ ему право занять такое почетное мѣсто въ ряду древнихъ философовъ.

45 (стр. 213) Попытка эта имѣла большое принципіальное значеніе, несмотря на то, что она только слѣдовала за аналогичными попытками Аристотеля и Бэкона, и что основные взгляды Гоббса на происхожденіе общества и на задачи общежитія были сплошными и грубыми ошибками, повторенными впослѣдствіи Руссо и всею школою теоретическихъ мечтателей и практическихъ революціонеровъ, воспитанныхъ на сочиненіяхъ женевскаго философа.

46 (стр. 215). Говоря о сенсуалистахъ прошлаго вѣка, отъ Юма до Кабаниса включительно, мнѣ не разъ приходилось указывать на точки совпаденія, существующія между ихъ

доктринами и новѣйшими философскими ученіями. Я гораздо менѣе настаивалъ на аналогичной связи между стремленіями матеріализма XVIII столѣтія и нѣкоторыми точками зрѣнія, выдвигаемыми впередъ современными школами. Это, однако, произошло вовсе не потому, чтобы послѣдняя связь была, на мой взглядъ, ничтожна, или чтобъ я не придавалъ ей должной цѣны, можно сказать, наоборотъ, что я не считалъ нужнымъ ярко освѣщать ее именно вслѣдствіе того, что значеніе матеріализма для нашего времени гораздо болѣе кидается въ глаза и рѣдко кѣмъ оспаривается. Въ общихъ своихъ чертахъ, нынѣшнее состояніе философіи составляетъ, очевидно, продуктъ непосредственно предшествовавшаго ему времени; а не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, стремленіе прочно связать философію съ естествознаніемъ было въ полномъ разгарѣ; лозунгомъ философіи было коренное обновленіе матеріализма, превращеніе его въ вполнѣ научную систему; тогда, по выраженію одного писателя, ни одинъ мыслитель не могъ быть возведенъ на тронъ философіи, не будучи „помазанъ хоть каплею матеріалистическаго елея“ (Vaihinger, цитир. брошюра, стр. 3). Но это значеніе свое матеріализмъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ въ XVIII столѣтіи; уже тогда матеріалистическія ученія доработались до множества понятій, вошедшихъ впослѣдствіи цѣликомъ въ научно-философскія системы нашей эпохи. Въ видѣ доказательства или, вѣрнѣе, примѣра, приведу здѣсь нѣсколько характеристическихъ въ этомъ смыслѣ взглядовъ двухъ корифеевъ нынѣшняго матеріализма: Ламеттри и Гольбаха.

Ламеттри не дѣлаетъ различія не только между матеріей и субстанціей, но и между матеріей и ея свойствами. Свойство вещества и само вещество для него понятія вполнѣ равнозначущія; но анализируя самыя свойства матеріи, мы естественно получаемъ въ результатѣ неорганизованную матерію или физико-химическія свойства, и организованную или свойства воспринимать и мыслить. Первыя причины вещей непознаваемы или, лучше сказать, вовсе не существуютъ, суть призраки, создаваемые нашимъ невѣдѣніемъ истиннаго процесса возникновенія и постояннаго измѣненія явленій. Истинная философія сознаетъ это невѣдѣніе, какъ въ общихъ вопросахъ, такъ и въ частныхъ, напримѣръ, въ вопросахъ психологическихъ. Въ послѣдней области, душа или духъ составляютъ выраженія, прикрывающія собою наше незнаніе нѣкоторыхъ видоизмѣненій организованнаго вещества и т. п. Нѣкоторые взгляды

Гольбаха еще замѣчательнѣе по своему сходству съ тезисами новѣйшей философіи. Міръ, по мнѣнію Гольбаха, есть великое цѣлое, включающее въ себѣ человѣка, какъ свою нераздѣльную часть, и не нуждающееся, для своего объясненія, въ какихъ-бы то ни было причинахъ, лежащихъ внѣ его сферы. Такія причины суть призраки, создаваемые нашимъ воображеніемъ. Всякое восхожденіе къ началу вещей есть только способъ отодвинуть трудности объясненія и вмѣстѣ изъять эти трудности изъ-подъ контроля чувствъ. Человѣкъ есть существо, всѣ виды дѣятельности котораго вполнѣ объясняются его спеціальною физическою организаціей, и все, что нашъ умъ придумалъ для улучшенія нашего положенія, есть простое слѣдствіе взаимодѣйствія между нашими свойствами и наклонностями и вліяніями внѣшней природы. Животныя и растенія подчиняются тому же закону, развивая сначала простыя потребности и формы и переходя отъ нихъ постепенно къ потребностямъ и формамъ, болѣе сложнымъ.—Всякое воспитаніе есть развитіе; всякое заблужденіе есть источникъ предразсудковъ. Незнаніе законовъ природы и происходящіе отсюда ложные страхи и надежды прямо приводятъ къ различнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, и потому на послѣднія надо смотрѣть, какъ на неизбѣжную, въ своемъ родѣ, болѣзнь младенческаго возраста человѣчества. Всѣ явленія сводятся къ матеріи и ея движенію, и міръ представляется въ видѣ безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій. Природа, въ широкомъ смыслѣ слова, есть совокупность или соединеніе различныхъ элементовъ въ каждой вообще вещи; въ болѣе узкомъ смыслѣ, природа данной вещи есть совокупность ея спеціальныхъ свойствъ и видовъ дѣятельности. Но олицетворять это отвлеченіе,—природу, приписывать ей тѣ или другія явленія, есть грубое смѣшеніе понятій: природа сама ничего не производитъ, и всякій фактъ или событіе есть только необходимый результатъ тѣхъ или другихъ свойствъ вещества. Имѣть бытіе, существовать—значитъ двигаться извѣстнымъ, индивидуальнымъ способомъ; сохранять себя—значитъ получать или сообщать движеніе, обусловливающее собою такое индивидуальное существованіе.—Камень сопротивляется разрушающимъ его силамъ простымъ сцѣпленіемъ частей; организованныя существа употребляютъ съ тою же цѣлью болѣе сложныя средства. Потребность самосохраненія называется въ физикѣ способностью продолжать существованіе; въ нравственномъ мірѣ та же потребность носитъ названіе эгоизма.—Вездѣ въ природѣ властвуетъ необхо-

димость, въ мірѣ нравственномъ, какъ въ мірѣ физическомъ: между причиною и слѣдствіемъ существуетъ неизмѣнное отношеніе, которое мы называемъ законосообразностью. Самыя сложныя явленія, не менѣе простыхъ, подчиняются этому условію.—„Среди страшныхъ революціонныхъ взрывовъ, говоритъ Гольбахъ, потрясающихъ основы общественнаго союза, участниками переворота или жертвами его не совершается ни одного дѣйствія, не произносится ни одного слова, не проявляется ни одного желанія, не обнаруживается ни одной страсти, которыя не были бы необходимы, не могли бы быть заранѣе предвидѣны, не влекли бы за собою точно и впередъ опредѣленныхъ послѣдствій“ (Système de la nature, ч. I, гл. III, стр. 38, изд. 1780 г.). Право цѣлаго народа на возстаніе и насильственное измѣненіе своего общественнаго строя не подлежитъ, въ глазахъ Гольбаха, никакому сомнѣнію; онъ смотритъ на это право, какъ на юридическую аксіому.—Какъ большинство другихъ матеріалистовъ и сенсуалистовъ, Гольбахъ всецѣло сводитъ нравственность къ началу пользы; но при этомъ, подобно Ламеттри и лучшимъ мыслителямъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій, онъ имѣетъ въ виду не индивидуальную пользу, а исключительно интересы государства и общества Физіологія служитъ у него научною основою ученія о нравственности; не удивительно поэтому, что его разсужденіе о сущности счастія многими чертами напоминаетъ воззрѣнія на тотъ же предметъ Спенсера. Въ заключеніе упомянемъ еще о взглядахъ Гольбаха на такъ называемый порядокъ, гармонію или цѣлесообразность въ природѣ. Гольбахъ энергически оспариваетъ возможнось приложенія этихъ понятій къ окружающимъ насъ явленіямъ. Въ природѣ все одинаково необходимо, и ничто въ ней не указываетъ на существованіе различія между нормальными и ненормальными, законосообразными и случайными явленіями. Въ природѣ нѣтъ ни порядка, ни безпорядка. Эти понятія, какъ всѣ метафизическія идеи, принадлежатъ исключительно нашему разуму, и внѣ послѣдняго, или въ объективномъ мірѣ, нѣтъ ничего, имъ соотвѣтствующаго. Ненормальное, случайное и, наконецъ, чудесное кажутся намъ таковыми только вслѣдствіе нашего невѣдѣнія настоящихъ причинъ и скрытаго хода развитія тѣхъ или другихъ явленій.

Мы привели здѣсь Гольбаха и Ламеттри, какъ писателей, наименѣе справедливо цѣнимыхъ въ качествѣ предтечъ современнаго научно-философскаго движенія; но мнѣнія, подоб-

ныя изложеннымъ выше, выражались въ XVIII-мъ столѣтіи, конечно, не ими одними. Большинство и матеріалистовъ, и сенсуалистовъ этой знаменательной эпохи были въ высокой степени проникнуты, во многихъ частныхъ вопросахъ, убѣжденіями, которыя, приведенныя въ систему, согласованныя между собою и приложенныя къ самымъ общимъ вопросамъ философіи, составили впослѣдствіи силу позитивнаго ученія и безсмертную славу Огюста Конта. Вообще, число предшественниковъ какъ Конта, такъ и другихъ основателей современныхъ научно-философскихъ системъ, было въ прошломъ столѣтіи гораздо болѣе значительно, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

47 (стр. 221). Такое заключеніе, можетъ статься, должно быть распространено и на другіе разряды общественныхъ фактовъ, кромѣ философскихъ системъ „Первымъ источникомъ всѣхъ общественныхъ переворотовъ, говоритъ, напримѣръ, Тардъ, является наука, внѣ-общественное пзслѣдованіе, отворяющее намъ окна общественнаго фаланстера, въ которомъ мы живемъ, и озаряющее его ясными лучами вселенной". (Tarde Qu'est-ce qu'une société? Revue philosophique, 1884, № 11, стр. 503).

48 (стр. 223). Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего легче, какъ провести близкую параллель даже между такими мыслителями, какъ Анаксагоръ и Гегель, Эмпедоклъ и Шопенгауэръ. (См. Goring „System der kritischen Philosophie", ч. II, стр. 23). Въ первой части того же сочиненія, стр. 195—197, помѣщенъ интересный обзоръ мнѣній философовъ по вопросу о господствѣ воли надъ разумомъ и наоборотъ, а также по вопросу объ единствѣ воли и разума, начиная съ Оккама и св. Августина и кончая Декартомъ, Спинозою, Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ и Шопенгауэромъ.

49 (стр. 223). О значеніи критической философіи, какъ возрожденной софистики древнихъ, см. въ особенности Brentano: „Les sophistes grecs et les sophistes contemporains". Paris. 1879. Брентано ставитъ во главѣ новѣйшей софистики Канта; но этюдъ его посвященъ спеціально двумъ первокласснымъ мыслителямъ нашего времени: Джону Стюарту Миллю и Герберту Спенсеру. Несмотря на рѣзкій критическій тонъ и частую утрировку, критика Брентано, во многихъ случаяхъ, какъ нельзя

болѣе справедлива. Къ кантизму Брентано, говоря вообще, относится совершенно правильно; что же касается его ожесточенныхъ нападокъ на Милля и Спенсера, то нисколько не оправдывая односторонняго характера ихъ, нельзя, однако, не признать, что нѣкоторые упреки, обращенные имъ къ Миллю, какъ къ логику и психологу, отчасти заслужены англійскимъ позитивистомъ, всегда остававшимся подъ сильнымъ вліяніемъ критическихъ тенденцій нѣмецкой философіи, и что многія возраженія его Герберту Спенсеру прямо достигаютъ цѣли, ясно обнаруживая метафизическіе элементы, составляющіе то внутреннее ядро философіи эволюціи, которое послѣдняя такъ тщательно старается скрыть подъ внѣшнею оболочкою научныхъ формъ.

Относительно близкаго родства современнаго критицизма съ софистикою древнихъ, см. также драгоцѣнныя указанія Геринга, одного изъ наиболѣе выдающихся представителей нѣмецкой критической философіи нашей эпохи: „System etc.“, т. II, стр. 29, 41—45, 57—61 и 68. Изъ этихъ указаній явствуетъ, что уже древніе мыслители, и преимущественно софисты, чрезвычайно усердно занимались, какъ критикою общихъ понятій, такъ и теоріей познанія, и всегда строго настаивали на необходимости тщательно различать между обыкновеннымъ и критическимъ мышленіемъ. Критика древнихъ, какъ извѣстно, не привела ихъ ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, не дала имъ въ руки искомыхъ основъ философіи: этого обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду при сужденіяхъ о современной критической школѣ, значительно усовершенствовавшей методологическіе пріемы древней философіи, но отнюдь не измѣнившей ихъ кореннымъ образомъ.

50 (стр. 223). „Повторность“ въ области основныхъ гипотезъ и самыхъ общихъ результатовъ метафизики составляетъ явленіе, на которое, въ той или другой формѣ, постоянно указывали изслѣдователи прошлаго философіи. Такъ, напримѣръ, Lotze Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen, стр. 495) говоритъ: „Философскія усилія древности привлекаютъ насъ тѣмъ, что въ нихъ отчетливо отражаются борьба идей и заблужденія, въ которыя до сихъ поръ впадаетъ каждый отдѣльный мыслитель въ процессѣ развитія своихъ воззрѣній на природу и человѣка“.—Еще болѣе справедливо слѣдующее замѣчаніе Кирхмана (Katechismus der Philosophie, 1881, стр. 15 и 18): „Уже Платономъ, Аристотелемъ и непосредственными пре-

емниками ихъ была выработана вся сумма понятій, съ которою выступали впослѣдствіи, вплоть до нашего времени, различныя философскія системы; такъ что, уже начиная съ эпохи этихъ философовъ, прогрессъ въ области философіи заключался гораздо менѣе въ образованіи новыхъ понятій, чѣмъ въ видоизмѣненіи старыхъ и различномъ сочетаніи ихъ между собою". Отсюда видно, въ какихъ историческихъ потемкахъ блуждалъ Гегель, защищая фантастическій параллелизмъ между развитіемъ философскихъ началъ „внѣ условій времени", въ чистой логикѣ, и развитіемъ ихъ „во времени", въ дѣйствительной исторіи системъ. Отвергая всякую возможность установить что-либо похожее на такую параллель, Кирхманъ замѣчаетъ, что философія есть, въ извѣстномъ смыслѣ, самая доступная изъ всѣхъ областей знанія; начинать ея изученіе можно, безразлично, съ сочиненія любого изъ великихъ мыслителей,—до того справедливо, что самыя противоположныя, съ виду, философскія доктрины составляютъ, въ сущности, только варіаціи на одну и ту же тему и что философія похожа на обширный храмъ съ тысячью входами, изъ которыхъ каждый одинаково скоро и удобно приводитъ во внутренность зданія. (Ibid , стр. 18)

Съ другой стороны, однако, явленіе „повторности" нисколько не исключаетъ собою факта легкой и быстрой „измѣняемости" исходныхъ гипотезъ и вообще основныхъ положеній метафизическихъ системъ. Какъ бы часто ни всплывали наружу, при различныхъ, повидимому, условіяхъ, одни и тѣ же философскія воззрѣнія, обстоятельство это не могло вліять ни на первоначальное разнообразіе этихъ воззрѣній, ни на быструю смѣну одной точки зрѣнія другою, болѣе или менѣе рѣзко ей противорѣчившею. Послѣдняя черта, по справедливому замѣчанію В у н д т а (Ueber den Einfluss der Philosophie auf die Erfahrungswissenschaften, Leipzig, 1876 г., стр. 22), была необходимымъ результатомъ постояннаго прогресса въ области спеціальныхъ наукъ. „Исторія философіи, говоритъ Вундтъ, представляетъ значительный интересъ именно потому, что въ философскихъ взглядахъ, такъ или иначе, отразилось научное сознаніе различныхъ эпохъ".

51 (стр. 227). «Des folies, auxquelles je permets de rêver quand on dort, mais dont un homme de bon sens qui veille ne s'occupera jamais,... des questions, dont les unes sont si claires qu'il est inutile d'en chercher la raison, d'autres si obscures qu'on n'y voit goutte, et toutes

de la plus parfaite inutilité“— говорилъ уже Дидро, въ своемъ извѣстномъ философскомъ памфлетѣ: „Rêve de d'Alembert“.

52 (стр. 232). Привычка все объяснять съ помощью аналогіи, по мнѣнію Геринга (Op. cit, т. I, стр 213), неискоренима, если нѣкогда всѣ люди, а теперь еще большая часть ихъ, стараются понять природу ex analogia hominis, то многихъ изъ современныхъ естествоиспытателей уже можно прямо упрекнуть въ томъ, что они не затрудняются объяснять ex analogia materiae всѣ особенности живыхъ существъ. Нельзя, повидимому, обойтись безъ аналогій, если требуется довести до нѣкоторой степени ясности естественное мышленіе, вращающееся исключительно въ кругу чувственныхъ представленій.

53 (стр. 234) Слѣдующія слова Рибо (см. статью его въ Revue philosophique, Juin 1882) наглядно объясняютъ, въ чемъ дѣло. „Представимъ себѣ, говоритъ онъ, человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ, но мало знакомаго съ философіей и спеціальными науками, и заставимъ его приступить къ изученію и той, и другихъ съ пламеннымъ желаніемъ обнять все, въ нихъ заключающееся. Онъ скоро убѣдится въ томъ, что установленіе достовѣрности самаго незначительнаго факта стоитъ не малыхъ усилій историку, филологу, натуралисту. Онъ замѣтитъ, въ особенности, что натуралистъ отправляется всегда отъ предположенія, что непосредственный опытъ обманчивъ, и потому для открытія истины прибѣгаетъ къ безчисленнымъ средствамъ и способамъ наблюденія, экспериментаціи и повѣрки. Онъ увидитъ, наоборотъ, что философъ, вмѣсто того, чтобы отправляться отъ критически провѣренныхъ результатовъ другихъ наукъ, избираетъ гораздо болѣе удобный и легкій путь. онъ просто приводитъ свои умозрѣнія въ полное согласіе съ ходячими идеями о различныхъ предметахъ и вопросахъ. Вотъ почему тому, кто желаетъ понять, напримѣръ, философію природы Гегеля, нельзя дать лучшаго совѣта, какъ постараться позабыть все, что онъ знаетъ въ физикѣ, и вспомнить, наоборотъ, то, чему онъ научился въ обыкновенной жизни относительно тяготѣнія, теплоты, свѣта и т. п.“

Мы указали въ текстѣ на двѣ главныя иллюзіи, одинаково присущія обыкновенному и философскому мышленію; но само собою разумѣется, что подобныя заблужденія, а равно и источники ихъ, очень многочисленны; ясно также, что мы здѣсь не можемъ не только войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ

такихъ иллюзій, но даже сдѣлать попытку простого перечисленія ихъ. Замѣтимъ еще разъ, однако, что въ основѣ всѣхъ самообмановъ нашего мышленія лежитъ всегда какое-нибудь смѣшеніе,—и въ видѣ послѣдняго примѣра упомянемъ объ одной довольно распространенной формѣ заблужденія, состоящей въ смѣшеніи неизвѣстнаго съ несуществующимъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ заблужденіи бельгійскій философъ Дельбефъ „Ошибка древнихъ мыслителей состояла въ томъ, что въ своихъ разсужденіяхъ они почти всегда отправлялись отъ взгляда, что то, что они знали объ извѣстномъ предметѣ, было все, что можно было знать о немъ; но я уже объяснилъ въ другомъ мѣстѣ (Logique logarithmique), что всякое заблужденіе сводится къ отрицанію существованія неизвѣстнаго или, другими словами, къ признанію за ничто или за несуществующее всего того, что намъ неизвѣстно. Это опредѣленіе заблужденія вполнѣ объясняетъ его сущность или настоящую природу. А потому, если, съ одной стороны, мы не можемъ не вѣрить во что-нибудь, мы никогда, съ другой, не должны забывать, что спекулятивное сомнѣніе должно постоянно умѣрять практическій догматизмъ“. (Déterminisme et liberté, Rev. phil., Juin 1882, стр. 612).

Примѣчанія къ части второй.

54 (стр. 251). Множественность причинъ есть начало, давно установленное въ индуктивной логикѣ. Одна „причина“ не въ состояніи, вообще говоря, вызвать какое бы то ни было „слѣдствіе“; для этого требуется встрѣча и совокупное дѣйствіе, по меньшей мѣрѣ, двухъ факторовъ или двухъ причинъ. Немыслимость „единой“ причины была вполнѣ доказана, между прочимъ, и Миллемъ. См. соотв. мѣста его сочиненія. „A system of Logic ratiocinative and inductive“.—По поводу сказаннаго нами въ этой главѣ о значеніи руководящей идеи въ научномъ изслѣдованіи, см. дѣльныя замѣчанія по тому же вопросу Н. Карѣева Основные вопросы философіи исторіи, Москва 1883 г., Т. I, стр. 287—300. Ученый трудъ г. Карѣева дѣлаетъ честь юной школѣ русскихъ соціологовъ.

55 (стр. 252). Такое сравненіе можетъ служить и повѣркою нашего закона. Въ глаза кидается, напримѣръ, что и матеріалистическія, и сенсуалистическія системы изобилуютъ частными научными истинами, заимствованными изъ соотвѣтствующихъ областей знанія. Напротивъ того, идеалистическія системы почти вовсе не содержатъ въ себѣ подобныхъ научныхъ обобщеній, что, конечно, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что и соотвѣтствующія идеалистическому міровоззрѣнію спеціальныя науки весьма бѣдны ими. Въ первыхъ двухъ міровоззрѣніяхъ теперь преобладаютъ гипотезы, имѣющія только одинъ крупный недостатокъ—свойственный имъ всеобщій и абсолютный характеръ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ гипотезы эти вполнѣ стоятъ на высотѣ современнаго спеціальнаго знанія.

56 (стр. 256). Простое сравненіе между собою группъ или рядовъ фактовъ, входящихъ въ оба обобщенія эти — въ законъ трехъ типовъ и въ законъ соотношенія,—ясно обнаруживаетъ, что первая, частная формула имѣетъ чисто эмпирическій характеръ: она выражаетъ собою дѣйствительное осуществленіе, въ данномъ сочетаніи историческихъ условій, требованій болѣе общей формулы.

57 (стр. 259). Въ частности, метафизическое единство вещей достигается путемъ возведенія одного разряда явленій (либо уже признаннаго наукою въ качествѣ несводимаго далѣе разряда, либо объединеннаго только обыкновеннымъ опытомъ) въ прототипъ всѣхъ остальныхъ. Въ эпоху, когда рядъ наукъ состоялъ еще изъ ряда пробѣловъ знанія, такое игнорированіе всѣхъ категорій явленій, за исключеніемъ одной, было неизбѣжною ошибкою, заблужденіемъ, въ которое впадали самые просвѣщенные умы; но по мѣрѣ развитія и умноженія положительныхъ знаній, систематическое игнорированіе всѣхъ разрядовъ явленій, за исключеніемъ одной категоріи, пріобрѣтало уже всѣ свойства невѣжества въ худшемъ смыслѣ слова.

58 (стр. 260). По поводу закона *трехъ* (а не болѣе) типовъ, резюмирующаго нашу классификацію философскихъ системъ прошедшаго, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую гнѣвную тираду матеріалиста Л е ф е в р а противъ новыхъ „троицъ“, постоянно изобрѣтаемыхъ человѣческимъ умомъ. „Чего только, говоритъ Лефевръ, нельзя расположить въ группу изъ трехъ членовъ? Божество, міръ и человѣка, мужчину, женщину и ребенка; большую посылку, меньшую и заключеніе,—ибо и логика имѣетъ свою троицу. Интересная книга могла бы выйти изъ исторіи троицъ и тринитаріевъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Индія дала бы свою „тримурти“, свои три міра, свои треглазые идолы; Египетъ — свои кровосмѣсительныя троицы; классическая миѳологія — своихъ Юпитера, Нептуна и Плутона, религія маговъ — своего Зерванъ-Акерена, своего Ормузда и своего Аримана; александрійское христіанство — свои три ипостаси и т. п.; контизмъ, наконецъ—свой великій фетишъ, свое великое существо и свою великую среду. Передъ нашими глазами прошли бы всѣ метафизическія троицы: чувство, разсудокъ и разумъ; прошедшее, настоящее и будущее,

три составныя части силлогизма; наконецъ, даже прудоновская (собственно гегелевская?) серія; въ особое приложеніе могли бы быть включены всѣ жертвы „Numero Deus impare“, поклонники числа 7, мученики числа 19 (Бабисты), и въ заключенье Фурье, которому такъ полюбилось число 32: безуміе его было четное. Вѣра въ силу и достоинство чиселъ, одинъ изъ догматовъ математическаго мистицизма, не давала покоя многимъ глубокимъ умамъ, начиная съ Пиѳагора. Троица гораздо древнѣе христіанства. Ламенне, Пьеръ Леру и многіе другіе мыслители, еще находящіеся въ живыхъ, стремясь обновить ея формулу и смыслъ, только резюмировали заблужденія длиннаго ряда вѣковъ“ Renaissance du matérialisme. Paris. 1881. Стр. 81.

Неудовольствіе, возбужденное во французскомъ матеріалистѣ однимъ воспоминаніемъ о „троицахъ“, имѣетъ свою комическую сторону. Въ своемъ „иконоборческомъ“ увлеченіи Лефевръ не только забываетъ, что есть разныя троицы, но и теряетъ изъ виду слѣдующія двѣ старыя истины психологіи, которыя мы и позволяемъ себѣ напомнить ему: 1) Всякая аналитическая операція ума есть не что иное, какъ актъ различенія тѣхъ или другихъ свойствъ или признаковъ въ данномъ сочетаніи явленій, и это различеніе неизмѣнно выражается распредѣленіемъ наблюдаемыхъ признаковъ, по меньшей мѣрѣ, въ *двѣ* группы; 2) этотъ основной, но грубый дуализмъ неизбѣжно исправляется дальнѣйшимъ, болѣе глубокимъ и тонкимъ анализомъ, отдѣляющимъ отъ первыхъ двухъ группъ ихъ внутренніе, соприкасающіеся члены, изъ которыхъ и образуется то промежуточное, связующее звено, та *третья* группа, которою всегда такъ дорожатъ научно-образованные умы,—хотя бы только въ силу стараго принципа: natura non facit saltus...

59 (стр. 261). Законъ трехъ состояній есть законъ *философіи*, поскольку онъ опредѣляетъ послѣдовательныя состоянія нашего *знанія*, а поскольку имъ опредѣляются послѣдовательныя состоянія человѣческихъ *обществъ*—законъ *соціологіи*. См G. Wyroubоff· La philosophie matérialiste et la philosophie positive, въ Revue positive, Janv.-Févr. 1879, стран. 12. Съ этимъ мнѣніемъ Вырубова мы не можемъ согласиться. Въ первомъ смыслѣ обобщеніе или законъ Конта принадлежитъ не философіи, а спеціальной наукѣ, той отрасли психологіи, которая называется теоріей познаванія и изслѣдуетъ законы, управляю-

щіе всѣми явленіями знанія. Но и помимо этого соображенія, Вырубову можно возразить, что состояніе нашего *знанія* есть сложный фактъ если въ немъ есть сторона психологическая, требующая особаго изученія въ соотвѣтствующей наукѣ, то въ немъ есть и много такихъ сторонъ, которыя могутъ быть надлежащимъ образомъ изслѣдованы только соціологомъ.

60 (стр. 267). Утверждать, что составъ нашего знанія измѣняется не только количественно, но и качественно, и основывать это мнѣніе на томъ, что всѣ разряды нашихъ понятій, въ томъ числѣ и научныя, имѣютъ сначала теологическій, потомъ метафизическій и, наконецъ, положительный характеръ, можно только по недоразумѣнію, имѣющему своимъ источникомъ неправильное и неточное употребленіе терминовъ философскаго языка. Убѣдиться въ этомъ весьма не трудно, если принять во вниманіе, что въ общеупотребительности того или другого сочетанія извѣстныхъ терминовъ нельзя еще видѣть гарантіи для логической совмѣстимости обозначаемыхъ этими терминами понятій. Это всего лучше доказывается примѣромъ такихъ выраженій, какъ теологическое или метафизическое „знаніе“. Къ сожалѣнію, языкъ науки лишь мало по-малу очищается отъ оборотовъ рѣчи и отъ терминовъ, основанныхъ на недостаточномъ различеніи понятій и ведущихъ къ дальнѣйшему безсознательному смѣшенію ихъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ ложныхъ представленій, возникаетъ терминологія, которая изъ обыденной рѣчи переходитъ и въ языкъ науки, и сохраняется тутъ даже тогда, когда породившія ее ошибочныя мнѣнія уже утратили свою прежнюю силу. Такъ, мы еще теперь говоримъ о „теологическомъ“ или „метафизическомъ“ состояніи науки (т. е. о чемъ-то весьма схожемъ съ „темнымъ“ состояніемъ свѣта), несмотря на то, что ту же мысль можно выразить гораздо проще и не насилуя логики языка, сказавъ, что наука развивается постепенно и медленно, что многіе разряды явленій долго остаются необъясненными научно, или что умъ человѣка не сразу достигаетъ истины, а проходитъ прежде чрезъ цѣлый рядъ заблужденій, которыя, благодаря нѣкоторымъ общимъ и типичнымъ чертамъ, сводятся къ двумъ категоріямъ — къ ошибкамъ теологическаго и метафизическаго характера.

Не лишнее также будетъ замѣтить здѣсь, что качественная измѣняемость философскихъ концептовъ, о которой упоми-

нается въ текстѣ, выражается *исключительно:* во первыхъ и вообще—въ смѣнѣ однихъ міропониманій другими; и во вторыхъ и въ частности—въ распаденіи метафизики на нѣсколько основныхъ типовъ съ ихъ многочисленными оттѣнками. Въ этихъ предѣлахъ, колебаніямъ философской мысли нѣтъ конца. Наблюдаемая сверху, съ птичьяго полета, исторія философіи представляетъ необыкновенную пестроту и разнообразіе. Но насъ ожидаетъ какъ-разъ противоположное зрѣлище, когда мы спускаемся внизъ и, близко подходя къ каждой крупной разновидности философскихъ ученій, разсматриваемъ ее отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ. Тутъ насъ поражаетъ, напротивъ того, полнѣйшая неизмѣняемость, въ отношеніи основныхъ гипотезъ, главныхъ типовъ метафизической мысли — матеріализма, идеализма и сенсуализма. См. сказанное нами по этому поводу въ первой части этого труда, въ главѣ о матеріализмѣ, стр. 18.

61 (стр. 274). Термины „теологическая“ и „метафизическая“ философія могутъ быть терпимы только до тѣхъ поръ, пока въ умахъ между понятіемъ о „философіи“ и представленіемъ о „научныхъ объясненіяхъ“ не образуется, наконецъ, такая же прочная и неразрывная связь, какая уже давно образовалась между этимъ представленіемъ и понятіемъ о наукѣ (вслѣдствіе чего и сочетаніе признаковъ теологическій и метафизическій съ терминомъ „наука“ является уже логическимъ противорѣчіемъ) Но прилагая этотъ взглядъ къ вопросу объ отношеніяхъ науки къ философіи, мы необходимо встрѣчаемся съ слѣдующею дилеммою. или конкретное проявленіе человѣческой мысли, не совсѣмъ точно называемое теологическимъ и метафизическимъ состояніемъ науки и давно уже сведенное къ понятію о несуществующемъ или, вообще, слабо развитомъ спеціальномъ знаніи, вызываетъ и обусловливаетъ и то конкретное проявленіе мысли, которому до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ общемъ сознаніи, еще не придано дѣйствительно принадлежащаго ему значенія„ міронепониманія“ или несуществующей философіи; или, наоборотъ, конкретное проявленіе мысли въ общихъ вопросахъ, называемое теологіей и метафизикою, и равносильное отсутствію истиннаго объясненія такихъ общихъ вопросовъ, порождаетъ и конкретное проявленіе мысли въ частныхъ вопросахъ, точно также равносильное отсутствію истиннаго объясненія послѣднихъ. Какъ извѣстно читателю, мы рѣшаемъ вопросъ

въ первомъ смыслѣ мы признаемъ, что „незнаніе“ есть настоящій источникъ „міронепониманія“, а не наоборотъ. Что же касается формулы Конта, то, какъ мы уже видѣли, она скорѣе приводитъ къ произвольному принятію противоположной гипотезы, для которой нѣтъ достаточныхъ фактическихъ доказательствъ. Дѣйствительно, ни въ одну историческую эпоху всѣ наши частныя объясненія вещей или понятія, съ которыми имѣетъ дѣло наука, не были исключительно теологическими или метафизическими, или даже вообще ложными. Вмѣстѣ съ ученіями супранатурализма и метафизическими системами, т. е. вмѣстѣ съ несомнѣнно ложными объясненіями всей совокупности природы, мы застаемъ на исторической сценѣ и вполнѣ вѣрныя объясненія отдѣльныхъ группъ явленій, періодъ же полнаго расцвѣта метафизики совпадаетъ съ существованіемъ и развитіемъ настоящаго знанія—въ видѣ ряда уже установившихся наукъ неорганическаго и, частью, органическаго міра.

Интересно замѣтить также, что уже Аристотель, одинъ изъ основателей научнаго метода, пришелъ къ той же оцѣнкѣ философскихъ продуктовъ первой фазы развитія, къ которой, по необходимости, приводитъ и законъ Конта Аристотель отрицаетъ у нихъ всякое научное значеніе: „Не стоитъ, говоритъ онъ, сколько-нибудь серьезно заниматься тѣми, кто философствовалъ въ мистической формѣ“ (Metaphys III, 4. 17).

62 (стр. 278). На оба обобщенія наши—законъ трехъ метафизическихъ типовъ и законъ соотношенія между наукою и философіей—можно смотрѣть, какъ на простую попытку правильнѣе и точнѣе истолковать извѣстную формулу Конта. Дѣйствительно, въ связываемыхъ послѣднею формулою группахъ фактовъ уже содержится отдаленное указаніе на основное условіе, въ силу котораго происходитъ послѣдовательная смѣна трехъ главныхъ способовъ объясненія міра и тѣхъ общихъ умственныхъ состояній, которыя зависятъ отъ преобладанія того или другого философскаго метода. Но формула Конта прямо не раскрываетъ этого основного условія и потому подаетъ поводъ къ произвольнымъ и частью ошибочнымъ толкованіямъ историческихъ фактовъ Наши два обобщенія составляютъ въ этомъ смыслѣ только необходимое дополненіе и разъясненіе закона трехъ состояній. Нашъ общій законъ выражаетъ собою то постоянное отношеніе соціологическихъ

факторовъ, въ силу котораго только и можетъ произойти послѣдовательность, наблюденная и, въ значительной степени, провѣренная Контомъ. Нашъ частный законъ выражаетъ собою то же отношеніе, какъ оно осуществилось въ теченіе метафизической фазы развитія философіи, но онъ ближе стоитъ къ конкретной дѣйствительности, чѣмъ общій законъ или его послѣдствіе, законъ трехъ состояній; изъ области высшихъ отвлеченій онъ возвращаетъ насъ на почву легче провѣряемыхъ фактовъ и отношеній и потому самъ служитъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности общаго закона.

63 (стр. 282). Такого доказательства обыкновенно и добиваются отъ своихъ противниковъ новѣйшіе защитники метафизики, обѣщая, въ случаѣ удовлетворенія своего требованія, считать вопросъ о „необходимости“ метафизики окончательно сданнымъ въ архивъ. Но пусть вѣритъ ихъ обѣщаніямъ, кто хочетъ.

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, еще другое требованіе этихъ „друзей“ метафизики, хорошо рисующее крайнее, безвыходное положеніе, въ которомъ они сами находятся. Они именно желаютъ, „чтобы понятіе о метафизикѣ было указано со всевозможною опредѣленностью, чтобы съ совершенною точностью были выдѣлены задачи и вопросы, которые она себѣ присваиваетъ“; они утверждаютъ, далѣе, что, „обращаясь къ лучшимъ и самымъ авторитетнымъ философамъ позитивизма“, не трудно убѣдиться, „что въ ихъ понятіяхъ о метафизикѣ нѣтъ той отчетливости, какой можно было бы ожидать отъ нихъ“. Упрекъ этотъ явно несправедливъ, поскольку онъ дѣйствительно касается вопроса объ опредѣленіи метафизики и точнаго указанія ея *спеціальныхъ* задачъ. Начиная съ Конта,—и пожалуй даже раньше его, если принять наше мнѣніе объ историческомъ позитивизмѣ (ч I, гл. VII, стр. 213—215)—позитивисты единогласно утверждали и доказывали (хорошо или дурно—другой вопросъ): во 1-хъ) что метафизика *не имѣетъ своихъ спеціальныхъ задачъ*, а преслѣдуетъ *ту же* задачу, какую въ глубокомъ прошедшемъ стремилась разрѣшить теологія и какую теперь старается рѣшить научная философія; во 2-хъ) что задача эта состоитъ въ объединеніи, въ одномъ общемъ міропониманіи, всѣхъ категорій нашихъ познаній; и въ 3-хъ) что метафизика есть только методъ или способъ такого объединенія, и методъ не-

сомнѣнно ложный. Позитивистамъ, слѣдовательно, оставалось только показать, въ чемъ заключались пріемы этого метода, а это было сдѣлано ими не одинъ разъ. См. Herbert Spencer First Principles, ч. 2-ая, The Knowable; гл. 1-ая Definition of philosophy.

63 bis (стр. 287). По важному, но все еще не выясненному (именно вслѣдствіе изученія его на почвѣ не спеціальной науки, а философіи) и все еще порождающему массу недоразумѣній и софизмовъ вопросу объ ограниченности нашихъ познавательныхъ средствъ и способностей, просимъ у читателя позволенія привести здѣсь мнѣніе К Кавелина, который въ своемъ, во многихъ отношеніяхъ, превосходномъ этюдѣ—*Задачи этики*,—говоритъ слѣдующее: „Для человѣка ни безусловнаго знанія, ни безусловной объективности нѣтъ и не можетъ быть. Знаніемъ родъ человѣческій не можетъ подняться выше самого себя, вырваться изъ своей природы. То, что человѣкъ считаетъ объективнымъ міромъ, есть или внѣшняя природа, которой часть онъ составляетъ, или другіе люди и человѣческое общество, посреди которыхъ онъ живетъ, или явленія и факты его психической жизни и дѣятельности. Мышленіе и результатъ его—знаніе—есть не что иное, какъ лишь свойственный человѣку способъ относиться къ явленіямъ дѣйствительности, чтобъ приладживать ихъ къ своимъ нуждамъ, а себя къ условіямъ, посреди которыхъ онъ поставленъ. Далѣе этой относительной и условной дѣятельности человѣческій умъ не идетъ и знаніе не простирается, не потому, чтобы разумъ былъ слабъ, немощенъ, недостаточенъ, а потому, что такова его функція въ человѣческомъ организмѣ. Не приписываемъ же мы безсилію, немощи, несовершенству глаза, что онъ не слышитъ, уха — что оно не видитъ. Психическія способности и отправленія гораздо труднѣе поддаются точнымъ изслѣдованіямъ, оттого относительно ихъ и удерживаются дольше разныя ошибочныя представленія, сложившіяся путемъ отвлеченной логики и неправильныхъ обобщеній". Задачи этики, стр. 46. Та же мысль развивается авторомъ еще на стр. 86 и 87.

Отдавая полную справедливость послѣднему труду Кавелина, посвященному „молодому поколѣнію" и вполнѣ оправдывающему такое посвященіе благородствомъ и возвышенностью стремленій и выводовъ автора, мы должны, однако, замѣтить,

что съ главнымъ, основнымъ тезисомъ всего этюда мы радикально расходимся. Тезисъ этотъ всецѣло содержится въ немногихъ слѣдующихъ словахъ автора (стр 48): „Таково современное положеніе. Наблюденіе и опытъ поколебали безграничное довѣріе къ объективному міровоззрѣнію, указали на его односторонность, недостаточность, неполноту и на необходимость исправить эти недостатки поднятіемъ и выработкою личной психической жизни и дѣятельности. Въ этомъ заключается глубокій смыслъ кризиса, чрезъ который проходитъ современное человѣчество. Въ обращеніи всѣхъ лучшихъ силъ знанія и практической опытности на нравственное развитіе единичнаго, индивидуальнаго типа и будетъ состоять переходъ рода человѣческаго въ новый періодъ развитія". — Въ этомъ мнѣніи глубоко справедлива главная посылка и глубоко невѣрно заключеніе. Односторонность, недостаточность и неполнота всѣхъ господствовавшихъ до сихъ поръ міровоззрѣній составляютъ, дѣйствительно, фактъ, въ которомъ человѣчество все болѣе и болѣе убѣждается. Отсюда — то субъективное безпокойство, то отсутствіе гармоніи и равновѣсія, та тоска и неудовлетворенность, тотъ разбродъ мнѣній и тотъ кажущійся или дѣйствительный этическій упадокъ, которыми страдаетъ современное человѣчество и которые одинаково тревожатъ людей мысли и людей дѣла. Но „глубокій смыслъ переживаемаго нынѣшнимъ человѣчествомъ кризиса" не можетъ заключаться въ направленіи всѣхъ усилій въ сторону простого послѣдствія, не трогая и не касаясь его причины. Всякіе призывы къ подъему личной психической жизни, къ исправленію индивидуальнаго типа, всѣ эти sursum corda—исторія доказала это сотни разъ—безцѣльны и безплодны, какъ древній вавилонскій плачъ, безплодны, часто, даже въ смыслѣ личнаго исправленія. Выходъ изъ современнаго кризиса можетъ быть найденъ единственно и исключительно на пути дружнаго напряженія всѣхъ силъ знанія, и только знанія (а вовсе не практической опытности), съ цѣлью построенія міропониманія, которое бы соотвѣтствовало нынѣшнему состоянію этого знанія и которое только тогда и успокоитъ отдѣльную личность, и подниметъ ее на нужную этическую высоту.

64 (стр. 294). Эта особенность имѣетъ свое значеніе для научнаго обоснованія теоріи Конта. Фактъ внутренняго сходства эволюціи личности съ эволюціей человѣчества подмѣченъ вполнѣ

вѣрно и самъ по себѣ уже говоритъ въ пользу того, что эволюція человѣчества понята правильно. Мы имѣемъ тутъ предъ собою драгоцѣнное біологическое (и частью психологическое) подтвержденіе истины общественнаго характера Въ той или другой формѣ, индивидуальная основа этой истины признавалась многими мыслителями, такъ, напримѣръ, Фейербахъ прямо говоритъ „Богъ былъ моей первою мыслью; разумъ—второю; человѣкъ—моею третьей и послѣдней мыслью". Пессимистъ Гартманъ, съ своей стороны, говоритъ о трехъ основныхъ иллюзіяхъ, чрезъ которыя проходитъ всякій человѣкъ и все человѣчество Примѣровъ аналогичныхъ взглядовъ, впрочемъ, можно привести очень много. Но и въ личной эволюціи, какъ каждый можетъ въ томъ убѣдиться на собственномъ опытѣ, происходитъ лишь смѣна трехъ общихъ умственныхъ состояній, или вѣрнѣе трехъ міропониманій, а не смѣна трехъ различныхъ ступеней или состояній знанія.

Къ тому же общему закону эволюціи сводится и слѣдующее, болѣе конкретное и частное соціологическое обобщеніе Дюбуа-Реймона. (Рѣчь въ королевск. Академіи наукъ, произнесенная 30-го января 1868 г.). „Можно, говоритъ Дюбуа-Реймонъ, указать на законъ умственнаго развитія, который болѣе или менѣе осуществился въ Элладѣ, Римѣ, Италіи, Англіи, Франціи и Германіи, и въ силу котораго всякій народъ производитъ сначала своихъ великихъ поэтовъ, потомъ своихъ великихъ философовъ (т. е., разумѣется, метафизиковъ) и, наконецъ, своихъ великихъ естествоиспытателей".

65 (стр. 296). Если рѣчь идетъ о частныхъ гипотезахъ, то въ нихъ никогда не было недостатка въ наукахъ, и трудно себѣ представить, чтобы такія гипотезы могли попасть изъ теологіи въ спеціальное знаніе. Если же рѣчь идетъ объ основной гипотезѣ всякой теологіи — о признаніи сверхъестественныхъ силъ или силы, — то эта гипотеза, хотя несомнѣнно и носилась предъ умственнымъ взоромъ изслѣдователей природы въ первую эпоху научнаго развитія, однако едва-ли могла дѣйствительно помочь имъ выбраться изъ эмпиризма на путь теоретическаго знанія. Съ этою цѣлью ученые прибѣгали къ научнымъ, т. е. спеціальнымъ и, по существу своему, провѣряемымъ предположеніямъ. Теологическіе постулаты могли играть въ сферѣ спеціальнаго знанія лишь роль темныхъ догадокъ, вѣрно отражавшихъ собою совершенную безпомощность

этого знанія на первыхъ порахъ. То же самое можно сказать и о метафизикѣ; но эта сторона вопроса (законъ трехъ типовъ) была уже достаточно выяснена нами.

66 (стр. 300). Эти поздніе плоды метафизики имѣютъ большое внѣшнее сходство съ міропониманіемъ строго-научнымъ и сплошь да рядомъ (въ особенности въ плюралистической фазѣ своей) выдаются и принимаются за него. Но сходство это обманчиво. научно-философскія системы расходятся съ философіей наукъ въ главномъ и существенномъ. Истинная философія наукъ, для объясненія совокупности природы, не прибѣгаетъ ни къ какимъ гипотезамъ; а неизмѣнныя отношенія, охватывающія однимъ узломъ всю сумму міровыхъ свойствъ, не только въ высокой степени гипотетичны, но, вслѣдствіе всеобщности своей, необходимо ускользаютъ отъ всякой опытной повѣрки. Мы говоримъ, разумѣется, о попыткахъ, имѣющихъ цѣлью безусловное отожествленіе всѣхъ свойствъ или отношеній вещей, а не о совершенно законномъ стремленіи частныхъ наукъ, ихъ спеціальныхъ философій и, наконецъ, ихъ общей философіи къ условному и символическому объединенію конкретныхъ явленій.

67 (стр. 301). Логическая и психологическая возможность такого превращенія очевидна. Метафизическіе идеи и концепты метафизичны или трансцендентальны только съ внѣшней или формальной стороны. По своему содержанію, по тѣмъ внутреннимъ элементамъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ, эти идеи суть продукты опыта въ такой же степени, въ какой такими продуктами можно считать всякіе, вообще, идеи и концепты. Въ нихъ нѣтъ ни одной частицы, ни одного атома, ни малѣйшаго слѣда чего-либо сверхчувственнаго. Это давно доказано сенсуалистическою психологіей, и въ новѣйшее время блистательно подтверждено работами Льюиса и многихъ другихъ философовъ. См. напр. Stricker: Physiologie des Rechts, Wien, 1884 Штрикеръ по этому поводу разсуждаетъ такимъ образомъ. Знаніе наше есть или возможное, потенціальное (это—запасъ опытовъ, въ которомъ свободно можетъ черпать наша память), или дѣятельное и живое (lebendiges Wissen—состоящее изъ нашихъ представленій о чемъ либо въ данную минуту и проистекающее изъ двухъ источниковъ: непосредственнаго воспріятія, unmittelbare Wahrnehmung и потенціальнаго знанія).

Но такъ какъ изъ нашего возможнаго знанія нельзя ничего извлечь, что не было бы предварительно запасено опытнымъ путемъ, т. е. нельзя ничего извлечь, помимо данныхъ о внѣшнемъ мірѣ или о нашихъ соматическихъ процессахъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что когда умъ нашъ занятъ какими-нибудь спекулятивными идеями — напримѣръ, идеями о первой причинѣ или раціональной сущности вещей,—въ немъ могутъ возбуждаться только такія представленія, которыя уже прежде были внесены въ него изъ поименованныхъ двухъ источниковъ. Научаясь чему-либо, мы научаемся извѣстнымъ словамъ и смыслу, какой другіе люди придавали или придаютъ тѣмъ же терминамъ. Къ сожалѣнію, философы, спекулирующіе въ области метафизическихъ идей, постоянно забываютъ, что они изъ своего потенціальнаго знанія могутъ почерпать лишь новыя сочетанія старыхъ умственныхъ пріобрѣтеній.

68 (стр. 302). Въ видѣ примѣра, укажемъ на два весьма важныя научныя обобщенія на такъ-называемый законъ сохраненія энергіи, и на другой эмпирическій законъ, въ силу котораго мысль неразлучна съ спеціальною организаціей или составляетъ функцію нервно-мозговой структуры. Обобщенія эти несомнѣнно возникли на почвѣ положительнаго знанія, и притомъ первоначально въ формѣ гипотезъ, которыя мало-по-малу подтверждались и повѣрялись цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ. Сравнимъ теперь эти научныя предположенія съ двумя гипотезами, которыя всего ближе соотвѣтствуютъ имъ въ области философіи: съ механическою теоріею матеріализма и біологическою гипотезою илозоизма (сведеніе всѣхъ явленій къ движенію матеріальныхъ атомовъ и оживотвореніе всѣхъ разрядовъ явленій въ природѣ). Въ глаза кидается, что эти гипотезы имѣютъ безусловно непровѣряемый характеръ, и потому лишены всякаго научнаго значенія. Непровѣряемость же ихъ зависитъ, очевидно, отъ того, что онѣ относятся не къ одному разряду свойствъ въ природѣ (хотя бы и общихъ всѣмъ конкретнымъ явленіямъ, какъ, напримѣръ, свойства числа, мѣры, физическія и химическія), а ко всѣмъ разрядамъ одновременно и безразлично; или, другими словами, отъ того, что онѣ впадаютъ въ явную логическую ошибку, называемую petitio principii: онѣ признаютъ достовѣрнымъ то, что̀ ничѣмъ не удостовѣрено и что̀ еще требуетъ доказательства, именно *тожество* всѣхъ свойствъ въ природѣ.

69 (стр. 303). Мы ставимъ слѣдующую общую формулу: въ наукѣ не можетъ быть *непровѣряемой* гипотезы, а въ философіи не можетъ быть гипотезы *провѣряемой*. Это значитъ, что наука, имѣя дѣло съ частными явленіями, не боится гипотезъ: ни частныхъ, относящихся къ спеціально изучаемому ею разряду свойствъ въ природѣ, ни общихъ, относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ несводимыхъ свойствъ или ко всей совокупности ихъ, ибо само собою разумѣется, что спеціальная наука повѣряетъ гипотезы послѣдняго рода лишь постольку, поскольку онѣ касаются изучаемыхъ ею явленій. Такимъ образомъ, повѣркѣ философской гипотезы въ области частнаго знанія необходимо предшествуетъ соотвѣтствующая спеціализація такой гипотезы. Наоборотъ, философія должна опасаться всякихъ гипотезъ; ибо и научная гипотеза не можетъ сдѣлаться философскою, не будучи предварительно распространена на всѣ категоріи явленій и свойствъ въ природѣ. А такое распространеніе, въ силу логической необходимости, всегда влечетъ за собою непровѣряемость гипотезы. Объяснить это можно слѣдующимъ простымъ образомъ. Назовемъ чрезъ **a**, **b**, **c**, **d**, различныя группы несводимыхъ свойствъ, изучаемыя рядомъ отвлеченныхъ наукъ, а чрезъ **A** ихъ сумму или совокупность; мы получимъ тогда слѣдующее уравненіе: **a**+**b**+**c**+**d**=**A**. Объ **A** мы можемъ весьма правильно утверждать, что оно=**A**. Но если мы скажемъ, что **A**=**F**, то это уже будетъ гипотезою, и при томъ такою, которая по отношенію къ самому **A** остается произвольною и непровѣряемою до тѣхъ поръ, пока мы не докажемъ, что и **a**+**b**+**c**+**d**=**F**; а доказать это мы, очевидно, можемъ только обратившись къ спеціальному изслѣдованію, въ отдѣльности, свойствъ **a**, **b**, **c**, **d**. Другими словами, философская гипотеза, какъ таковая, непровѣряема; только спеціализація ея, только обращеніе ея въ научную гипотезу можетъ сообщить ей это драгоцѣнное свойство, составляющее conditio sine qua non допустимости гипотезы вообще. Но такое обращеніе, очевидно, равносильно самоупраздненію философской гипотезы.

Какъ извѣстно, однако, все это ни мало не признавалось въ предшествовавшія намъ эпохи, которыя держались прямо противоположныхъ взглядовъ, допуская гипотезу въ философіи и изгоняя ее изъ спеціальныхъ наукъ. Изгнаніе это, впрочемъ, имѣло чисто теоретическое значеніе, какъ лучше всего видно на примѣрѣ Ньютона, который такъ начинаетъ изложе-

ніе своей теоріи тяготѣнія: „Quidquid ex phaenomenis non deducitur, hypothesis vocanda est; et hypotheses, seu metaphysicae, seu physicae, seu qualitatum occultarum, seu mechanicae, in philosophia experimentali (т. е. въ естественныхъ наукахъ) locum non habent". (Phil. nat. principia mathem. Въ связи съ этимъ мѣстомъ находится и знаменитое изреченіе Ньютона „Hypotheses non fingo"). Но формула наша имѣетъ весьма мало защитниковъ даже въ настоящее время, когда уже никто не оспариваетъ у науки права на широкое пользованіе гипотезою. Теперь можно часто встрѣтить мнѣніе, вполнѣ приравнивающее философію къ наукѣ и требующее допущенія и въ область первой „самыхъ смѣлыхъ гипотезъ, самыхъ слабыхъ вѣроятностей". См., напр., K. Kroman Unsere Naturerkenntniss. Kopenhagen, 1883, и его же статью въ V. j. schrift fur wissenschaftliche Philosophie, I, 1885: Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie, стр. 21.

По поводу „смѣлыхъ гипотезъ и слабыхъ вѣроятностей" можно еще замѣтить, что даже самыя сильныя вѣроятности значатъ весьма мало, когда рѣчь идетъ о гипотезахъ. Вѣроятныя гипотезы, правдоподобныя объясненія способны обманывать насъ гораздо болѣе, чѣмъ предположенія прямо невѣроятныя. Исторія наукъ кишитъ примѣрами правдоподобныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ложныхъ объясненій. Такъ, до открытія электричества, явленіе молніи и грома было, собственно говоря, необъяснимо. Между тѣмъ, его не переставали объяснять, и извѣстный врачъ, химикъ и ботаникъ Boerhaave (1668—1738) предложилъ съ этою цѣлью гипотезу, которая одно время всѣми признавалась за истинное объясненіе. Молнія считалась послѣдствіемъ воспламененія жирныхъ, маслянистыхъ и взрывчатыхъ частицъ, которыя, будто бы, поднимаются съ земной поверхности съ другими испареніями и сгущаются въ облакахъ; а громъ—результатомъ послѣдовательныхъ взрывовъ этихъ частицъ, скопившихся въ большія массы. См. Tarde, Revue philosophique, 1884 г., № 6; статья по поводу интересной книги италіанскаго философа Vadala-Papale: Darwinismo Naturale e Darwinismo Sociale. Torino. Ermano Loescher. 1882.

69 bis (стр. 306). Ясное описаніе роли и значенія научной гипотезы даетъ П. Милославскій, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и симпатичныхъ представителей новой школы русской научной философіи (Гротъ, Троицкій и нѣкот. др.). Милославскій, къ несчастію, умеръ въ полномъ цвѣтѣ

силъ и едва приступивъ къ рѣшенію той великой задачи (обновленіе живыхъ источниковъ современнаго міропониманія), которая тревожила его наравнѣ съ лучшими и наиболѣе сильными умами въ Европѣ. Онъ оставилъ два сочиненія. Типы современной философской мысли въ Германіи (очерки изъ путешествія за границу), Казань, 1878, и неоконченный трудъ— Основанія философіи какъ спеціальной науки, Казань, 1883, томъ I. —Вотъ что говоритъ Милославскій о гипотезѣ въ наукѣ· „Процессъ научнаго отвлеченія, умозрѣнія, развивается въ научно-дисциплинированномъ воображеніи въ научную гипотезу. Въ наукѣ, какъ извѣстно, бываютъ случаи, когда для рѣшенія извѣстнаго вопроса не представляется возможнымъ ни опытъ, ни наблюденіе, а существующія теоріи оказываются недостаточными. Въ такихъ случаяхъ, далеко не рѣдкихъ, изслѣдователь остается какъ бы покинутымъ природой· для него безполезны глаза, уши, осязаніе, микроскопы, телескопы,— всѣ чувства, всѣ инструменты; ничто ему не говоритъ и повидимому не можетъ сказать о томъ, чего онъ ищетъ, что желаетъ знать. Тогда изслѣдователь, предоставленный самому себѣ, собирается съ мыслями, сочетаетъ идеи и образы, возбуждаемые даннымъ вопросомъ, и наконецъ самъ, въ своемъ умѣ и воображеніи, строитъ гипотезу, предположеніе о томъ, что лежитъ въ основѣ извѣстныхъ вещей и явленій. Въ гипотезѣ не природа предлагаетъ человѣку возможность открывать эмпирическіе и теоретическіе законы явленій и требуетъ ихъ признанія, а напротивъ, самъ изслѣдователь предлагаетъ природѣ возможность открывать свои тайны и требуетъ, чтобы она подтвердила его собственныя догадки, предположенія. Гипотезу изслѣдователь предъявляетъ природѣ какъ проектъ какого-нибудь факта, или закона, который природѣ остается или принять, или не принять. Не имѣя возможности ни индуктивно, ни дедуктивно объяснить причину свѣтовыхъ, тепловыхъ и т. д. явленій, ученый проектируетъ по всей вселенной упругую среду, эѳиръ, атомы. Зная причины океаническихъ теченій, но не имѣя возможности открыть и объяснить ихъ законы, ученый проектируетъ и законы. Если бы подобные проекты ума и воображенія, гипотезы, получили болѣе или менѣе полное индуктивное или дедуктивное подтвержденіе отъ самой природы, тогда они превратились бы въ научныя истины. Но до тѣхъ поръ очевидно научныя гипотезы остаются лишь проектами, вопросами, обращенными къ природѣ

единственно по природной необходимости для человѣка знать, во что бы то ни стало, какъ можно больше, по природной склонности и способности человѣка къ наукѣ, по любви къ знанію, къ мудрости (φιλοσοφία). Гипотеза, являясь послѣднимъ шагомъ научнаго метода, понимаемаго въ его цѣльномъ, истинномъ смыслѣ, возникая въ умѣ человѣка послѣ возможнаго въ данное время опытнаго познанія о природѣ (μετὰ τὰ φυσικά) есть не иное что, какъ научная метафизика" (Типы, стр. 219—220). — Все это совершенно справедливо, и вотъ почему другой метафизики — кромѣ той, которою по необходимости занимаются (treiben, какъ говорятъ нѣмцы) спеціальныя науки — намъ и не надо. Гипотетическая философія была бы уже не научною, а, такъ сказать, метафизическою метафизикою. Милославскій, однако, не признаетъ этого. По его мнѣнію, „въ философіи дедукція, умозрѣніе, теорія и *гипотеза* естественно становятся преобладающею стороною процесса познанія" (стр. 226) Вообще весь взглядъ Милославскаго на задачи и методъ философіи кажется намъ глубоко ошибочнымъ—и далеко не новымъ; это взглядъ, раздѣляемый, въ той или другой формѣ, очень многими современными философами, въ особенности среди нѣмцевъ. Онъ, очевидно, сложился подъ прямымъ вліяніемъ прежняго сенсуализма и нынѣшняго критицизма. Сущность его выражена у Милославскаго такъ: „Неужели явленія знанія не реальныя явленія и неужели сами науки не могутъ и не должны быть предметомъ особой, *спеціальной науки*? Ясная постановка этого вопроса прямо ведетъ къ утвердительному и рѣшительному отвѣту: *явленія*, представляемыя человѣческимъ познаніемъ въ его происхожденіи и развитіи его различныхъ формъ, и могутъ, и должны быть предметомъ особой, *спеціальной* науки, и задачею этой науки будетъ научно-методическое открытіе и объясненіе законовъ этихъ явленій, построеніе теорій и гипотезъ для научнаго пониманія ихъ. Теперь—назовите эту науку, какъ угодно, но если упрямство и чувства, чуждыя науки, не дозволяютъ вникнуть въ дѣло, справиться съ исторіей и понять, что такою именно *наукой*, хотя и самымъ несовершеннымъ образомъ, была до сихъ поръ, и должна развиваться далѣе *философія*,—тогда нужно будетъ во что бы то ни стало положить основаніе такой *спеціальной* наукѣ о наукахъ и сочинить ей имя болѣе пріятное, чѣмъ „философія" (любовь къ мудрости)" (стран. 236—237), и въ другомъ мѣстѣ: „Философія должна быть естественной наукой о явленіяхъ по-

знанія, и возникающія въ ней задачи не могутъ быть рѣшаемы никакой другой изъ спеціальныхъ наукъ“ (стр. 308).

Какъ извѣстно, уже Ог. Контъ настоятельно требовалъ—„faire de l'étude des généralités une spécialité de plus“; но подъ „généralités“ онъ, конечно, понималъ не одни „явленія познанія“, — точка зрѣнія, которая неминуемо возвращаетъ насъ къ сенсуалистическому субъективизму со всѣми его горькими философскими плодами. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но въ стремленіяхъ Милославскаго и многихъ другихъ мы ясно видимъ двѣ капитальныя ошибки· одна касается методологическихъ пріемовъ, рекомендуемыхъ философіи (гипотеза); другая—самаго содержанія, ей усердно навязываемаго. Содержаніе это—явленія познанія—уже всецѣло принадлежитъ другой спеціальной наукѣ, психологіи (теорія познаванія). Эта часть психологіи изучаетъ явленія познаванія со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія: она изслѣдуетъ эти явленія и въ исторіи (пользуясь для этого матеріалами и выводами соціологіи), и въ повседневной жизни, и въ рядѣ отвлеченныхъ и конкретныхъ наукъ, и у дикарей, и у ребенка и т. п. Затѣмъ общіе результаты такихъ изслѣдованій психологія передаетъ своей спеціальной философіи (или спеціальной философіи біологіи, или, наконецъ, спеціальнымъ философіямъ біологіи и соціологіи — это зависитъ отъ взгляда на психологію, какъ на самостоятельную абстрактную науку, или на часть біологіи, или, наконецъ, какъ на науку конкретную). И вотъ, уже только послѣ такой передачи, и послѣ новой и окончательной обработки первоначальныхъ результатовъ психологическаго изслѣдованія пріемами и способами, о которыхъ мы теперь, при настоящемъ состояніи нашего знанія, въ отсутствіе спеціальныхъ философій наукъ, можемъ составить себѣ только довольно смутное понятіе, могутъ эти результаты сдѣлаться предметомъ изученія и размышленій философа. Но послѣдній, сличая ихъ съ результатами, полученными точно такимъ же образомъ отъ спеціальныхъ философій всѣхъ остальныхъ отвлеченныхъ наукъ, всегда будетъ видѣть въ „явленіяхъ познанія“ только часть, и даже сравнительно небольшую, того матеріала, который нуженъ ему для построенія обширнаго зданія дѣйствительно „научнаго“ пониманія міра. Само собою разумѣется, впрочемъ, что двѣ капитальныя ошибки, въ которыя впадаетъ Милославскій, поддавшись вліянію нѣмецкихъ школъ, не мѣшаютъ ему правильно ставить и рѣшать другіе, уже второстепенные во-

просы современной философіи. У русскаго философа встрѣчается много вѣрныхъ мыслей и замѣчаній. Къ числу ихъ можно отнести все, что онъ говоритъ на стр. 232 о философскихъ наклонностяхъ современныхъ спеціалистовъ, или на стр. 233 о томъ, что „стоитъ только спеціалисту коснуться *initio*—и онъ уже *eo ipso* становится метафизикомъ", или, наконецъ, на стр 234 о томъ, что координація положительнаго знанія привела Конта къ координаціи міра, т. е къ превращенію позитивизма въ настоящую философію, и т. д.

Мы сказали выше, что основной взглядъ Милославскаго на задачи философіи не отличается оригинальностью и не составляетъ шага впередъ. Дѣйствительно, буквально того же мнѣнія держались уже Юмъ и Кантъ, какъ это прекрасно доказываетъ Гексли (въ цит. этюдѣ его о Юмѣ, стр. 63—66, 70 и 73) Гексли и самъ убѣжденъ, что„ философія должна быть всецѣло основана на психологіи", что „она имѣетъ предметомъ изученіе внутреннихъ основаній и первыхъ принциповъ тѣхъ умственныхъ операцій, которыя образуютъ то, что мы называемъ нашей мыслью", и наконецъ, что и „философія пользуется для этой цѣли общимъ методомъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ—гипотезой".

70 (стр. 309). Объясненіе какихъ либо явленій другими, чуждыми имъ, по существу, фактами составляетъ, безъ сомнѣнія, общую, родовую черту всякой метафизики. Мы въ этомъ могли убѣдиться на каждомъ шагу нашего изслѣдованія. Черту эту необходимо постоянно имѣть въ виду при полномъ научномъ описаніи всѣхъ признаковъ метафизическаго способа мышленія. См. въ этой же главѣ стр. 89—91.

71 (стр. 311). Вопросъ о составныхъ частяхъ нашихъ представленій можно сравнить съ нѣкоторыми задачами современной политической экономіи, которая также, подобно психологіи, есть наука возникающая, описательная, не выдѣлившая изъ себя своей дѣйствительно абстрактной части (наперекоръ обычному мнѣнію, которое всякія отвлеченныя *разсужденія* готово принять за отвлеченные *явленія* и *законы*). Таковы въ этой наукѣ отдѣлы, трактующіе о составныхъ элементахъ цѣнности (понятія, играющаго здѣсь такую же роль, какую въ психологіи играетъ понятіе о представленіи), о спросѣ и предложеніи, капиталѣ, рентѣ и т. п. Большинство самыхъ широкихъ, съ виду, обобщеній экономической науки

представляетъ собою или чистѣйшую „тавтологію“, или поверхностный „эмпиризмъ“, необходимо ведущій къ одностороннимъ, узкимъ рѣшеніямъ. Но то же самое слѣдуетъ сказать и объ обобщеніяхъ психологіи познанія, если можно такъ выразиться. Психологія эта до сихъ поръ занята почти исключительно *постановкою* или, вѣрнѣе, *безконечною перестановкою наиболѣе элементарныхъ вопросовъ.*

72 (стр. 312). Субъективность, какъ справедливо замѣтилъ уже Дюрингъ, не есть что-либо самостоятельное, а представляетъ собою, на основѣ всей остальной природы, „причинное сочетаніе второй степени“—„ein causales Gebild zweiter Ordnung“. Но такое же несамостоятельное значеніе имѣетъ и все противопоставленіе субъекта объекту. „Къ нѣкоторымъ изъ нашихъ представленій, говоритъ Стюартъ Милль, мы привыкли относиться, главнымъ образомъ, субъективно, а къ другимъ—главнымъ образомъ, — объективно. Что касается первыхъ, то мы всего чаще и легче видимъ ихъ отношеніе къ ряду чувствованій, составную часть которыхъ они образуютъ и которыя, будучи собраны и соединены мыслью въ одинъ концептъ, получаютъ названіе субъекта. Что касается вторыхъ, то мы преимущественно видимъ ихъ связь съ извѣстною группою или съ извѣстнымъ родомъ группъ „постоянныхъ возможностей ощущеній“; существованіе этихъ группъ въ каждую данную минуту удостовѣряется испытываемымъ нами въ эту минуту ощущеніемъ, которому и дается наименованіе объекта...Всѣ наши ощущенія имѣютъ свой объектъ; и всѣ могутъ быть помѣщены въ какую-нибудь группу постоянныхъ возможностей,притомъ такъ, что присутствіе или наличность этой особенной совокупности возможностей является предшествующимъ условіемъ,или настоящею причиною, ихъ собственнаго существованія“. Examination of the Philosophy of sir W Hamilton, гл. XI.—Наконецъ, не малая доля интереса, возбуждаемаго тѣмъ же противопоставленіемъ субъекта объекту, зависитъ и отъ ничтожности нашихъ психологическихъ познаній, отъ той таинственности, которою окружены психическіе факты и которая всегда такъ привлекательна. Это обстоятельство не слѣдуетъ также упускать изъ виду при объясненіи, какимъ образомъ, благодаря одному изъ основныхъ самообмановъ ума—иллюзіи общности—спеціально психологическій вопросъ могъ получить общій или философскій характеръ.

По вопросу о противоположеніи объекта субъекту см. еще

Кавелинъ: „Задачи этики“, стр. 33, а также 41 и 42. „Соединенныя усилія психологіи и естественныхъ наукъ, говоритъ, между прочимъ, авторъ, проложили дорогу чрезъ кажущуюся пропасть, показавъ, что представляющійся объективнымъ міръ внѣшнихъ реальностей и идей есть продолженіе личнаго, индивидуальнаго, субъективнаго міра, а также и то, какъ и почему объективный міръ, съ развитіемъ субъективнаго и соотвѣтственно съ нимъ, измѣняется въ своихъ формахъ. Самый фактъ такой ихъ связи былъ уже давно извѣстенъ; теперь выясняются его условія и законы... Такимъ образомъ, явленія субъективнаго и объективнаго міра, сперва казавшіяся раздѣленными другъ отъ друга непереступаемой пропастью, стали мало-по-малу сближаться, рѣзкія и точныя границы между ними болѣе и болѣе ступевываться Безусловное выдѣленіе человѣка изъ природы, психическихъ явленій изъ матеріальныхъ, которое сначала казалось такъ просто и легко, становилось все труднѣе и труднѣе. Трудности эти пробовали устранить, въ XVIII вѣкѣ, два геніальныхъ изслѣдователя—Локкъ и Кантъ. Первый обратилъ особенное вниманіе на содержаніе представленій и мыслей, и нашелъ въ основаніи ихъ внѣшнія впечатлѣнія, второй—на законы и формы умственной дѣятельности и приписалъ имъ, а не содержанію представленій и мыслей, знаніе объективнаго міра. Этимъ было положено первое начало научному объясненію связи между субъективнымъ и объективнымъ міромъ, человѣкомъ и окружающей его средой. Оно явилось въ двухъ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ, изъ которыхъ одно, указанное Локкомъ, пустило корни въ Англіи и Франціи, другое, родоначальникомъ котораго былъ Кантъ—въ Германіи Каждое выставило длинный рядъ выдающихся ученыхъ и мыслителей, создателей философскихъ ученій. Труды ихъ далеко раздвинули знаніе въ ширь и глубь, но не разрѣшили вопроса. Въ наше время самый вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ субъективнаго и объективнаго міра далеко не такъ живо занимаетъ умы, какъ прежде, вѣра въ возможность рѣшить его какъ будто охладѣла....“ См. также Littré: „De la méthode en psychologie“, въ Revue positive, томъ I-й.

72 bis (стр. 314). Нѣтъ надобности прибавлять, что къ этой классификаціи „теорій познаванія“ непосредственно и тѣсно примыкаетъ и классификація философскихъ системъ; ибо болѣе чѣмъ очевидно, что матеріалистическая философія при-

нимаетъ первое ученіе, идеалистическая становится на сторону второго, а сенсуалистическая является представительницей третьяго.

Впрочемъ, идеалисты и матеріалисты не разъ сходились на почвѣ реальнаго идеализма, или теоріи познаванія, выработанной сенсуалистическою метафизикою. Они никогда не могли помѣняться только занимаемыми ими крайними позиціями. Эта послѣдняя черта имѣла, сама по себѣ, второстепенное значеніе и, сверхъ того, обрисовалась сколько-нибудь опредѣленно лишь въ болѣе позднюю фазу развитія обоихъ ученій. Первоначальное же и самое существенное различіе между ними—повторяемъ еще разъ—состояло не въ этомъ. Корень мнимаго знанія обѣихъ философій одинаково лежалъ въ области „психическаго неизвѣстнаго". Но въ то время, какъ послѣдовательный матеріалистъ старался объяснить психическія явленія при помощи аналогіи, почерпнутой изъ области болѣе извѣстныхъ процессовъ неорганическаго міра, — послѣдовательный идеалистъ, принципіально отвергая грубое, по его мнѣнію, сравненіе матеріалиста и признавая самостоятельный характеръ еще не объясненныхъ наукою явленій, уже безсознательно представлялъ своей точкою исхода будущее развитіе положительнаго знанія. Въ концѣ концовъ, однако, и онъ неизбѣжно впадалъ въ ошибку матеріалиста, но въ своихъ мірообъяснительныхъ попыткахъ онъ прибѣгалъ уже къ обратной, такъ сказать, аналогіи: изъ скудныхъ матеріаловъ еще не установившихся высшихъ наукъ онъ строилъ общія гипотезы, которыми и старался объяснить всю остальную природу. Что же касается до непослѣдовательныхъ матеріалистовъ (этихъ предшественниковъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ философіи, нынѣшнихъ позитивистовъ), то о нихъ можно сказать то же, что и о непослѣдовательныхъ идеалистахъ и сенсуалистахъ: непослѣдовательность въ ошибкѣ или иллюзіи, являясь крупнымъ недостаткомъ въ „формальномъ" отношеніи, въ „матеріальномъ" есть большое достоинство, есть часто необходимое условіе для постепеннаго достиженія истины. Извѣстный пессимистическій парадоксъ, по которому „противорѣчіе есть знакъ истины", уже потому не заслуживаетъ вызываемой имъ иногда презрительной улыбки, что противорѣчіе, въ весьма многихъ случаяхъ, есть знакъ искренности, этой вѣчно юной и вѣчно прекрасной спутницы истины. См. E. Caro· Littré et le positivisme. Paris. 1883, стр. 6.

73 (стр. 330). Всѣмъ извѣстно, что подобныя объясненія нерѣдки въ средѣ спеціальныхъ ученыхъ; но не менѣе извѣстно и то, что когда наукѣ дѣйствительно удается объяснить болѣе сложный фактъ болѣе простымъ, т. е. вполнѣ и безъ всякаго остатка свести первый къ послѣднему, она перестаетъ видѣть въ немъ то, что видѣла прежде,— біологическое, химическое или физическое явленіе, и немедленно включаетъ его въ болѣе простую категорію несводимыхъ свойствъ природы.

74 (стр. 336). Трудность или даже неразрѣшимость задачи обратной „индивидуализаціи“, вывода прежняго конкретнаго изъ „квинтэссенцированнаго“ абстрактнаго очень наглядно видна на примѣрѣ цѣлыхъ школъ въ средніе вѣка, — школъ, которыя, подобно скоттистамъ или раннимъ италіанскимъ натуръ-философамъ, прилагали всѣ свои старанія къ тому, чтобы возстановить „сущее“ въ его полномъ, совершенномъ видѣ и возвратить ему его живое единство. Какъ справедливо замѣчаетъ Маріонъ (Revue philosophique, 1882 г. Т. XIV, стр. 140), „схоластика усвоила себѣ привычку разсматривать отдѣльно аристотелевскія вещество, форму, причину и цѣль, т. е. тѣ четыре стороны, которыя умъ нашъ открываетъ въ каждомъ фактѣ или явленіи; вотъ почему она скоро позабыла, что Аристотель смотрѣлъ на эти начала всего существующаго какъ на нѣчто неразрывно соединенное въ дѣйствительности, въ реальныхъ предметахъ, и различное только для нашей мысли; мало-по-малу, этимъ началамъ было придано самостоятельное, независимое отъ вещей существованіе. Наступила даже минута, когда наитруднѣйшею задачей сдѣлалось отысканіе конкретной дѣйствительности, исчезнувшей подъ этими сущностями или, скорѣе, растаявшей и какъ-бы обратившейся въ дымъ подъ вліяньемъ работы отвлеченія. Задача „индивидуализаціи“, которая такъ долго раздѣляла „школу“ и которую Лейбницъ избралъ предметомъ для своей первой диссертаціи, заключалась именно въ разрѣшеніи вопроса о томъ, какимъ образомъ индивидуальное существованіе могло возникнуть изъ „универсаловъ“, или общихъ свойствъ, въ родѣ матеріи и формы, которыя принимались за предсуществующіе реальные элементы“.

Примѣчанія къ части третьей.

75 (стр. 346). Дѣйствительно, для народной массы супранатурализмъ есть всегда столько-же, если даже не болѣе, дѣло и потребность ума, сколько и чувства; для просвѣщеннаго же меньшинства онъ составляетъ почти всегда исключительно потребность одного чувства, и вѣра этого меньшинства, поэтому, является полною противорѣчій, сомнѣній и т. п.

76 (стр. 349). Гоббсъ объясняетъ также, что внутреннимъ источникомъ супранатурализма служитъ стремленіе человѣка къ поспѣшнымъ, непровѣряемымъ заключеніямъ, и что естественные зародыши (semen naturale) всѣхъ супранатуралистическихъ доктринъ сводятся къ слѣдующимъ четыремъ условіямъ: къ ужасу, внушаемому неизвѣстными силами природы, къ незнанію вторыхъ причинъ (causae secundae), къ чувству подобострастной зависимости отъ окружающихъ явленій и къ обращенію случайныхъ фактовъ въ знаменія и предвѣщанія. См. Leviathan, гл. 6, стр. 89.

77 (стр. 349). Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе, нужное намъ для того, чтобы защитить нашъ взглядъ на супранатурализмъ отъ возраженія, которымъ его встрѣчаютъ всякій разъ, когда онъ высказывается, но которое, на самомъ дѣлѣ, скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ наше мнѣніе. Указываютъ именно на то, что супранатурализмъ вообще и догматическая его форма, или теологія, вещи

разныя и потому-де не все, что вѣрно относительно послѣдней, одинаково справедливо и относительно перваго.

Одинъ изъ лучшихъ истолкователей и біографовъ Юма, Гексли, видитъ въ опредѣленіи супранатурализма, данномъ его любимымъ философомъ, очевидное слѣдствіе обычнаго смѣшенія области вѣры и области супранатуралистическаго истолкованія природы. Huxley. Hume, sa vie et sa philosophie, переводъ Compayré. Paris 1880, стр. 196. Другой писатель, пользующійся глубокимъ уваженіемъ нашимъ, также предостерегаетъ противъ грубой ошибки, въ которую впадаютъ поверхностные умы и которая состоитъ въ недостаточномъ различеніи супранатурализма вообще отъ догматической его формы. Супранатурализмъ вообще, говоритъ онъ (Philosophie positive, XI-ой годъ, т. XXII; Wyroubоff, La philosophie matérialiste et la philosophie positive), есть постоянно измѣняющаяся въ своихъ формахъ совокупность чувствъ и обрядовъ, устанавливающихъ извѣстныя отношенія между человѣкомъ и сверхъестественнымъ началомъ, которое онъ признаетъ; догматическій же супранатурализмъ есть доктрина этого начала, внѣ-естественное или сверхъестественное объясненіе явленій природы. Первый, поэтому, можетъ имѣть метафизическій характеръ, т. е. можетъ быть соединенъ съ метафизическимъ объясненіемъ природы; второй-же всегда сохраняетъ присущій ему характеръ философіи сверхъестественнаго. Но намъ кажется, что это различеніе, полезное, конечно, въ практической жизни, теряетъ всякое значеніе въ абстрактной соціологіи. Дѣйствительно, совершенно достаточно, чтобы на лицо существовала та совокупность чувствъ и обрядовъ, о которыхъ говорилось выше, и даже одна совокупность чувствъ, безъ всякихъ обрядовъ, какъ это видно на примѣрѣ раціоналистическихъ сектъ, чтобы въ испытывающихъ подобныя чувства личностяхъ и слояхъ общества признать одновременное присутствіе и значительной доли того, что цитированный нами писатель называетъ доктриной, сверхъестественнымъ объясненіемъ. Во первыхъ, никакія чувства не могутъ существовать въ человѣкѣ безъ соотвѣтствующихъ представленій и понятій; любить извѣстное существо, напр., или бояться его можно, только имѣя понятіе о немъ и поскольку имѣешь это понятіе. Во вторыхъ, убѣжденіе въ существованіи сверхъестественной причины вещей, составляющее основу всякаго супранатурализма, уже содержитъ въ себѣ въ зародышѣ и сверхъесте-

ственное объясненіе не отдѣльныхъ явленій, а именно всей совокупности ихъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ первоначальнаго происхожденія или, наконецъ, того или другого постояннаго отношенія между міромъ и управляющимъ имъ началомъ.

Итакъ, супранатурализмъ, разсматриваемый какъ соціологическое явленіе, не долженъ быть отдѣляемъ отъ своего догматическаго воплощенія оба вмѣстѣ составляютъ философію сверхъестественнаго или ту форму философіи незнанія, которая одна свойственна первобытному человѣчеству и отъ него, по праву прямаго наслѣдства, переходитъ къ естественнымъ представителямъ этого человѣчества во всѣ послѣдующія эпохи, къ отдѣльнымъ личностямъ и цѣлымъ классамъ общества, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могли увеличить запаса своихъ знаній и соотвѣтственно расширить свой умственный кругозоръ.

78 (стр. 351). Какъ-бы то ни было, впрочемъ, но реакція, выдвигающая впередъ сверхъестественное объясненіе вещей, имѣетъ своимъ неизмѣннымъ послѣдствіемъ умственное паденіе высшихъ классовъ общества, слѣдующимъ образомъ описываемое однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ представителей современной нѣмецкой философіи. „Отсутствіе критики и непоколебимая субъективная увѣренность, отличающія низшія ступени мышленія, становятся тогда удѣломъ и болѣе образованныхъ личностей въ народѣ, и черты эти все болѣе и болѣе закрѣпляются при помощи внѣшняго могущества того начала, которое, несмотря на то, что власть его не отъ міра сего, создаетъ и поддерживаетъ земныя царства. Этотъ внѣшній успѣхъ, въ связи съ этическими требованіями и несомнѣнно проистекающимъ изъ нихъ этическимъ дѣйствіемъ вѣры въ сверхъестественное, часто заслоняетъ собою теоретическую, метафизическую сторону послѣдней, заставляетъ совершенно забыть о ея существованіи или побуждаетъ старательно прикрывать ее, какъ это дѣлаютъ раціоналисты нашего времени. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что теоретическое ядро супранатурализма состоитъ изъ метафизической системы. Догмы послѣдней неразрывно срастаются съ представленіями ежедневной жизни, входятъ въ кругъ обычной ассоціаціи идей, и среди вѣрующихъ такимъ образомъ образуется психологическая необходимость, надолго замѣняющая логиче-

скую, объективную необходимость науки и влекущая за собою субъективную общность познаванія или даже самаго мышленія. При помощи воспитанія и привычки, трансцендентныя начала становятся чѣмъ-то извѣстнымъ, знакомымъ и, съ точки зрѣнія вѣрующаго, всего лучше объясняющимъ то, что, вслѣдствіе незнанія природы и ея законовъ, не можетъ быть объяснено объективною, присущею самимъ явленіямъ причинностью. Сюда присоединяются еще и практическіе моменты внутренней удовлетворенности, успокоенія, надежды и проч. Бытіе и мысль сливаются еще тѣснѣе въ глазахъ вѣрующаго, чѣмъ въ глазахъ философствующаго догматика. „Во что вѣришь, то и имѣешь; во что не вѣришь, того не имѣешь",—это изреченіе Лютера содержитъ въ себѣ ученіе о тожествѣ мысли и бытія, которое, по легко понятнымъ причинамъ, защищается противъ критики всѣми средствами теоріи и практики. Наивная идеологія этой точки зрѣнія тожества обнаруживается при этомъ весьма часто самымъ недвусмысленнымъ образомъ, — ибо и побѣда критики надъ вѣрою приравнивается къ потерѣ сверхъестественнаго объекта вѣры, къ дѣйствительному исчезновенію его"... Carl Göring, System der kritischen Philosophie, 1875, II Theil, стр. 86—87.

79 (стр. 354). Что способностью отдаваться этимъ иллюзіямъ человѣкъ преимущественно и отличается отъ высшихъ животныхъ,—составляетъ ходячую истину, хотя сравнительная психологія далеко еще не сказала по этому поводу своего послѣдняго слова; но если бы взглядъ этотъ и подтвердился, онъ могъ бы лишь служить доказательствомъ того, что человѣкъ уже въ самой ранней порѣ своего духовнаго и общественнаго развитія, самыми грубыми и несовершенными способами своего мышленія, глубоко разнится отъ наиболѣе близкихъ къ нему въ біологическомъ отношеніи организмовъ Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что отъ этихъ біологическихъ родичей еще рѣзче отдѣляютъ насъ, во всѣхъ слѣдующихъ фазахъ психической и общественной эволюціи, тѣ болѣе совершенные пріемы разсужденія и привычки мышленія, въ которыхъ или уже нѣтъ и малѣйшаго намека на метафизическую логику нашего соціальнаго дѣтства, или эти „духовныя орудія каменнаго вѣка" являются простыми историческими обломками, постепенно исчезающими слѣдами далекаго атавизма.

80 (стр. 355). „Существуетъ ли сверхъестественное начало?“ спрашиваетъ въ своемъ матеріалистическомъ катехизисѣ Лефевръ,—и отвѣчаетъ.„Это вопросъ, для предложенія котораго нѣтъ достаточнаго основанія при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній. Существуетъ ли подобное начало, такой вопросъ неизбѣжно встрѣчается теперь другимъ· существуютъ ли событія или явленія, которыя могли бы внушить современному уму идею этого начала? Самое слово остается, исторически, памятникомъ одного изъ могущественнѣйшихъ усилій, когда-либо сдѣланныхъ человѣкомъ, чтобы уподобить себѣ міръ и понять его по своему образу и сходству,—величественная попытка, которую дѣйствительность, однако, осудила окончательно и безповоротно“. Lefèvre, Renaissance du matérialisme, Paris, 1881, стр. 308.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ матеріалиста, мнѣніемъ, которому нельзя отказать ни въ умѣренности, ни въ достоинствѣ, не лишнее будетъ привести образчикъ взглядовъ на тотъ же предметъ, высказываемыхъ философами позитивной школы. Говоря о спиритуалистической философіи, Вырубовъ, напр, утверждаетъ, что эта философія освѣщала яркимъ свѣтомъ ту самую половину общаго пониманія міра, которую матеріализмъ оставлялъ въ тѣни, несмотря на то, что въ практическомъ отношеніи она была наиболѣе важною, именно — общее пониманіе человѣка и образуемыхъ имъ обществъ. „Спиритуалистическая философія объясняла эти явленія въ мельчайшихъ подробностяхъ, придавая своимъ объясненіямъ полнѣйшую очевидность; разумѣется, не реальную, фактическую очевидность, которая требуется нами, людьми точной науки, а идеальную и логическую очевидность, которая вполнѣ удовлетворяла людей тогдашней эпохи“. „Безъ сомнѣнія“, говоритъ еще тотъ же писатель, „можно жить и даже размышлять, заключивъ себя въ болѣе или менѣе тѣсный кругъ доступныхъ нашему познанію вещей — нѣкоторые современные ученые представляютъ тому ежедневные примѣры, и древніе матеріалисты служатъ тому лучшимъ доказательствомъ; но это не общая судьба, и нельзя, не впадая въ явную несправедливость, обвинять нашихъ предковъ за предпочтеніе, которое они отдавали спекуляціямъ психологическаго, онтологическаго и политическаго характера передъ спекуляціями о матеріи или о четырехъ элементахъ. Въ обоихъ случаяхъ достигалась истина временная, непрочная, сомнительная; съ тою разни-

цею, однако, что можно было жить и развиваться въ общественномъ смыслѣ и безъ яснаго представленія о сцѣпленіи матеріальныхъ причинъ, управляющихъ явленіями природы, между тѣмъ какъ существованіе соціальныхъ группъ, въ которыхъ каждый членъ не имѣетъ опредѣленнаго взгляда на собственное происхожденіе и отношенія къ другимъ людямъ, прямо невозможно. Спиритуализмъ, слѣдовательно, не былъ ни „зломъ“, ни „бичемъ“ для человѣчества, а необходимостью, условіемъ sine qua non прогресса. Развитіе спиритуализма, его борьба, его внутреннія раздоры были не менѣе полезны въ общемъ ходѣ историческихъ событій, чѣмъ приращенія положительныхъ знаній“. (Philosophie positive, T. XXII; La philosophie matérialiste, стр. 17).

81 (стр. 357) Вотъ въ этомъ смыслѣ прекрасная страница, принадлежащая философу, на мнѣнія котораго мы здѣсь уже не разъ ссылались. „Несмотря на то“, говоритъ Геринъ, „что супранатурализмъ, если не своимъ возникновеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, своимъ быстрымъ распространеніемъ и властью надъ умами былъ обязанъ отчужденію отъ всего земнаго, онъ вскорѣ сдѣлался основою новыхъ формъ государственности, новаго искусства и новой науки. Но возвращая, такимъ образомъ, человѣку все, что составляетъ красоту жизни и придаетъ ей цѣну, супранатурализмъ пробуждаетъ и укрѣпляетъ влеченіе къ мірскому и земному, и тѣмъ самымъ косвенно и медленно, но вѣрно и неотразимо, отклоняетъ помышленія отъ сверхъестественнаго или трансцендентнаго. ибо тамъ, гдѣ интересы, тамъ и мысли. Сперва медленно, а потомъ все быстрѣе совершается этотъ процессъ обращенія помысловъ къ мірскому ..... Борьба психологической съ логическою необходимостью принимаетъ все болѣе и болѣе благопріятный для послѣдней оборотъ; значеніе науки постепенно возрастаетъ, и она начинаетъ уже занимать видное мѣсто на ряду съ вѣрою. Ея полное освобожденіе составляетъ вопросъ времени, зависящій отъ отказа не только отъ содержанія догматовъ супранатурализма, но и отъ самаго метода, которымъ эти догматы были достигнуты,—процессъ, который происходитъ со времени упадка схоластики и еще ждетъ своего завершенія“. Goring, System der kritischen Philosophie, T. II, стр. 89.

82 (стр. 362). Всякое супранатуралистическое начало даже,

такое, которое ссылается на разумъ, и всякая олицетворяемая, антропоморфно или анимистически понимаемая общая идея (напр., одухотворенный концептъ безконечнаго) есть не что иное, какъ фетишъ, матеріальный, нравственный или только словесный. Lefèvre, Renaissance du matérialisme, стр. 303 и 453

83 (стр. 363). Матеріалистъ Лефевръ горячо убѣжденъ въ этомъ, и онъ, быть можетъ, не совсѣмъ ошибается. „Ничему другому, какъ философіи", говоритъ онъ, „обязаны мы страннымъ понятіемъ о безплотности или невещественности, духовности, идеальнымъ толкованіемъ миѳовъ, нравственнымъ смысломъ, вносимымъ въ извѣстныя церемоніи, изобрѣтеніемъ замогильнаго правосудія, олицетвореніемъ общихъ терминовъ языка и т. п. Гораздо ранѣе появленія писанныхъ или устно преподанныхъ системъ, философія уже работала надъ сверхъестественными объясненіями міра, представлявшими собою одно догматическое цѣлое. Сотрудничество ея вполнѣ очевидно въ брамизмѣ, въ буддизмѣ, въ египетскомъ ритуалѣ, въ греко-римскомъ политеизмѣ, въ гвебрскомъ дуализмѣ и т. д. Спиритуализмъ, идеализмъ, раціонализмъ — все это ублюдки, помѣси анимизма и философіи". Renaissance, стр. 455—6.

Тотъ-же писатель старается объяснить и главнѣйшія причины, содѣйствовавшія анимистическому направленію значительной части философіи прошедшаго. „Первые мыслители, говоритъ онъ, пытавшіеся замѣнить анимизмъ менѣе простымъ и ребяческимъ пониманіемъ міра и человѣка, столкнулись съ препятствіемъ двоякаго рода: отсутствіемъ всякихъ средствъ и орудій, необходимыхъ для опытнаго изслѣдованія, и упрочившеюся силою наслѣдственнаго заблужденія, которому вѣрно служили языки, созданные вмѣстѣ съ этимъ заблужденіемъ, чрезъ него и для него. Неудовлетворительность орудій изслѣдованія была тормозомъ, причиною задержки; но заразительный ядъ анимизма, пососавшійся въ умственную организацію человѣка, и неизлечимый антропоморфизмъ языка были причинами прямаго уклоненія и, что значительно ухудшало дѣло, причинами, дѣйствіе которыхъ вовсе не сознавалось философами. Пораженные, подобно всѣмъ современникамъ своимъ, олицетворяющимъ помѣшательствомъ, они оживили продукты отвлеченія, полезные въ своемъ мѣстѣ элементы логики, общіе термины языка; они придали имъ какую-то темную силу и власть, вовсе не подозрѣвая, что тѣмъ самымъ

дают ъ жизнь цѣлому рою воображаемых ъ существ ъ. Так ъ возникли всѣ метафизическія сущности· время, пространство, форма, жизнь, мысль, любовь, красота, добродѣтель, справедливость, добро и зло и их ъ замѣстители, суррогаты и противоположности, — сущности, которыя то помѣщались въ пантеоны или царили на алтарях ъ, то группировались въ качествѣ атрибутов ъ вокруг ъ верховных ъ демургов ъ, то оставались безличными, но все же искусственными, сочиненными началами.... И как ъ отказать въ таком ъ значеніи νοῦς у Анаксагора и „разуму“ Вольтера, категоріям ъ Аристотеля и Канта, типам ъ Платона, гипостазам ъ александрійцев ъ, мыслящим ъ атомам ъ Спиноз ы, монадам ъ Лейбница или геометрическим ъ точкам ъ Тэна?.. Наконец ъ и наука съ великим ъ трудом ъ избѣгает ъ того-же первороднаго грѣха. Присущія вещам ъ возможности и всякія силы долго были началами, ничего не объясняющими.... Одна сущность переживает ъ на наших ъ глазах ъ всѣ эти археи, именно—законъ. Множество философов ъ, множество ученых ъ не произносят ъ этого слова иначе, как ъ съ чисто-религіозною напыщенностью. Сказав ъ: такой-то законъ управляет ъ таким ъ-то разрядом ъ явленій, они убѣждены, что такой приговор ъ обладает ъ особою чудодѣйственною силою; они, повидимому, совершенно забывают ъ, что законъ есть краткая формула, выражающая рядъ наблюденій, что он ъ ровно ничѣм ъ не управляет ъ, что он ъ самъ подчиненъ наблюденным ъ фактам ъ, что он ъ не имѣет ъ никакого значенія внѣ этих ъ фактов ъ“. Ibid., стр. 456—7.

84 (стр. 366). Иначе понимает ъ эту борьбу, въ другом ъ видѣ представляет ъ себѣ общую картину развитія человѣческой мысли К а в е л и н ъ въ своем ъ уже дважды цитированном ъ нами этюдѣ „Задачи этики“.

Взгляд ъ Кавелина, несмотря на свою неопредѣленность и недостаточную мотивировку, может ъ быть противопоставлен ъ нашему объясненію тѣх ъ же явленій. „Что такое объективный мір ъ“, говорит ъ Кавелин ъ на стр. 39 своего этюда, „дѣйствующій на людей, сам ъ по себѣ, независимо от ъ человѣка—вот ъ вопрос ъ, который тотчас ъ же задал ъ себѣ человѣк ъ, как ъ только въ нем ъ пробудилось сознаніе, и этот ъ вопрос ъ занимал ъ его столько же, сколько вопрос ъ о его личном ъ существованіи. Оба, по самому существу дѣла, находились въ тѣснѣйшей взаимной связи, но въ то же время не смѣшивались,

разрѣшались каждый особо и потому имѣютъ, каждый, свою историческую судьбу и развитіе. Изслѣдователи исторіи человѣческой мысли до сихъ поръ мало обращали вниманія на это коренное различіе двухъ параллельныхъ ея теченій. Не разглядѣвъ его посреди безпрестанныхъ, взаимно перекрещивающихся вліяній ихъ другъ на друга, они смѣшали оба ряда вопросовъ и оттого совсѣмъ спутали картину судебъ философіи. Чтобы возстановить ее въ настоящемъ свѣтѣ, необходимо строго различить усилія выяснить смыслъ, значеніе и законы объективной дѣйствительности, отъ попытокъ найти для индивидуальнаго лица точку опоры посреди окружающаго міра. Только сдѣлавъ это различеніе, мы поймемъ многое, что остается до сихъ поръ темнымъ и загадочнымъ въ исторіи человѣческой мысли. Оно покажетъ, что исходной точкой и движущей причиной всего развитія рода человѣческаго всегда были насущныя жгучія потребности и—спѣшимъ прибавить—не однѣ матеріальныя, но и психическія; что превратности, которымъ человѣческая мысль подвергалась въ своемъ развитіи, объясняются не только общими свойствами человѣческой природы, но и различными возрастами, въ какихъ народы и весь родъ человѣческій находился въ разные періоды и эпохи исторіи, наконецъ, оно откроетъ, что исканіе личнаго удовлетворенія и изслѣдованіе объективныхъ условій, развиваясь рядомъ бокъ-о-бокъ, и непрерывно вліяя другъ на друга, рѣдко совпадали по времени: то одно, то другое опережало и выдвигалось впередъ, заслоняя и пріостанавливая другое, и налагало на него свой характеръ и краски. Эпохи, когда субъективныя психическія потребности стояли на первомъ планѣ, смѣнялись періодами дѣятельныхъ преобразованій и изслѣдованій объективныхъ условій и пренебреженіемъ этическихъ требованій, и наоборотъ; но смѣняясь и какъ бы чередуясь въ исторіи, каждое изъ этихъ направленій пользовалось тѣмъ, что, благодаря другому, предшествовавшему, было выработано, изслѣдовано и уяснено". Эту періодическую смѣну двухъ направленій, это чередованіе субъективнаго прилива съ объективнымъ отливомъ Кавелинъ замѣчаетъ вездѣ, на крайнемъ Востокѣ, въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ и у новыхъ европейскихъ народовъ.

85 (стр. 369). Внѣ этихъ двухъ основныхъ условій, супранатурализмъ входитъ въ науку объ обществѣ только черезъ

узкую дверь археологіи. Нѣтъ надобности особенно настаивать на томъ, что міросозерцаніе, вытѣсняющее вѣру въ „сверхъестественное“ изъ среды дѣятельныхъ факторовъ общественнаго развитія, должно существенно отличаться отъ всякаго предшествовавшаго ему способа пониманія міра; ибо въ противномъ случаѣ мы имѣли бы дѣло лишь съ простою замѣною одной формы супранатурализма другою, болѣе утонченною и совершенною. Само собою разумѣется также, что общественныя группы, среди которыхъ происходятъ измѣненія такой первостепенной важности, могутъ одинаково состоять изъ небольшой школы мыслителей или обнимать собою обширные классы общества.

86 (стр. 371). Нѣкоторые изслѣдователи (напр., Bréal. Melanges de mythologie et de linguistique) видятъ въ миѳахъ лишь особую „болѣзнь языка“; миѳическія формулы, говорятъ они — „непонятыя метафоры“. Но другіе ученые, какъ напримѣръ James Darmesteter (въ Essais Orientaux, Paris, 1883), возражаютъ, что „языкъ можетъ создавать лишь второстепенные миѳы, путемъ случайнаго столкновенія уже существующихъ миѳическихъ формулъ. Первоначальные же миѳы—созданія не языка: они составляютъ продуктъ прямого созерцанія того или другого естественнаго явленія, и потому миѳологія — *болѣзнь мысли*, а не языка“.

87 (стр. 404). Въ первобытныя времена, какъ справедливо замѣчаетъ Lazarus (Das Leben der Seele in Monographien uber seine Erscheinungen und Gesetze, Berlin, 1882), не было еще никакого раздѣленія между вѣрою, нравственностью, правомъ и т. п.: все это вмѣстѣ составляло „идеальную сторону“ жизни и дѣятельности. Но именно это безмѣрно и увеличивало цѣнность супранатурализма въ прошедшемъ, это и придавало ему, такъ сказать, всеобъемлющее значеніе. См. статью Paulhan: Les conditions du bonheur et l'évolution humaine (въ Revue philosophique, Décembre 1882), и E. Caro: Le prix de la vie humaine et la question du bonheur dans le positivisme (Revue des Deux-Mondes, 1-er Août 1882); а также сочиненіе W. Graham'a: The creed of science, religious moral and social, и M. W Mallock: Is life worth living?

88 (стр. 409). Изъ всего сказаннаго въ текстѣ явствуетъ, что и главныя, и второстепенныя условія, порождающія и

поддерживающія ошибочное представленіе о вѣрѣ въ сверхъестественное, какъ объ основной и неизмѣнной потребности человѣческой природы, сводятся всѣ къ одному источнику—недостатку положительныхъ знаній въ области психическихъ и соціальныхъ явленій. Но незнаніе (для современной эпохи — въ указанномъ сейчасъ объемѣ, а для предшествовавшихъ періодовъ—въ масштабѣ несравненно болѣе обширномъ) всегда было и до сихъ поръ остается и настоящимъ источникомъ всякаго супранатурализма. Таково, между прочимъ, мнѣніе и Спенсера (см. послѣднюю главу шестой части его „Началъ Соціологіи", или отдѣльно напечатанную въ 1884 г. во многихъ иностранныхъ философскихъ журналахъ статью подъ заглавіемъ: „Прошедшее и будущее религій"), который также видитъ въ человѣческомъ „незнаніи" главный, если не единственный источникъ супранатурализма и соотвѣтствующихъ ему чувствъ. Но на этомъ и кончается наше согласіе съ мнѣніемъ Спенсера; дальше мы уже радикально расходимся Вотъ тезисъ, защищаемый Спенсеромъ: незнаніе — прямой источникъ супранатурализма; но незнаніе есть нѣчто вѣчное, нѣчто, что̀ всегда будетъ существовать, въ томъ или другомъ видѣ и въ той или другой степени; ergo, и супранатурализмъ есть нѣчто такое, что никогда окончательно не исчезнетъ изъ сознанія человѣчества. Но тезисъ этотъ — не что̀ иное, какъ софизмъ. Въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, супранатурализмъ порождается и питается только извѣстною, опредѣленною, и с т о р и ч е с к о ю „величиною" незнанія. Конечно, именно эта величина (минимумъ и максимумъ которой чрезвычайно далеко отстоятъ другъ отъ друга) можетъ на долго, если не навсегда, остаться удѣломъ той или другой части человѣчества; и въ этомъ условномъ смыслѣ, какъ мы признали это въ текстѣ, окончательное упраздненіе супранатурализма должно считаться своего рода утопіей. Но явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ, все-таки, точные предѣлы. Всякая бо́льшая величина „незнанія", или величина, превышающая ту, которую мы назвали „исторической", уже не даетъ возникнуть супранатуралистическимъ идеямъ, какъ мы это видимъ на примѣрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе дикихъ племенъ и всѣхъ высшихъ животныхъ. А всякая ме́ньшая величина убиваетъ эти идеи въ корнѣ, замѣняя ихъ метафизическими понятіями; становясь еще меньше, наше „незнаніе" допускаетъ, наконецъ, и замѣну метафизическаго міропониманія научною филосо-

фію. Таковы факты; отрицать ихъ невозможно. Разсужденіе Спенсера, впрочемъ, грѣшитъ въ своемъ основаніи еще и потому, что подъ одно общее понятіе о „супранатурализмѣ“ Спенсеръ подводитъ совершенно различныя явленія — фантастическія грезы дикарей, пантеизмъ Спинозы, агностицизмъ современныхъ ученыхъ и т. п. См. статью E. Morselli I concetti ultimi della scienza secondo il Spencer (въ Rivisto di philosophia scientifica, Gennaio 1884). Морселли справедливо замѣчаетъ, что если бъ супранатурализмъ, какъ того, повидимому, требуетъ Спенсеръ, возвысился до знанія или воспріятія „непознаваемаго“, онъ неминуемо превратился бы въ науку; а если бъ наука, забывая свое прямое назначеніе, вздумала развивать въ человѣкѣ чувство „неизвѣстнаго“, она въ свою очередь обратилась бы въ супранатурализмъ.

Еще одно замѣчаніе. Супранатуралистическія доктрины и метафизическія системы одинаково создаются отдѣльными личностями, представителями потребностей своей эпохи или своего народа, но охраняются и оберегаются онѣ исключительно болѣе или менѣе подвижными массами—общественными классами, цѣлыми народами и т. п. Отъ степени подвижности или, вѣрнѣе, неподвижности этихъ массъ зависитъ уже и долговѣчность міросозерцаній. Объ отношеніи супранатурализма къ нравственности см. Герценъ, томъ IX, стр. 246—7.

88 bis (стр. 413). Если сверхъестественная сила безлична или пребываетъ въ человѣчествѣ, она составляетъ не только чистую абстракцію, но и концептъ ума, которому въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что, въ силу несознаваемой иллюзіи, видитъ въ немъ разумъ; если сила эта есть все, она тѣмъ самымъ, очевидно, есть ничто. „Прибавьте такую силу къ міру, отнимите ее, результатъ будетъ одинъ и тотъ же. Ничто отъ этого въ мірѣ не измѣнится.... Вездѣ этотъ концептъ метафизики уличается въ синониміи, въ полномъ тожествѣ съ человѣкомъ или природою: а отсюда уже прямо слѣдуетъ, что за нимъ не скрывается предполагаемой имъ силы“. Renaissance du matérialisme, стран. 433—4.

89 (стр. 419). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что выводы настоящей главы могутъ имѣть только весьма отдаленное примѣненіе. Насъ, поэтому, могутъ спросить, говоря словами Спен-

сера: „Зачѣмъ высказывать и поддерживать теорію, столь отличную отъ той, которая наиболѣе приспособлена къ нуждамъ современной эпохи?“ На этотъ вполнѣ естественный вопросъ мы отвѣчаемъ словами Спенсера же: „Помимо того соображенія, что долгъ всякаго, кто придаетъ значеніе извѣстной доктринѣ и видитъ въ ней истину, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать все отъ него зависящее для ея распространенія, не заботясь о возможныхъ результатахъ, надо еще принять во вниманіе слѣдующее: если, посреди всѣхъ соглашеній и компромиссовъ, дѣйствительно или только повидимому оправдываемыхъ обстоятельствами времени, не существуетъ пониманія „лучшаго“ и „худшаго“ въ общественномъ устройствѣ, если за требованіями текущей минуты не видно ничего болѣе, и люди пріучаются отожествлять ближайшее „лучшее“ съ „лучшимъ“ окончательнымъ,—тогда не можетъ быть истиннаго прогресса. Какъ бы далека ни была цѣль, какъ бы многочисленны ни были препятствія, отдѣляющія насъ отъ нея и могущія заставить насъ своротить съ единственной дороги, къ ней ведущей, совершенно очевидно, что надо знать по крайней мѣрѣ, гдѣ именно, въ какомъ направленіи лежитъ самая цѣль“. (См Post-scriptum къ сборнику статей, въ которомъ помѣщены извѣстные этюды Спенсера о „Грядущемъ рабствѣ“, и „Новомъ торизмѣ“, о „Грѣхахъ законодателей“ и о „Великомъ политическомъ суевѣріи“). Еще одно необходимое замѣчаніе. Въ первой и второй главахъ третьей части, а также въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ этой книги, авторъ, уже въ корректурѣ и по соображеніямъ собственно „географическаго“ свойства, замѣнилъ употребленные имъ въ рукописи термины другими, и притомъ такими, которыхъ, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ, конечно, старался бы избѣгнуть, уже изъ чисто литературныхъ мотивовъ.

90 (стр. 425). См. часть I, главу VIII, §§ 5—10. Два элемента присущи всякому методу: наблюденіе, сырой матеріалъ, и логическая обработка его. Одно пассивное собираніе наблюденій или одна логическая обработка слишкомъ малочисленныхъ или дурно наблюденныхъ фактовъ не можетъ привести ни въ наукѣ, ни въ философіи, къ какимъ бы то ни было полезнымъ и прочнымъ результатамъ. Но величайшіе философы, въ пылу творческаго вдохновенія, не замѣчали, что ни количество, ни качество матеріала, которымъ они

располагали, не соотвѣтствовало тѣмъ логическимъ усиліямъ, которыя они затрачивали на его отдѣлку и разработку. Вотъ почему справедливо отчасти и мнѣніе датскаго философа К р о м а н а (Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie, V. j s. fur wiss. Phil., 1885, I, Heft, стр. 7—8), что вся громадная разница между методомъ спеціальныхъ наукъ и методомъ философіи сводится, въ концѣ концовъ, къ *простому различію въ способахъ выполненія одной и той же методологической задачи.*

90 bis (стр. 430). Не говоря о томъ, что въ первые періоды умственнаго развитія наука и философія были занятіемъ однихъ и тѣхъ же лицъ, что, напримѣръ, Ѳалесъ, Анаксимандръ и Анаксименъ были астрономами и математиками, Пиѳагоръ Самосскій математикомъ и физикомъ, а Демокритъ и Аристотель даже разработывали всѣ отрасли знанія, существовавшія въ ихъ эпоху,—мы видимъ, что блестящіе успѣхи математики въ XVII столѣтіи дали новый толчокъ философскимъ изслѣдованіямъ, обративъ ихъ на путь чистой дедукціи (системы Декарта, Спинозы и Лейбница). То же самое, въ еще болѣе сильной степени, замѣчается и въ наше время. Успѣхи экспериментальныхъ наукъ побудили и такъ называемую „большую публику“ обратить вниманіе на философскіе вопросы, которые прежде возбуждали интересъ только въ ограниченномъ кругѣ „посвященныхъ“. Физіологія нервовъ и психіатрія расширили задачи той интроспективной психологіи, которою всегда занималась метафизика. Открытія химіи и физики заставили подвергнуть самой строгой критикѣ традиціонные концепты атома, силы, вещества. Развитіе теоретической и экспериментальной физики, доктрина эволюціи, данныя, собранныя статистикой, наконецъ, новѣйшія соціологическія изслѣдованія измѣнили кореннымъ образомъ всѣ прежніе взгляды на значеніе и взаимныя отношенія индуктивнаго и дедуктивнаго методовъ, на природу научныхъ гипотезъ, на вопросъ о свободѣ воли и нравственной отвѣтственности, на множество задачъ, которыя считались уже рѣшенными и которыя теперь приходится ставить вновь, но уже совершенно иначе, чѣмъ прежде. См. Статью S t a d l e r'a объ отношеніяхъ логики и науки въ Philosophische Monatshefte, за 1881 г.

90 ter (стр. 431). Какъ справедливо замѣчаетъ S h a d w o r t h

Hodgson („Философія въ ея отношеніяхъ къ собственной исторіи", въ американскомъ Journal of Speculative Philosophy, за 1882 г.), всякій предметъ, великій или малый, умозрительный или практическій, содержитъ въ себѣ раціональный элементъ, составляющій его философію, т. е. его раціональную связь съ болѣе обширнымъ цѣлымъ.

91 (стр. 435). Метафизика, само собою разумѣется, никогда ясно не сознавала, что она была формою незнанія, непониманія природы и человѣка. Напротивъ того, она всегда считала себя самою общею „наукою о свойствахъ и внутренней сущности міра". Стремленіе разрѣшить міровую загадку не простыми средствами субъективной фантазіи, а путемъ строго логическаго или объективнаго мышленія, было всегда признакомъ, рѣзко отличавшимъ всякую метафизику отъ поэзіи и миѳологіи. Дѣло въ томъ, однако, что это стремленіе такъ и оставалось стремленіемъ; оно никогда не достигало—и, при данныхъ условіяхъ, не могло достигнуть—своей цѣли. Всеобщее знаніе было недостижимымъ идеаломъ всей философіи прошедшаго. Внѣшняя форма метафизическихъ системъ постоянно обманывала самихъ философовъ: они bona fide считали строго-научнымъ то, что́ на самомъ дѣлѣ, или по своему внутреннему содержанію, было болѣе или менѣе фантастическимъ, было болѣе или менѣе миѳологіею. См. въ части I-й главу, посвященную общей характеристикѣ философіи прошедшаго, а также цитир. статью К. Кромана: „Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie".

91 bis (стр. 436). Изъ всего сказаннаго нами по этому вопросу еще въ первой части настоящаго труда ясно слѣдуетъ, между прочимъ, что „односторонность" метафизики и „характеръ всеобщаго знанія", который она себѣ приписывала, были явленіями, не только постоянно сопровождавшими другъ друга, но и строго соотносительными. Философская система не могла не отличаться односторонностью своихъ точекъ исхода, разъ она ставила себѣ цѣлью—обнять всю природу, т. е. въ числѣ другихъ явленій и такія, которыя не были изслѣдованы въ тѣсныхъ предѣлахъ спеціальнаго знанія. Но односторонность философіи еще правильно возрастала вмѣстѣ съ универсальностью ея стремленій. Иначе и не могло быть, конечно: ибо единственною мѣрою явленій, которою въ дѣй-

ствительности располагала философія, была сумма наличнаго знанія; а измѣряя этою суммой то бо́льшій, то меньшій объемъ или количество фактовъ, мы въ первомъ случаѣ (бо́льшій объемъ), естественно, нисколько не увеличиваемъ итога нашего наличнаго знанія. Въ этомъ случаѣ, напротивъ того, незначительность такого итога, его микроскопическіе размѣры должны были выступать рѣзче, чѣмъ тогда, когда мы ту же мѣру прикладывали къ менѣе обширному числу фактовъ. См. Kroman, op. cit, стр. 11 — 12. Кроманъ справедливо замѣчаетъ, что универсальность взглядовъ, а, слѣдовательно и ненаучность ихъ были присущи различнымъ системамъ въ весьма различной степени, и что черты эти не вовсе отсутствовали и въ тѣхъ философскихъ ученіяхъ, которыя ограничивали кругъ своихъ изслѣдованій психологіей, теоріей познаванія или этикою и формально отказывались отъ разрѣшенія общей космогонической задачи о происхожденіи и сущности міра. Съ внѣшней стороны ученія эти, по выраженію Кромана, были похожи на „торсъ съ оторванными членами“; но это не мѣшало имъ быть настоящими философіями, искавшими въ человѣческомъ духѣ и его многоразличныхъ функціяхъ истиннаго ключа къ пониманію всей остальной природы.

Напомнимъ здѣсь еще, что развитіе философіи было подчинено инымъ условіямъ, чѣмъ развитіе вполнѣ установившихся спеціальныхъ наукъ. Философскія системы слѣдовали другъ за другомъ, смѣняли одна другую и противорѣчили другъ другу совершенно такъ же, какъ различныя теоріи, различныя объясненія въ наукахъ неустановившихся, т. е. въ отрасляхъ знанія, которыя, хотя имѣли опредѣленное содержаніе и преслѣдовали опредѣленныя цѣли, но не имѣли еще опредѣленнаго метода. Къ своимъ наблюденіямъ такія отрасли знанія еще не умѣли приложить точныхъ, т. е. наиболѣе пригодныхъ именно въ данной области явленій, пріемовъ изслѣдованія. Но въ томъ же положеніи находилась и метафизика. Сходство этихъ условій поразительно, и оно ясно обнаруживаетъ истинный *возрастъ* философіи въ продолженіе всей ея многовѣковой исторіи. Слѣдующій признакъ правильно характеризуетъ младенческіе годы и философіи, и науки. Онъ состоитъ въ томъ, что въ теченіе этого періода и философскія системы и научныя теоріи не только не вытекаютъ логически изъ болѣе раннихъ системъ и теорій, но представляютъ собою настоящій хаосъ, въ которомъ можно нѣсколько разобраться

только если смотрѣть на каждую данную систему или теорію, какъ на сложный результатъ всей конкретной индивидуальности философа или ученаго и всей совокупности господствовавшей культуры.

92 (стр. 441). Какого рода вліянье апріорная философія оказывала на науку, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Thury («Une hypothèse sur la succession des espèces». Genève, 1882) „Философское мнѣніе, введенное въ изслѣдованія естественной исторіи, — все равно, что камень, введенный въ живой организмъ, необходимо. чтобы организмъ сильно реагировалъ противъ посторонняго тѣла, до тѣхъ поръ, пока это тѣло изъ него не выдѣлится“ Объ эвристическомъ значеніи прежней философіи' см., впрочемъ, Lange, op. cit., Томъ II, стр. 437, и Томъ I, стр. 266—268.

93 (стр. 449). По вопросу о непознаваемомъ“ см J. Stuart Mill «Examination of the philosophy of sir W. Hamilton», и критическій разборъ этого сочиненія, недавно сдѣланный ученикомъ Гамильтона, гласговскимъ профессоромъ John Veitch'омъ (Hamilton, London, Blackwood's collection, 1882).

Смѣшеніе „непознаваемаго“ съ „несводимымъ“, въ новѣйшихъ научно-философскихъ системахъ, имѣло послѣдствіемъ, между прочимъ, возобновленіе старой метафизической гипотезы о сводимости всѣхъ свойствъ въ природѣ къ одной какой-нибудь категоріи, которая, такъ или иначе, и отожествляется съ „непознаваемымъ“ (см. заключительную главу моей книги о соціологіи). Сводимость эту, однако, напрасно выставляютъ какъ завоеваніе современной науки. Этотъ метафизическій принципъ процвѣталъ уже давно; онъ ярко выразился, напримѣръ, у Bayle'a, см. Lange, op. cit., т. I, стр. 274. См. также статью Ettore Regalia въ Rivista di philosophia scientifica, 1883—4, № 3: «La vita secondo lo Spencer».

О „непознаваемомъ“ можно найти нѣсколько хорошихъ страницъ у русскаго философа Милославскаго. См. уже цитированное мною сочиненіе: „Типы современной философской мысли въ Германіи“. Отмѣтимъ прежде всего интересное и живое изложеніе оригинальной теоріи познаванія нѣмецкаго философа Дроссбаха (Типы, стр. 116 — 141) Ученію Дроссбаха (Милославскій называетъ эту доктрину абсолютнымъ реализмомъ) нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи

для будущаго развитія психологіи; но теорія эта представляетъ собою рѣзкій примѣръ превращенія частной, гносеологической гипотезы въ философскую основу цѣлаго міропониманія, со всѣми крайними послѣдствіями такой ошибки. Укажемъ затѣмъ на мнѣніе русскаго философа о „научной познаваемости“ сущности явленій. „Каждое новое обобщеніе въ наукѣ, говоритъ Милославскій, а особенно каждая научная теорія, гипотеза, есть естественный и желательный шагъ отъ вещей и явленій къ ихъ сущности. Развѣ не сущность вещей открылъ Ньютонъ въ тяготѣніи и его законахъ?... Такъ или иначе, научныя открытія и научныя теоріи и гипотезы, безъ сомнѣнія, придвигаютъ нашъ умъ къ сущности вещей и явленій несравненно ближе; чѣмъ простое, непосредственное міросозерцаніе дикаря, или схоластическая метазифика“ (стр. 248—249). И страницей дальше: „Сущность вещей составляетъ общій центръ тяготѣнія для всѣхъ спеціальныхъ наукъ съ философіей включительно. Философы понимаютъ это лучше ученыхъ и справедливо заключаютъ, что познаніе сущностей возможно. Но если мы сравнимъ успѣхи ученыхъ и философовъ на пути познанія, мы увидимъ поразительно странную разницу: философы, считая сущности вещей познаваемыми и энергически стремясь познать ихъ, до сихъ поръ не пришли ни къ какому положительному результату; а ученые, какъ будто не имѣя въ виду сущностей, изучая одни явленія и даже считая сущности непознаваемыми, проникли въ сущность вещей успѣшнѣе и дальше, чѣмъ философы“.—Объ относительности не только человѣческаго знанія, но и человѣческаго незнанія, Милославскій говоритъ слѣдующее· „Подъ руководствомъ опыта и положительной науки англійскіе эмпирики, особенно Юмъ, а въ новое время Гамильтонъ, С. Милль и Спенсеръ, привели въ ясность и тотъ фактъ, что человѣческое знаніе относительно. Раскрывая этотъ фактъ, философы-эмпирики и ученые подошли къ совершенно противоположному результату съ идеалистами. Идеалисты считали относительнымъ человѣческое незнаніе. пока человѣческая мысль имѣетъ отношеніе къ чувственнымъ даннымъ, человѣкъ не знаетъ истинно-сущаго, но лишь только мысль останется сама съ собой, внѣ всякихъ отношеній къ опыту, человѣческое познаніе становится безотносительнымъ и равнымъ безотносительнымъ сущностямъ. У эмпириковъ вышло теперь наоборотъ: открывши фактъ и установивши законъ относительности познанія, они признаютъ

безотносительнымъ незнаніе. Какъ всеобъясняющая абсолютная идея была послѣднимъ словомъ идеализма, такъ ничего необъясняющее абсолютное непознаваемое можетъ быть названо послѣднимъ словомъ эмпиризма, равно какъ и каждой спеціальной науки. Достиженіе этого послѣдняго результата эмпирической философіи и глубокое, энергическое его изложеніе и составило славу О. Конта, популярность и приманку позитивизма, какъ въ свое время абсолютная идея составляла славу Гегеля и популярность гегельянства. Соображая историческое развитіе идеализма и эмпиризма и вникая въ современное положеніе обоихъ направленій, мы должны будемъ согласиться, что идеалистамъ некуда итти дальше Гегеля, а эмпирикамъ некуда итти дальше Конта" (стр. 258—259). О философствующихъ ученыхъ, отвергающихъ возможность познанія сущности вещей, Милославскій замѣчаетъ еще (стр. 279): „Они какъ будто не подозрѣваютъ, что идутъ наперекоръ той самой истинѣ, на которую опираются,—не сознаютъ, что если относительно познаніе, то столько же относительно и незнаніе, и что ни въ природѣ, ни въ человѣкѣ нѣтъ преградъ и предѣловъ для относительнаго познанія сущности вещей. По нѣмецкой пословицѣ, философы не видятъ въ лѣсу деревьевъ, за то ученые спеціалисты, видя деревья, не видятъ лѣса". См., далѣе, наше примѣч. 108.

93 bis (стр. 451) Ср. Карѣева: „Основные вопросы философіи исторіи", т. I, стр. 300—304. „Метафизики, говоритъ, между прочимъ, г. Карѣевъ, суть поэты, попавшіе не на свое мѣсто: вѣрнѣе нельзя придумать опредѣленія для метафизиковъ, и нужно только прибавить, что, какъ поэты, это большею частью очень плохіе поэты... Метафизика дѣйствуетъ на воображеніе, какъ и поэзія, но слишкомъ, если можно такъ выразиться, сухо; она дѣйствуетъ на мышленіе, какъ и наука, но слишкомъ его насилуя своими условными понятіями. Въ этой полинялой поэзіи, облекшейся въ формы науки, предъ умственнымъ взоромъ возникаетъ странный міръ, населенный незаконнорожденными дѣтьми фантазіи и абстракціи, міръ логическихъ образовъ и поэтическихъ формулъ, міръ объективированныхъ идей и наукообразныхъ романовъ". См. также Милославскаго, op. cit., стр. 59: „Наука одна для всѣхъ должна быть общеобязательной, а философствовать каждый воленъ, какъ ему заблагоразсудится... Кто возьмется за

философію, во всякомъ случаѣ, долженъ помнить, что всѣ философскія понятія, идеи, остаются вымыслами, игрой воображенія, поэзіей ума, идеаломъ... Дитя нисколько не смущается, когда ему говорятъ, что его куклы не живыя существа; онѣ живы въ душѣ дитяти, въ мірѣ его идей. То же, говорятъ, и съ философами"... „На словахъ все это очень хорошо", заключаетъ г. Милославскій,—„но на дѣлѣ философы все-таки должны быть людьми очень недальняго ума, если они согласятся признать разъ навсегда всю философію выдумкой, не имѣющею ни малѣйшаго научнаго достоинства, и несмотря на то, какъ ни въ чемъ не бывало, будутъ серьезно продолжать свои занятія. Тогда наконецъ трудно будетъ найти серьезное различіе между философомъ и субъектомъ, подверженнымъ тихому помѣшательству· и тотъ и другой будутъ жить въ мірѣ идей „реальныхъ только какъ психическія состоянія".

94 (стр 451). Чѣмъ дальше отъ фактовъ, тѣмъ дальше и отъ истины,—вотъ краткая научная формула этого процесса, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть противопоставлена древней формулѣ чистаго идеализма: чѣмъ дальше отъ фактовъ, тѣмъ ближе къ истинѣ. Ср. L a n g e, op. cit, т. I, стр. 67.

95 (стр. 457) „Эстетическая" теорія метафизики, говоря вообще, обоснована очень слабо. Точка зрѣнія идеала здѣсь вовсе не примѣнима. Если справедливо, что идеалъ есть только сумма желаній и цѣлей, къ осуществленію которыхъ вѣчно стремятся наука и трудъ человѣка, то преслѣдованіе идеала, очевидно, не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ отвлеченіями метафизическаго мышленія. Но противъ этой теоріи одинаково громко говорятъ и исторія супранатуралистическихъ и метафизическихъ доктринъ, и современная психологія: функціи искусства и философскаго объясненія міра различны по существу своему; сваливать въ одинъ разрядъ умственныхъ фактовъ „живыя" химеры искусства и „химическія" гипостазы философіи не позволительно ни съ исторической, ни съ психологической точки зрѣнія. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, искусство въ тѣсномъ его смыслѣ, и вовсе не желаемъ играть словами, иначе мы охотно предложили бы нашимъ противникамъ такое опредѣленіе метафизики. искусство неправильно ставить наиболѣе общіе вопросы, могущіе занимать умъ человѣка, и превращать ихъ такимъ образомъ

въ неразрѣшимыя задачи. Въ теченіе долгихъ вѣковъ своего существованія, метафизика выработала себѣ въ этомъ отношеніи особую технику и довела ее до рѣдкаго совершенства.

Замѣтимъ еще, что „эстетическая теорія“ метафизики была извѣстна уже поэту и мыслителю Гете; въ немъ она нашла рѣдкаго по своей полноправности критика. Какъ художникъ, Гете былъ не прочь потребовать отъ метафизическаго раціонализма того высшаго успокоенія или уравновѣшенія духа, которое достижимо только въ области и средствами чистаго искусства; но какъ мыслитель, онъ хорошо понималъ, что такая задача не подъ силу даже наиболѣе поэтическимъ системамъ идеализма. Выборъ между ровнымъ, полнымъ свѣтомъ положительнаго знанія и мерцающими огнями идеалистическихъ гипотезъ не долго затруднялъ его. Что же до матеріализма и сенсуализма, то гипотезы этихъ философій, по его мнѣнію, могутъ лишь навсегда отвратить насъ отъ всякой метафизики и съ новымъ пыломъ бросить насъ въ объятія живой науки, живого опыта, живого дѣла и истинной поэзіи (Wahrheit und Dichtung, гл. XI).

Если не „эстетическую“, то довольно близкую къ ней теорію міросозерцанія, основаннаго на мотивахъ чувства, проповѣдуетъ датскій философъ Кроманъ (op cit., стр. 22). „Желая составить себѣ какое-нибудь опредѣленное міровоззрѣніе—говоритъ онъ,—мы не можемъ ограничиться одними результатами научной философіи; мы должны пойти далѣе и обязаны уяснить себѣ, что наше міропониманіе, въ дальнѣйшемъ и окончательномъ своемъ развитіи, основано уже на мотивахъ чувства, на субъективномъ, личномъ выборѣ. Но именно это уясненіе имѣетъ въ моихъ глазахъ громадное значеніе“. Оспаривать взглядъ Кромана мы здѣсь не станемъ; замѣтимъ только по этому поводу, что мы сами очень далеки отъ мысли совѣтовать вовсе изгнать изъ философіи такъ называемое „чувство“. Les grandes pensées viennent du coeur“, эта мысль Вовенарга доказываетъ самое себя; справедливость ея прямо „чувствуется“, какъ чувствуется и справедливость стиха Вольтера объ истинѣ. «Qui la cherche de coeur, un jour peut la connaître“ (Генріада, I) Представленія, идеи могутъ становиться предметомъ „чувства“: это не подлежитъ сомнѣнію. Но почему великія идеи, въ большинствѣ случаевъ, такъ тѣсно сливаются съ чувствомъ, или такъ сильно напрягаютъ въ насъ струны чувства, что намъ невольно начинаетъ казаться, будто именно въ

этой области эти идеи и зарождаются, будто именно тутъ онѣ и почерпаютъ свое первое бытіе и начало? А потому, что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ новѣйшая психологія. Чувство, прежде всего,—показатель извѣстной степени силы, принадлежащей возбудившей его идеѣ или представленію; но чувство же, при извѣстныхъ условіяхъ, легко становится и почвою, на которой, въ свою очередь, возникаютъ новыя серіи представленій и идей

96 (стр. 458). Предметомъ искусства можетъ быть только воспроизведеніе (болѣе или менѣе идеальное) реальнаго. Но воспроизведеніе реальнаго, хотя и не мыслимо безъ предварительнаго обобщенія реальнаго, т. е. безъ предварительнаго знанія, какъ бы слабо и незначительно ни было послѣднее (сравните состояніе искусства у первобытныхъ народовъ съ состояніемъ его у высококультурныхъ расъ), — однако не есть само такое обобщеніе или знаніе. Искусство немыслимо безъ науки, хотя бы рудиментарной, потому что оно основано на ней. Но оно не наука, какъ домъ не фундаментъ, на которомъ онъ стоитъ. Философія представляетъ въ этомъ отношеніи самое близкое сходство съ искусствомъ Она также, во первыхъ, основана на наукѣ, на частномъ знаніи частныхъ явленій, и, во вторыхъ, сама — не наука, не частное обобщеніе явленій Но она и не воспроизведеніе этихъ явленій, или искусство. Она скорѣе прямая противоположность, антиподъ искусства. Это, вѣроятно, всего болѣе и содѣйствовало смѣшенію ихъ между собою Знаніе реальнаго, какъ бы гадательно и неполно оно ни было, знаніе, возможное только въ формѣ обобщенія реальнаго,—вотъ общій центръ, въ которомъ сходятся или, вѣрнѣе, изъ котораго расходятся эти двѣ столь близкія и вмѣстѣ съ тѣмъ столь различныя функціи человѣческаго духа: *эстетическая*, соединяющая разрозненныя обобщенія реальнаго *конкретною* связью, которая и называется его идеальнымъ (а не абстрактнымъ) воспроизведеніемъ, — и философская, связывающая между собою частныя обобщенія реальнаго связью не менѣе крѣпкою, но имѣющею уже прямо противоположный, именно, въ высшей степени *абстрактный* характеръ. Можно еще сказать, что связь или единство, которое *достигается* искусствомъ (а не къ которому оно стремится: отсюда тенденціозное искусство, какъ тонко замѣтилъ Тургеневъ),— всегда *идеально - конкретное*, а связь

или единство, къ которому *стремится* (и котораго никогда не достигаетъ) философія, — всегда *идеально-абстрактное*. Но допуская подобную терминологію, надо твердо помнить, что идеально-абстрактное никогда не можетъ быть равно и тождественно ни идеальному вообще, ни идеально-конкретному въ частности

На отношенія философіи къ искусству можно взглянуть еще съ другой точки зрѣнія. Что̀ бы ни говорили объ искусствѣ, и какимъ бы новымъ экспериментамъ его ни подвергали, единственнымъ вѣчнымъ содержаніемъ его всегда останется—красивое или *прекрасное*, т. е. необходимое реальное (необходимое даже въ силу простой механической неизбѣжности, какъ доказываетъ профессоръ T. Vignoli: «I tre fattori naturali dell'estetica», въ Rendiconti dell'Istituto lombardo, Ser. II, vol XIV, fascic. 12, 13, 14, Milano, 1881). Прекрасное, т. е наиболѣе реальное, realissimum, то, что̀ хорошо, нормально, здорово, умно и цѣлесообразно само по себѣ или, по крайней мѣрѣ, что̀ лучше, здоровѣе, умнѣе и цѣлесообразнѣе остального окружающаго и что́, поэтому, въ борьбѣ за существованіе, путемъ естественнаго подбора, всегда остается, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ, всегда превозмогаетъ некрасивое, т. е. болѣе слабое, хилое и менѣе цѣлесообразное. Искусенъ не только художникъ, но искусно, т. е. испытано и выдержало испытаніе, и то, что онъ воспроизводитъ, находя этого побѣдителя и избранника уже таковымъ въ самой природѣ. Вотъ та глубокая причина, почему прекрасное есть всегда и въ высшей степени реальное, есть, въ сущности, *пререальное*, и почему искусство не терпитъ ни малѣйшей неправды, или даже тѣни фальши. Но можетъ ли то же „прекрасное“ быть послѣднею цѣлью усилій и философа? Можетъ ли „красота“ занять всю ширь его умственнаго кругозора, захватить все пространство его духовнаго зрѣнія? Можетъ ли и онъ лишь прославлять то, что̀ испокòнъ вѣку славитъ и чему искони даетъ перевѣсъ и преобладаніе вся природа?—Его задача шире, труднѣе и въ тысячу разъ неблагодарнѣе. Потому-то метафизика въ концѣ концовъ и сдѣлалась притчей во языцѣхъ, что она всегда гонялась за ens realissimum, за тѣнью того куска. который, выражаясь тривіально, уже давно былъ въ зубахъ у искусства. Не наиреальнѣйшее составляетъ объектъ философіи, т. е. не избранное между многимъ и запечатлѣнное естественными дарами и преимуществами, а вся совокуп-

ность явленій и та внутренняя, невидимая связь ихъ, которая соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое сильное и слабое, дурное и хорошее, цѣлесообразное и просто необходимое, прекрасное и уродливое. Но преслѣдуя иную задачу, чѣмъ искусство, философія столь же мало, какъ и послѣднее, терпитъ неправду, и такъ же мало можетъ мириться съ ложью и неискренностью. Тутъ искусство и философское мышленіе опять сходятся въ чертѣ или признакѣ, который въ равной съ ними степени принадлежитъ и наукѣ — ихъ общему и незыблемому фундаменту.

По вопросу собственно о научной основѣ эстетики, кромѣ цитированнаго выше сочиненія Виньоли, можно еще указать на интересную работу Giacomo Cattaneo. Le forme fondamentali degli organismi (въ первыхъ трехъ нумерахъ Riv. di phil. scient. 1883 г.). Наконецъ, нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній относительно задачъ и цѣлей, преслѣдуемыхъ искусствомъ, можно встрѣтить и въ цитир. нами этюдѣ Кавелина. Въ особенности хорошо разработанъ здѣсь вопросъ о художественномъ ощущеніи, какъ той послѣдней цѣли, которой служитъ спеціальный видъ объективной дѣятельности, называемый художественнымъ творчествомъ. См. „Задачи этики“, стр. 95—99.

97 (стр. 462). См., напримѣръ, Souriau. «Les sensations et les perceptions» (въ Revue philosophique, 1883, № 7). Ср. также Wundt: «Physiologische Psychologie»; Stricker «Studien über die Bewegungsvorstellungen», 1882, и «Physiologie des Rechts», 1884; W. James: «The feeling of effort», 1880 и наконецъ два труда русскихъ ученыхъ: Н. Грота — Психологія чувствованій, Спбр., 1880, и М. Троицкаго—Наука о духѣ, два тома, Москва 1882.

97 bis (стр. 466). Заблужденіе заблужденію рознь,—и между заблужденіями есть такія, которыя, въ дѣйствительности, суть только дробныя или неполныя истины. И вотъ именно къ нимъ вполнѣ приложимо то, что говоритъ о филіаціи идей Edmond Perrier въ своей книгѣ: „Philosophie zoologique avant Darwin“ (Bibl. Scient. Intern.). Выписываемъ здѣсь это мѣсто „Только что появившіяся на свѣтъ идеи какъ будто теряются между болѣе старыми идеями, подъ сѣнью которыхъ ростутъ и съ которыми ежеминутно смѣшиваются; мало-по-малу, однако, новыя идеи дифференцируются, отдѣляются отъ старыхъ, до-

стигаютъ извѣстной степени силы и власти, преобразуются и, наконецъ, умираютъ, порождая другія идеи, которымъ предстоитъ одинаковая участь. Но въ одномъ и томъ же семействѣ идей есть такія, которыя угасаютъ, не сыгравъ никакой роли, не оказавши никакого вліянья, не вызвавъ никакого движенія,—и такія, которыя, почти ничѣмъ не отличаясь въ началѣ отъ первыхъ, становятся потомъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, великими руководительницами умственнаго движенія человѣчества. И тогда каждому начинаетъ казаться, что онъ уже встрѣчалъ эти идеи прежде, что онъ видѣлъ ихъ еще маленькими, и каждый охотно объявилъ бы себя ихъ отцомъ. Вотъ почему такъ трудно написать исторію идей, которая бы всѣхъ удовлетворила и всѣмъ показалась бы вполнѣ безпристрастною; и вотъ почему каждый, кто внесъ или даже только воображаетъ, что внесъ новую идею въ сокровищницу человѣчества, тотчасъ же встрѣчается горячими протестами толпы болѣе или менѣе мнимыхъ предшественниковъ, которымъ, для упроченія царства ихъ собственныхъ идей, недоставало лишь бездѣлицы—умѣнья вдохнуть въ нихъ жизнь".

Сторонники теоріи, выводящей истину изъ заблужденія, ошибаются именно потому, что не различаютъ между дробною истиною и заблужденіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Знаніе одной стороны предмета, въ не строго выдержанной или некритической терминологіи, легко противопоставить знанію двухъ, многихъ или всѣхъ его сторонъ, но если послѣднее знаніе признается истиною—а это всегда такъ и бываетъ,—то первое не трудно смѣшать съ явнымъ заблужденіемъ. На самомъ же дѣлѣ, ошибочно вовсе не оно: а невѣрны и не соотвѣтствуютъ реальнымъ отношеніямъ вещей неправильные выводы, поспѣшныя обобщенія, произвольныя гипотезы, всѣ промахи нашей логики, которые, будучи современны первымъ и неполнымъ истинамъ, мыслятся нами не иначе, какъ въ тѣсной и неразрывной связи съ ними, какъ образующими вмѣстѣ одно органическое дѣлое. Ассоціація идей и тутъ, такимъ образомъ, является въ своей обычной роли — вовсе просмотрѣнной изъ за безспорныхъ достоинствъ — постояннаго и весьма важнаго источника умственныхъ иллюзій.

98 (стр. 473). Относительно фактической стороны этого вопроса см. William Whewell (History of the inducti-

ve sciences, три тома); de Alphonse Candolle (Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles, 2 éd, 1885, Genève), Hartpole Lecky (Geschichte der Aufklarung in Europa); John William Draper (History of the intellectual development of Europe, въ особенности томъ второй); Ch. Daremberg (La Médecine, histoire et doctrines, 1865 и Histoire des sciences médicales, Paris, 1870); Prantl (Geschichte der Logik im Abendlande); Humboldt (Cosmos, въ особ. т. II, стр. 256 и др.), Liebig (Chemische Briefe, въ особен. 3 и 4 письмо)

99 (стр. 473). Этому взгляду на генезисъ наукъ и научной философіи мы придаемъ тѣмъ болѣе значенія, что противоположное мнѣніе успѣло уже прочно укорениться, преимущественно вслѣдствіе смѣшенія понятій, которое въ данномъ случаѣ проявляется въ недостаточно строгомъ различеніи науки отъ ея матеріаловъ. Собираемые мало-по-малу факты, отрывочныя наблюденія, опыты, и первыя попытки объяснить ихъ,—все это не наука, а только сырой матеріалъ для будущей науки. Но именно этотъ матеріалъ намъ обыкновенно и выдаютъ за науку въ эмбріоническомъ состояніи, науку перваго періода и т. п. Избѣгнуть этой иллюзіи исторической точки зрѣнія довольно трудно; но отъ нея необходимо отдѣлаться, необходимо разъ навсегда убѣдиться, что смѣсь плохо изслѣдованныхъ фактовъ съ ложными теоріями не есть наука ни въ какомъ смыслѣ, и что между этимъ состояніемъ знанія и истинною наукою существуетъ только внѣшняя, историческая, а не внутренняя, генетическая связь.

100 (стр. 473). Обоснованіе философіи наукъ составляетъ задачу, которая только теперь стала утрачивать неразрѣшимый характеръ, такъ долго отличавшій ее въ прошедшемъ На полное достиженіе этой конечной цѣли научнаго развитія, однако, нельзя разсчитывать ни въ настоящемъ, ни даже въ ближайшемъ будущемъ. *Точная философія*, подобно источнику ея, *точной наукѣ*, можетъ быть лишь результатомъ непрерывныхъ усилій длиннаго ряда поколѣній. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что спеціальныя науки всегда признавали эту постепенность въ развитіи; онѣ подвигались впередъ шагъ за шагомъ и съ большою осторожностью. Когда высшія отрасли знанія находились въ младенчествѣ, между ними и науками вполнѣ „установившимися“ проводилась настолько стро-

гая демаркаціонная линія, что первыя даже вовсе не считались науками. Иное видимъ мы въ области философіи, у которой, очевидно, не было критерія для распознанія точнаго міропониманія отъ фантастическаго. Съ другой стороны, однако, нельзя не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Въ нашей борьбѣ школъ, въ вѣчномъ столкновеніи противоположныхъ точекъ зрѣнія, мы нерѣдко бываемъ несправедливы не только къ настоящему, но и къ прошедшему— вѣрнѣйшій признакъ нашей собственной неправоты или односторонности. Мы, напримѣръ, охотно представляемъ себѣ метафизику въ видѣ одного corpus scientiae, или области, вполнѣ сходной съ областью той или другой частной науки; а такъ какъ въ послѣднихъ нѣтъ одновременно мѣста для двухъ противорѣчивыхъ объясненій, и здѣсь одна точка зрѣнія должна необходимо восторжествовать надъ остальными, то мы то же требованіе предъявляемъ и къ философіи прошедшаго. Но мы при этомъ забываемъ, что каждое главное направленіе метафизики обнимаетъ исключительно одну группу наукъ, а потому и на послѣдователей различныхъ системъ прежней философіи надо, по всей справедливости, смотрѣть какъ на адептовъ различныхъ и самостоятельныхъ отраслей знанія.

100 bis (стр. 473). Ср. K. Kroman Ueber Wesen und Bedeutung der Philosophie, въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1885, I Heft, стр. 12, 13, 17 и 21.

101 (стр. 474). Не лишнее будетъ замѣтить, что отъ этой иллюзіи исторической точки зрѣнія, отъ этого чрезмѣрнаго увлеченія индуктивнымъ методомъ всего менѣе гарантированы, можетъ статься, именно тѣ изслѣдователи, которые лучше другихъ сознаютъ высокое научное значеніе, въ каждой области умственной дѣятельности, постояннаго возвращенія къ прошедшему и тщательнаго изученія заключающихся въ немъ указаній на будущее.

102 (стр. 475). Такое значеніе имѣетъ, напримѣръ, рѣшительный отказъ многихъ критиковъ позитивизма признавать въ этой доктринѣ настоящую философію. Вообще говоря, однако, дилемма поставлена совершенно правильно. или строго научное міровоззрѣніе есть философія,—и тогда все, что слыло и еще слыветъ подъ этимъ названіемъ, *не есть* философія, или

же, наоборотъ, систематическое пониманіе міра возможно только въ общихъ формахъ, завѣщанныхъ намъ прошедшимъ,— и тогда никакая систематизація знанія никогда не замѣнитъ намъ того, что мы утрачиваемъ, переставая признавать цѣлесообразность непровѣряемыхъ гипотезъ въ области общаго объясненія природы.

103 (стр. 477). Составляютъ ли *специальныя науки источникъ философіи*, или, наоборотъ, философія есть *общій производитель и родникъ*, дающій жизнь и начало спеціальнымъ наукамъ, — вопросъ этотъ, огромное принципіальное значеніе котораго трудно отвергнуть, рѣшается почти всѣми, занимавшимися имъ современными философами, именно въ послѣднемъ смыслѣ Но самымъ талантливымъ представителемъ оспариваемаго нами взгляда явился недавно извѣстный итальянскій философъ Roberto Ardigò. См. его статью. «Il compito della filosofia et la sua perennità» въ № 1, за 1884 г., итал. журнала Rivista di philosophia scientifica, а также второй томъ его Opere filosofiche (Padova, 1884). Ардиго прямо говоритъ: «La filosofia è il concepimento del problema scientifico La scienza speciale ne è la soluzione. Per ciò le scienze speciali sono state precedute dalla filosofia, e le succedettero. Ma succedendo le scienze speciali alla filosofia, essa ricomparve sempre ancora, perchè l'avvenimento delle scienze special¹ produsse il concepimento di problemi nuovi. E così sarà in seguito senza fine. La scienza speciale è il distinto mentale preceduto costantemente da un indistinto, che è l'oggetto della filosofia, ed ha quindi con essa una relazione come di posteriore ed anteriore» (стр. 6). Въ другомъ мѣстѣ Ардиго называетъ философію «la nebulosa primordiale delle nozioni problematiche», изъ которой мало по малу и выдѣляется «un corpo di cognizioni accertate» или «una scienza positiva». Однимъ словомъ, философія, по его мнѣнію «è la matrice eterna della scienza, come la natura in genere lo è delle sue forme. L'indistinto della natura è un infinito, dal quale scaturisce la serie infinita dei distinti. La filosofia del pari, o l'indistinto del pensiere umano, è un infinito dal quale scaturisce la serie senza termine delle dottrine scientifiche determinate» (стр. 8).

Совершенно одинаковаго взгляда держится и бельгійскій философъ Delboeuf. См. его статью въ Revue philos 1884, № 9: «La matière brute et la matière vivante». До какой степени доходитъ это преувеличеніе роли философіи, это приписываніе ей значенія живого источника научныхъ задачъ и вопросовъ,

можно видѣть изъ восклицанія Delboeuf'a «La mission de la philosophie n'est-elle pas d'élaborer les questions jusqu'au point ou elles puissent être remises aux mains des sciences positives?» (Op cit,, стр. 242). Делбефъ, очевидно, считаетъ эту миссію философіи аксіомой, не требующей доказательствъ. Намъ же кажется, что происхожденіе философіи изъ спеціальныхъ наукъ отвергается единственно въ силу обычнаго заблужденія—предполагать несуществующимъ то, чего мы не видимъ. Что философія (но какая, въ этомъ весь вопросъ) предшествовала существующимъ нынѣ наукамъ, это—фактъ, бросающійся въ глаза; а что философія должна еще выработаться изъ нынѣшнихъ наукъ,—этого, конечно, нельзя констатировать de visu.

104 (стр. 477). Въ настоящую минуту почти нельзя встрѣтить философской системы, которая не выдвигала бы впередъ, въ видѣ главной и капитальной цѣли своихъ усилій—задачи окончательнаго примиренія науки съ философіею. Нельзя раскрыть философскаго сочиненія, написаннаго въ послѣднія двадцать—тридцать лѣтъ, не найдя въ немъ обильныхъ и болѣе или менѣе блестящихъ варіацій на тему о безотложной необходимости „размежевать науку отъ философіи и такимъ образомъ водворить согласіе между этими двумя враждующими сестрами, антагонизмъ которыхъ, медленно выросшій на почвѣ прошедшаго, когда онъ почти не сознавался, вноситъ теперь въ умы большую смуту". „Ни школа Платона и Аристотеля—утверждаютъ приверженцы такого взгляда,—ни послѣдователи Декарта не знали этой вражды и этой серьёзной умственной опасности. Въ древности, и даже у картезіанцевъ, философія видѣла въ наукѣ скорѣе послушную данницу, чѣмъ равноправную союзницу. Но наступило время, когда наука почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы стряхнуть такую опеку. Путемъ естественной реакціи, смиренная зависимость перваго періода смѣнилась нетерпѣливой оппозиціей, а прежняя покорность—современными притязаніями. Выйдя побѣдительницей изъ борьбы за свое освобожденіе, наука, гордая своими успѣхами, ринулась въ новыя битвы, но на этотъ разъ уже за власть и преобладаніе. Тогда оказалось нужнымъ призвать науку къ большей умѣренности и, вмѣсто роли побѣдительницы философіи, предложить ей впредь болѣе скромную роль простой союзницы послѣдней". (D. Nolen. Introduction à l'histoire du matérialisme par F. A. Lange, Vaihinger: Hartmann, Duhring und Lange, стр. 4, 17, 21). Въ

этомъ стереотипномъ оттолоскѣ ходячихъ мнѣній по вопросу о необходимости установленія между наукою и философіей какого нибудь прочнаго modus vivendi одинаково знаменательно и отношеніе къ философіи науки, которая никакого соглашенія съ философіей не искала и не ищетъ, и отношеніе къ наукѣ философіи. Послѣдняя сначала мирно уживается съ первою, а потомъ, вступивъ съ нею въ борьбу, испытываетъ цѣлый рядъ тяжелыхъ пораженій. Конечно, нельзя отрицать того, что этотъ историческій романъ съ разрывомъ по несовмѣстимости стремленій и цѣлей, слѣдующимъ за чрезвычайно проблематическимъ союзомъ, въ которомъ каждая сторона только и думала о томъ, чтобы подчинить себѣ другую, находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ главныхъ внѣшнихъ событіяхъ и во многихъ подробностяхъ фактической эволюціи наукъ и философскихъ системъ. Иначе это поверхностное объясненіе отношеній философіи и науки не могло бы все снова повторяться и пользоваться такой популярностью въ самыя различныя эпохи. Но то же объясненіе уже гораздо менѣе согласимо со внутреннимъ смысломъ и истиннымъ ходомъ научнаго и философскаго развитія. Въ этомъ мы могли не разъ убѣдиться въ продолженіе настоящаго изслѣдованія, которое, какъ намъ кажется, вполнѣ доказало, что вопросъ, занимающій умы большинства философовъ уже начиная съ половины прошлаго столѣтія—мы говоримъ о *примиреніи науки и философіи*, —либо вовсе не составляетъ вопроса, либо является задачей, явно неразрѣшимою. Дѣйствительно, примирять съ наукою приходится или научную философію, или прежнюю метафизику; но такая задача, очевидно, сводится къ тому, чтобы с о г л а с о в а т ь, въ первомъ случаѣ, посылки съ выводомъ, постулатъ съ н е о б х о д и м о в ы т е к а ю щ и м ъ изъ него заключеніемъ; во второмъ же философію незнанія—съ результатами положительнаго знанія!

Не въ склонности современныхъ мыслителей ставить такія задачи видимъ мы, впрочемъ, главную причину безплодности всѣхъ попытокъ прочно обосновать научную философію. Причина эта лежитъ глубже, и мы не разъ указывали на нее, говоря о нынѣшнемъ состояніи цѣлой группы отвлеченныхъ наукъ. Но въ упомянутыхъ стремленіяхъ мы видимъ вѣрное и неизбѣжное отраженіе этой основной и естественной причины въ фактѣ, имѣющемъ такое же преходящее и чисто историко-литературное значеніе, какое, въ совершенно другой области,

имѣли въ свое время или имѣютъ и теперь извѣстныя формулы классицизма, романтизма, реализма, натурализма и т. п. Раскрыть внутренній смыслъ этихъ стремленій чрезвычайно важно. Этимъ путемъ не создастся, конечно, новая философія, но образуется ядро людей, которые, стоя въ сторонѣ отъ движенія, будутъ ясно понимать откуда оно идетъ и къ чему должно привести; а это, въ свою очередь, значительно облегчитъ переходъ отъ заблужденія къ истинѣ· первая группа еретическихъ мыслителей будетъ возростать до тѣхъ поръ, пока мнѣнія ея не сдѣлаются убѣжденіемъ большинства руководящихъ умовъ.

105 (стр. 482). Правда, адепты позитивизма держатся иного взгляда на значеніе своей доктрины. Большинство ихъ убѣждено въ томъ, что положительная философія и философія наукъ—понятія вполнѣ равнозначащія. Развитіе умственной культуры, по ихъ мнѣнію, должно, рано или поздно, привести къ полному торжеству именно этой формы философіи. Взглядъ этотъ, конечно, ошибоченъ. Но заблужденіе позитивистовъ не можетъ имѣть особенно вредныхъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока они сами не будутъ слишкомъ грубо погрѣшать противъ провозглашеннаго ими начала воздержанія въ области философскаго творчества.

106 (стр. 486). Если изгнать гипотезу изъ философіи, у послѣдней останется, повидимому, одинъ методъ: чистая или формальная дедукція. Но допуская еще существованіе особой практической или прикладной философіи, мы, конечно, могли бы съ пользою примѣнять къ ея изслѣдованіямъ и индуктивный силлогизмъ, или временную дедукцію Милля.

По поводу чистой дедукціи, какъ метода теоретической философіи, напомнимъ здѣсь о слѣдующемъ, сдѣланномъ еще Гоббсомъ, опредѣленіи разсужденія вообще. „Разсужденіе, говоритъ Гоббсъ, есть не что̀ иное, какъ собраніе и соединеніе названій вещей при помощи глагола быть. Отсюда слѣдуетъ, что чисто разсудочнымъ путемъ мы не можемъ ровно ничего открыть касательно природы вещей: мы видимъ только, хорошо или дурно, согласно или несогласно съ нами же самими установленными условіями, мы сочетали названія вещей...“ Но научное пониманіе міра есть именно общее сочетаніе разрозненныхъ познаній нашихъ, или общая повѣрка правильно-

сти той формальной связи, которою мы ихъ соединяемъ, побуждаемые къ тому присущимъ намъ стремленіемъ къ логическому единству.

107 (стр. 486). Считаемъ вполнѣ умѣстнымъ, въ философскомъ трудѣ, сослаться на наблюденія такого чуткаго къ жизненной и психической правдѣ художника, какимъ выказалъ себя Золя въ послѣднемъ и, по нашему мнѣнію, самомъ глубокомъ своемъ произведеніи: „L'Oeuvre". Въ этой психологической драмѣ, полной животрепещущаго интереса, удивительно тонко и реально изображены всѣ перипетіи вѣчной борьбы между приближеніемъ, l'à peu près, и достиженіемъ, или идеаломъ. Законы всякаго творчества, художественнаго, научнаго и философскаго, всегда и вездѣ одинаковы, и конечно, эти законы легче вывести изъ наблюденій и „человѣческихъ документовъ" Золя, чѣмъ изъ нѣкоторыхъ теоретическихъ изслѣдованій, въ которыхъ эрудиція, книжное знаніе, заглушаетъ живой пульсъ реальной дѣйствительности. Мы не говоримъ, разумѣется, о тѣхъ случаяхъ, когда съ эрудиціей соединяется большой талантъ или даже геній; тогда книжное знаніе только помогаетъ отысканію живой истины. Это всего лучше видно изъ сравненія книги Золя съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ психологическихъ этюдовъ нашего вѣка. Parerga и Paralipomena Шопенгауера. Близкое духовное родство этихъ двухъ произведеній безспорнаго таланта не можетъ не кидаться въ глаза. Многое изъ того, что пережилъ, выстрадалъ и выразилъ въ рядѣ необыкновенно ясныхъ формулъ великій нѣмецкій мыслитель, сорокъ лѣтъ спустя пережилъ, выстрадалъ и выразилъ въ поразительно живыхъ образахъ великій французскій художникъ. (Ср., въ особенности, взгляды обоихъ писателей на славу, на умственный трудъ, на наслажденія и страданія, неразлучныя съ процессомъ творчества, на честолюбіе въ молодости и старости и т. п.).

108 (стр. 503). Согласно плану, изложенному въ предисловіи, болѣе обстоятельное разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся *философіи наукъ*, ея метода и ея возможнаго или необходимаго *содержанія*, должно составить предметъ особаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ дополнить уже сказанное нами здѣсь по этому предмету еще нѣсколькими краткими указаніями, которыя мы и заимствуемъ изъ матеріа-

ловъ и замѣтокъ, приготовленныхъ для упомянутаго выше спеціальнаго изслѣдованія.

1) *Почему въ настоящее время еще нѣтъ философіи наукъ?* Мы уже не разъ говорили, что главная причина, мѣшающая возникновенію научной философіи, заключается въ недостаточной зрѣлости многихъ наукъ (въ особенности соціологіи и конкретной психологіи) и въ совершенномъ почти отсутствіи спеціальныхъ философій не только этихъ наиболѣе сложныхъ отраслей знанія, но и всѣхъ другихъ, начиная съ біологіи и кончая физикой и математикой. Такія спеціальныя философіи, съ одной стороны, еще не выдѣлились изъ состава соотвѣтствующихъ отвлеченныхъ наукъ, съ другой — еще постоянно смѣшиваются съ общею философіей, въ которую, такимъ образомъ, и вносится множество *непровѣренныхъ* гипотезъ. Въ какой степени это справедливо, видно на любомъ вопросѣ, имѣющемъ какое-либо значеніе для философіи. Укажемъ, напримѣръ, на вопросъ объ относительности нашего знанія, этомъ основномъ догматѣ трехъ главныхъ теченій современной философіи — позитивизма, критицизма и эволюціонизма (законныхъ наслѣдниковъ матеріализма, идеализма и сенсуализма). Въ нынѣшнемъ состояніи психологіи и теоріи познаванія даже этотъ вопросъ не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ, а, слѣдовательно, не можетъ служить точкою исхода для сколько-нибудь безошибочныхъ выводовъ и обобщеній въ области философіи наукъ. См. по этому поводу Journal of speculative philosophy за 1883 г., статью Dewey (Knowledge and relativity of sensation), а также неудачную попытку Tarde'a (Revue phil., 1884, № 4. Qu'est—ce qu'une societé)? объединить въ одной формулѣ верховные законы трехъ категорій свойствъ природы—движенія, жизни, общественности. Что научная философія должна основываться исключительно на спеціальныхъ философіяхъ отвлеченныхъ наукъ, видно уже изъ капитальнаго возраженія противъ всякой иной философіи: мы не можетъ занять положеніе *внѣ міра*, чтобы судить о мірѣ, какъ о *цѣломъ*. Возраженіе это имѣетъ силу для всѣхъ попытокъ прійти къ опредѣленному пониманію природы не путемъ терпѣливаго сложенія или суммированія частностей, а способомъ, такъ сказать, обозрѣнія цѣлаго à vol d'oiseau. Послѣдній методъ всегда ведетъ къ произвольному, фантастическому утвержденію (догматическія системы) или къ такому же отрицанію (скептицизмъ и теорія непознаваемаго). Ни

въ наукѣ, ни въ философіи мы не можемъ разрѣшить ни одного вопроса иначе, какъ по частямъ, т. е аналитически.

2) *Значеніе соціологической точки зрѣнія.* Итакъ, въ философіи наукъ слѣдуетъ различать двѣ части, общую и особенную. Изъ нихъ послѣдняя, состоя изъ спеціальныхъ философій отвлеченныхъ наукъ, предшествуетъ первой и образуетъ ея естественный фундаментъ; но именно въ этой части выдающееся мѣсто принадлежитъ философіи самой сложной отвлеченной науки—соціологіи. Причины, обусловливающія относительное господство соціологической точки зрѣнія, были указаны нами въ своемъ мѣстѣ (см. напр. ч I, гл. I, §§ 2 и 3, гл. III, §§ 9 — 11, гл. VI, § 10 и гл. VIII, §§ 13 — 15) Для современной философіи, впрочемъ, большое значеніе имѣетъ уже одно то обстоятельство, что соціологія составляетъ до сихъ поръ наименѣе развитую отрасль нашихъ знаній. Въ какой степени это справедливо, видно на примѣрѣ логической ошибки, въ которую сплошь и рядомъ впадаютъ новѣйшіе послѣдователи Канта, или неокантіанцы и неокритицисты, защищая свой странный идеалъ философіи, какъ міропониманія, нереальный или фиктивный характеръ котораго съ лихвою выкупается эстетическими и этическими достоинствами. Воззрѣніе это заключаетъ въ себѣ явное логическое противорѣчіе. И эстетика, и этика, какъ прикладныя отрасли знанія, всецѣло основаны на теоретическихъ истинахъ; а потому одновременно и фиктивная, и эстетично-этическая философія есть міропониманіе, которое въ одно и то же время и ложно, и истинно. Но противорѣчіе это именно тѣмъ и объясняется, что вся школа Канта игнорируетъ соціологію, какъ отвлеченную науку. Не выработай Контъ своихъ извѣстныхъ взглядовъ на соціологію, онъ, вѣроятно, не избѣгъ бы многихъ ошибокъ Канта, а его школа, легко можетъ статься, пришла бы и къ воззрѣніямъ Ланге на задачи и характеръ философіи. Становясь на соціологическую точку зрѣнія, не трудно понять, почему „идеализація дѣйствительности“ играетъ такую важную роль въ теоріяхъ современныхъ нѣмецкихъ философовъ, съ устъ которыхъ рѣшительно не сходятъ слова „идеалы“ и „идеальный“. Дѣло въ томъ, что понятія, выражаемыя этими терминами, всецѣло принадлежатъ двумъ соціологическимъ спеціальностямъ прикладнаго характера—этикѣ (идеалы поведенія) и эстетикѣ (идеалы дѣйствительности въ тѣсномъ смыслѣ слова). Но именно эти спеціальности упомянутые мыслители

постоянно и включаютъ въ философію, какъ нѣчто, не входящее ни въ одну изъ признанныхъ наукъ (по старому рецепту метафизики).

Значеніе соціологической точки зрѣнія и даже необходимость, для современнаго философа, быть прежде всего *соціологомъ*, рѣзко выступаютъ еще на слѣдующемъ примѣрѣ. Шиллеровскую, какъ кто-то мѣтко назвалъ міропониманіе Ланге, философію „этическихъ и эстетическихъ идеаловъ“ ученики и поклонники нѣмецкаго мыслителя выдаютъ за великое открытіе, и самъ Ланге торжественно противополагаетъ свое ученіе, какъ „Kernwahrheit“ нашей эпохи, мнѣнію Конта о необходимости устранить (abschaffen) метафизическую спекуляцію или, другими словами, философію незнанія. Нужно не устранить метафизику, говоритъ Ланге, а указать ей надлежащее мѣсто. И это мѣсто онъ дѣйствительно указываетъ ей—въ сознаніи, въ совѣсти каждаго изъ насъ; философія, какъ онъ ее понимаетъ, превращается у него въ „Privatweltanschauung“, въ міропониманіе индивидуума. Но тутъ именно и кроется крупное недоразумѣніе. Открытіе Ланге было уже сдѣлано до него, — и сдѣлано никѣмъ инымъ, какъ Контомъ. Если Контъ и предлагаетъ устранить метафизику, то только какъ нѣчто общее, обязательное, какъ *общую науку*, и онъ же именно и указываетъ ей, а также и „супранатурализму“, послѣднее. но за то уже вполнѣ законное и неоспоримое убѣжище—индивидуальную совѣсть. Вся разница между Ланге и Контомъ заключается въ томъ, что послѣдній, какъ *соціологъ*, хорошо понималъ, что было время, когда и супранатурализмъ, и метафизика имѣли полное и законное право на общее и обязательное признаніе, и что только успѣхи положительныхъ наукъ (т. е. опять-таки группа соціологическихъ причинъ) лишили ихъ этого значенія. Ланге же и всѣ критицисты, всѣ ученики Канта, не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ соціологическомъ характерѣ и послѣдствіяхъ этого процесса. Сверхъ того, на прежнее, т. е. общее въ соціологическомъ смыслѣ, мѣсто метафизики Ог. Контъ и его школа, какъ извѣстно, ставятъ науку и основанную на ней философію. Школа же Ланге признаетъ общеобязательное значеніе только за спеціальною наукою. Но и тутъ Ланге непослѣдователенъ и противорѣчитъ самому себѣ. Его „приватное“ міропониманіе приватно только въ своихъ подробностяхъ, мелочахъ; въ главномъ же и существенномъ оно такъ же обяза-

тельно для всѣхъ, какъ и прежняя метафизика. Оно каждому изъ насъ ставитъ въ *непремѣнную обязанность* пополнять „громадные пробѣлы знанія идеалами, принципами". Но не болѣе того требовала отъ насъ и метафизика. Однимъ словомъ, реформа философіи, произведенная *психологомъ* Ланге, является реформою только по имени, между тѣмъ какъ реформа, произведенная *соціологомъ* Контомъ, дѣйствительно измѣняетъ прежнія отношенія вещей, дѣйствительно вноситъ новые элементы въ постановку вопроса о будущей роли и значеніи метафизики.

3) *Возможна ли въ ближайшемъ будущемъ философія наукъ?* Устранимы ли, вообще говоря, препятствія, съ которыми до сихъ поръ безполезно боролась философская мысль, и которыя сдѣлали изъ философіи нѣчто крайне наивное въ своей выдуманной, вымученной, искусственной глубинѣ и крайне безпомощное при всѣхъ своихъ необъятныхъ притязаніяхъ? И нѣтъ ли тутъ рокового закона, которому должна будетъ подчиниться и философія наукъ? Гдѣ ручательство не только въ томъ, что философія достигнетъ цѣли, постоянно ускользавшей отъ усилій прежнихъ мыслителей, но даже и въ томъ, что она окончательно покинетъ путь, на которомъ цѣлые вѣка безплодно блуждали три основныя разновидности метафизики, матеріализмъ, идеализмъ, сенсуализмъ? Конечно, рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только будущее,—и примѣръ старой и новѣйшей метафизики долженъ служить серьезнымъ предостереженіемъ для всѣхъ, кто въ этомъ отношеніи сталъ бы предаваться преувеличеннымъ надеждамъ. Но, съ другой стороны, надобно еще болѣе остерегаться и впаденія въ противоположную крайность, въ совершенное отрицаніе самой возможности дѣйствительно научной философіи. Не слѣдуетъ забывать, что не всѣ препятствія, о которыхъ разбивалась метафизика, имѣютъ характеръ постоянно дѣйствующихъ или неустранимыхъ причинъ. Значительная часть этихъ препятствій всецѣло сводится къ признакамъ, дифференцирующимъ первобытнаго мыслителя и первыя ступени знанія отъ мыслителя позднѣйшей эпохи и отъ ряда уже развившихся и окрѣпшихъ наукъ. Вотъ почему позитивизмъ и остальныя научно-философскія системы стали возможны только въ самое послѣднее время. Объяснить совершившуюся перемѣну не трудно. Дѣло въ томъ, что міръ, который надо понять въ отвлеченіи, символически, въ немно-

ихъ общихъ формулахъ (а вовсе не непремѣнно въ одной), составляетъ, во всѣ эпохи, смѣсь *извѣстнаго* съ *неизвѣстнымъ*. Въ этой смѣси послѣдній элементъ, или неизвѣстное, всегда, по всей вѣроятности, будетъ значительно больше перваго элемента, или извѣстнаго, хотя самое отношеніе между ними останется неопредѣленнымъ. Но ни до этого отношенія, ни до этого преобладанія одного элемента надъ другимъ намъ нѣтъ теперь и не можетъ быть и впредь никакого дѣла. Насъ должно занимать и озабочивать иное отношеніе и иное преобладаніе Рѣчь можетъ итти только объ отношеніи между такимъ *извѣстнымъ*, которое уже сдѣлалось достояніемъ точнаго знанія, предметомъ изученія установившихся наукъ, и такимъ, которое еще не подверглось строго научной разработкѣ. Это послѣднее „извѣстное“ и составляетъ наше, человѣческое, т. е. *относительное неизвѣстное*, точно такъ же, какъ первое составляетъ, въ свою очередь, только наше *относительное* извѣстное. Міръ состоитъ для насъ исключительно изъ того, что мы дѣйствительно *знаемъ* (воспринимаемъ, анализируемъ, сравниваемъ и т п.); въ него не можетъ войти ни одного атома изъ того, чего мы *не знаемъ;* но одни разряды явленій мы уже подчинили наукѣ, и въ этомъ смыслѣ мы уже управляемъ ими—это наше „относительное извѣстное“; другіе же разряды мы еще не подчинили ни наукѣ, ни, слѣдовательно, себѣ, и въ этомъ смыслѣ не они намъ, а мы имъ подвластны—это наше „относительное неизвѣстное“. Но тутъ-то, т. е. съ этой единственно разумной и плодотворной точки зрѣнія, и открывается, что только въ началѣ общественной эволюціи наше относительное неизвѣстное было дѣйствительно больше нашего относительнаго извѣстнаго Первый элементъ „пониманія міра“ становится затѣмъ все меньше и меньше, сравнительно со вторымъ, такъ что въ простой формулѣ: міръ=А (извѣстное)+x (неизвѣстное), послѣдняя величина, x, только въ одной фазѣ эволюціи (супранатурализмъ и метафизика) дѣйствительно больше А, или равна ему; потомъ x становится рѣшительно меньше А. Въ такомъ видѣ и представляется это отношеніе въ настоящее время. Противъ этого, вѣроятно, никто спорить не будетъ, какъ никто не будетъ оспаривать и того, что x, (т. е. по нашему опредѣленію, *разряды* явленій, еще не сдѣлавшіеся предметомъ строго-научнаго изслѣдованія), видимо идетъ на убыль, все болѣе и болѣе приближаясь къ О. Но допустивъ, что это сокращеніе неизвѣстнаго x уже достигло своего крайняго пре-

дѣла, т. е. допустивъ, что и біологія (психическія явленія), и соціологія сдѣлались науками въ полномъ смыслѣ слова, мы получимъ формулу: міръ==A + B, т е. міръ равенъ суммѣ, въ которой всѣ слагаемыя являются уже величинами опредѣленными. Другими словами, мы впервые будемъ имѣть возможность произвести дѣйствительное сложеніе, получить дѣйствительную сумму. Вотъ главное основаніе, говорящее въ пользу возможности философіи наукъ въ настоящее время или въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Ибо сущность философіи трудно объяснить иначе, какъ чрезъ сравненіе міропониманія съ суммою или итогомъ. Если въ этотъ итогъ, вмѣсто, скажемъ, десяти *наличныхъ* слагаемыхъ, пхъ войдетъ только два, онъ, очевидно, будетъ неполнымъ и невѣрнымъ уже для своего времени, для текущей эпохи То же справедливо и по отношенію къ каждой спеціальной наукѣ. Развитіе науки представляетъ собою безконечный рядъ такихъ состояній ея, изъ которыхъ каждое предшествующее, въ сравненіи съ каждымъ послѣдующимъ, есть не что иное, какъ неполная и въ этомъ смыслѣ невѣрная сумма знаній. Все дѣло, повторяемъ, заключается въ *наличности* извѣстныхъ слагаемыхъ, въ наличности современной, дѣйствительной, а не въ наличности будущаго, предполагаемой и только возможной. Наличность будущаго есть такой же призракъ нашего воображенія, и такое же противорѣчіе, какъ непознаваемое, которое въ каждую данную минуту есть лишь неизвѣстное. Эти призраки, однако, парализуютъ нашу дѣятельность уже въ настоящемъ. Они одинаково мѣшаютъ намъ и познать міръ, какъ онъ есть, и подвести итогъ нашимъ наличнымъ знаніямъ о немъ, т. е. понять его. Ср. съ нашей статьей въ журналѣ *Знаніе*, Май, 1875 г.: *„Наука и метафизика“*.

Возможность дѣйствительно научной философіи отвергается еще но той причинѣ, что между объектомъ и субъектомъ существуетъ, будто бы, пропасть, которую никогда не удастся уничтожить, какихъ бы результатовъ ни достигло со временемъ положительное знаніе. Другими словами, философія вѣчно осуждена быть или философіей одного объекта (матеріализмъ и матеріалистическій сенсуализмъ), или философіей одного субъекта (идеализмъ и идеалистическій сенсуализмъ). Изъ этого дуализма и изъ этой дилеммы нельзя выйти, и никакой высшій синтезъ, очевидно, невозможенъ. Къ счастію, однако, аргументація эта ложна въ самомъ основаніи своемъ

Во первыхъ, матеріализмъ не есть философія объекта вообще, какъ обыкновенно думаютъ. Матеріализмъ не можетъ дать адэкватное (т. е. равное своему предмету, вполнѣ его обнимающее или объясняющее) понятіе о всей той части объекта, которая еще мало или вовсе не изслѣдована въ положительной наукѣ (психофизика, соціологія, конкретная психологія). Матеріализмъ поэтому является адэкватною философіей только одной *части объекта*—міра механико-физико-химическаго; это философія неорганической природы, синтезъ трехъ специальныхъ философій: математики, физики и химіи. Но на матеріализмъ все-таки можно смотрѣть, какъ на преждевременную попытку создать философію наукъ, чего ужъ никакъ нельзя сказать объ идеализмѣ, который и теперь, очевидно, нисколько неадэкватенъ съ міромъ субъекта и въ которомъ, поэтому, должно видѣть лишь простую, хотя и весьма полезную реакцію противъ увлеченій матеріализма. Здѣсь нѣтъ надобности объяснять, какимъ образомъ матеріализмъ хоть отчасти приблизился къ истинной цѣли всякой философіи, а идеализмъ не могъ этого сдѣлать. Такимъ объясненіемъ служитъ вся настоящая книга. Для будущей философіи наукъ относительный успѣхъ матеріалистическаго міропониманія чрезвычайно важенъ другою своей стороною: именно тѣмъ, что онъ былъ достигнутъ, несмотря на существованіе между разрядами явленій, объединяемыми матеріализмомъ, *перерывовъ* нисколько не менѣе, если даже не болѣе полныхъ, чѣмъ логическая противоположность объекта и субъекта, въ которой отражается научная несводимость явленій жизни (а слѣдовательно и сознанія) къ явленіямъ неорганическаго порядка. Несводимость химическихъ явленій къ физическимъ, а этихъ послѣднихъ къ явленіямъ движенія (несводимость, далеко еще не исчезнувшая судя по попыткамъ современной науки выразить эти явленія въ *формулахъ* движенія) не помѣшала матеріализму достигнуть идеальнаго объединенія цѣлой половины природы. Но отсюда слѣдуетъ, что и противоположность между объектомъ и субъектомъ не должна быть разсматриваема, какъ совершенно непреодолимое препятствіе. Дальнѣйшее научное развитіе біологіи, психологіи и соціологіи поможетъ философіи, если не окончательно устранить, то по крайней мѣрѣ обойти это препятствіе, и тогда откроется возможность идеальнаго объединенія уже всѣхъ, безъ исключенія, разрядовъ явленій.

Наконецъ, въ пользу нашего тезиса говоритъ еще слѣдую-

щее соображеніе. Послѣ недостатка научнаго матеріала, главною причиной, тормозившею успѣхи философіи, былъ ложный методъ a priori, отъ котораго философія не могла отказаться именно вслѣдствіе существованія громадныхъ пробѣловъ въ различныхъ областяхъ знанія. Но понятно, что отъ обращенія къ научнымъ пріемамъ изслѣдованія и въ особенности отъ спеціализаціи послѣднихъ сообразно истинной функціи философіи, совершенно отличной отъ функціи науки (пониманіе міра, а не объясненіе его),—можно ожидать уже совершенно иныхъ результатовъ.

4) *Объединеніе знанія.* Къ этой цѣли философія можетъ стремиться двумя путями. *А.* Можно думать, что знаніе объединено, когда объединены *условія познаванія.* Этотъ путь избирается предпочтительно тѣми, кто въ субъектѣ видитъ корень, основную причину, ultima ratio всѣхъ явленій, или еще тѣми кто интересуется не столько знаніемъ, сколько его *генезисомъ*, условіями его происхожденія. Послѣдняя точка зрѣнія вполнѣ законна; но она очевидно нисколько не соотвѣтствуетъ требованіямъ задачи. Объединеніе условій познаванія есть понятіе частное, входящее въ концептъ объединенія знанія, какъ одинъ изъ его составныхъ элементовъ. Между тѣмъ, цѣлый разрядъ философовъ воображаетъ, что, объединяя незначительную частицу знанія, имѣя дѣло съ спеціальною философіей одной науки, мы объединяемъ все знаніе, или имѣемъ дѣло съ общею философіей наукъ. Такое смѣшеніе части съ цѣлымъ естественно порождаетъ въ умѣ длинный рядъ софизмовъ. Господствующая нынѣ „словесная“ философія, по собственному сознанію ея приверженцевъ, нуждается прежде всего въ установленіи постулатовъ, „безъ которыхъ мы не можемъ мыслить“ (Spencer, First principles, стр. 181) и которые различаются ею на основоначальные (непознаваемое, субъектъ и объектъ и т. п.) и производные (пространство, время, вещество, сила и т д.). Очевидно, однако, что анализомъ этихъ отвлеченій должна заниматься не общая философія наукъ, а спеціальная философія біологіи, куда, вмѣстѣ съ самимъ явленіемъ мышленія, прямо относятся и всякіе его „постулаты“. *Б.* Можно полагать также, что знаніе объединено, когда сгруппированы въ немногія высшія соотношенія результаты, достигнутые порознь отвлеченными науками и ихъ спеціальными философіями. Какъ извѣстно читателю, именно этого воззрѣнія на задачу философіи мы и

держимся. Но подъ „результатами“ частнаго знанія мы отнюдь не понимаемъ одни, такъ называемые, высшіе концепты ума: объектъ, субъектъ, пространство, время, вещество, сила, бытіе и т. п., или генетическое объясненіе этихъ понятій (какое дано, напр., Спенсеромъ въ III главѣ его First principles). Результатами частнаго знанія мы называемъ: 1) ставшіе извѣстными законы всѣхъ разрядовъ явленій, и 2) ставшіе извѣстными способы или методы, помощью которыхъ эти законы открыты и установлены. Вотъ все, что философія наукъ стремится объединить, т. е. еще болѣе упростить и обобщить. Такая задача выполнима. Мы уже не говоримъ объ общей методологіи наукъ; возможность удовлетворительнаго разрѣшенія этой части задачи философіи очевидна. Но относительно другой половины той же задачи могутъ возникнуть нѣкоторыя сомнѣнія. Не входя ни въ сущность, ни въ подробности вопроса, укажемъ только на постановку, которую, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ придать ему. Мыслить значитъ находить въ явленіяхъ сходства и различія. Но точное знаніе тѣмъ и отличается отъ „чистаго мышленія“, что оно всегда твердо опредѣляетъ и, такъ сказать, разъ навсегда закрѣпляетъ открываемыя въ явленіяхъ сходства и различія. Эта цѣль достигается научными *законами*. Но не иначе должны поступать и спеціальныя философіи наукъ, и ихъ общая философія. Въ устанавливаемыя ими сходства и различія, или вообще въ свое „мышленіе“, онѣ должны стремиться внести всѣ тѣ признаки, все то, чѣмъ научная мысль отличается какъ отъ обыкновеннаго, повседневнаго, такъ и отъ чистаго или апріорнаго мышленія. До сихъ поръ это было невозможно по причинамъ, имѣвшимъ временное, преходящее или собственно историческое значеніе. Въ самомъ существѣ дѣла, однако, такой невозможности не обрѣтается. Въ то время, какъ объектомъ научнаго мышленія или научнаго *сравненія* служатъ *конкретныя явленія* извѣстной категоріи, объектомъ мышленія или сравненія спеціальныхъ философій должны служить *частные законы одной* категоріи, а объектомъ сравненія философіи — *общіе законы различныхъ* категорій явленій. Знакомый съ исторіей наукъ и нынѣшнимъ ихъ состояніемъ легко пойметъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ *матеріаломъ*, который въ количественномъ отношеніи постепенно и правильно уменьшается по мѣрѣ того, какъ отъ частныхъ спекуляцій и сравненій науки мы переходимъ

къ общимъ спекуляціямъ и сравненіямъ философіи. Незначительное число прочно установленныхъ до сихъ поръ въ различныхъ областяхъ знанія общихъ законовъ ставитъ точную философію въ то же положеніе, въ какомъ находилась любая спеціальная наука въ началѣ своей эволюціи Философіи, однако, не приходится вслѣдствіе того слагать руки и терпѣливо ждать дальнѣйшихъ приращеній положительнаго знанія. Все, что она *можетъ* дать въ настоящую минуту, она и *должна* дать. Несмотря на свою отрывочность и неполноту, міропониманіе, которое явится результатомъ ея усилій, будетъ все-таки—принимая во вниманіе успѣхи скептицизма и окончательную утрату вѣры въ реальность прежнихъ фикцій — гораздо болѣе въ состояніи удовлетворить насъ, чѣмъ самая совершенная и раціональная метафизическая система.

Замѣтимъ, мимоходомъ, что и въ философіи наукъ мы, по необходимости, встрѣтимся со многими вопросами и со всей почти терминологіей прежней метафизики и современныхъ научно-философскихъ системъ. Но старымъ вопросамъ и старымъ терминамъ философія наукъ придастъ новую жизнь и значеніе, въ строгомъ соотвѣтствіи съ даннымъ, наличнымъ состояніемъ положительнаго знанія, изъ котораго она, въ свою очередь, будетъ стремиться извлечь самые общіе элементы бытія, все то, что необходимо для построенія общей „схемы міра“.

5) *Философія наукъ имѣетъ дѣло исключительно съ объективною общностью и объективною же необходимостью явленій и ихъ психическихъ символовъ, понятій.* Опредѣленіе философіи, какъ общей науки, правильно лишь въ томъ смыслѣ, что философія вращается въ кругу высшихъ отвлеченій нашего ума, т. е. въ сферѣ самыхъ общихъ и, слѣдовательно, самыхъ необходимыхъ отношеній явленій между собою. Но именно съ „необходимостями“ подобнаго общаго характера постоянно имѣла дѣло и метафизика. Какимъ же образомъ, спрашивается, можетъ философія наукъ, очевидно преслѣдующая одну цѣль съ метафизикою, избѣгнуть участи послѣдней? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ нужно, прежде всего, вникнуть въ сущность главной или основной ошибки метафизики. Заблужденіе метафизики было то самое, въ какое постоянно впадаетъ обыкновенное или повседневное, т. е. ненаучное мышленіе. Давно пора (въ особенности послѣ трудовъ Канта, Гердера и Гербарта съ его школою, а въ но-

вѣйшее время Геринга, Ланге и мн. др.) убѣдиться въ томъ, что такъ-называемое „чистое мышленіе“ философа ничѣмъ, по существу своему, не отличается отъ обыкновеннаго или повседневнаго способа разсуждать и „умозаключать“. См. ч. I, гл. VIII, § 6—9 включ. Какъ бы странно это ни казалось, но пріемы разсужденія, къ которымъ прибѣгаетъ ребенокъ, составляютъ также въ своемъ родѣ „чистое“ мышленіе,—т. е. мышленіе свободное отъ всѣхъ, подчасъ очень тяжелыхъ условій, стѣсненій и ограниченій, совокупность которыхъ образуетъ то, что называется научными методами сочетанія понятій и объясненія явленій. Нельзя не видѣть, однимъ словомъ, что одна и та же причина — незнаніе фактовъ и ихъ истинныхъ отношеній — побуждала прежде философовъ, какъ она побуждаетъ теперь дѣтей и всѣ некультивированные умы, слишкомъ быстро обобщать явленія и даже начинать всегда съ общаго и слѣдовательно отвлеченнаго, а не частнаго и слѣдовательно конкретнаго. (См Herder, Verstand und Erfahrung, Vernunft und Sprache, eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft, II, стр. 396· „Ein Kind generalisirt gern. Wenn es einen Elephanten sieht, so glaubt es alle gesehen zu haben; das Individuum wird ihm Typus des Geschlechts mit allen seinen Partikularitaten. War der Elephant grau, so mussen alle Elephanten grau sein“ и т. д. См. также Goring, System der kritischen Philosophie, I, стр. 252—266). Сперва общее, потомъ частное — вотъ девизъ всѣхъ видовъ „чистаго мышленія“. Но это заблужденіе прямо приводило къ новой иллюзіи: общее есть причина, частное есть послѣдствіе (post hoc, ergo propter hoc). Въ глазахъ метафизики „общее“ стало основою всякаго знанія, чѣмъ-то такимъ, что само себя подтверждало и объясняло. Зная общее, мы уже знаемъ все частное. Но нѣтъ надобности доказывать, что такая общность была не *объективною* (вполнѣ соотвѣтствующею частному и конкретному), а только *субъективною*.

Такое же субъективное значеніе имѣла, такою же, въ сущности, иллюзіей мыслящаго субъекта была и „необходимость“, которую метафизика приписывала объектамъ своего знанія, или своимъ обобщеніямъ. Необходимость (см. Герингъ, op. cit., I, стр. 255) бываетъ двухъ родовъ. Одна чисто психическая: наши органическія или психическія стремленія, все то, что называется волею, направлено въ сторону извѣстной цѣли: такая *цѣль* и есть *необходимое*. Эту необходимость можно назвать *субъективною*; она имѣетъ телеологическій характеръ. Но су-

ществуетъ и другая необходимость; она возникаетъ въ умѣ, какъ атрибутъ тѣхъ или другихъ представленій, всякій разъ, когда наши психическія стремленія сталкиваются съ какими-либо непреоборимыми *препятствіями* послѣднія (т. е. уже не цѣль, а нѣчто совсѣмъ противоположное ей) и составляютъ въ этомъ случаѣ *необходимое*. Такую необходимость, вытекающую изъ свойствъ вещей, а не изъ нашего отношенія къ нимъ, можно назвать *объективною*. Замѣтимъ, мимоходомъ, что обѣ необходимости имѣютъ одинаково условное и *относительное* значеніе; ибо если цѣли, преслѣдуемыя различными индивидуумами (субъективная необходимость) различны по самому существу своему, то и значеніе препятствій, встрѣчаемыхъ нами на пути къ этимъ цѣлямъ (объективная необходимость), различно для разныхъ индивидуумовъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, не трудно понять, что метафизика должна была приписывать всѣмъ своимъ концептамъ и обобщеніямъ не объективную, а именно субъективную необходимость. Будучи продуктомъ незнанія, метафизика не могла избѣгнуть характеристическаго самообмана, свойственнаго незнанію или „чистому мышленію“ и заключающагося въ томъ, что всѣ наши понятія мы себѣ представляемъ не иначе, какъ подчиненными цѣлямъ нашей воли. Но наши понятія—символы дѣйствительныхъ, реальныхъ явленій, которыя такимъ образомъ также получаютъ чисто телеологическую окраску. Что разумно, что служитъ цѣлямъ нашей воли, то и необходимо, и наоборотъ, что необходимо (а слѣдовательно что существуетъ), то и разумно: метафизика не выходила изъ этого двойного ложнаго круга.

Однимъ словомъ, отличительною чертою всякой метафизики было признаніе одной только *субъективной общности* и *субъективной* же *необходимости*.

Но противъ этого-то основного свойства метафизики постоянно и возставалъ всякій философскій *эмпиризмъ*, горячо отстаивавшій права „частнаго“ и „случайнаго“ въ области философіи. Къ сожалѣнію, эмпиризмъ вооружился не только противъ апріорной, но и противъ всякой всеобщности и необходимости. Самыя слова эти стали ему ненавистны, сдѣлались для него настоящимъ кошмаромъ. Очевидно однако, что, поступая такимъ образомъ, эмпиризмъ измѣнялъ собственному знамени: ибо заодно съ апріорною, онъ отвергалъ и апостеріорную всеобщность и необходимость. Онъ впалъ въ странное про-

тиворѣчіе съ самимъ собою; будучи по преимуществу реализмомъ, т. е. увѣренностью въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра, эмпиризмъ систематически игнорировалъ основу, ultima ratio реализма—объективную необходимость или тѣ непреодолимыя препятствія, которыми на каждомъ шагу ограничиваются наши психическія стремленія или волевые импульсы Вотъ почему, можетъ быть, съ эмпиризмомъ такъ легко всегда справлялись, по крайней мѣрѣ въ чисто логическихъ бояхъ, скептицизмъ и идеалистическій . сенсуализмъ. Нѣтъ надобности также настаивать на томъ, что съ объективною необходимостью всегда тѣсно связана, какъ непремѣнное условіе ея, и объективная общность или всеобщность; ибо очевидно, что тѣ или другіе атрибуты и свойства вещей могутъ быть препятствіями, ограничивающими стремленія нашей воли, лишь постольку, поскольку и эти атрибуты, и эти свойства общи или всеобщи (т. е. встрѣчаются въ одномъ, въ нѣсколькихъ или во всѣхъ разрядахъ явленій — различныя степени общности). Это такъ справедливо, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ общности явленій всегда уменьшается, въ нашихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, и ихъ необходимость. Соціальныя явленія, напримѣръ, кажутся намъ менѣе необходимыми (легче измѣняемыми), чѣмъ біологическія, которыя, въ свою очередь, представляются намъ менѣе необходимыми, чѣмъ факты физико - химическіе и т. д. (Весьма возможно, впрочемъ, что тутъ дѣйствуетъ простая иллюзія умственнаго зрѣнія, зависящая какъ отъ видимаго уменьшенія самой площади, если можно такъ выразиться, встрѣчаемаго нами со стороны внѣшнихъ фактовъ отпора, такъ и отъ большей сложности частныхъ явленій: одну необходимость легче побороть другою и т. п.).

Итакъ, настоящій апостеріоризмъ одинаково далекъ какъ отъ эмпиризма, такъ и отъ априоризма или субъективизма. Но это, другими словами, значитъ, что философія наукъ должна замѣнить въ своихъ изслѣдованіяхъ метафизическую или субъективную всеобщность и необходимость (понятій, представленій и явленій) всеобщностью и необходимостью объективными. Такимъ образомъ, мы снова, хотя и другою дорогою, приходимъ къ заключенію, высказанному нами въ § 13 настоящей главы: преслѣдуя ту же цѣль, что и метафизика, философія наукъ старается достигнуть ее существенно различными средствами.

КОНЕЦЪ.